

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ТРУДЫ V (XXI) ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА
в Барнауле – Белокурихе**

Сборник научных статей

Том II

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2017

УДК 902(08)
ББК 63.4я43
Т782

Ответственные редакторы:
академик РАН А.П. Деревянко;
доктор исторических наук, профессор А.А. Тишкин

Редакционная коллегия тома:

Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков, В.В. Горбунов, А.Р. Канторович, В.Ю. Коваль,
В.Д. Кузнецов, В.А. Лапшин, А.Е. Леонтьев, Н.А. Макаров, А.А. Малышев,
А.А. Масленников, С.П. Нестеров, Н.В. Полосьмак, Д.Г. Савинов, Л.В. Седикова,
В.В. Седов, А.Г. Ситдииков, А.И. Соловьев, А.Д. Таиров, А.В. Чернецов, М.П. Чёрная

Т782 **Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе** [Текст] : сборник научных статей : в 3 т. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Т. II. – 328 с.
ISBN 978-5-7904-2229-4

Во втором томе сборника статей изложены результаты докладов, вошедших в программу V (XXI) Всероссийского археологического съезда, который состоялся в Барнауле и Белокурихе в октябре 2017 г. Представлены публикации по следующим разделам, отражающим изучение поздней древности и средневековья: «Культурно-исторические процессы в раннем железном веке», «Античная археология Причерноморья и Северного Кавказа», «Кочевые культуры Алтая и Центральной Азии», «Культурно-исторические процессы в средневековье», «Археологическое изучение городов средневековой Руси и сопредельных территорий», «Археология Золотой Орды и средневекового Причерноморья», «Москва – Сибирь: от царства до империи (XVI–XIX вв.)».

Издание предназначено для археологов и историков, а также для специалистов смежных и естественно-научных дисциплин.

УДК 902(08)
ББК 63.4я43

*Сборник научных статей подготовлен и издан при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-01-14048)*

ISBN 978-5-7904-2229-4

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2017

**Организаторы V (XXI) Всероссийского археологического съезда,
посвященного 180-летию со дня рождения В.В. Радлова
(Барнаул – Белокуриха, 1–8 октября 2017 г.)**

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Оргкомитет V (XXI) Всероссийского археологического съезда

Председатель:

академик РАН *А.П. Дервянко* – научный руководитель
Института археологии и этнографии СО РАН

Сопредседатели:

академик РАН *Н.А. Макаров* – директор Института археологии РАН,
чл.-корр. РАН *Е.Н. Носов* – научный руководитель Института истории материальной культуры РАН,
д.ю.н. *С.В. Землюков* – ректор Алтайского государственного университета

Заместители сопредседателей:

чл.-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* – заместитель директора ИА РАН,
чл.-корр. РАН *М.В. Шуньков* – директор ИАЭТ СО РАН,
д.и.н. *Ю.Ф. Кирюшин* – почетный профессор АлтГУ,
д.и.н. *В.А. Лапшин* – директор ИИМК РАН,
д.и.н. *А.А. Тишкин* – заведующий кафедрой археологии,
этнографии и музеологии АлтГУ

Члены оргкомитета – академик РАН *А.П. Бужилова*, академик РАН *В.И. Молодин*,
академик РАН *В.Л. Янин*, чл.-корр. РАН *Х.А. Амирханов*, чл.-корр. РАН *Л.А. Беляев*,
чл.-корр. РАН *Н.Н. Крадин*, чл.-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*, чл.-корр. РАН *Н.В. Полосьмак*,
чл.-корр. РАН *Вл.В. Седов*, чл.-корр. РАН *Е.Н. Черных*, д.и.н. *А.Н. Алексеев*,
д.и.н. *В.В. Бобров*, д.и.н. *М.С. Гаджиев*, д.и.н. *Е.Г. Дэвет*, д.и.н. *А.В. Епимахов*,
д.и.н. *А.И. Кривошапкин*, д.и.н. *А.Д. Пряхин*, д.и.н. *Д.Г. Савинов*,
к.и.н. *Л.В. Седикова*, д.и.н. *А.Г. Ситдииков*, д.и.н. *Н.М. Чаиркина*,
зам. Председателя Правительства Алтайского края *Н.А. Капура*

Секретариат оргкомитета – к.и.н. *Г.Г. Король*, к.и.н. *О.И. Новикова*, к.и.н. *Д.В. Папин*

СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ
«ТРУДЫ V (XXI) ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА»

Том I

Формирование и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите
Культурные процессы в неолите
Проблемы энеолита, ранней, развитой и поздней бронзы

Том II

Культурно-исторические процессы в раннем железном веке
Античная археология Причерноморья и Северного Кавказа
Кочевые культуры Алтая и Центральной Азии
Культурно-исторические процессы в средневековье
Археологическое изучение городов средневековой Руси и сопредельных территорий
Археология Золотой Орды и средневекового Причерноморья
Москва – Сибирь: от царства до империи (XVI–XIX вв.)

Том III

Междисциплинарные подходы и палеоэкологические реконструкции в археологических исследованиях
Проблемы изучения первобытного искусства
Теория, методика и историография археологических исследований
Сохранение археологического наследия в России
Роль археологии в образовании и музейной деятельности

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

© 2017, О.В. Аникеева

Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва

«ЕГИПЕТСКИЙ» ИМПОРТ В КУРГАНАХ ФИЛИППОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Высокая информативность предметов импорта в курганах кочевников определяет неослабевающий интерес к этой категории находок, изучение которых позволяет реконструировать культурно-экономические связи и дает новые материалы о формировании культур сарматского типа, в становлении которых ключевую роль сыграли кочевники южноуральского региона.

В работе приведены результаты изучения материала, техники изготовления и распределения предметов египетского круга в погребениях всемирно известного курганного могильника Филипповка, расположенного на Южном Урале в Оренбургской области и полностью раскопанного Приуральской экспедицией ИА РАН под руководством д.и.н. Л.Т. Яблонского в 2004–2014 гг. Захоронения могильника осуществлялись в интервале от рубежа V–IV вв. до третьей четверти IV в. до н.э. [Трейстер, Яблонский, 2012, с. 284].

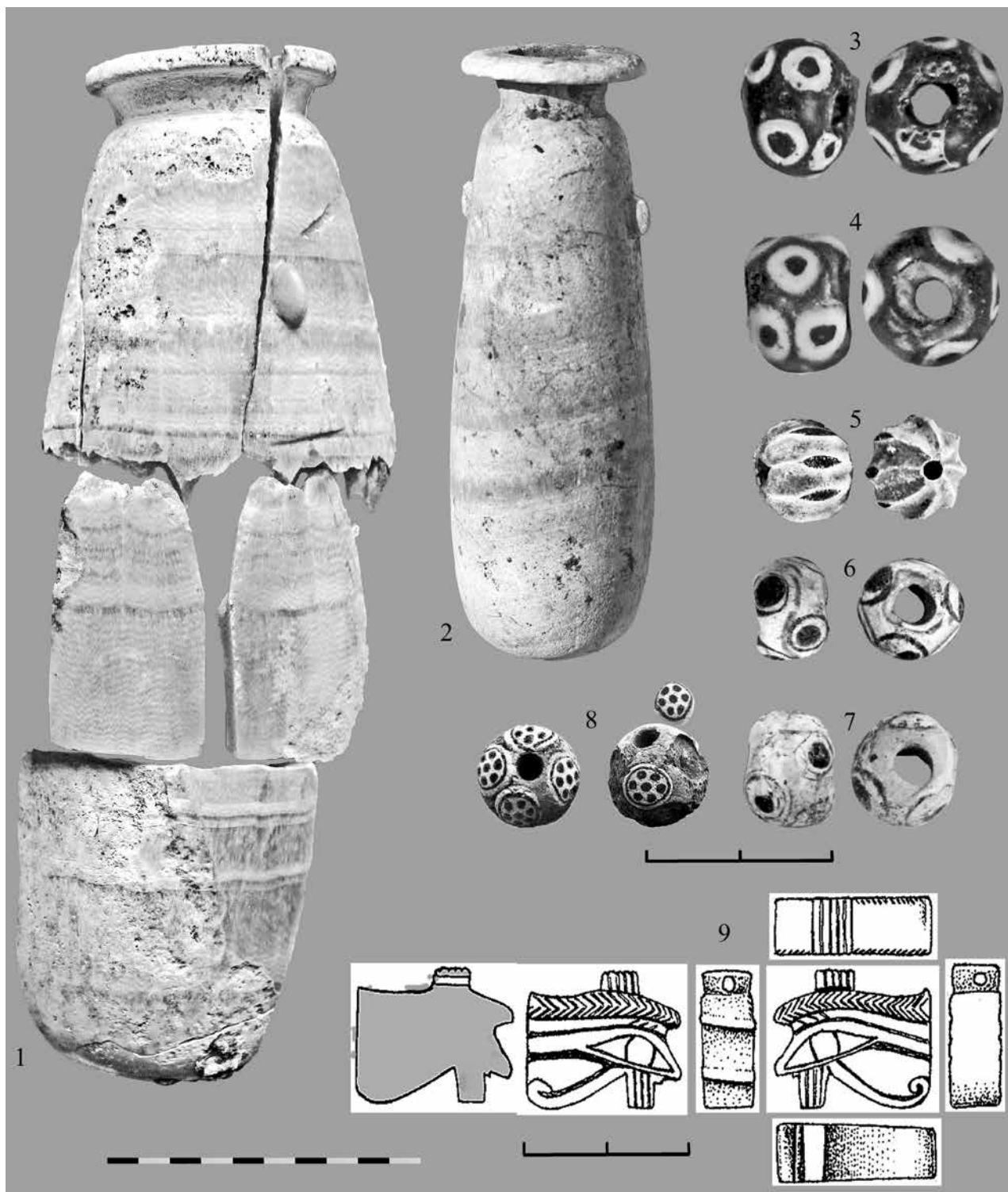
КАМЕННЫЕ АЛАБАСТРЫ. Два каменных алабастра из филипповских курганов дополнили коллекцию из четырех подобных сосудов, найденных в курганах ранних кочевников Южного Приуралья и изученных ранее [Аникеева, Трейстер, Яблонский, 2010, с. 36–50; Трейстер, 2012, с. 99–105, Аникеева, Крупская, 2012, с. 255–261]. Один алабастр расчищен в погребении 2 кургана №1 могильника Филипповка-1 справа от стоп погребенной [Яблонский, 2014а, с. 6]. Второй сосуд найден в заполнении центрального погребения кургана №1 могильника Филипповка-2 [Яблонский, 2014б, с. 126].

По данным визуального минералогического анализа, оба алабастра сделаны из полосчатого медового мраморного оникса. Изучение минерального состава этих сосудов методом рентгенофазового анализа показало, что они состоят из магнезиального кальцита. Количество изоморфного магния в составе одного из них достигает 20%, во втором – 40%. Минералого-кристаллографические характеристики образцов камня из двух алабастров четко ложатся в поле магнезиальных кальцитов, добывавшихся в Древнем Египте в месторождениях Вади Геррави, Хатнубе, Вади-Ассиут [El-Hinnawi, Loukina, 1972, p. 217; Klemm D., Klemm R., 2001, p. 632].

Первый алабастр (рис.-1) имеет округлое дно, удлиненное тулово мешковидной формы, плавно сужающееся вверх и переходящее в горловину через округлое плечо. Горло расширяется вверх конусом и переходит в венчик, имеющий форму плоского диска с ровными округлыми краями. В верхней части тулова на плоских трапециевидных основаниях симметрично расположены две ручки в форме вертикальных уплощенных полусфер. Диаметр венчика меньше среднего диаметра тулова. Трасологический анализ показывает, что поверхности горла и устья выведены вручную, внешняя поверхность тулова выводилась ручной шлифовкой и полировкой, внутренняя поверхность сосуда выбиралась с помощью механического станка, так как на внутренних поверхностях стенок и дна остались радиальные штриховые следы инструмента, а в центре днища имеется плоское округлое возвышение, фиксирующее крепление станка. Алабастр по пропорциям, форме и технике выведения горловины и ручек ближе всего алабастру с дарственной надписью из могильника Новый Кумак под Орском [Трейстер, 2012, с. 99], отличается от него формой венчика и более изящными формами венчика и тулова.

Второй алабастр (рис.-2) отличается удлиненным туловом с прямыми стенками, слегка расширяющейся вверх горловиной, иными пропорциями и контурами дисковидного венчика и полуовальной формой вертикальных ручек на плоских трапециевидных основаниях. Диаметр венчика близок среднему диаметру тулова. По размерам и форме тулова, горла, ручек близок экземпляру из могильника Кырк-Обы-II в Западном Казахстане [Трейстер, 2012, с. 101, рис. 1.-46].

Сравнительный анализ распространения синхронных сосудов в Египте, Средиземноморье, Передней Азии и Древнем Иране показал, что прототип формы алабастра с ушками появляется в Египте

Вещи «египетского» круга из погребальных комплексов могильника Филипповка:
 1, 2 – алабастры из мраморного оникса; 3, 4, 6–8 – глазчатые бусы из стекла и фритты;
 9 – подвеска-амулет из египетского фаянса

в конце Среднего царства и используется в течение Нового царства. Для египетских алабастров характерны удлиненное тулово с тонкими прямыми стенками, слегка сужающееся вверх, с маленькими округлыми ручками в верхней части тулова и плоским дисковидным венчиком, размеры которого, как правило, превышают средний диаметр тулова.

Одновременно с Египтом во II тыс. до н.э. подобные каменные сосуды начинают производиться в Месопотамии и раннединастической Шумерской Ассирии и изготавливаются как из кальцита, так и из местных декоративных пород. Для ранних форм алабастров из Месопотамии и Шумерской Асси-

рии характерны массивная мешковатая форма тулова, округлые, более толстые стенки, венчик в форме шляпки гриба, по диаметру уступающий среднему диаметру тулова, ручки-полусферы часто находятся на выделенном основании или отсутствуют. В Восточном Средиземноморье алабастры из египетского камня, в форме которых причудливо переплетаются черты ранних египетских и азиатских сосудов, широко распространены в Западной Анатолии в VI–IV вв. до н.э., где в 60 погребениях найдено свыше 200 алабастров, 150 из которых сделаны из «египетского алабастра».

Анализ технологических приемов изготовления и выведения формы алабастров из Филипповки показывает, что они производились в ремесленных центрах Анатолии из египетского сырья [Аникеева, 2016, с. 79–85].

В технологии изготовления первого алабастра (рис.-1) более отчетливо проявляются ассирийские традиции: массивное мешковидное тулово и небольшой венчик с узким горлом, сильно уступающий в размерах среднему диаметру тулова. Однако форма венчика отражает влияние египетской техники изготовления. Внутренняя поверхность его тулова выбиралась с помощью механического станка. Механическая обработка внутренних и внешних стенок каменных сосудов появляется в начале IV в. до н.э. и становится доминирующей техникой обработки к рубежу IV–III вв. до н.э. [Young, 1951, s. 115, 118, 124; Roos, 1974, p. 178], хотя экземпляры сосудов с ручной обработкой поверхности камня встречаются и продолжают существовать в течение IV в. до н.э. [Roos, 1974, p. 174]. Наличие у сосуда ручной обработки внешних поверхностей горла и венчика позволяет предположить, что он был изготовлен на ранних стадиях введения механической обработки камня, и датировать время его изготовления второй четвертью – серединой IV в. до н.э.

Тулово и пропорции венчика второго сосуда (рис.-2) наследуют форму египетских сосудов, а форма венчика выполнена в ассирийских традициях. По данным М.Ю. Трейстера [2012, с. 102], алабастр из Кырык-Обы-II датируется второй четвертью – серединой V в. до н.э. на основании распространения алабастров с близкими характеристиками в комплексах V в. до н.э. в Южной Италии. Найденные им аналоги в погребениях Греции, Италии, Палестины, Сирии, Бактрии представлены единичными экземплярами алабастров этой формы и датируются также в пределах V в. до н.э. [Трейстер, 2012, с. 101–102]. Однако широкое распространение кальцитовых алабастров идентичной формы в погребениях Западной Анатолии конца VI в. до н.э. – первой половины IV в. до н.э. позволяет существенно расширить диапазон производства таких алабастров.

БУСЫ. Округлые глазчатые бусы серого цвета с крупными синими глазками, оконтуренными белыми и коричневыми кольцами (рис.-6, 7), найдены в погребении 1 кургана №15, погребении 1 кургана №17 и погребении 4 кургана №29. По технологии изготовления среди визуально похожих бус выделяются две разновидности. Первые (рис.-6) делались из готовых стратифицированных (многослойных) глазков из разноцветного стекла, имеющих форму ядер или капель и скрепляющихся между собой серым матриком. Они производятся в Египте со второй четверти I тыс. до н.э., широко распространяются в Средиземноморье после первого завоевания Египта персами до установления правления Птолемеев (т.е. до последней трети IV в. до н.э.), когда распространяется совершенно иная технология изготовления глазков, вытесняющая предыдущие [Eisen, 1916, p. 15, 16]. Второй тип таких бус (рис.-7) имеет визуально аналогичный рисунок, но отличается по технологии изготовления (погребение 1 кургана №3, погребение 4 кургана №4, погребение 1 кургана №15, погребения 1 и 2 кургана №16, погребения 2 и 4 кургана №29). Они сделаны из единой округлой заготовки серого матрикса, сверху покрытого тонким слоем глазурованного покрытия (т.е. просто разрисованы и обожжены для удержания рисунка). Такие бусы начинают производиться в VI–V вв. в Западном Средиземноморье (предположительно в Италии) как копии египетских бус и продолжают бытовать до рубежа IV–III вв. до н.э. [Eisen, 1916, p. 5, 24].

Крупные округлые синие глазчатые бусы со слоистыми бело-синими глазками (рис.-3, 4) встречаются в наборах бус из погребения 4 кургана №4, погребения 1 кургана №15, погребения 1 кургана №28. По технологии изготовления среди них выделяются две разновидности, идентичные вышеописанному типу глазчатых бус. Первые (рис.-3) – более крупные, из просвечивающего ярко-синего стекла с многочисленными аккуратными двухслойными глазками (погребение 4 кургана №4). Г. Эйзен со ссылкой на У. Питри считает их египетскими и датирует время появления и бытования таких бус в погребениях Италии и Сирии от VIII–VII до V–IV вв. до н.э. [Eisen, 1916, p. 16, 20]. Вторые (рис.-4) – грубоватые округлые, сделаны из буроватой фритты и покрыты тонким слоем глазури, имитирующей узор первых бус (погребение 1 кургана №15, погребение 1 кургана №28). Они являются дешевыми итальянскими копиями египетских бус [Eisen, 1916, p. 6, 20].

Бусы из золотой фольги (рис.-5) довольно многочисленны в филипповских курганах и преобладают среди бус из погребения 1 кургана №1, погребения 1 кургана №7, погребения 1 кургана №15, погребения 2 кургана №16, погребения 3 кургана №24, погребения 1 кургана №28, погребения 4 кургана №29 могильника Филипповка-1, а также из погребения 6 кургана №1 могильника Филипповка-2. Золотая фольга оббита по фигурной рифленой органической основе со сквозным отверстием в центре. Бусы воспроизводили форму цветка лотоса, что предполагало их магическое значение. Характерны для птолемеевского Египта, т.е. широко распространяются с 332 г. до н.э., а начинают производиться, вероятно, раньше. Форма цветка лотоса появляется в Египте во II тыс. до н.э., ранние разновидности таких бус воплощаются в фаянсе и камне [Литвинский, 1973, с. 162].

Округлые пастовые бусины с основой зеленовато-серого цвета и белыми стеклянными плоскими глазками с черным точечным (рис.-8) или спиральным орнаментом найдены среди бус из погребения 5 кургана №4, погребения 1 кургана №7, погребения 2 кургана №15, погребений 1–3 кургана №16, погребения 4 кургана №29. Техника резко отличается от вышеописанных египетских глазчатых бус. Глазки изготавливаются отдельно путем помещения темных стеклянных нитей в расплавленное белое стекло, находящееся в цилиндрической емкости. После остывания цилиндры нарезаются на поперечные плоские круглые глазки, которые вставляются в мягкую неостывшую массу основы. Данная технология изготовления глазков возникает в Египте во второй половине IV в. до н.э., и благодаря простому и эффективному способу производства такие бусы широко распространяются в птолемеевском Египте, быстро вытесняя все другие типы глазчатых бус [Eisen, 1916, p. 6, 17].

АМУЛЕТЫ. Фаянсовая подвеска светло-бирюзового цвета с двусторонним симметричным линейным изображением человеческого глаза (рис.-9) была найдена в погребении 2 кургана №1. Глаз имеет круглый зрачок и выделенную гладким валиком линию века, протягивающуюся от внешнего угла глаза над ним. Выше расположены еще два валика: один с тремя наклонными насечками над зрачком, над ним – валик с елочным орнаментом, обозначающий надбровную дугу. Под глазом внизу находится рельефный уступ с вертикальными бороздками. Рядом расположена отходящая в нижний угол двойная спираль. Они означают стилизованное изображение щеки сокола. В египтологии данный тип иконографического изображения известен как Уаджет, или глаз Хора [Hart, 2005, p. 73].

По классификации Ф. Питри подобный тип изображения формируется к VI династии фараонов, правлением которой завершается период Древнего царства, и существует до конца птолемеевского Египта [Petrie, 1914, p. 32–33]. Наряду со скарабеями, это один из наиболее широко известных египетских амулетов.

По технологии изготовления относится к типичному египетскому фаянсу, состоящему из неокрашенного ядра-основы из искусственно измельченного кремнезема и тонкого глазурированного покрытия, которые разделяются тонким известковым слоем, препятствующим спеканию основы и покрытия при последующем обжиге и фиксирующим равномерность покрытия. Трасологический анализ рельефа покрытия показал, что при выведении рельефа изображения после обжига, наряду с ручной обработкой, применялась механическая доработка деталей. Единого мнения о том, когда начал применяться при производстве фаянса гончарный круг, нет (конец II тыс. – VII–IV вв. до н.э.), известно, что в птолемеевскую эпоху он широко использовался [Nicholson, 2003, p. 4]. Это позволяет предположить, что амулет был изготовлен не позднее второй половины – последней трети IV в. до н.э.

Анализ изучения микроструктур и состава глазури амулета показывает, что процесс глазурирования производился в технике «цементации». Эта техника широко практиковалась в Египте в периоды Раннего и Среднего царства и в конце II–I тыс. до н.э. распространялась в Малой Азии, Палестине, Сирии, древнем Иране [McGovern, Fleming, Swann, 1993, p. 14, 20–23; Tite, Freestone, Vimson, 1983, p. 20–22, 24–26].

В результате перераспределения торговых сфер влияния в Средиземноморье и возвышения южно-финийских городов (Тира), с торговой деятельностью которых связывается появление и распространение Уаджет-амулетов, они в конце VII – начале VI в. до н.э. появляются в Восточном Средиземноморье [Fletcher, 2004, p. 60, 62, 65, 66]. Далее по «царской» дороге египетские амулеты распространяются в ахеменидский Иран [Пиотровский, 1958, с. 21], откуда вместе с другими драгоценными предметами, разнообразными сосудами из стекла, золота и серебра и ювелирными украшениями попадали к кочевникам Южного Приуралья. Анализ иконографии, формы и техники изготовления амулета позволяет предположить, что изготавливались они в Египте.

Таким образом, по визуальному облику и анализу формы в филипповских погребениях были установлены три категории вещей «египетского» круга: каменные алабастры, глазчатые и золотые бусы и фаянсовый амулет с иконографией египетского бога Хора.

Из них только происхождение амулета, золотых бус и одного типа глазчатых бус (рис.-5, 8, 9) достаточно уверенно можно считать египетским. Анализ технологии изготовления двух других типов глазчатых бус (рис.-3, 4, 6, 7) показывает, что среди них присутствуют как египетские стеклянные глазчатые бусы (рис.-3, 6), так и визуально не отличимые от них раскрашенные копии из фритты, вероятно, производящиеся в Италии (рис.-4, 7). Технология выведения нюансов формы филипповских алабастров позволяет говорить, что они производились в ремесленных центрах Анатолии из египетского сырья.

Подобная ситуация обусловлена целым рядом политических, торговых и культурных взаимодействий в Восточном Средиземноморье: «открытие» Египта в конце VII – начале VI в. до н.э., расширение финикийской/греческой торговли и политических контактов между Египтом, Лидией и Ассирией, завоевание Западной Азии и Египта ахеменидской Персией. Все эти события обусловили широкий приток египетских товаров в Средиземноморье, что способствовало интенсивному распространению египетских технологий обработки камня, производства стеклянных сосудов и бус в странах Средиземноморья, где с середины I тыс. до н.э. они начинают производиться, распространяясь в ахеменидский Иран и далее через Среднюю Азию попадают на Южный Урал.

Библиографический список

Аникеева О.В. Происхождение и время изготовления алабастров из филипповских курганов // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Элиста, 2016. С. 79–85.

Аникеева О.В., Крупская В.В. Анализ каменного материала двух алабастров из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. 1. С. 253–261.

Аникеева О.В., Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. Алабастр из мраморного оникса из Прохоровки // Нижневолжский археологический вестник. 2010. №11. С. 27–52.

Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. Вып. III. М., 1973. 226 с.

Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. 1958. №1. С. 20–27.

Трейстер М.Ю. Алабастровые сосуды из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. 1. С. 98–105.

Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. 1. 671 с.

Яблонский Л.Т. Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка 1 (предварительное сообщение) // КСИА. 2014а. Вып. 232. С. 3–7.

Яблонский Л.Т. Исследования кургана 2 могильника Филипповка 2 // РА. 2014б. №4. С. 118–133.

Eisen G. The Characteristics of Eye Beads from the Earliest Times to the Present // American Journal of Archaeology. 1916. Vol. 20, №1. P. 1–27.

El-Hinnawi E.E., Loukina S.M. A Contribution to the Geochemistry of «Egyptian Alabaster» // Tschermaks mineralogisch und petrographische. Mitteilungen. 1972. Bd. 17. P. 215–221.

Fletcher R. Sidonians, Tyrians and Greeks in the Mediterranean: The Evidence from Egyptianising Amulets // Ancient West and East. 2004. №3. P. 51–77.

Hart G. Dictionary of Egyptian Gods and Goddesses. London, 2005. 169 p.

Klemm D.D., Klemm R. The building stones of ancient Egypt – a gift of its geology // African Earth Sciences. 2001. V. 33. P. 631–642.

McGovern P.E., Fleming S.J., Swann C.P. The Late Bronze Egyptian Garrison at Beth Shan: Glass and Faience Production and Importation in the Late New Kingdom // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1993. 290/291. P. 1–27.

Nicholson P.T. Faience Technology // UCLA Encyclopedia of Egyptology. Los Angeles. 2003. P. 1–9.

Petrie F. Amulets. The Egyptian Collection in University College. London, 1914. 146 p.

Roos P. The Rock-tombs of Caunos, 2. The Finds // Studies in Mediterranean Archaeology. XXXIV: 2. Göteborg, 1974. P. 163–178.

Tite M.S., Freestone I.C., Bimson M. Egyptian faience: An investigation of the methods of production // Archaeometry. 1983. Vol. 25, №1. P. 17–27.

Young R.S. Sepulturae intra urbem // Hesperia 20. 1951. S. 67–134.

ГОРОДИЩЕ ДИКАЯ ЯМА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Памятники раннего железного века на территории лесостепи Зауралья изучены, с одной стороны, достаточно хорошо: на материалах поселений и могильников были выделены баитовская, саргатская и гороховская культуры. После определения характерных культурных черт и хронологической атрибуции учеными проведен ряд исследований, направленных на изучение погребального обряда, традиций домостроительства, керамического производства, социальной структуры социума, торговых связей, ремесла и т.д. Этим вопросам посвящены работы А.В. Могильникова, Л.Н. Коряковой, Н.П. Матвеевой, В.А. Булдашева, Д.И. Ражева, С.В. Шараповой, С.И. Цембалюк и др. С другой стороны, хотя по исследованиям культурных образований раннего железного века издано много статей и монографий, все же остаются белые пятна, обусловленные как недостаточной изученностью материала, так и его особенностями: большинство поселений имеют многослойный характер, ввиду чего иногда невозможно достоверно отнести тот или иной инвентарь к определенной культуре или даже эпохе. Практика исследования большинства поселений относительно небольшими площадями и только единиц – большими не дает четкого представления о планировке и структуре поселков. Направленность исследователей на укрепленные объекты либо крупные могильники (курганы) дает искаженное представление о материальной культуре населения в целом. Кроме того, установление хронологических рамок существования культур в основном по инвентарю, дополненное впоследствии данными радиоуглеродного анализа, выявило ряд проблем в хронологии культур раннего железного века. В частности, не ясны рамки переходных периодов, периодов сосуществования культур или прекращения существования отдельных и их дальнейшая судьба. Решение части проблем в изучении населения раннего железного века возможно на материалах городища Дикая яма ввиду его однослойности и непродолжительности функционирования, что позволит провести палеодемографические реконструкции, более точно охарактеризовать хозяйство, домостроительные и фортификационные традиции, условия обитания в эпоху раннего железного века.

Городище Дикая яма расположено на левом берегу р. Тобол, в среднем ее течении (рис. 1.-А). Мыс, на котором расположен памятник, вдаётся в пойму с запада на восток, окружен старичными озерами с северной и юго-восточной сторон, в половодье не затопляется. К западу от укреплений в расширяющейся части мыса зафиксировано обширное селище Дикая яма, состоящее из 122 западин округлой и подквадратной форм (рис. 1.-Б).

Укрепления вписаны в мыс, при этом они имеют оригинальную, не имеющую прямых аналогов форму. Первая площадка городища расположена на стрелке мыса, отделена от остальных (вал – ров – вал) линией в виде полукруга. Въезд представлял собой перемычку во рву и понижение на валу шириной 3,0 м. Такая система обороны широко распространена в зодчестве населения Западной Сибири как раннего железного века, так и эпохи поздней бронзы и средневековья. Наличие двух валов и рва между ними более характерно для зодчества гороховской культуры, бытовавшей в Притоболье в VII–II вв. до н.э., подобное строение фортификаций имеется на городище Чудаки, Марьино ущелье IV, Павлиново, Мало-Казахбаевское.

Однако наличие за первой площадкой еще двух, при этом не расположенных одна за другой, а вписанных в мыс рядом, делает укрепления городища оригинальными, не имеющими аналогов. Вторая и третья площадки расположены по краям мыса и по строению фортификаций являются зеркальными: укрепления в виде вала – рва – вала идут от входа на первую площадку, имеют перемычки во рву и понижения на валу – входы на вторую и третью площадки. Далее фортификации немного расходятся в стороны, затем вдаются небольшим треугольным выступом в напольную сторону и примыкают к склонам мыса. На территории площадок зафиксированы жилищные западины, над одной из них на второй площадке и был заложен раскоп.

В результате исследована камера 1 жилища 1 (рис. 1.-В). Постройка имела трапециевидные очертания, размеры ее составляли 6,2 × 4,2–5,1 м. Из камеры 1 фиксировалось два выхода – один в северо-западной стенке, оформлен в виде коридора-перехода в камеру 2, на одном уровне с полом камеры, ширина его 1,1–1,2 м, с канавками вдоль стен толщиной от 2 до 10 см. Конструкция коридора вдаётся вглубь камеры на 0,8–1,0 м, у основания стен и у основания коридора зафиксированы глубокие овальные ямы

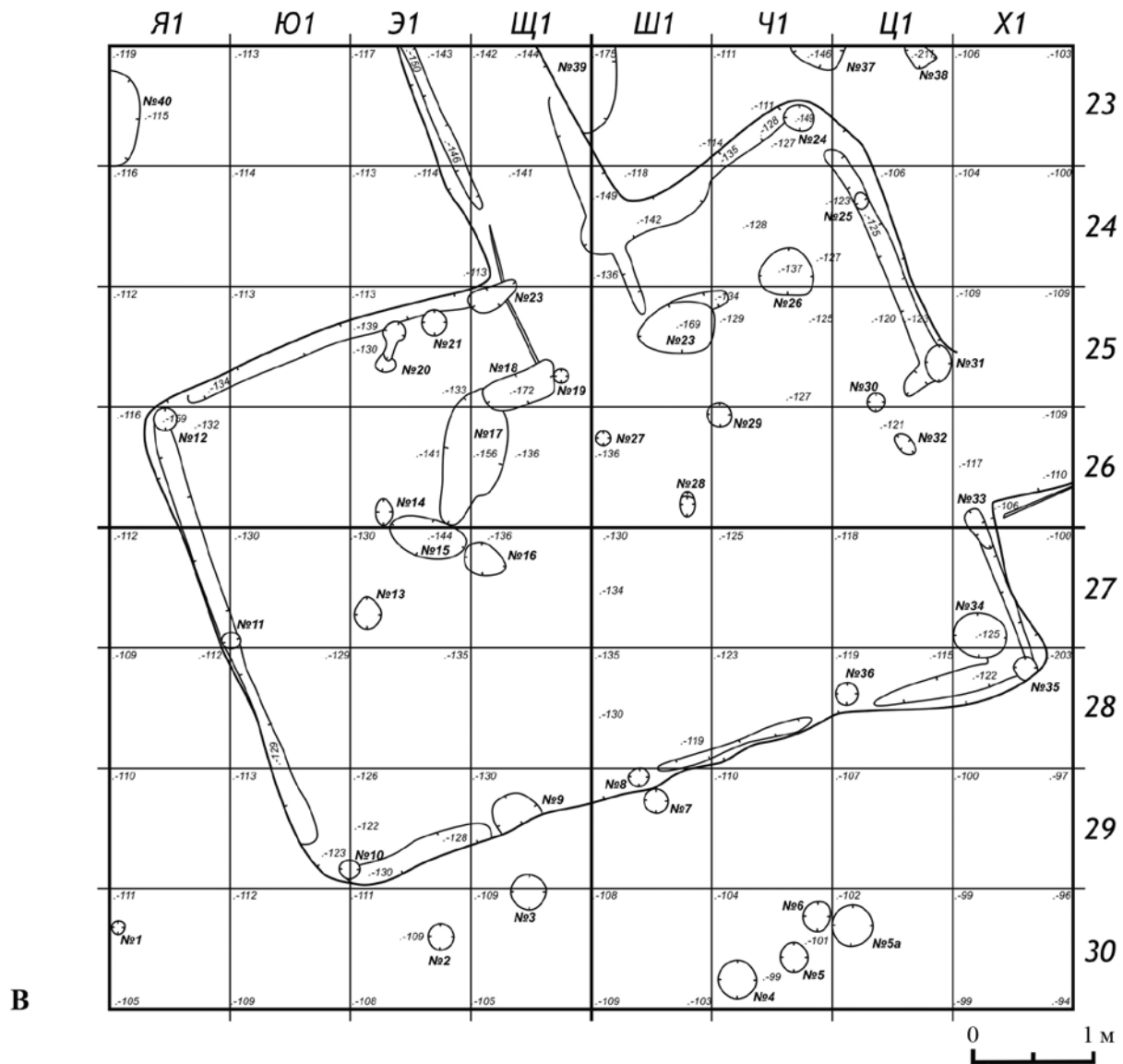
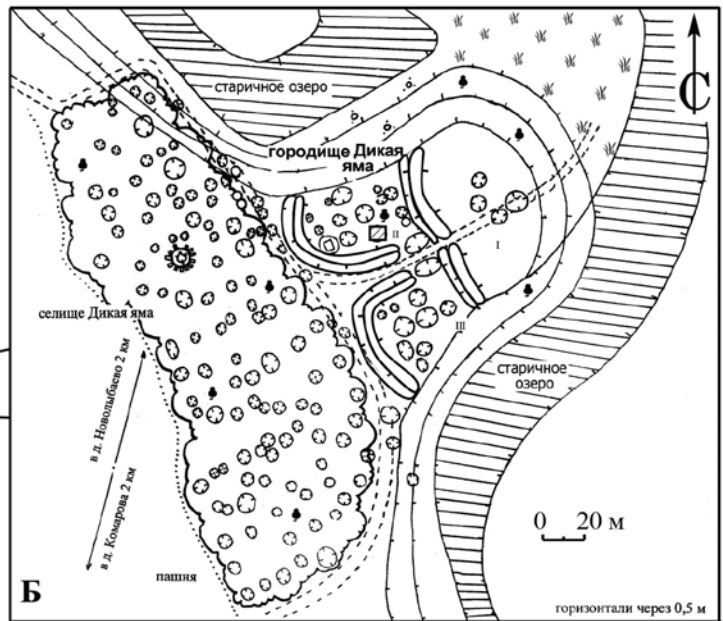
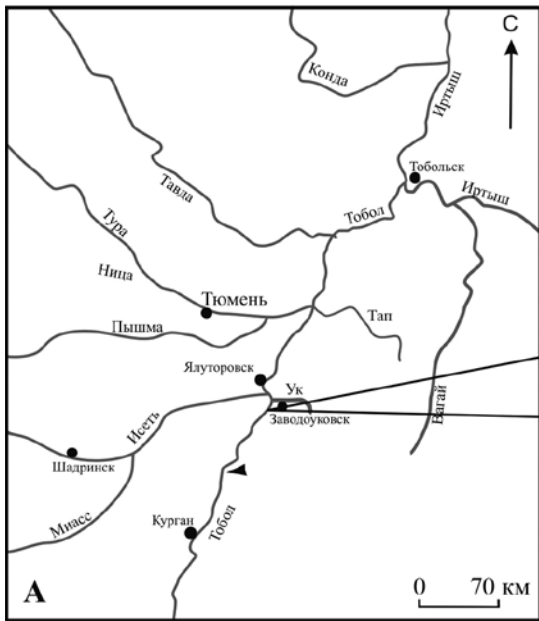

Рис. 1. Городище Дикая яма: А – расположение городища на карте региона; Б – глазомерный план городища; В – план по материку раскопа 1, камера 1 жилища 1

от опорных столбов-стоек. Подобные конструкции характерны для домостроительной традиции гороховской культуры и зафиксированы на городище Чудаки (жилища 4, 6), на Павлиновом городище у саргатского жилища 3 [Среда, культура. . ., 2009, с. 38, 164]. Выход из постройки на территорию площадки зафиксирован в северо-восточной стене в виде перемычки в конструкции стен шириной 1,1–1,2 м.

Форма и строение стен жилища реконструируются по системе ям и соединяющих их канавок, отмеченных вдоль материковой границы постройки. Диаметр ям составлял 16–20 см, толщина канавок, соединяющих ямки, – 6–10, реже – 16 см. То есть в основании жилища располагались жерди и тонкие бревна. В центре жилища зафиксирован ряд ям от стоек, поддерживающих кровлю. Полагаем, что кровля была двухскатной, на северо-западную и юго-восточную стороны, при этом коньковая балка одним концом опиралась на столб у выхода. Очаг в постройке фиксировался в северо-восточном углу, отмечен в виде пятна прокаленной глины размерами 44 × 40 см.

В 2017 г. исследована камера 2 размерами 8 × 6,5 м, глубиной 0,2–0,3 м, с очагом в центре, окруженным канавками, и двумя хозяйственными ямами, расположенными у задней стенки, напротив входа в камеру.

В целом процесс постройки и общее строение жилища представляются следующими. Первоначально была размечена территория, затем выкопан котлован жилища, при этом грунт при выкапывании складировался преимущественно в юго-западную и юго-восточную стороны, за «глухие» стены постройки, так как именно в этих частях раскопа фиксировался мощный слой выброса желто-коричневой глины. Затем в котлован были установлены каркасные элементы конструкции – вертикальные стойки и скрепляющие их горизонтальные бревна. Данные следы указывают на строение стен в технике заплота, широко распространенной у носителей саргатской и гороховской культур. Однако наличие в основном нешироких канавок в основании стен позволяет предположить либо облегченную конструкцию стен из тонких жердей, либо создание каркаса, который затем был дополнен/утеплен вертикальными жердями-бревнами, дерном. Кровля жилища реконструируется как двухскатная, ориентированная по длинной оси постройки. Выход из жилища оформлен в виде проема в стене – в данном месте не наблюдалось канавок вдоль стены, и фиксировалось небольшое повышение материка. Переход во вторую камеру оформлен в виде длинного утепленного коридора.

В слое памятника зафиксированы керамика саргатской культуры, несколько фрагментов от среднеазиатских станковых сосудов, из вещевого комплекса – дисковидные и сферические пряслица, костяная рукоять орудия, скребок, фрагмент железного орудия и позолоченная бисерина, костяная проколка, точило.

Проба угля из камеры 1 жилища 1, датированная радиоуглеродным методом, определяет время существования постройки III в. до н.э. – I в. н.э. (калиброванное значение).

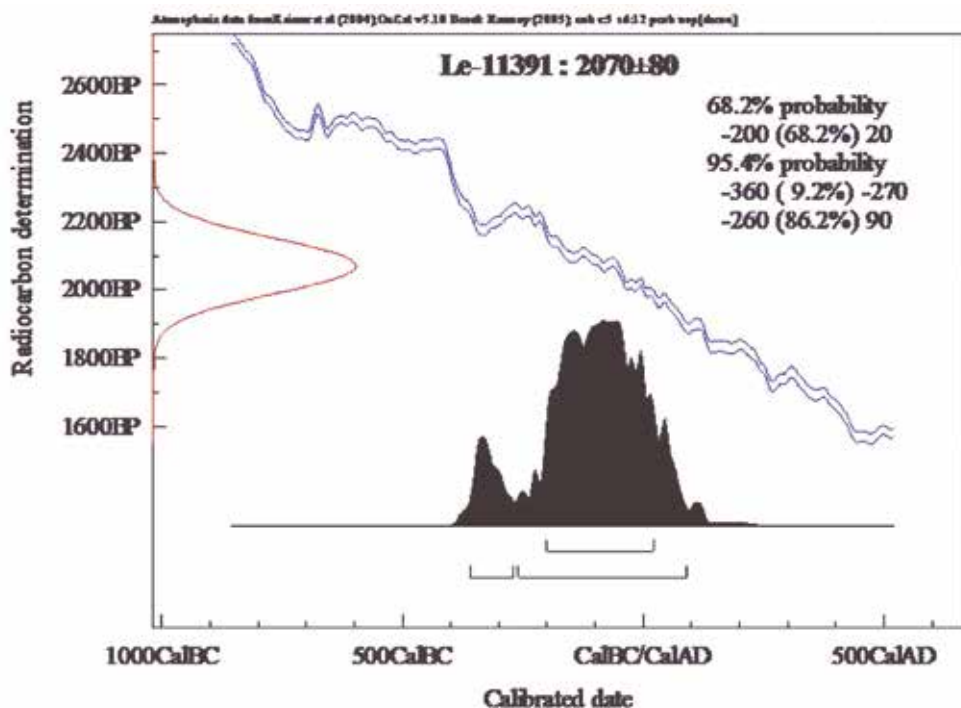

Рис. 2. Калиброванное значение даты с городища Дикая яма

Карпологический анализ заполнения ям из камеры 1 показал в основном наличие сорной растительности, произрастающей в местах обитания человека или же на брошенных местах, где недавно происходило антропогенное воздействие. Исключение составляет осока, которая произрастает исключительно в болотистой местности и которая была привнесена на поселение. Полагаем, осоку использовали в качестве утеплителя кровли/стен или же как подстилку на полу.

Таким образом, исследованиями установлено, что памятник функционировал ближе к позднему этапу существования саргатской культуры, является однослойным. В то же время в архитектурных чертах присутствуют и гороховские традиции, памятники которой встречаются только до II в. до н.э. Полагаем, в материалах памятника отражается этап синтеза саргатских и гороховских традиций и включение последних в культурные традиции саргатским населением. Если в Приисетье на материалах Павлинова городища мы видим смену гороховского населения саргатским, то на данном памятнике мы фиксируем включение гороховских традиций в саргатские.

Библиографический список

Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.И. Дэйр, А.А. Ковригин, С.В. Шарпова, Н.А. Берсенева, С.Е. Пантелеева, Д.И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, О.А. Сахарова. Екатеринбург ; Сургут, 2009. 298 с.

© 2017, Е.С. Богданов¹, А.Е. Астафьев²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

²Мангистауский государственный историко-культурный заповедник, Актау

АЛТАРИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИКАСПИЯ (РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК): ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Статья подготовлена по гранту РФФИ № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».

*Земля, на которой огораживают алтарь,
На которой (жрецы), делающие все, протягивают жертву.
Яшит XII, 1. <К Земле> стих 13 [Атхарваведа, 2007, с. 169].*

Российско-Казахстанской экспедицией с 2014 г. проводятся масштабные исследования на полуострове Мангышлак (северо-восточное побережье Каспийского моря). Особое внимание было уделено памятнику Алтынказган, который представляет собой скопление разноплановых каменных сооружений на территории в 120 га [Астафьев, Богданов, 2015]. Более 200 объектов расположены цепочками, повторяя грядовые возвышения рельефа. Визуально выявляются каменные и каменно-земляные курганы, ограды из плит песчаника, подковообразные конструкции и стеновые кладки. Комплекс разновременный. В настоящее время можно предположить, что в первую очередь возник ряд из пяти высоких каменно-земляных сооружений (высота оплывших насыпей в настоящее время – 0,5–2 м; диаметр – 20–30 м). Границы локализации этой цепочки курганов выходят за пределы основного массива концентрации объектов. Отсутствие находок при раскопках одного из таких объектов не позволяет нам датировать эти сооружения. Лишь косвенные свидетельства дают возможность говорить о скифо-сарматской эпохе. В III–V вв. н.э. вокруг этих курганов возникла большая часть каменных оград с расположенными рядом катакомбными погребениями. Вероятно, население этого времени посчитало высокие наземные сооружения могилами своих предков. Следующий этап строительства объектов на памятнике произошел через 500 лет: рядом с оградой под плоскими каменными насыпями нами обнаружены погребения IX–XI вв. Хронология существования различных объектов на памятнике свидетельствует о периодичности прихода различных (этнических?) групп на территорию Прикаспия, когда возникали благоприятные природные факторы для проживания.

В данной статье речь пойдет о каменных жертвенниках, обнаруженных при исследовании каменных оград (рис. 1). По конструктивным признакам выделяются два типа: жертвенники в виде небольших плитчатых ящиков (со слабозолистым заполнением и следами прокала на стенах) (рис. 2.-1)

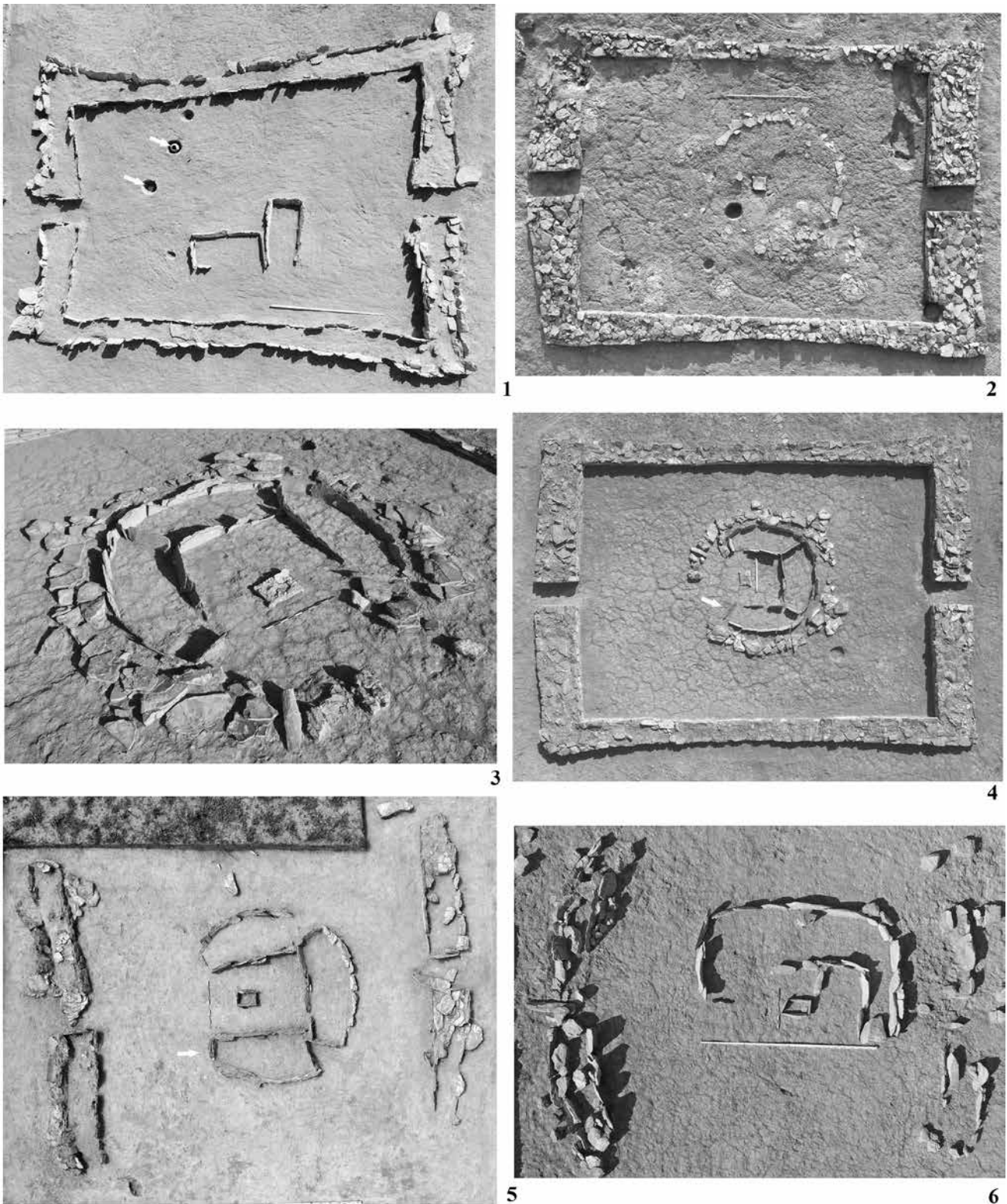

Рис. 1. Алтынказган. Типы алтарных конструкций

и жертвенники-алтари (2.-2, 3, 5, 8, 9). Последние по форме бывают четырехугольные и круглые. Оба вида жертвенников, за исключением круглых плит, являются составным элементом сложной каменной конструкции, условно определяемой как «алтарная». В ее основе заложен принцип полузамкнутости пространства. Периметр конструкции создан вертикально установленными плитами с частичным заполнением объема грунтовым бутом, перекрыт, в свою очередь, горизонтальной плитчатой отмосткой. В плане конструкции определяются двумя условными типами: подковообразными и П-образными. Особенностью всех конструкций является наличие трех секторов, образованных радиальными пере-

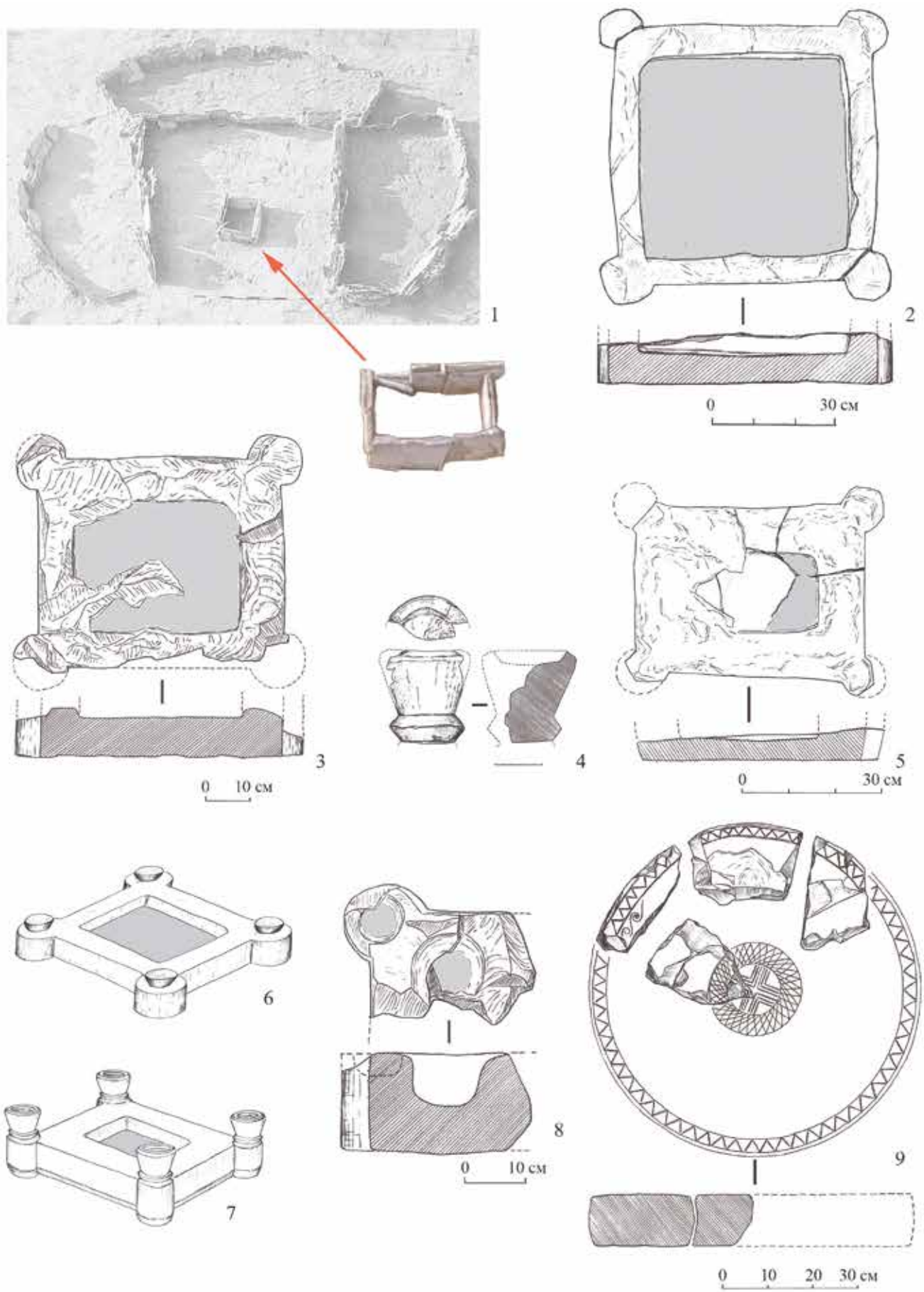

Рис. 2. Алтынказган: 1–5, 8, 9 – алтари-жертвенники; 6, 7 – реконструкции

городками или отдельными смыкающимися кладками. Все алтарные конструкции либо помещались внутри прямоугольных оград со сквозными проходами по длинной оси, либо ограничены двумя стеновыми кладками с симметричными проходами. Единым признаком является наличие у основания правого «крыла» каждой конструкции зарытого до уровня древней поверхности крупного лепного сосуда (иногда двух) горшковидной формы. Если конструкция и семантика жертвенников в виде ящиков, бесспорно, сопряжена с совершением неких огненных ритуалов, то на жертвенниках-алтарях в виде плит следует остановиться более подробно.

Три обнаруженных нами жертвенника в контексте алтарных конструкций происходят из оград, стенки которых выполнены горизонтальной плитчатой кладкой*. Изделия однотипны по форме и изготовлены из цельных меловых плит, которым придана форма четырехугольника с низкоцилиндрическими трехчетвертными колонками на углах (рис. 2.-2, 3, 5). На поверхности невысокими ровными бортиками высотой более 5 см при ширине 7–10 см созданы углубления, повторяющие очертания плит. К сожалению, верхние кромки бортиков, как и колонок, не сохранились, поскольку жертвенники были разрушены еще в древности. Исключение составляет лишь одна сильно разбитая плита, среди обломков которой найден обработанный под усеченный конус объем диаметром 8,3 см, высотой 4,5 см. Возможно, это одно из наверший угловых колонок. К подобному изделию следует отнести также фрагмент профилированной колонки в виде перевернутого усеченного конуса с чашевидным углублением (рис. 2.-4), также изготовленный из мела и найденный у внешней стенки одной из оград. Обломок еще одного похожего жертвенника обнаружен за пределами комплекса Алтынказган. Он имеет ряд отличий от вышеописанных жертвенников: бортик и колонка выведены в одну плоскость; на поверхности колонки имеется лункообразное углубление; углубление плиты, вероятно, имело сложную в плане форму; изготовлен из известняка-ракушечника (рис. 2.-8). Это позволяет выделить данное изделие в самостоятельный тип.

К третьему типу плитчатых жертвенников мы относим обломки дисковидной плиты с грубо обработанным краем (рис. 2.-9). Фрагменты найдены за пределами одной из оград. Верхняя плоскость плиты выровнена и зашлифована. Диаметр диска мог составлять 75 см при толщине 12 см. В центре верхней плоскости методом гравировки была вырезана декоративная розетка диаметром 21 см. Она имела широкий картуш, декорированный косолинейной сеткой. В середине розетки, предположительно, помещен равносторонний прямой крест, созданный построением трижды повторяющихся линий-углов. Край диска обведен узкой декоративной лентой, образованной парными радиальными линиями, пространство между которыми заполнено ломаным зигзагом. Среди найденных обломков есть фрагмент, на котором под лентой сохранился участок незавершенного меандрового орнамента типа «бегущая волна».

На поверхностях жертвенников следов какого-либо воздействия, позволяющих предположить их функциональное предназначение, не выявлено. Мягкость и хрупкость мела исключают формы механического воздействия. Термическое воздействие также привело бы к разрушению плоскостей углублений. В двух изученных на Алтынказгане катакомбах найдены меловые курильницы с сохранившимися в чашевидных углублениях обугленными тонкими веточками. Однако при расчистке жертвенников и в их пределах не обнаружено древесных угольков и следов прокала. Единственная параллель между жертвенниками и курильницами – это материал, из которого они изготовлены, с вероятным смыслом: мел = белый = «чистый». Известно, что в поднесарматских погребениях очень часто встречаются как меловая подсыпка, так и отдельные куски мела [Мошкова, 1974, с. 20]. Но для сарматского мира совсем не характерно использование крупных алтарей в ритуалах. Сарматские жертвенники – это явление совсем иного порядка, хотя они могли использоваться так же, как и алтынказганские алтари. Большинство исследователей вслед за К.Ф. Смирновым считают, что сарматские (савроматские) жертвенники (алтарики, столики) «служили для разжигания огня и воскурения ароматических веществ», а также «для растирания веществ, символизирующих жертвенную кровь и огонь» [Смирнов, 1964, с. 167]. Однако анализ всего массива данных, как нам представляется, позволяет предположить многофункциональность использования этих переносных предметов: емкости для сока-хаомы, или для смешивания и перетиравания косметических средств, или для замешивания краски при нанесении татуировки [Федоров, 2001, с. 30; Зуев, 1996, с. 14; Васильев, 1998, с. 32–33]. Поскольку в нашем случае никаких следов

---

* На Алтынказгане выделены ограды трех типов: 1) стены возведены из вертикально установленных плит; 2) стены возведены горизонтально уложенным плитняком; 3) сочетание двух первых кладок.

огня, краски и прочего не удалось зафиксировать, рассуждения в данном направлении представляются достаточно умозрительными, тем более, что при всем разнообразии форм и размеров среди сарматских жертвенников нам не удалось найти даже отдаленных аналогий алтынказганским алтарям.

Характер каменной кладки на Алтынказгане (по строгим канонам строительной техники), «стандартное» расположение вкопанных сосудов около массивных алтарей и повторяющаяся подковообразная форма внутренних конструкций во всех оградах – все это говорит об устоявшейся погребально-поминальной традиции какого-то крупного племенного объединения. Однако следов его пребывания на других территориях пока не найдено. С одной стороны, к алтынказганским оградкам с алтарями привязаны основные находки жертвенных даров конского снаряжения второй половины V в.* С другой стороны, вопрос формирования алтынказганцев, на наш взгляд, может быть соотнесен со святилищами типа Байте. Раскопкам и интерпретации байтинских памятников, а также их отдельных элементов посвящено несколько публикаций [Ольховский, Галкин, 1990; 1997; и др.]. Как считают казахстанские исследователи, в Западном Казахстане располагается множество святилищ байтинского типа, датирующихся V–III вв. до н.э., правда, несколько упрощенного типа [Самашев и др., 2011, с. 23–24]. И в алтынказганских, и в байтинских материалах мы можем наблюдать очень схожие закономерности формирования ритуальных комплексов. Так, на святилище Байте-III изучены остатки прямоугольной в плане постройки, ориентированной длинной осью по линии С–Ю, со входным проемом в южной стенке [Никонов, Ольховский, 2000, с. 49, рис. 4]. В центре конструкции располагался прямоугольный каменный ящик-жертвенник с зольным заполнением, выступающий над древней поверхностью. С северной стороны к ящику примыкали две каменные стелы. Подобная конструкция обнаружена на памятнике Тубежик I, где в центре небольшого зала внутренней крестовидной планировки помещений обнаружен небольшой квадратный ящик-жертвенник с золистым заполнением, сложенный из полуобработанных плит известняка-ракушечника, слегка выступающих над уровнем древней поверхности [Самашев и др., 2007, с. 184–187]. К северной стенке ящика примыкали основания двух стел.

В плитчатый пол байтинского сооружения храмового типа был вмонтирован массивный плитчатый жертвенник в виде четырехугольной плиты с невысоким бортиком и лунками по углам [Дженито и др., 2000, с. 16, рис. 7; Самашев и др., 2007, с. 199, 201]. Углы жертвенника скруглены и оттянуты с вогнутостью сторон (рис. 3.-1). В местах вогнутых сторон плиты бортики имеют расширение, что придает углублению очертания косоугольного креста с зауженными и скругленными концами. В центре плиты вырезано углубление в форме аналогичного креста. Два похожих «стола» из цельных известняковых плит в разбитом состоянии были найдены рядом с храмовым комплексом Байте-III (рис. 3.-2) [Ольховский, Галкин, 1990, с. 202]. Еще два «стола» происходят из материалов устюртского святилища Карамунке [Ольховский, 1992, с. 74, ил. 73] (рис. 3.-5). Все жертвенники – с комплексами антропоморфных изваяний статуарного типа с изображением мечей и кинжалов IV–II вв. до н.э. [Ольховский, Галкин, 1997, с. 151]. Следует добавить, что также на святилище Байте-III обнаружен большой чашевидный жертвенник в виде низкого цилиндра с горизонтальным рифлением поверхности [Самашев и др., 2007, с. 200] (рис. 3.-6). Вопрос хронологической целостности комплекса жертвенников и статуарных изваяний положительно решен благодаря материалам святилища Акуюк (полуостров Мангышлак). Здесь совместно с обломками двух изваяний с выбитыми кинжалами раннесарматского времени найден фрагмент подобного описанному выше жертвенника-«стола» (рис. 3.-4). Стоит особо отметить, что крестовидная форма углубления жертвенников-«столов», как и их прямоугольная форма с оттянутыми углами, явно имеет семантическую подоснову. Так, на святилище Акуюк по соседству с остатками сооружения храмового типа найден большой каменный жертвенник в виде стилизованного косоугольного креста [Самашев и др., 2007, с. 196]. Окончания лучей округлены и слегка расширены через выступающие уступчики, что придает им вид массивных трехчетвертных колонок (рис. 3.-3). Края «перекрестия» сильно вогнуты. При этом пропорциям формы была целенаправленно придана асимметрия – два соседствующих по длинной линии луча заметно укорочены. На поверхности жертвенника имеется неглубокая лунка в форме также асимметричного косоугольного креста. На плоскостях окончаний лучей вырезаны неглубокие круглые лунки. Еще две лунки малого диаметра имеются в основании «перекрестия» углубления по ее длинной оси. Здесь мы сталкиваемся с удивительным сходством форм байтинских жертвенников-«столов» и очертаний алтынказганских оград, у которых также внешние углы слегка

---

* Более подробно об этом в статье, которая находится в печати и будет опубликована в ближайшее время на страницах журнала «Археология, этнография и антропология Евразии».

оттянуты, а линия внешних краев чуть вогнута. Кроме того, для двух оград из вертикально установленных плит Алтынказгана также свойственна асимметричность пропорций, отмеченная для акуюкского жертвенника. Вряд ли мы тут имеем дело с чистой случайностью.

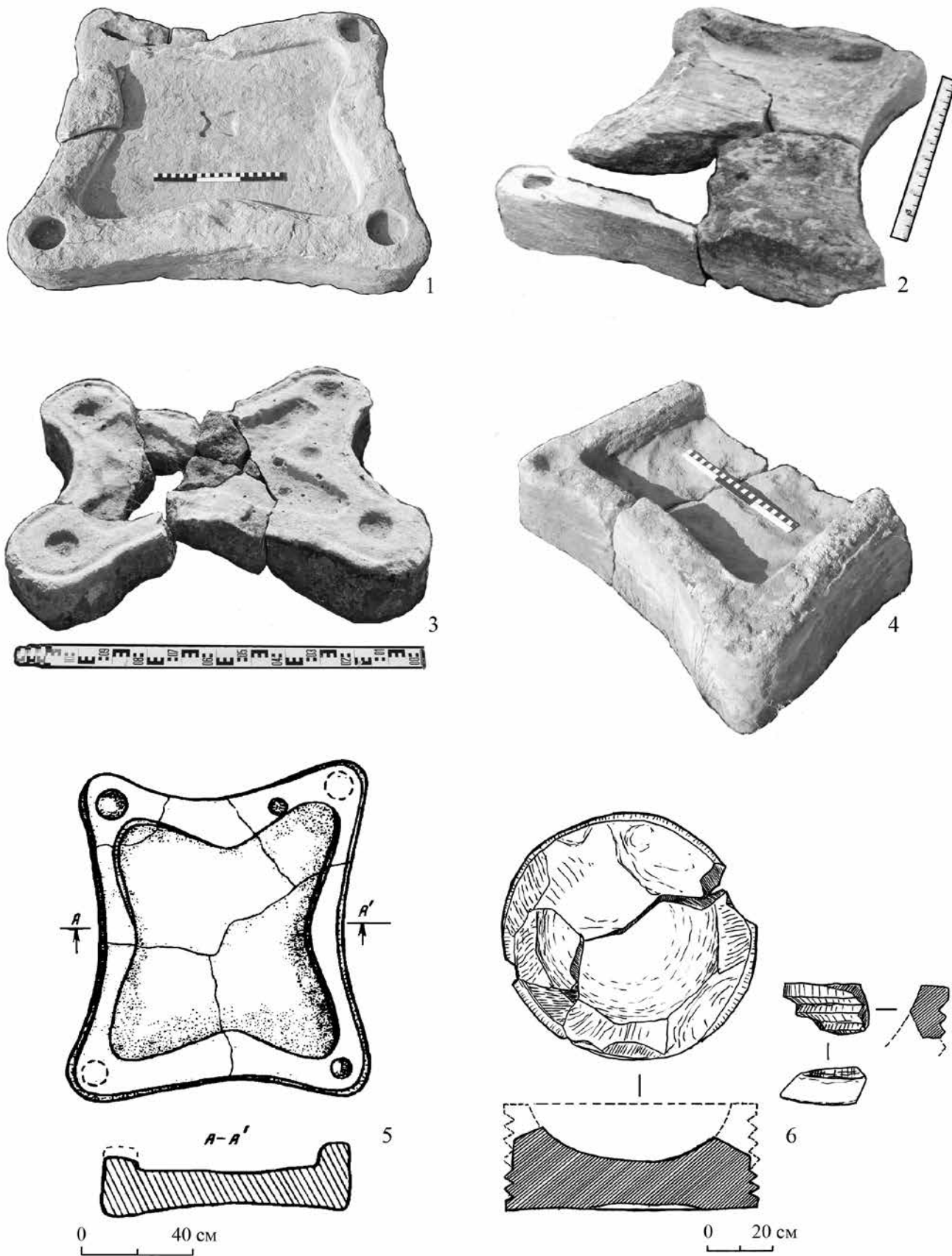

Рис. 3. Алтари-жертвенники из памятников байтинского типа: 1, 2, 6 – Байте-III; 3, 4 – Акуюк; 5 – Карамунке

Параллели идей формирования сакрализованного пространства и обустройства его жертвенниками-ящиками и жертвенниками-плитами (алтарями) подсказывают направление развития научной мысли в сторону поиска историко-культурных взаимосвязей между байтинскими и алтынказганскими святилищами, несмотря на внушительный временной разрыв – не менее 600 лет. Имеем ли мы дело с фактом сохранения традиции ритуальных действий с использованием алтарей каким-то населением Северо-Восточного Прикаспия или же это сходство является случайным вследствие универсальной формы подобных ритуальных предметов? Также остаются открытыми другие очень важные вопросы. Например, какие ритуалы проводились на Байте и Алтынказгане и кем построены монументальные сооружения, характерные только для этого региона? Ответы могут быть получены только в результате новых полевых исследований на территории Мангышлака и Устюрта с учетом анализа имеющихся письменных источников.

Библиографический список

- Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Парадное седло из Алтынказгана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №4 (43). С. 72–84.
- Атхарваведа (Шаунака). В 3 т. Т. 2. Кн. VIII–XII / перев. с ведийского языка, вступ. статья, коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. М., 2007. 293 с. (Памятники письменности Востока. Вып. СXXXV).
- Васильев В.Н. К вопросу о сарматских жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 1998. №1. С. 25–43.
- Дженито Б., Ольховский В.С., Самашев З.С., Франкфор А.-П. Исследования древних святилищ Арало-Каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 7–19.
- Зуев В.Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 54–68.
- Мошкова М.Г. Происхождения раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. 52 с.
- Никонов А.А., Ольховский В.С. О признаках разрушительных сейсмических воздействий на археологических памятниках Западного Устюрта // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 44–55.
- Ольховский В.С. Отчет Устюртского отряда Западно-Казахстанской археологической экспедиции Института археологии АН Республики Казахстан о работе в 1992 году // Архив Мангистауского государственного историко-культурного заповедника. Дело КП-556/2. 78 с.
- Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культовый комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // СА. 1990. №4. С. 196–206.
- Ольховский В.С., Галкин Л.Л. К изучению памятников Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа // РА. 1997. №4. С. 141–156.
- Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы, 2007. 400 с.
- Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г. Храм-святилище Кызылуик. Астана, 2011. 200 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. 380 с.
- Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «сарматских жертвенников» Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2001. №3. С. 21–49.

© 2017, П.В. Герман

Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЭТАП И ТИП

Анализ существующих периодизаций тагарской культуры приведен в ряде современных исследований (см. напр.: [Савинов, 2012, с. 33–38; Субботин, 2014, с. 5–9]). Здесь отметим следующее: несмотря на то, что периодизации М.П. Грязнова и С.В. Киселева не потеряли своей актуальности, в настоящее время следует говорить о симбиозе этих двух схем. Иллюстрацией этого является трехчастная периодизация Н.Ю. Кузьмина, основанная на объединении этапов расширенной схемы М.П. Грязнова [1979, с. 4, 5]: раннетагарский период (баиновско-подгорновское время); среднетагарский период (биджинско-сарага-

шенское время); позднетагарский период (тесинский этап) [Кузьмин, 1979; 1987а; Kuzmin, 2010, p. 377]. Позднее схожие схемы развития тагарской культуры были предложены А.В. Субботиным [2001, с. 35] и Д.Г. Савиновым [2012, с. 39]. Данный симбиоз, отразившийся на понятийном аппарате большинства исследователей тагарской культуры, произошел в результате следующих причин: 1) признание трех основных этапов развития культуры – раннего, среднего и позднего; 2) высокая дискретность периодизации М.П. Грязнова, позволяющая детализировать хронологию материала в пределах этих этапов.

Периодизация тагарских древностей основана на систематике погребальных комплексов (далее – ПК), в основе которой должно находиться понятие «тип ПК». В публикациях по тагарской проблематике за последние 30 лет фигурирует несколько терминов, обозначающих типы погребальных комплексов тагарской культуры: «баиновский тип» [Паульс, 1983, с. 72; Кузьмин, 1994, с. 59; Лазаретов, 2007], «подгорновский тип» [Кузьмин, 1994, с. 59], «биджинский тип» [Кузьмин, 1994, с. 59; Александров, Паульс, Подольский, 2001, с. 93], «сарагашенский тип», «лепешкинский тип» [Кузьмин, 1987б, с. 116; 2011, с. 29]. Нетрудно заметить, что в качестве эпонимов для типов использованы наименования эталонных могильников из расширенной периодизации М.П. Грязнова [1979, с. 4, 5]. Актуальность процедуры замены «этапа» на «тип» для ПК некоторых периодов отмечена в работах А.В. Субботина [2014, с. 76]. Таким образом, в процессе осмысления материалов тагарской культуры исследователи обратились к пересмотру понятийного аппарата в системе тагарской периодизации. Исходным моментом для данной ревизии представляется отмеченный выше симбиоз двух классических периодизаций.

В пояснении к расширенной периодизации М.П. Грязновым была предложена дефиниция понятия «этап» – хронологический отрезок, основная часть памятников которого «характеризуется вполне определенным комплексом свойственных им признаков, наряду с этим имеются и памятники переходного или смешанного типа, соединяющие в себе признаки двух смежных по времени периодов» [Грязнов, 1979, с. 5]. Исходя из этого определения следует полагать, что каждый этап (по М.П. Грязнову) включает в себя как минимум три типа ПК – один основной (классический) и два переходных.

В расширенной периодизации М.П. Грязнова [1979, с. 4, 5] – семь этапов. Ниже будут приведены некоторые размышления об их месте и роли в периодизации тагарской культуры, а также о соотношении понятий «тип» и «этап» в систематике тагарских ПК.

1. Различия между комплексами, включенными М.П. Грязновым [1956, с. 70] в состав **баиновского этапа**, достаточно выразительны. Их синхронность и принципы объединения недостаточно аргументированы. Тем не менее данная хронологическая ниша используется исследователями до сих пор. И.П. Лазаретов предлагает вынести памятники «баиновского типа» (комплексы Баинова улуса и аналогичные ему) за рамки тагарской культуры (напр.: [Лазаретов, 2007]). Аргументация исследователя предельно ясна и логична. При сравнении с трактовкой данной группы памятников по М.П. Грязнову получается следующая ситуация: баиновский этап (по М.П. Грязнову) включает разнотипные комплексы, т.е. тип (по И.П. Лазаретову) и этап (по М.П. Грязнову) – это совершенно разные уровни в тагарской/предтагарской систематике. Наглядным примером тому является предложение М.П. Грязнова обозначить комплексы могильника Знаменка эталонными памятниками баиновского этапа [Podol'ski, 1996, p. 89], хотя они разительно отличаются от Баинова улуса. Исходя из этого напрашивается вывод, что М.П. Грязнов допускал бытование на начальном этапе тагарской культуры разнотипных захоронений. Собственно это и было продемонстрировано в работе И.П. Лазаретова. К этому следует добавить, что и сам И.П. Лазаретов [2007, с. 104] допускает возможность сосуществования части баиновских и раннетагарских комплексов.

Другой вариант квалификации баиновских комплексов заключается в присвоении им нейтрального статуса. Термин «баиновский тип» впервые появляется в статье Е.Д. Паульса [1983, с. 72], который предложил объединить атипичные карасукские и баиновские комплексы в карасук-тагарский культурный пласт. По идее автора, данная группа памятников «должна существовать параллельно как с позднекарасукским этапом, так и с раннетагарским» [Паульс, 1983, с. 72]. В том или ином контексте о переходном статусе баиновских комплексов и/или их синхронизации с раннетагарскими говорили многие исследователи (напр.: [Ковалев, Хаврин, 1995, с. 96; Kuzmin, 2010, p. 385]).

Ранее нам также приходилось отмечать, что памятники баиновского типа (по И.П. Лазаретову) «обнаруживают признаки, характерные как для карасукской, так и для тагарской культур, то есть могут квалифицироваться как переходные» [Герман, 2007, с. 21]. Здесь хотелось бы внести уточнение о месте этих памятников в тагарской систематике. Следует согласиться с И.П. Лазаретовым, что включение комплексов баиновского типа в состав тагарской культуры представляется неправомерным. Данные комплексы,

вероятнее всего, связаны с контекстом проблемы происхождения раннетагарских памятников и, надо полагать, синхронны их появлению, но в классификации тагарских древностей они представляются инородными. В раннетагарских комплексах прослеживается очевидная связь с баиновскими по многим компонентам погребальной практики, такими как могильная и околomoгильная архитектура, поза погребенного, состав сопутствующей пищи. Но такую же корреляцию следует отмечать и, как минимум, с этапом III-б ЭПБ (среднелугавский, по И.П. Лазаретову). Баиновские погребения не содержат предметов вооружения, характеризующих раннетагарский ПК, представленная в них керамическая посуда отличается от тагарской. Поэтому нет оснований относить комплексы баиновского типа (по И.П. Лазаретову) к тагарской культуре и, соответственно, выделять одноименный этап в ее периодизации.

2. Выделение памятников **черновского этапа** связывают с работами Г.А. Максименкова. Однако, как отмечает Э.Б. Вадецкая, сам Г.А. Максименков никогда не использовал данного термина в своих работах, а выделял круг позднебаиновских памятников: Гришкин Лог I, Новая Черная I, Черновая I [Вадецкая, 2003, с. 6]. В итоге черновский этап не получил даже краткой характеристики в литературе. Практически не упоминается черновский этап при атрибуции тагарских ПК в публикациях и отчетах. По мнению И.П. Лазаретова [2007, с. 99], данный термин не подходит для обозначения раннеподгорновских памятников, поскольку используется в номенклатуре периодизации окуневской культуры. С этим следует согласиться, а неприжившийся термин исключить из периодизации тагарской культуры.

3. Содержание **подгорновского этапа** аккумулирует в себе представления о раннетагарских ПК во всем их многообразии. Несмотря на то, что до сих пор не опубликован столь важный для понимания этого периода эпонимный могильник – Подгорное озеро, представленная в литературе характеристика ПК данного этапа дает достаточно подробное представление о его содержании. Это небольшие ограды, как правило, с пристройками, одиночные и парные захоронения в прямоугольных могилах, сосуды с каннелюрами, обязательное присутствие предметов вооружения (чекан/топор и/или кинжал) в неграбленных мужских погребениях, характерный набор украшений и предметов туалета, не встречающиеся в баиновских и более ранних комплексах ЭПБ (полусферические бляшки, биконические пронизки, головные ножи).

Широкое распространение и массовость подгорновских комплексов позволяет *a priori* говорить об их типологической разнородности. Комплексы имеют территориальные и хронологические отличия, что уже было аргументировано (напр.: [Максименков, 2003; Герман, 2007, с. 20–22]), но требует дальнейшей детализации. Таким образом, погребения, объединенные в подгорновский этап, представляют собой группу разнотипных комплексов, составляющих ядро памятников раннетагарского времени.

В настоящее время большинство исследователей согласилось с синхронизацией кургана Аржан и классических раннетагарских памятников. Соответственно, время появления/распространения тагарских комплексов на территории Минусинских котловин относится не позднее, чем к началу – середине VIII в. до н.э. Кроме этого, ряд исследователей допускают более раннее появление тагарских памятников (напр.: [Акулов, Паульс, 2008, с. 8; Боковенко, 2010, с. 100]) – на рубеже X–IX вв. до н.э., что вполне согласуется с наиболее поздними датами памятников ЭПБ Минусинских котловин [Поляков, Святко, 2009, с. 42].

4. Признаки комплексов **биджинского этапа** выделены М.П. Завитухиной [1968]. Термин активно используется исследователями в атрибуции тагарских ПК. В связи с этим в контексте данной статьи есть возможность рассмотреть биджинский круг памятников как историографически сложившийся. Детальный разбор биджинских ПК является важнейшим для понимания как ранне-, так и среднетагарского культурогенеза. Среди памятников, относимых к биджинскому этапу, следует выделять две группы разнотипных ПК:

– группа I – одиночные или парные захоронения в прямоугольных могилах, как правило, больших по площади, чем подгорновские. В захоронениях мужчин присутствует характерный набор предметов: наконечники стрел, ножные браслеты, ПНН. Специфика инвентаря женских захоронений не столь очевидна и требует обоснования;

– группа II – одиночные, парные, но чаще – коллективные захоронения в квадратных склепах. В отличие от сарагашенских ПК, в них нет оленных блях и ножей с трапециевидной рукоятью, присутствуют полноразмерное оружие и керамическая посуда с узкими каннелюрами, в устройстве оград часты пристройки.

Приведенной краткой характеристики, разумеется, недостаточно как для обоснования такого разделения, так и для последующей атрибуции комплексов по группам. Более детальное описание бид-

жинских памятников – тема отдельной работы. Предварительно в качестве иллюстраций приведем следующие комплексы: группа I – курганы №1 и 2 могильника Бейка; II группа – курган ПМК-6 [Александров, Паульс, Подольский, 2001, с. 53–87].

Хронологическая корреляция подгорновских и биджинских комплексов радиоуглеродным методом не установлена, так как практически все даты для последних попадают на участок гальштатского плато [Евразия..., 2005, с. 140; Поляков, Святко, 2009, с. 38]. Учитывая многочисленные признаки сходства в инвентаре и других компонентах погребальной практики между ПК подгорновской и биджинской I групп, представляется весьма вероятным их сосуществование на протяжении определенного периода. Ранее такая возможность уже отмечалась [Кузьмин, 1994, с. 59; Александров, Паульс, Подольский, 2001, с. 92]. Хронология биджинской II группы в большей степени должна быть привязана ко времени появления сарагашенских памятников. В качестве датировки по аналогиям следует обратить внимание на то, что именно из биджинских погребений происходят все известные в тагарской культуре бронзовые и роговые бляшки в виде свернувшегося в кольцо хищника. По мнению Г.Н. Курочкина, стилистически самая ранняя подобная бляха (раск. А.В. Адрианова на Тагарском озере) может быть датирована VIII – началом VII в. до н.э., а более поздние – концом VII – рубежом VII–VI вв. до н.э. [Курочкин, 1993б, с. 65]. Представленные даты предлагаем принять в качестве общих хронологических границ бытования биджинской I и II групп.

5. Сарагашенский этап аккумулирует в себе основные представления о среднетагарских памятниках: 1) ограды, как правило, больше подгорновских и биджинских, и все без пристроек; 2) квадратные склепы с коллективными (в том числе в несколько ярусов) захоронениями; 3) «визитная карточка» предметного комплекса – бронзовые оленные бляхи. Типологическое разнообразие памятников сарагашенского этапа неоднократно подчеркивалось. В частности, Н.Ю. Кузьминым [1987б, с. 114], помимо выделения хронологических групп, было отмечено, что подсчет погребенных в сарагашенских склепах позволяет выделить следующие типы погребений: «1) 1–3; 2) 7–12; 3) около 30; 4) 40 и более человек в могиле». Данный критерий, конечно, не является исчерпывающим при выделении типов погребений сарагашенского этапа, особенно учитывая тот факт, что практически все склепы являются открытыми комплексами. Приведенного примера классификации сарагашенских ПК достаточно для предварительного вывода о том, что эти погребальные памятники представляют собой группу разнотипных комплексов.

В результате появления серии радиоуглеродных дат, вслед за подгорновскими комплексами, были удревнены погребения сарагашенского этапа. Начальный период сооружения склепов был отодвинут в последнюю треть VIII в. до н.э. [Евразия..., 2005, с. 118], т.е. отчасти совпал с общепринятым временем появления/распространения подгорновских комплексов. Ранние даты сарагашенских комплексов были восприняты скептически. Аргументированно по данному вопросу высказался Н.Ю. Кузьмин [2008]. Для большинства исследователей такая дата, как рубеж VI–V – V в. до н.э., для начала среднетагарского периода сохранила свою актуальность. Некоторые допускают появление ранних сарагашенских склепов в середине VI в. до н.э. [Кузьмин, 2008, с. 86; Савинов, 2012, с. 215].

В данном контексте следует напомнить, что еще до получения серии калиброванных радиоуглеродных дат в литературе неоднократно поднимался вопрос об удревнении сарагашенского этапа. В частности, Г.Н. Курочкин относил начало сооружения склепов к VI в. до н.э. [Курочкин, 1991; 1993а, с. 33]. Н.Л. Членова [1994; 1997, с. 11] при проведении широкого круга аналогий отнесла начало сооружения склепов к VII в. до н.э. В свете радиоуглеродных дат к близким аналогиям обращается К.В. Чугунов [2006, с. 73]. Таким образом, широкий круг аналогий и ряд радиоуглеродных дат дают основание отнести начало бытования сарагашенской группы, ко времени не позднее начала VI в. до н.э.

С хронологией сарагашенских древностей связана еще одна проблема – отход от принципов линейной эволюции в динамике тагарской культуры. Новая концепция (нелинейной эволюции) не отрицает устоявшегося представления о развитии ПК тагарской культуры от простого к сложному, но допускает значительные (от 100 лет и более) временные отрезки сосуществования разного типа погребений, в частности одиночных могил и склепов. Динамика такого процесса отражена на схеме, предложенной А.В. Субботным [2014, с. 76]. Н.Л. Членова [1994] высказывала гипотезу о параллельном существовании на территории Минусинских котловин двух погребальных традиций (культур) – подгорновской и сарагашенской. В настоящее время К.В. Чугунов [2006, с. 71; 2013, с. 99], оперируя радиоуглеродными датами, а также аналогиями предметам из склепов, считает вполне вероятным сосуществование позднеподгорновских и раннесарагашенских комплексов.

Исходя из имеющегося в настоящее время материала следует отметить, что сосуществование памятников подгорновской и сарагашенской групп на одной территории представляется маловероятным. В подгорновских комплексах нет сарагашенских уменьшенных предметов, в сарагашенских склепах нет подгорновской керамической посуды. Известны примеры стратиграфического перекрытия подгорновских погребений сарагашенскими. Такая ситуация наиболее вероятна в случае изолированного бытования указанных групп населения – в разное время или на разных территориях. Представляется, что в качестве «буферной зоны» для подгорновских и сарагашенских памятников выступали отмеченные выше комплексы биджинской II группы.

6. Характеристика памятников **лепешкинского этапа** представлена Н.Ю. Кузьминым [1987; 2011, с. 31], называющим их позднейшими сарагашенскими склепами, или лепешкинского типа. Последний термин был использован и автором этих строк при атрибуции некоторых лесостепных склепов [Герман, 2016], что сейчас представляется нам некорректным, поскольку данные комплексы обладают определенной территориальной и хронологической спецификой. Кроме этого, среди памятников лепешкинской группы выделяется группа «элитных» погребений [Герман, 2016]. Основными отличиями лепешкинских ПК от сарагашенских являются: 1) вход-дромос в конструкциях склепов; 2) бронзовые чеканы с зооморфными навершиями, обоюдоострые проколки и пирамидальные подвески; 3) сосуды с орнаментом в виде треугольников с ямками (в Минусинских котловинах), сосуды со сливом (Ачинско-Мариинская лесостепь). Хронология лепешкинских ПК определена Н.Ю. Кузьминым [2011, с. 219] в пределах III – начала I в. до н.э.

7. Погребальные памятники **тесинского этапа** образуют две большие группы – грунтовые могильники и склепы, каждой из которых свойственны свои типы [Савинов, 2009, с. 42–69; Кузьмин, 2011, с. 80–93, 145–157]. Культурная принадлежность тесинских комплексов дискуссионна [Савинов, 2009, с. 6–25, 102; Кузьмин, 2011, с. 13–15]. Для обеих групп тесинских ПК уже представлены классификации, которые нуждаются в критическом осмыслении. Все это отдельные проблемы, которые выходят за рамки данной статьи. Хронология тесинского этапа (культуры): III в. до н.э. – 1-я треть III в. н.э. или несколько позднее [Кузьмин, 2011, с. 218, 219].

Краткий обзор особенностей памятников отдельно взятого этапа, по расширенной периодизации М.П. Грязнова, позволяет сделать вывод о необоснованности замены термина «этап» на «тип» или об их взаимозаменяемости. Следует согласиться с мнением Д.Г. Савинова [2002, с. 77], что дальнейшее решение всех узловых вопросов тагарской культуры должно опираться на типологию ПК. В содержании таких типов должны быть отражены хронологические, территориальные и социальные признаки. Для наименования этих кластеров нет необходимости дублировать номенклатуру расширенной периодизации М.П. Грязнова.

Приведенные выше рассуждения относительно хронологии рассмотренных групп тагарских ПК отображены в таблице. Данная схема представляется нам связующим звеном между классическими периодизациями тагарских древностей и современными поисками, вызванными пересекающейся хронологией ПК разных этапов (групп). По своей структуре и наполнению представленная схема (см. табл.) сопоставима с периодизацией Н.Ю. Кузьмина [1979; 1987a]. Предлагаемые хронологические границы бытования групп памятников, опираются на имеющиеся к настоящему моменту радиоуглеродные даты,

Периодизация тагарской культуры и хронология групп ПК*

Этапы Группы ПК	Ранний этап		Средний этап				Поздний этап					
	в. до н.э. IX	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I	в. н.э. I	II	III
А. Подгорновская группа		А										
В. Биджинская I группа		В										
С. Биджинская II группа			С									
Д. Сарагашенская группа				Д								
Е. Лепешкинская группа								Е				
Ф. Тесинская группа (склепы)									Ф			
Г. Тесинская группа (грунт. мог.)										Г		

* Темно-серым цветом выделены основные периоды бытования, светло-серым – предполагаемые периоды появления/«доживания» определенных групп ПК.

а также отдельные аналогии, которые получены для комплексов из разных районов. Поэтому представленную хронологию следует определить как обобщенную. Расширенная периодизация М.П. Грязнова является классификацией тагарских ПК, в которой представлены группы памятников, бытовавшие не в строгой последовательности. Типология ПК актуальна для представленных на схеме групп А-Е. В наименовании типов наиболее оптимально применение буквенно-цифровой номенклатуры (например, название типов для подгорновской группы будет начинаться с литеры «А» – А1, А2 и т.д.). Тип ПК должен содержать в себе привязку к конкретной территории, а также аргументированную датировку.

Поднимавшийся неоднократно вопрос о выделении в составе тагарских древностей нескольких культур [Членова, 1994; Вадецкая, 1999, с. 132; Кузьмин, 2008, с. 85] в контексте данной статьи не рассматривается. Напомним, что речь идет о трех культурах – ранней (подгорновской), средней (сарага-шенской) и поздней (тесинской). За исключением обоснования тесинской культуры, данные концепции пока были представлены лишь в виде тезисов или отдельных схем. Представляется, что дальнейшее дробление тагарской культуры на отдельные образования находится в русле известной ревизионистской практики (например, большереченская культура Верхнего Приобья, культуры поздней бронзы Минусинской котловины). Насколько это целесообразно в отношении тагарских древностей, однозначного ответа нет. Не исключено, что создание типологии тагарских ПК в контексте представленных выше групп позволит разобраться в данном вопросе.

Библиографический список:

- Акулов А.Г., Паульс Е.Д. К изучению тагарской курганной архитектуры // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008. С. 5–8.
- Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб., 2001. 100 с.
- Боковенко Н.А. Начало тагарской культуры // Древние культуры Евразии : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 99–103.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 440 с. (Archaeologica Petropolitana, VII).
- Вадецкая Э.Б. Предисловие редактора // Максименков Г.А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб., 2003. (Archaeologica Petropolitana, XIII).
- Герман П.В. Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация) : автореф. дис ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 28 с.
- Герман П.В. Тагарский склеп с изделиями из золотой фольги в Мариинской лесостепи (материалы раскопок 1969 г.) // Вестник ТГУ. Сер. История. 2016. №4 (42). С. 129–133.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. М. ; Л., 1956. 228 с. (МИА, №48).
- Грязнов М.П. Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 3–6.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005. 290 с.
- Завитухина М.П. Раскопки тагарских курганов на Енисее // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1967 год. Л., 1968. С. 14–16.
- Ковалев А.А., Хаврин С.В. Раскопки кургана раннескифского времени на северной окраине села Аскиз // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 91–96. (Археологические изыскания. Вып. 24).
- Кузьмин Н.Ю. Основные традиции и особенности изменений погребальных памятников тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 44–47.
- Кузьмин Н.Ю. Вопросы периодизации и хронологии тагарской культуры // Проблемы археологии степей Евразии. Ч. II. Кемерово, 1987а. С. 68–71.
- Кузьмин Н.Ю. К вопросу о формировании раннетесинских культурных традиций // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск, 1987б. С. 112–116.
- Кузьмин Н.Ю. Внешние воздействия как один из факторов формирования, развития и трансформации тагарской культуры // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза : материалы методологического семинара. СПб., 1994. С. 57–61.
- Кузьмин Н.Ю. Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат для памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяна-Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №3 (35). С. 77–87.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб., 2011. 456 с.

Курочкин Г.Н. Начальная дата тагарской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 103–105.

Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб., 1993а. 94 с. (Археологические изыскания. Вып. 7).

Курочкин Г.Н. Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве // Античная археология и памятники железного века на территории СССР. М., 1993б. С. 59–67. (КСИА. Вып. 207).

Лазаретов И.П. Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археологические вести. 2007. Вып. 14. С. 93–105.

Максименков Г.А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб., 2003. 192 с. (Archaeologica Petropolitana, XIII).

Паульс Е.Д. Переходные карасук-тагарские памятники в южной части Минусинской котловины // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 70–72.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала раннего железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул, 2009. С. 20–56.

Савинов Д.Г. Система хронологии сибирских древностей в трудах М.П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. I. СПб., 2002. С. 74–78.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009. 226 с.

Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб., 2012. 180 с.

Субботин А.В. Динамика развитой тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 32 с.

Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб., 2014. 154 с.

Членова Н.Л. Две тагарские культуры? // Тезисы докладов Международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. Т. 2. Запорожье, 1994. С. 197–199.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997. 98 с.

Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России : материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II. Новосибирск, 2006. С. 69–71.

Чугунов К.В. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // Вестник ТГУ. Сер. История. 2013. №3 (23). С. 97–102.

Kuzmin N. Die aktuellen Probleme der Forschung der Kulturen der skythischen Epoche und der Hunnenzeit in Sudsibirien (Grabdenkmaler des Minusinsker Beckens) // Zwischen Fjorden und Steppe. Internationale Archaologie. Studia honoraria. Band 31. 2010. P. 375–407.

Podol'ski M.L. Early Tagar barrows near the village of Znamenka in Khakasia // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. 1996. Vol. III, 1. P. 61–96.

© 2017, В.И. Дьяков¹, О.В. Дьякова²

¹Владивостокский филиал Российской таможенной академии,

²Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

КУРГАННЫЕ ПАМЯТНИКИ ПРИМОРЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА (география, классификация, происхождение)

На фоне исследований древних курганов стран Дальнего Востока, Центральной и Средней Азии российское Приморье выделяется белым пятном, где о древних курганных некрополях мало что известно. Сооружались ли подобные объекты в Приморье или эта территория по каким-то причинам

оказалась вне зоны курганных погребальных традиций, а если сооружались, то каковы их география, ландшафт, датировка, типы, культурная и этническая принадлежность? В настоящее время по архивным и опубликованным источникам удалось выявить 42 курганных некрополя разных эпох, из которых четыре курганных памятника принадлежат эпохе раннего металла (Лазовский, Валентиновский, Соколовский, Петровка-9). Масштабным стационарным раскопкам подвергался только памятник Петровка-9, расположенный в Шкотовском районе Приморского края [Дьяков, 1999, с. 3–64; Дьяков, Дьякова, 2013, с. 44–59; 2012, с. 33–40; Дьяков, Леонова, 2001, с. 103–107].

Визуальный осмотр и картирование курганов некрополя Петровка-9 однозначно показывают, что мы имеем дело с большим курганным полем. Большая часть курганов долинного типа дислоцирована на берегах р. Петровки и возведена на песчаных рёлках (рис.-2). Значительное количество курганов занимали подножия сопок, определенная часть насыпей находилась на пологих склонах сопок, наименьшее количество зафиксировано на высоких склонах сопок вплоть до вершин. Какой-либо планиграфической закономерности в расположении курганов (в виде цепочек вдоль русел рек, как, например, в Горном Алтае) не выявлено. Курганы Петровки-9, вероятнее всего, возводились исходя из конкретных обстоятельств, времени года и ландшафтных особенностей данного места (формы и размеров долины, характера и высоты окружающих сопок, ориентации течения реки). Возведение такого количества курганов не могло быть одномоментным актом, а предполагало длительную временную эксплуатацию данной территории в качестве погребального поля.

Структура курганного поля

Большинство курганов оказались не связанными между собой одиночными погребальными объектами (№3, 5–10) (рис.-1). Три объекта с близко расположенными и частично перекрывавшими друг друга насыпями являлись родовыми кладбищами. Первое родовое кладбище представлено курганами №1 и 2 с одновременными захоронениями, второе родовое кладбище включало курганы №11–16 с разновременными захоронениями. Последовательность захоронений на втором родовом кладбище выглядела следующим образом. Наиболее ранним являлся курган №12, с западной стороны он смыкался через микроложбину с курганом №15, с севера и северо-запада уходил под насыпи более поздних курганов №11 и 16. Третье родовое кладбище представлено курганом №17, входившим в группу из трех курганов, два из которых пока не исследованы.

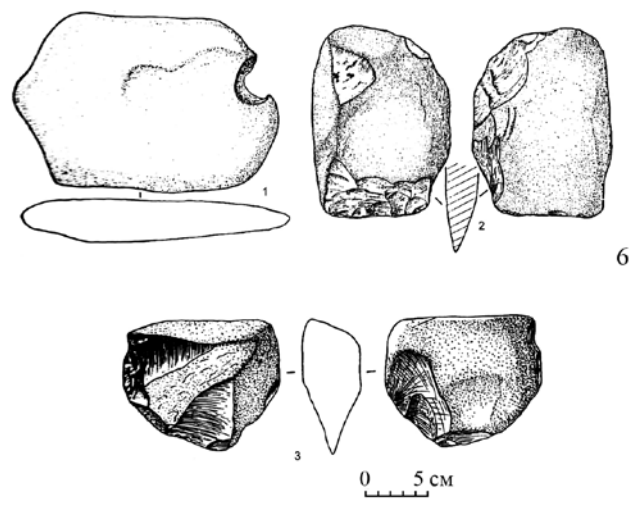
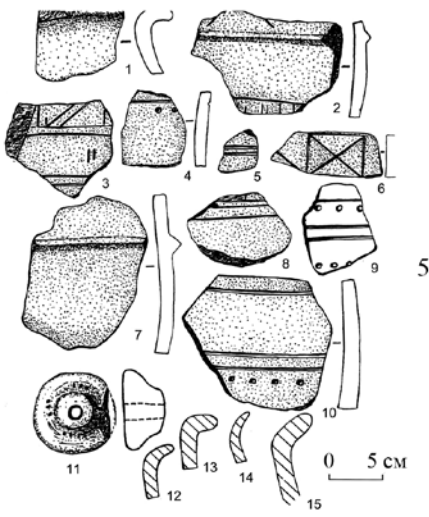
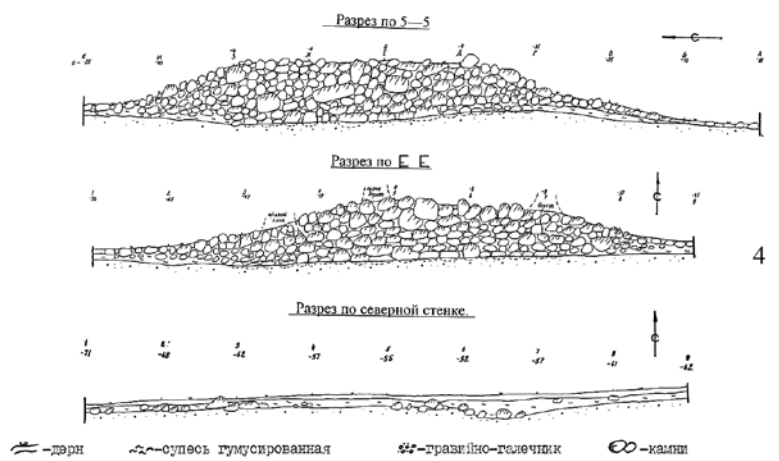
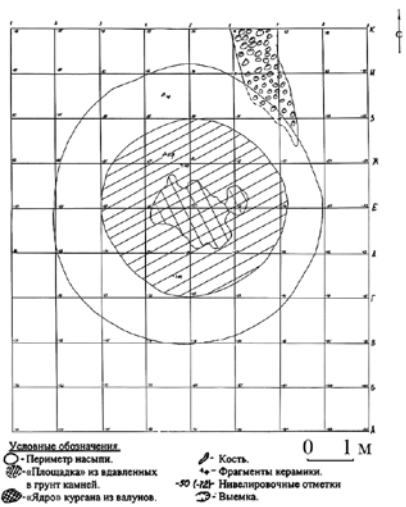
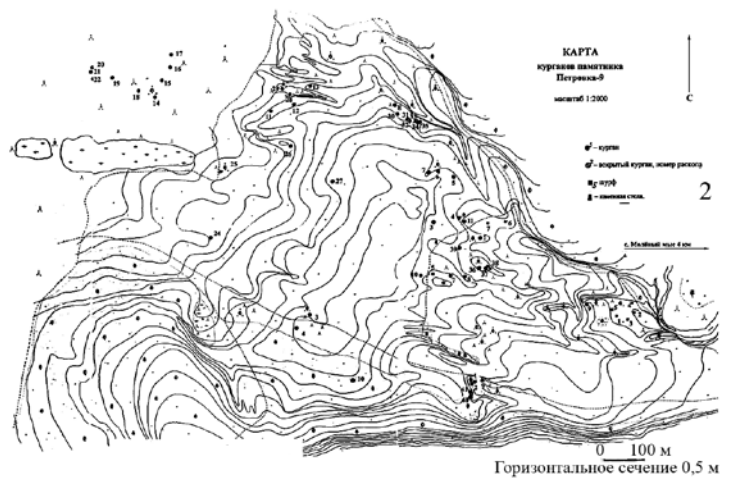
Форма курганов

В плане курганы имели круглую или овальную форму, хотя в первоначальном виде они могли быть прямоугольными или квадратными, но с течением времени оплыли и их конфигурация изменилась. В разрезе курганы представляли собой вид уплощенного шатра или юрты. В нескольких случаях вершины курганов оказались слегка вогнутыми. Нельзя исключать, что это результат более поздней деятельности человека, например, попытки ограбить, хотя чрезвычайно скудный сопровождающий погребальный инвентарь вряд ли мог породить такое стремление. Более реалистичным является проседание насыпи в месте расположения могильного углубления или изъятие стелы с вершины кургана.

Архитектура курганов (рис.-2–4)

Архитектура курганных насыпей достаточно стандартная. Первоначально создавалась искусственная выровненная площадка, на которую насыпалась песчаная «подушка», служившая платформой основания кургана. В этом случае курган окольцовывался ровиком, из которого брали песок для «подушки». Поскольку курганы возводили на песчаных рёлках, то для части курганов, особенно если они располагались на оконечностях рёлок, создавать «подушку» не требовалось. Ею служила сама рёлка, поэтому просто ограничивались ее обрезанием, и тогда либо отпадала нужда в ровике, либо он фрагментарно выкапывался по необходимости. «Подушку» часто укрепляли слоем галечника. В одном случае под курганной насыпью выявлен каменный круг диаметром 3,5 × 3,2 м. Камни были вдавлены в грунт. Размеры камней составляли 20 × 10 × 8 и 17 × 8 × 6 см. Вероятно, эта площадка соответствовала первоначальному размеру основания кургана. Внутри каменного круга встречались отдельные древесные угольки. Связаны ли они со способом погребения, например с кремацией умершего, или с какими-то другими обрядовыми действиями, например с каменными оградками, еще предстоит выяснить. Но не исключено, что каменный круг и камни, торцом вдавленные в почву, первоначально, видимо, являлись деталями разметки кургана.

На этом уровне во многих курганах зафиксированы могильные углубления прямоугольной (подпрямоугольной) формы размером 1,8–1,6 × 1–0,8 м, ориентированные длинной стороной, как правило, на

Петровка-9: 1 – карта памятника Петровка-9, Шкотовский район, Приморский край;
 2 – карта курганов памятника Петровка-9; 3 – курган №3; план после снятия каменной насыпи;
 4 – разрез кургана №3; 5 – керамический материал некрополя Петровка-9; 6 – каменные находки кургана №5

северо-восток – юго-запад и в нескольких случаях содержавшие костные остатки человека (курганы №1, 2, 5, 6, 11, 13–15, 17). Отмечены факты торцовой установки камней возле могильного углубления или на поверхности «подушки». Поверх могильного углубления сооружали каменную насыпь либо из галечно-валунных фракций без включений сыпучих материалов, либо каменно-почвенную, в состав насыпи входили валуны разного калибра, галька, глыбы и сыпучий материал, иногда с дерном. Камни частью доставлялись с близлежащих сопок, частью добывались из речных отложений. Многие камни имели признаки нагрева и следы копти (курганы №1–3, 7). На вершинах курганов устанавливались каменные

стелы в виде подпрямоугольных или овальных глыб, иногда с небольшой подработкой сторон, но всегда без претензий на антропоморфные или зооморфные изображения. Высота и ширина стел неодинаковые, но какого-то четкого стандарта не прослеживается. В основном они более одного метра, но менее двух.

Типы и способы захоронений

Выявлены три типа захоронений: а) в могильных углублениях (курганы №1, 2, 5, 6, 11, 13–15); б) на горизонте (курганы №3, 7, 9); в) в склепе (курган №17). Прослежены три способа захоронения: ингумации (курганы №1, 2, 5, 6, 11, 13–15), подхоронения в курганную насыпь и кремации (курганы №3, 7) [Дьяков, Дьякова, 2016, с. 199–203].

Погребальный инвентарь (рис.-5, 6)

Присутствовал в большинстве курганов и был достаточно скромным. Залегал, как правило, в нижней части курганной насыпи, реже – в могильном углублении. Представлен керамическими изделиями (курганы №1, 2, 5–8, 10, 11, 13, 14, 17), каменными орудиями (курганы №1, 5, 7, 9, 10), костями человека (курганы №1–3, 5, 7), костями животных (курганы №9, 10).

Керамические изделия представлены лепной посудой и пряслицем. Среди лепных сосудов целых изделий не встречено, профилировка фрагментов венчиков и боковых стенок позволяет отнести их к амфоровидным, горшковидным или чашевидным формам. Вся керамика плоскодонная, с коричневой, бурой, красно-оранжевой поверхностью, лощеная, толщина стенок – 0,5–1,0 см, окислительно-печного обжига, без явных следов использования. Для амфоровидных сосудов характерны прямая профилировка горловины с отогнутым наружу (иногда под прямым углом) венчиком, выпуклое тулово, для горшковидных изделий – профилированная (дугообразная) горловина, простой венчик, слабо-профилированное тулово. Для чаш характерны прямые стенки и простой венчик. Зафиксировано три типа орнамента: плоский, врезной и выпуклый. Плоский орнамент представлен крашеной в малиновый цвет внешней поверхностью (амфоровидные и чашевидные сосуды); врезной орнамент – горизонтально-прочерченным декором геометрических конфигураций (амфоровидные и горшковидные сосуды); выпуклый – наклепными, треугольными в сечении, горизонтальными валиками (горшковидный сосуд). Основной орнаментальной зоной служила верхняя часть тулова, в основном плечики. Все три типа орнамента могут присутствовать в одной композиции. Пряслице трапециевидной в сечении формы с выделенной укороченной шейкой и врезным орнаментом на ней в виде оттисков трехзубой гребенки. Диаметр основания пряслица – 3,8 см, высота – 2 см, диаметр отверстия – 0,6 см. Глиняная посуда и пряслице полностью аналогичны материалам памятников Песчаный и Чапаево янковской культуры [Окладников, 1963, с. 390; Дьяков, 1989, с. 125; Сидоренко, 2011, с. 27–36; 2007, с. 270].

Каменные орудия. Немногочисленные, преимущественно галечные, представлены плечиковыми мотыгами (2 шт.), скребловидным изделием, выполненным на массивном отщепе кремневой породы, режуще-скребловидным орудием, оформленным односторонними сколами на конце плоской гальки, галечными отщепами среднего размера из плотной породы, абразивной плиткой. Шлифованные изделия в петровских курганах не встречены.

Кости животных. Лошадиная «бабка» (курган №9), челюсть собаки (курган №10).

Кости человека. Фрагменты костей человека (трубчатые, тазовые, позвонки, фаланга) встречены в курганах №1–3, 5, 7.

Культурная и временная идентификация

Культурную и временную идентификацию курганов эпохи раннего металла позволяют установить хотя и скудные, но достаточно выразительные артефакты. В первую очередь, это лепная керамика, формы которой, типы орнамента и орнаментальные композиции полностью соответствуют керамике памятников на полуострове Песчаный, Чапаево янковской культуры, датируемой I тыс. до н.э. и связываемой А.П. Окладниковым с племенами илоу [Окладников, 1963, с. 125].

Обнаружение в кургане №9 лошадиной «бабки» имеет принципиальное значение, поскольку удревняет появление лошади в Приамурье и Приморье почти на 500 лет. Остеологический материал на янковских памятниках представлен домашними животными: собакой, свиньей, коровой. До раскопок курганов Петровки-9 считалось, что лошадь в регионе появляется в польцевской культуре эпохи раннего железного века, а постоянное ее присутствие, активное использование в военном деле и даже культ приходится на эпоху средневековья, на мохэскую, бохайскую и чжурчжэньские культуры.

Находка скульптурки каменного «кабанчика» в кургане №5 подтверждает присутствие свиньи в хозяйстве янковцев и, вероятно, даже ее культ. Не совсем характерным для янковской культуры яв-

ляется наличие в петровских курганах галечных орудий – мотыг, скребел и прочих изделий. Галечные орудия более присущи лидовской культуре, на янковских памятниках преобладали шлифованные изделия: прямоугольные топоры, наконечники стрел, копий [Дьяков, 1989, с. 158–159]. В петровских курганах шлифованные изделия отсутствуют.

Таким образом, появление каменных курганных насыпей в Приморье в эпоху раннего металла, в частности каменных кругов, позволяет полагать, что истоки этой традиции уходят в Центральную Азию и Южную Сибирь, в культуры кочевников. По времени это совпадает с периодом формирования скифо-сибирской общности. Каменные круги с определенным количеством камней характерны именно для этой эпохи. Геометрический стиль орнаментации, в частности меандр, отдельные формы сосудов тоже подтверждают воздействие западных традиций. Изначально для янковских захоронений традиционным считалось помещение умерших под пол заброшенных жилищ по обряду ингумации с положением погребенного на спине и ориентировкой головы на юг. Захоронения совершались в неглубоких, иногда выложенных камнем могильных ямах. Погребальным инвентарем служили вещи повседневного пользования: бусы, каменные подвески, топоры, пряслица, сосуды, а не специально созданные сакральные изделия. Кроме одиночных захоронений, встречались и коллективные (например, Чапаево).

Появление курганов в янковской культуре свидетельствует о внедрении новой погребальной традиции. Для Дальнего Востока с древности характерны стационарные жилища типа землянок и полуземлянок, для которых в земле выкапывался котлован. Это означает, что у дальневосточного населения до этого времени не было запрета на «ковыряние» земли. Зато такой запрет существовал у степных этносов, в первую очередь у кочевников. Они пользовались наземными жилищами (юртами и пр.), что соответствовало их форме хозяйства, не позволявшей «царапать лицо матери», отождествлявшейся с землей. Как видим, в эпоху палеометалла в I тыс. до н.э. в Приморье появляются насыпные каменные курганы, повторяющие форму шатра и возведенные над слабыми (почти условными) углублениями. Это позволяет предполагать, что данный факт отражает момент появления принципиально нового погребального обряда, заимствованного у кочевых племен Центральной Азии и Южной Сибири скифо-сибирского круга, не исключено, что опосредствованно через забайкальские культуры. Заметим, что запрет на «ковыряние» земли дожил у монголов, хакасов, тувинцев, т.е. у монгольских и тюркских народов, почти до наших дней. У тунгусо-маньчжурских этносов такого запрета не было никогда. Закономерность появления и распространение курганов очень точно обозначил Н.Я. Мерперт: «Курганы являют разительный контраст погребальному обряду раннеземледельческих обществ, где мертвые оставались в пределах своего поселка, даже своего дома... В степи же курганы являются определенной закономерностью, обусловленной и естественными, и психологическими предпосылками» [Мерперт, 1974, с. 84]. Подобная закономерность присуща и для янковской культуры, хорошо знакомой с земледельческим производством. Для нее традиционными были захоронения в жилищах, но в определенный момент она испытала сильное влияние кочевых культур, что проявилось в виде смены погребального обряда и внедрения курганной традиции.

Библиографический список

- Дьяков В.И. Научный отчет о продолжении археологических раскопок памятника Петровка-9, разведочных работах в Шкотовском, Ханкайском районах Приморского края // Архив ИА РАН. М., 1999. Р-1. №26014. С. 5–17.
- Дьяков В.И. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток, 1989. 240 с.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В. Курган №17 некрополя Петровка-9 // Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история : сб. научных статей. Владивосток, 2013. Вып. 2. С. 44–59.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В. Курганный комплекс Петровка-9 (Приморье) // Дальневосточно-сибирские древности. Новосибирск, 2012. С. 33–40.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В. Курганы Приморья. Владивосток, 2016. 256 с.
- Дьяков В.И., Леонова Н.Б. Курганы Приморья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик ; Омск, 2001. С. 103–107.
- Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. 275 с.
- Окладников А.П. Древнее поселение на полуострове Песчаный у Владивостока. М. ; Л., 1963. 355 с. (МИА, №112).
- Сидоренко Е.В. Пряслица тетюхинской группы памятников эпохи палеометалла горно-таежной зоны Приморья // Россия и АТР. 2011. №3. С. 27–36.
- Сидоренко Е.В. Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток, 2007. 270 с.

КАМЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЖЕЛЕЗООБРАБОТКИ В СКИФИИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект 16-06-00051)

В процессе формирования восточноевропейских очагов железной индустрии особое место занимает скифский период. Именно тогда железо начинает входить в повседневный обиход местного населения и становится основным материалом в производстве орудий труда и оружия («working iron», по Э. Снодграссу). Значимость скифской эпохе придает и тот факт, что в это время происходит становление первого государственного образования на территории Восточной Европы – Скифского царства. Отражением этого процесса выступает появление ремесленных центров на территории степной Скифии.

Обозначенные процессы происходят на рубеже V–IV вв. до н.э. Суть их сводится к смене основной хозяйственной деятельности – освоению земледелия и, как следствие, переходу к оседлому образу жизни. По мнению Н.А. Гаврилюк [1989, с. 94], исследовавшей хозяйство и быт скифов, причиной этих изменений послужила дигрессия пастбищ, неизбежная при экстенсивном кочевом хозяйстве.

В архаичный период скифской культуры, по мнению исследователей, изделия из металла поступали к скифам главным образом из поселений скифоидных племен лесостепи. Переход кочевых степных населения к оседлости сыграл существенную роль в контексте общей истории развития железообрабатывающего производства. Изучение материалов этого периода позволяет выяснить, каким образом происходило становление железообработки у кочевых племен, не имевших опыта работы с металлом. Надежным и объективным инструментом для решения этой проблемы является археометаллографический метод исследования, позволяющий реконструировать технологию производства.

Переход к оседлости характеризуется появлением на территории степной Скифии крупных укрепленных поселений, в которых развивались различные производства, в первую очередь металлургическое.

Наиболее ярким центром в степной Скифии является Каменское городище, фундаментальные раскопки которого в середине XX в. проводил Б.Н. Граков. Среди артефактов, обнаруженных на памятнике, значительную часть составляют находки, связанные с металлургическим и кузнечным производством: куски железной руды, железные шлаки, фрагменты кричного железа, обломки стенок глиняных горнов с отверстиями для сопел, кузнечный инструментарий (зубила, пробойники), полуфабрикаты и заготовки [Граков, 1954, с. 115, 124]. Анализ находок позволил Б.Н. Гракову [1954, с. 123] сделать вывод о том, что «Каменское городище явно было постоянным поселением оседлых мастеров-металлургов в этой стране скифов-кочевников».

Однако позднее отдельные положения Б.Н. Гракова, касающиеся железообрабатывающего производства на памятнике, некоторыми исследователями были пересмотрены. Так, С.Я. Ольговский [1987, с. 48–52] вообще отрицает существование на Каменском городище металлургического производства и считает, что источником сырья в виде готовых криц для кузнечных мастерских были горно-металлургические центры Криворожского бассейна. Само же Каменское городище, по его мнению, было не постоянным поселением, а сезонным городищем-торжищем. Должны заметить, что обнаруженные на Каменском городище многочисленные металлургические шлаки* [Граков, 1954, с. 218] являются прямым доказательством существования на памятнике черной металлургии. Что касается возможности использования железных руд Криворожского бассейна, то приводимые группой Б.А. Шрамко данные спектрального анализа не подтверждают такой возможности: «...железо Каменского городища не содержит основных микропримесей, характерных для руд Криворожского бассейна» [Шрамко, Солнцев, Фомин, 1986, с. 166].

Продолжившая в 1987 г. раскопки на городище Н.А. Гаврилюк [2004, с. 254] склонна рассматривать памятник как конгломерат разновременных поселков, не снижая его значимости как производственного центра в истории Скифии в период перехода кочевых племен к оседлости [Гаврилюк, Котова, 1999, с. 39].

Прояснить некоторые вопросы о производственном характере памятника могут помочь результаты археометаллографических исследований кузнечных артефактов, позволяющих реконструировать производственную культуру населения Каменского городища.

---

* С.Я. Ольговский подвергает сомнению, что эти шлаки являются металлургическими, допуская возможность отнесения их к отходам кузнечного производства. Поясним, что кузнечный шлак представляет собой или просто окалину, или мелкие каплевидные фракции, получившиеся в результате проковки крицы. Археологически зафиксировать такие артефакты практически невозможно.

Первым, кто использовал результаты металлографического анализа кузнечных артефактов из скифских памятников, был Б.А. Шрамко, который в соавторстве с металловедом Л.А. Солнцевым и Л.Д. Фоминым опубликовал целую серию статей, посвященных железообработке в Скифии [Шрамко, Солнцев, Фомин, 1963; 1986]. Исследователи пришли к выводу, что изделия из Каменского городища изготовлены по простым технологическим схемам без использования приемов по улучшению механических свойств изделий. Принципиальным является вывод авторов об отсутствии среди кузнечных артефактов из Каменского городища такого высокоразвитого приема, как термическая обработка. Обобщая полученные археометаллографические данные, Б.А. Шрамко пришел к выводу о том, «что кузнечное производство на Каменском городище еще не было достаточно дифференцированным и мастера-универсалы, которые занимались и литьем бронз, и ковкой железа, в некоторых случаях не обладали еще достаточным знанием специально в области металлообработки железа» [Шрамко, Солнцев, Фомин, 1986, с. 168]. Таким образом, исследователь оценивает железообработку на Каменском городище как производство, стоящее на низком уровне развития.

Позднее к материалам Каменского городища и его окружи из раскопок Н.А. Гаврилюк 1993–1999 гг. обращался киевский исследователь Д.П. Недопако [2005], который, в отличие от приведенных Б.А. Шрамко данных, обнаружил ряд предметов, изготовленных по сложным для раннего железного века технологиям (использование цементованной стали и термической обработки).

Учитывая разногласия в интерпретации аналитических данных и исключительную важность материалов крупного ремесленного центра скифского мира, мы решили вновь обратиться к материалам этого памятника. Всего было исследовано 39 предметов: ножи (21 экз.), серпы (2 экз.), шилья (3 экз.), иглы (1 экз.), долота (3 экз.), пробойник (1 экз.), неопределимые фрагменты (8 экз.). Изделия происходят из раскопа IX, культурный слой которого датируется Б.Н. Граковым [1954, с. 229] серединой IV – III в. до н.э.

Полученные нами данные археометаллографического анализа привели к совершенно иному по сравнению с мнением Б.А. Шрамко выводу о технологии железопроизводства на Каменском городище. В частности, обнаружено, что большинство изделий изготовлено с использованием высокоразвитых для раннего железного века технологий, а именно с применением специально полученной цементованной стали и разнообразных видов термической обработки. Следует отметить, что в технологии производства такой наиболее информативной категории, как ножи, присутствовали только стальные орудия. Причем более половины ножей изготовлены с использованием цементации либо заготовки, либо готового изделия. Половина ножей была подвергнута термообработке: закалке с последующим отпуском или самоотпуском, а также нормализации. Особое значение имеет не только сам факт распространенности термической обработки, но и использование разнообразных ее видов, а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что ремесленники Каменского городища прекрасно разбирались в сортах используемой стали. Например, твердую сталь для того, чтобы избежать хрупкости предмета, целенаправленно подвергали либо мягкой закалке (структура сорбита), либо нормализации (структура сорбитообразного перлита), либо такому специфическому приему, как закалка с самоотпуском.

Требуется объяснения факт принципиального расхождения характеристики технологии производства изделий с Каменского городища, полученной нами, и данными, полученными группой Б.А. Шрамко. Одной из причин может быть разница в количественном (коллекция Б.А. Шрамко вдвое меньше исследованной нами) и категориальном составе (орудия труда в коллекции Б.А. Шрамко представлены единичными экземплярами) исследованных коллекций. Но особенно важным фактором является подход к некоторым технологическим интерпретациям. На этом стоит остановиться особо. Это относится к одной из разновидностей термической обработки – нормализации. Отметим, что структура нормализованной стали (сорбитообразный перлит) была зафиксирована харьковскими исследователями. Однако они не интерпретировали ее как следствие *преднамеренной* термообработки, а полагали, что структура нормализации могла возникнуть естественным путем при остывании откованного изделия на открытом воздухе. Однако поясним – это исключено, поскольку для получения структуры нормализованной стали должен быть соблюден целый ряд условий: во-первых, сырьем должна служить высокоуглеродистая сталь; во-вторых, необходимо проведение целого ряда последовательных операций, таких как нагрев до определенной температуры (свыше 900 °С), выдержка при этой температуре и только после этого остывание на открытом воздухе. Характерно, что известный польский историк металлургии Й. Пяковский рассматривал структуру нормализованной стали в древних изделиях как результат специальной термообработки. Это было продемонстрировано им именно на скифском материале [Piaskowski, 1959].

С технологической точки зрения есть все основания рассматривать Каменское городище как крупный железообрабатывающий центр, производящий высококачественную продукцию. Подчеркнем, что все зафиксированные нами высокотехнологичные приемы обработки черного металла, уже использовались в VI в. до н.э. в лесостепной Скифии (Бельское городище) [Шрамко, 1994, с. 54]. В свою очередь, есть все основания считать, что появление этих приемов связано с инфильтрацией, как полагает Ирина Борисовна Шрамко, в местную среду части населения из областей Северного Кавказа. Именно на Северном Кавказе подобные технологии были широко распространены уже в VIII в. до н.э. [Вознесенская, 1975; Терехова, 2015].

Пока невозможно однозначно ответить на вопрос, были ли кузнецы Каменского городища выходцами из лесостепных центров или непосредственно с Северного Кавказа. Но остается несомненным тот факт, что кузнечные изделия Каменского городища выполнены в кавказских производственных традициях.

Предположение о том, что высокотехнологичные изделия Каменского городища могли быть импортами, опровергается их массовостью. Трудно представить, что в постоянно действующем железообрабатывающем центре импортные изделия составляли основную часть продукции.

Полученные нами результаты археометаллографического исследования кузнечных артефактов с Каменского городища позволяют совершенно по-новому оценить значение этого памятника в контексте истории железообрабатывающего производства Скифии. В отличие от распространенного ранее мнения о низком уровне развития железообработки в степной Скифии, мы получили объективные доказательства о существовании здесь высокоразвитого производства. Как было показано, большинство предметов изготовлено с применением высокотехнологичных для раннего железного века приемов. Мастера располагали таким материалом, как высокоуглеродистая цементованная сталь (т.е. сталь, целенаправленно полученная путем цементации заготовок). Такая сталь требовала особых способов обработки, использование которых демонстрируют исследованные нами изделия. Нет сомнения в том, что кузнечные изделия Каменского городища являются продукцией высококвалифицированных мастеров, работавших в кавказских производственных традициях.

Огромное значение Каменского городища как крупного производственного центра степной Скифии заключается в том, что на его примере можно проследить процесс формирования ремесла у кочевых народов в период перехода к оседлому образу жизни. Ключевую роль при этом играют контакты кочевников с носителями технологических знаний.

Библиографический список

- Вознесенская Г.А. Технология производства железных предметов Глийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975. С. 76–116.
- Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. 112 с.
- Гаврилюк Н.А. Каменское городище – городище, торжище или конгломерат разновременных поселков? // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб., 2004. С. 248–255.
- Гаврилюк Н.А., Котова О.И. Б.Н. Граков и 100 лет раскопок Каменского городища // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. М., 1999. С. 37–39.
- Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. М., 1954. 240 с. (МИА, №36).
- Недопако Д.П. Технологічні дослідження залізних виробів зі скіфського Кам'янського городища // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005. С. 412–416.
- Ольговский С.Я. Социально-экономическая роль Каменского городища // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 48–53.
- Терехова Н.Н. Железные изделия из Ульских курганов в контексте кузнечного ремесла скифской эпохи // Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе / А.И. Иванчик, А.М. Лесков. М.; Берлин; Бордо, 2015. С. 77–86.
- Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д. К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии // СА. 1986. №2. С. 156–169.
- Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // СА. 1963. №4. С. 36–57.
- Шрамко И.Б. Развитие кузнечного ремесла у племени бассейнов Ворсклы и Псла в скифскую эпоху // Древности-1994. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1994. С. 43–57.
- Piaskowski J. Technologia wyrobów żelaznych u dawnych Scytów // Przegląd techniczny. R. 18. Maj 1959. S. 26–27.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

В переходный период от бронзового века к железному на юге Западной Сибири начинаются процессы сложения культур раннескифского круга. В Барабинской лесостепи наступает время бытования саргатской археологической культуры, получившей широкое освещение в литературе [Корякова, 1988; Матвеева, 1993; Полосьяк, 1987]. Керамика этого культурного образования имеет яркое своеобразие и достаточно хорошо изучена.

За последнее время на памятниках раннего железного века данной территории выделяется пласт керамических материалов, существенно отличающийся от саргатских и датируемый VII–VI вв. до н.э.

Комплекс керамики раннескифского облика представлен тонкостенной слабоорнаментированной посудой, по-видимому, круглодонной. Зона в области горловины декорирована рядами крупных «жемчужин». Таким же образом украшено и тулово.

Подчеркнем, что если для керамики саргатской культуры раннего железного века Барабинской лесостепи прослеживается преемственность с культурами поздней бронзы [Молодин, Кобелева, 2007], то для данного комплекса ее нет.

Впервые данный тип посуды был зафиксирован В.И. Матющенко в верхних слоях могильника Ростовка, однако не удалось связать ее с какими-либо сооружениями [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 102–106]. В 2010 г. Западно-Сибирский археологический отряд под руководством В.И. Молодина исследовал свободные от застройки участки памятника к югу от раскопок В.И. Матющенко [Молодин и др., 2015]. В результате исследования обнаружены керамические материалы, как имеющие непосредственное отношение к сейминско-турбинскому комплексу, так и те, которые отнесены В.И. Матющенко и Г.В. Сеницыной [1988, с. 99] к более позднему периоду (рис.-1–9).

Керамика представлена фрагментами горловин и стенок так называемых «бомбовидных» (по технологии В.И. Матющенко и Г.В. Сеницыной [1988, с. 102]) емкостей. Это «закрытые» баночные сосуды с отогнутым вовнутрь венчиком, по-видимому, плоскодонные, украшенные по невыраженной шейке и тулову рядами крупного «жемчужника» (по классификации В.И. Матющенко и Г.В. Сеницыной [1988, с. 104], это керамика второго комплекса, третьей группы).

Кроме того, к данному комплексу следует отнести и несколько обнаруженных фрагментов горшковидной посуды, украшенной по шейке или плечикам «жемчужинами» или крупными ямочными наколами. Такая посуда также выявлена при раскопках Ростовки [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 103].

Касаясь хронологической атрибуции данного керамического комплекса, вместе с кладом бронзовых предметов, отличающихся во всех отношениях от раннего, с сейминско-турбинскими бронзами, В.И. Матющенко и Г.В. Сеницына [1988, с. 125] склонны датировать и клад, и данный керамический комплекс VIII–VI вв. до н.э.

К сожалению, в настоящее время, спустя более полувека после масштабных раскопок В.И. Матющенко, проведенных в Ростовке, мы не можем как-то однозначно либо подтвердить, либо опровергнуть увязку клада с керамическим комплексом, а следовательно, и более надежно, хотя бы хронологически, диагностировать последний.

В 2015 г. при раскопках городища Сергино-2 в Центральной Барабе было исследовано жилище и вскрыта часть оборонительной системы, содержащие керамические материалы вышеописанного типа [Кобелева и др., 2015]. Сравнительно небольшой комплекс керамики представлен тонкостенной слабоорнаментированной посудой. Зона в области горловины декорирована рядами крупных «жемчужин» (рис.-10–17). Таким же образом украшено и тулово.

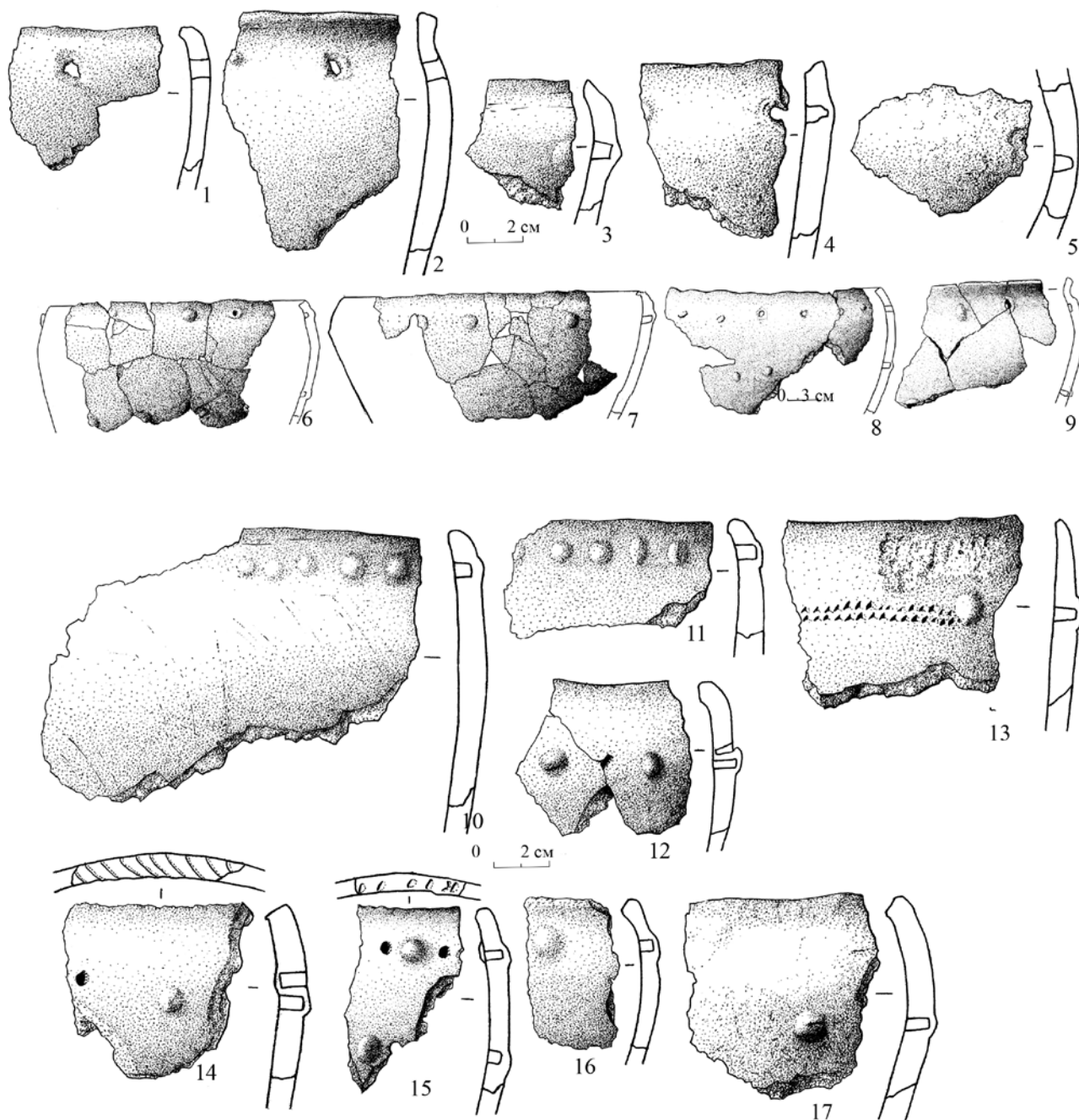
В заполнении оборонительной системы, состоящей из двух рвов, найдены двудырчатый роговой псалий, восемь костяных и два бронзовых наконечника стрел. Один из них – трехлопастной ракетовидный, со скрытой втулкой – так называемого кулайского типа. Такие наконечники широко распространены в лесной зоне Западной Сибири и Приуралья в памятниках V–II вв. до н.э. [Корякова, 1988,

с. 61]. В Барабинской лесостепи они встречаются в материалах новочекинской культуры [Полосьмак, Молодин, 1981, с. 82, рис. 4.-1-3, 5; Полосьмак, 1987, рис. 60], в Приобье – в памятниках кулайской культуры, датируемых VI–III вв. до н.э. [Троицкая, 1979, с. 11, 19, табл. 6; Чиндина, 1984, с. 35]. Второй бронзовый наконечник – трехгранный, с выступающей втулкой. По классификации К.Ф. Смирнова [1961, с. 53, табл. IV.-17] такие наконечники относятся к VI типу и датируются в пределах VI в. до н.э. В памятниках Западной Сибири они встречаются в материалах VI–III вв. до н.э. [Корякова, 1988, с. 62].

Двудырчатые псалии на данной территории известны в материалах саргатской культуры и также датируются VI–III вв. до н.э. [Корякова, 1988, с. 64].

Судя по тому, что во рвах найдены двудырчатый псалий и бронзовые наконечники стрел VI–III вв. до н.э., то памятник функционировал в период с VI по V в. до н.э. При этом какие-либо саргатские материалы в нем отсутствовали.

Аналогии данному керамическому комплексу можно заметить в керамике поселения Ложка-4, отнесенному, несмотря на очевидное своеобразие керамических материалов, к саргатской культуре [Полосьмак, 1987, рис. 27].

Керамика раннескифского облика: 1–9 – памятник Ростовка; 10–17 – городище Сергино-2

Кроме того, керамику «раннескифского» облика в сравнительно небольшом количестве выявили на памятниках эпохи поздней бронзы и переходного от бронзы к железу времени, например, на крупных поселенческих комплексах, таких как городище Чича-1, Линево-1, Омь-1, Березовый остров, Мыльниково.

В исследовании проведен технологический анализ и дана сравнительная характеристика керамических материалов памятников Сергино-2, Ложка-4 и Ростовка. Для исследования использованы методика А.А. Бобринского и петрографический анализ.

Керамика городища Сергино-2 представлена обломками горловин сосудов баночной формы, изготовлена ленточным способом. Ленты шириной 2–3 см слегка накладывали друг на друга. В процессе бинокулярного исследования нами зафиксировано три рецепта формовочных масс: глина + песок; глина + песок + шамот; глина + песок + шамот + органика. Основным является рецепт глина + песок + шамот.

Для подтверждения полученных данных был сделан петрографический анализ 12 образцов от разных керамических сосудов. Во всех случаях для изготовления керамики использовали легкие и средние суглинки монтмориллонит-гидроослюдистого состава с примесью пылеватого и мелкоалевритового обломочного материала полевошпатово-кварцевого состава. Структура алевро-пелитовая, текстура псевдослоистая за счет оптической ориентировки глинистых частиц.

Песок (15–45% площади шлифа) распределен слабогнездовидно. Обломки угловатые, полуугловатые, реже – полуокатанные. Размер обломков – 0,05–0,5 мм, единично – до 0,6 мм. Преобладает размер 0,08–0,25 мм. В составе более всего кварца (зерна часто пропылены непрозрачными частицами), в меньшем количестве отмечаются полевые шпаты (плаггиоклазы, иногда – калиевые полевые шпаты), реже встречаются кремнистые обломки, обломки основной массы кислых эффузивов, единичные зерна роговой обманки, эпидота. Встречаются образования бурого, светло-бурого цвета удлиненной неправильной формы, изотропные, возможно, ихтиодетрит или гуано (?).

Шамот составляет $\approx$ 1–10% площади шлифа. Представлен он обломками преимущественно черного, реже темно-бурого и бурого цвета, неправильной изометричной удлиненной формы, с примесью песка. Состав глинистой части и песка аналогичен таковому в черепке. Размер обломков шамота колеблется от 0,1 до 2,64 мм.

Органика фиксируется в незначительном объеме в виде трещин и пустот (до 1% площади шлифа). Трещины видны в краевой части черепка, они тонкие – 0,008–0,016 мм, в основном короткие, субпараллельные стенкам. В небольшом количестве встречаются пустотки неправильной формы размером до 0,3 мм. Исходя из незначительного количества и неравномерного распределения, скорее всего, органика является естественной примесью в суглинке.

Керамика поселения Ложка-4 изготовлена из глины монтмориллонит-гидроослюдистого состава с примесью обломочного материала в виде кварца, реже – полевых шпатов. Структура цемента пелитовая, текстура нечеткая микрослоистая.

В процессе исследования выявлено два рецепта формовочных масс: глина + песок + шамот; глина + песок + шамот + органика. Основным является рецепт глина + песок + шамот.

Песок составляет в формовочных массах 35% всех добавок. Представлен зернами кварца, в меньшей мере – полевых шпатов, реже встречаются зерна эпидота, турмалина, обломки кремней, единично – пластинки биотита. Форма обломков угловатая, остроугольная, полуугловатая, окатанная, их размеры – 0,05–0,35 мм.

Шамот по составу и цвету близок основному черепку, размер обломков – до 0,5 мм. Составляет в формовочных массах около 1%.

Органика отмечена в виде комочков фосфатного вещества размером от 0,01 до 0,05 мм. Следы органической примеси фиксируются также на внутренней и внешней поверхностях сосудов в виде довольно больших каналов и пустот.

Формовка сосудов осуществлялась ленточным способом при соединении лент друг с другом встык. Зафиксированный плоскодонный образец демонстрирует донный начин. Места соединения дна и нижней ленты изнутри и снаружи имеют следы папиллярных линий. При обработке поверхности гончары применяли твердые инструменты (деревянный нож?). Использовался и такой прием, как лощение.

Керамика памятника Ростовка (раскопки 2010 г.) также была исследована с помощью бинокуляра. Керамический комплекс, относящийся к раннему железному веку, состоял из обломков горловин сосудов баночной формы, изготовленных ленточным способом. В процессе исследования выявлено два рецепта формовочных масс: глина + песок + шамот; глина + песок + шамот + органика. Основным является рецепт глина + песок + шамот.

Для подтверждения полученных результатов был сделан петрографический анализ 9 образцов от разных керамических сосудов. Во всех случаях для изготовления керамики использовали суглинки от легких до тяжелых, монтмориллонит-гидроалюминистого состава с примесью пылеватого и мелкоалевритового обломочного материала полевошпатово-кварцевого состава. Структура алевро-пелитовая, текстура псевдослоистая за счет оптической ориентировки глинистых частиц.

Песок (8–20% площади шлифа) распределен слабогнездовидно. Обломки угловатые, полуугловатые, реже – полуокатанные. Размер обломков – 0,05–0,25 мм, единично – до 0,3–0,7 мм. Самый распространенный размер – 0,05–0,1 мм. В составе преобладает кварц, в меньшем количестве отмечаются полевые шпаты, редко встречаются кремнистые обломки, единичны зерна цоизита, анатаза, мелкие удлиненные пластинки бесцветной слюды.

Примесь шамота составляет $\approx$ 7–30% площади шлифа (чаще всего 20–25%). Представлен он обломками черного, бурого, темно-бурого, светло-бурого, желтоватого и красновато-бурого (пигментация гидроксидами железа) цвета, неправильной изометричной формы, с примесью песка. Состав глинистой части и песка аналогичен таковому в черепке. Размер обломков шамота колеблется от 0,1 до 2,0 мм. Иногда обломки содержат примесь шамота.

Органика фиксируется в незначительном объеме в виде трещин и пустот (до 1% площади шлифа). Трещины видны в краевой части черепка, они тонкие – 0,008–0,016 мм, в основном короткие, субпараллельные стенкам. В небольшом количестве встречаются пустотки неправильной формы размером до 0,3 мм.

Исходя из незначительного количества и неравномерного распределения, скорее всего, песок и органика являются естественными примесями в суглинке.

Таким образом, технологический анализ демонстрирует схожесть керамических комплексов. Керамика изготовлена из местных глин, в качестве основного отощителя использован шамот, реже – песок, в незначительной степени – органика. Подобные обстоятельства, а также единые каноны формообразования, орнаментации и обработки поверхности дают возможность предполагать единую культурную принадлежность памятников Ростовка, Сергино-2 и Ложка-4.

Выделение этого типа керамики в очередной раз ставит вопрос о процессах сложения культур раннескифского круга в Центральной Барабе, в частности о возможном проникновении в начале эпохи раннего железа с юго-запада сакско-массагетского населения, вытесненного затем с этой территории носителями саргатской культуры.

Библиографический список

Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Демахина М.С. Комплексные исследования городища Сергино-2 на реке Оми // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск, 2015. С. 267–271.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: саргатская культура. Свердловск, 1988. 241 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993. 175 с.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 132 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Корусенко М.А. Новые исследования памятника Ростовка близ Омска // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск, 2015. С. 316–320.

Молодин В.И., Кобелева Л.С. Керамика саргатского облика городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII, ч. I. Новосибирск, 2007. С. 325–328.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. 143 с.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Новые находки предметов вооружения раннего железного века из Барабинской лесостепи // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 74–86.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 164 с. (МИА, №101).

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. 255 с.

ПРОБЛЕМА ЗАРОЖДЕНИЯ РАННИХ ДИАГОНАЛЬНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ И ПУТИ МИГРАЦИЙ НОМАДОВ, ПРАКТИКОВАВШИХ ДАННЫЙ ОБРЯД

До настоящего время остается дискуссионным вопрос об истоках происхождения ранних диагональных погребений.

Наиболее ранние диагональные погребения были зафиксированы в Южном Приуралье, и датируются они концом VI – V в. до н.э.: Тара-Бутак (2/3), Пятимары-I (6/1) [Смирнов, 1964, с. 48, 51], Челкар (5/1) [Мошкова, Кушаев, 1973, с. 260, рис. 2, 3], Аландское-III (3/1, 4/2) [Мошкова, 1972, с. 58], Четыре Мара (5/1, 5/2) [Заседателева, 1986], Три Мара (4/2) [Смирнов, 1981, с. 81], Покровка-10 (5/9) [Малашев, Яблонский, 2004, с. 119]. Началом V в. до н.э. можно датировать погребения из могильника Покровка-10, Четыре Мара (5/2) – V–IV вв. до н.э.

Именно с VI в. до н.э. в Приуралье фиксируются новые черты погребального обряда, появляются новые типы погребального инвентаря. Все это, как считают историки, может свидетельствовать в пользу миграции на данную территорию кочевников с Приуралья [Железчиков, 1986, с. 60; 1988, с. 59]. Вся восточная часть Южного Приуралья оказалась заселенной кочевниками, которые в это время начали практиковать и диагональный обряд захоронения. Многие признаки этого погребального обряда и погребального инвентаря находят аналогии у сакских племен Южного Приуралья. Учеными было также отмечено морфологическое сходство кочевников Южного Урала VI–V вв. до н.э. с сако-усуньскими группами Казахстана [Яблонский, 1997, с. 161]. Сходство признаков погребального обряда племен Южного Приуралья и кочевников, практиковавших диагональный обряд погребения, происходящих с территории Южного Приуралья, дает возможность предположить о преемственной связи данных племен.

Погребальный инвентарь из ранних диагональных погребений (сосуды с носиком-сливом, бронзовые зеркала с бортиком и ушком-петелькой на обороте, жертвенники на четырех ножках, черешковые наконечники стрел) имеют среднеазиатское происхождение. Эти данные, вероятно, свидетельствуют о возможных передвижениях, миграции с территории Южного Приуралья кочевников, которые и повлияли на формирование диагонального обряда погребения на территории Южного Приуралья.

Диагональные погребения, датирующиеся IV–III вв. до н.э., по сравнению с более ранними диагональными погребениями, бытуют уже на более обширной территории. Значительно увеличивается их количество.

Встречаются они по-прежнему на территории Южного Приуралья. Это погребение из курганного могильника Альмухаметово (14/2), могильника Леканды (4/2) [Пшеничнюк, 1983], Новоорского могильника (3/1) [Заседателева, 1983]. Были найдены раннесарматские диагональные погребения в могильниках Близнецы (2/1), Мечетсай (8/3) [Смирнов, 1975], которые датируются IV в. до н.э.

IV в. до н.э. охарактеризовался массовой миграцией кочевых племен с территории Южного Приуралья в Заволжье, в междуречье Волги и Дона. Многие признаки погребального обряда диагональных погребений этого времени, найденные в курганах с указанной территории, находят прямые аналогии на территории Южного Приуралья. Однако есть и определенные отличия. Важно отметить увеличение оружия в составе погребального инвентаря диагональных погребений Поволжья.

Диагональное погребение из могильника Барановка (к. 27) [Федоров-Давыдов, 1972] расположено на правом берегу Волги. В данном погребении был найден меч переходного типа. Мечи данного типа были широко распространены в Поволжье и датировались IV в. до н.э. Погребение в могильнике Новорский-II (к. 3) [Заседателева, 1983] содержало большое количество наконечников стрел. Эльтон-83 (10/8) – в погребении был найден железный меч с прямым перекрестием и серповидным навершием [Лукашев, 1983].

На левобережье Нижнего Дона в курганном могильнике Житков-II [Беспалый, 1986] было открыто диагональное погребение, которое содержало меч с рукояткой, обернутый золотой пластиной. По форме навершия и перекрестия он может быть отнесен к 3-му типу II отдела, по типологии А.И. Мелюковой [1964].

Скорее всего, данные погребения принадлежали воинской знати. Именно передвижение на новые территории воинских групп дружинного характера, как правило, предшествовало массовым миграциям, что и наблюдается в IV в. до н.э.

Таким образом, можно говорить об увеличении ареала распространения диагональных погребений, датирующихся IV–III вв. до н.э. Погребения, относящиеся к этому времени, помимо Южного При-

уралья, фиксируются в междуречье Волги и Урала, правобережье Волги, в низовьях Дона, в Калмыкии. Многие черты погребального инвентаря (оружие, керамика) диагональных погребений IV–III вв. до н.э., расположенных на территории западнее Урала, указывают на южноуральские корни. Данные миграции из Южного Приуралья в IV в. до н.э. носили локальный характер, и их можно расценивать как достаточно мирное проникновение небольших групп номадов на территорию родственных племен [Мошкова, 1997, с. 73].

С помощью картографирования можно отметить миграционный путь кочевников, практиковавших диагональный обряд погребения. Основное направление миграции в IV в. до н.э. шло на запад, в сторону Нижнего Поволжья и Дона. В XX в. сарматологи основным местом зарождения диагонального обряда погребения представляли Нижнее Поволжье [Смирнов, 1948, с. 216]. Позже К.Ф. Смирнов скорректировал свою точку зрения. Новый археологический материал позволил ученому утверждать, что именно Южное Приуралье является местом первоначального формирования диагональных погребений. Эту точку зрения поддержали и другие ученые [Максимов, 1966, с. 100; Скрипкин, 2004].

Остается открытым вопрос: почему именно на рубеже VI–V вв. до н.э. зародился диагональный обряд погребения и что послужило толчком к этому явлению?

Учитывая тот факт, что форма и тип могильной ямы могут выступать в роли этнографического обрядового признака социальной, родовой или этнической группы [Мещеряков, 2000, с. 55], можно предположить, что появление диагонального обряда погребения на территории Южного Приуралья было следствием миграционных потоков с других территорий. Изменение этнокультурной ситуации в Урало-Аральском регионе в VI в. до н.э. привело к оттоку отдельных среднеазиатских кочевых племен в степи Южного Урала, а также в зауральскую лесостепь [Могильников, 1997, с. 135; Таиров, 2000, с. 16]. Данные процессы находят подтверждение и на антропологическом материале. Ученые отмечают генетическую связь саков Приуралья с гороховским населением западносибирской лесостепи и некоторых сарматских групп Оренбуржья и Приуралья [Багашев, 1997, с. 64]. Возможно, события, происходящие в Средней Азии, вынудили перенести центр своего племенного объединения в степи Южного Приуралья [Железчиков, 1994, с. 5]. Вероятно, этим объясняется то, что археологическая культура ранних кочевников Южного Приуралья появилась в «готовом виде» не ранее 2-й половины VI в. до н.э., а может быть, рубежа VI–V вв. до н.э. [Таиров, 2000, с. 17]. Б.Ф. Железчиков [1986, с. 59] предположил, что миграция ранних кочевников на территорию Южного Приуралья происходила с районов Приаралья, в частности с низовьев Сырдарьи.

В основе культуры кочевников савроматского времени с территории Южного Приуралья лежит андроновская культура, которая, в свою очередь, была широко распространена на территории Казахстана, Приаралья. Теперь обратим внимание на погребальный обряд андроновцев. Андроновские племена ориентировали могилы на запад или юго-запад. Могилы заглубляли в землю и сооружали из дерева сруб [Кузьмина, 1986, с. 86]. Во многом данная характеристика погребального обряда андроновцев схожа с погребальным обрядом саков Семиречья, Южного Приаралья [Толстой, 1962, с. 58; Яблонский, 1996, с. 52]. Это сходство погребального обряда андроновцев и сакских племен Средней Азии, Казахстана дает возможность говорить о преемственности связи данных племен. Именно на территории Южного Приаралья в могильнике Тагискен (южная группа, к. 54, 61) были найдены ранние диагональные погребения, датирующиеся V в. до н.э.

Погребальный инвентарь из погребений кочевников Южного Урала савроматского времени (сосуды с носиком-сливом, бронзовые зеркала с бортиком и ушком-петелькой на обороте, жертвенники на четырех ножках, черешковые наконечники стрел) имеют среднеазиатское происхождение.

Помимо проведенных параллелей в погребальном обряде и погребальном инвентаре, кочевников Южного Урала и саков Приаралья объединяли общие идеологические представления, являющиеся следствием принадлежности их к ираноязычным кочевым народам.

Таким образом, есть все основания утверждать, что диагональный обряд погребения зародился на территории Южного Приуралья под большим влиянием кочевников, пришедших с территории Средней Азии. В результате миграционной волны из Приаралья на Южный Урал были привнесены новшества, которые повлияли на формирование диагонального обряда погребения. Версия о том, что диагональные погребения могут интерпретироваться как погребения элиты, еще раз подтверждает сам факт привнесения новых элементов в общество, так как элитная часть кочевого племени была самой восприимчивой ко всему новому и стремилась это применить в жизни. К тому же с помощью таких отличительных признаков, как погребение умершего по диагонали могильной ямы, «верхушка» племени маркировала свой элитарный статус.

Библиографический список

- Багашев А.Н. Этногенетические связи сарматских племен // Второй международный конгресс этнографов и антропологов: резюме докладов и сообщений. Ч. 1. Уфа, 1997. С. 58–71.
- Беспалый Е.И. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в 1986 г. // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. №11388.
- Железчиков Б.Ф. Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 52–60.
- Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград, 1994. С. 4–15.
- Заседателева С.Н. Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1983 г. // Архив ИА РАН. 1983. Р-1. №9719.
- Заседателева С.Н. Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1986 г. // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. №11512.
- Кузьмина Е.Е. Древние скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. С. 1–320.
- Лукашев А.В. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИИ в 1983 г. // Архив ИА РАН. 1983. Р-1. №9853.
- Максимов Е.К. Сарматские диагональные погребения Восточной Европы // Археологический сборник. Саратов, 1966. С. 98–115.
- Мальшев В.Ю., Яблонский Л.Т. Ранние кочевники Южного Приуралья // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004. С. 114–125.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964. 113 с. (Археология СССР. САИ, Вып. ДИ-4).
- Мещеряков Д.В. К вопросу об этнокультурной ситуации в Южном Приуралье в IV–III вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара, 2000. С. 53–70.
- Могильников В.А. Социально-экономическая ситуация и этнические процессы на юге Западной Сибири в середине – второй половине I тыс. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири : материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул, 1997. С. 129–141.
- Мошкова М.Г. Проблема миграции в сарматской археологии и работах К.Ф. Смирнова // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997. С. 67–78.
- Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. : Наука, 1972. С. 49–78. (МИА, №153).
- Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 252–270.
- Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Приуралья. М., 1983. С. 1–240.
- Скрипкин А.С. К проблеме этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н.э. // II Международная конференция «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.» посвященной памяти Б.Н. Гракова. Азов ; Ростов н/Д., 2004. С. 60–64.
- Смирнов К.Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 68–85.
- Смирнов К.Ф. О погребении роксолан // ВДИ. 1948. №1. С. 212–128.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С. 1–420.
- Таиров А.Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» Вып. 1. Самара, 2000. С. 16–28.
- Толстой С.П. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи // СА. 1962. №4. С. 42–52.
- Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках Барановского могильника в Черноярском районе Астраханской области в 1972 г. // Архив ИА РАН. 1972. Р-1. №4709.
- Яблонский Л.Т. Саки Южного Приуралья. М., 1996. С. 1–420.
- Яблонский Л.Т. Социальная стратификация степных популяций в физико-антропологическом аспекте // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997. С. 154–163.

ТИПОЛОГИЯ КИНЖАЛОВ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена в рамках реализации гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В VI–I вв. до н.э. на территории лесостепного Алтая наиболее развитой в военном отношении являлась каменная культура, памятники которой локализуются на Приобском плато, Кулундинской равнине, в западной части Предалтайской равнины, а также в северной части Бийско-Чумышской возвышенности [Могильников, 1997, с. 7]. Она имела представительный комплекс вооружения, в котором одним из наиболее значительных по количеству видов были кинжалы [Лихачева, 2013, с. 50, рис. 1; Шульга, 2007, рис. 2]. Под кинжалом нами понимается двухлезвийное короткоклинковое оружие ближнего боя колюще-режущего действия, состоящее из клинка и черена, предназначенного для его удержания [Горбунов, 2006, с. 79]. Помимо двух лезвий, основной отличительной чертой кинжалов является симметричный клинок, когда оба лезвия равноудалены от центральной оси [Лихачева, 2012, с. 165]. Кроме этого, при разграничении кинжалов и такого вида клинкового оружия, как мечи, важную роль играют также метрические показатели. Изучение серии изделий обоих этих видов, происходящих с территории лесостепного Алтая, позволило установить, что кинжалами можно считать изделия, общая длина которых составляет от 14 до 37 см, а ширина клинка у основания – от 2 до 5 см [Лихачева, 2012, с. 166–167].

На настоящий момент известно 40 единиц короткоклинкового оружия, относящихся к рассматриваемой культуре. Классификационный анализ изделий позволил выделить 16 типов. В основу классификации положены следующие признаки: группа определялась по материалу изготовления; раздел – по абрису клинка; отдел – по форме перекрестия; тип – по форме навершия. Дополнительным показателем при выбранном подходе является вариант, который информирует о различных функциональных и декоративных элементах. Для каждого типа, представляющего собой совокупность определенных признаков, были выявлены аналогии, позволившие установить не только хронологические позиции, но и те военные традиции, которые оказали влияние на его формирование. В целом все рассмотренные кинжалы составили три хронологические серии.

К первой относятся изделия, которые датируются VI–IV вв. до н.э. В нее входят бронзовые и железные образцы. Бронзовый имеет клинок килевидного абриса, бабочковидное перекрестие и сегментовидное навершия (рис.-1). Данное изделие не находит полностью идентичных аналогий. Стоит все же отметить, что он наиболее близок находке из Северного Китая, датируемой VI–V вв. до н.э. [Горелик, 2003, табл. XII.-58]. Железный экземпляр обладает треугольным клинком, бабочковидным перекрестием и волютообразным навершием в виде грифонов, а также орнаментом на черене (рис.-8). Он полностью соотносится с некоторыми бронзовыми кинжалами пазырыкской культуры, которые, по всей вероятности, копирует. Это кинжалы из могильников Кайнду VI–IV вв. до н.э. и Тыткескень-VI середины VI – начала V в. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 107, рис. 36.-2; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 16.-3]. Среди железных экземпляров достаточно близка рассматриваемому изделию находка из Башкирии [Горелик, 2003, табл. XI.-23].

В рамках первой хронологической серии можно выделить и ряд более узко датированных изделий. Так, к VI в. до н.э. относится бронзовый образец с килевидным клинком, бабочковидным перекрестием и полусферическим навершием (рис.-2). На его формирование, скорее всего, оказали влияние раннесакские традиции, поскольку такие кинжалы встречены в могильнике VII–VI вв. до н.э. Бобровка в Южном Зауралье и погребальном комплексе этого же времени Юйцунь в Ордосе. Еще одна случайная находка кинжала такого же типа обнаружена вблизи Павлодара и датируется VII–VI вв. до н.э. [Тайров, 2007, рис. 46.-5–6, 9]. Рамками V–IV вв. до н.э. ограничивается бытование железного кинжала со следующими признаками: килевидный клинок в сочетании с бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием, содержащим зооморфное изображение (рис.-3). Этот образец полностью копирует бронзовые экземпляры и несет на себе влияние военных традиций, привнесенных из Южной Сибири.

Так, изделия с изображениями пары волков на перекрестии, обращенных спинами вниз, встречаются у железных кинжалов Минусинской котловины, которые датируются V–IV вв. до н.э. [Горелик, 2003, табл. XII.-18, 29, 33а]. В то же время схожий сюжет известен также у меча из Филипповского-1 могильника 2-й половины V – IV в. до н.э. [Яблонский, Рукавишникова, 2007, с. 22, рис. 3].

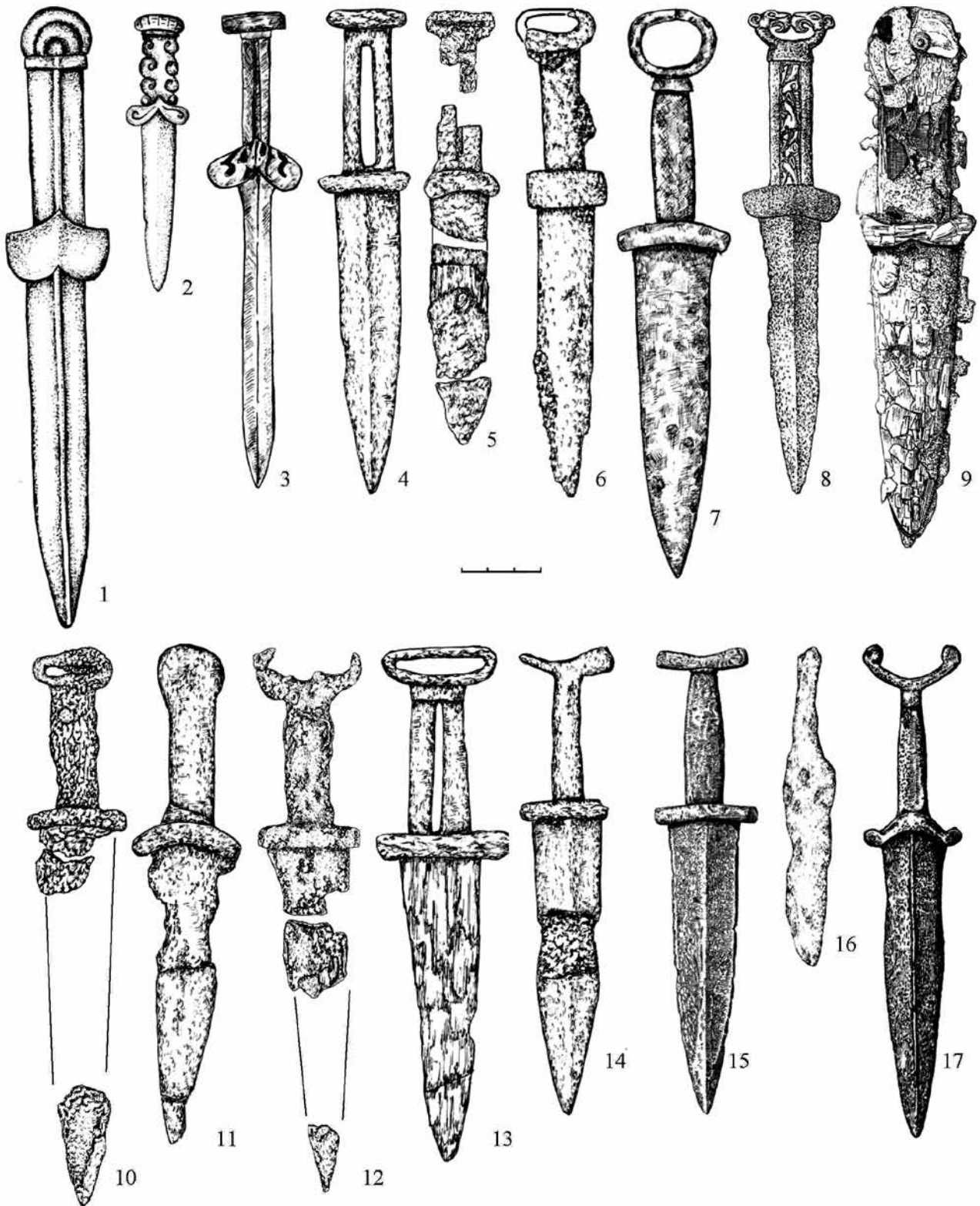
Таким образом, на раннем этапе развития каменского короткоклинкового оружия на формирование бронзовых образцов оказали влияние раннесакские, китайские и тагарские традиции. В свою очередь, железные изделия несут на себе некоторые черты савроматских образцов.

К IV–III вв. до н.э. из употребления полностью выходят бронзовые кинжалы. Увеличивается типовое разнообразие железных экземпляров. Так, если по материалам предшествующего периода их выделяется четыре, то к IV–III вв. до н.э. относятся уже 10 типов, что указывает на поиск наиболее оптимальных форм для этого вида оружия. Происходит формирование качественно новых, ранее не употреблявшихся изделий. Как и в предшествующий период, используются клинки килевидного или треугольного абриса, но встречается и пятиугольная форма данной детали. У кинжалов с килевидным клинком фиксируется дуговидное или брусковидное перекрестие и брусковидное или овально-кольчатое навершие (рис.-4–5). Более разнообразна форма перекрестий и наверший у кинжалов с треугольным клинком. Помимо уже указанных абрисов (рис.-10, 13), перекрестие их может быть «бабочковидным» или брусковидным, а навершие – дисковидным, волутообразным или дуговидным (рис.-9, 11–12, 14–15). Часть данных изделий находят прямые аналогии в материалах других культур. Кинжал с треугольным клинком, «бабочковидным» перекрестием и дисковидным навершием (рис.-9) близок савроматскому кинжалу, происходящему из кургана 2-й половины VI – V в. до н.э. у с. Мирное, а также скифскому экземпляру IV–III вв. до н.э. из кургана у с. Макеевка [Мелюкова, 1964, с. 52, табл. 18.-9; Скрипкин, 2007, рис. 2.-7]. Образец с брусковидным перекрестием и волутообразным навершием (рис.-12) схож со случайной находкой из с. Верхний Уймон [Кочеев, 2005, с. 92, рис. 2.-2]. Кинжалы с таким же абрисом перекрестия, но дуговидными навершиями (рис.-14–15) близки целому ряду изделий сарматского круга, которые датируются в рамках IV–I вв. до н.э. Они происходят из памятников Прохоровка, Джангала, Калиновка, Лятошинка, Аксай, Политотдельское [Клепиков, 2007, рис. 2.-4, 10–11; 3.-4, 12; Яблонский, 2010, рис. 65.-1; 69.-1].

Комбинация признаков у остальных рассматриваемых изделий (рис.-4–6, 10–11, 13) не встречается на других территориях. Можно отметить лишь аналогии их некоторым деталям. Дуговидные перекрестия известны среди раннесарматских кинжалов и мечей IV–III вв. до н.э., а также в бактрийских материалах IV – 1-й половины III в. до н.э. [Клепиков, 2007, рис. 1.-21, 29; Литвинский, 2001, с. 244, табл. 58.-1]. Овально-кольчатые навершия встречаются у кинжала конца VI – 1-й половины V в. до н.э. с Подонья, изделия III в. до н.э., происходящего из Казахстана, а также у экземпляра III–II вв. до н.э. из могильника Бережновка [Клепиков, 2007, рис. 1.-21, 29; 2.-16; Хазанов, 2008, рис. 7.-4].

Особую группу составляют кинжалы с клинком пятиугольного абриса, «коромысловидным» перекрестием и волутообразным навершием (рис.-17). Поскольку форма клинка и перекрестия в данном случае весьма нестандартна, остановимся на ней более подробно. Лезвия клинка в верхней части сначала прогибаются вовнутрь, за счет чего ближе к центру образуется небольшое расширение, от которого они плавно сходятся к окончанию, как у изделий с треугольной формой данной детали. Такие клинки можно характеризовать как «клинки с прогибом», или «пятиугольные», поскольку визуально образуется пять «вершин»: две – у основания, две – по центру и одна – на окончании. Перекрестие рассматриваемых кинжалов представляет собой тонкую, сильно выгнутую дугу с загнутыми наружу округлыми окончаниями – подобная форма ассоциативно напоминает коромысло. Изделия с данными признаками не характерны для вооружения Евразийских степей. В то же время они хорошо известны в Южной Европе со 2-й половины I тыс. до н.э. вплоть до первых веков I тыс. н.э. Так, клинок с прогибом фиксируется у греческих мечей и кинжалов в V–II вв. до н.э., а также у иберских IV–II вв. до н.э. и римских кинжалов II в. до н.э. – III в. н.э. [Горбунов, Лихачева, 2015, с. 73]. В свою очередь, «коромысловидное» перекрестие известно у кельтских мечей и кинжалов 2-й половины V – II в. до н.э. [Peschel, 2006, abb. 8.-6; 10]. Есть сходство и с некоторыми савроматскими образцами V–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 14–15, рис. 1.-11–12].

Таким образом, в IV–III вв. до н.э. определенное влияние на формирование кинжалов каменской культуры оказывала сарматская военная традиция. В то же время большое количество изделий, не имеющих аналогий на других территориях, свидетельствует об активном формировании местной своеобразной традиции и преобразовании всех заимствующихся элементов.

Кинжалы каменной культуры

Во II–I вв. до н.э. происходит унификация форм короткоклинкового оружия. Перестает употребляться клинок пятиугольного абриса. Перекрестие встречается брусковидное, наверху – овално-кольчатое или кольцевидное (рис.-6–7). Кинжалы с такими признаками широко известны по сарматским памятникам III в. до н.э. – I в. н.э.: «Три брата», группа II; Калиновка; Славянское; хутор Ляпичев; с. Андреевка [Хазанов, 2008, с. 27, 36, рис. 3.-4–5, 7; 4.-2, 9]. С этого же периода начинают распространяться образцы, у которых отсутствуют наверху и перекрестие (рис.-16). Наиболее близкие данному экземпляру кинжалы известны из Иволгинского могильника II–I вв. до н.э. и памятников булан-кобинской культуры

II в. до н.э. – I-й половины IV в. до н.э. [Давыдова, 1996, с. 25, табл. 9.-5; Горбунов, 2007, рис. 1–2]. Как и на предыдущем этапе, на формирование кинжалов продолжает оказывать влияние сарматская военная традиция, но к концу периода начинают проникать изделия, восходящие к хуннским образцам.

На протяжении VI–I вв. до н.э. эволюция кинжалов у населения каменной культуры проходила от активного поиска новых форм к унификации и сокращению типового разнообразия. С VI по III в. до н.э. значительное влияние на формирование короткоклинкового оружия оказывали среднеазиатская и восточноевропейская военные традиции с включением отдельных предметов, восходящих к китайским и тагарским образцам. Начиная со II в. до н.э. данный вектор постепенно изменяется с проникновением на рассматриваемую территорию качественно новых военных традиций, связанных с центральноазиатскими племенами хунну.

Библиографический список

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. до н.э. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н.э. – V в. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 157–163.

Горбунов В.В., Лихачева О.С. Кинжал редкого типа с Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 70–75.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб., 1996. 176 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 2: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть 3: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катюни. Барнаул, 2004. 292 с.

Клепиков В.М. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 51–57.

Кочеев В.А. Три боевых кинжала эпохи раннего железа из Горного Алтая, или еще раз о случайных находках // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 91–95.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. 528 с.

Лихачева О.С. Клиновое оружие раннего железного века из Лесостепного Алтая: проблема морфологического разграничения // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2012. С. 165–181.

Лихачева О.С. Комплексы вооружения и развитие тактики боя у населения Лесостепного Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 49–59.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964. 64 с. (САИ, Вып. Д 1-4).

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.

Скрипкин А.С. Клиновое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н.э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 38–50.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 168 с. (МИА, №101).

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. 274 с.

Хазанов А.М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. 294 с.

Шульга П.И. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 142–156.

Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М., 2010. 384 с.

Яблонский Л.Т., Рукавишников И.В. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филлиповского-1 могильника) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 16–23.

Peschel K. Frühe germanische Kriegerordnung und keltische militärische Gemeinschaftsformen // Studien zur Lebenswelt der Eiseneit. Berlin ; New York, 2006. S. 149–191.

КУЛЬТУРЫ ЮЖНОЙ ТАЙГИ СРЕДНЕЙ СИБИРИ В ТАГАРО-ТАШТЫКСКОЕ ВРЕМЯ

Памятники раннего железного века южнотаежной зоны Средней Сибири изучаются с конца XIX в. Вопросы определения их места в древней истории региона затрагивались в работах Г. Мергарта [1923], Г.П. Сосновского [1923], В.Г. Карцова [1929], А.П. Окладникова [1940; 1946; 1978], Р.В. Николаева [1960], Г.А. Максименкова [1960], Г.И. Андреева [1971], А.В. Гладилина [1985*а,б*], В.И. Привалихина [1993; 2011], В.П. Леонтьева [1999], Н.П. Макарова [Баташев, Макаров, 2000], С.М. Фокина [2009; 2013*а,б*]. Источники по периоду многократно возросли после работ Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2007–2012 гг. [Богучанская..., 2015; Стоянка..., 2016; и др.]. Автором и его коллегами из Сибирского федерального университета в долинах Енисея и Ангары и их притоках за 30-летний период стационарно изучены десятки разнообразных памятников раннего железного века [Археология..., 2003; Мандрыка, 2006; 2008*а,б*; Мандрыка, Сенотрусова, 2014]. Четкая стратификация многослойных поселений в долине Енисея, наличие грунтовых могильников и углубленных жилищ на однослойных селищах и городищах вместе с данными радиоуглеродных датировок и естественно-научных исследований позволили выделить ряд культурно-хронологических комплексов тагаро-таштыцкого периода, существовавших последовательно или параллельно, пришедших со стороны или возникших из автохтонных традиций.

Хронология и стратиграфическое положение культурных комплексов тагаро-таштыцкого периода, а также сравнительный анализ имеющихся данных с культурно-хронологическими колонками сопредельных регионов позволяет рассматривать формирование культурных образований в южной тайге Средней Сибири на стыке трех культурно-исторических провинций: западносибирской, восточносибирской и южносибирской. Их влияние и проникновение прослеживается по погребальным и поселенческим памятникам, вещам и керамическим орнаментальным традициям, которые распространялись по сибирским просторам Северной Евразии.

Одна археологическая общность читается по комплексам с отступающе-накольчатой и гребенчатой орнаментацией, которая, появившись в южной тайге Средней Сибири в неолите, просуществовала на протяжении всего бронзового и раннего железного веков, дожив до средневековья. В раннем железном веке она фиксируется по керамике каменско-маковского, взвозовского и карабульского типов цэпаньской культуры [Мандрыка, 2016; Макаров, Быкова, 2011; Леонтьев, Герман, 2015]. Необходимо считать, что в сложении цэпаньской культуры, кроме племен с местными традициями, приняли участие народы, расселявшиеся на западе от ее ареала, в таежных и лесостепных районах Обь-Енисейского водораздела, где их след фиксируется по памятникам с «воротничковой» керамикой, а также комплексам с керамикой шепилевского и самоделкинского типов. Каменско-маковские поселения на Енисее датируются III–II вв. до н.э., демонстрируют позднюю стадию цэпаньской культуры и имеют определенное отличие и своеобразие. Обозначить их можно самостоятельным западным, енисейским (поздним) вариантом цэпаньской культуры. Носители керамики каменско-маковского типа и цэпаньцы с взвозовским и карабульским типами керамики соседствовали друг с другом, имели одно мировоззрение, близкий хозяйственный уклад, передавали друг другу способы орнаментации, но условно разделял их ареалы хребет Енисейского кряжа. Сходство материальной культуры указывает на их принадлежность к одной археологической общности. Отмеченные же различия в культуре населения Енисея и Ангары можно объяснить разницей признаков культуры ядра и периферии, степенью влияния соседей на окраине общности.

Цэпаньская археологическая общность практически не контактировала с кулайской из западносибирской тайги и лесостепи. Их культуры не пересекались. На известных археологических материалах не отмечается взаимного влияния (кроме проникновения отдельных бронзовых вещей кулайского облика в ангарскую и енисейскую тайгу), нет заимствованных элементов и на керамической посуде. Отсюда возникает правомерное предположение об отсутствии прямого контакта и наличия какой-то промежуточной культурной зоны между этими общностями. Барьером выступала долина Енисея, где в степных и лесостепных районах развивалась тагарская общность, а на севере в южной тайге под влиянием тех же тагарских племен сложилась нижнепорожнинская культура. Именно она выступала барьером между

кулайцами и цэпаньцами. Во II в. до н.э. комплексы с керамикой каменско-маковского типа исчезают из района Среднего Енисея. Очевидно, это население уходит на север, где принимает участие в сложении малокоренинской культуры Таймыра [Хлобыстин, 1998, с. 120, рис. 115]. На протяжении всего времени существования цэпаньской археологической общности ее носители испытывали влияние со стороны соседствовавшего населения, что выражается в присутствии на памятниках инородной керамики – сосудов с оттисками рубчатых колотушек на стенках, горшков, украшенных гладкими или волнистыми тонкими налепными валиками.

Генезис второй археологической общности в районе отмечается по комплексам, содержащим керамику, в формовке которой использовались приемы выбивания стенок. Для этого применяли рубчатые колотушки – обмотанные шнуром или оставляющие «гладкорубчатые» или «вафельные» оттиски. «Шнуровая» керамика появляется в Восточной Сибири с III тыс. до н.э., «вафельная» – с конца II тыс. до н.э. Внутренняя хронология комплексов позволяет отметить более длительное использование «вафельной» керамики, чем «шнуровой». К раннему железному веку сохраняются лишь способы оформления поверхности сосудов выбиванием «гладкорубчатыми» и «вафельными» оттисками, она присутствует в ранних памятниках нижнепорожнинской культуры. Однако и эти приемы к тесинскому периоду в южной тайге Среднего Енисея исчезают.

Ранние памятники нижнепорожнинской культуры (VI–III вв. до н.э.) можно объединить более точным термином «лесной северный вариант тагарской культуры». Отмеченные на поселениях сосуды баночной формы с уплощенным дном, их орнаментация гладкими или рассеченными налепными валиками, орудия из бронзы и украшения, детали погребального обряда говорят о формировании культуры на берегах Енисея под влиянием степного «скифо-сибирского» мира, культур из лесостепных районов Алтая и Томского Приобья при участии каких-то групп тагарского населения из степных районов. К III–II вв. до н.э. в районе Казачинского порога на Енисее ее памятники исчезают и вновь появляются в первые века н.э. Перерыв связан с распространением здесь поселений с каменско-маковской керамикой и городищ шилкинской культуры. Можно предположить, что ранние нижнепорожнинцы отступают на север, в северную тайгу и тундру. Там какая-то их часть, слившись с носителями каменско-маковской керамической традиции, оставила малокореннинские комплексы Таймыра [Хлобыстин, 1998]. Другая же часть возвратилась обратно, и их культура с новой силой расцветает от воздействия пришедших в район групп с культурой таштыкского облика.

В период осложнения геополитической обстановки в мире кочевников южная тайга давала приют тем группам населения, которые «вытаскивались» из пояса степей. В южной тайге Средней Сибири в гуннское время осели племена с элементами тесинской и таштыкской культур. Для первой это находит отражение в материалах шилкинской культуры, в конструкции жилищ, устройстве погребений, в керамических комплексах и распространении новых вещей [Мандрыка, 2017]. Для второй – в появлении в районе еще одной керамической традиции – керамики таштыкского облика: банок и кубков, украшенных налепными жгутиковыми валиками, рассеченными насечками или штампами, а также банок с полулунно-зубчатым орнаментом. Вероятно, носители последнего приема орнаментации расселились из лесостепных районов Чулымо-Енисейского междуречья, где контактировали с группами кулайской и/или фоминской культуры [Ширин, 2015].

На памятниках тагаро-таштыкского периода в южной тайге Средней Сибири встречается еще один вариант валиковой керамики, который характеризуется сосудами, украшенными тонкими налепными жгутиковыми валиками (толщиной до 0,3 см). Они прикреплялись втиранием или периодическими пальцевыми прищипами, отчего образовывалась его волнистость. Орнаментальный прием нанесения таких «волнистых» валиков получил широкое распространение в разных таежных районах Сибири: в Восточном Саяне, в Ангаро-Тунгусском междуречье, на западном побережье Байкала, в бассейне Лены, на севере Западной Сибири. Появление подобной посуды в южной тайге Среднего Енисея и Нижнего Приангарья необходимо связывать с теми же историческими процессами конца I тыс. до н.э., которые привели сюда носителей шилкинской культуры. На памятниках южной тайги Средней Сибири эта традиция сохраняется, но изменяется в ходе контактов с населением синхронно существовавших культур. На поселениях встречается керамика, на которой тонкие налепные прямые или волнистые валики сочетаются с оттисками других орнаментов [Бурилов, 1980, с. 35, рис. 4–8; Леонтьев, 1999; Леонтьев, Герман, 2015, с. 97, рис. 5.-11, 12]. Дальнейшее развитие этой керамической традиции можно видеть в появлении керамики айканского типа, украшенной «обмазочными» валиками [Мандрыка, 1997]. Они создавались при обмазке сосуда дополнительным слоем глины.

Этот прием мог возникнуть из тонковаликовой традиции тагаро-таштыкского времени. Оформление сосудов усложняется, в орнаменте сочетаются узоры из обмазочных валиков и широкой налепной ленты с гребенчатыми оттисками.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов показал, что орнаментальная традиция обмазочных валиков характеризует один этнический пласт населения, следы которого начиная с конца I тыс. до н.э. в разное время отмечаются локальными группами в разных районах Сибири. Известна такая керамика на памятниках в Северном Приангарье, Красноярском районе, Причудлымье, Притомье и Кузнецкой котловине, т.е. на участках в таежных, подтаежных и лесостепных районах Средней и Южной Сибири. Не был исключением в этом процессе и регион южной тайги Средней Сибири. После раннего железного века этот вариант валиковой традиции не только сохраняется, но и получает дальнейшее развитие, включает в себе орнаментальные элементы других культурных образований. В средние века керамика с обмазочными валиками становится распространенной в Западной и Восточной Сибири, на Таймыре, встречается на Ямале, что позволяет говорить о переселении ее носителей в рамках нескольких веков I тыс. н.э. и, возможно, в результате не одной миграционной волны.

Представленная смена археологических культур в контактном районе трех культурно-исторических провинций лишь намечает возможную реконструкцию истории региона, так как остается еще недостаточно изученной.

Библиографический список

- Андреев Г.И. Памятники I тыс. до н.э. на Подкаменной Тунгуске // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 44–47.
- Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на среднем Енисее / П.В. Мандрыка, А.А. Ямских, Л.А. Орлова, Г.Ю. Ямских, А.А. Гольева. Красноярск, 2003. 222 с.
- Баташев М.С., Макаров Н.П. Культурогенез таежных народов Нижнего Енисея. Красноярск, 2000. 35 с.
- Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) // Труды Богучанской археолог. экспедиции. Т. 1. Новосибирск, 2015. 564 с.
- Бурилов В.В. Материалы раскопок многослойных памятников Бадарма I, III на Средней Ангаре // Источники по археологии Средней Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск, 1980. С. 76–96.
- Гладилин А.В. Памятники железного века Северного Приангарья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985а. 24 с.
- Гладилин А.В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985б. С. 167–180.
- Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск, 1929. 67 с.
- Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 24 с.
- Леонтьев С.Н., Герман П.В. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз. Пункт 2 (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2015. Вып. VII. С. 87–106.
- Макаров Н.П., Быкова М.В. Керамика карабульского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 227–231.
- Максименков Г. А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. 1960. №1. С. 148–162.
- Мандрыка П.В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка, или К вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в Красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 209–217.
- Мандрыка П.В. Итоги работ Красноярской среднеенисейской археологической экспедиции в 1987–2003 гг. // Енисейская провинция: альманах. Красноярск, 2006. Вып. 2. С. 159–170.
- Мандрыка П.В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Труды II (XVIII) Всеросс. археолог. съезда в Суздале. М., 2008а. Т. II. С. 162–164.
- Мандрыка П.В. Новая археологическая культура раннего железного века в южнотаежной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008б. №3 (35). С. 68–76.
- Мандрыка П.В. Комплексы с керамикой каменско-маковского типа на Енисее и их место в культурогенезе таежной зоны Средней Сибири // Древние культуры Монголии. Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск, 2016. Т. 1. С. 232–241.

Мандрыка П.В. Культура гуннского времени в южной тайге долины Енисея // VIII Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая». Чаньчун, Китай, 2017. С. 217–227.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 63–81.

Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Изв. КОРГО. Красноярск, 1923. Т. III. Вып. 1. С. 29–36.

Николаев Р.В. Некоторые вопросы этногенеза народов Красноярского севера // КСИЭ. 1960. Вып. XXXIV. С. 61–68.

Окладников А.П. Погребение бронзового века в ангарской тайге // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 106–112.

Окладников А.П. Новая скифская находка на Верхней Лене // СА. 1946. №8. С. 285–288.

Окладников А.П. Скифы и тайга (К изучению памятников скифского времени в ленской тайге) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 101–109.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья: (Цэпаньская культура): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 24 с.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011. С. 161–185.

Сосновский Г.П. К археологии Ангарского края. (Из предварительного отчета о поездке в Балаганский уезд Иркутской губернии) // Сибирская живая старина. 1923. Вып. 1. С. 121–139.

Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 гг.) / А.Е. Гришин, Ж.В. Марченко, Ю.Н. Гаркуша, Д.А. Гурулёв, С.В. Шнайдер, Н.А. Кулик, С.К. Васильев, Е.А. Кербс. Новосибирск, 2016. 168 с. (Тр. Богучанской археологической экспедиции. Т. 2).

Фокин С.М. Предварительные результаты археологического изучения Стрелковского археологического микрокомплекса // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2009. Т. 1. С. 164–167.

Фокин С.М. Новое погребение раннего железного века в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территории. Красноярск, 2013а. С. 176–196.

Фокин С.М. Поселение Каменка на Енисее // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2013б. Вып. VI. С. 50–57.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. СПб., 1998. 342 с.

Ширин Ю.В. Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул ; Омск, 2015. С. 145–148.

© 2017, В.П. Мыльников

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск,
Алтайский государственный университет, Барнаул*

ИЗУЧЕНИЕ ДЕРЕВЯННЫХ АРТЕФАКТОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ НА АЛТАЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-50-00036)

Введение. Исследование деревянных артефактов в курганных погребениях с мерзлотой и без нее имеет свою специфику. Тем не менее структура, анатомическое строение и физические свойства различных пород дерева, но одного типа органического материала предписывают соблюдение примерно одинаковых процедур по изучению и сохранности уникальных источников в разных географических поясах и зонах: равнина, среднегорье, высокогорье, торфяники. Различия могут быть обусловлены неоднородностью природно-климатических условий регионов, природной средой, в которой обнаружены предметы (особенность состава грунта, стабильность или постоянные колебания температурно-влаж-

ностного режима, наличие мерзлотных образований и т.п.), напрямую влияющих на сохранность предмета. Сам же процесс исследования практически одинаков. Условно он подразделяется на две основных стадии: *полевые изыскания в ходе раскопок* и *лабораторные работы*.

Методы исследования деревянных артефактов в курганных погребениях скифского времени на Алтае во второй половине XIX – начале XX в. Деревянные артефакты – редкий и ценный археологический источник не только для территории Западной и Южной Сибири, но и для всех регионов земного шара. Изыскание деревянных вещей скифского времени на территории Алтая насчитывает более 150 лет со времени первых раскопок кургана в селе Катанда, проведенных академиком В.В. Радловым в 1865 г. В долгом процессе накопления источников, подходов и методов их изучения участвовали его многочисленные последователи: А.В. Адрианов, М.П. Грязнов, С.И. Руденко, С.В. Киселёв, В.Д. Кубарев, Н.И. Полосьмак, В.И. Молодин и многие другие.

До начала 20-х гг. XX в. ученые в своих изысканиях применяли методы описания и графической фиксации хода раскопок в форме рисунка. Ими были описаны и зарисованы конструктивные особенности погребальных сооружений и лож и отдельные виды погребального инвентаря. Позже в дополнение к рисунку стали применять планиграфию и метод фотографической фиксации артефактов и раскопок. Во время начала исследования знаменитого археологического памятника Пазырык скифского времени на Алтае в 1929 г. в процессе раскопок кургана №1 М.П. Грязнов уже в полном объеме использовал весь накопленный к тому времени арсенал методов, дополняя его достаточно подробным технологическим анализом деревянных находок. В его же публикациях упоминаются данные об определенной породе дерева, из которого изготовлены те или иные находки [Грязнов, 1937; 1950]. Эти сведения позволяют предположить, что именно в это время исследовательский арсенал стал пополняться ксилотомическим и дендрохронологическим анализами.

Основы для разработки комплексного технико-технологического анализа изделий из дерева с применением всех основных методов заложил выдающийся специалист в области изучения древнейших технологий С.А. Семёнов. В 1947 г. он принял непосредственное участие в раскопках кургана №2 на могильнике скифского времени Пазырык в составе экспедиции под руководством С.И. Руденко. Имея возможность своими глазами видеть все этапы изучения археологического памятника в целом и артефактов в частности, он разработал свою систему исследования многочисленных и разнообразных предметов, изготовленных из дерева, и предложил ее внедрение в практику. В течение ряда лет он обработал все деревянные артефакты из всех раскопанных курганов урочища Пазырык и на основе данных трасологических и технологических изысканий опубликовал результаты своих разработок [Семёнов, 1956]. Материалы его профессиональных изысканий в области обработки дерева на древнем Алтае в полном объеме использовал в своих монографиях С.И. Руденко [1953; 1960].

В 1971–1974 гг. в процессе раскопок царского кургана Аржан в Туве М.П. Грязнов обратил пристальное внимание на проблему сохранности археологического дерева. Он в очередной раз убедился, что деревянные предметы требуют особого отношения к себе с момента их обнаружения. Если сразу не предпринять превентивных консервирующих и сохраняющих мер, то буквально на глазах в течение дня уничтожаются практически все следы обработки, и через непродолжительное время становится невозможно извлечь из источника какую-либо информацию по деревообработке [Грязнов, 1980, с. 8]. Эти наблюдения впоследствии помогли внести соответствующие коррективы в разработку общих рекомендаций по методике изучения археологического дерева. В 70–80-х гг. XX в. исследование деревянных археологических предметов в Горном Алтае продолжил В.Д. Кубарев. Раскопав около двух сотен курганных погребений представителей среднего социального слоя и рядовых кочевников Горного Алтая скифского времени, в своих трудах по результатам исследований он усовершенствовал классификацию деревянных артефактов по функциональному назначению, предложенную С.А. Семёновым [Кубарев, 1987; 1991; 1992].

Комплексные, междисциплинарные методы изучения археологических артефактов из дерева в 90-х гг. XX – начале XXI в. С 1990-х г. XX в., после почти полувекового перерыва, в рамках международной программы «Пазырык» на Алтае возобновились раскопки крупных погребальных комплексов элиты скифского времени с деревянными находками из дерева. Эти масштабные исследования явились новой вехой в археологической науке, положив начало мультидисциплинарному изучению курганных погребений на Алтае и сопредельных территориях, в том числе и древней деревообработки [Полосьмак, 1994; Феномен..., 2000]. Новизна выразилась в привлечении для участия в исследовательском процессе специалистов разных направлений науки из стран ближнего и дальнего зарубежья.

В изысканиях участвовали археологи, этнографы, антропологи, палеонтологи, генетики, биологи, геологи, почвоведы, группа профессиональных реставраторов из Государственного Эрмитажа, Москвы, Новосибирска, дендрохронолог и ксилотомист из Швейцарии, специалист по технологии древней деревообработки из ИАЭТ СО РАН. Исследования, проводимые на новом, более высоком научном уровне, с привлечением специалистов разнообразных научных дисциплин, потребовали освоить и усовершенствовать опыт предшественников, в том числе по изучению древней деревообработки.

В конце XX – начале XXI в. раскопки крупных погребальных комплексов элиты с деревянными артефактами скифского времени проводились на сопредельных с российским Горным Алтаем территориях – в Казахстане, Туве, Монголии. За прошедшее время был накоплен огромный материал, насчитывающий десятки крупных конструкций погребальных сооружений разных видов и многие тысячи мелких уникальных предметов. Однако, как и полтора века назад, актуальной осталась главная проблема любого научного процесса исследования – извлечение максимальной информации о первоисточнике.

Новое время призвало осмыслить и провести конструктивный анализ бесценных трудов корифеев науки, аккумулировать результаты собственных изысканий и накопленного багажа знаний, продолжить поиски путей совершенствования процесса исследования с помощью междисциплинарных подходов и методов в изучении археологических деревянных предметов [Мыльников, 1999а; 2008; 2011; 2012]. В ходе изысканий прежде всего определены основные направления модификации системы исследований погребальных сооружений как самого информативного источника по традициям древней деревообработки и домостроению с целью улучшения ее эффективности. Первостепенными из них были: 1) выявление стадий исследования конструкций погребальных сооружений и лож в могильной яме; 2) последовательная фото- и графическая фиксация этапов изучения артефактов; 3) определение и классификация видов формы погребальных конструкций; 4) технико-технологический анализ всех составляющих и отдельных узлов и деталей погребальных конструкций; 5) выявление особенностей изготовления угловых сопряжений бревен; 6) анализ обработки внутренних и внешних поверхностей бревен стен, перекрытия потолка, настила пола сруба, надсрубных сооружений и накатов.

По результатам данных комплексного анализа исследований выявлены *три стадии изготовления срубов погребальных сооружений*: 1) *монтаж* – первоначальная рубка сруба; 2) *демонтаж* – разметка и разборка бревен стен и перекрытия срубов; 3) *ремонт* – повторная сборка бревенчатой конструкции в могильной яме.

Впервые в археологической практике в 1994 г. на плато Укок в Горном Алтае была осуществлена и впоследствии неоднократно успешно применена при раскопках курганных погребений скифского времени в Казахстане, Туве, Монголии методика экспресс-реконструкции погребального сооружения и ложа [Мыльников, 1999а; 2008; 2012; Mylnikov, 2010]. Эти усилия в конечном итоге привели к необходимости выработки определенной единой системы изучения деревянных артефактов в процессе раскопок археологических памятников и камеральной обработки материалов [Мыльников, 2014]. Коротко ее формула может быть такой: полевые изыскания, камеральная обработка, комплексность, междисциплинарность, последовательность, непрерывность.

В процессе поисков основных закономерностей оптимизации исследования археологических артефактов мы столкнулись с проблемой атрибуции погребальных сооружений. Очевидно, она появилась в результате недостаточно полной фиксации всех этапов хода исследования памятника и артефактов, в том числе и выполненных из дерева, и недостатка специфических технологических знаний об особенностях конструкций. При раскопках кургана №1 в урочище Пазырык в Горном Алтае М.П. Грязнов, исследуя правый угол северной стенки внутреннего сруба элитного погребального сооружения из полубруса, обнаружил большое сквозное отверстие, которое он принял за «грабительский проруб» [Грязнов, 1937, с. 10; 1950, с. 18–19, табл. III.-2]. Фотоаналитический метод в совокупности с технико-технологическим, а также консультации с профессиональными плотниками позволили установить, что прорубленное между первым и восьмым венцами внутреннего сруба правильное прямоугольное сквозное отверстие – не что иное, как дверной проем. В верхнем венце дверного проема лезвием топора аккуратно вытесана ровная продольная выемка глубиной на одну треть толщины бревна под притолоку дверной коробки, а в нижнем – на три четверти для порога. Это убедительно свидетельствует о том, что внутренний и внешний срубы погребальной камеры кургана №1 могильника Пазырык являются срубами постоянного жилища, а «маленькое отверстие» грабителей в бревне седьмого венца внешнего сруба [Грязнов, 1937, с. 11] – это волоковое окно для выхода дыма в срубе жилища, отапливавшегося «по-черному» [Мыльников, 1999а, с. 29]. На Алтае в курганах с мерзлотой зафиксированы подобные случаи

захоронения и повторного использования элементов построек, срубов жилых домов либо точного копирования основных параметров и деталей постоянного жилища в конструкциях погребальных сооружений [Полосьмак, 1994, с. 22]. В 1996 г. по поводу правильной атрибуции вещей в процессе раскопок археологического памятника дискуссию вызвала статья А.А. Гавриловой «Пятый Пазырыкский курган. Дополнение к раскопчному отчету и исторические выводы». В ней автор высказала сомнение о том, что в экспозиции Государственного Эрмитажа демонстрируется именно внутренний сруб двойной погребальной камеры из кургана №5 памятника скифского времени Пазырык. По ее мнению, «в Эрмитаж С.И. Руденко привез не внутренний, а неполный внешний сруб...» [Гаврилова, 1996, с. 92–93]. Ей, аргументируя свои выводы результатами дендрохронологического анализа, возражал Л.С. Марсадолов [1996, с. 105–107]. В 1997 г. группа археологов из ИАЭТ СО РАН в составе специалиста по древней деревообработке и дендрохронолога-ксилотомиста обследовала этот сруб по комплексной программе. Результаты исследования показали, что сруб, кроме нижнего (первого) венца, – оригинальный внутренний сруб из кургана №5 памятника Пазырык. Нижний венец из четырех бревен оказался искусно воспроизведенным новоделом [Мыльников, 1999б]. Такое положение вещей, когда даже непосредственные участники раскопок по прошествии определенного времени начинают сомневаться в результатах своих научных изысканий, привело нас к мысли о создании определенного порядка, последовательного и непрерывного изучения деревянных артефактов с целью получения максимальной информации о них. В результате долгих аналитических и утилитарных изысканий сложилась и хорошо зарекомендовала себя на практике система комплексного, междисциплинарного исследования археологических артефактов из дерева. Впоследствии она с успехом применялась на раскопках курганных погребений с деревянными артефактами в Казахстане, Туве, Монголии [Самашев, Мыльников, 2004; Mylnikov, 2010; Мыльников, 2012].

Основу комплексного, междисциплинарного изучения археологических артефактов из дерева составляют стадии и методы.

Стадии изучения. *Полевые изыскания* в процессе раскопок археологического памятника – обнаружение предметов, оценка ситуации, междисциплинарный анализ, превентивные меры по осуществлению сохранности артефактов из дерева (консервация). *Камерально-лабораторные работы*: повторный комплексный, междисциплинарный анализ в комфортных условиях для выявления новых, ранее не зафиксированных особенностей обработки дерева и мониторинг – наблюдение за состоянием археологического материала во время профессиональной консервации, реставрации и музеефикации предметов.

Методы. *Описание*: традиционный способ подробного словесного (вербального) отображения процесса обнаружения и изучения археологического деревянного предмета, фиксация его основных параметров и особенностей. *Графическая фиксация (рисунок плюс планиграфия)*: подробная зарисовка объектов археологического памятника, артефактов и их деталей в определенном масштабе и нескольких проекциях. *Фотографическая фиксация*: фотографирование каждого шага исследований с масштабом в нескольких планах и проекций для создания подробного банка данных о предмете и его особенностях. *Трасологический метод*: реконструкция техники и технологии обработки деревянных изделий по следам-признакам, зафиксированным на поверхностях, и внутренней структуре материала. Выделение на основе полученных данных набора инструментария для обработки дерева. *Технико-технологический метод* – самый информативный по особенностям обработки дерева. Реконструкция особенностей изготовления и архитектуры погребальных сооружений и лож. Три стадии изготовления срубов для погребений: монтаж, демонтаж, ремонт. Реконструкция приемов и способов изготовления сопроводительных предметов. *Реконструкция технико-технологического цикла обработки дерева* в скифское время на Алтае и сопредельных территориях: основные стадии и операции процесса обработки материала; основные направления деревообработки – строительное дело, плотницко-столярные работы, резьба. *Реконструкция традиций деревообработки* на Алтае и сопредельных территориях. *Метод экспресс-реконструкции* – новый, самостоятельный метод быстрого (в течение нескольких часов) восстановления первоначальной архитектуры погребального сооружения у места раскопок и дополнительное изучение в комфортных условиях приемов и способов обработки материала и изготовления предметов. *Эксперимент* – воссоздание и воспроизведение способов и приемов изготовления и монтажа строительных конструкций и лож, предметов разнообразного функционального назначения, изделий с резьбой. *Ксилотомический метод*: изучение анатомической структуры древесины с целью определения пород и вероятного местообитания деревьев, использованных для изготовления изделий. Аналитические изыскания показали, что плотники древнего Алтая для изготовления разных видов предметов отдавали определенные предпочтения выбору пород дерева.

ХВОЙНЫЕ

Лиственница	срубы, надсрубные сооружения (накаты, настилы), колоды, хозяйственно-бытовые предметы
Сосна обыкновенная	срубы, настилы, элементы колчанов, хозяйственно-бытовые предметы
Кедр	колоды с художественной резьбой, украшения человека и коня
Ель	рукояти инструментов
Можжевельник	рукояти инструментов

ЛИСТВЕННЫЕ

Береза	предметы вооружения, средства передвижения, предметы конского снаряжения, пеналы, рукояти инструментов, посуда, хозяйственно-бытовые предметы
Крушина	кибиты луков
Ива (гальник, краснотал)	древки стрел, элементы каркасов колчанов
Тополь	хозяйственно-бытовые предметы

Дендрохронологический метод: исследование погодичной изменчивости ширины древесных колец с целью датирования объектов, установления возраста деревьев, сезона их рубки и положения заготовки в стволе дерева. Этот метод позволил определить не только общую хронологию памятника, но и относительный возраст заготовки дерева, ее расположение в стволе, предпочтения плотников и резчиков к выбору определенного участка заготовки для изготовления того или иного предмета. *Вычислительная рентгеновская томография (ВРТ)* – новый метод, современная разновидность дендрохронологического для получения значений ширины годичных колец по трехмерным данным о внутренней структуре исследуемых образцов без нарушения целостности артефактов. Этот метод особенно ценен для изучения мелких артефактов и предметов с художественной резьбой. Он позволяет, не изменяя форму и структуру предмета, определять примерный возраст изделия, положение его заготовки в стволе.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что сибирская наука внесла значительный вклад в дело изучения археологических деревянных предметов из курганных погребений раннего железного века на Алтае и сопредельных территориях. За последнюю четверть века произошло существенное развитие и усовершенствование методической базы исследования артефактов из дерева в процессе полевых изысканий и лабораторно-камеральных работ. Существовавший до этого перечень обязательных исследовательских методов в соответствии с современными требованиями развивающейся науки дополнен новыми аналитическими инструментами и методическими рекомендациями. В результате коллективных усилий представителей смежных наук (дендрохронологии, ксилотомии, трасологии и технологии), система изучения древней деревообработки поднялась на новый аналитический уровень [Мыльников и др., 2012; Тишкин, Мыльников, 2016]. Она органично вошла в общий перечень мультидисциплинарных исследований археологического памятника и артефактов и соответствует всем требованиям современной археологической науки.

Библиографический список

- Гаврилова А.А. Пятый пазырыкский курган. Дополнения к раскопчному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 89–102.
- Грязнов М.П. Пазырыкский курган. М.; Л., 1937. 44 с.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 85 с.
- Грязнов М.П. Аржан. Л., 1980. 80 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 300 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
- Марсадалов Л.С. Краткое послесловие к статье А.А. Гавриловой // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 105–107.
- Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск, 1999а. 220 с.

Мыльников В.П. Погребальный комплекс Пазырык 5 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы VII годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1999 г. Новосибирск, 1999б. С. 467–471.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). Новосибирск, 2008. 364 с.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). Новосибирск, 2011. 188 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева в скифское время на Монгольском Алтае // Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М., 2012. С. 409–490.

Мыльников В.П. Изучение археологических деревянных предметов (погребальные памятники Алтая и сопредельных территорий). М., 2014. 160 с.

Мыльников В.П., Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю., Тишкин А.А. Сравнительный анализ деревянных предметов из археологических памятников Алтая в свете междисциплинарного подхода // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. Новосибирск, 2012. С. 242–248.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск, 1994. 125 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л., 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л., 1960. 359 с.

Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. (Материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). Алматы, 2004. 312 с. (На англ., рус. яз.).

Семёнов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // СА. 1956. Т. XXVI. С. 204–230.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул, 2016. 192 с. : ил. (Археологические памятники Алтая. Вып. 2).

Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск, 2000. 320 с.

Mylnikov V.P. Die Holzbearbeitungstechnik der Balkenkammer aus Grab 5 // Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva / von Konstantin V. Čugunov, Herman Parzinger und Anatoli Nagler mit Beiträgen... / Archäologie in Eurasien. Band 26. Stepenvölker Eurasiens. Band 3. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Archäologie in Eurasien. Dfnd 26. Berlin, 2010. S. 232–242.

© 2017, Т.В. Рябкова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАКУБАНЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗМЕННЫХ КУРГАНОВ И ПОСЕЛЕНИЯ ТАРАСОВА БАЛКА

Масштабные миграции кочевнических группировок из Центрально-Азиатского региона на Северный Кавказ, происходившие на протяжении I этапа раннескифской культуры (VIII в. до н.э.), документируются распространением подкурганного погребального обряда и ряда инновационных вещевых категорий [Алексеев, 2003, с. 47–50]. Эти миграции привели к появлению в Закубанье двуэтничного военно-политического образования во главе со скифской аристократией, о чем свидетельствуют материалы Келермесского могильника [Галанина, 1997, с. 208]. Взаимодействие кочевников с местным населением способствовало как скифизации раннемеотской культуры, так и изменениям в культуре кочевников, что в итоге привело к формированию меотской археологической культуры.

Современные представления о различных аспектах культуры и быта населения Закубанья на протяжении раннескифского времени (VII–VI вв. до н.э.) основаны на анализе погребальных памятников. Поселенческие памятники этого периода изучены в меньшей степени и известны в основном по сборам подъемного материала [Каменецкий, 2011, с. 201; Эрлих, 2007, с. 67].

В этой связи начатое в 2011 г. археологическое исследование поселения Тарасова Балка в Закубанье, расположенного в непосредственной близости от курганного могильника «Разменные курганы», имеет особую важность.

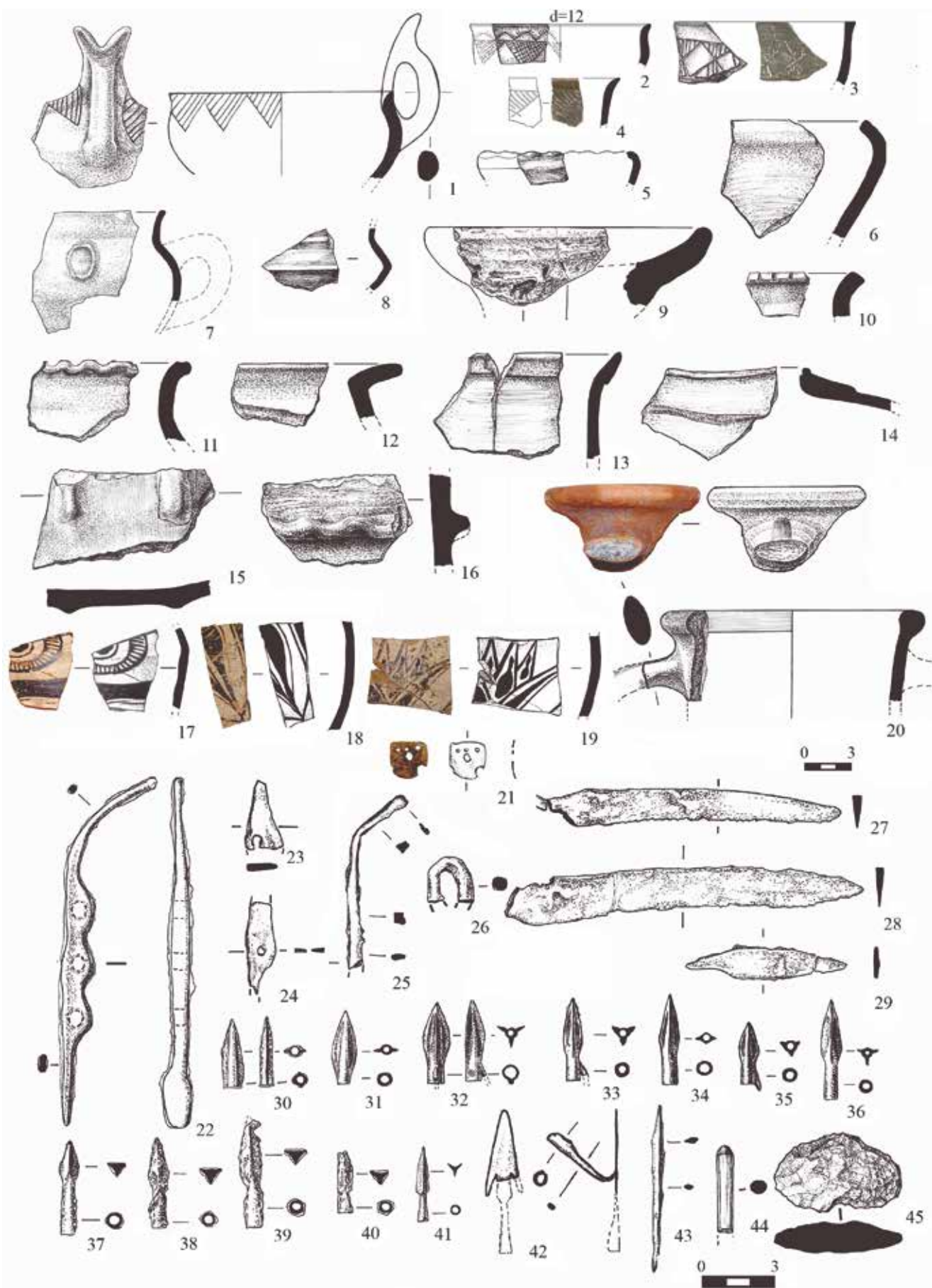
Пять насыпей группы «Разменные курганы» была исследована в 1897 г., руководил работами старший член ИАК Н.И. Веселовский. На протяжении 2012–2016 гг. Южно-Кубанской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа произведено повторное исследование знаменитого 1-го Разменного (Костромского) кургана, исследованы 6, 7 и 10-й Разменные курганы. В результате исследований установлено, что могильник возник в эпоху ранней бронзы, некоторые его насыпи впоследствии использовались для совершения захоронений раннего железного века. 10-й Разменный курган был сооружен в раннескифское время.

Поселение Тарасова Балка выявлено благодаря находкам фрагментов керамики раннемеотских типов на поверхности распаханного пастбища. Границы поселения были установлены по выходам керамики и в результате закладки шурфов. Площадь поселения составляет около 20 000 м², из которых на сегодняшний день исследовано около 400 м². В 2015 г. была выполнена геомагнитная съемка, по результатам которой заложены раскопы 2015–2017 гг. Раскоп в северной части поселения заложен на месте наибольшей мощности культурного слоя, раскоп в центральной части – на месте предполагаемого центра поселения.

Об оседлом характере жизни на поселении свидетельствует преобладание в составе остеологических материалов костей крупного рогатого скота (41%). Обилие и характер находок в слое свидетельствуют о долговременности поселения. Наличие развитой традиции домостроительства подтверждается многочисленными остатками турлучных построек: большая часть представлена кусками глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Наряду с находками остатков глинобитных очагов, обнаружены остатки турлучной постройки в центральной части поселения. По расположению фрагментов обмазки и камней можно предположить существование конструкции, в основании которой находилась горизонтальная плаха, перпендикулярно к ней зафиксированы ряды обмазки, на внутренней стороне которых обнаружены отпечатки прутьев.

Находки шлаков, выплесков бронзы, бронзовых слитков, «тиглей» доказывают наличие местной металлообработки, многочисленные проколки (рис.-43), шила, пряслица, ложила свидетельствуют об обработке шерсти и кож.

Основную массу находок на всех исследованных участках составляют фрагменты лепных сосудов. Лепная керамика по типам и способам орнаментации относится к кругу изделий прото- и раннемеотского времени, что показывает тесную связь гончарных традиций поселения с гончарством региона в целом и свидетельствует о возникновении поселения в протомеотское время. Лепная керамика очень высокого качества: как правило, и столовые, и кухонные сосуды сделаны из плотного, хорошо отмученного теста, равномерно обожжены. Столовая посуда представлена тонкостенными слабопрофилированными *черпаками* с прямым или слегка отогнутым венчиком. Она часто орнаментирована резным геометрическим узором из свисающих заштрихованных треугольников, иногда затертых белой пастой (рис.-1, 2, 4). Дно бывает как плоским, так и с характерным углублением в центре. Встречаются сосуды, орнаментированные мелкозубчатым штампом. Широко представлены *кружки* с вертикальным, слегка отогнутым венчиком, округлым туловом и петлевидной, округлой в сечении ручкой, верхним концом прикрепленной к краю сосуда или под ним (рис.-7). Лощеный черпак (рис.-8) принадлежит к числу импортных предметов из Приднепровья. Большинство *мисок* относятся к типу глубоких сосудов с округлым туловом и загнутым внутрь краем (рис.-6). Встречаются экземпляры с небольшими выступами по краю венчика (рис.-5) либо с сосцевидными налечами по тулову. Глубокая миска с вертикальными стенками и гравированным орнаментом, затертая белой пастой, относится к кругу сосудов кобанской культуры (рис.-3). Одна из наиболее распространенных категорий кухонной посуды – слабопрофилированные *горшки* с вертикальным или слегка отогнутым венчиком, (рис.-10, 11, 13) и толстостенные лощеные *корчаги* с резко отогнутым широким венчиком (рис.-12). Весьма архаичными признаками являются: оформление края венчика некоторых горшков прямыми и наклонными насечками (рис.-10, 11), широким плоским утолщением-«воротничком», характерными для кобяковской гончарной традиции (рис.-13, 14). Интересно, что «воротничком» оформлен край сосуда с раздутым туловом (рис.-14). Сосуды подобной профилировки являются уникальной особенностью керамического комплекса Тарасовой Балки, аналогии им происходят из Кедабекского могильника и Двина [Ивановский, 1911, табл. X.-1 и др.; Кушнарёва, 1977, рис. 34, 35]. Распространены такие виды пластической орнаментации, как глад-

Тарасова Балка. Материалы поселения:
 1-20 – глина; 21, 30-36, 43 – бронза; 22-29, 37-42, 45 – железо, 44 – кость

кий подтреугольный в сечении валик, наlepной валик с вдавлениями, вертикальные или сосцевидные налепы (рис.-15, 16). Неглубокие толстостенные *мискообразные сосуды* из грубого теста с большим количеством дресвы, по структуре близкие глиняной обмазке (рис.-9), могут быть определены как тигли [Мартиросян, 1964, табл. XIX].

Основное отличие материалов Тарасовой Балки – многочисленные находки фрагментов амфорной керамики производства Клазомен и Лесбоса, которые составляют 1% от общего количества керамического материала (рис.-20). Находки фрагментов расписных сосудов производства южно-ионийских центров позволяют определить хронологическую позицию поселения в границах 2-й половины VII – VI в. до н.э. в соответствии с датировками, принятыми для сосудов, относящихся к стилю Middle Wild Goat (рис.-17–19). Таким образом, в это время поселение являлось крупным торговым центром, поддерживавшим связи с не установленными пока античными полисами.

Необычно большое для поселенческого материала количество предметов конской упряжи и оружия (фрагменты удила (рис.-26), псалиев (рис.-22–24), колчанная застежка (рис.-44), почковидное перекрестье акинака (рис.-45), многочисленные наконечники стрел, в том числе и архаических скифских типов (рис.-30–42), панцирные чешуйки, подобные найденным в 1-м Разменном (Костромском) кургане (рис.-21), ножи различных форм (рис.-27–29)) свидетельствует о включенности населения в военные операции [Рябкова, 2015, с. 368–369, 372].

О том, что 1-й Разменный (Костромской) курган, повторно исследованный Южно-Кубанской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 2010–2012 гг., был сооружен во время функционирования поселения, можно судить по находкам под его насыпью фрагментов античных сосудов, среди которых кувшин южно-ионийского производства конца VII – 1-й половины VI в. до н.э. [Рябкова, Логинова, 2013, с. 372].

В результате повторного исследования многие данные Н.И. Веселовского не подтвердились [Рябкова, 2013, с. 378–381]. Несмотря на то, что траншея 1897 г. в центральной части насыпи разрушила основную часть погребальной конструкции, удалось реконструировать процесс возведения кургана, включавший в себя нивелировку насыпи эпохи бронзы, сооружение на размеченной площадке холма с уплощенной вершиной из влажного грунта с добавками растительности. В ненарушенной раскопом Н.И. Веселовского части насыпи на поверхности холма была зафиксирована часть сооружения в виде клетки (сруба) из плах в 3–4 венца, впоследствии сожженного и перекрытого органическим материалом. С севера и северо-запада у границ подкурганного сооружения зафиксированы жертвенные комплексы – ямы с черепами лошадей и коров. По данным стратиграфии, после проведения погребальных ритуалов и сожжения конструкции на поверхности холма производилось последовательное сооружение насыпи, включавшее первоначальную засыпку погребальной площадки грунтом с органическими включениями, укрепление границ насыпи вальками из глины и дерна и последующие поэтапные засыпки. Возведение столь масштабного и сложного памятника невозможно без следования определенной традиции, параллелей которой в синхронных и более ранних памятниках Закубанья пока не известно. О том, что пришельцы пользовались ресурсами поселения, свидетельствует не только сходство керамического материала кургана и поселения, но и использование для жертвоприношений крупного рогатого скота.

Небольшой по размеру 10-й Разменный курган конструктивно схож с курганами №23 и 29 Келермеса (2-й тип келермесских погребальных памятников, по Л.К. Галаниной, которая сравнивала их с курганами могильника Уйгарак [Галанина, 1997, с. 72]). Насыпь кургана была возведена над погребением человека, находившимся на уровне древнего горизонта. Стелообразный камень со следами подтески в нижней части был обнаружен в заполнении грабительских перекопов, полностью разрушивших погребение человека. Вероятно, он был установлен непосредственно над погребением, что позволило грабителям безошибочно определить его место. Непотревоженными остались конские захоронения на уровне древнего горизонта. Пять взнузданных лошадей были уложены вокруг человеческого погребения правильным полукругом с запада, с севера на этом же уровне обнаружены каменная вымостка и фрагменты разбитых толстостенных сосудов раннемеотских типов. Дата определяется по бронзовому распределителю уздечного ремня в рамках 2-й половины VII в. до н.э. [Рябкова, 2013, с. 385]. Важно отметить, что ни одного фрагмента античной керамики здесь не обнаружено, среди остеологического материала присутствовали лишь кости лошади.

Использование в ритуалах каменных вымосток – одна из ярких черт меотской обрядности [Эрлих, 2011, с. 93] – прослежена и в 6-м Разменном кургане, насыпь которого возводилась в эпоху

бронзы, но была использована в раннемеотское время для совершения жертвоприношения. Костяк верхового коня без узды обнаружен под насыпью на уровне древней поверхности. К северу от костяка находилась каменная однослойная вымостка, засыпанная разбитыми сосудами раннемеотских типов. Дата комплекса определена по данным радиоуглеродного анализа в рамках раннескифского периода.

Полученная серия радиоуглеродных дат свидетельствует о близости хронологических позиций 1-го, жертвоприношения коня в 6-м и 10-го Разменных курганов, относящихся к раннескифскому периоду. Зафиксированные отличия в обрядности могут быть объяснены как некоторой разницей в хронологических позициях памятников в рамках раннескифского периода, так и статусными их различиями и свидетельствуют о существовании развитой обрядовой практики.

О том, что однослойные вымостки из камней имели ритуальное значение, свидетельствует и комплекс, обнаруженный на поселении. Он представлял собой однослойную вымостку из галечника размерами 2,4 × 1,5 м, ориентированную по линии ЮЗ–СВ. Среди камней вымостки обнаружены обломок оселка, почковидное перекрестие акинака, двухлопастной бронзовый наконечник стрелы (рис.-30, 45), фрагменты тонкостенных орнаментированных черпаков.

Параллели в комплексе материальной культуры и в обрядовой практике демонстрируют, что курганы создавались жителями поселения. Значительное количество предметов вооружения и конской упряжи позволяют охарактеризовать Тарасову Балку как военизированное поселение, изобильно снабжавшееся продукцией античных полисов. Уже на раннем этапе отмечается взаимодействие двух культурных традиций, основные признаки которых стали неотъемлемой частью меотской культуры.

Библиографический список

- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003. 416 с.
Галанина Л.К. Келермесские курганы. М., 1997. 316 с.
Ивановский А.А. По Закавказью. Археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг. М., 1911. 217 с. (МАК, Вып. VI).
Каменецкий И.С. История изучения меотов. М., 2011. 383 с.
Кушнарева К.Х. Древнейшие памятники Двина. Ереван, 1977. 141 с.
Мартirosян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. 347 с.
Рябкова Т.В. 1-й Разменный (Костромской) и 10-й Разменный курганы // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 378–385.
Рябкова Т.В. Поселение Тарасова Балка – памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация) // Труды Государственного Эрмитажа. LXXVII. СПб., 2015. С. 359–374.
Рябкова Т.В., Логинова Е.Ю. Керамический комплекс Костромского кургана (предварительная публикация) // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2013. С. 370–375.
Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007. 430 с.
Эрлих В.Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н.э. М., 2011. 212 с.

© 2017, С.В. Сиротин

Институт археологии РАН, Москва

ПАМЯТНИКИ V–IV ВВ. ДО Н.Э. ЗАУРАЛЬСКОЙ БАШКИРИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

В конце VI–V вв. до н.э. в культуре кочевого населения Южного Урала происходят значительные изменения, которые были связаны с активным заселением южноуральских степей, внутренними перемещениями отдельных групп местного населения и притоком в данный регион новых кочевых групп. В этой ситуации на многокомпонентной и разнотнической основе начинается процесс формирования новых черт, характерных для прохоровской культуры [Таиров, 2000, с. 16–17; 2010, с. 80; Савельев, 2000].

Среди общего массива комплексов ранних кочевников Южного Урала обращают на себя внимание памятники в Зауральской Башкирии. Данная группа памятников расположена узкой полосой по предгорьям восточных склонов Южного Урала, ограниченной с востока верхним (меридиональным) течением р. Урал. На своеобразии этих памятников, сочетающих в себе черты савроматской и прохоровской культур, в свое время обращал внимание А.Х. Пшеничнюк [1983, с. 84], не исключавший их возможного выделения в особый локальный вариант кочевой культуры, родственной савроматской и одновременно близкой лесостепным культурам Зауралья.

К настоящему времени в Зауральской Башкирии насчитывается несколько десятков памятников конца VI – IV в. до н.э., представленных одиночными курганами, небольшими группами в 2–5 курганов и относительно крупными могильниками, включающими в себя более 10 насыпей.

Характерной особенностью абсолютного большинства курганных могильников является сочетание различных черт погребальной обрядности, разнообразие погребальных конструкций и могильных ям как в могильнике в целом, так и в отдельных курганах, что считается признаком специфического переходного времени [Пшеничнюк, 1995].

Детальный анализ имеющегося материала показывает, что практически во всех могильниках фиксируется наличие комплексов V и IV вв. до н.э., отличающихся по погребальному обряду и вещевым наборам. Также отмечено своеобразное механическое смешение в могильниках комплексов савроматского и раннепрохоровского обликов. Нельзя сказать, что данное обстоятельство уникально для раннекочевнических комплексов Южного Урала этого периода, однако на материалах памятников Зауральской Башкирии эта ситуация выглядит значительно более контрастно, чем на других территориях.

Для V в. до н.э. характерны захоронения на древнем горизонте с сожжением деревянной конструкции либо без признаков горения (Альмухаметово, Переволочан-I, Переволочан-II, Биш-Уба, Сосновка, Ивановские-I курганы), коллективные захоронения в больших ямах (Сибай-II, Ивановские-III), индивидуальные захоронения в небольших ямах с широтной ориентировкой. Для данной группы погребений фиксируется и соответствующий инвентарь, включающий определенные типы керамики, вооружения, каменные жертвенники на ножках и др. Для этого времени характерны этнотрансформационные процессы [Яблонский, 2012, с. 385], в рамках которых происходили изменения культурных традиций.

Во 2-й половине V в. до н.э. в степях Южного Урала начинаются процессы, связанные с изменениями погребальной обрядности и состава инвентаря, которые в конечном итоге привели к формированию новых культурных традиций у ранних кочевников. В литературе этот период принято обозначать как переход к новому этапу в культуре ранних кочевников (стадии С, или раннепрохоровскому этапу), [Таиров, 2004] или фазы «В» «савроматского» культурно-хронологического горизонта (КХГ) [Яблонский, 2012].

В Зауральской Башкирии данная ситуация хорошо прослеживается на материалах тех же могильников, в которых фиксируются комплексы V в. до н.э., оставленные смешанным населением, освоившим эти территории с конца VI в. до н.э. Повсеместно отмечается резкое увеличение новых черт погребальной обрядности: строительство относительно больших курганов со сложной архитектурой надмогильных сооружений, дромосные, катакомбные и подбойные могилы, ориентировка в южный сектор. В качестве сопровождающего инвентаря выступают категории раннепрохоровского комплекса [Васильев, 2004]. Особенно ярко эти процессы иллюстрируются материалами могильника Переволочан-I [Пшеничнюк, 1995; Сиротин, 2010; 2016]. По характеру погребального обряда вещевого инвентаря, планиграфическому расположению насыпей курганы данного могильника можно разделить на несколько культурно-хронологических групп, которые наглядно демонстрируют процесс трансформации погребальной обрядности и вещевых наборов у ранних кочевников Южного Урала на протяжении V–IV вв. до н.э.

Выделяются группы курганов с абсолютно разными погребальными традициями и курганы, имеющие смешанные черты погребальной обрядности. Если рассмотреть топографическое расположение данных курганов в могильнике, то можно увидеть, что каждая группа занимает определенное месторасположение и планиграфически отражает различные этапы сооружения некрополя. Курганы, имеющие ярко выраженные архаические черты (курганы №1, 4, 7, 8; диаметр – 14–22 м, высота – 0,48–0,6 м) как в погребальном обряде, так и в инвентаре, составляют достаточно компактную группу в центре могильника – своеобразное ядро могильника (центральная группа). Объединяющим признаком для этих курганов является наличие сгоревших деревянных конструкций с захоронениями на древней поверхности.

Погребения на древнем горизонте, широко представленные полные или частичные трупосожжения, как единичные, так и коллективные, по наблюдениям А.Д. Таирова [2004, с. 5], в большей степени характерны для 2-й половины VI – середины V в. до н.э. (древнепрохоровский этап, или стадия В). Другие исследователи также отмечают, что наличие большого числа коллективных захоронений на уровне древней поверхности, а также строительство разнообразных деревянных подкурганых конструкций характерно для конца VI – V в. до н.э. [Гуцалов, 2004, с. 94; Мышкин, 2014, с. 140]. Выявленный инвентарь в курганах этой группы хронологически относится к V в. до н.э.

С этими курганами, вероятнее всего, следует связывать начальный этап функционирования могильника не позднее 2-й половины V в. до н.э. В этнокультурном отношении эти курганы могли быть оставлены потомками выходцев из Приаралья, входящих в состав формирующихся объединений ранних кочевников Южного Урала с конца VI – начала V в. до н.э. [Таиров, 2006, с. 77] и принесших новые черты погребальной обрядности и инвентаря.

Особую группу (юго-западную) составляют курганы смешанного типа (№2, 5, 6, 9), где сочетаются и ранние, и поздние традиции (можно сказать, происходит их механическое наложение) и где сложно выделить вещевые комплексы с относительно более узкими датами. Инвентарь, найденный в курганах, датируется широко в пределах конца V – IV в. до н.э. [Лылова, 2001, с. 128–129; Клепиков, 2002; Смирнов, 1977, с. 31; Мышкин, 2010, с. 267; Анিকেева, Сиротин, 2014, с. 18]. Как представляется, они могут занимать промежуточную хронологическую позицию, компактно располагаясь в юго-западной части могильника.

Позднюю хронологическую группу (2-я половина IV – рубеж IV–III вв. до н.э.) определенно составляют курганы №10–12, занимающие северо-восточный участок могильника. К этой же группе, вероятно, относится курган №3. Прежде всего, эти курганы выделяются из общего массива курганных сооружений могильника своими размерами. Они имеют относительно большие насыпи – 26–50 м в диаметре и 2,2–5 м высотой. Погребения из этой группы курганов определяют, на мой взгляд, верхнюю хронологическую границу памятника. По погребальному обряду и вещевым комплексам эти курганы серьезным образом отличаются от курганов с погребениями на древнем горизонте. Объединяющими признаками погребальной обрядности для курганов №3, 10, 12 являются относительно большие размеры насыпей, наличие коллективных, вероятно, многоактных дромосных погребений в центре, деревянные надмогильные конструкции из радиально уложенных бревен (так называемые шатровые перекрытия), наличие кругового расположения периферийных погребений, катакомбные и подбойные погребения с ориентировками погребенных преимущественно в южный сектор. Обращает на себя внимание тот факт, что в больших курганах с коллективными дромосными погребениями (курганы №3, 10, 12) деревянные конструкции не имеют признаков горения. Данное обстоятельство согласуется с тем, что традиции разведения мощных кострищ исчезают в IV в. до н.э. [Гуцалов, 2004, с. 105] и не встречаются в классическую прохоровскую эпоху.

Вещевые комплексы, найденные в курганах №10–12, позволяют датировать их 2-й половиной IV – не позднее рубежа IV–III вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1995; Сиротин, 2010; Смирнов, 1961, с. 86; Мошкова, 1963; Скрипкин, 1990; Васильев, 2001, с. 171; 2004; Сиротин, Трейстер, 2014; Смирнов, 1984; Федоров, 2001; Яблонский, 2010, с. 76; Савельев, 2007; Анিকেева, Сиротин, 2014, с. 18; Сиротин, 2015].

Эволюция погребального обряда и состава инвентаря свидетельствует о развитии новых традиций, что было вызвано притоком в Зауральскую Башкирию кочевых групп – носителей культурных традиций памятников филипповского круга. Данные процессы находят свое отражение в материалах целого ряда могильников этого региона. В этническом отношении эти группы кочевников были близки местному населению. Этим, возможно, объясняется наличие разновременных комплексов в одном могильнике. Осваивая новые территории и вливаясь в состав местного населения в качестве элитарного компонента, они в короткий срок полностью видоизменили в данном регионе культурные стереотипы. В археологическом отношении это выразилось в распространении новых форм погребального обряда и вещевых комплексов, стандартизации погребального обряда и инвентаря. Существенно увеличивается доля элементов вооружения в погребальных комплексах, что свидетельствует об усиливающейся военизации общества. В качестве причин прихода данной группы кочевников можно выделить общую демографическую ситуацию в регионе, связанную с увеличением народонаселения, а также стремлением поставить под контроль иткульский металлургический центр и рудные, прежде всего медные и золотые, месторождения восточных склонов Южного Урала.

В итоге на территории Зауральской Башкирии появляются смешанные в культурно-типологическом отношении памятники так называемого переходного типа, сочетающие в себе комплексы с разными погребальными традициями и вещевыми наборами, такие как Переволочан-I, Биш-Уба, Яковлевские курганы, Ивановские-I курганы, Альмухаметово, Сибай-II и др. В этой связи данный регион следует рассматривать, наряду с Илеком и Восточным Оренбуржьем, в качестве еще одного (Присакмарского) родоплеменного центра кочевников раннего этапа прохоровской культуры. В середине IV в. до н.э. начинается процесс миграции ранних кочевников Южного Зауралья в юго-западном, северном и северо-восточном направлениях, что приводит к прекращению функционирования к концу IV в. до н.э. всех известных могильников Юго-Восточной Башкирии, относящихся к памятникам филипповского круга Южного Урала.

Библиографический список

- Аникеева О.В., Сиротин С.В. Происхождение и распределение каменных бус из могильника Переволочан и кургана Яковлевка II по (данным минералого-технологического анализа) // Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14: Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». С. 7–19.
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004. 136 с.
- Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 169–179.
- Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 153–172.
- Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002. 216 с.
- Лылова Е.В. Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI – IV вв. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья. 2001. Вып. V. С. 126–137.
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963. 55 с. (САИ, Д1-10).
- Мышкин В. Н. Колчаные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н.э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010. С. 262–279. (МИАР, №13).
- Мышкин В.Н. Курганы скифского времени с погребениями на древнем горизонте в степях Южного Урала // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. II. С. 137–140.
- Пшеничный А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. 199 с.
- Пшеничный А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995. С. 62–96.
- Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 17–48.
- Савельев Н.С. Конская узда IV–III вв. до н.э. из Шиповских курганов в лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Уфа, 2007. С. 330–339.
- Сиротин С.В. Курган №11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010. С. 323–337. (МИАР, №13).
- Сиротин С.В. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2015. С. 247–255.
- Сиротин С.В. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова : сборник статей. Оренбург, 2016. С. 253–264.
- Сиротин С.В., Трейстер М.Ю. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14: Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». С. 207–217.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. 299 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 161 с. (МИА, №101).

Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 3–51.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. 183 с.

Таиров А.Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. 1. С. 16–28.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 3–21.

Таиров А.Д. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа, 2006. С. 76–91.

Таиров А.Д. Урало-Аральская культурно-историческая область как результат адаптации древнего населения к условиям вмещающего ландшафта // Уральский исторический вестник. 2010. №2 (27). С. 79–86.

Федоров В.К. Клинковое оружие и колчанные наборы IV–III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 180–197.

Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М., 2010. 382 с. (МИАР, №12).

Яблонский Л.Т. Культурно-хронологический горизонт Южно-Уральской культурно-исторической области в эпоху формирования раннесарматской культуры // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал. Уральск, 2012. С. 370–392.

© 2017, А.А. Тишкин¹, С.С. Матренин^{1,2}

¹Алтайский государственный университет;

²Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

ДЕТАЛИ КОНСКОЙ УЗДЫ ИЗ КУРГАНОВ ХУННУСКОГО ВРЕМЕНИ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-II (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ): ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №16-18-10033
«Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая
и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

Детали конской узды являются важными источниками для разработки относительной хронологии археологических памятников, оставленных кочевниками Евразии в период поздней древности и в эпоху средневековья. В отдельных регионах комплексное изучение элементов амуниции верховой лошади предоставило существенные возможности для реконструкции этнокультурных процессов в широком временном диапазоне.

На сегодняшний день изделия, формировавшие и украшавшие узду в хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.), на территории Северной и Центральной Азии проанализированы неравномерно. Такая ситуация в значительной мере обусловлена современным состоянием публикации археологического материала. В этой связи большую источниковедческую ценность имеет введение в научный оборот предметов конского снаряжения разного функционального и декоративного назначения, обнаруженных в процессе раскопок непогребенных ранних курганов булан-кобинской культуры на могильнике Яломан-II в Онгудайском районе Республики Алтай. Рассматриваемое ниже собрание насчитывает 51 артефакт из 13 захоронений (все указанные находки хранятся в фондах Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, коллекции №181 и 613). Раскопки памятника осуществлялись под руководством одного из авторов статьи.

Удила представлены 13 железными изделиями с петельчатыми окончаниями звеньев (рис. 1). Для образцов удовлетворительной и относительно хорошей сохранности удалось идентифицировать петельчатое соединение грызел. У кочевников Алтая период активного использования таких удил приходится на II в. до н.э. – I в. н.э. Экземпляры, снабженные дополнительными петлями прямоугольной или овальной формы (рис. 1.-1, 4), находят аналогии среди хуннских образцов, которые датируются I в. до н.э. – I в. н.э. [Treasres of the Xiongnu..., 2011, p. 198–199]. Особенностью некоторых булан-кобинских удил рассматриваемой конструкции (рис. 1.-2–5) является их сочетаемость с кольчатými псалиями большого диаметра (от 5 см) и без обойм. Такие экземпляры имеют наиболее близкие аналогии в конском снаряжении саргатской культуры Западной Сибири I в. до н.э. – III в. н.э. [Могильников, 1992, табл. 123.-13; Матвеева, 1994, рис. 11.-72; 54.-11; 57.-2, Культура зауральских скотоводов..., 1997, рис. 18.-20, с. 54–55].

Псалии включают 18 железных и три роговых изделия. Все металлические экземпляры вертикальной системы крепления являются двудырчатыми (рис. 1.-8; 2.-1–7). Они находят аналогии среди хуннских предметов. Для некоторых модификаций удалось получить более или менее обоснованные археологические даты. Пропеллеровидные псалии (рис. 2.-1–6) имеют прототипы среди центральноазиатских модификаций позднепазырыкского времени [Членова, 1992, табл. 102.-2; Молодин и др., 2007, рис. 2.-2; Archaeological Study..., 2005, fig. 3, 27.-1, 2]. Другие экземпляры данных изделий с ровным и гребешковидным оформлением концов происходят из памятников хуннского времени Восточного Туркестана, а также из раннесяньбийских погребений Северо-Западной Маньчжурии конца I – начала III в. н.э. [Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 5.-3; 10.-23; Худяков, 1999, рис. 4.-1]. В снаряжении булан-кобинской культуры пропеллеровидные псалии могут датироваться в рамках II в. до н.э. – I в. н.э. Время бытования «бабочковидных» псалиев (рис. 2.-7) среди хуннских аналогий определяется в рамках середины I в. до н.э. – I в. н.э. (с возможным «доживанием» до II в. н.э.) [Hunnu Tombs at Hudgin Tolgoi in Mongolia, 2003, fig. 21.-1, 2; Ероол-Эрдэнэ, Гантулга, 2008, зураг 17; Миллер, Оллард, Эрдэнэбаатар, Ли, 2008, рис. 8.-15; Xiongnu Tombs of Duurlig Nars..., 2009, p. 42; Treasres of the Xiongnu..., 2011, fig. 286]. Они также известны в раннесяньбийском могильнике Лаохэшэнь (конец I – начало III в. н.э.) [Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 3.-2]. Похожие образцы у населения восточноевропейских степей сарматского времени и носителей саргатской культуры Зауралья датируются в широких хронологических рамках – от последних веков до н.э. до начала I тыс. н.э. [Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 55]. Гантелевидные псалии (рис. 1.-8) пока относятся к I в. до н.э. [Цэвэндорж, 1985, рис. 18.-2, 3; Erdelyi, 2000, fig. 33; Коновалов, 2008, рис. 43; и др.]. Железные кольцевые псалии (рис. 1.-2–5) в археологических памятниках Центральной Азии конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. встречаются крайне редко [Амартүвшин, Хатанбаатар, 2008, зураг 8.-2]. Можно предположить, что у ранних «булан-кобинцев» такие псалии демонстрируют направление имевшихся связей со среднеазиатскими кочевниками раннекушанского круга. Время их появления, вероятно, было раньше, чем распространение похожих изделий в конском снаряжении сарматов Приуралья и «саргатцев» Западной Сибири в I в. до н.э. [Могильников, 1992, табл. 123.-1, 13; Матвеева, 1994, рис. 8.-6, 11.-72, 54.-1, 11; 57.-2; Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 55]. Булан-кобинские псалии из рога (рис. 2.-8–10) не показательны для датирования, так как подобные изделия существовали длительное время без видимых изменений. Тем не менее оригинальные образцы с прорезями-пазами на концах (рис. 2.-9–10) можно сопоставить в качестве исходных прототипов с комбинированными биметаллическими псалиями хунну, предварительно датируемыми 2-й половиной I в. до н.э. – началом I в. н.э. [Xiongnu Tombs of Duurlig Nars..., 2009, p. 39].

Пряжки. Зафиксированы два железных экземпляра с подвижным язычком и без щитка. Изделия с подквадратной рамкой (рис. 2.-11) существуют в течение продолжительного периода – от хуннского времени до V в. н.э. [Тишкин, Матренин, 2011, с. 167]. Пряжки с арочной рамкой (рис. 2.-12) распространились в Сибири с I в. до н.э. [Матренин, Тишкин, 2015, с. 147].

Распределители представлены восемью экземплярами. Бронзовые изделия (рис. 2.-13–16) имеют крестовидную форму с неподвижными лопастями вкладышевого способа соединения нащечных ремней с налобным и наносным ремнями оголовья [Тишкин, Горбунова, 2005, с. 118, рис. 1.-1]. Центральная часть предметов с тыльной стороны полая, а с лицевой у них оформлено округлое отверстие. Лопасты декорированы нервюрами. Точные аналогии таким изделиям обнаружены в Дырестуйском могильнике Бурятии II–I вв. до н.э. [Руденко, 1962, табл. XXI.-5, 7; Миняев, 1998, рис. 15.-9, с. 73]. Судя по составу металла, яломанские распределители были сделаны на местной, южно-сибирской, сырьевой базе [Тишкин, Хаврин, 2004]. Данная модификация изделий не получила развития в I тыс. н.э. Желез-

ные безлопастные распределители в виде колец (рис. 2.-17-20) для перекидного соединения нащечных, налобного и наносного ремней [Тишкин, Горбунова, 2005, с. 119, рис. 1.-2] известны в погребальных памятниках центральноазиатских хунну I в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. IX-X].

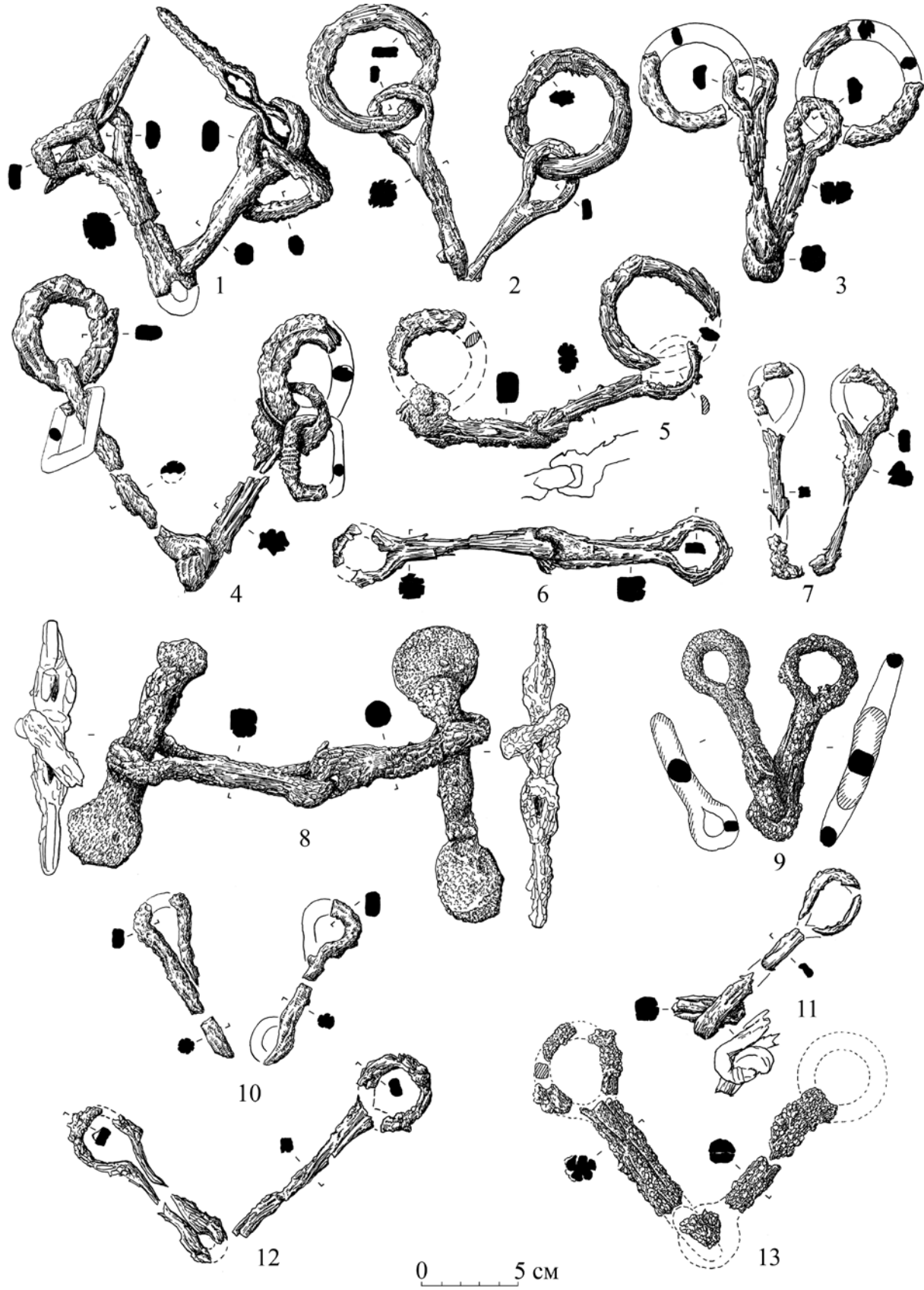

Рис. 1. Удила и псалии хуннского времени из погребального комплекса Яломан-II: курганы № 43 (13), 44 (9), 46 (1), 46а (4), 51 (8), 52 (12), 54 (6), 57 (11), 59 (2), 60 (3), 61 (7), 62 (5), 63 (10). 1-13 – железо

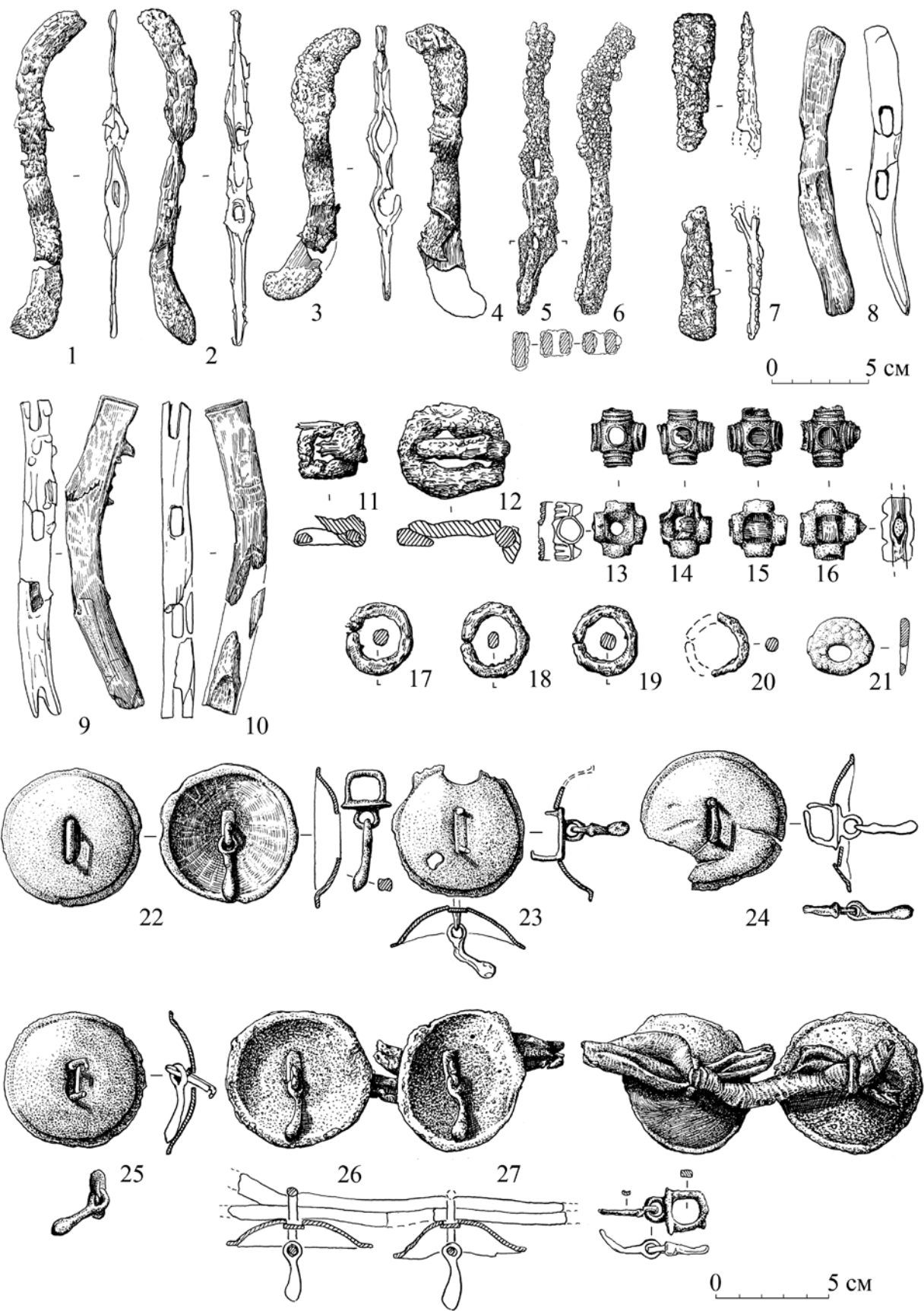

Рис. 2. Псалии (1–10), уздечные пряжки (11–12), распределители ремней (13–20) и бляхи (21–27) из погребального комплекса Яломан-II: курганы №43 (5–6), 46 (3–4), 48 (7), 51 (13–16), 54 (1–2), 57 (8), 59 (17–21), 60 (11), 61 (9–10, 12, 22–27). 1–7, 11, 12, 17–21 – железо; 8–10 – рог; 13–16, 26, 27 – бронза, кожа; 22–25 – бронза

Уздечные бляхи. Бронзовые изделия с подвеской-язычком, фиксирующиеся с помощью отдельно изготовленной выступающей петли, представлены шестью экземплярами с полусферическим корпусом округлой формы большого размера (рис. 2.-22–27). Предметы описанной конструкции сочетают в себе признаки хуннских блях с колоколовидными подвесками из Дырестуйского некрополя II–I вв. до н.э. и полусферических блях с цельной петлей на тыльной (выпуклой) стороне корпуса, обнаруженных в могильниках 2-й половины I в. до н.э. – I в. н.э.: Ноин-Ула, Хух-удзурийн дугуй-II, Дурлинг-нарс, Кия-13 [Руденко, 1962, табл. XXI.-9–10; Коновалов, 1976, табл. VII.-4–9; Ковалев, Эрдэнэбаатар, Идэрхангай, 2011, рис. 7; Xiongnu Tombs of Duurlig Nars..., 2009, p. 40]. В рамках булан-кобинской хронологии они предположительно могут относиться к I в. до н.э., хотя наиболее ранние экземпляры фиксируются в памятниках кочевников Северного Китая конца III в. до н.э. [Матренин, Тишкин, 2016, с. 225]. Железная бляха-подвеска овальной формы с прорезью для крепления (рис 2.-21) не имеет точных аналогий и может датироваться по сопутствующему инвентарю.

В заключение необходимо отметить относительное разнообразие уздечных деталей на Алтае в хуннское время. Сравнение коллекции артефактов из памятников булан-кобинской культуры позволяет предположить археологический возраст некоторых изделий, связанных преимущественно с традициями снаряжения центральноазиатских хунну. Представленные вещественные материалы расширяют источниковую базу для анализа снаряжения верхового коня кочевых народов Евразии конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. и обогащают опыт хронологической интерпретации разных категорий уздечной экипировки.

Библиографический список

- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т.-О. Элитный хуннский курган Хух удзурийн дугуй-II-1 в Булган сомоне (Ховд аймак) и его значение для реконструкции погребального ритуала хунну (предварительное сообщение) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 329–342.
- Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976. 221 с.
- Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ, 2008. 98 с.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург, 1997. 180 с.
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994. 152 с.
- Матренин С.С., Тишкин А.А. Поясные пряжки кочевников Алтая хуннского времени: классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №3/2 (87). С. 143–152.
- Матренин С.С., Тишкин А.А. Уздечные бляхи из памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени: опыт классификации и типологии // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №2 (90). С. 220–228.
- Миллер Б.К., Оллард Ф., Эрдэнэбаатар Д., Ли К. Погребальный комплекс сюнну: раскопки могильника Гол Мод-2 (Монголия, 2002–2005 гг.) // Археологические вести. Вып. 15. М., 2008. С. 55–71.
- Миняев С.С. Дырестуйский могильник. Вып. 3: Археологические памятники сюнну. СПб., 1998. 233 с.
- Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 292–311.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Баярсайхан М., Байтилеу Д., Гришин А.Е., Дураков И.А., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пиецонка Х., Пилипенко А.С., Слагода Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г. Мультидисциплинарные исследования Российско-Германо-Монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Археологийн судлал. Улаанбаатар, 2007. Т. IV (XXIV). С. 160–187.
- Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. 206 с.
- Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 118–122.
- Тишкин А.А., Матренин С.С. Кенотаф хуннского времени на памятнике Яломан-II в Центральном Алтае // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011. С. 158–173.
- Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 300–306.

Худяков Ю.С. Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 152–159.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 51–87.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 206–224.

Амартүвшин Ч., Хатанбаатар П. Хурэн хондын хунну булшны судалгаа // Археологийн судлал. Улаанбаатар, 2008. Боть VI (XXVI). Т. 190–212 (на монг. яз.).

Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж. Умард хуннүгийн язгууртны нэгэн булшны судалгаа // Археологийн судлал. Улаанбаатар, 2008. Боть VI (XXVI). Т. 149–189 (на монг. яз.).

Archaeological Study on Iron Works Before 3-rd Century A.D. in China. Pecin, 2005. 414 p. (на кит. яз.).

Erdelyi I. Archaeological Expeditions in Mongolia. Budapest, 2000 (на англ. яз.).

Hunnu Tombs at Hudgin Tolgoi in Mongolia. Ulan-Bator ; Seul, 2003. 277 p. (на англ. яз.).

Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen. Excavation of a cluster of tombs of the Xianbei nationality at Laoheshen in Yushu, Jilin // Wenwu. 1985. №2. P. 68–82 (на кит. яз.).

Treasres of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. Ulaanbaatar, 2011. 296 p. (на монг., англ. яз.).

Xiongnu Tombs of Duurlig Nars – Special Exhibition. Ulanbator, 2009. 99 p. (на монг., англ. яз.).

© 2017, Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЧАСТЕЙ ЮГА ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»), а также гранта РГНФ регионального научного конкурса «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» (№17-11-22011 «Барнаульское Приобье в древности»)

Для скифского времени на территории юга Обь-Иртышского междуречья наиболее многочисленны памятники, относящиеся к каменной культуре. Несмотря на то, что каменная культура была выделена еще в конце 1960-х гг. А.П. Уманским и это понятие достаточно прочно вошло в археологическую литературу, до сих пор ведется дискуссия о правомерности ее существования [Могильников, 1997, с. 4; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 180]. Ряд археологов рассматривают памятники Верхнего Приобья, относящиеся к скифскому времени, в рамках большереченской культуры или большереченской культурной общности, куда входят каменная, староалейская, быстрианская и кижировская культуры [Троицкая, 2000, с. 120–121]. При данном подходе учитываются только поселения и могильники, локализующиеся в приобской зоне, и исчезает из поля зрения значительный массив могильников скифского времени из Кулунды и западных районов Приобского плато. Кроме того, различаются и взгляды археологов на процессы формирования каменной культуры, что серьезно влияет на интерпретацию историко-культурной ситуации на юге Обь-Иртышья в скифское время. Поэтому достаточно актуальным на сегодняшний день является соотнесение приобских памятников на востоке и некрополей западного ареала распространения каменной культуры.

При отнесении тех или иных памятников к каменной культуре сложности связаны с тем, что в настоящее время нет четкого определения ее культурородифференцирующих признаков. Отмечается особый комплекс черт погребальной обрядности, таких как круговое расположение захоронений вокруг центрального под курганной насыпью, погребальные камеры с многослойными деревянными перекрытиями, положение умерших в могиле и т.д. Данные элементы погребального обряда встречаются также и в некрополях других культур. Поэтому, например, наличие кругового расположения могил под

курганной насыпью само по себе не может являться критерием отнесения памятников к каменной культуре. Единственными значимыми особенностями каменной культуры могут служить специфические формы и орнаментация отдельных групп сосудов. Прежде всего, это открытые или закрытые (что значительно реже) банки, украшенные по краю венчика рядом ямочных вдавлений, наколов или крупного, редко поставленного жемчужника.

К настоящему времени на юге Обь-Иртышского междуречья, помимо приобской зоны, раскопана значительная серия могильников и отдельных погребений, датирующихся в пределах VI–II вв. до н.э. Из наиболее крупных некрополей следует назвать: Обьездное-1, Кирилловка-III, Аэродром, Займище, Леонтьевка, Кызылтан, Михайловский-VI, Нижний Кучук-I, Ключи-III, Бугры, Локоть-4а.

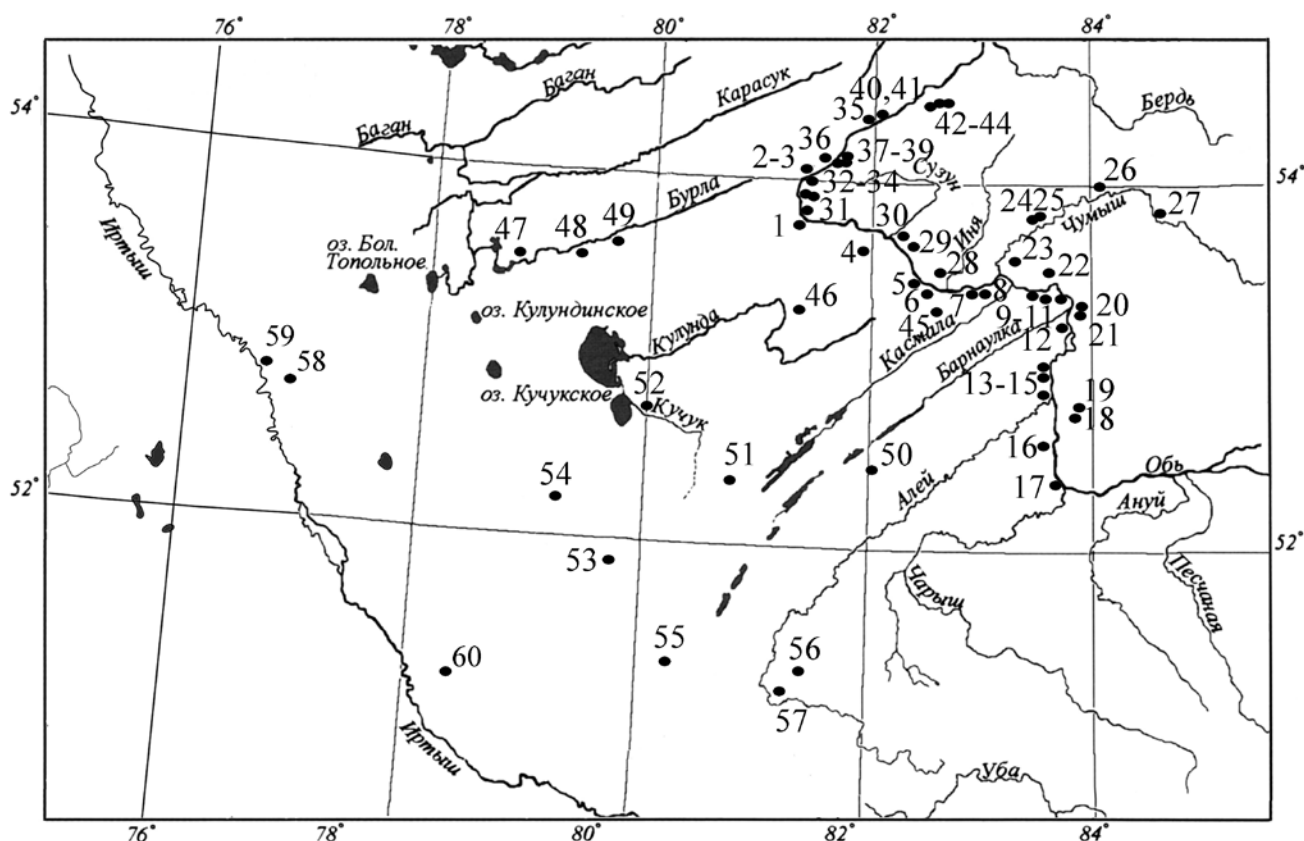
Специфическая приобская каменная керамика в единичных случаях встречается только в могильниках Кирилловка-III и Обьездное-1 [Могильников, Телегин, 1992, рис. 5, 6, 9; Телегин, 2006, рис. 2, 3]. На всех остальных памятниках посуда представлена кувшиновидными сосудами широко распространенных форм, встречающихся у саков Казахстана, саргатцев, в гороховских некрополях и др.

Из вышеперечисленных могильников наиболее близок к «классическому» каменному погребальный обряд в некрополях Обьездное-1 и Кирилловка-III. Все остальные памятники демонстрируют серьезные отличия. Наиболее специфичны погребения в могильниках Ключи-III и Нижний Кучук-I, где представлены одиночные подкурганые захоронения с дромосами [Телегин, 1996, с. 138–141; 1997, с. 140–142; Шамшин, Язовская, 1998, с. 153–157]. Серия одиночных погребений и платформа из бревен под насыпью одного из курганов могильника Михайловский-VI сближает этот памятник с североказахстанскими, гороховскими и саргатскими некрополями [Шамшин, Демин, Навротский, 1992, с. 67; Фролов, Шамшин, 1999, с. 49, рис. 3]. В могильниках Леонтьевка и Кызылтан раскопаны многомогильные курганы с круговым расположением могил, но в них нет специфической приобской каменной керамики, зато присутствуют отдельные сосуды, близкие к саргатским [Арсланова, 1962, табл. IV.-4; Смагулов, Пересветов, Айлымбаев, 2014, рис. 2.-2, 12]. Могильники Локоть-4а и Бугры, несмотря на наличие многомогильных курганов, также демонстрируют специфические элементы погребальной обрядности: цисты, внутри которых устанавливался сруб, ряд стел около кургана №1 могильника Бугры и др. [Тишкин, 2012, с. 509, рис. 2.-9; Чугунов, 2014, с. 714–715; Шульга, 2003, рис. 26, 28, 45]. В этих памятниках также нет специфических для каменной культуры баночных сосудов. Таким образом, из памятников западной части юга Обь-Иртышского междуречья только два могильника, расположенных восточнее других, – Обьездное-1 и Кирилловка-III – в керамическом комплексе имеют отдельные баночные и горшковидные сосуды каменных форм, характерные для поселенческих комплексов и некрополей Верхнего Приобья.

Материалы вышеперечисленных памятников демонстрируют, как минимум, две волны миграции на территорию юга Обь-Иртышья, приведшие к культурным трансформациям. Первая приходится на конец VII – VI в. до н.э., вторая – на конец V – начало IV в. до н.э. Примерно такие же даты изменений в культурном облике выделяют и для сопредельных регионов Казахстана, Горного Алтая и Минусинской котловины.

С первой волной можно связывать значительную серию некрополей, демонстрирующих значительное разнообразие погребальной обрядности и отсутствие специфических каменных черт. В Кулунде это могильники Ключи-III и Нижний Кучук-I, имеющие ряд черт погребальной обрядности, близких к некрополям сакского времени Приаралья, – это подкурганые одиночные захоронения в неглубоких подквадратных ямах с дромосами [Телегин, 1996, с. 138–141; 1997, с. 140–142; Шамшин, Язовская, 1998, с. 153–157]. В Прииртышье одиночные погребения в ямах с подбоями встречены в могильнике Жол-Кудук [Агеева, Максимова, 1959, с. 39–41]. В восточной – приобской – зоне это одиночные подкурганые погребения в глубоких подпрямоугольных ямах некрополей Кучук-I и Шелаболиха-III. Из датируемых вещей в могильнике Кучук-I найден бронзовый втульчатый двухлопастной асимметрично-ромбический наконечник стрелы, в некрополе Шелаболиха-III – каменная курильница каплевидной формы [Шамшин, Изоткин, Лузин, Неверов, 1998, с. 48–55; Шамшин, 1998, с. 23, рис. 4; Фролов, 1999, с. 215–216]. Культурная принадлежность всех вышеперечисленных некрополей остается неопределенной. В Барнаульском Приобье к этому же хронологическому пласту (конец VII – VI в. до н.э.) относятся ранние памятники староалейской культуры [Фролов, 2008, с. 165–166].

Начало второй волны миграции, по-видимому, надо связывать с ранними погребениями, рассматриваемыми в рамках каменной культуры, на могильниках Ордынское-1, Новый Шарап-1, Новоалтайский могильник, частью погребений Новотроицкого некрополя, южной группы могильника Рого-

Могильники, рассматриваемые в рамках каменной культуры, и некрополи скифского времени Кулунды:

- 1 – Камень-II; 2-3 – Масляха-I и II; 4 – Быково-IV; 5 – Кучук-I; 6 – Шелаболиха-III; 7 – Елунинский курганный могильник-I; 8 – Елунинский курганный могильник-II; 9 – Гоньба-II; 10 – Казенная Заимка-I; 11 – Большой Гляден; 12 – улица Поселковая; 13 – Шадрино; 14 – Калистратиха; 15 – Усть-Алейка, ферма; 16 – Усть-Иштовка-1 (Вяткино); 17 – Усть-Чумышская Пристань-2; 18 – Ближние Елбаны-III; 19 – Ближние Елбаны-XII; 20 – Новоалтайский могильник; 21 – Фирсово-XI; 22 – Малый Гоньбинский Кордон-I, могильник 5; 23 – Зайцево-II; 24 – Новотроицкое-1; 25 – Новотроицкое-2; 26 – Видоново; 27 – Чумыш Пережат; 28 – Иня-3; 29 – Камышенка-1; 30 – Верх Сузун-5; 31 – Дресвянка; 32 – Раздумье-IV; 33 – Раздумье-VI; 34 – Соколово; 35 – Ордынское-1; 36 – Усть-Алеус-3; 37 – Курганы «26 июня»; 38 – Милованово-2; 39 – Милованово-8; 40 – Новый Шарап-1; 41 – Новый Шарап-2; 42 – Быстровка-1; 43 – Быстровка-2; 44 – Быстровка-3; 45 – Rogozixa-1; 46 – Андроново-I; 47 – Кирилловка-III; 48 – Аэродром; 49 – Займище; 50 – Обьездное-1; 51 – Кочки-1; 52 – Нижний Кучук-I; 53 – Михайловский-VI; 54 – Ключи-III; 55 – Углы-III, IV; 56 – Бугры; 57 – Локоть-4а; 58 – Леонтьевка; 59 – Кызылтан; 60 – Саргамыс-1

зиха-1. Эти памятники также демонстрируют разобранный погребальный обряд. П.И. Шульга [2004, с. 245] предлагает датировать появление ранних каменных памятников концом VI – началом V в. до н.э. С приходом следующей волны мигрантов, принесшей новые элементы погребальной обрядности, такие, например, как кольцевое расположение могил, с конца V в. до н.э. и особенно в IV–III вв. до н.э. наблюдается период стабилизации культур во всем регионе. Этим временем датируется основная масса памятников скифского времени юга Обь-Иртышского междуречья. В этот период в Барнаульском Приобье в процессе взаимодействия с группами первой волны и староалейцами появляются памятники со смешанными чертами. Эта специфика проявляется прежде всего в керамике. Смешение каменных и староалейских черт проявляется в материалах поселений и в керамическом комплексе ряда некрополей, в отдельных случаях и в погребальной обрядности [Фролов, 2008, с. 168–169].

Памятники скифского времени западной зоны юга Обь-Иртышья и прежде всего Кулунды не демонстрируют приобской специфики. Некоторые прииртышские некрополи скифского времени, где зафиксировано круговое расположение могил, по составу керамики, вероятно, тяготеют к саргатским группам. Это такие памятники, как могильник Кызылтан и Леонтьевка [Арсланова, 1962, табл. IV.-4; Смагулов, Пересветов, Айлымбаев, 2014, рис. 2.-2, 12]. Нет приобской керамики и в могильниках Бугры и Локоть-4а. По сути, с каменскими эти памятники связывает только наличие многомогильных

курганов с круговым расположением могил. Своеобразие этих памятников отмечают и П.И. Шульга, и А.А. Тишкин, и К.В. Чугунов, и об их культурной принадлежности они высказываются с осторожностью [Тишкин, 2012, с. 509; Шульга, 2003, с. 119; Чугунов, 2014, с. 714–715]. Это как раз связано с тем, что соотнесение некрополей Бугры и Локоть-4а с приобскими памятниками каменной культуры неоднозначно.

В этой связи следует обратиться к вопросам, относящимся к реконструкциям процессов формирования культур скифского времени на юге Обь-Иртышья. Следует подчеркнуть, что все прослеживаемые в скифское время культурные изменения на юге Обь-Иртышья связаны с миграциями. Наблюдается дискретность культурных изменений. Проследить эволюцию культурных традиций в этот период очень сложно. Миграции в скифское время играли определяющую роль при формировании культурного облика рассматриваемого региона. Новое население приходило с уже сложившимися традициями и поглощало местные группы [Фролов, 2010, с. 123–124].

В этой связи появляется ряд проблем при культурной интерпретации памятников скифского времени степной зоны Алтая. Так, если рассматривать Верхнее Приобье в качестве основной зоны формирования каменной культуры, как это делает В.А. Могильников [1997, с. 7–8] (см. также: [Шульга, 2013, с. 162, 168]), то из этой схемы выпадают памятники западных районов юга Обь-Иртышья. И поэтому вряд ли следует рассматривать население Приобской зоны в качестве основы формирования культуры групп, оставивших памятники Бугры и Локоть-4а. Ведь, как считают большинство исследователей, культурная специфика каменных памятников Верхнего Приобья сформировалась при определяющем влиянии мигрантов, связанных с культурами сакского круга [Могильников, 1997, с. 7–8; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 80]. Логично предположить, что некрополи Кулунды и степной зоны Алтая как раз и оставлены населением, в результате продвижения которого в скифское время в Приобье изменялся культурный облик этого региона, и культурное своеобразие памятников Верхнего Приобья связано со взаимодействием пришлого и местного населения.

Следует подчеркнуть, что пока сложно однозначно рассматривать Кулунду и степную зону Алтая в качестве территорий формирования групп населения, повлиявших на формирование каменных памятников Приобья. Материалов раннескифского времени, происходящих из западных районов юга Обь-Иртышья, немного. Здесь выделяется группа поселений (Рублево-IV и V, Горелый Кордон-I, Кабанье и др.). Их достаточно обоснованно можно соотнести с памятниками кеноткельского типа, которые казахстанские исследователи связывают с раннесакскими памятниками и тасмолинской культурой [Фролов, 2013, с. 45–49]. Эти поселения демонстрируют ряд аналогий в керамике с донгальскими и саргаринско-алексеевскими комплексами. Материалы раннескифского времени в Кулунде и степных районах Алтая разнородны и представлены случайными находками и единичными захоронениями. Поэтому пока сложно уловить четкую тенденцию эволюционного развития культуры населения с эпохи финальной бронзы в раннескифское и скифское время на имеющемся материале. Не исключено, что и на юг Обь-Иртышья население, оставившее памятники скифского времени, продвинулось уже со сформировавшимися культурными традициями.

Библиографический список

Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды ИИАЭ Казахск. СССР. Т. 7 (Археология). Алма-Ата, 1959. С. 32–58.

Арсланова Ф.Х. Могильник ранних кочевников на правом берегу Иртыша // Известия АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1962. Вып. 2 (19). С. 77–93.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.

Могильников В.А., Телегин А.Н. Кирилловка-III – могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 107–120.

Смагулов Т.Н., Пересветов Г.Ю., Айлымбаев Т.К. Предварительные итоги раскопок курганов раннего железного века у п. Кызылтан // «Маргулановские чтения – 2014. Алматы ; Павлодар, 2014. С. 221–229.

Телегин А.Н. Некоторые итоги второго года раскопок курганной группы Ключи-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 103–106.

Телегин А.Н. Раскопки третьего кургана курганной группы Ключи-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 140–142.

Телегин А.Н. Шестой год раскопок курганной группы Объездное-1 // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2005 г.: археология, этнография, устная история). Барнаул, 2006. С. 77–80.

Тишкин А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa, Joanni Chochorowski dedicatae*. Krakow, 2012. С. 501–510.

Троицкая Т.Н. Характер взаимосвязи кулайской культуры с культурами большереченской общности // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000. С. 120–121.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.

Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI–V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 211–219.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 480 с.

Фролов Я.В. Возможности реконструкций этносоциальных процессов в эпоху раннего железа на территории Верхнего Приобья // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). Новосибирск, 2010. С. 118–127.

Фролов Я.В. Место комплексов раннего железного века Рублевского археологического микрорайона в кругу памятников раннескифского и скифского времени Кулунды // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2013. №5 (17). С. 45–57.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Курганный могильник Михайловский VI на юге Кулунды и некоторые вопросы, связанные с интерпретацией курганов скифского времени с шатровыми деревянными конструкциями под насыпью // Михайловский район. Очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 42–50.

Чугунов К.В. Захоронения «золотых людей» в традиции кочевников Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследований) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014. С. 714–725.

Шамшин А.Б. Очерки древнего прошлого Шелаболихинского района // Из истории населенных мест Шелаболихинского района. Барнаул, 1998. С. 15–33.

Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века «Михайловский VI» на Юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. Барнаул, 1992. С. 60–68.

Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Лузин С.Ю., Неверов С.В. Археологические раскопки у с. Кучук // Из истории населенных мест Шелаболихинского района. Барнаул, 1998. С. 48–55.

Шамшин А.Б., Язовская А.Н. Могильник раннего железного века Нижний Кучук-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 153–157.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.

Шульга П.И. Датировка ранних памятников каменной культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 236–246.

Шульга П.И. К характеристике каменной культуры // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. Барнаул, 2013. С. 173–161.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

© 2017, Ю.П. Чемякин

*Научно-аналитический центр «АВ КОМ – Наследие»,
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург*

ПРЕДКУЛАЙСКИЙ ЭТАП В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Еще полвека назад ранний железный век таежной зоны Западной Сибири представлял собой практически *terra incognita*. Суждения об огромной территории в эту эпоху основывались на раскопках двух-трех памятников и на случайных находках, включая клады. В восточной части региона была выделена кулайская археологическая культура (АК), основные характеристики которой, исключая культовое

литье и некоторые предметы вооружения, были неизвестны. В северо-западной части В.Н. Чернецовым охарактеризована усть-полуйская АК. В его представлении последняя была создана предками угров, а кулайская – предками самодийцев [Чернецов, 1953, с. 226, 238; 1971, с. 105]. Этот взгляд, в том числе на этническую интерпретацию культур, долгое время доминировал среди советских археологов, что во многом было связано с отсутствием новых источников.

Ситуация изменилась с конца 1960-х – начала 1970-х гг., когда в Нарымском и Томском Приобье развернулись работы томских археологов (Л.А. Чиндиной, Ю.Ф. Кирюшина, Л.М. Плетневой), в Новосибирском – Т.Н. Троицкой, а в Сургутском – уральских археологов. Итогами работ стали монографии о кулайской культуре в Новосибирском [Троицкая, 1979] и Среднем [Чиндина, 1984] Приобье. Т.Н. Троицкая полагала, что в Новосибирском Приобье кулайская АК появилась в результате миграции с севера в конце III – II в. до н.э. До этого на данной территории проживало население большереченской АК [Троицкая, 1979, с. 45–46]. По мнению Л.А. Чиндиной [1984, с. 114, 120, 122], кулайская культура формируется в конце VI в. до н.э. «в результате взаимодействия традиций еловской и молчановской культур» и существует до V в. н.э., т.е. на протяжении всего раннего железного века. В работе Л.А. Чиндиной [1984] была представлена (в первую очередь на материалах из Среднего и Верхнего Приобья) история возникновения и последующего распространения кулайской АК на огромную территорию таежного Обь-Иртышья. Следует заметить, что на прошедшем в 1976 г. в Новосибирске археологическом семинаре, посвященном проблемам кулайской АК, высказывались подчас взаимоисключающие мнения как о ее истоках, так и о хронологии [Ранний железный век..., 1978]. Сама Л.А. Чиндина, говоря о начале кулайской культуры, отмечала, что «керамика васюганского типа представляла сложную систему переплетения древних традиций и новых веяний и почти во всем Нарымском Приобье находила местные корни». Она допускала, что ареал формирования кулайской керамики может оказаться шире Нарымского Приобья, что отчасти подтверждали «находки керамики васюганского типа в Сургутском Приобье, где ее выводили из местной основы» [Чиндина, 1984, с. 115]. Кроме того, «положение осложняется также тем, что проблемы хронологии, генеалогии и границ позднебронзовых культур Нарымского Приобья пока не решены... Известны пути взаимодействия этих культур (как хронологического, так и территориального)» [Чиндина, 1978, с. 60]. Отметим, что исследованных памятников эпохи финальной бронзы и переходного к железу времени в Томско-Нарымском Приобье в то время было чрезвычайно мало, что и послужило причиной разных взглядов как на генезис кулайской культуры, так и на ее хронологию.

К сожалению, с тех пор ситуация с изучением позднего бронзового и раннего железного веков в Нарымском Приобье мало изменилась. В Сургутском же Приобье обнаружены и исследованы десятки памятников эпох поздней бронзы и начала железа. Это позволило выявить непрерывную линию развития культуры в регионе и установить, что между эпохой бронзы и кулайским этапом существовал длительный период перестройки всей культуры, представленный белоярскими древностями [Чемякин, 1994; 2008, с. 60–78]. В это же время в Сургутском Приобье появляется новое население, вероятно, южнотаежного происхождения – носители калинкинской культуры. Взаимодействие местных племен с пришлыми привело к формированию около рубежа IV–III вв. до н.э. сургутского варианта кулайской культуры, или, точнее, сургутской кулайской АК. Сравнение сургутских материалов с нарымскими показало большое сходство (но не тождество) *ранних* васюганских памятников (с керамикой 2–3-го и отчасти 4-го типов, по Л.А. Чиндиной) с белоярскими. К первому типу васюганской керамики Л.А. Чиндина отнесла сосуды из Сургутского Приобья (т.е. территориальный, а не хронологический вариант), как раз и характеризовавшие белоярскую (предкулайскую) культуру. На ранневасюганских памятниках нет или только появляются отдельные элементы кулайской триады (оттиски «уточки» на посуде с фигурно-штампованным орнаментом, бронзовая металлопластика, оружие). Работы на сопредельных Принарымью территориях привели к выделению, кроме белоярской и калинкинской, новочекинской [Полосьмак, 1987] и богочановской [Данченко, 1996] АК, материалы которых прежде включались в кулайский ареал на васюганском этапе. С учетом всего этого нами было предложено памятники с васюганской керамикой 2–3-го (или даже 4-го, по Л.А. Чиндиной [1984]) типов считать предкулайскими, сохранив за ними название «васюганские» (васюганский тип, или культура).

Древности начала железного века сформировались на основе локальных вариантов (культур, типов памятников) огромной культурно-исторической общности (КИО) керамики с гребенчато-ямочным орнаментом эпохи бронзы. Для украшения сосудов на позднем этапе этой общности в западной части ареала широко применялись крестово-струйчатые узоры, частично заменившие гребенчатые. В восточ-

ной части и в южно-таежной зоне на керамике по-прежнему доминировали гребенчато-ямочные композиции. К началу эпохи раннего железа относятся памятники белоярской (рис. 1.-1–22) и калинкинской (рис. 1.-23–36) АК в Сургутском и ранние васюганские (рис. 2.-1–22) в Нарымском Приобье, кульминского типа в бассейнах Конды, Тавды и Нижнем Приобье. Им синхронны древности шелонокской (кижировской) АК (рис. 2.-23–28) Томского Приобья, гамаюнской и иткульской АК Среднего Зауралья, баитовской АК лесостепного и южнотаежного Зауралья, отчасти – богочановской АК южнотаежного Прииртышья, новочекинской АК (рис. 2.-29–31) Барабы.

На керамике перечисленных культурных образований оттиски штампа в виде уточки или птички, характерные для кулайской культуры, редки или отсутствуют совсем. Сосуды, особенно в западной части ареала, имеют преимущественно баночную (котловидную) форму, у горшков шейка обычно короткая и слабопрофилированная. Немногочисленная культовая металлопластика известна не только в большинстве этих культур, но даже в памятниках эпохи поздней бронзы (в частности, атлымской) [Чемякин, 2014]. Здесь стоит отметить, что датировка большинства бронзовых поделок из Томско-Нарымского и Новосибирского Приобья затруднена, так как они происходят из случайных сборов или культовых мест. Встречаются и единичные находки специфического оружия (крупные трехлопастные наконечники стрел, кельты). То есть мы видим зарождение кулайской триады в самом начале железного века, но только с III в. до н.э. (или рубежа IV–III вв. до н.э.) она широко распространяется, происходит нивелировка культур на огромном таежном пространстве, и только с этого времени, на мой взгляд, можно говорить о сложении кулайской КИО и начале кулайского этапа. Причем ряд локальных вариантов кулайской культуры возникает на местной основе, а не в результате широких миграций.

К началу второй четверти I тыс. до н.э. в материальной культуре таежных обществ Западной Сибири произошли существенные изменения. Наиболее ярко это нашло отражение в керамике: на смену плоскодонным формам пришли круглодонные, орнамент покрывал уже не всю поверхность сосуда, а лишь его верхнюю часть, редко достигая середины. Происходит скачок в развитии цветной металлообработки, совпавший с расцветом ананьинского и иткульского металлургических очагов на Урале. Отсутствие собственных рудных источников предполагает интенсификацию торговых связей с населением южных районов, развитие пушного промысла как источника основного продукта, предназначенного для обмена. Это время характеризуется ростом числа поселений, что является следствием подъема производства и увеличения численности населения. Широко распространяются городища. Изменения, происходившие в обществе, не могли не задеть и духовную сферу. В археологическом материале они выразились в оформлении плоского культового литья, расцвет которого пришелся уже на вторую половину I тыс. до н.э. М.Ф. Косарев [1991, с. 192] писал, что к рубежу бронзового и железного веков или к раннему этапу эпохи железа относится сложение шаманизма. Перечисленные признаки не характерны для таежных памятников эпохи поздней бронзы, но находят дальнейшее развитие в культурах конца I тыс. до н.э. и на всем протяжении I тыс. н.э. В то же время сами железные вещи еще отсутствуют или единичны. С технологической точки зрения это время следует рассматривать в рамках бронзового века. Однако освоение железа является лишь одним из показателей, хотя и существенным, развития производительных сил и не определяет в полной мере социально-экономического содержания эпохи. Происшедшие в начале второй четверти I тыс. до н.э. перемены в древнем обществе, отразившиеся в археологическом материале, позволяют говорить о том, что таежные западносибирские племена вступили в новую эпоху. Фактически этот период является переходным к железному веку.

Таким образом, в раннем железном веке таежной зоны Западной Сибири намечены два этапа – предкулайский и кулайский. Хронологические рамки первого определены рубежами VIII/VII – IV/III вв. до н.э. По наиболее изученным типам памятников предложено назвать его белоярско-васюганским [Чемякин, 1993]. Этот этап характеризовался ломкой культурных стереотипов предшествующего времени, распадом культурных образований эпохи бронзы и формированием новых. Переход от него к кулайскому этапу (этапу нивелировки материальной культуры) во всем таежном ареале происходил, вероятно, неединовременно.

Интересно, что к подобной мысли, но с иным пониманием происхождения кулайской культуры, еще в середине 1970-х гг. пришли А.И. и Г.С. Мартыновы [1978, с. 32]: «...ошибочно считать, что в лесной зоне Западной Сибири с V в. до н.э. существовала единая кулайская культура... Очевидно, на обширной лесной территории Западной Сибири выделяются две хронологически последовательные культурно-хронологические общности – культурная общность скифского времени VII–III вв. до н.э. и кулайская культурная общность II–I вв. до н.э. – первых веков нашей эры».

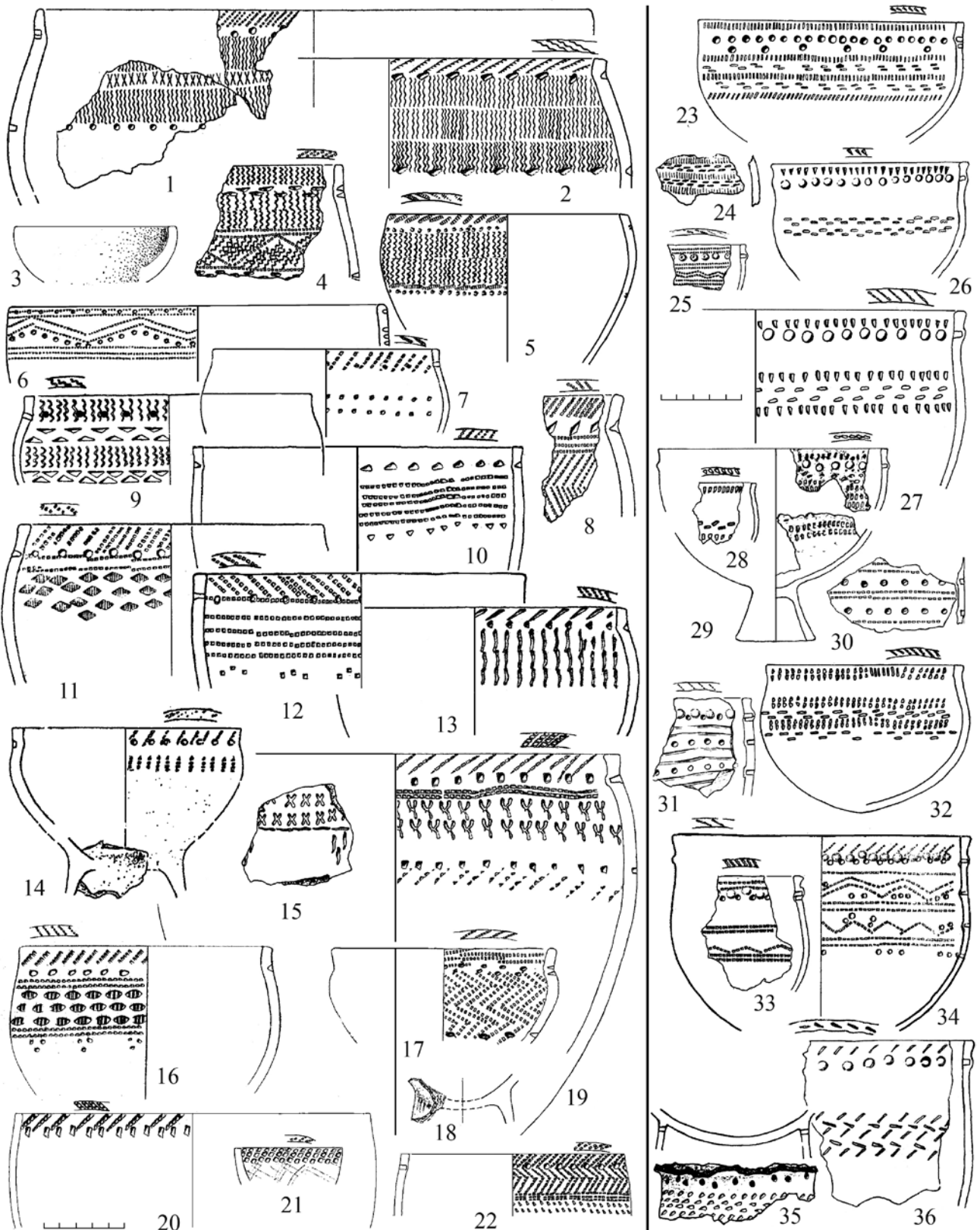

Рис. 1. Керамика **белозерской культуры**: 1, 4, 8 – селище Барсова гора-III/1; 2, 3, 5 – селище Барсова гора-III/2а; 6, 7, 5 – селище Барсова гора-I/11; 9–12 – селище Барсова гора-I/14; 13 – городище Барсов городок-I/10; 14 – поселение Вачим; 15 – городище Барсов городок-I/11; 16 – городище Барсов городок-I/2; 17, 18 – селище Барсова гора-III/15; 19 – городище Барсов городок-I/18; 20–22 – городище Барсов городок-I/1; **калинкинской культуры**: 23, 26 – городище Барсов городок-III/2; 24 – селище Кучиминское-XXIII; 25, 30, 31, 33 – городище Барсов городок-I/8; 27 – городище Барсов городок-III/4; 28, 29, 32 – селище Барсова гора-III/20; 34 – городище Барсов городок-I/13; 35– селище Барсова гора-I/43; 36 – городище Нум-го-II

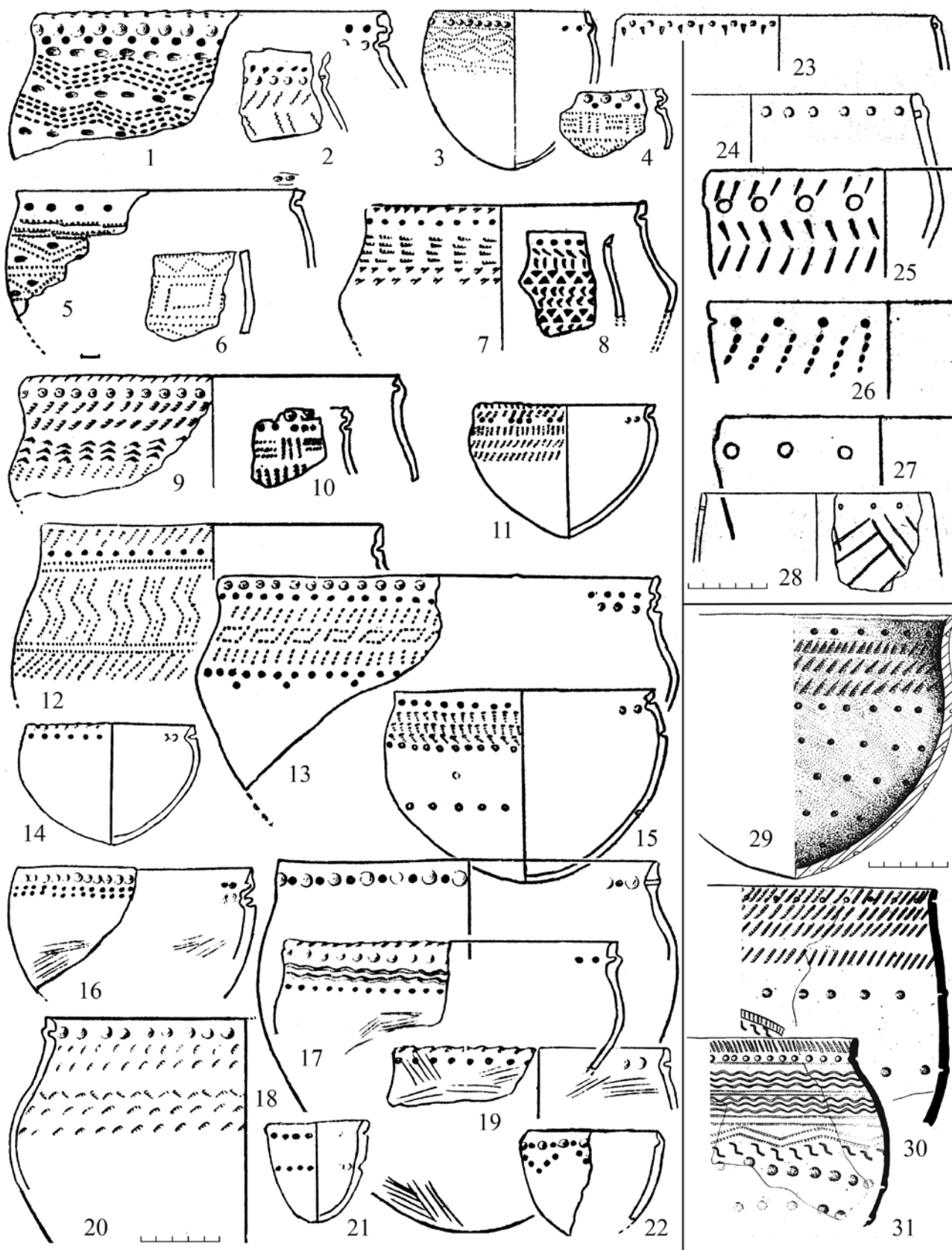

Рис. 2. Керамика васюганского типа (культуры): 1 – Лысяя гора; 2 – селище Тух-Эмтор-I; 3, 12 – Степановское городище; 4–6 – Новый Васюган; 7, 9, 11, 13 – поселение Малгет-5; 8, 10, 15 – поселение Савельевка; 16, 17, 21, 22 – Степановское-III поселение; 18–20 – Степановское-IV поселение; **кижировской культуры**: 23, 24, 26, 28 – поселение Кижирова; 25, 27 – поселение Шеломок-II; **новочекинской культуры**: 29 – могильник Бергуль; 30 – поселение Кыштовка-2а; 31 – поселение Новочекино-1 (1–22 – по Л.А. Чиндиной; 23–28 – по Л.М. Плетневой; 29–31 – по Н.В. Полосьмак)

Библиографический список

- Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э. Омск, 1996. 212 с.
- Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1991. 302 с.
- Мартынов А.И., Мартынова Г.С. Лесостепная тагарская культура и вопросы происхождения и хронологии кулайской культуры // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 25–32.
- Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. 145 с.
- Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. 100 с.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с.
- Чемякин Ю.П. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993. С. 218–219.
- Чемякин Ю.П. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994. 21 с.
- Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут ; Омск, 2008. 224 с.
- Чемякин Ю.П. Культовая металлопластика кулайской культуры (к вопросу о локальных вариантах) // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Новосибирск, 2014. С. 105–108.
- Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье. М., 1953. С. 221–241. (МИА, №35).
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М., 1971. 120 с. (САИ, В4–12 (2)).
- Чиндина Л.А. Кулайская культура в Нарымском Приобье // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 59–65.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. 256 с.

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

© 2017, В.С. Батченко¹, А.С. Клемешов², А.А. Малышев³

¹Институт российской истории РАН,

²Московский государственный областной университет,

³Институт археологии РАН, Москва

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-06-00564а «Реконструкция антропогенного ландшафта периферийных районов азиатского Боспора по естественно-научным материалам и данным GPS-картирования археологических памятников»)

Юго-восточная граница Боспорского государства впервые была очерчена В.Ф. Гайдукевичем [1949, с. 220]. Она расположена на северо-западных отрогах Большого Кавказского хребта и во многом совпадает с регионом, известным в специальной литературе как полуостров Абрау. Благодаря многочисленным археологическим свидетельствам в северо-западной оконечности полуострова локализована Горгиппия письменных источников (Strabo, XI, 2, 10, 12; St. Byz.). Местоположение остальных античных центров этого региона (Бата-гавань и деревня: Strabo, XI, 2, 14; Ptol., Geogr. V, 89) в связи с отсутствием археологических данных до сих пор является объектом дискуссии. В фокусе античной традиции находятся центры, расположенные в прибрежной зоне и описанные в морских путешествиях вдоль побережья – периплах.

В свою очередь, в материковой части региона археологические данные позволяют говорить о неизвестных нам по письменным источникам политических и экономических центрах этого региона в античную эпоху, которые непременно бы оказались бы в сухопутном путеводителе – итинерарии. О них пойдет речь в данной статье.

О высоком иерархическом статусе этих центров может свидетельствовать наличие у них следующих индикаторов: эпиграфические находки (надписи); монументальная (светская, фортификационная или сакральная) архитектура; экономический центр (ключевое звено «кластера» поселений (хоры) зачастую с хозяйственной периферией (поселение, керамика и т.п.), расположенный на пересечении сухопутных и водных магистралей, или система поселений (хору)); присутствие поблизости элитных погребальных сооружений и, наконец, наличие престижных находок.

Отроги главного Кавказского хребта (Семисам, Навагир и отроги Гудзевой горы) разделяют территорию полуострова Абрау на два региона: северный и южный. Хотя в первом преобладает степной ландшафт, а во втором – горный, их системы расселения приурочены к горным долинам различной ширины и конфигурации, удобство для обитания и хозяйствования долин во многом зависит от ее ширины, а также, учитывая кинетическую энергию выпадающей в регионе в виде осадков воды, от наличия обширных террас.

Ландшафты предгорий Северо-Западного Кавказа изобилуют местностями, удобными для устройства крепостей. Расположение поселений на мысовых площадках являлось обычной практикой в доантичное время, тем не менее фортификационные сооружения на поселениях эпохи бронзы и раннего железного века являются большой редкостью. Во многом это объясняется изолированностью полуострова Абрау с севера от материка (степных пространств) отрогами Главного Кавказского хребта и заливом (Анапские плавни), что обеспечивает некоторую безопасность от внезапного нападения.

Наиболее обеспеченной в ресурсном отношении оказалась северная часть – Анапская долина, протянувшаяся по оси З–В почти на 30 км. Наиболее привлекательная во всех отношениях юго-западная ее часть – окрестности античной Горгиппии. Эту местность (вероятно, южная часть хлебодорной Синдики (Strabo. VII, IV, 6)) отличает особое плодородие почв. В эллинистическое время к югу и востоку от Горгиппии существуют несколько кустов поселений-усадеб, свидетельствующих о развитии интенсивного сельского хозяйства. О значительной социальной стратификации говорят расположенные непода-

леку с ними синхронные подкурганские склеповые сооружения (Тарасовские курганы и Три Сестры). Вероятно, представители этих эллинов из ближних мест (Ps.-Skymn. 889) и основали Горгиппию на Черноморском побережье. Расположение впоследствии на этом же месте генуэзской колонии Мапы и турецкой Анапы, несмотря на значительные трудности с питьевой водой, свидетельствует о стратегической и экономической востребованности этого центра – своеобразных морских ворот в Северо-Восточное Причерноморье для кораблей каботажного плавания. Здесь начиналась сухопутная, аробная магистраль в глубинные регионы Северного Кавказа.

Размеры города в эпоху расцвета составляли около 20 га. В обширной коллекции эпиграфических находок, сопоставимой по размерам с пантикапейской, имеется строительная надпись о возведении городских укреплений боспорским царем Савроматом I (КБН, 1122). В целом Горгиппия – один из типичных античных городских центров Причерноморья (<http://gorgippia-antiqua.ru/>).

Сооружение крупного монументального эллинского сооружения под черепичной крышей на значительном удалении (20 км) от Горгиппии, в средней части Анапской долины, на левом высоком берегу реки Маскаги, свидетельствует о расширении античного влияния и возникновении на Раевском городище боспорского политического центра.

Стратиграфия городища самая значительная в регионе: ее культурные слои охватывают промежуток с эпохи неолита до развитого средневековья и свидетельствуют о востребованности данной локации. По-видимому, издревле через него проходил кратчайший путь, связывающий побережье с Цемесской долиной. Границы этого центра в эллинистическое время, как и данные об организации системы фортификации, не установлены. Поля хозяйственной периферии (хора) этого центра расположены на правом берегу притока Маскаги – Бедрички.

Фортификационная система Раевского городища датируется эпохой позднего эллинизма – раннеримским временем, он ограничивает пространство около 9 га. Валообразная насыпь крепости была возведена с учетом особенностей ландшафта. В основе фортификации крепости – комплекс башенных сооружений, количество которых обратно пропорционально естественной высоте склона, на котором расположена крепость. Доступ в крепость возможен с четырех сторон, везде он осуществлялся под контролем боевых башен.

Внутреннее пространство сnivelировано и использовалось для хозяйственных нужд. Раскопки показали, что наиболее востребованными для обитания были площади, прилегающие к цитадели и расположенные вдоль восточной части валообразной насыпи. В наиболее низком по рельефу юго-западном углу городища, вероятно, находился важный для снабжения населения крепости источник воды. Данные о границах хозяйственной периферии центра отсутствуют. Не исключено, что под контролем властителя этого центра была вся сигнально-сторожевая система Анапской долины, состоящая из сети башен-усадеб.

В северо-восточном углу полуострова Абрау, на перевале, соединяющем верховья Анапской долины и долину реки Гостагайки, в 2013 г. было обнаружено городище, получившее соответствующее название «Верхнегостагаевское». Его возведение и бытование памятника связано с эпохой поздней античности – ранневизантийским временем (IV–VI вв. н.э.). Помимо датировки и местоположения, обращает на себя внимание двухступенчатая, как на Раевском городище, система мощных оборонительных сооружений, которые оконтурили площадь около 3 га. В каменных кладках широко применялись детали из разобранных где-то античных общественных зданий из ракушечника (блоки, барабаны и базы колонн).

На верхней площадке городища – цитадели – обнаружены руины большого здания. О своеобразии назначения этого монументального сооружения свидетельствуют его размеры – 7 × 21 м, черепичное перекрытие кровли и наличие расположенных попарно шести дверных проемов.

Значительный естественный уклон поверхности пространства между внешним и внутренним оборонительными кольцами не позволял использовать его для хозяйственных нужд, в частности для жилых сооружений гарнизона.

В отличие от боспорских крепостей античного времени, фортификационные сооружения, например валообразная насыпь, отделяющая цитадель от остальной территории крепости, имеют неправильные, негеометрические очертания, увязанные с микрорельефом местности. В целом фортификационные сооружения выполнены в боспорских традициях сырцово-каменной архитектуры. Крайне скупо, главным образом для устройства проездных сооружений, применялись башенные конструкции, в связи с чем не совсем ясны принципы организации обороны крепости. Несмотря на то, что и ландшафт, и система фортификации подчинены задаче усиления неприступности цитадели, крепость из-за распо-

ложения на значительной (около 300 м) высоте не могла выдержать серьезной осады из-за дефицита питьевой воды. Общую картину дополняет отсутствие хозяйственной периферии у крепости.

В данном обзоре рассмотрено три крупных укрепленных поселения юго-восточной периферии азиатского Боспора, расположенных в Анапской долине. Только один из них – Горгиппия, вне всякого сомнения, являлся крупным административным и экономическим центром, связывающим отдаленные регионы Причерноморья и Северного Кавказа. По мере удаления от побережья значимость городищ как экономических центров резко снижается в пользу их военной функции.

Южную часть полуострова Абрау отличает горный ландшафт, что отрицательно сказалось на экономических возможностях региона (транзитные сообщения, местные ресурсы для меновой торговли и т.п.), в частности обширной Цемесской бухты, поэтому искать следы мощных античных центров в этом регионе не имеет смысла.

Тем не менее следует упомянуть два центра, расположенных в юго-западной части региона. Один, в урочище Широкая балка, получил широкую известность благодаря находке бронзового бюста боспорской царицы Динамии [Гайдукевич, 1949, с. 221]. Дорогу в узкое, неудобное для проживания и хозяйствования ущелье сторожили два башенных сооружения, в развалинах третьего было сделана указанная выше находка. Многочисленные некрополи в урочище, содержащие захоронения с архаической эпохи до эпохи Великого переселения народов, свидетельствуют о местоположении здесь политического центра, имеющего древние местные традиции.

Второй центр, расположенный на побережье, в устье реки Мысхако, наряду с Горгиппией, был упомянут в античных источниках (Бата-деревня (Strabo, XI, 2, 14; Ptol., Geogr. V, 89) или, возможно, Торетский мыс (Ptol. V. 3. 8)). Археологические материалы подтвердили важное значение для экономики этого центра морских промыслов и, по-видимому, каботажного мореплавания.

Библиографический список

- Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М. ; Л., 1949.

© 2017, Л.А. Ковалевская

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ И ЕГО ХОРА В I В. Н.Э. (по результатам археологических раскопок последних лет)

В начале новой эры для Херсонесского государства, как, собственно, и для всего Крыма, сложилась довольно сложная ситуация, которая коснулась этнических процессов, политической и экономической жизни народов, населяющих полуостров. В это время жизнь Херсонеса Таврического тесно связана с событиями, в которых принимали участие, с одной стороны, варварские племена, с другой – Боспорское царство, а позднее и Римская империя.

У Страбона узнаем, что Большой Херсонес, т.е. Крымский полуостров, находился под властью правителей Боспора [Страбон IV, 5]. В определенной форме зависимости от Боспора перманентно находился и Херсонес Таврический. Тяготясь этой зависимостью, херсонесская гражданская община постепенно выходит на более тесные контакты с римской администрацией, которые значительно укрепляются начиная с периода правления Августа. Для Херсонеса Рим являлся единственной реальной силой, способной помочь в борьбе не только за освобождение от зависимости со стороны Боспорского царства, но и, что еще более важно, против значительно активизировавшегося агрессивного варварского мира.

В научном обороте с 1970-х гг. существуют обобщающие работы, касающиеся истории Херсонеса Таврического первых веков н.э. [Кадеев, 1970; 1981; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2001], но, к сожалению, в них почти не освещается жизнь населения сельской округи города. В последние десятилетия на территории хоры Херсонеса, занимающей современный Гераклеийский полуостров, были осуществлены крупномасштабные археологические раскопки [Зубарь, 2007; 2009]. Благодаря исследованиям появилась возможность более разносторонне изучить жизнь сельского населения, выявить узкие временные рамки жизнедеятельности. Среди исследованных археологических объектов замечена группа

сельских усадеб, которые прекращают свое существование в сильных пожарах в I в. н.э. Речь идет прежде всего об усадьбах на земельных наделах 197, 337, 338, 357 и 363.

В настоящей работе, используя результаты археологических исследований за последние 30 лет, прежде всего на хоре Херсонеса, а также немногочисленные письменные источники, попытаемся охарактеризовать ситуацию в I в. н.э. на территории античного города и его сельской округи. Следует заметить, что наиболее полную информацию предоставляют раскопки сельских усадеб, а археологический материал из городских кварталов сильно переотложенный и очень фрагментарный.

Еще в 1989 г. на северо-восточном склоне Монастырской балки под руководством В.В. Созник проведены спасательные раскопки сельской усадьбы земельного надела 357. В результате было частично выявлено помещение, которое первоначально функционировало в качестве винодельни. В более поздний период существования винодельня служит обычным складом. Интерес представляет одна из двух винодавильных площадок, на поверхности которой в слое пожара были обнаружены, помимо прочего, несколько позднегераклейских светлоглиняных и одна псевдокосская амфор. Датировка обнаруженного комплекса сосудов – 2-я половина I в. до н.э. – 1-я четверть I в. н.э.

В 2001–2003 гг. под руководством Л.А. Ковалевской были завершены археологические раскопки сельской усадьбы земельного надела 338, находящейся на юго-западном склоне Сарандинакиной балки [Kovalevskaja, Sarnowski, 2000, s. 229–235]. Древнее сооружение представляет собой в плане прямоугольник размерами приблизительно 24,00 × 28,00 м. В северной части постройки была выявлена квадратная в плане башня, которая со всех сторон укреплена так называемым «противотаранным поясом». Самым информативным оказалось помещение 2 внутри башни, которое первоначально функционировало как складское, где в пифосах хранились продовольственные запасы, позднее оно служило в основном хозяйственным целям. Именно данный период существования представлен самым многочисленным материалом. В слое пожара и разрушения было обнаружено большое количество находок керамики второй половины I в. н.э.: амфоры позднегераклейские светлоглиняные, колхидские, амфоры типа Зеест-90, столовая посуда, в том числе краснолаковая понтийская и тонкостенная, лепные сосуды.

В 2006–2009 гг. под руководством Г.М. Николаенко была почти полностью исследована сельская усадьба земельного надела 197, которая расположена в верховье восточного ответвления Юхариной балки. Выявлена прямоугольная в плане постройка размером приблизительно 30,0 × 21,0 м, в северо-западной части которой возведена башня, по периметру окруженная панцирем из массивных блоков. Усадьба возникает в IV в. до н.э. и прекращает свое существование в IX в. н.э. Интерес представляет помещение 4, где в слое пожара и разрушения на поверхности каменной вымостки обнаружены позднегераклейские светлоглиняные амфоры рубежа I в. до н.э. – I в. н.э. Вместе с амфорами найдены две монеты Пантикапея (тетрахалки 37–27 гг. до н.э.). К сожалению, это единственный случай, когда керамический материал сопровождается нумизматическим.

С 2006 по 2010 г. под руководством Л.А. Ковалевской осуществлялись исследования сельской усадьбы земельного надела 363, которая расположена на юго-западном склоне Верхне-Юхариной балки [Kovalevska, 2015, s. 341–352]. В результате проведенных работ обнаружены строительные остатки прямоугольной в плане постройки размерами 30,0 × 25,0 м. Исследуемый археологический памятник является многослойным. Ранний керамический материал относится к IV–II вв. до н.э. В западной части усадьбы находится башня, в двух помещениях внутри которой в слое разрушения со следами пожара обнаружен самый репрезентативный материал. Почти все обнаруженные строительные остатки и большая часть культурных напластований относятся к данному периоду жизни. Главными находками являются многочисленные фрагменты и целые формы керамических изделий: амфорной тары, краснолаковой и простой столовой посуды, лепной керамики. Корреляция керамического материала позволяет отнести гибель в пожаре строения усадьбы к I в. н.э.

В 2014 г. под руководством Л.А. Ковалевской также в Сарандинакиной балке, только на северо-восточном склоне, были осуществлены спасательные работы на сельской усадьбе земельного надела 337. В результате выявлено помещение размерами 3,00 × 3,50, которое, скорее всего, являлось частью башни. Памятник археологии является многослойным. Эллинистический период представлен только фрагментами керамики. Выявленные строительные остатки и культурные напластования относятся к следующему периоду существования. В помещении выявлен мощный слой пожара с репрезентативным археологическим материалом, датирующийся концом I – началом II в. н.э. Обнаружены фрагменты родосской, колхидской и типа Зеест-90 амфор, а также краснолаковой, прежде всего понтийской, посуды.

Важно отметить, что усадьбы 337, 338, 363, 357 расположены в пограничной зоне размежеванной части хоры Херсонеса, в то время как усадьба 197 – в центральной части сельской округи. Замечено, что время гибели построек разное. Ранее всех и, похоже, близко по времени разрушены усадьбы 357 и 197 – в конце I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э. Усадьба 338 погибает в пожаре во второй половине I в. н.э., 337 – в конце I – начале II в. н.э. Дата гибели усадьбы 363 – I в. н.э.

О сложной и небезопасной ситуации на территории хоры Херсонеса в I в. н.э. сообщают и немногочисленные письменные источники [Ковалевская, Сарновски, 2017, с. 84]. Прежде всего, следует упомянуть о двух латинских надписях. Первая – это известные элоги Тиберия Плавтия Сильвана Элиана с перечислением его деяний во время наместничества в провинции Мезия в период 60–70-е гг. н.э. (CIL XIV 3806 = ILS 986). Одной из его заслуг вскоре после 62 г. было спасение дипломатическим или военным путем осажденного царем скифов Херсонеса. Другая надпись (IOSPEI² 562) – на надгробии двух вольноотпущенников, из которых один или оба были убиты таврами. Один из отпущенников по имени Публий Ведий Трепт был врачом Публия Ведия, скорее всего, трибуна I Италийского легиона времени правления Траяна.

Упоминается сельская территория (χώρα) колонии также в двух греческих надписях из Херсонеса (IOSPEI² 355 и 369). Первая надпись (IOSPEI² 355) является декретом в честь неизвестного гражданина, который, помимо прочего, боролся с каким-то тираном (царем скифов?). Выбранный эпимелетом позаботился о безопасности хоры. Вторая надпись (IOSPEI² 369) является также почетным декретом, который упоминает царя и Савромата (или савроматов) в контексте информации о налете с большим войском, о пожарах на хоре и строительстве вала.

Таким образом, итоги последних археологических исследований и письменные источники свидетельствуют, что в I в. н.э. в результате, скорее всего, военных действий происходили разрушения и пожары на сельской территории Херсонеса. В самом городе выразительных следов нападения врагов не обнаружено.

Результаты археологических работ дают дополнительные сведения и об экономической жизни Херсонеса и его округи. Прежде всего, обращает на себя внимание нерабочее состояние винодавильных площадок на усадьбах 338 и 357, т.е. в I в. н.э. обнаруженные винодельни уже не функционировали. Известно, что в IV–II вв. до н.э. основой экономики Херсонеса было сельское хозяйство с ведущим значением виноградарства и виноделия [Стржелецкий, 1959, с. 123–159], что явно изменилось в изучаемый нами период. Значительно повысилась роль скотоводства, а также рыболовства. Именно в первых веках в Херсонесе появляются многочисленные рыбозасолочные цистерны [Кадеев, 1970, с. 5], похоже, что рыбный промысел становится очень важным и для жителей сельских усадеб, о чем свидетельствуют многочисленные находки грузил для рыбных сетей, как, например, на усадьбе 337. Интересны наблюдения, касающиеся керамического производства, которое, как известно, в первые столетия существования Херсонеса получило высокое развитие. Херсонес был одним из важных керамических центров Крыма, производил строительную керамику, амфорную тару, столовую посуду, терракоты. На изучаемых нами усадьбах среди богатого керамического материала полностью отсутствуют кружальные сосуды местной продукции, что явно свидетельствует о затухании в I в. н.э. керамического производства в Херсонесе.

Среди многочисленных керамических изделий, обнаруженных на сельских усадьбах, амфоры в основном относятся к производству Колхиды, западнопонтийских городов, южнопонтийских центров, прежде всего Синопы и Гераклеи. Также встречаются амфоры типа Зеест-90, центры продукции которых многочисленны. Столовая керамика, среди которой значительную группу составляет краснолаковая, в основном относится к группе Понтийской сигилляты. Следует отметить, что набор посуды сельских жилищ отличается скромностью форм, в самом же городе встречается более презентабельная краснолаковая керамика Самоса, Книда, Пергама и т.д. [Кадеев, 1969, с. 19–36]. Таким образом, вышеперечисленные находки называют нам центры, с которыми вел активную торговлю Херсонес в I в. н.э.

Особо следует отметить большое количество лепной посуды, например, на усадьбе 338 процент ее содержания превышал половину всех сосудов [Ковалевская, Суханова, 2005, с. 215–224], Данный факт имеет значение для определения этнического состава населения. Если в первых веках в самом городе преобладало греческое население [Кадеев, 1981, с. 85, 87], то на территории сельской округи, похоже, присутствие варварского элемента значительно возросло, свидетельством чего являются некоторые формы лепной керамики, носящие признаки скифо-сарматских традиций.

Итак, результаты исследований последних лет вносят некоторые корректировки в наши представления об экономическом укладе, торговых отношениях, этническом составе населения, обогащают событийную картину Херсонеса Таврического и его хоры в I в. н.э. Хотя следует подчеркнуть исключительно предварительный характер представленных выводов. Одной из основных задач работы было введение в научный оборот результатов раскопок сельских усадеб хоры Херсонеса.

Библиографический список

Зубарь В.М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2007. 318 с.

Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа. Симферополь, 2009. 495 с.

Кадеев В.И. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. Харьков, 1969.

Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса в I–IV вв. н.э. Харьков, 1970. 164 с.

Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. 144 с.

Ковалевская Л.А., Суханова И.Ю. Лепная керамика из раскопок сельской усадьбы 338 в округе Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь, 2005. С. 215–224.

Ковалевская Л.А., Сарновски Т. Хора Херсонеса и Северо-Западный Крым в конце I века до н.э. – начале II века н.э. // Материалы 3-й Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию создания заповедника «Калос Лимен» и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея. Симферополь, 2017. С. 80–88.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2001. 826 с.

Страбон. География. М., 1964. 944 с.

Стржелецкий С.Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // Херсонесский сборник. Вып. V. Симферополь, 1959. С. 121–160.

Kovalevska L.A. Farmhouse 363 in the Chora of Tauric Chersonesos // *Ad fines Imperii Romani. Studia T. Sarnowski septuagenario ab amicis, collegis discipulisque dedicata* / A. Thomas (ed.). Warszawa, 2015. S. 341–352.

Kovalevska L., Sarnowski T. La vaisselle des habitants d' une maison rurale de l' époque romaine dans la chora de Chersonesos Taurique // *Rei Cretariae Romane Favtorum*. 2000. №38. S. 229–235.

© 2017, В.П. Колосов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ДИНАМИКА ПОСТУПЛЕНИЯ АМФОРНОЙ ТАРЫ НА БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ В VI–III ВВ. ДО Н.Э., ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК МИРМЕКИЯ 2008–2016 ГГ.

Раскопки 2008–2016 гг. в центральной части городища Мирмекий, на участке «И», позволили получить значительный объем новой информации. В результате, были расширены представления о планировке жилых кварталов в этой части городища [Бутягин, 2014] и скорректированы данные о времени и процессе формирования зольника II [Бутягин, Колосов, 2013].

В ходе изысканий обнаружено большое количество вещевого материала, значительную часть которого составили фрагменты тарных амфор. Статистический анализ количественных данных позволил оценить динамику поступления в Мирмекий этой категории сосудов. Таким образом, целью работы является уточнение представлений о торговых связях Боспора в период VI–III вв. до н.э. по данным массового амфорного материала.

Источниковой базой исследования послужили материалы археологических раскопок Мирмекийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2008–2016 гг. по данным полевых отчетов и полевых описей, составленных в процессе камеральной обработки керамического материала. Амфорные клейма, на основе которых были датированы культурные напластования, определены А.А. Еремеевой и А.М. Бутягиным. Исследование построено на расчете профильных частей сосудов из уверенно датированных культурных напластований и комплексов. В статистиче-

ском исследовании не учитывались материалы из смешанных или трудно поддающихся датировке участков раскопа. Общее количество профильных фрагментов амфор, задействованных в исследовании, составляет 15 901 ед.

Участок «И» расположен в центральной части городища. Археологические работы с некоторыми перерывами ведутся здесь с 1938 г. по настоящее время. Благодаря длительному и последовательному изучению общая площадь вскрытых слоев превысила 4 000 м² [Чистов, 2006, с. 99]. В северной части данной территории были расположены две зольные насыпи (зольник I и зольник II). Более крупный зольник II до начала исследования представлял собой насыпь около 3 м высотой и занимал значительную площадь (по меньшей мере 500–700 м²). Наличие такого объекта в городской застройке в древности не позволило вести на этом участке значительное строительство, благодаря чему под слоями зольника обнаружены остатки городских сооружений более раннего периода в относительно лучшей сохранности, нежели на остальной территории участка «И».

Большая часть насыпи зольника II была исследована в ходе работ Виктора Францевича Гайдукевича в 60-х гг. XX в. Нераскопаным остался лишь юго-западный сектор насыпи площадью около 200 м². Тогда же частично были изучены залегающие ниже городские кварталы. Много позже, в 2001–2003 гг., экспедицией Государственного Эрмитажа продолжено исследование позднеархаической застройки в северной части участка «И». В результате этих работ данные о смене строительных периодов и их датировке были существенно расширены и частично пересмотрены. К настоящему моменту сложилось определенное представление о смене городской застройки в этом районе начиная с позднеархаического периода и вплоть до римского времени [Чистов, 2006; Бутягин, Чистов, 2015, с. 31–35].

Кратко можно охарактеризовать этапы городской застройки на этой территории. Во 2-й половине VI в. до н.э. территория центральной части городища использовалась для хозяйственных нужд. В конце VI – начале V в. до н.э. вся площадь участка «И» покрывается сетью застройки. В его северной части строится квартал с несколькими жилыми комплексами. Спустя какое-то время, где-то во 2-й четверти V в. до н.э., эти комплексы были полностью разрушены в результате пожара. В конечном итоге, во 2-й половине V в. до н.э. здесь возникает зольник I. На рубеже V–IV вв. до н.э. насыпь зольника I была выровнена, и на этой территории был построен многокамерный комплекс (так называемое «Святылище Деметры»), который просуществовал до середины IV в. до н.э. После разрушения постройки его развалины были перекрыты слоями желто-коричневого суглинка, которые, возможно, являются остатками сырцовых стен этого сооружения. Выровненная площадка послужила основанием для насыпи зольника II, которая начинает формироваться на этом участке в конце IV в. до н.э.

Работы, начатые экспедицией Государственного Эрмитажа в 2008 г. в северо-западном секторе участка «И», были направлены на изучение оставшейся нераскопанной части зольника II и нижележащих слоев. Таким образом, в течение 2008–2016 гг. была полностью исследована эта часть зольника, и раскрыты строительные остатки позднеархаического и классического времени, залегавшие под ним. Общая площадь раскопа составила около 300 м². Мощность вскрытых слоев суммарно превышает 8 м. Общее число находок составляет около 700 тыс. ед.

Самые ранние культурные напластования представляли собой слои темно-коричневого и темно-серого суглинка, содержащие в себе материал 2-й половины VI в. до н.э. К концу VI в. до н.э. относятся раскрытые на этом уровне помещения. Эти постройки являются остатками западной части позднеархаических кварталов, которые прежде были изучены на остальной территории участка «И». Разделенные проходящей в меридиональном направлении улицей (так называемой «западной») постройки были организованы в несколько домохозяйств.

В слоях этого времени общее количество материала не очень велико. Тем не менее при анализе тех профильных фрагментов тарных амфор, которые происходят из уверенно датированных комплексов и напластований, можно получить некоторое представление о поступлении амфор на городище. Для этого времени характерно преобладание амфор производства Лесбоса (порядка 35%). На втором месте – амфоры Северной Эгеиды (так называемый протофасос) и хиосские амфоры пухлогорлого варианта (и тех, и других почти по 17%). Также довольно значительной является доля амфор производства Клазомен (не менее 12%). Тара остальных центров представлена незначительно. Наличие в данных напластованиях единичных фрагментов амфор, характерных для более поздних периодов (Гераклея, Кос, Синопа), не отражает реальную картину, а является следствием случайного перемещения материала.

Культурные напластования V в. до н.э. также дали возможность получить ряд данных. В 1-й четверти V в. до н.э. зафиксированы некоторые перестройки в жилом комплексе, к этому же времени от-

носится вымостка «западной» улицы, которая сохранилась в южной части исследованной площади. Данные строительные остатки перекрыты слоями темно-коричневого суглинка, содержащего в себе материал, большей частью относящийся ко 2-й четверти и середине V в. до н.э. По всей видимости, именно этот слой связан со временем, к которому относится большинство бронзовых наконечников стрел, открытых на раскопе, т.е. ко времени разрушения поселения в 1-й половине V в. до н.э. Выше залегал слой желто-коричневого суглинка с материалом 2-й половины V в. до н.э. Строительные остатки в этом слое практически не встречаются.

Для материалов, полученных из слоев, относящихся к V в. до н.э., характерна следующая картина распределения амфорной тары по центрам производства: все также значительна доля амфор производства Лесбоса (около 15%), Северной Эгеиды (протофасос) (около 12%) и Клазомен (7%). Но доля этих центров постепенно снижается, в то время как на первое место выходит хиосская амфорная тара (более 25%). Кроме того, в культурных напластованиях V в. до н.э. наблюдается высокий процент амфор производства Фасоса (более 10%).

Слои с материалами IV в. до н.э. характеризовались меньшим количеством сохранившихся сооружений. Строительные остатки, относящиеся к 1-й половине IV в. до н.э., были раскрыты в центральной части раскопа, ближе к западному борту. Это небольшое помещение (так называемое помещение 8), площадью не более 3,5 м², имело два строительных периода, при этом в первом периоде сооружение было частью здания, сложенного из крупных каменных блоков. По всей видимости, постройка являлась составной частью комплекса «Святылища Деметры». В более поздних напластованиях, содержащих материал середины IV в. до н.э., не было раскрыто каких-либо хорошо сохранившихся построек. Строительные остатки, обнаруженные в этих слоях, сильно разрушены. В основном это были каменные развалы разрушения стен.

Процентное распределение амфорной тары в стратиграфических горизонтах

Центры производства	Дата			
	2-я половина VI в. до н.э.	V в. до н.э.	IV в. до н.э.	III в. до н.э.
Гераклея	0,3	1,8	23,1	17,7
Клазомены	12,2	7,0	0,2	0,0
Книд	0,0	0,3	1,1	1,4
Колхида	0,0	0,0	0,2	0,8
Кос	0,1	0,1	0,8	1,7
Круг Фасоса	0,4	0,8	0,4	0,4
Лесбос красн. гл.	32,3	13,9	0,4	0,2
Лесбос сер. гл.	2,5	1,7	1,0	0,2
Менда	0,2	1,3	5,6	1,5
Неизв. центры Северной Эгеиды (протофасос)	17,0	11,9	0,7	0,3
Синопа	0,4	0,4	4,9	22,2
Фасос	1,1	10,2	14,5	6,1
Херсонес	0,0	0,3	1,4	1,6
Хиос (прямогорлый)	0,3	2,7	12,6	6,1
Хиос (колпачковый)	0,0	0,0	0,5	0,6
Хиос (переходный)	0,2	0,6	0,5	0,1
Хиос (пухлогорлый)	16,8	23,1	3,8	1,4
Родос	0,0	0,2	0,2	2,4
Самос	0,0	0,3	0,2	0,0
Милет	1,8	1,2	0,2	0,0
Пепарет	0,0	0,1	1,7	1,3
Прочие (суммарно менее 1%)	0,9	0,3	0,2	0,4
Неизвестные центры	13,5	21,6	25,8	33,5
Общее кол-во фрагментов	1009	2020	4831	8041

Для амфорной тары из слоев IV в. до н.э. характерно преимущественное преобладание гераклейских амфор (более 23%), а также хиосских (суммарно более 17%), большей частью прямогорлого варианта. Доля амфор производства Фасоса выросла до 14,5%, а мендейские и синопские амфоры составляют небольшую, но ощутимую часть от общего числа (5,6 и 4,9% соответственно).

Слои разрушений середины IV в. до н.э. были перекрыты слоем желто-коричневого суглинка, который содержал в себе материал конца IV в. до н.э. и представлял собой подошву зольника II. Формирование насыпи зольника началось в конце IV в. до н.э. и продолжалось вплоть до римского времени. Наиболее интенсивно насыпь формировалась в период от рубежа IV–III вв. до н.э. до конца 1-й четверти III в. до н.э. Именно к этому периоду относится большая часть обнаруженного в зольнике материала.

В слоях зольника процентное распределение тарных амфор характеризуется очень высокой долей синопских и гераклейских амфор (22,2 и 17,7% соответственно). Процент амфор производства Хиоса и Фасоса в этих слоях ниже, чем в слоях IV в. до н.э., но составляет заметную часть от общего числа (более 8% и более 6% соответственно). Амфоры других центров производства также присутствуют в слое, но их процент незначителен по отношению к общему количеству фрагментов. Например, амфоры производства Книда, Коса и Родоса составляют соответственно 1,4, 1,7 и 2,4% от общего числа фрагментов. Возможно, наиболее объективную информацию об амфорах этих центров можно будет получить при более скрупулезном стратиграфическом анализе насыпи зольника.

Таким образом, в результате анализа получена обобщенная картина по распределению фрагментов тарных амфор в культурных напластованиях центрального района Мирмекия (см. табл.). Амфоры Лесбоса, центров Северной Эгеиды (так называемый протофасос) и Клазомен составляют значительную часть от общего числа тары в горизонтах VI–V вв. до н.э., но в слоях IV–III вв. до н.э. доля этих центров невелика. Амфоры производства Синоп, Родоса, Херсонеса, Коса, Гераклеи, Фасоса и Менды, наоборот, увеличиваются в процентном отношении в IV–III вв. до н.э. Нужно отметить, что для амфор Гераклеи, Фасоса и Менды наибольшее процентное значение приходится на IV в. до н.э., а затем доля амфор из этих центров несколько уменьшается. Относительное количество хиосской амфорной тары на протяжении исследуемого периода последовательно и постепенно снижается, но продолжает составлять существенную часть от общего числа амфорных фрагментов. Амфоры остальных центров составляют небольшой процент от общего количества и не демонстрируют каких-либо серьезных изменений в динамике поступлений.

Библиографический список

Бутягин А.М. Центральный квартал городища Мирмекий в позднеархаическое – классическое время // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань, 2014. С. 12–14.

Бутягин А.М., Колосов В.П. Керамические материалы из раскопок зольника II городища Мирмекий: комплексный анализ // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 155–161.

Бутягин А.М., Чистов Д.Е. Палеорельеф Карантинного мыса и архаическая застройка Мирмекия // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 29–37.

Чистов Д.Е. «Святылище Деметры» и восточные кварталы Мирмекия в IV в. до н.э. // Боспорские исследования. Вып. 13. Симферополь ; Керчь, 2006. С. 99–133.

© 2017, Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко

Кубанский государственный университет, Краснодар

РЕДКИЕ ТИПЫ СОСУДОВ ДЛЯ МАСЛА ИЗ МЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ КУБАНИ

Состав комплекса чернолаковой керамики из меотских памятников в целом практически не отличается от городов и некрополей Средиземноморского и Причерноморского регионов и представлен всеми основными категориями сосудов (для питья и сервировки стола, для масла). Однако существенна количественная разница. Чернолаковая посуда являлась предметом роскоши для меотов, и поэтому

она встречается только в богатых погребениях. В культурных слоях городищ чернолаковые фрагменты также нельзя отнести к массовому материалу. Некоторые формы сосудов обнаружены в меотских памятниках в единичных экземплярах. К ним относятся и такие специфические типы сосудов для масла, как **арибаллы**, **аски** и **гуттусы**.

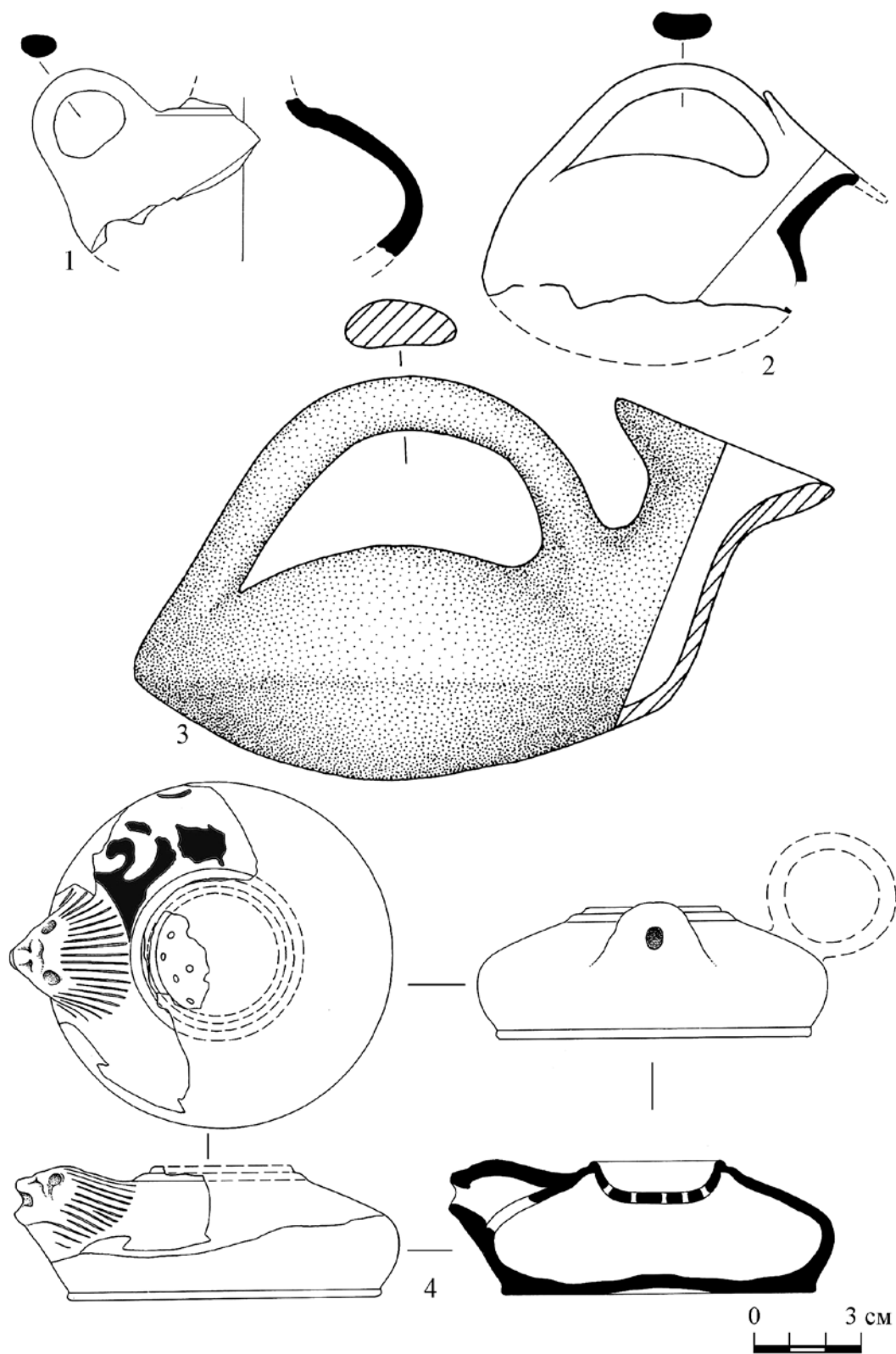

Рис. 1. Чернолаковые и сероглиняный сосуды: 1 – чернолаковый арибалл из комплекса 187 могильника Лебеди-III; 2 – чернолаковый мелкий аск из погребения 150 Прикубанского могильника; 3 – сероглиняный мелкий аск местного производства из погребения 186 Прикубанского могильника; 4 – краснофигурный аск с ситчком из погребения 281 могильника Лебеди-III

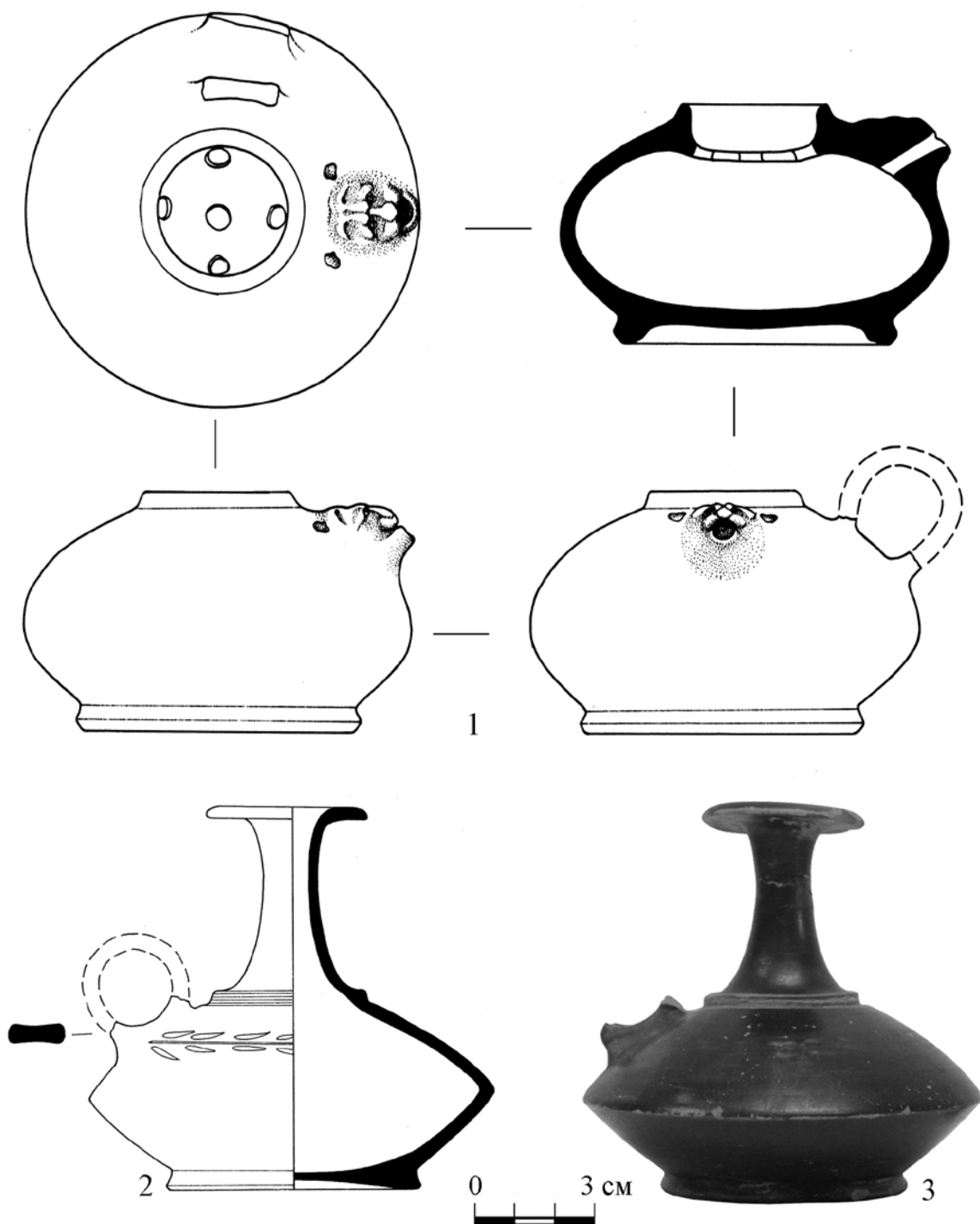

Рис. 2. Чернотаковые сосуды из школьного музея станицы Елизаветинской:
 1 – аск с ситечком; 2 – гуттус эллинистического типа с росписью в стиле «западного склона»

Арибаллы (*ariballos*) представлены частью стенки с ручкой, прикрепленной к плечу, от сосуда неаттического происхождения из комплекса 187 могильника Лебеди-III. Высота сохранившейся части – 4,5 см, наибольший диаметр тулова – 10 см (рис. 1.-1). Этот тип арибаллов в виде кувшинчика с округлым приземистым туловом характерен для эллинизма. Причем только один экземпляр из раскопок Афинской агоры, вероятно, неаттического производства имеет ручку аналогичного крепления. Он относится к группе плоскодонных (*footless*), хронология которой ограничивается пределами III – 1-й половины II в. до н.э. Другой привозной сосуд, весьма близкий по форме раздутго тулова, но с ручкой, верхний конец которой крепился к венчику, широко датируется 325–200 гг. [Rotroff, 1997, p. 171, 172, №1133, 1751]. Верхняя дата могильника Лебеди-III по составу амфорной тары не может быть определена позднее конца IV – начала III в. до н.э. Этим временем предлагается датировать фрагмент арибалла.

К местному населению Прикубанья попадали и отдельные экземпляры **асков** (*askoi*). Мелкие (*shallow*) аски с высокой аркообразной ручкой представлены сосудом из погребения 150 могильника Прикубанский, который является единственной находкой этого типа сосудов в правобережных меотских памятниках. Сохранившаяся высота – 6,9 см, длина тулова – 9,3 см, длина слива – 2,1 см, диаметр венчика – 4,8 см (рис. 1.-2). Комплекс датируется по гераклейской амфоре пифоидного варианта I-A-1 с клеймом магистрата Аристокла (подгруппа IA), деятельность которого приходится на 90-е гг. IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 125; Кац, 2007, с. 429, 431, прил. V.-2; VII]. Ближайшие образцы мелких асков с Афинской агоры относятся к 1–2-й четверти IV в. до н.э. Производство мелких асков началось в Аттике еще во 2-й четверти V в. до н.э., одновременно с глубокими (*deep*). Однако вплоть до последней трети этого столетия они не имели популярности [Sparkes, Talcott, 1970, p. 157–159, №1177, 1178]. В Причерноморском регионе мелкие аски, в отличие от глубоких, по-видимому, не особенно часто встречаются. К примеру, из некрополя Аполлонии происходит всего один экземпляр 1-й половины IV в. до н.э. [Иванов, 1963, с. 137, обр. 55, №226]. Находки более раннего времени, относящиеся к 1–3-й четверти V в. до н.э., известны на азиатском Боспоре из поселения Вышестеблиевская-11 [Рогов, Кашаев, Форназир, 2005, с. 190, рис. 14.-3–5], а на другой стороне пролива – из комплекса IV в. до н.э. некрополя Нимфея [Грач, 1999, с. 77, табл. 107.-5].

Довольно редки (и не только для меотских памятников) аски с **ситечком наверху** (*strainer top*). В погребении 281 могильника Лебеди-III был найден фрагментированный аск с носиком-сливом в виде головы льва и следами краснофигурной росписи. После вторичной неполной реставрации (не хватает многих фрагментов) нам удалось сделать графическую реконструкцию сосуда и восстановить его приблизительные размеры: высота – 3,8 см, диаметр дна – 8,9 см, диаметр тулова – около 9,9 см, диаметр горловины с ситечком – около 4,7 см (рис. 1.-4). Эта разновидность асков, по мнению исследователей, предназначалась для более тщательного очищения наливаемой внутрь жидкости, будь то масло, ароматические вещества или мед [Sparkes, Talcott, 1970, p. 157]. Такие сосуды с краснофигурной росписью известны в Северном Причерноморье. Ближайший к меотам Прикубанья памятник Боспора – Пантикапей, откуда происходят два фрагмента и целый сосуд с фигурным носиком в виде головы льва и краснофигурной росписью [Лосева, 1962, с. 178, рис. 5.-4]. Нужно упомянуть также краснофигурный аск с трубчатым, расширенным на конце сливом из Херсонеса [Зедгенидзе, 1978 с. 74, рис. 4.-4] и фрагменты однотипных сосудов из некрополя Панское I в Северо-Западном Крыму, общепринятая датировка которых не выходит за рамки 1-й половины IV в. до н.э. [Рогов, Тункина, 1998, с. 171, рис. 3.-3]. Краснофигурная роспись на асках с ситечком, в том числе со сливом в виде головы льва, появилась еще в конце V в. до н.э. и сохранялась в IV в., причем к объемной голове на плоскости пририсовывалось туловище животного [Sparkes, Talcott, 1970, p. 160; Moor, 1997, p. 56–57, №1185, 1186]. Контекст находки из могильника Лебеди-III укладывается в рамки 1-й половины IV в. до н.э.

Наряду с краснофигурными, существовали аски с ситечком наверху, полностью покрытые лаком. Такой сосуд с фигурным сливом в виде головы льва (ручка утрачена) хранится в школьном музее станицы Елизаветинской. Его размеры: высота – 5,8 см, диаметр тулова – 9,7 см, диаметр дна – 7 см, диаметр горловины – 3,7 см (рис. 2.-1). Ситечко довольно сильно углублено внутрь и снабжено крупными отверстиями диаметром 0,4–0,5 см, которые вряд ли предполагали тщательную фильтрацию (возможно, дополнительно накладывался матерчатый фильтр). Фрагмент аска с подобным носиком с Елизаветовского городища на Нижнем Дону по аналогии с единственным фрагментом из Афинской агоры был датирован временем около середины IV в. до н.э. [Брашинский, 1980, с. 62, табл. XXXVI, 15; Sparkes, Talcott, 1970, №1189]. Было ли ситечко у елизаветовского сосуда – неясно. В античных памятниках чаще представлены аски со сливом в виде львиной головы без ситечка, но с крышкой (*lidded*), полностью покрытые лаком, как правило, с каннелированным туловом. На материалах некрополя Аполлонии было выделено два типа таких сосудов («гуттусов»), датирующихся 3-й четвертью V в. до н.э. [Иванов, 1963, с. 206–208, обр. 80, табл. 110, №505–507]. Мода на оформление сливов в виде головы льва существовала длительное время. Подобные сливы, кроме асков, встречаются на гуттусах и сосудах других типов. Отметим кружку из пантикапейской гробницы 156 последней трети V в. до н.э. [На краю Ойкумены..., 2002, кат. 26] и гуттус из Македонии конца IV в. до н.э. [Hellenistic Pottery..., 1991, p. 142]. Гуттусы с боковым носиком в виде львиной головы производились до начала 2-й четверти III в. до н.э. [Rotroff, 1997, p. 174, №1152–1154].

Как видно, в меотских памятниках аски встречаются редко. Кроме описанных, необходимо отметить аск с трубчатым сливом из Марьянского кургана [ОАК, 1916, рис. 74]. Редкость асков на Елиза-

ветовском городище и отсутствие их в богатых захоронениях Нижнего Дона И.Б. Брашинский [1980, с. 62] объяснял узким специальным назначением этих сосудов, которые использовались для дорогих приправ, парфюмерии и прочего и не имели распространения в быту местного населения. В связи с этим показателен пример из погребения 186 Прикубанского могильника, где был найден сероглиняный мелкий аск меотского производства (рис. 1.-3). Потребность в копировании столь трудного в изготовлении сосуда может свидетельствовать о том, что аски все же были востребованы в варварской среде [Лимберис, Марченко, 2010, с. 339].

Гуттусы (*guttus*) по морфологии представляют собой узкогорлые кувшинчики с округлым или приземистым туловом. Венчик широкий, как у асков с трубчатым носиком, ручка кольцевидная. Одни исследователи чернолаковой керамики рассматривают гуттусы как разновидность асков [Sparkes, Talcott, 1970, p. 160], другие считают их особым видом сосудов для масла [Rotroff, 1997, p. 172]. Также нет устоявшегося мнения относительно времени появления гуттусов. Наиболее ранний экземпляр с Афинской агоры относится к 400–375 гг. [Sparkes, Talcott, 1970, №1192]. Примерно с середины IV в. до н.э. гуттусы постепенно набирают популярность, и в эллинистическую эпоху они хорошо известны в разных регионах античного мира.

Гуттус из погребения 95 (1972 г.) могильника Пашковского городища №6, у которого утрачены горло и ручка, по форме раздутого тулова на широком низком кольцевом поддоне относится к **классическому типу** (*classical type*), дожившему до начала III в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, №1194, 1195; Егорова, 2009, №508]. Однотипные гуттусы были найдены в основной могиле Курджипского кургана, которая датируется последней четвертью IV в. до н.э. [Галанина, 1980, с. 31, 54–55, кат. 1, 2]. Кроме этого кургана, расположенного в Закубанье, другим территориально наиболее близким памятником является Елизаветовское городище на Нижнем Дону, откуда происходят гуттусы середины IV в. до н.э. [Брашинский, 1980, с. 62, табл. XXXVI.-11, 12].

Для гуттусов **эллинистического типа** (*hellenistic type*) характерны приземистое тулово с выраженным ребром (*angular*), бороздка в основании горла и вогнутый снизу дисковидный поддон. С начала III в. до н.э. гуттусы декорируются в стиле «западного склона» [Rotroff, 1997, p. 173]. Целый экземпляр без ручки, хранящийся в школьном музее из станицы Елизаветинской, имеет роспись в виде гирлянды оливковых листочков. Его высота – 9,4 см, наибольший диаметр – 10 см, диаметр венчика – 4 см, диаметр поддона – 6,2 см (рис. 2.-2). По форме этот сосуд может быть сравним с экземплярами начала III в. до н.э. из Афинской агоры, один из которых имеет аналогичную роспись [Rotroff, 1997, №1143, 1144]. Гуттусы более позднего времени, в том числе орнаментированные в стиле «западного склона», имеют ребро не посередине, а в нижней части тулова [Егорова, 2009, с. 43, №517; 2014, с. 190, рис. 9.-8].

Рассмотренная серия чернолаковых сосудов демонстрирует тесные торговые связи меотского населения Прикубанья с греческими колониями Боспора, через которые и осуществлялась торговля предметами, поступавшими из Средиземноморского региона. Многие формы чернолаковых сосудов послужили образцами для изделий меотских гончаров.

Библиографический список

- Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980. 268 с.
- Галанина Л.К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н.э. Л., 1980. 127 с.
- Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. 328 с.
- Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009. 256 с.
- Егорова Т.В. Предварительный анализ комплекса чернолаковой керамики VI–II вв. до н.э. из раскопок Пантикапея 1945–1992 гг. // Древности Боспора. Т. 18. М., 2014. С. 174–195.
- Зедгенидзе А.А. Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса // КСИА. 1978. №156. С. 69–78.
- Иванов Т. Античная керамика из некрополя на Аполония // Аполония. Разкопки в некрополя на Аполония през 1947–1949. София, 1963. С. 65–273.
- Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь ; Керчь, 2007. 478 с.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // Древности Боспора. Т. 14. М., 2010. С. 322–356.

Лосева Н.М. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945–1958 гг. М., 1962. С. 166–179. (МИА, №103).

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М. ; Саратов, 2003. 352 с.

На краю Ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Из фондов Государственного Исторического музея, Государственного музея Востока, Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника. М., 2002.

ОАК (Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1912 г.). Петроград, 1916. С. 150–157.

Рогов Е.Я., Тункина И.В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // Археологические вести. Вып. 5. СПб., 1998. С. 159–175.

Рогов Е.Я., Кашаев С.В., Форназир Й. Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская-11 на юге Таманского полуострова // Боспорские исследования. Вып. VIII. Симферополь ; Керчь, 2005. С. 177–198.

Hellenistic Pottery from Macedonia. Thessaloniki, 1991.

Moor M.V. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery // The Athenian Agora. Vol. XXX. NJ. Princeton, 1997. 367 p.

Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. NJ. Princeton, 1997. 594 p.

Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plane pottery of the 6th, 5th, 4th cent. b. c. // The Athenian Agora. Vol. XII. NJ. Princeton, 1970. 378 p.

© 2017, Е.В. Струкова¹, С.В. Ушаков²

¹Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь;

²Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

СЕРОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА С ЧЕРНЫМ ПОКРЫТИЕМ ИЗ ХЕРСОНЕСА. I. КУВШИНЫ

В последние годы оживился интерес к одной из групп античной столовой посуды, присутствующей во многих понтийских центрах, – сероглиняной керамике с черным покрытием [Pontic Grey Wares, 2009; Handberg, Stolba, Ušakov, 2009; Буйских С.Б., 2006; 2011; 2012, с. 22; Зинько, 2014, рис. 91.-3, 5; 149.-1–3; Буйских А.В., 2014, с. 340–342, рис. 33–39]. При этом для этой керамики в литературе нет однозначного определения, и она именуется по-разному: 1) Grey Wares; 2) Grey Clay Ceramics; 3) Grey Table Ware; 4) Grey Pottery; 5) Grey Wheel-Made Ware [Pontic Grey Wares. 2009. P. 53, 67, 77, 93, 149]. В отечественной научной традиции наиболее удачным определением, вслед за М.И. Золотарёвым, можно признать следующее – «сероглиняная керамика с черным покрытием» (СКЧП).

СКЧП и в Херсонесе, и на его хоре представлена сосудами разнообразных форм [Hannestad, Stolba, Nastrup, 2002, p. 147–149; Котенко, 2011; Ушаков, Ушакова, 2012]. Хотя она присутствует практически на всех памятниках классической эллинистической эпохи, в историографии до сих пор нет единства мнений ни по поводу ее происхождения (места производства), ни относительно типологии и хронологии. Более того, при явном отличии от чернолаковой керамики эту группу находок не всегда выделяют при полевой и камеральной обработке массового материала.

СКЧП из Херсонеса многие авторы, начиная с В.К. Мальмберга, затем Г.Д. Белов, С.Ф. Стржелецкий, Р.Б. Ахмеров, В.В. Борисова, признавали местной (см.: [Белов, 1938, с. 29, рис. 16; рис. 73; Белов, 1962, рис. 25 г, д, е, з, м; 26 г, д, е, з, и, к; 27 е; Белов, 1981, с. 173–179, рис. 7.- 9–10; Стржелецкий, Белов, 1953, рис. 2; Буйских С.Б., 2012, с. 28–31; Егорова, 2009, с. 64–65]). Эта точка зрения доминирует в литературе до сего дня. Например, Т.В. Егорова [2009, с. 64–69, рис. 50–52] в отдельном разделе своей работы о чернолаковой керамике из Северо-Западного Крыма представила описание сероглиняной керамики как посуды местного производства. Однако еще ранее М.И. Золотарёв, проводивший сплошное археологическое исследование северо-восточной части Херсонесского городища начиная с 1974 г., напротив, всегда выделял эту группу находок, никогда не сомневаясь в ее импортном происхождении. Эта

точка зрения нашла поддержку у Д.Ю. Коробкова, а также и у авторов данной статьи. На ольвийском происхождении части такой керамики настаивает А.В. Буйских [2008, с. 31, прим. 11].

К настоящему времени опубликованы отдельные комплексы Херсонеса и его хоры с СКЧП [Ushakov, Strukova, 2016, p. 480–481]: в северо-восточном районе (полтора десятка комплексов [Ушаков, Струкова, 2009; 2013]), античном театре [Ушаков, Струкова, 2014], на ближней хоре в районе «35-й батарей». Выделены основные типы сосудов этой группы находок: кувшины; гуттусы; чаши; миски с валикообразной закраиной; солонки; миски с загнутым краем; тарелки; блюда с отогнутым краем; рыбные блюда; чаши с петлевидными ручками; светильники [Ушаков, Струкова, 2013, с. 600–601]. Определены ее хронологические рамки – 2-я половина/конец V – 1-я половина/середина IV в. до н.э. [Ушаков, Струкова, 2013, с. 601]. Подведены предварительные итоги изучения и намечены основные задачи [Струкова, 2014; Ushakov, Strukova, 2016; Ушаков, Струкова, 2017].

Одно из перспективных направлений дальнейших исследований – изучение отдельных типов СКЧП. При визуальном осмотре среди всей этой керамики выделяются кувшины с «гофрированным» или гладким горлом, округлым или вытянутым туловом с уплощенными петлевидными или «двуствольными» ручками. Для того чтобы определиться с хронологией этих кувшинов, рассмотрим основные археологические комплексы с сероглиняными кувшинами из раскопок городища Херсонеса, а также частично и его хоры.

1. **Помещения 42, 42а и 49 в III квартале.** Это раскопки 1988–1989 гг. Сероглиняные сосуды происходили из нижнего (наскального) слоя. Верхняя хронологическая граница этого слоя по фрагментам амфор и аттической чернолаковой керамики датирована серединой – началом IV в., а СКЧП в целом – концом V – 1-й четвертью IV в. до н.э. [Золотарёв, 1989, с. 13–16].

2. Так называемая «**Архаическая яма**», как она названа в Отчете (открыта на месте значительно более поздней средневековой бани) **в III квартале.** Раскопки 1989 г. Среди разнообразного инвентаря обнаружены нижние части кувшинов (Полевая опись, №102, 103). Комплекс датируется 1-й четвертью V в. [Золотарёв, 1989, с. 16–17] или 1-й половиной V в. в целом [Ушаков, Лесная, Тюрин, 2016, с. 327–322].

3. **Античный театр.** На месте театра О.И. Домбровским проводились многолетние раскопки, в ходе которых всего найдено 116 фрагментов СКЧП, из которых фрагменты кувшинов составляли 38 экземпляров [Ушаков, Струкова, 2014, табл. 1, 2; рис. 4.-18а; 5.-19а, 19в, 24]. Предложенная датировка находок по сопутствующей чернолаковой керамике не выходит за рамки 2–3-й четверти IV в. [Ушаков, Струкова, 2014, с. 283].

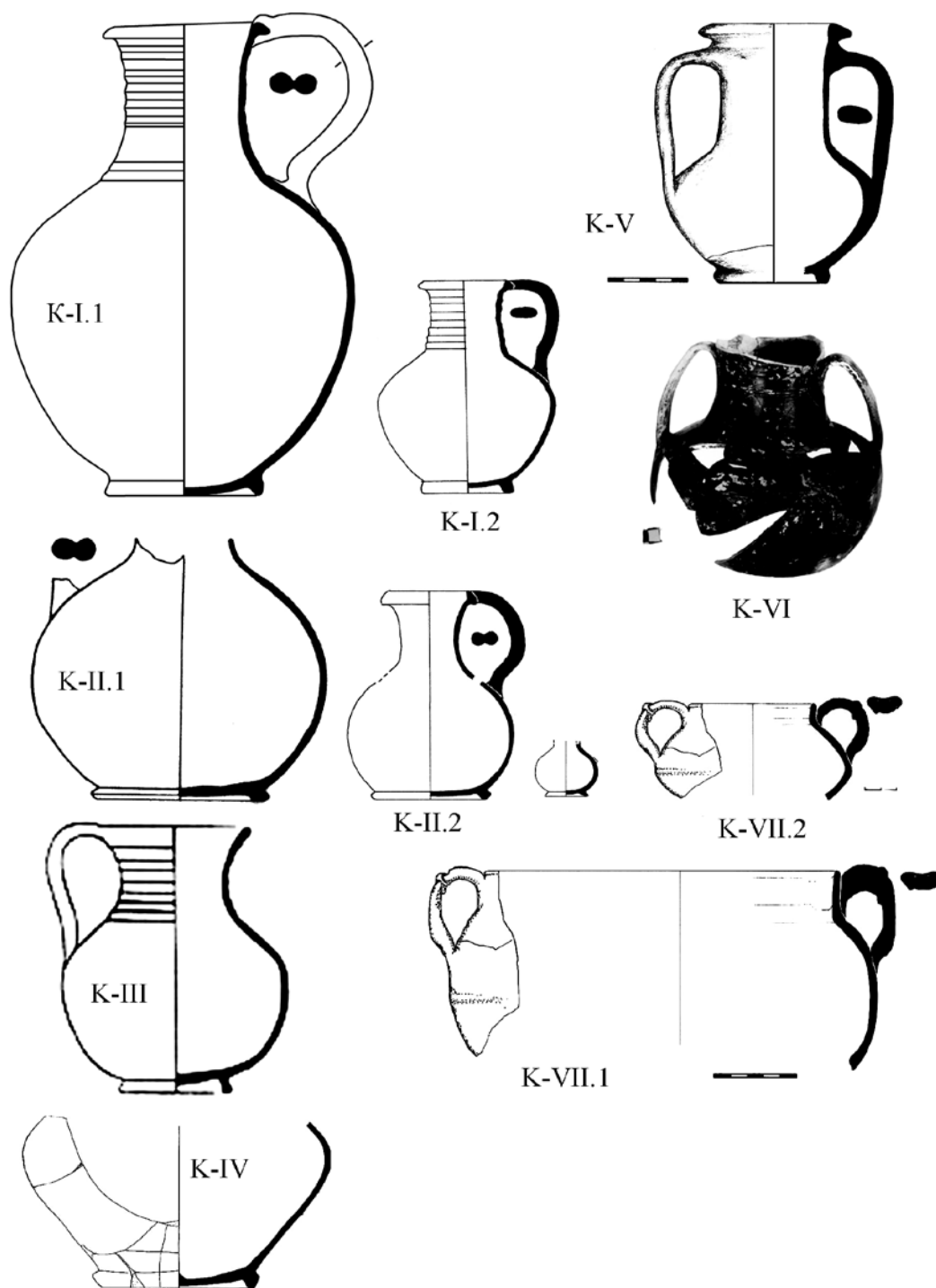
4. **Колодец на продольной улице у базилики «Крузе».** Был исследован в 2014–2015 гг., в результате чего получены многочисленные материалы. Из нижней части засыпи (слои с 4-го по 10-й до глубины 10,4 м) происходят два кувшина целых форм и нижняя часть третьего. По комплексу находок (амфоры, в том числе клейменные, чернолаковая и расписная керамика) можно заключить, что этот слой образовался не позже середины IV в. [Ушаков, 2015, с. 22].

Дополняют всю эту информацию материалы из Западного Крыма. Среди них в первую очередь следует назвать **некрополь Панское** (М.034, №134; №135–136; №137), где исследованы закрытые комплексы, очень важные для датировок. Там найдено четыре однотипных кувшина. С.Ю. Монахов и Е.Я. Рогов датировали их (по аналогиям) в хронологических рамках VI – середины III в., а по комплексам – V – 2-й третью IV в. [Монахов, Рогов, 1990, табл. 1].

На ближней хоре (Гераклейский полуостров) также есть эта керамика. К сожалению, она почти вся является неопубликованной, за некоторым исключением. Так, при раскопках **траншеи у 35-й батарей (перешеек Маячного полуострова)** среди разнообразной сероглиняной керамики (в контексте амфорного комплекса и чернолаковой посуды) присутствуют и фрагменты кувшинов [Ушаков, Ушакова, 2012, с. 172, рис. 3.-1–6].

Многочисленна и разнообразна СКЧП из раскопок С.Г. Рыжова в северном районе Херсонеса (материал пока также не опубликован). Среди находок из этих комплексов присутствуют интересные и оригинальные формы кувшинов.

Несколько слов о **проблеме датировки СКЧП.** Выявлена следующая закономерность: там, где речь идет о закрытых комплексах, можно утверждать об относительно ранних датах (преимущественно в пределах середины V – середины IV в.). В то же время относительно поздние датировки, предложенные Т.В. Егоровой, сделаны, как правило, по сопутствующему материалу (контексту), конечно же, самому позднему, происходящему из слоев разрушения на поселениях, т.е. это не даты бытования вещей и даже не даты их выхода из обихода, а даты превращения предметов в «мертвую» культуру. То же самое можно говорить о комплексах ближней хоры Херсонеса и в определенной степени самого городища.

Типы сероглиняных кувшинов из Херсонеса

О некотором своеобразии СКЧП из Херсонеса среди другой сероглиняной керамики. Сероглиняная керамика (и кувшины в том числе) из Северо-Западного Причерноморья (Ольвии, прежде всего, называемая «серолощенной») [Буйских С.Б., 2007, 2011] и Боспора [Буйских С.Б., 2012] в массе своей имеет существенные отличия от СКЧП из Херсонеса и Западного Крыма. Впрочем, некоторые образцы V–IV вв. до н.э., найденные на Боспоре (верхние и нижние части кувшинов, см.: [Буйских С.Б., 2012, рис. 6.-5–7; 7.-1–7, 9–11]), напоминают «херсонесские». Называть их «серолощенными», как ольвийские, в принципе неверно. В качестве еще одного примера приведем находки из Тиритаки. Комплексы с сероглиняной керамикой там датируются по столовой посуде и амфорному материалу преимущественно в пределах последней четверти VI – 1-й четверти V в. [Зинько, 2014, с. 154; Буйских А.В., 2014, с. 318–319]. Однако если там присутствуют миски схожих форм с херсонесскими, то кувшины, за исключением нескольких обломков, отличаются по морфологии от тех, которые находят при раскопках Херсонеса.

Резюмируем основные выводы

Во-первых, наблюдается определенное своеобразие «херсонесских» кувшинов и их отличие от ольвийской продукции и от большей части тех предметов, которые находят на Боспоре.

Во-вторых, хронология сероглиняных кувшинов из Херсонеса (да и всего Западного Крыма) укладывается в промежуток времени от конца V до начала 2-й половины IV в. до н.э.

В-третьих, собственное производство для Херсонеса этого времени неизвестно, поэтому нет сомнения, что СКЧП в целом и кувшины в том числе являются импортной продукцией. При несомненном некотором внешнем сходстве с чернолаковой керамикой можно предполагать, что они поступали в наш регион из западной части Малой Азии.

Наконец, внимательное рассмотрение так называемых «херсонесских» сероглиняных кувшинов позволяет заключить, что они представлены тремя основными морфологическими типами. **Первый** из них – двумя вариантами: **К-I.1** – относительно крупные сосуды с отогнутой закраиной, слегка раструбовидным гофрированным горлом, петлевидной двуствольной ручкой, яйцевидным туловом, слегка сужающимся книзу, на кольцевом поддоне; **К-I.2** – морфологически близкие кувшины, но небольшого размера и с уплощенной ручкой. **Второй тип** кувшинов – **К-II.1** – с гладким горлом, петлевидной двуствольной ручкой, шаровидным, слегка приплюснутым туловом книзу на кольцевом поддоне; имеется и своеобразная малая «фракция» этого типа (**К-II.2**). **Третий тип** – **К-III** – сосуды среднего размера с раструбовидным гофрированным горлом, петлевидной уплощенной ручкой, шаровидным туловом на кольцевом поддоне.

Кроме того, единичными экземплярами представлены: 1) миниатюрный кувшинчик без горла, напоминающий по форме кувшины К-II.2; 2) нижняя часть фрагментированного сосуда «ромбовидной» формы (**К-IV**); 3) небольшая столовая «амфора» с отогнутой закраиной, петлевидными, слегка уплощенными ручками, прямым горлом, шаровидным, слегка сплюснутым туловом на кольцевом поддоне (**К-V**). Оригинальными выглядят приземистые двуручные сосуды, образующие своеобразную небольшую серию: **К-VI**, **К-VII.1**, **К-VII.2**.

Конечно, наши выводы носят предварительный характер, и детальный анализ находок мы продолжим. Думается, типология и хронология сероглиняных кувшинов, как и всей этой группы находок из Херсонеса, будут уточняться.

Библиографический список

- Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь, 1938. 350 с.
- Белов Г.Д. Эллинистический дом в Херсонесе // Культура и искусство античного мира / Труды Государственного Эрмитажа. 1962. Т. 7. С. 143–182.
- Белов Г.Д. Некрополь Херсонес классической эпохи // СА. 1981. №3. С. 163–180.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI // МИА. М., 1953. №34. С. 32–108.
- Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum 5. 2008. 424 с.
- Буйских А.В. Приложение 1. Амфоры и столовая посуда // Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II. Археологические комплексы VI–V вв. до н.э. Боспорские исследования. Supplementum 11. К., 2014. С. 340–342.
- Буйских С.Б. Серая керамика как этнопоказатель греческого населения Нижнего Побужья в VI–I вв. до н.э. // Боспорские исследования. 2006. Вып. XI. С. 29–57.
- Буйских С.Б. Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI–I вв. до н.э. (Историографический аспект) // ЕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Памяти Я.В. Доманского. СПб., 2007. С. 28–44.
- Буйских С.Б. К проблеме изучения античной сероглиняной керамики Северного Причерноморья // Музейний вісник. №11. Запоріжжя, 2011. С. 96–108.
- Буйских С.Б. Серая гончарная керамика Боспора (попытка осмысления на фоне Северного Причерноморья) // Боспорские исследования. Вып. XXVI. 2012. С. 22–58.
- Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009. 256 с.
- Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II. Археологические комплексы VI–V вв. до н.э. // Боспорские исследования. Supplementum 11. К., 2014. 592 с.
- Золотарёв М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1989 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. 2916.

Золотарёв М.И. О двух этапах строительства в северо-восточном районе Херсонеса в IV веке до н.э. // Херсонесский сборник. Севастополь, 1996. VII. С. 37–47.

Котенко В.В. Серолощена керамика з поселения Маслини // Археология. 2011. №1. С. 68–76.

Монахов С.Ю., Рогов Е.Я. Керамические комплексы некрополя Панское I // Античный мир и археология. Саратов, 1990. №8. С. 122–151.

Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из Херсонеса: проблемы изучения и новые находки // Международная полевая школа в Болгаре : сборник материалов итоговой конференции. Казань ; Болгар, 2014. С. 119–122.

Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2015 г. // Архив НЗХТ. Д. 4449.

Ушаков С.В., Лесная Е.С., Тюрин М.И. Один из ранних археологических комплексов Херсонеса (III квартал) // Сугдейский сборник. Вып. VI. Материалы VI Судакской международной научной конференции «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре» (г. Судак, 19–22 сентября 2012 г.). Киев, 2016. С. 327–332.

Ушаков С.В., Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время : сборник статей по материалам XII Международной научной конференции. Ростов на/Д., 2009. С. 125–138.

Ушаков С.В., Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из северо-восточного района Херсонеса: основные формы и хронология // Древнее Причерноморье. Вып. X. Одесса, 2013. С. 596–602.

Ушаков С.В., Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок О.И. Домбровского в Херсонесе (Античный театр) // История и археология Крыма. Вып. I. Симферополь, 2014. С. 281–288.

Ушаков С.В., Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из Херсонеса: некоторые итоги и проблемы изучения // Археология Северо-Западного Крыма: материалы III Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2017. С. 178–183.

Ушаков С.В., Ушакова К.С. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок на хоре Херсонеса // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности : материалы II Международной научно-практической конференции / сост. А.Р. Кемалова. Симферополь, 2012. С. 166–177.

Handberg Søren, Stolba Vladimir F. & Ušakov Sergej. Classical and hellenistic Grey Ware from the Western Crimea // Pontica. XLII. Extras. Constanța, 2009. P. 167–185.

Hannestad L., Stolba V. F., Nastrup H. B. Black-glazed, red-figure and grey ware pottery // Panskoe I. The monumental building U6. Text, plates. Aarhus, 2002. P.127-149.

Pontic Grey Wares. International Conference Bucarest-Constantza September 30th – October 3rd 2008 // Pontica. 42. Supp. 1. Constanta, 2009.

Ushakov S., Strukova K. Grey Ware with Black Coating from Chersonesos: Research Problems and New Findings // Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Proceeding of the 1st Conference of IARPotHP. Berlin, November 2013, 7–10th. Wien, 2016. P. 479–489.

© 2017, С.В. Ушаков

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ В ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД (IV–VI ВВ.)

Традиционно Херсонес Таврический представлен в современной историографии в связи с рассмотрением нескольких ключевых проблем, таких как основание и становление полиса (Ю.Г. Виноградов, М.И. Золотарёв), превращение его в крупное (по причерноморским масштабам) государство (А.Н. Щеглов), публикация и анализ эпиграфических источников (Э.И. Соломоник, Ю.Г. Виноградов, И.А. Макаров), амфорное производство в целом (С.Ю. Монахов) и амфорное клеймение в частности (В.И. Кац), ордерная архитектура (И.Р. Пичикян, А.В. Буйских), развитие хоры (С.Ф. Стржелецкий, Г.М. Николаенко и др.), взаимоотношения с местным населением (О.Я. Савеля, В.М. Зубарь), рим-

ское военное присутствие (В.М. Зубарь), развитие экономики в позднеантичный период (Г.Д. Белов, В.И. Кадеев, В.М. Зубарь).

Археологическое исследование Херсонеса и его хоры продолжается и в настоящее время (к сожалению, значительно сократившись). Публикаций, посвященных античному периоду (прежде всего, крупных работ), стало заметно меньше. При этом накопленный в фондах и архиве музея-заповедника материал позволяет продолжить и развернуть новое комплексное изучение всех хронологически значимых периодов истории Херсонеса, которое, как следует из сказанного выше, сейчас заметно затормозилось.

В научной литературе оказался недостаточно представленным и позднеантичный период истории Херсонеса. Здесь есть проблемы определения и уточнения его хронологических рамок. Нужно отметить, что в западной научной традиции, начиная с А. Джонса [Jones A.H.M., 1964] и П. Брауна [Brown, 1971], очень рельефно представлен именно позднеантичный период истории как целостная система, правда, например, прежде всего западной части империи. Начало развитию подобных взглядов в русскоязычной литературе положили В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан, Н.Н. Болгов, которые опирались на материалы и данные о Северном Причерноморье, не проводя, впрочем, детального археологического анализа.

При этом массив вещественных источников по позднеантичному – ранневизантийскому периоду жизни Херсонеса поистине колоссален. Во-первых, это керамический и вещевой комплекс в целом (т.е. керамика, стекло, металлическая бижутерия и пр.), отражающий особенности новой эпохи. Во-вторых, это строительные остатки разнообразных архитектурно-археологических комплексов: оборонительных стен, общественных зданий, виноделен, рыбозасолочных и водосборных цистерн, ремесленных мастерских, гончарных печей, культовых памятников. Продолжение исследований позволит откорректировать сложившиеся представления о жизни города в позднеантичную эпоху.

Стоит согласиться с выкладками А.В. Буйских о том, что городская архитектурно-планировочная сеть к этому времени сохранилась без коренных изменений как стандартная гипподамовая система; изменялась только внутриквартальная застройка, как, например, в северо-восточном [Буйских, 2009, с. 209] и северном районах (кварталы VIII, IX) [Голофаст, Рыжов, 2011, с. 387]. Вероятно, в два этапа (в пределах 2-й половины V – начала/середины или даже конца VI в.), как показали последние работы, была отремонтирована оборонительная линия [Самойленко, 2010, с. 44; 2011, с. 105–107]. Хотя береговая линия несколько изменилась, Херсонес по-прежнему функционировал как портовый город с верфями [Айбабин, 2016, с. 186–189]. Целостная жилая застройка того времени не сохранилась (только лишь отдельные здания, фундаменты и руины некоторых стен), так как она была полностью перестроена в византийскую эпоху. То же произошло и с общественными зданиями. Театр был закрыт и почти полностью разобран. Существовало открытое в северном районе К.К. Косцюшко-Валюжиничем [Белов, 1953, рис. 3] крупное, так называемое «здание с контрфорсами» (римская базилика или зернохранилище) [Буйских, 2008, с. 216–219]. У южных ворот располагался общественный туалет [Буйских, 2008, с. 219–225], а в северном районе (в квартале IX) – возможно, баня [Голофаст, Рыжов, 2011, с. 366–367]. До конца IV – 1-й половины V в. [Голофаст, 2007, с. 118] или конца V в. (см.: [Кутайсов, Труфанов, 2014, с. 247–249]) в западном районе функционировал бассейн. С.Б. Сорочан [2005, с. 1028] приводит и другой перечень общественных построек («Здание Г» («дворец»), водохранилища, больница (ятрина) и др.), существовавших в это время.

Об экономической направленности Херсонеса-Херсона можно судить на основе ремесленного комплекса. В пределах города функционировало несколько виноделен: «дом винодела» в южной части XVIII квартала [Белов, 1952, с. 226, 232–237]; на северном берегу; в III квартале [Золотарёв, 2004, с. 135–138]; в ХСVII квартале [Ушаков, Струкова, 2008, с. 151–157; Зубарь, 2009, с. 233–237]. Рыбозасолочные комплексы (и цистерны в количестве более 50) [Суров, 1948; Романчук, 1973, с. 33–45; 1977, с. 18–26; Зубарь, 2009, с. 238–239] открыты во всех районах города, в том числе в кварталах X и X-A, X-B, засыпаны не ранее конца VI – начала VII в. [Голофаст, Рыжов, 2000, с. 86; Голофаст, Рыжов, 2013, с. 60, 63–68, 97–98]. Функционировали две стеклоделательные мастерские – в XXV квартале [Белов, 1965, с. 237–239] и в районе апсиды базилики 1932 г. [Белов, 1969; подробнее: Голофаст, 1998]; несколько гончарных печей – в Портовом районе (пом. 5 «Казармы»), в III квартале [Золотарёв, 1983, рис. 38], в конце продольной улицы у базилики «Крузе», у обрыва возле оборонительной стены в северо-восточном районе [Зубарь, 2009, с. 240–241]; были еще одна печь для обжига черепицы (работавшая до конца IV в.) и печь для пережигания извести [Голофаст, Рыжов, 2011, с. 366]. В херсонесских мастерских, как показали находки бракованных вещей, изготавливалась и металлическая бижутерия [Айбабин, 2010, с. 367, 372].

Сложная этноконфессиональная и этнокультурная ситуация отразилась не только в житийной литературе (исследование которой продолжается) [Виноградов, 2010; Могаричёв, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников, 2012], но и в разнохарактерности открытых культовых памятников. Очень проблематично предлагать датировки, но все-таки можно утверждать, что, во-первых, до V в. на северном берегу действовала синагога [Золотарёв и др., 2013], перестроенная в христианскую базилику (I), на месте которой, вероятно, в конце VI в. была возведена еще одна базилика (II) – комплекс построек базилики 1935 г. Во-вторых, в северо-восточном районе, в III квартале, существовал, по предположению А.Н. Щеглова [2012], сакральный комплекс митраистов (упоминаемый теперь как «подземный храм»). Наконец, в-третьих, в северо-восточном районе на перекрестке городских улиц около середины VI в. [Ушаков, 2016] было построено оригинальное для Херсонеса базиликальное здание, получившее в Новейшее время имя своего возможного первооткрывателя – «Крузе». Далее, в пределах 2–3-й четверти этого же столетия возводится храм (ранняя базилика Б) в западной части города [Голофаст, 2007, с. 116] и, возможно, тогда же и мемориальное здание с четырьмя апсидами (но дискуссия о хронологии всего этого комплекса отнюдь не закончена, о чем можно судить на основе ряда публикаций) [Юрочкин, Джанов, 2002; Голофаст, 2007, с. 119; Кутайсов, Труфанов, 2014, с. 247–252]. Вероятно, что начало формирования культового комплекса (склеп и часовня), связанного, скорее всего, с погребением епископа Василя, относится еще к концу IV в. [Фомин, Огиенко, Шевцова, 2015, с. 131–132]. Процесс строительства новых храмов в Херсонесе в основном завершается в конце VI – начале VII в. (см.: [Романчук, 2000, с. 60–65, 385–388; Сорочан, 2005, с. 1026–1027]) возведением крупных базилик. Все это свидетельствует о кардинальных переменах в духовной жизни херсонитов и о полном доминировании христианства.

Об активных перестройках можно судить также на основе следующих фактов. В V или начале VI в. были засыпаны возникший в эллинистическое время подвал в квартале IX [Голофаст, Рыжов, 2011, с. 367–369] и нижняя часть колодца в помещении 3 квартала VIII [Голофаст, Рыжов, 2011, с. 377]. Засыпь подвалов в квартале IX под помещениями 9–10 и 16 в конце V – начале VI в., возможно, была произведена в ходе кардинальной перестройки квартала, связанной с возведением Северной базилики [Голофаст, Рыжов, 2011, с. 387]. Чуть позже возводится Западная базилика – в конце VI – начале VII в. [Зубар, 2006, с. 39]. Об утверждении христианства к этому времени свидетельствуют также находки раннехристианской скульптуры [Колесникова, 1974, с. 58–59; Античная скульптура Херсонеса, 1976, с. 176–178; Фомин, 2013], а также погребения некрополя [Ростовцев, 1914, с. 484–507; Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 144–154; Айбабин, 2010, с. 375–376; Туровский, Филиппенко, 2008; Фомин, 2011, с. 38–120].

При этом бытовая материальная культура на протяжении всего позднеантичного периода остается в целом стабильной и не претерпевает каких-либо кардинальных изменений. Характер ее определяется полутора десятками типов амфор, четырьмя типами краснолаковой керамики, наборами простой столовой, кухонной гончарной и лепной посуды, светильниками, стеклянной посудой, фибулами и пряжками, что является среди прочего еще одним показателем культурного континуитета.

В амфорной таре (вино, оливковое масло) в город поступала продукция разнообразных южно-причерноморских и восточно-средиземноморских центров (Синопа, Гераклея, Трапезунд, Эгеида, Сарды, Фокея, Сирия, Газа, Палестина). При этом Херсонес и сам продолжал торговать вином [Сорочан, 1997]. Краснолаковая керамика (миски, блюда, кувшины) херсонесского производства (херсонесская сигиллята) [Ушаков, 2005] постепенно сменилась посудой понтийской позднеримской группы семи форм (Pontic Red Slip Ware – PRS – form 1–7) [Domzalski, 2000; Arsen'eva T.M., Domzalski, 2002] и фокейской сигиллятой (Phocian Red Slip Ware/Late Roman C) [Hayes, 1972, p. 329–338]. В относительно небольшом количестве в город и округу поступала также продукция североафриканских (ARSW) (Карфаген и округа) мастерских [Ушаков, 2015, с. 61–62, табл. 1, 2, рис. 5]. Эти же категории находок одновременно являются основными хронологическим реперами. Они прекращают поступать в Херсонес только в конце VI – начале VII в.

Таким образом, представленный выше комплекс данных говорит о том, что позднеантичный Херсонес Таврический, превращавшийся в IV – начале VII в. в ранневизантийский Херсон [Айбабин, 2010], не просто поддерживал прочные отношения с развивающимся Понтийско-Восточносредиземноморским регионом, а в экономическом (и культурном) плане был его важной составной частью. Полученный в результате раскопок материал (вместе со всеми прочими данными) вполне достаточен для того, чтобы рельефно представить историю и культуру Херсонеса в позднеантичный период, изучение которых необходимо продолжить.

Библиографический список

- Айбабин А.И. Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. // Боспорские исследования. 2016. XXXIII. С. 186–209.
- Айбабин А.И. Ранневизантийский Херсонес – Херсон // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 51: Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984) / Государственный Эрмитаж. СПб., 2010. С. 353–370.
- Античная скульптура Херсонеса. К., 1976. 342 с.
- Белов Г.Д. Херсонесские винодельни // ВДИ. 1952. №2. С. 225–237.
- Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса (по новейшим раскопкам) // МИА. 1953. №34. С. 11–31.
- Белов Г.Д. Стеклоделие в Херсонесе // СА. 1965. №3. С. 237–239.
- Белов Г.Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 80–84.
- Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5. Симферополь, 2008. 424 с.
- Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и Церкви Херсона в IV в. по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010. 224 с.
- Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 312–326.
- Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 68–128.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X Б в северном районе Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2000. Вып. IX. С. 78–117.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 363–411.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, XА и X-Б) // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161.
- Золотарёв М.И. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса (III квартал) в 1983 г. // Архив ГИАМЗХТ. Д. 2391.
- Золотарёв М.И. Организация виноделия в позднеантичном Херсонесе // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. 2. С. 135–138.
- Золотарёв М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г., при участии Е. Олениной. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. М.; Севастополь, 2013. 520 с.
- Зубар В.М. Час та обставини будівництва комплексу Західної базилики Херсонеса-Херсона // Археологія. 2006. №1. С. 25–41.
- Зубарь В.М. Из истории экономического развития Херсонеса-Херсона во второй половине I в. до н.э. – VI в. н.э. // Боспорские исследования. 2009. XXI. С. 226–295.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. К., 2000. 179 с.
- Колесникова А.Г. Раннесредневековая скульптура Херсонеса // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 58–59.
- Кутайсов В.А., Труфанов А.А. Бассейн под четырехапсидным храмом в Херсонесе (раскопки 1977–1979 гг.) // ИАК. 2014. Вып. I. С. 234–280.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков, 2012. Т. 1. 416 с.
- Романчук А.И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 45–53.
- Романчук А.И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. 1977. С. 18–26.
- Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. 390 с.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1: Описание и исследование памятников. СПб., 1914. 537 с.
- Самойленко В.Г. Археологические исследования куртины 19 оборонительных сооружений Херсонеса в 2008 году // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 37–81.

Самойленко В.Г. Новые данные о крепостном строительстве Херсонеса (по материалам работ на 19 куртине) // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. V (II). Серия А. Античность и Средневековье: избранные материалы VIII Междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения». Севастополь, 2011. С. 103–115.

Сорочан С.Б. Об экспортных возможностях херсонесского виноделия // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Севастополь, 1997. С. 112–113.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1–2. 1645 с.

Суров Е.Г. Херсонесские цистерны (по архивным данным) // Уч. зап. Свердловского пед. ин-та. 1948. Вып. 4. С. 3–47.

Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. Хронология склепов ранних христиан некрополя Херсонеса (в свете данных раскопок 2006 г.) // МАИАСК. 2008. №3. С. 45–48.

Ушаков С.В. Херсонесская краснолаковая керамика // Боспорские исследования. 2005. Вып. 8. С. 61–74.

Ушаков С.В. Ранневизантийский Херсонес, Понт и Восточное Средиземноморье (по материалам краснолаковой керамики) // МАИАСК. 2015. Вып. 7. С. 59–71.

Ушаков С.В. «Базилика Крузе» в Херсонесе: о времени сооружения храмового комплекса // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия: тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2016. С. 198–200.

Ушаков С.В., Струкова Е.В. Позднеантичный винодельческий комплекс в Северо-Восточном районе Херсонеса Таврического (III квартал) // Кондаковские чтения – II. Проблемы культурно-исторических эпох: материалы Международной научной конференции. Белгород, 2008. С. 151–157.

Шеглов А.Н. Раннехристианский мавзолей или Митреум? // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. VIII (III). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / под общ. ред. В.И. Кузицина. Севастополь, 2012. С. 6–11.

Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в Византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков, 2011. 290 с.

Фомин М.В. О некоторых сюжетах раннехристианской скульптуры Херсонеса IV–V вв. // МАИАСК. 2013. №5. С. 88–101.

Фомин М.В., Огиенко Е.В., Шевцова А.А. О культовом комплексе Западной базилики в средневековом Херсонесе-Херсоне // МАИАСК. 2015. №7. С. 127–153.

Юрочкин В.Ю., Джанов А.В. Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 49–68.

Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 2002. 8. P. 415–491.

Brown P. The world of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad. London, 1971. 216 p.

Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom. *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta* 36. 2000. P. 161–168.

Jones A.H.M. The Later Roman Empire, AD 284–602: a Social, Economic and Administrative Survey. London, 1964. 522 p.

Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972. 477 p.

© 2017, Е.В. Четверкина

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗЫ АНТИЧНОЙ КУХОННОЙ ПОСУДЫ МИРМЕКИЯ

В отечественной и зарубежной историографии кухонной керамике традиционно уделяли скромное место, тем не менее ей посвящено некоторое количество работ [Зеест, 1957; Кастанаян, 1952; Кругликова, 1957; Книпович, 1940; Лейпунская, 1987; Марченко, 1983; Sparkes, 1962; 1981; Sparkes, Talcott, 1970]. В последнее время появляется все больше публикаций, посвященных находкам кухонной посуды

в комплексах, их датировке, определению их центров производства и типологическим особенностям [Чистов, Ильина, Щербакова, 2015; Aydemir, 2005; Amicone, Fenn, Heinze, Schneider, 2014; Anderson-Stojanović, 2000; Heinze, 2015; Klebinder-Gauss, 2012; Rotroff, 2006; Rotroff, Oakley, 1992]. Не вызывает сомнения важность изучения данной категории керамики, которая может стать источником ценной информации о керамическом производстве и технологии, торговле и торговых связях. Кроме того, исследование кухонной посуды дает самое непосредственное представление о повседневной жизни древних греков, в отличие от расписной посуды, отражающей ее парадную сторону.

Целью данной работы является построение типологической и хронологической схем развития форм кухонной посуды. Для этого в исследовании ставятся следующие задачи: выделение типов керамики с помощью типологического метода с применением статистических методов; анализ стратиграфической ситуации и распределения определенных типов венчиков в слоях комплекса и датирующего материала, характерного для этих напластований; сопоставление с материалом других античных памятников Северного Причерноморья, континентальной и островной Греции, Малой Азии для выделения продукции местного производства, выявления импортной посуды и ее возможного влияния на форму местной кухонной керамики.

Источниковой базой для данного исследования являются кухонные сосуды из раскопок, проводимых археологической экспедицией Государственного Эрмитажа на античном городище Мирмекий, расположенном на Карантинном мысу на территории современного г. Керчь, автономная Республика Крым. При раскопках городища обнаружено огромное количество кухонной керамики, но при этом совсем небольшое количество целых форм. Учитывая сильную фрагментацию сосудов, имеется возможность проводить анализ в основном только по профильным частям. Из большого количества археологического материала выбрана группа кухонной гончарной керамики и лепной керамики, доработанной на гончарном круге. Фрагменты сосудов, вошедшие в выборку, происходят из городских слоев и строительных комплексов (жилых и хозяйственных построек, вымосток, ям) разного времени, датирующихся от VI в. до н.э. до III–IV вв. н.э., в материале лучше всего представлен эллинистический период. Всего в исследовании проанализировано около 1 000 фрагментов керамики.

Кухонная керамика выделяется из общего массива керамики функционально, ее главное назначение – приготовление пищи, хотя это не отрицает других вариантов использования, но они в данном случае вторичны. Кухонные сосуды отличаются от других категорий менее качественной глиной, более толстыми стенками, бывают закопчены или даже пережжены. К кухонной посуде можно уверенно отнести ряд категорий, обладающих рядом характеристик.

Горшок (древнегреч. χύτρα) – это относительно широкий кухонный сосуд с отогнутым краем и ручками, расположенными перпендикулярно тулову и идущими от края сосуда до плеч. Дно округлое плоское. Некоторые горшки также имеют невысокое широкое горло.

Кастрюлей (древнегреч. λοράς) следует считать кухонный сосуд меньшей емкости, более приземистый в сравнении с горшком, с выступом на внутренней стороне края, позволяющим держать крышку. Чаще всего дно встречается острое уплощенное, но встречается также округлое плоское. Ручки, как правило, петлеобразные, расположенные параллельно тулову. Порой они располагаются очень близко к тулову и редуцируются практически до прилепов. Также у некоторых кастрюль имеется на тулове специальный «носик». На некоторых сосудах он сквозной и мог служить для слива воды, на других – глухой, в него могли вставлять деревянную ручку. Считается, что кастрюли происходят от горшков и появляются как форма в 3-й четверти V в. до н.э. Есть мнение, что, в отличие от горшков, в таких невысоких сосудах было удобно и жарить, и варить пищу [Klebinder-Gauss, 2012, p. 72; Sparkes, Talcott, 1970, p. 227], что могло обусловить их появление и впоследствии большую распространенность в греческом мире.

Имеется группа сосудов, которая по своим характеристикам занимает промежуточное положение между кастрюлями и горшками, в зарубежной историографии это «lidded chytra», т.е. «горшок с крышкой». Такой сосуд действительно имеет пропорции горшка, т.е. он высокий и широкий, с вертикальными ручками, но при этом имеет и выступ для крышки, что является маркирующим признаком кастрюли. Поэтому в отечественной литературе их чаще называют кастрюлями. Сложно сказать, какой подход можно считать верным. Если учесть, что некоторыми исследователями эта форма считается переходной стадией в развитии от горшка к кастрюле, то вряд ли его вообще возможно отнести четко либо к кастрюлям, либо к горшкам.

Сковорода (древнегреч. *ταγερων*) – это широкий низкий (примерно до 10 см в высоту) сосуд с относительно толстыми стенками, ручками, иногда со специальным стержнем, в которую вставляется ручка из другого материала (вероятно, деревянная), предназначенный для жарки пищи. Некоторые из сковород, а именно широкие плоские сковороды с очень коротким краем, предположительно, использовались для выпечки [Amicone, Fenn, Heinze, Schneider, 2014, p. 3]. В остальных, должно быть, жарили рыбу, так как это один из основных компонентов питания древних греков [Sparkes, 1962, p. 123]. При готовке сковородку ставили на различных форм жаровни, а также она и сама могла служить жаровней, на которую клалась решетка для гриля [Sparkes, 1962, p. 129, Pl. 5].

При предварительном анализе форм кухонной посуды представляется очевидным, что такие категории, как горшки и сковороды, в целом не отличаются от типов, распространенных в континентальной и островной Греции, Малой Азии, хотя имеются и некоторые местные незначительные особенности. При сравнении находок в Мирмекии с материалами Афин, Эгины, Приены не выявлено существенных различий. Важно отметить, что, в отличие от прочих кухонных сосудов, кастрюли имеют ярко выраженные типы, которые различаются не только между ареалами греческой ойкумены, но даже между историко-культурными районами Северного Причерноморья (Ольвией, Херсонесом и Боспором), даже иногда между двумя соседними городами (Приена и Фокея в Ионии [Amicone, Fenn, Heinze, Schneider, 2014]); также это стало очевидным при сравнении автором статьи материалов Мирмекии и Пантикапея).

При выработке критериев для выделения и формирования типов прослеживается отсутствие четкого канона, набора признаков, которым соответствовали сосуды других категорий керамики. Сочетания признаков неустойчивы, они меняются независимо от времени. Возможно, это объясняется тем, что существовала общая идея, которая воспроизводилась и изменялась от одной партии товара к другой. Например, есть кастрюля с сужающимся туловом с горизонтально ориентированным венчиком. При этом в разных сериях сосудов край может принимать разные угол и толщину, а высота и ширина тулова могут изменяться. Это относится как к кастрюлям, так и, вероятно, к горшкам, сковороды более-менее стандартны и не отличаются разнообразием форм. Но при кажущейся сильной вариативности эти несколько условные типы довольно консервативны и существуют очень долгое время – от позднеархаического периода до конца эллинистической эпохи, отдельные типы продолжают существование в римское время.

Таким образом, по результатам исследования была разработана схема типов кухонной керамики. Кухонные горшки составили шесть типов. Все выделенные типы относятся к греческой традиции и имеют аналогии среди материала, происходящего из раскопок древнегреческих городов

	Горшки			Кастрюли					Сковороды	
IV в. н.э.	Тип 2	Тип 4	Тип 5					Тип 6	Тип 1	Тип 2
III в. н.э.										
II в. н.э.										
I в. н.э.	Тип 1	Тип 3								
I в. до н.э.				Тип 6	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 5	
II в. до н.э.										
III в. до н.э.										
IV в. до н.э.										
V в. до н.э.										
VI в. до н.э.										

Таблица форм кухонной керамики Мирмекии середины VI – III в. н.э.

континентальной и островной Греции, Малой Азии. Типы I, III, VI существуют с позднеархаического и классического времени до конца эллинистического периода; типы II, IV, V продолжают бытовать и в римское время. В ходе исследования также было выделено шесть типов кастрюль, относящихся к продукции местного производства. Хронологически почти все типы существуют довольно долго, появляясь в позднеархаическую эпоху и прекращая свое существование с концом эллинистического времени. В римское время кастрюли уже менее популярны и, кроме некоторых фрагментов, которые можно отнести к типу VI, представляют собой массив непохожих друг на друга «своеобразных» форм. Сковороды, разделенные на два типа, напротив, более распространены в римское время.

Рассмотрев формы кухонных сосудов местного производства, следует заметить, что часть общего массива образцов керамики можно отнести к производству других греческих центров. Их процент от общего числа фрагментов невелик (до 5%), но их анализ не менее важен, так как может дать новые данные о торговых связях Мирмекия в дополнение к другим источникам. При визуальном осмотре можно выделить некоторые группы кухонной керамики, которые отличаются как характеристиками глины, так и особенностями формы. Глина таких сосудов хорошо отмучена, тесто однородное, часто с примесью слюды, стенки тулова очень тонкие, что придает посуде в целом более эстетичный вид. Количество находок таких кухонных сосудов показывает, что ввозили их, вероятно, периодически вместе с другими более востребованными товарами. Есть мнение, что отдельные экземпляры могли прибывать из других греческих центров с людьми как их личная собственность [Heinze, 2015, p. 142].

Наиболее многочисленную группу импортных кухонных сосудов составляют кастрюли из Ольвии, единичные фрагменты происходят из городов Азиатского Боспора, Афин, Эгины, Южной Ионии (Приена, Фокея). Среди кухонных горшков из общей массы выделяются только горшки с загнутым внутрь краем, возможно, они афинского производства. Среди сковород по глине один фрагмент дна можно отнести к производству Гераклеи Понтийской. Некоторые привозные типы были настолько популярны, что им подражали местные мастера и изредка воспроизводили их в местной глине. Таких находок мало – около двух десятков на тысячу, но, тем не менее, такое явление имеет место быть и иллюстрирует влияние импортных форм на местное производство.

Подводя итоги, можно утверждать, что полученные данные представляют собой ценную информацию о керамическом производстве и торговых связях. Разработав типологическую схему типов кухонной керамики и их хронологию, мы обнаружили, что местное керамическое производство обладает рядом особенностей. Внутри типа сосуды изменчивы, но при этом тип консервативен и существует на протяжении долгого времени. В некоторых случаях местные гончары копировали формы кухонной керамики других древнегреческих центров, что указывает на восприимчивость к идеям извне и, как следствие, существование «моды» на определенные типы сосудов. Выделенные из общего массива керамического материала привозные формы маркируют связи Мирмекия с другими городами Северного и Южного Причерноморья, Малой Азии, материковой и островной Греции, в основном в эллинистический период. Таким образом, изучение античной кухонной посуды является весьма перспективным направлением для дальнейших исследований.

Библиографический список

- Зеест И.Б. Пантикапейская керамика сарматского времени. М.; Л., 1957. С. 139–159. (МИА, №56).
Кастанаян Е.Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. М.; Л., 1952. С. 249–288. (МИА, №25).
Книпович Т.Н. Местная керамика с раскопа «И» // Ольвия, т. I. Киев, 1940. С. 129–170.
Кругликова И.Т. Ремесленное производство простой керамики Пантикапея в VI–III вв. до н.э. М.; Л., 1957. С. 96–138. (МИА, №56).
Марченко К.К. Кухонная керамика Ольвии 2-й половины 6 в. – 1 в. до н.э. // Археологія. 1983. №43. С. 14–26.
Лейпунская Н.А. Кухонная керамика // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 79–82.
Чистов Д.Е., Ильина Ю.И., Щербакова О.Е. Кухонная керамика и кухонное оборудование Березанского поселения // Клио. 2015. №11 (107). С. 13–25.
Aydemir A. Funde aus Milet. XX. Kochgeschirr und Küchengeräte aus dem archaischen Milet // Archäologischer Anzeiger. 2005. Bd. 2. S. 85–101.

Anderson-Stojanović V. R. Dinner at the Isthmus: Hellenistic Cooking Ware from the Rachi Settlement at Isthmia // ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Βόλος, 17–23 Απριλίου 2000, Athens. P. 623–630.

Amicone S., Fenn N., Heinze L., Schneider G. Cooking pottery in Priene: Imports and local/regional production from late Classical to late Hellenistic times // Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde [Electronic resource]. URL: http://www.fera-journal.eu/index.php/ojs-fera/issue/view/FERA_25.

Heinze L. Between adoption and persistence: two regional types of pottery from late classical and early hellenistic Priene // *Keramos. Ceramics: a cultural approach*. Proceedings of the First International Conference at Ege University, May 9–13, Izmir. Bilgin Kültür Sanat Yayinlari, 2015. P. 137–143.

Klebinder-Gauss G. Keramik aus klassischen Kontexten im Apollon-Heiligtum von Ägina-Kolonna. Wien, 2012.

Rotroff S.I. Hellenistic pottery: the plain wares // *The Athenian agora*. Vol. XXXIII. Princeton, New Jersey, 2006.

Rotroff S.I., Oakley J.H. Debris from a Public Dining Place in the Athenian Agora // *Hesperia Supplements*. Vol. 25. 1992.

Sparkes B. Greek kitchen // *The Journal of Hellenistic Studies*. 1962. Vol. 82. P. 121–137.

Sparkes B. Not cooking but baking // *Greece and Rome* 28, 1981. P. 172–176.

Sparkes B., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // *The Athenian agora*. Vol. XII. Princeton, New Jersey, 1970.

КОЧЕВЫЕ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© 2017, С.Е. Бакшеева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

ЧЕРЕПИЦА КОНДУЙСКОГО ГОРОДКА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»)

Кондуйский городок – памятник культуры средневековых монголов, расположен на территории российского Забайкалья. Он всегда привлекал внимание исследователей: длительная история его изучения насчитывает более двухсот лет. Огромную роль в изучении городка сыграли горные русские инженеры XVII–XIX вв.: П.К. Фролов, А. Таскин и А. Павлуцкий. Ими были сняты первые планы городка, сделаны довольно подробные описания, проведены раскопки. Большой вклад в изучение памятника внес А.К. Кузнецов – ссыльный каторжанин, сосланный в Забайкалье за политические взгляды, впоследствии общественный деятель, археолог и музейвед. В 1889 г. он также выполнил глазомерный план городка, произвел раскопки, оставил описания. В 60-е гг. XX в. на городке работала археологическая экспедиция под руководством С.В. Киселёва. Исследователи, интересовавшиеся памятником, в той или иной степени обращали внимание на находки керамических строительных материалов в виде кирпича, половых плит, черепицы, кровельной скульптуры, в большом количестве встречающихся на Кондуйском городке. А.К. Кузнецов предложил первую классификацию кровельных изделий: выделил несколько ее видов, дал подробную характеристику и предпринял попытки определить местонахождение черепицы на крыше. Исследователь утверждал, что для производства строительной керамики и глазури есть все необходимые условия, оно происходило здесь же, в окрестностях памятника [Кузнецов, 1925]. Результаты изучения кондуйской черепицы С.В. Киселёвым [1965] вошли в фундаментальный труд «Древнемонгольские города».

В настоящее время на территории памятника собрана представительная коллекция черепицы, которая в последние годы пополняется. Черепицей были покрыты крыши исследованных построек: центрального дворца, беседки, центральных ворот, а также кровля большого павильона, расположенного в северо-западной части памятника. К сожалению, черепичные изделия хрупки и, как правило, находятся в сильно фрагментированном состоянии, в результате чего образцы, представляющие основную часть черепичного комплекса, не позволяют дать им типовое определение. Однако, несмотря на это, можно выделить более десятка типов, относящихся к двум категориям изделий – плоской и полуцилиндрической.

По оформлению внешней поверхности черепица неполированная, т.е. сероглиняная, и полированная – покрытая разноцветными глазурями. Визуально определяется, что тесто изделий однородное, хорошо промешанное, без видимых крупных включений. Черепок пористый. На поверхностях, не покрытых глазурью, и в изломах имеются включения частиц биотита. Черепица, имеющая полированные поверхности, бледно-оранжевого цвета, что обусловлено особенностями техники ее изготовления. В основе деления лежит техника ее изготовления на шаблонах: плоская черепица изготавливалась на болванке, имевшей форму усеченного конуса, а полуцилиндрическая – цилиндра. Внутри каждой из категорий по конструктивным особенностям изделий выделяются несколько типов, каждый из которых имел свое назначение в кровле.

Плоская черепица памятника представлена шестью типами: плоской простой, плоской черепицей с подтреугольным завершением, плоской черепицей с отливом, плоской черепицей с выступом-отгибом, а также плоской прямой и плоской трапециевидной. Плоская простая черепица наиболее многочисленная. Она, как правило, не имеет цветного покрытия. Иногда встречаются лишь зеленые потеки на ее внешней поверхности. Изделия, как правило, имеют длину 30–32 см, ширину широкого края – 19–20,5 см, узкого – 15,5–17,7 см, толщину – 1–2,2 см, хотя на некоторых постройках выявлены и более крупные изделия, с шириной до 24,7 см. Остальные типы плоских черепиц собраны во фрагментарном виде, за исключением плоской прямой. Эти изделия в коллекции представлены всего двумя экземплярами и имеют длину 22,5 и 24,3 см, ширину – 8 и 9 см, толщину – 1,8–1,9 см, они отчасти покрыты глазурью зеленого цвета. Черепица с отливом собрана на памятнике с двумя разновидностями орнамента на поверхности, поливного покрытия не имеет.

Нижняя часть плоской черепицы с подтреугольным завершением покрыта глазурью зеленого цвета. Завершение черепицы имеет на лицевой поверхности рельефное украшение в виде извивающегося дракона в облаках, покрытое желтой глазурью. Рамка завершения покрыта зеленой глазурью.

Полуцилиндрическая черепица Кондуйского городка также представлена несколькими типами: полуцилиндрической простой черепицей с хвостовиком, с боковыми и нижними закроями, полуцилиндрической простой черепицей с отверстием, черепицей с хвостовиком и концевым диском и отверстием, а также полуцилиндрической полукруглой и фигурной черепицами. Полуцилиндрическая простая черепица с хвостовиком имела поливу зеленого цвета. Длина черепиц этого типа – 26–27,2 см, ширина – 12,5–13 см, толщина – 1,8–2,1 см. Некоторые черепицы вместо закроев имеют «стески» – нижний и боковые края, подработанные уже после обжига. Черепица имеет размеры, относящиеся, вероятно, к разным стандартам: длина – 22 и 26–27 см, ширина – 10 и 12–14 см, толщина – 1,7–2,1 см. У черепицы со «стесками» отсутствует глазурь на поверхности. Полуцилиндрическая черепица с хвостовиком и отверстием сохранилась фрагментарно, имеет боковые и нижний закрои, покрыта глазурью зеленого цвета. Черепица с хвостовиком и концевым диском также имеет отверстие в своем теле для прикрепления к обрешетке крыши. Концевой диск крепился к нижнему торцу черепицы, на его лицевой поверхности располагалось рельефное изображение дракона. Тело черепицы покрыто глазурью зеленого цвета, диск – зеленой и желтой глазурью. Черепица этого типа также двух размерных стандартов: длина – 26,5 и 34 см, ширина – 11,8 и 12,5 см, толщина – 1,8 см. Полуцилиндрическая полукруглая черепица покрыта глазурью желтого цвета, имеет боковой и нижний закрои. Она длиной 25 см, шириной 10,5–11,5 см, толщиной 1,6–2 см. Полуцилиндрическая фигурная черепица найдена на памятнике во фрагментарном состоянии, покрыта глазурью зеленого цвета. Толщина единственного изделия – 0,5 см.

Формовка черепицы происходила путем составления и уплотнения глиняных лент, которыми в виде жгутового налета обворачивали шаблон вокруг. Глазури, покрывавшие кондуйскую черепицу, сохранились хорошо. Они, судя по всему, свинцовые полупрозрачные, имеют блеск и очень прочно держатся на черепке. Не все черепицы глазурировались. После первого обжига на черепицу на слой ангоба наносили глазурь. Вид ангобной массы – светлый жидкий и однородный глинистый состав. Затем следовал второй обжиг, который плотно закреплял глазурь на черепке.

Реконструируя облик крыши раскопанного Кондуйского дворца, С.В. Киселёв [1965, с. 353] предположил, что она была покрыта черепицей серого цвета, «...расцвеченной в наиболее видных местах зеленым, и украшались выложенными по серому фону геометрическими фигурами золотисто-желтого и красного цветов». Действительно, глазурью были покрыты только те черепицы, которые располагались на карнизах постройки, на ее коньке и реберных скатах. Плоские прямые и, очевидно, полуцилиндрические полукруглые черепицы вообще не были отнесены исследователем к кровле. По его мнению, «ими покрывали нижние скосы оконных проемов, верх стены, каменные изгороди и т.д.» [Киселёв, 1965, с. 354, 356]. На основании изучения средневековой черепицы юга Дальнего Востока можно утверждать, что все рассмотренные типы черепиц относились к кровле. Скорее всего, у черепиц этих типов было разное назначение: одни, очевидно, покрывали конек, а другие – боковые скаты крыши, однако определить это с точностью пока не представляется возможным.

Черепица Кондуйского городка закреплялась в кровле с помощью толстого слоя очень густого известкового раствора, который до сих пор хорошо сохранился на некоторых изделиях и имеет такую плотную консистенцию, что его невозможно снять.

Черепица, как и другие образцы строительной керамики – кирпичи, половые плиты, украшения кровли, производились здесь же, на месте: в работах исследователей содержатся некоторые сведения относительно признаков деятельности керамических мастерских. В частности, А.К. Кузнецов [1925, с. 37] отметил, что глиняное сырье добывали в нескольких километрах от Кондуйского городка, «по левую сторону р. Кондуя... где кроме ям есть следы производства здесь обжигания кирпичей и черепиц». С.В. Киселёвым [1965, с. 328] также были зафиксированы «...остатки печей, в которых обжигали кирпич и даже, по-видимому, изготовляли поливную черепицу».

Несколько лет назад в приустьевой части распадка Сухой Арбулак, расположенного в 6 км от с. Кондуй, был обнаружен производственный комплекс. Он представляет собой остатки горнов для обжига керамических строительных материалов. Здесь, очевидно, располагалась мастерская для осуществления полного цикла по изготовлению строительной керамики, расположенная в 4 км от дворцового комплекса, памятника культурного наследия федерального значения «Кондуйский городок». Производственный объект находится вне дворцового комплекса. Средневековые печи для обжига керамики

часто локализовались на некотором удалении от городов, поскольку расположение непосредственно в нем создавало бы большую пожароопасность. Также производственные центры, специализировавшиеся на изготовлении большого количества строительных материалов, устраивали в первую очередь вблизи от необходимых источников глины и воды.

Первые опыты по установлению химического состава глазурей кондуйских образцов керамических строительных материалов были предприняты еще в 60-е гг. XIX в. А. Павлуцким [1867, с. 493]. В частности, исследователь установил, что «белая, желтая и частью зеленая глазурь, по опробовании на угле с флюсами перед пламенем паяльной трубки, оказалась свинцовой». Глазурь же голубого и отчасти зеленого цвета дала «ясную реакцию на медь» [Павлуцкий, 1867, с. 494]. Источники глазури, по мнению А. Павлуцкого [1876, с. 494], «синие, зеленые и голубые плиточки и округлые маленькие гальки», которые оказались медными рудами, были найдены в одном из курганов Кондуйского городка.

Вопрос об источниках глазурных масс чрезвычайно интересен. В состав последних вводились минеральные пигменты в виде оксидов свинца, меди, марганца, железа и прочего, которые в разных количествах и пропорциях придавали различную окраску поверхности керамики. В средневековом китайском источнике «Инцзао фаши» («Формы и методы строительства», 1103 г., династия Сун) приводятся сведения о том, что в качестве красящих окислов при изготовлении черепицы применяли оксид свинца (PbO) в виде сурика или свинцового глета, кварцевый порошок и порошок меди. Эти компоненты соединялись в пропорции 3 : 0,3 : 1 с теплой водой. Использование такой рецептуры позволяло получить глазурь зеленого цвета, имевшую нефритовый оттенок. Применение соединенных вместе свинца, меди и железа при температуре около 700 °С позволяло получить глазурь буро-желтого, зеленого или оранжево-красного цвета в зависимости от количества составляющих ее компонентов. Для получения глазури также использовали олово и селитру [Qinghua, 2000, p. 9]. Справедливости ради следует отметить, что все вышеупомянутые компоненты имеются на территории Юго-Восточного Забайкалья. Медь в виде азурита («кусочки медной сини» [Кузнецов, 1925, с. 34]) в самородном виде в настоящее время можно собирать на поверхности Кондуйского городка. Она встречена даже в раскопе 2016 г. Как показал анализ, в растертом виде порошок азурита на 84,4% состоит из меди*.

По мнению А.К. Кузнецова, при изготовлении черепицы Кондуйского городка для получения ярко-зеленой глазури применяли, возможно, окись свинца, окалину, горный хрусталь. Белую глазурь получали, смешивая окись свинца и окись олова. Голубой, и, возможно, черный цвета получались в результате добавления ляпис-лазури: «...лазурь, медная синь и зелень могли добываться из залежей медных руд, одна из которых, Курунзулаевская», располагается в 50 км от Кондуйского городка [Кузнецов, 1925, с. 41]. О таком же происхождении глазури писал еще А. Павлуцкий [1867, с. 494]. Олово и киноварь (ртуть) также имеются недалеко от памятника. Серебро-свинцовая руда в достаточном количестве находится в окрестностях Кондуя [Кузнецов, 1925, с. 41].

Таким образом, черепица Кондуйского городка, как и другие найденные здесь строительные материалы, изготавливалась в непосредственной близости от памятника.

Архитектура как кондуйских построек, так и их крыш была сложна. Многообразие типов черепицы свидетельствует в пользу устройства сложных кровель: каждый тип черепицы имел свое назначение. Глазурью покрывались полностью или частично только те образцы, которые располагались на крыше на виду. На Кондуйском городке найдены типы изделий, не имеющие аналогов среди находок других памятников, функции в кровле которых не вполне ясны. Ассортимент найденной при раскопках центрального дворца черепицы отличается от обнаруженного при исследовании павильона в юго-западной части памятника, что указывает на разное назначение этих построек у монголов.

Библиографический список

- Киселёв С.В. Дворец в Кондуде (эпоха Юань) // Древнемонгольские города. М., 1965. С. 324–369.
- Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток, 1925. 64 с.
- Павлуцкий А. Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющих вблизи Кличкинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их и в других местах Нерчинского горного округа // Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. IX и X / под ред. Н.И. Калинина. Иркутск, 1867. С. 475–507.
- Qinghua G. Tile and Brick Making in China: a Study of the Yingzao Fashi // Construction History. 2000. Vol. 16. P. 3–11 (на англ. яз.).

* Анализ был произведен к.х.н. И.Ю. Бурвалевым (Институт химии ДВО РАН, г. Владивосток).

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОМ КИТАЕ

В Северном Китае в скифо-сакское время (эпоху Чуньцю-Чжаньго по традиционной хронологической шкале) в настоящее время выделяется пять кочевых «варварских» археологических культур: *Юйхуанмяо* на южном склоне гор Яньшань (чуть севернее Пекина), *Маоцингоу* в районе Дайхай, что северо-восточнее Ордоса, *Таохунбала* в Ордосе, *Янлан* в Нинся-Хуэйском автономном районе и *Шацзин* в центральной части провинции Ганьсу (рис. 1).

Юйхуанмяо. Культура представлена только могильниками. Наиболее крупный из них – Юйхуанмяо – около 400 погребений (рис. 2.-1). Следует отметить также Хулугоу – около 150 могил (рис. 2.-2), Силянгуан – 18 могил (рис. 2.-3), Баймяо – 16 могил (рис. 2.-4), Сяобайян – 48 могил (рис. 2.-5), Паотайшань – 37 могил (рис. 2.-6), Лишугоумэнь – 39 могил (рис. 2.-7) и Бэйсиньбао – 2 могилы (рис. 2.-8). В Юйхуанмяо могилы представляли собой грунтовые ямы с вертикальными стенками. В большинстве случаев (в 366 погребениях, или 91,5%) умершие были ориентированы головой на восток, в остальных – на север. Обычно они лежали на спине, лицом вверх, с вытянутыми конечностями. Во многих могилах сохранились остатки погребальной камеры. В стенках могил прослежены уступы. На нос и глазницы погребенного часто помещали бронзовые бляшки. У женщин ото лба до ушей иногда можно обнаружить дорожку из бронзовых бляшек, предположительно, следы украшения. Жертвенные животные найдены приблизительно в 60% могил. Самыми многочисленными являлись собаки, далее идут овцы, коровы и лошади. Керамику клали в районе головы, упряжь – в районе конечностей погребенного. В могильнике найдена бурая песчаная и серая глинистая керамика, но преобладает первая. Для изготовления серой глинистой керамики применялся гончарный круг. Бурая песчаная керамика ручной лепки не орнаментирована. Среди бронзового оружия преобладают кинжалы и наконечники стрел, встречаются клевцы *gэ* китайского типа. Орудия труда представлены ножами, топорами-кельтами, теслами, долотами, шильями, иглами с игольниками. Обнаружены удила, псалии, наосники и колокольчики. Из украшений есть бронзовые поясные пряжки, поясные крючки, пластины, орнаментированные в зверином стиле, фигурки животных с кольчатыми окончаниям лап, полушарные бляшки *пао* и кольцевые серьги-спирали из бронзовой или золотой проволоки. Встречаются котлы «скифского» типа на поддоне. В больших могилах №2 и 18 найдены китайские бронзовые сосуды [Цзюньдушань, 2007; Варенов, 2011, с. 27–30].

Маоцингоу. Памятники культуры Маоцингоу распространены в районе Дайхай. На самом крупном эпонимном могильнике Маоцингоу исследовано 79 захоронений в прямоугольных в плане грунтовых ямах с вертикальными стенками (рис. 3.-1). Следует отметить также могильник Инъюгоу – 15 захоронений (рис. 3.-2), могильник Госяньяоцзы – 25 захоронений (рис. 3.-3) и случайные находки инвентаря разрушенных захоронений в Сяоцзы (рис. 3.-4) и Гоулитоу (рис. 3.-5). В Маоцингоу погребенные лежат в вытянутом положении на спине, головой на восток (в одном случае – на запад). В четырех захоронениях в головах покойных, в торцовой стенке могилы устроена ниша. В нишу помещался керамический сосуд. Керамика встречается двух видов: серая станковая и красно-бурая ручной лепки. Помимо керамики, есть бронзовые кинжалы, по одному клевцу и копьё, наконечники стрел, железные кинжалы и чеканы. Найдены бронзовые поясные пряжки, поясные крючки, накладки на пояс, пуговицы, бляшки с «гармошкой», трубочки, бронзовая печать. Встречены бронзовые ножи, удила, перекрестья ремней и колокольчики, а также костяные псалии [Тянь Гуанцзигь, Го Сусинь, 1986, с. 227–315; Варенов, 2010, с. 39–41]. Из семи захоронений могильника Сиюань, что на южном склоне гор Иньшань, шесть – это катакомбы, которые характерны для культуры Янлан (рис. 3.-6).

Таохунбала. Культура Таохунбала представлена в основном инвентарем разрушенных (развезенных) погребений, среди которого значительную долю составляют золотые и серебряные украшения. Правда, на эпонимном памятнике, где расчищено шесть захоронений, драгоценных металлов в их инвентаре почти нет (рис. 3.-9). Могилы в Таохунбала – это прямоугольные грунтовые ямы с вертикальными стенами, ориентированные длинной осью по линии С–Ю. Умершие лежали в вытянутом положении на спине, головой на север. В погребение М1 было помещено девять черепов лошади, четыре черепа быка и два черепа барана, в челюстях лошади остались удила. В погребении М2 обнаружено три чере-

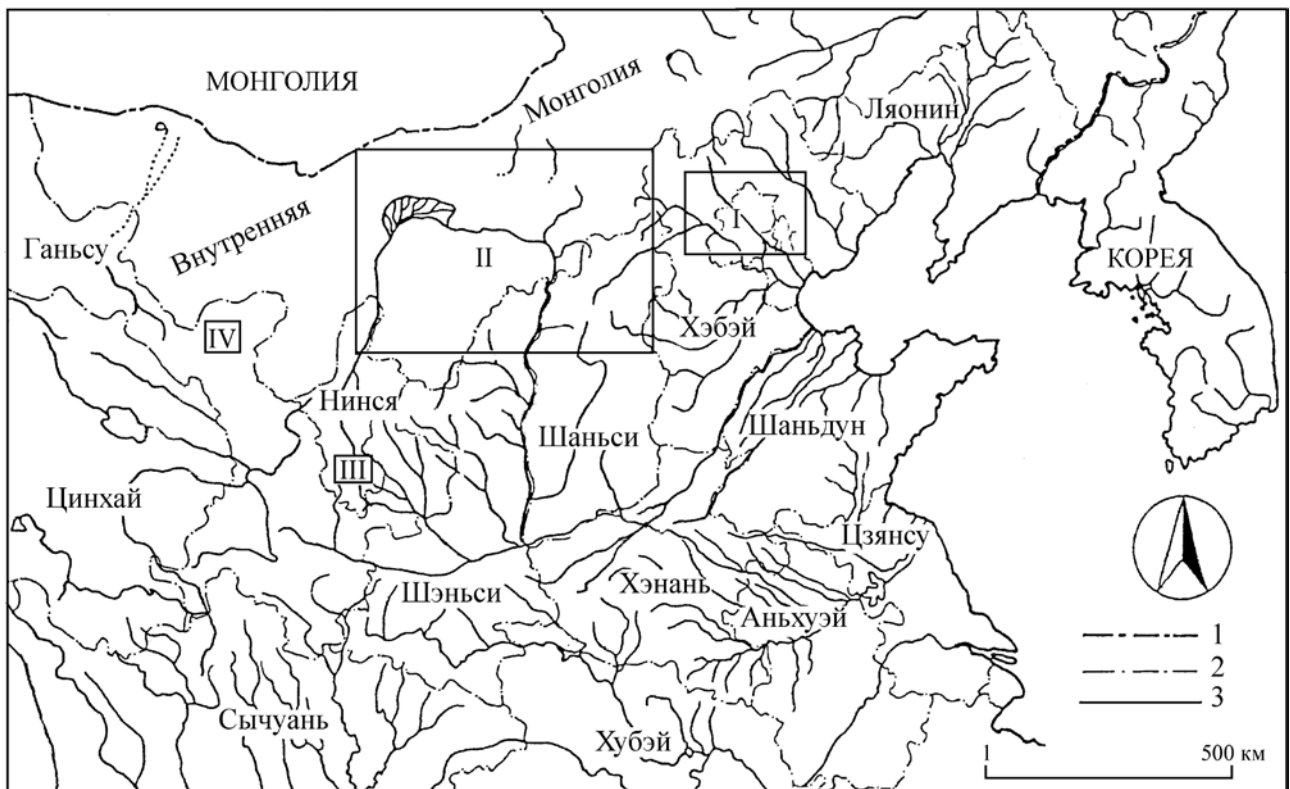

Рис. 1. Памятники кочевников скифо-сакского времени в районе Великой Китайской стены:
 I – южный склон гор Яньшань; II – юг Внутренней Монголии и плато Ордос;
 III – юг Нинся-Хуйского автономного района; IV – центральная часть провинции Ганьсу
 (1 – государственные границы, 2 – административные границы провинций, 3 – реки)

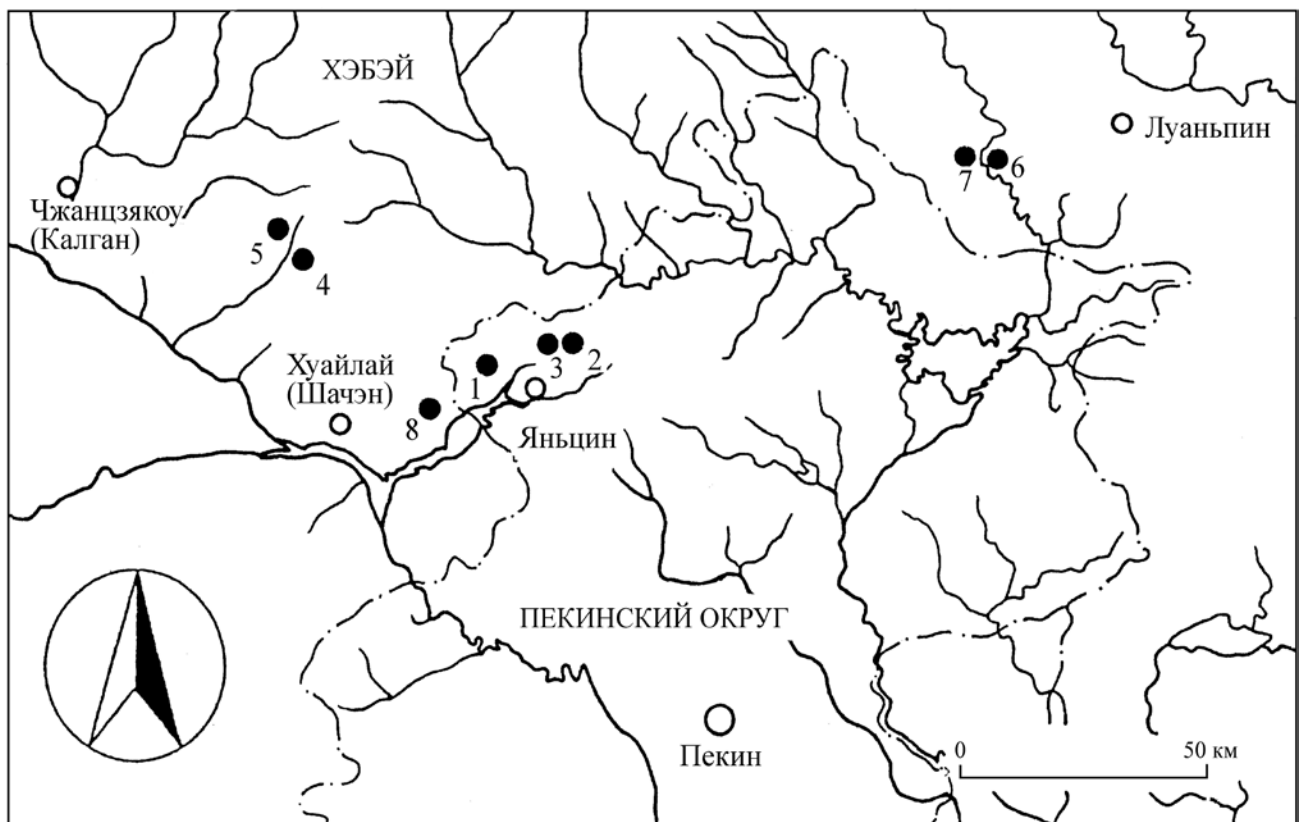

Рис. 2. Памятники скифо-сакского времени на южном склоне гор Яньшань:
 1 – Юйхуанмяо; 2 – Хулугоу; 3 – Силянгуан; 4 – Баймяо; 5 – Сяобайян;
 6 – Паотайшань; 7 – Лишугоумэнь; 8 – Бэйсиньбао

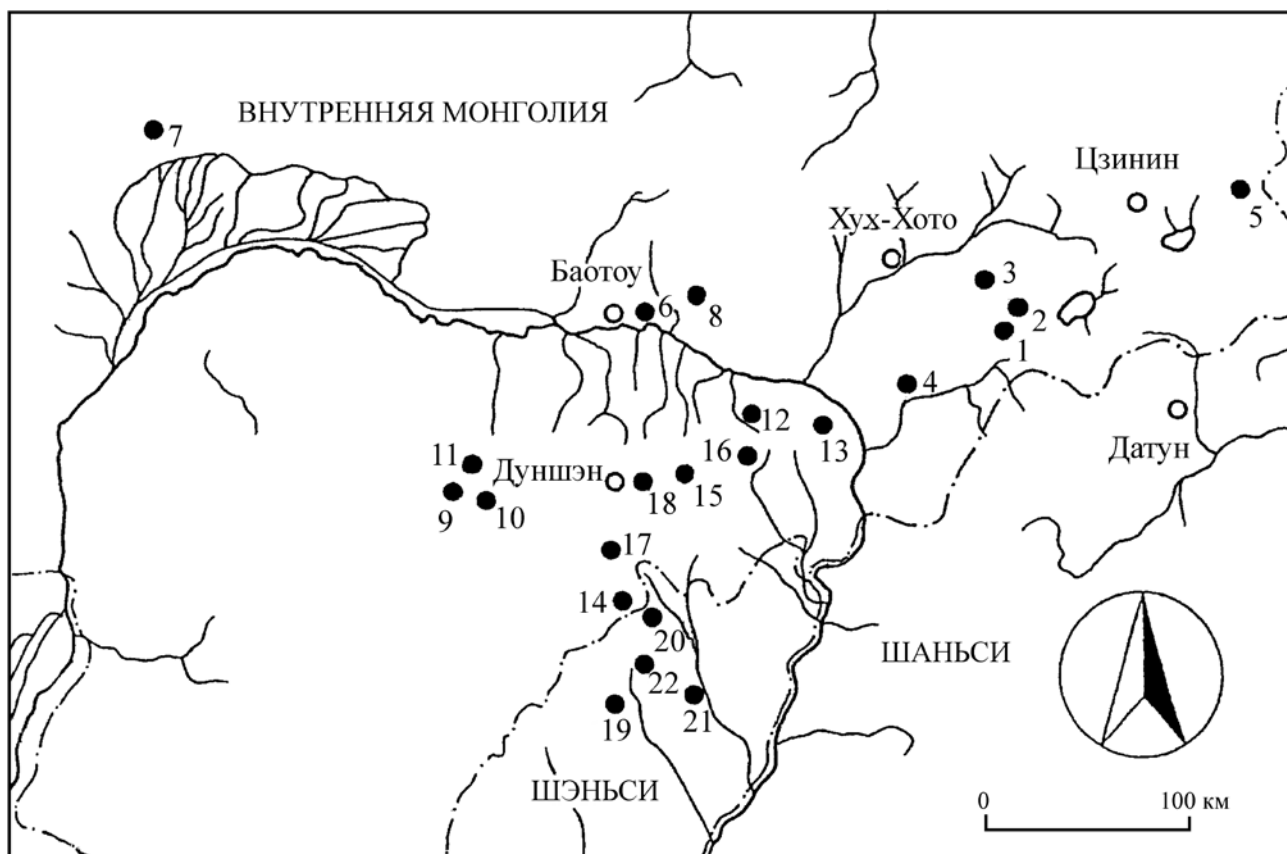

Рис. 3. Памятники скифо-сакского времени на юге Внутренней Монголии и на плато Ордос:
 1 – Маоцингоу; 2 – Иньногоу; 3 – Госяньяоцзы; 4 – Сияоцзы; 5 – Гоулитоу; 6 – Сиюань;
 7 – Хулусытай; 8 – Шуйцзяньгоумэнь; 9 – Таохунбала; 10 – Гунсухао; 11 – Алучайдэн;
 12 – Сигоупань; 13 – Юйлунтай; 14 – Шихуэйгоу; 15 – Суцзигоу; 16 – Баохай; 17 – Миньяньмуду;
 18 – Няньфанцзюй; 19 – Налиньгаоту; 20 – Лицзяпань; 21 – Лаолунчи; 22 – Чжунгоу

па лошади, четыре черепа быка и 42 черепа барана. Найдены бронзовые ножи, чекан, шило, молоток, наконечники стрел, поясные пряжки, кольца, прямоугольные пластины, пластины в виде птиц, бляшки с «гармошкой», бронзовые пуговицы, а также удила и другие детали лошадиной упряжи. Кроме того, есть железный нож и золотые серьги. Керамические изделия стояли в захоронении М1 в районе головы, а в захоронении М2 – у ног покойного. Все сосуды изготовлены из песчанистой бурой керамики ручной лепки, орнамент отсутствовал. Найден бокал из песчаника с ручкой в районе устья, есть каменные оселок и бусины. Найдено костяное перекрестье ремней лошадиной упряжи (внешне похоже на аналогичные металлические изделия) и костяные кольца [Тянь Гуанцзинь, 1976, с. 131–144; Варенов, 2010, с. 42–44]. Похожие по устройству на Таохунбала погребения встречены в Хулусытай (рис. 3.-7) и Шуйцзяньгоумэнь (рис. 3.-8) на южном склоне гор Иньшань.

Основные памятники культуры Таохунбала с обильным золотым и серебряным инвентарем расположены на плато Ордос. Наиболее известные из них – Алучайдэн, Сигоупань, Налиньгаоту. В Алучайдэн собрано 218 золотых вещей общим весом примерно 4 кг, в том числе: объемное украшение в виде сокола, стоящего на макушке головного убора; диадема (гривна?), на фронтальной части которой отлиты тигр, лошадь и баран; прямоугольная пластина с изображением четырех тигров, терзающих быка (буйвола?); накладки на пояс, инкрустированные драгоценными камнями; украшения в виде ехидны (ежа?); поясные пластинки с изображением птиц (рис. 3.-11). В Сигоупань примечательны две золотые прямоугольные накладки на пояс со сценами борьбы тигра и кабана. Золотая диадема (гривна?) найдена в районе головы умершего. Очень много золотых накладок на ножны железного меча, в том числе пластины с изображениями лежащего оленя, пары лошадей, фантастического животного. Кроме часто встречающихся изображений лошади и оленя, на многих изделиях есть орнамент в виде грифона. Серебро, помимо пластины с изображением лежащей лошади, представлено семью перекрестьями ремней конской упряжи с головой тигра на щитке (рис. 3.-12). В Налиньгаоту найдена рукоять меча с золотой инкрустацией по серебру, имеющая кольцевое навершие и перекрестье в виде голов баранов. Встре-

чены золотая фигурка грифона (тарандра) с оленьими рогами, серебряная фигурка стоящего тигра, серебряные фигурки оленей с подогнутыми ногами (с рогами и без рогов). Кроме того, есть пара ажурных золотых тигров и пара серебряных тигров, серебряные кольца с изображением тигра, серебряная пряжка с рельефным орнаментом в виде горного барана (рис. 3.-19). Другие пункты находок культуры Таохунбала в Ордосе – Гинсухао (рис. 3.-10), Юйлунтай (рис. 3.-13), Шихуэйгоу (рис. 3.-14), Суцзигоу (рис. 3.-15), Баохай (рис. 3.-16), Миньаньмуду (рис. 3.-17), Няньфанцзюй (рис. 3.-19), Лицзяпань (рис. 3.-20), Лаолунчи (рис. 3.-21), Чжунгоу (рис. 3.-22).

Янлан. В уезде Гуюань на юге Нинся-Хуэйского автономного района и в соседних уездах Чжунвэй и Чжуннин обнаружено большое количество так называемых «северных бронз», датируемых скифо-сакским временем. Однако могильников, на которых проводились систематические археологические раскопки, крайне мало (рис. 1.-III). Характерными являются могильники Мачжуан и Юйцзячжуан [Сю Чэн и др., 1993; Чжун Кан, Чэн Сяохуа, Янь Шичжун, 1995; Варенов, 2011, с. 31–32]. На могильнике Мачжуан насчитывается до 49 погребений, из них 20 разрушены вследствие грабительских раскопок и размыва дождевой водой. Из 29 уцелевших погребений 28 являются катакомбными могилами с вертикальной входной шахтой (27 могил – с одной катакомбой, и одна – с двумя). Погребенные лежали лицом вверх на спине, головой к задней стенке катакомбы, на север или на восток, но преимущественно на север. Конечности и черепа жертвенных животных (овец, лошадей, коров) помещали во входной шахте, в засыпке могилы. На могильнике Юйцзячжуан раскопано 28 погребений. Из них шесть выполнены в виде прямоугольных грунтовых ям с вертикальными стенками и 18 могил – с катакомбами, остальные сохранились плохо. Практически во всех могилах можно обнаружить конечности и черепа овец, лошадей, коров, помещенных либо в погребальную камеру, либо во входную шахту. Что касается погребального инвентаря, то керамику клали и в катакомбу, и во входную шахту. Из бронзового оружия встречаются кинжалы, ножи, клевцы, наконечники стрел, чеканы, копья. Есть поясные крючки, пряжки и орнаментированные в зверином стиле пластины; из конской упряжи и колесничного снаряжения – удила, наосники, колокольчики, украшения дышла. Есть биметаллические кинжалы с железным лезвием и бронзовой рукоятью, железные ножи, удила, копья. Из кости и рога изготовлены распределители ремней и псалии.

Шацзин. На данный момент известно много памятников культуры Шацзин, но систематически исследованы и хорошо изданы только два из них: могильники Сиган и Чайваньган в уезде Юнчан в центральной части провинции Ганьсу (рис. 1.-IV). Они расположены поблизости друг от друга, в волости Шуаньвань, к северо-востоку от г. Цзиньчан [Сиган, Чайваньган, 2001. с. 113–185; Варенов, 2011, с. 33–34]. На могильнике Сиган раскопано 452 могилы. Умершие похоронены в вытянутом положении на спине, головой на север или северо-восток. Большинство погребений совершено в могилах подбойно-катакомбного типа (281 случай), но немало и погребений, выполненных в грунтовых ямах с вертикальными стенками (173 случая). Катакомбы вырыты ниже дна входной шахты, в ее восточной стенке. Вход в катакомбы нередко перекрывал ряд вертикально установленных бревен. В могилах с вертикальными стенками близ дна встречается уступ, на уровне которого погребение иногда перекрыто поперечным рядом коротких бревен. Могильник Чайваньган расположен в 380 м восточнее могильника Сиган, там раскопано 113 могил. Преобладали погребения в вытянутом положении на спине, с северной или северо-восточной ориентацией (107 случаев). Погребения в могилах подбойно-катакомбного типа и захоронения, совершенные в грунтовых ямах с вертикальными стенками (часто с уступом), представлены практически поровну (45 и 46 случаев соответственно). Погребальный инвентарь включал керамику (67 сосудов в Сиган и 33 в Чайваньган). Вся посуда ручной лепки. Бронзовые изделия представлены двумя кинжалами-акинаками с кольцевым навершием, ножами (некоторые в кожаных ножнах), шильями (некоторые с деревянными рукоятями), подпружными, поясными или портупейными пряжками со шпеньком, игольниками, накосниками, копоушками, пуговицами, поясными накладками в виде ярусных бляшек или бляшек «с гармошкой», обоймочками, пластинками в зверином стиле. Есть бронзовый гребень, зеркала с центральной петелькой и медалевидные зеркала. Железные изделия включали фрагменты нескольких ножей и один лемех плуга. Есть каменные оселки, костяные иглы, деревянные гребни, раковины каури, бирюзовые, каменные и костяные бусины.

Библиографический список

Варенов А.В. Погребальные памятники скифо-сакского времени на юге Внутренней Монголии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 4: Востоковедение. С. 39–46.

Варенов А.В. Погребальные памятники скифо-сакского времени на южном склоне гор Яньшань, в Нинся и Ганьсу // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 4: Востоковедение. С. 27–35.

Сиган, Чайваньган. 永昌岗柴湾岗：沙井文化墓葬发掘报告。Сиган и Чайваньган – отчет о раскопках погребений культуры Шацзин в уезде Юнчан. [Юнчан Сиган Чайваньган: Шацзин вэньхуа муцзан фацзюе баогао]. Ланьчжоу, 2001. 266 с., IV, XXVIII л. : ил.

Сю Чэн, Ли Цзиньцэн, Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун. 许成·李进增·卫忠·韩小忙·延世忠。宁夏固原杨郎青铜文化墓地 // 考古学报. Могильник бронзовой культуры Янлан в уезде Гуюань в Нинся // Каогу сюэбао. 1993. №1. С. 13–56.

Тянь Гуанцзинь. 田广金。桃红巴拉的匈奴墓 // 考古学报. Сюннуские погребения из Таохунбала // Каогу сюэбао. 1976. №1. С. 131–144.

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. 田广金、郭素新。鄂尔多斯式青铜器. Бронзы ордосского стиля. [Оэрдосы ши цинтунци]. Пекин, 1986. 402 с.

Цзюньдушань. 军都山墓地 – 玉皇庙. Цзюньдушаньские могильники – Юйхуанмяо. [Цзюньдушань муди – Юйхуанмяо]. Пекин, 2007. Т. 1–4. 1660 с.: 72 л. цв. ил., 449 л. ил.

Чжун Кан, Чэн Сяохуа, Янь Шичжун. 钟侃·陈晓桦·延世忠。宁夏彭堡余家庄墓地 // 考古学报。Могильник Юйцзячжуан в волости Пэнпу в Нинся // Каогу сюэбао. 1995. №1. С. 79–107.

© 2017, А.В. Выборнов^{1,2}, С.Г. Скобелев^{1,2}, И.А. Грачев³, В.А. Чертыков¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск;

³Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ ЮГА ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект №14-50-00036)

Кочевники-скотоводы, номады степей Евразии – культурно-исторический феномен, истоки которого относятся к эпохе поздней бронзы. Археологические источники и методы занимают исключительно важную роль в изучении этого явления. Их точность и корректность приобретают особое значение при необходимости корреляции археологических данных со сведениями письменных и этнографических источников, результатами естественно-научного изучения археологических материалов. По объективным причинам междисциплинарное (пограничное) состояние присуще главным образом археологическим объектам кочевников юга Приенисейского края, датирующимся поздним средневековьем и этнографической современностью (XIII–XVIII вв.). Это заключительный период преимущественно археологического изучения истории Северной и Центральной Азии в целом и кочевников Южной Сибири в частности.

Термин «поздние кочевники» использовался по отношению к археологии Саяно-Алтая А.А. Гавриловой [1964; 1965]. Тогда имелись в виду средневековые объекты от древнетюркского до монгольского времени VI–XIV вв. Позднейший археологический период в истории Южной Сибири связан с выделением часовенногорского типа памятников – завершающего этапа в культуре енисейских кыргызов, по словам Д.Г. Савинова [1990, с. 114]. Таким образом, определялся конец эпохи степных кочевников – от истоков и до монгольского завоевания. Накопление источников по поздне-средневековой археологии Северной и Центральной Азии и развитие методических возможностей заставляют иначе взглянуть на содержание термина. Мы предлагаем в археологии Северной и Центральной Азии под поздними кочевниками понимать носителей культур, с которыми связаны объекты, расположенные на территории степей и лесостепей, где обитали кочевники в этнографическое время. В Южной Сибири это объекты послемонгольского и этнографического времени (XV–XVIII вв.).

Многолетние целенаправленные поиски поздне-средневековых археологических объектов на территории юга Приенисейского края (Средний Енисей, Минусинская и сопредельные котловины) предоставили основной круг источников по обозначенной проблеме. Результаты разведок и раскопок позволяют установить основные археологические признаки поздних кочевников Приенисейского края, представить этот феномен в археологическом измерении, в том числе с корреляцией с данными других

наук. Кратко изложим основные характеристики ключевого типа археологических объектов поздних кочевников Среднего Енисея – погребальных комплексов.

На юге Приенисейского края, в его лесостепной части (Минусинская котловина, Канско-Ачинская лесостепь), известны археологические объекты, имеющие продолжительную историю полевого изучения и культурно-хронологическую интерпретацию. Сейчас нам известно о 21 группе погребальных объектов (могильников) и пяти отдельных одиночных погребений, датируемых послемонгольским временем. Их датировка не всегда строго укладывается в установленный период, в связи с чем нижняя граница отдельных объектов может пересекаться с монгольским временем XIII–XIV вв. Эти памятники сосредоточены в долинах рек Абакан и Туба, озер Белё, Тус, Киприно и других, в междуречье Июсов, вдоль обоих берегов Енисея от северной границы Западно-Саянского каньона до устья р. Кача в Красноярском лесостепном районе. Это территории куэстового ландшафта, отрогов, вершин и седловин хребтов, высоких скальных прибрежных обрывов. Для сравнительного анализа мы привлекаем несколько объектов, расположенных в схожих ландшафтно-климатических условиях на тесно связанных со Средним Енисеем территориях – Причулымье, Средний Кан. В настоящем исследовании за пределами круга привлекаемых объектов остаются близкие по многим условиям, одновременные погребения сопредельных районов Верхнего Енисея, Восточного Саяна, Прибайкалья, Кузнецкого Алатау, Алтая и Верхнего Приобья. Это связано со своеобразием социально-политических условий позднего средневековья и начала Нового времени в разных регионах Сибири и Центральной Азии, а также с иной степенью изученности источников.

Ранее неоднократно отмечалась примечательная и важная культурно-хронологическая специфика позднесредневековых погребений Среднего Енисея – расположение могильников и отдельных погребений на максимальной высоте над окружающей местностью. Погребения находились на площадках, где не осуществляли выпас скота, не ставили жилых построек. Топография могильников учитывает сопряженность курганных насыпей со скальными обнажениями и обрывистыми уступами. Закономерности расположения позднесредневековых погребальных объектов в определенной степени обусловили ландшафтную детерминированность внутренней планировки могильников. Наблюдается сокращение количества погребений в них, а группировка курганных выкладок редко сохраняет упорядоченность, которая обычно связывается с родовой принадлежностью, социальным положением.

Следует отметить, что постоянство, устойчивость закономерностей расположения погребальных комплексов позднего средневековья Среднего Енисея отличает их от могильников, как несколько более ранних этапов культуры енисейских кыргызов (чаа-тас и сууктэр), так и более позднего времени перехода местного населения к христианской погребальной обрядности. Выделяются они и в ряду одновременных памятников других территорий Северной Азии. При этом схожие тенденции, такие как стремление занять возвышающиеся участки и линейность погребальных групп, наблюдаются на памятниках монгольского времени на Алтае, Среднем Причулымье, а также на погребениях в Барабинской низменности, Томском Приобье, Верхнем Приангарье.

Большая часть позднесредневековых погребальных объектов Среднего Енисея представлена курганами, кроме того, известны скальные погребения. Курганы находятся в группах (курганые могильники) и в одиночном состоянии. Внешний вид курганов однотипен: каменные округлые выкладки небольшой высоты (не более 0,4 м) и размера (диаметром 4–7 м). В большинстве случаев присутствует центральная западина округлой формы диаметром до 1 м, как правило, не имеющая камней (кроме случайно туда попавших). Каменная выкладка, чаще всего в один-два (редко – три) слоя камней, размещена на древней дневной поверхности. Основные виды погребальной обрядности – трупосожжение и трупоположение. В случаях трупосожжения фрагменты кальцинированных костей располагались в центре в небольшом углублении либо на древней дневной поверхности. Сопроводительный инвентарь в абсолютном большинстве случаев находился в огне «на стороне» и обычно привязан к кремированным останкам, но иногда располагался в своеобразных тайниках (неглубоких ямках). При трупоположении кладка покрывала неглубокую (обычно менее 0,5 м) погребальную яму прямоугольной формы, в которой располагался костяк в вытянутом положении, ориентированный головой в западном направлении.

Основные элементы известных позднесредневековых погребальных комплексов (конструкция, сопроводительный инвентарь) отражают предельный для местных кочевнических культур прагматизм. Маловероятно, что он связан с рационализмом распределения ценностей, скорее, с недостатком таковых.

Инвентарь позднесредневековых погребений Среднего Енисея достаточно разнообразен и представителен для того, чтобы использовать его при сравнительной и перекрестной датировке, выделять

локальные варианты культуры и внешние связи, говорить о социальном положении погребенных, оценивать уровень технологического развития и определять материальную культуру создателей погребальных сооружений как характерную для кочевников-скотоводов сухих степей. В погребениях обнаружены основные категории вещевого комплекса, фиксируемые в этнографических источниках у скотоводов Южной Сибири. Выделяются следующие группы предметов: вооружение, конское снаряжение, детали одежды и украшения, бытовые предметы. Редко встречаются остатки поминальных обрядов – фрагменты костей животных.

Защитное вооружение встречается нечасто, но мы видим распространение в позднекочевнической среде панцирных пластин от доспеха типа куяка. Они отражают самобытные традиции как коренного населения Среднего Енисея и Центральной Азии, так и русских воинов XVII–XVIII вв. [Худяков, 1991, с. 88–93; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 278–279]. Широко распространены типы железных черешковых наконечников стрел: узкие, небольшого размера; несколько расширяющиеся к острию со слабо выраженными ребрами жесткости по кончику пера и с треугольным оформлением острия, вытянуто-ромбические, срезни вильчатые и ромбовидные. Обнаружены костяные и роговые наконечники, а также роговые свистунки на стрелу бочонковидной формы с прямоугольными отверстиями. В погребениях поздних кочевников Красноярского археологического района обнаружены центральные, плечевые накладки и клиновидные концевые вкладыши луков.

Конское снаряжение – одна из самых представительных и ярких категорий кочевнической материальной культуры. По материалам погребений, на удилах с XV в. наблюдался постепенный переход к грызлам с сечением округлой формы. Это же относится и к форме сечения колец удил. Размер колец-псалий уменьшался. Звенья, как правило, равной длины. В период этнографической современности продолжали бытовать удила именно такой формы с более толстыми, обычно изогнутыми звеньями. К русскому времени наносные султанчики приобрели плоские в сечении пластины с фигурно оформленными окончаниями. На седлах послемонгольского времени наблюдалось широкое использование бронзовых обивок и гвоздиков, которые сменили повсеместно распространенные в монгольское время железные седельные канты разнообразных форм. Облик отдельных частей седельной фурнитуры, главным образом пробоев с упорами и кольцами, достигший в начале монгольского времени наибольшего изящества, к началу русского времени сильно упростился. В послемонгольское время практически не использовались комплексы пробоев, которые были распространены ранее. В этот период (послемонгольский) известны стремяна с прямой неширокой подножкой, плоской в сечении и прямоугольной в плане, с арочным проемом и прямоугольными в сечении дужками, перпендикулярными оси подножки. В период этнографической современности распространялись массивные стремяна с круглой в плане подножкой с бортиками, арочным проемом и отверстием для путлища в дужках. Другой тип характеризуется трапециевидным проемом и тонкой «прорезной» подножкой. Продолжалось бытование стремян восьмерковидной формы.

Среди украшений в позднесредневековых погребениях Среднего Енисея известны бусы разных цветов из стекла, бисер (преимущественно голубого цвета), стеклянные подвески в виде бусин со впаянными бронзовыми и железными проволочками, бронзовые пуговицы грибовидной и иных форм, бронзовые шаровидные бубенчики, кольца, нательные кресты. С одеждой, украшениями и конским снаряжением связаны многочисленные находки в основном железных тренчиков, распределительных и соединительных колец, рамчатых пряжек разного размера, прямоугольной, с фигурным оформлением передней части рамки, простой прямоугольной, округлой, овальной и трапециевидной форм.

К бытовым предметам можно отнести железные проушные, вислообушные, обычно коротколезвийные топоры, а также боковые обкладки складного ножа. В эту же категорию попадают разнообразные предметы из железа: скобчатые кресала, небольшие черешковые ножи (для мяса?), разнотипные пробои и гвозди разных размеров.

Известный предметный инвентарный комплекс позднесредневековых погребений степей и лесостепей Приенисейского края позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, по конструкции они просты и функциональны. Во-вторых, как уже отмечалось, погребальный инвентарь ингумаций по составу принципиально аналогичен кремационному (см., например: [Савинов, 1990, с. 122–123]). В-третьих, имеющиеся материалы свидетельствуют о сложении в позднем средневековье – начале Нового времени единого комплекса предметов материальной культуры коренного и русского населения региона.

Этнокультурное определение позднейших погребений в целом продолжает установленную историографическую традицию (кремация – енисейские кыргызы, ингумация – кыштымы), дополняя ис-

следовательскую процедуру привлечением данных письменных источников, карт расселения народов Сибири. В таком случае признается принадлежность погребения определенному этносу на основании его территориального расположения и сведений о раскладке ясака XVII–XVIII вв., известий о местах расселения отдельных сеоков (родов), принятии христианства местным населением. Устоявшаяся авторская этническая интерпретация позднейших археологических объектов Среднего Енисея основана на сравнении нескольких признаков погребального комплекса и сведений письменных источников. С *енисейскими кыргызами* связаны объекты у Абакано-Перевоза, Новоселовской Горы, Поповки (левобережье Енисея), Прихольмья (левобережье Тубы), Коя (правобережье Енисея, устье Ои), Унюка. С широким кругом групп (без возможности конкретного определения) *тюркоязычного населения* Кыргызской земли ассоциируются отдельные погребения – Ортызы Оба (правобережье Абакана), Киприно (у озера в Июсской степи), Коя, Оя (правобережье Енисея, устье Ои), Суханиха (правобережье Енисея). Памятники долины р. Кача и ручья Бадалык (левобережье Енисея) принадлежали *тюркоязычным качинцам (езерцам, по Д.Г. Мессершмидту) и кетоязычным аринцам*, которые большей частью после увода кыргызов из степей Хакасско-Минусинской котловины переселились в 20-е гг. XVIII в. на ее территорию, а частью оставались на прежних местах у Красноярска, постепенно перейдя к ведению хозяйства по русскому крестьянскому образцу (проживали в деревнях Установой, Песчанской, Маганской, Киндековой, в селах Шало и Юксеевском), оставлены погребения Бадалык, Березка, Высокое, Иннокентьевский, Монашка, Солонцы, Шишка. К *койбалам* относятся погребение в с. Курагино (правобережье Тубы), ряд погребений на р. Табат (Ходын-Хол, правый берег Абакана); к *качинцам* – на ручье Чегерак (левобережный приток Енисея). У села Верхняя Тёя (левобережье Абакана) известно погребение, относимое к *бельтырам* или *бирюсинцам*: у села Линево (бассейн Чулыма) – женское погребение *кызыльцев*. Особое внимание привлекало погребение в составе могильника Коя III, связанное с *маньчжурами* или *монголами*.

Признаки распространения элементов культуры позднесредневековых енисейских кыргызов мы наблюдаем на территории лесостепей севернее Минусинской котловины. В частности, красноярско-канский вариант их культуры известен для среднего течения р. Кан (в форме случайных находок). Следы этого влияния, по-видимому, сохранялись позднее. Так, в 2015 г. под городом Канском, на правом берегу Кана, были исследованы раскопом два позднесредневековых погребения (местонахождение Рябчиков Ключ-1). О времени их создания свидетельствуют формы и состояние могильного сооружения, характер погребального инвентаря. Погребения имеют широкую датировку – XIV–XVII вв. Первичная интерпретация по этнографическим данным, ограниченным консолидированной информацией на карте Б.О. Долгих [1960], позволяет связать погребенных с *камасинцами, котами* либо *карагасами*.

Представленный археологический материал (погребальные объекты позднего средневековья на юге Приенисейского края) неоднократно интерпретировался в литературе с привлечением этнографических источников. Описанные археологические объекты – ближайšie к периоду, когда обильно представлены письменные источники. Поэтому стремление придать этим материалам имя из письменной истории или живой этнографии оправдано и понятно. В связи с этим возникает ряд проблем, которые обсуждались ранее [Черных, 2013, с. 71–85; Выборнов, Скобелев, 2017].

В рамках проведенных исследований определено, что поздние кочевники на юге Приенисейского края являются (в определенной степени) историко-культурным феноменом позднего средневековья – начала Нового времени (XV–XVIII вв.) Им принадлежат погребения, расположенные в зоне степей и лесостепей, на вершинах гор, под небольшими каменными выкладками-насыпями в незначительных углублениях, выполненные по обряду кремации или труположения. Их погребальный инвентарь отражает основные категории материальной культуры скотоводов, известные по этнографическим источникам. Но приведенная этническая интерпретация археологических объектов поздних кочевников Среднего Енисея, к сожалению, предварительна, поскольку она основана пока на ограниченной доказательной базе.

Библиографический список

- Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2010. 288 с.
- Выборнов А.В., Скобелев С.Г. Проблемы междисциплинарных исследований позднесредневековых археологических памятников Среднего Енисея // Мультидисциплинарные методы в археологии:

новейшие итоги и перспективы : материалы Международного симпозиума «Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы». Новосибирск, 2017. С. 25–30.

Гаврилова А.А. Могилы поздних кочевников у горы Суханихи на Енисее // СА. 1964. №2. С. 164–170.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л., 1965. 145 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 622 с.

Савинов Д.Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии : сб. науч. трудов. Новосибирск, 1990. С. 114–131.

Худяков Ю.С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем Средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991. С. 87–100.

Черных Е.Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М., 2013. 368 с.

© 2017, П.К. Дашковский

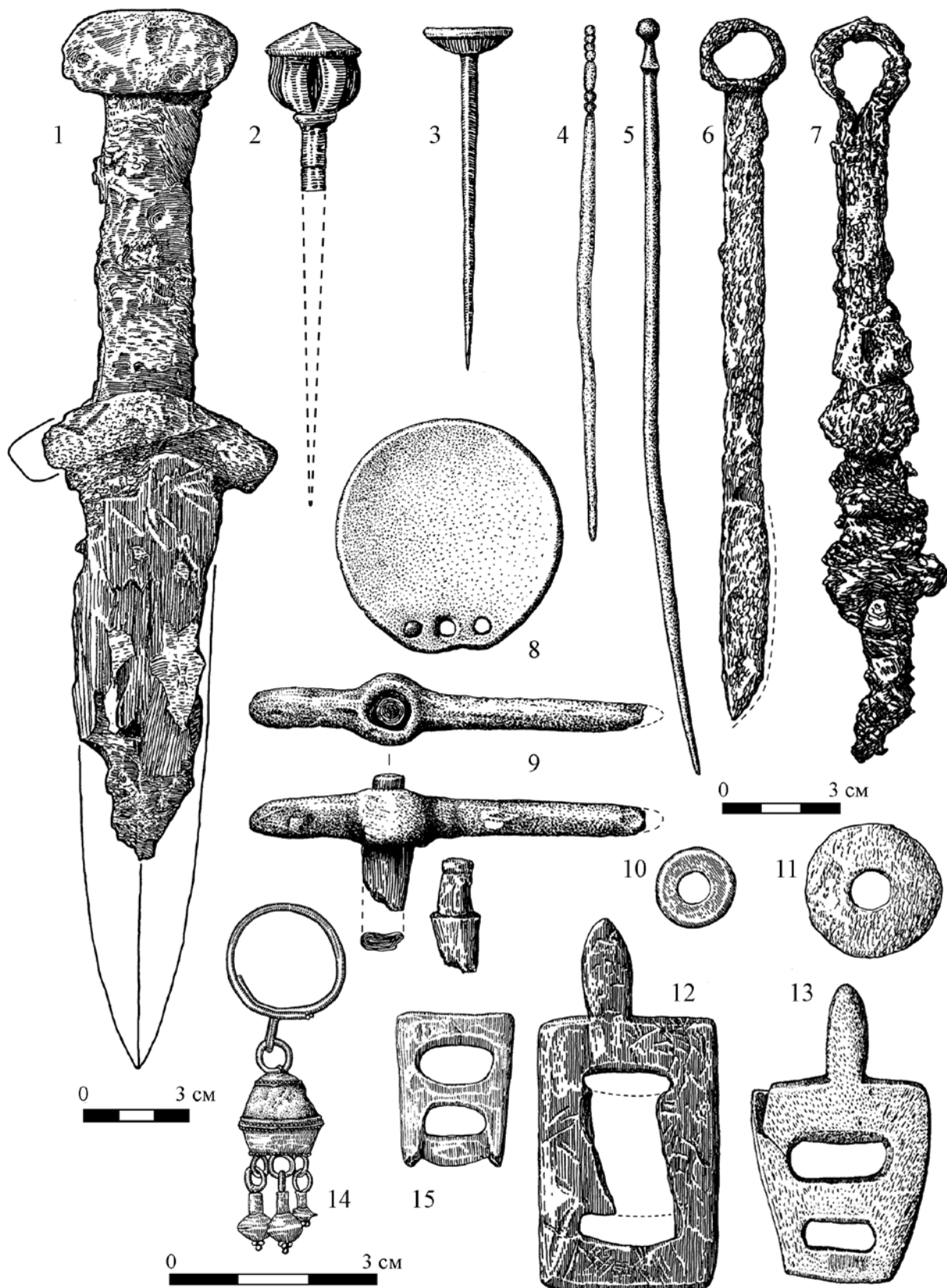
Алтайский государственный университет, Барнаул

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ (по материалам могильника Чинета-II)

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Историко-этнографическое изучение развития религиозного ландшафта в трансграничном пространстве Южной Сибири и Монголии» (проект №16-21-03001)

Курганный могильник Чинета-II входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета (Краснощековский район Алтайского края). В ходе археологического изучения памятника, которое ведется с 2001 г., выявлены объекты скифской эпохи, тюркской, кыргызской и сроткинской культур [Дашковский 2013; 2015а, б; и др.]. В настоящее время на могильнике Чинета-II раскопано 13 курганов скифского периода. Остановимся на характеристике погребального обряда исследованных объектов.

Прежде всего, отметим планиграфическое расположение объектов на могильнике Чинета-II. Так, десять курганов (№16, 19, 22–24, 26, 27, 30–32) из 13 (100%) сосредоточены возле двух «больших» нераскопанных объектов (№34, 35), которые также предположительно относятся к скифской эпохе. В то же время курганы №21, 28–29 расположены к северу от остальных объектов и выстроены в линию в направлении С–Ю, но на значительном (до 120 м) расстоянии друг от друга. При этом проведенная тщательная разведка на участке расположения курганов №21, 28, 29 показала, что между ними, вероятнее всего, нет никаких других погребальных объектов. На территории некрополя также найден олений камень [Дашковский, 2014]. Кроме планиграфических особенностей, необходимо обратить внимание на специфику погребального обряда в исследованных курганах. В частности, курган №21 наиболее крупный из раскопанных в настоящее время объектов как на некрополе Чинета-II, так и на могильниках Ханкаринский дол и Инской дол. Диаметр каменной насыпи объекта, по периметру которого сооружена мощная крепида из камней, составлял 17,5 м, а высота – до 0,6 м. Могильная яма имела значительные размеры: 4,9 × 3,1 × 2,82 м. В ней, вероятно, была сооружена деревянная рама с настилом по дну, на котором находилась умершая женщина в возрасте около 35 лет, ориентированная головой на восток. Вдоль западной стенки могилы выявлено не потревоженное грабителями сопроводительное захоронение лошади с предметами снаряжения: железные двухзвенные кольчатые удила, костяные пронизки и подпружная пряжка (рис.-10, 11, 15). В погребении также найдены развал керамического сосуда и уникальная золотая серьга с тремя подвесками, украшенная техникой зёрн (рис.-14). В кургане №21 также обнаружены фрагменты лака, вероятно, от китайской деревянной чашечки (?). Кроме кургана №21, фрагменты китайских лаковых изделий находились в кургане №31 этого же могильника. Важно отметить, что ранее предметы китайского импорта были выявлены преимущественно в элитных курганах пазырыкской культуры. Это связано с тем, что импорт являлся важным социальным маркером элиты в кочевом обществе. Предварительные результаты экспертизы образцов лаковых изделий из курганов №21 и 31 могильника Чинета-II опубликованы [Дашковский, Новикова, 2015].

Инвентарь из могильника Чинета-II: 1 – курган №29; 2, 3 – курган №32;
4 – курган №28; 5, 8 – курган №22; 6 – курган №26; 7, 13 – курган №31;
9 – курган №24; 10, 11, 14, 15 – курган №21; 12 – курган №26

Следует отметить, что курган №31, как и курган №21, имел значительные размеры: диаметр – 15 м, высота – 0,85 м. По периметру кургана выявлены более крупные камни, которые образовывали каменную кольцевую выкладку – крепиду. Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксирована

могильная яма, которая имела размеры $3,3 \times 2,5 \times 3,1$ м. На глубине 2,55–2,8 м вдоль северной стенки могильной ямы обнаружено сопроводительное захоронение лошади, уложенной на живот и ориентированной головой на восток. Из снаряжения лошади найдены следующие предметы: костяная подпружная пряжка (рис.-13), железные кольчатые удила, железный нож (рис.-7), круглая налобная бляха из золотой фольги. Внутри могилы, вероятно, была сооружена деревянная рама, которая практически не сохранилась. В раме выявлен скелет человека очень плохой сохранности, который, судя по отдельным сохранившимся *in situ* костям, был уложен в скорченном положении на правый бок и ориентирован головой на восток. У восточной стенки могилы в средней ее части выявлены фрагменты золотой фольги, оставшейся, вероятно, от аппликаций. Учитывая значительные параметры курганов №21 и 31 по сравнению с другими объектами этого микрорайона, а также особенности погребального обряда и инвентаря, можно предположить, что в этих объектах были похоронены представители региональной кочевой элиты [Дашковский, Мейкшан, 2015].

Не менее интересным оказался курган №28, под каменной насыпью которого, диаметром 9,5 м и высотой до 0,75 м, обнаружены две параллельные могилы. Могильные ямы были сооружены по линии 3–В и имели практически одинаковые размеры: длину – 3,2 и 2,9 м, ширину – по 1 м, глубину – 1,24 и 1,22 м. В одной могиле была похоронена женщина в вытянутом положении на спине, ориентированная головой на запад, а во второй могиле кости находились в кучке у восточной стенки. Из инвентаря в женской могиле найдена бронзовая заколка (рис.-4), а во второй – керамический сосуд и железный нож с кольцевым навершием.

Самый северный курган №29 скифского времени на могильнике Чинета-II имел диаметр 8,5 м, высоту – до 0,6 м. По периметру сооружения прослеживались более крупные камни, которые выступали своеобразным маркером каменной кольцевой выкладки, хотя единой конструкции не наблюдалось. В могиле, размеры которой составляли $3,4 \times 2,5 \times 1,9$ м, выявлено парное захоронение людей. Погребение сильно разрушено грабителями, но удалось установить, что умершие были ориентированы головой на восток и лежали, вероятно, в вытянутом положении на спине. Из предметов сопроводительного инвентаря обнаружены керамический сосуд, железный нож, фрагменты золотых аппликаций от украшения костюма, а также железный боевой кинжал в деревянных ножнах (рис.-1).

Остальная группа раскопанных курганов №16, 19, 22–24, 26, 27, 30, 32, несмотря на некоторые отличия в погребальной обрядности и инвентаре, имеет ряд общих или близких признаков. Так, диаметр каменных насыпей составлял от 5,25 до 8 м (в среднем диаметр – 6,5 м), высота – от 0,3 до 0,7 м (в среднем – 0,5 м). Только в одном случае (курган №26) зафиксирована каменная кольцевая выкладка. Под насыпью находились могильные ямы, длина которых – от 2,35 до 3,55 м, ширина – от 1,7 до 2,75 м, глубина – от 1,6 до 2,2 м. В четырех курганах (№16, 22–24) внутримогильная конструкция представлена деревянной рамой, в двух (курганы №19 и 27) – деревянной рамой, обложенной по периметру могилы камнями. В одном случае (курган №26) в могиле выявлена только обкладка ее стенок камнями. В отдельных случаях, в частности в кургане №19, зафиксировано поперечное перекрытие из деревянных плах рамы.

Большинство погребенных людей из могильника Чинета-II (курганы №16, 19, 22, 23, 26, 27, 30, 32) были уложены в вытянутом положении на спине и ориентированы головой на восток, в одном случае (курган №24) – на юго-восток. В курганах №16, 30 и 32 умершие были ориентированы головой в противоположном направлении – на запад. При этом следует подчеркнуть, что погребения в курганах №22, 23 и 26 могли носить вторичный характер. В кургане №31 умерший был уложен в скорченном положении на правом боку и ориентирован головой на восток. Важно обратить внимание и на то, что только в четырех курганах (№21, 26, 28, 31) обнаружено сопроводительное захоронение лошади вдоль северной (курганы №26, 28 и 31) или западной (курган №21) стенок могильной ямы. В гендерном аспекте результаты антропологических исследований распределились следующим образом: женщины были похоронены в курганах №16, 21, 22, 32, а мужчины – в курганах №23, 26; в кургане №24 был погребен подросток мужского пола, в кургане №27 – ребенок 4 лет. По остальным объектам антропологические определения еще не закончены.

Сопроводительный инвентарь из погребений №16, 19, 22–24, 26–28, 30, 32 не отличался особой выразительностью и включал в себя керамические сосуды, костяную подпружную пряжку, миниатюрный бронзовый чекан, бронзовую заколку, бронзовое зеркало, железную заколку и железный нож, обложенные золотой фольгой, различные ромбические фигуры и аппликации из золотой фольги от женского головного убора (рис.-2, 3, 5, 6, 8, 9, 12). Обращает на себя внимание факт почти полного

отсутствия такого статусного предмета у кочевников, похороненных в указанной группе курганов, как гривна. Только в кургане №26 встречено подобие деревянной гривны (?), обложенной золотой фольгой, очень плохой сохранности. Примечательно, что этот предмет выявлен только в погребении, где есть сопроводительное захоронение лошади, что дополнительно подчеркивало социальный статус умершего. Следует также отметить, что в указанной группе представлено гораздо меньше золотой фольги, которая использовалась для украшения предметов материальной культуры. Кроме того, в женских захоронениях в настоящее время отсутствуют восьмеркообразные металлические (золотые, серебряные, бронзовые) серьги (за исключением ювелирного изделия из кургана №21), а также пятна черной краски под черепами, которые свидетельствуют об использовании женщинами пазырыкского общества специальной краски для волос.

Анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря из курганов могильника Чинета-II позволил найти аналогии как в материалах пазырыкской культуры, в том числе и на соседнем некрополе Ханкаринский дол, так и в памятниках каменной культуры степного и предгорного Алтая [Кубарев, 1987; 1991; 1992; Могильников, 1997; Шульга, 2003; 2015a; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 10–17; Дашковский, 2016; и др.]. Наиболее сложным для датировки оказался курган №21. С одной стороны, хорошо датирующим предметом выступает золотая серьга с подвесками из данного кургана. Близкого типа серьга обнаружена в кургане №27 могильника Балык-Соок-I, датированного второй половиной VI в. до н.э. [Кубарев, Шульга, 2007, с. 69–70, рис. 14.-3]. В данном случае в качестве определенной аналогии можно привести серьгу с подвесками из кургана №6 могильника Лебедевка-II с Южного Приуралья [Трейстер, 2012, с. 142–144, рис. 73]. В определенной степени морфологически близкие изделия обнаружены в памятниках разных культур скифо-сакского периода. При этом, как правило, все такие изделия относятся к периоду VI–V вв. до н.э. [Кирюшин, Фролов, 1998, с. 124–125, рис. 11.-1; Кубарев, Шульга, 2007, с. 69–70]. Кроме того, исследователи отмечают, что серьги обозначенного типа имеют хорошие параллели в ювелирной традиции Малой Азии, в том числе в изделиях ахеменидского круга [Трейстер, 2012, с. 142–144; и др.]. Другие предметы сопроводительного инвентаря из кургана №21: керамический сосуд кувшинообразной формы, железные двухзвенные кольчатые удила, две костяные пронизки и подпружная пряжка – имеют устойчивые аналогии в материалах пазырыкской культуры Алтая. С другой стороны, находки фрагментов лаковых изделий несколько «омолаживают» дату, китайский импорт встречается в курганах пазырыкской культуры, датированных преимущественно IV–III вв. до н.э. [Шульга, 2015a, с. 30]. Дальнейшие исследования материалов кургана, в том числе с применением радиоуглеродного анализа, позволит внести уточнения в датировку памятника. Артефакты из других курганов указанного могильника, судя по имеющимся аналогиям, относятся, вероятнее всего, не ранее второй половины IV – III в. до н.э. При этом если материалы из соседнего могильника Ханкаринский дол свидетельствуют о погребении в нем носителей пазырыкской культурной традиции, то на некрополе Чинета-II несколько иная ситуация. Несомненно, что курган №31 и, возможно, курган №21 относятся непосредственно к пазырыкской культуре. В остальных случаях в погребальном обряде, вероятно, имело место смешение пазырыкской культурной традиции и определенного «степного» компонента. Об этом свидетельствуют небольшие размеры каменных курганных насыпей, как правило, без крепиды, вытянутое положение умершего в могиле на спине с ориентацией головой на восток, а в отдельных случаях – на запад, отсутствие пятна черной краски под черепом женщины в могиле. Обращает на себя внимание и характер сопроводительного инвентаря, в частности отсутствие металлических гривен, но при этом в погребении представлены бронзовые, а также железные заколки с шаровидным навершием, которое покрыто золотой фольгой с орнаментом в виде округлых ячеек. Подобного типа заколки достаточно хорошо известны по материалам каменной культуры [Могильников, 1997, с. 78, рис. 57; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 176–177, рис. 123]. В рассматриваемых объектах присутствуют и явные черты пазырыкской культуры. В частности, в курганах №26 и 29 выявлены сопроводительные захоронения лошадей вдоль северной стенки могильной ямы. При этом курган №26 планиграфически располагался в одной микрогруппе с объектами №22–27. В кургане №29 было парное погребение людей, ориентированных головой на восток. В этом же кургане выявлено парное сопроводительное захоронение лошадей вдоль северной стенки могильной ямы. Зато среди предметов сопроводительного инвентаря особого внимания заслуживает железный боевой кинжал длиной 30 см в деревянных ножнах. В памятниках пазырыкской культуры железные боевые кинжалы встречаются крайне редко и имеют длину 30–40 см [Кубарев, 1987, с. 54–59; Кубарев, Шульга, 2007, с. 74–78]. В большей степени железные боевые кинжалы известны в памятниках каменной культуры

Алтая [Могильников, 1997; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 148, рис. 108; и др.]. Наконец, особого внимания заслуживает курган №28, под насыпью которого выявлено две одновременных могилы. Традиция размещения под насыпью двух и более могил характерна для каменной культуры Алтая, которая испытала сильное сакское влияние [Могильников, 1997; Шульга, 2003, рис. 46; и др.].

Таким образом, краткий обзор результатов исследования погребальных памятников Ханкаринский дол и Чинета-II в Северо-Западном Алтае показывает интенсивные процессы взаимодействия кочевников в скифо-сакский период. При этом данный регион, расположившийся на стыке низкогорных и степных районов Алтая и прилегающих районов Восточного Казахстана, оказался в орбите влияния «пазырыкцев», а также, вероятно, носителей каменной культурной традиции и сакских племен Восточного Казахстана. Дальнейшее изучение полученного материала позволит более обстоятельно реконструировать этнокультурную ситуацию в регионе, а также проследить особенности социальной организации и межкультурное взаимодействие кочевников.

Библиографический список

Дашковский П.К. Основные направления изучения памятников древних и средневековых кочевников Чинетинского археологического микрорайона на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии : материалы Международной конференции. Барнаул, 2013. С. 187–190.

Дашковский П.К. Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2014. С. 46–62.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул, 2015а. 224 с.

Дашковский П.К. Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2015б. №8. С. 20–29.

Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2016. Вып. IX. С. 42–66.

Дашковский П.К., Новикова О.Г. Предварительные итоги изучения образцов лака из кургана №31 могильника Чинета-II (Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 115–119.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Изучение региональной элиты кочевников Южной Сибири, Западного Забайкалья и Северной Монголии эпохи поздней древности (на примере пазырыкского общества и хунну) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии : коллективная монография / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул, 2015. С. 75–85.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 110–136.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.

Трейстер М.Ю. Ахеменидские ювелирные украшения костюма из драгоценных металлов из Южного Приуралья. Изделия ахеменидского круга и местные традиции. Произведения пост-ахеменидской традиции // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. Т. I. С. 134–165.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.

Шульга П.И. Датировка курганов Пазырыка и китайских зеркал с Т-образными знаками // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015а. С. 366–371.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Часть II (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск, 2015б. 322 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛИ ГОРОДА МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ?

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №14-18-01165
«Города средневековых империй Дальнего Востока»

В Монгольской империи существовали города и поселения различных типов – имперские столицы-мегаполисы (Каракорум, Шанду, Даду), города – административные и хозяйственные центры, поселки ремесленников, а также отдельно стоящие дворцы и усадьбы. Ряд из них расположены на территории России. Возможно, один из самых известных памятников Хирхириинское городище находится на юге Забайкальского края, в Приаргунском районе. Памятник расположен на низкой надпойменной террасе в приустьевой части р. Хирхиры на левом берегу р. Урулюнгуй (приток Аргуни). Город состоит из нескольких десятков усадеб и около 100 отдельных жилищ. Вытянут по линии З–В почти на 2 км и примерно на 700 м по линии С–Ю. В западной части усадьбы расположены отдельно друг от друга, в восточной – объединены в сложную систему кварталов, улиц и проулков. К северу от Хирхириинского городища находится могильник Окошки монгольского времени [Киселев, 1961; Харинский и др., 2014].

В юго-восточной части памятника в 350 м от берега р. Хирхиры располагалась ханская ставка (110 × 100 м). Она была окружена рвом и валом с воротами. Внутри находился дворец (15 × 30 м), возведенный на искусственной платформе с пандусом. Дворец имел деревянные стены и 4-скатную крышу, крытую черепицей, отапливался при помощи канов. Пол выложен сырцовым кирпичом. В результате раскопок под руководством С.В. Киселёва в 1957–1959 гг. исследованы дворец, жилища с канами, ворота, найдено много строительных материалов (черепица, кирпичи), предметы труда и быта, вооружение, украшения [Древнемонгольские города, 1965, с. 23–58]. С.В. Киселёв датировал памятник XIII в. и предположил, что дворец погиб в результате пожара.

Начиная с 1997 г. в течение ряда лет памятник исследовался А.Р. Артемьевым [2005]. Им были раскопаны две усадьбы. В первой, в восточной части города, находились два жилища с канами (одно с кирпичным полом). Во второй, на западном краю памятника, было найдено здание с 12 базами от колонн и каном. Среди находок – предметы быта, вооружение, украшения, бронзовый 12-летний календарь, железная вилка, скорее всего, попавшая из Европы. А.Р. Артемьев также получил радиоуглеродные даты по западной усадьбе (1330–1420 гг.), которые расширили время существования памятника.

Наши исследования на памятнике в 2013–2014 гг. проводились на другой усадьбе, расположенной в западной части города. В результате работ были вскрыты остатки здания колоннадного типа на насыпной платформе. Основой для поддержания крыши являлись каменные базы с деревянными колоннами, изготовленными из стволов лиственницы. Крыша, очевидно, была крыта соломой. Внутри найдены печь и остатки кана сложной конструкции. Найдено много костей домашних и диких животных, кости рыбы, гвозди, бусины, фрагменты фарфоровой и глазурованной керамики, в том числе больших сосудов – хумов. Находки фарфора с синей кобальтовой росписью подтверждают, что памятник существовал в XIV в.

Неподалеку от Хирхириинского городища, в 9 км к северо-востоку, находится дворцовая усадьба Алестуй. Она представляет собой насыпную платформу размером примерно 17 × 28–32 м, вытянутую по линии С–Ю. С южной стороны склона имеется пологий спуск – пандус. Вокруг платформы расположен невысокий вал (0,3 м) близкой к квадрату формы размером примерно 71 × 71 м. К северному валу пристроен еще один обвалованный участок подпрямоугольной формы размером примерно 64 × 33 м. В процессе раскопок в 2009–2011 гг. нами были изучены северная и западная части усадьбы, а также прилегающая к ней северная часть двора [Крадин и др., 2012].

Платформа была сложена из плотной глины серого цвета. В процессе раскопок были обнаружены следы нескольких дымоходных каналов. Трехканальный кан находился в северной части дома. Остальные несколько канов были исследованы во время раскопок западной части жилища. Они имели по 4–5 дымоходных каналов. Можно предположить, что это местное развитие дальневосточной традиции сооружения канов.

В разных частях раскопа в различных пластах зафиксированы остатки кирпичных стенок, 16 целых кирпичей и около 3 тыс. их фрагментов разной величины, черепица (около 24 тыс. фрагментов), каменные базы от столбовых конструкций, обломки различных железных и бронзовых изделий, железные гвозди разных размеров (163 шт.), железные наконечники стрел, два железных ножа, фрагменты железной пилы, обломок лемеха, обломки тигля, железный замок чжурчжэньского и монгольского типов, втулки ступицы колеса, венчик и куски стенки железных котлов, альчики, игральные фишки и др. Имеется одна сунская монета – *Чжи дао юань бао* (XI в.). Найдены фрагмент фарфорового изделия, фрагмент поливного сосуда и фрагмент глазурированной бутылки.

Считается, что Хирхириное городище было ставкой Есунке (Есункэ, Исунке) – сына родного брата Чингис-хана Хасара. Основанием для этого является надпись на найденной неподалеку знаменитой каменной стеле («Чингисов камень»), которая сейчас хранится в Эрмитаже. Это древнейшая надпись на старомонгольском языке (1224–1225 гг.). До сих пор исследователи не достигли единства по поводу перевода данного текста, однако во всех вариантах присутствуют имена Чингис-хана и Есунке.

По всей видимости, прямое отношение к Хирхириному городищу имел так называемый «город Хасара» – городище Хэйшаньютоу во Внутренней Монголии. Расстояние между данными памятниками всего 87 км. Городище Хэйшаньютоу находится примерно в 11 км от государственной границы между Россией и Китаем, в 10 км к северу от города с одноименным названием. Возможно, данное городище было резиденцией Хасара. По форме оно близко к квадрату, ориентировано по сторонам света, окружено валом и рвом. Длина валов: северного – 587 м, южного – 578 м, западного – 598 м, восточного – 592 м. Высота основного вала – до 4 м снаружи, около 2 м изнутри. На городище имеется четверо ворот, которые расположены по центру каждой из стен. Глубина рва в районе наиболее мощных южных ворот – 1,7–2 м, ширина – 5–6 м. Имеются фронтальные и угловые башни. Превышение угловых башен над валом – 1,5–2 м, фронтальных – на метр. Башни выступают наружу примерно на 1–2 м. На городище имеются так называемый внутренний город прямоугольной формы с платформой в центре и еще одно внутреннее укрепление округлой формы с платформой внутри. На территории внутреннего города найдены глазурированная черепица, глазурированная посуда, концевые диски с драконами.

Другой известный памятник монгольского времени на территории Забайкалья – Кондуйский дворец. Он находится в 61,7 км к западу от Хирхириного городища. Свое название памятник получил от р. Кондуй. История исследования памятника насчитывает более двухсот лет [Павлуцкий, 1867; Кузнецов, 1925; Древнемонгольские города, 1965; и др.]. Наиболее масштабные исследования связаны с именем С.В. Киселёва. В 1957–1958 гг. им проводились раскопки на памятнике на центральном здании (дворце), южных воротах и на одном из павильонов. Общая площадь раскопов – 2,5 тыс. м² [Древнемонгольские города, 1965, с. 324–369].

Кондуйский дворец представлял собой здание крестообразной формы. Оно располагалось на двухметровой платформе, имевшей два уровня террас. Пол был выложен квадратными плитами размером 30 × 30 см. Террасы украшали деревянные, покрытые красным лаком балюстрады. Конструкцию балюстрады нижней террасы украшали вмонтированные в нее с интервалом 2 м гранитные изваяния драконов (31 экз.). Углы террасы украшали изваяния другого типа – в виде передней части драконо-черепаховидного чудовища, покрытого пластинками панциря.

Платформа была выстлана кирпичным полом. К платформе вели пять кирпичных пандусов – по два с востока и запада и главный вход с юга. С северной стороны пандуса не имелось. Подобная планиграфическая структура сочетает в себе принципы организации пространства китайских (и опосредованно чжурчжэньских) зодчих и традиции организации пространства монголоязычных кочевников (выход из юрты на юг, северная сторона – *хоймор* – самая почетная, запретная). Внутри здания были расположены 37 каменных баз, которые являлись фундаментами деревянных колон, обернутых материей и покрытых красным лаком. Здание, видимо, состояло из нескольких частей: аванзала, проходных коридоров, зала для приемов, жилых покоев или вспомогательных помещений. Крыша была покрыта черепицей с желтой, зеленой и красной поливой. Коньки крыши украшены головами драконов с крыльями.

К северу, западу и востоку от главного дворца находились другие здания. Это был единый комплекс, возможно, огороженный в монгольское время забором. На юге были расположены главные ворота. Никаких других сооружений к югу от дворца не строилось. К северу, западу и востоку от дворцового комплекса располагались другие здания (возможно, жилища лиц высокого статуса). Наверное, за ними могли быть наземные жилища или переносные юрты лиц, обеспечивавших жизнедеятельность дворца. Однако в настоящее время это невозможно проверить из-за интенсивной распашки этой территории

в советское время. Подобная организация пространства, по сути, полностью копировала принципы расстановки юрт монгольской ставки.

В 2015–2016 гг. нами проводились исследования северо-западного павильона дворцового комплекса. Здание размером 23 × 9 м было ориентировано длинной стороной по линии 3–В. Оно было построено на искусственной платформе. По периметру здания располагалась внешняя кирпичная стенка, которая, вероятно, предотвращала расползание насыпной платформы. Высота стенки – не менее 23–25 см в 4–5 кирпичей. Расстояние между этой стенкой и стеной здания – примерно 60 см. Пространство забутовано камнями, обломками кирпичей и землей. Далее находилась стена здания. Можно предположить, что основные стены были сделаны из дерева, а основания – из кирпичей и камней. Основания стен здания выполнены в два ряда кирпичей, пространство между ними забутовано землей, обломками кирпичей и камнями. Общая ширина стены составляет около 80 см. Высота основания стены – в 3–4 кирпича.

Внутри основания стены и на углах постройки располагались каменные базы колонн квадратной формы разных размеров. Самая маленькая база размером 46 × 46 см, самая большая – 56,5 × 65 см. Базы располагались примерно на одинаковом расстоянии друг от друга – в среднем 3–3,5 м. В восточной части постройки расстояние между каменными базами составляло 4,5 м. Вход в здание располагался с южной стороны и был оформлен в виде кирпичного пандуса.

Во время разборки внутренней части постройки на уровне пола найдено большое количество дерева, вероятно, фрагментов от деревянных колонн. Согласно предварительному анализу, колонны делались из сосны. Пол в здании выложен кирпичами квадратной и прямоугольной формы. Часть кирпичей была выбрана в период разграбления памятника для использования при строительстве Кондуйской церкви и Цугольского дацана.

Дворцовый комплекс был построен в синкретичной монгольско-китайской традиции. При первом рассмотрении такие элементы, как симметричное, строгое расположение объектов по оси С–Ю, расположение в центре ансамбля дворца и прочее, свидетельствуют о китайской архитектурной традиции. Однако строгое соблюдение принципа расположения всех вспомогательных построек к северу от главного места и открытый вид на юг (монг. *хурээ*) свидетельствуют о степных традициях организации пространства [Лбова, Васильева, 1992, с. 145–146].

В начале XIX в. строительные материалы городка (кирпичи, гранитные основания драконов и базы) были использованы русскими казаками и крестьянами под фундаменты домов села Кондуй, а также строительства в 1806 г. церкви Рождества Пресвятой Богородицы и Св. Мучеников Кирика и Улиты [Крадин Н.Н., Крадин Н.П., 2016]. Кроме этого, материалы вывозились в агинские степи для возведения Цугольского дацана в 1801 г. [Кузнецов, 1925, с. 22]. С.В. Киселёв полагал, что данный памятник относится к XIV в. [Древнемонгольские города, 1965, с. 369]. Однако калиброванная радиоуглеродная дата показывает, что дворец существовал в первой половине XIII в. [Крадин и др., 2017, с. 170]. Таким образом, время строительства дворца приходится на период расцвета империи Чингис-хана и время проживания в монгольской исторической прародине братьев Чингис-хана – Хасара и Темуге-отчигина и их наследников.

Это подтверждается письменными источниками, где сказано: «Юрт и стойбище Есунгу и рода Джочи-Касара находится внутри Монголии на северо-востоке, в пределах Эргунэи Кулэ-наура и Килара, поблизости от места юрта Джибу, сына Отчи-нойона, и его внука Тукучара» [Рашид ад Дин, 1952, с. 52]. Здесь место расселения четко локализуется с Аргунью, оз. Далай-нор и Хайларом. При этом одна весьма пикантная деталь, возможно, объясняет наличие большого числа памятников монументальной архитектуры на этой территории. Тот же источник сообщает, что «Отчи-нойон отличался [своей] большой любовью к строительству и везде, куда не приходил, он строил дворцы [сарай] и загородные дворцы [кушк] и [разбивал] сады» [Рашид ад Дин, 1952, с. 55].

Наличие драконов указывает на императорский статус построек. Это подтверждается включенностью братьев Чингис-хана и их потомков в высшую элиту империи. «Чингиз-хан соизволил его пожаловать и [выделил его] из всех братьев и сыновей братьев, дав ему и его детям, в соответствии с установленным обычаем правом, вытекающим из положения брата и царевича, степень [высокого] сана и звания. И до настоящего времени обычай таков, что уруг Чингиз-хана из всех [своих] дядей и двоюродных братьев сажает в ряду царевичей только уруг Джочи-Касара; все же другие сидят в ряду эмиров» [Рашид ад Дин, 1952, с. 51]. Нечто схожее написано в источниках о Темуге-отчигине. «Чингиз-хан любил его больше других братьев и сажал выше всех старших братьев. Его прямые потомки [фарзанд] до сих пор сидят выше прямых потомков двух других братьев» [Рашид ад Дин, 1952, с. 55].

Весьма высокий статус имел и Есунке (Исунке, Есунгу). «Есунгу был высокого роста, румян и имел продолговатое лицо и длинную бороду... Он входил в важные дела и в обсуждение государственных дел, и его весьма почитали и считались с ним» [Рашид ад Дин, 1952, с. 52].

Высокое положение хасаридов и темугеидов продлилось до конца 80-х гг. XIII в. Они вступили в сговор с Хайду против Хубилая. «Когда сговор [их] обнаружился, каан повел войско и схватил их. Некоторых он казнил, а их войска разделил [между другими]. В настоящее время из их улуса никого не осталось» [Рашид ад Дин, 1952, с. 56]. Кто знает, не тогда ли были сожжены и подвергнуты забвению забайкальские древности?

Библиографический список

Артемьев А.Р. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья // Вестник ДВО РАН. 2005. №2. С. 3–18.

Древнемонгольские города / отв. ред. С.В. Киселёв. М., 1965. 371 с.

Киселёв С.В. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье // СА. 1961. №4. С. 103–127.

Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Харинский А.В., Ковычев Е.В. Исследование средневековой монгольской усадьбы Алестуй в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы III Международной научной конф. Т. 2. Улан-Батор, 2012. С. 381–387.

Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Прокопец С.Д. Новые исследования Кондуйского городка // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». Владивосток, 2017. С. 167–171.

Крадин Н.Н., Крадин Н.П. Кондуйские древности // Вопросы истории. 2016. №12. С. 133–138.

Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток, 1925. 64 с.

Лбова Л.В., Васильева И.Г. К вопросу о развитии принципов планировочной структуры древнемонгольских городов // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии / отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск, 1992. С. 145–160.

Павлуцкий А. Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющих вблизи кличчинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их и в других местах Нерчинского горного округа // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. IX и X / ред. Н.И. Калинин. Иркутск, 1867. С. 475–507.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М. ; Л., 1952. 315 с.

Харинский А.В., Номоконова Т.Ю., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) // РА. 2014. №2. С. 62–75.

© 2017, О.А. Митько

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

КРЕСАЛА В «ДРУЖИННЫХ» ПОГРЕБЕНИЯХ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект №1.4539.2017/8.9)

В археологических классификациях средствам огнедобычи отведено «скромное» место в составе бытовых предметов, предназначенных для физического обеспечения жизнедеятельности. В настоящее время наиболее конструктивным является их изучение в рамках таких направлений, как «археология быта» и «археология повседневности». Однако при цивилизационном подходе к рассмотрению исторического процесса оценка и роль огневых приборов намного больше и значительнее любых орудий труда, поскольку сам огонь является важнейшим инструментом. Различные приспособления для его получения, соотнесенные с основными стадиями (каменная, деревянная, металлическая, спичечная) огнедобычи, служат одним из ключевых показателей исторических форм культуры (дикость, варварство, цивилизация). Последовательность и скорость стадийной сменяемости определяется технологическим развитием, имеющим свои закономерности: устройства, состоящие минимум из трех элементов, развиваются от технически простых конструкций к сложным; наиболее эффективные изделия стандартизируются и легко интегрируются даже с самыми самобытными явлениями различных хозяйственно-культурных типов. При этом в археологическом материале поступательное эволюционное развитие

огневых приборов не прослеживается, фиксируются лишь технические приспособления, закрепившиеся в культуре. О существовании переходных форм, промежуточных вариантов или «экспериментальных» моделей можно высказывать преимущественно гипотетические предположения.

Подобную тенденцию развития приспособлений для получения огня можно проследить на материалах енисейских кыргызов. Предварительно необходимо подчеркнуть, что магистральная линия становится заметной лишь на хронологически продолжительном отрезке времени и при рассмотрении всех периодов их истории: от начального раннекыргызского этапа, который соотносится с поздним этапом таштыкской культуры [Савинов, 1984, с. 41], до этнографической современности. При этом в начале XVIII в. в их истории произошло судьбоносное событие. После угона в Центральную Азию большей части кыргызов на Среднем Енисее остались лишь небольшие сеоки, которые вошли в состав различных родоплеменных групп хакасов и тувинцев.

Для анализа начального этапа применения приспособлений для получения огня енисейскими кыргызами ключевую роль играет вопрос, связанный с изучением становления железоделательной индустрии на территории степной части Среднего Енисея. В настоящее время можно считать установленным, что первые изделия из железа встречаются на памятниках тагарской культуры, но местные мастера работали на привозном сырье. Высокотехнологичные предметы быта и оружие, такие как клинки-акинаки с цементированными лезвиями, относятся к импортным товарам и были изготовлены ремесленниками, имевшими длительный опыт работы с черным металлом. Их появление у тагарского населения объясняется связями с сакскими племенами, познакомившимися с черным металлом еще в VIII–VI вв. до н.э. Однако принесенные ими инновации не послужили толчком к возникновению самостоятельного железообрабатывающего производства у тагарцев [Завьялов, Терехова, 2014, с. 109, 111]. Не исключено, что в этот период саки были лишь торговыми посредниками, доставлявшими в Южную Сибирь кузнечную продукцию из соседних государств Ближнего Востока. В период средневековья эта роль стала принадлежать жителям Согда.

Н.Л. Членова [1967, с. 222] связывала начало местного производства черного металла с появлением таштыкской культуры. И.Л. Кызласов, рассмотрев относящиеся к случайным находкам молотки-напильники, подвешивавшиеся с помощью железных витых цепочек к поясу, обосновал их принадлежность к инструментарию таштыкских кузнецов. По его мнению, уже в начале I тыс. н.э. они использовались для изготовления ювелирных украшений [Кызласов, 1983, с. 109–110]. Несомненно, что при работе с цветными металлами необходимы были инструменты, твердость которых превышала обрабатываемый материал. Поэтому появление зубил, молотков и напильников с науглероженной поверхностью в таштыкское время может служить свидетельством потенциальной возможности применения технологии изготовления не только инструментов, но и других изделий, включая стальные кресала.

Однако подлинный технологический переворот в культуре енисейских кыргызов произошел позднее. Начиная с VIII в. в их погребальных памятниках резко возрастает количество металлического инвентаря и преимущественно из железа. При этом расширяется ассортимент предметов (прежде всего, вооружения и снаряжения верхового коня), в том числе и стальных изделий, для производства которых применялись разнообразные виды цементации (сквозная, поверхностная, односторонняя).

Однако, отмечая гипотетическую возможность появления стальных кресал у таштыкского населения, мы не находим подтверждений этого в археологическом материале. В I тыс. н.э. на территории Южной Сибири и Центральной Азии выделяются две модели деревянных огневых приборов, отличающихся лишь отдельными конструктивными элементами [Митько, 2006, с. 115–121]. Обнаруженный в таштыкском склепе №2 на могильнике Косоголь-IV фрагмент обугленной деревянной планки с четырьмя сохранившимися лунками не позволяет однозначно связать его с «хуннской» или «древнетюркской» моделью (рис.-1) [Митько, 2014]. К камешковскому этапу Л.Р. Кызласов отнес еще одну находку огневого прибора из таштыкской могилы 4 Изыхского чагатаса, но уже не деревянного, а металлического (точнее, комбинированного) [Кызласов, 1960, с. 156, табл. IV.-192]. При этом форма стального ударного лезвия характерна скорее для огневых этнографической современности (рис.-2). Если исключить возможность «случайного» попадания данного огнива в погребение, то его можно отнести к встречающимся в археологии случаям технического открытия, опередившего свое время.

Как и на всем Саяно-Алтае, на рубеже VIII–IX вв. у енисейских кыргызов отмечается появление металлических кресал. А.А. Гаврилова, характеризуя сопроводительные материалы древнетюркского погребения в могиле 5 могильника Кудыргэ, подчеркнула, что деревянный «кудыргинский прибор» мог применяться в ритуальных целях, поскольку железные кресала были уже известны в памятниках катандинского типа [Гаврилова, 1965, с. 37]. Одним из элементов наборных поясов становятся под-

Огневые приборы енисейских кыргызов:

- 1 – нижняя планка деревянного огневого прибора из склепа №2 могильника Косоголь-IV (б/м, фото автора); 2 – огниво из могилы №4 Изыхского чаатаса (по: [Кызласов, 1960, табл. IV.-192], б/м); 3–5 – кресала-накладки на подвесные сумочки, случайные находки, Минусинский краеведческий музей (фото автора); 6 – огневого прибор из кургана №30 могильника Пий-Хем: а – накладка на сумочку; б – кресало (фото О.Б. Беликовой); 7 – пластинчатое кресало с остатками деревянной рукояти из могилы 2 могильника Часовенная Гора (по: [Кызласов, 1983, табл. XIII.-5]); 8 – пластинчатое кресало из кургана №4 могильника Эйдиктыр-кыр (фото автора); 9 – скобовидное кресало из раскопа могильника Большой Телек (фото автора); 10 – скобовидное кресало из кургана №21 могильника Койбалы (фото автора); 11 – калачевидное кресало, случайная находка, Минусинский краеведческий музей (фото автора); 12 – Хакасский отых, Хакасский национальный краеведческий музей (б/м, фото автора)

весные сумочки с вложенными в них либо прикрепленными к их поверхности фигурными железными кресалами, подчеркивавшими социальный статус их владельца. Мы разделяем предположение Б.Б. Овчинниковой [1990, с. 39] о возможном заимствовании обычая украшать сумки фигурными железными накладками-кресалами с пряжками в качестве застежки от согдийцев, которые пользовались ими в VIII в. Необходимо отметить, что в чаатасах енисейских кыргызов VII–VIII вв. пока не обнаружено ни одного огневого прибора. Все металлические фигурные кресала древнетюркского времени с территории Среднего Енисея происходят из погребений с конем или найдены в качестве случайных находок [Митько, 2013]. В фондах Минусинского краеведческого музея собрана большая коллекция фигурных кресал и кресаловидных накладок на сумочки. Косвенным признаком их связи с кыргызами могут служить следы термического воздействия, которое могло произойти на погребальном костре (рис.-3–5).

С конца IX в. в Минусинской котловине и в Туве встречаются небольшие по размерам кресала прямоугольной формы. Их носили в поясных сумочках, украшенных орнаментированными накладками, либо, возможно, помещали в колчаны вместе с наконечниками стрел, шилом и мусатом. Подобный состав предметных комплексов был обнаружен в «дружинных захоронениях» [Овчинникова, Длужневская, 2000] кыргызских могильников Мутная-I, Эйдиктыр-кыр, Аймырлыг-2, Эйлиг-Хэм-III. Несмотря на непродолжительный период использования, именно данный тип можно считать «кыргызским» (рис.-6–8).

С середины XI в., когда у енисейских кыргызов отмечается значительное увеличение объемов и расширение ассортимента продукции из черного металла, их мастера прекращают производство пластинчатых кресал. Они переходят на изготовление технологически не менее простых изделий, имевших ударное лезвие скобовидной формы. В литературе их относят к цельнометаллическим. Однако более правильно считать скобовидные кресала комбинированными, поскольку их рукояти (или держатели) были деревянными (рис.-9–10). И.Л. Кызласов [1983, с. 41] отметил, что скобовидные кресала аскизской культуры не связаны с местной традицией развития огнев. Разделяя его точку зрения, можно отметить, что если форма была заимствована, то производство кресал, скорее всего, было местным и опиралось на уже известные технологические приемы.

Картирование находок скобовидных кресал показывает, что, помимо Среднего Енисея, ареал их распространения включает степные районы Западной Сибири, таежное Приангарье, на востоке – территорию расселения чжурчженей. Причем в Приамурье и Приморье подобный тип кресал известен с IX в. Типологическое разнообразие огневых приборов на Дальнем Востоке объясняется тесными и длительными этнокультурными и торгово-экономическими связями с народами Сибири, Центральной и Средней Азии [Ходзевич, Шавкунов, 1990, с. 120, рис. 2]. Однако это не объясняет столь раннее появление кресал скобовидного типа в Приморье. Один из вариантов скобовидных кресал (вариант Б, представлен одним экземпляром), выделенный Л.П. Ходзевич и Э.В. Шавкуновым, включал в себя кресало из Шайгинского городища с зубчатой ударной частью лезвия. До недавнего времени аналогии ему не выявлены [Ходзевич, Шавкунов, 1990, с. 114, рис.-19]. В 2017 г. на могильнике Большой Телек в Идринском районе Красноярского края в кыргызском погребении монгольского времени было обнаружено подобное кресало.

По наблюдениям А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной [2000, с. 203], из четырех типов, распространенных у кочевников Восточной Европы, именно скобовидный тип кресал происходит из среды номадов. Хронологический период преобладания в материальной культуре енисейских кыргызов скобовидных кресал является самым продолжительным. Выбор в пользу данного типа кресал был сделан на основе их простоты (технологической) изготовления, возможности тиражировать стандартизированный продукт.

На территории Минусинской котловины также встречаются кресала еще двух типов: О-образные двулезвийные и В-образные изделия со следами пребывания на погребальном костре, однако относятся они к категории случайных находок [Митько, 2011, с. 248–249; 2014]. В археологических памятниках степной полосы Западной и Южной Сибири В-образные кресала не фиксируются. В Прибайкалье этот тип представлен экземпляром из погребения могильника Хужиртуй-III, комплекс №2. Судя по радиоуглеродным данным, время его использования определяется серединой X – серединой XI в. [Харинский, 2001, с. 122–124, рис. 62.-2]. На Дальнем Востоке В-образные кресала являются наиболее многочисленными, они представлены шестью вариантами и характерны для культуры амурских чжурчженей [Ходзевич, Шавкунов, 1990, с. 115; Медведев, 1991, табл. VI.-9, XXXVIII.-17, LXV.-7, LXXV.-5, LXXIX.-6]. Следует подчеркнуть, что О- и В-образные типы не стали ведущими, как и калачевидные кресала, которые уже в развитом средневековье были известны в соседних регионах. В погребениях кыргызов калачевидные кресала не встречаются, но в русское время становятся доминирующим типом огневых приборов, применяемых в повседневной жизни населения Среднего Енисея (рис.-11). Наряду с калаче-

видными кресалами, особое значение приобретают тюрко-монгольские огнива, имевшие, как и огнива древнетюркского периода, социальное значение (рис.-12). «Ренессанс» тюрко-монгольских огнив, проходящийся на «спичечную» стадию, позволяет говорить о том, что на темпы изменений огневых приборов влияют не только такие экономические категории, как потребительский спрос и покупательская способность, но и традиционные ценностные ориентации.

Библиографический список

- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л., 1965. 54 с.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 1. Донецк, 2000. С. 181–209.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. К вопросу о происхождении железных изделий у племен тагарской культуры // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 109–112.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. М., 1983. 128 с.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960. 198 с.
- Медведев В.Е. Корсаковский могильник: хронология и материалы. Новосибирск, 1991. 175 с.
- Митько О.А. Деревянные огневые приборы в погребальных памятниках народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Археология и этнография. 2006. Т. 5. Вып. 3 (приложение 2). С. 110–127.
- Митько О.А. Двухлезвийные кресала из археологических памятников Сибири и Дальнего Востока и их аналогии из Нуристана // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. Т. 10. Вып. 7. Археология и этнография. 2011. С. 246–255.
- Митько О.А. Металлические кресала древнетюркского времени с территории Южной Сибири и Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы IV Международной научной конференции. Ч. II. Чита, 2013. С. 65–72.
- Митько О.А. Таштыкские огневые приборы // Сборник материалов III межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. Абакан, 2014. С. 28–33.
- Митько О.А. В-образные кресала в археологических памятниках Сибири // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы V Международной научной конференции. Ч. I. Кызыл, 2014. С. 238–241.
- Митько О.А. Огнива в украшении традиционного костюма тюрко-монгольских народов: этнокультурные связи и региональная специфика конференции // Народный костюм Сибири. Новосибирск, 2016. С. 51–53.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. 223 с.
- Овчинникова Б.Б., Длужневская Г.В. «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы (по материалам могильника Аймырлыг-2). Екатеринбург, 2000. 50 с.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 174 с.
- Харинский А.В. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. – середине II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск, 2001. 199 с.
- Ходзевич Л.П., Шавкунов Э.В. Классификация и датировка дальневосточных кресал // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. Владивосток, 1990. С. 109–121.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.

© 2017, Н.Н. Николаев¹, С.С. Миняев²

¹Государственный Эрмитаж,

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ИССЛЕДОВАНИЕ КНЯЖЕСКОГО КУРГАНА ХУННУ В ПАДИ ОРГОЙТОН В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Могильник Оргойтон расположен на левом берегу р. Селенги на территории Джидинского района Республики Бурятия. Памятник был открыт в конце XIX в. Ю.Д. Талько-Гринцевичем, который отметил: «Оргойтоном называется падь, лежащая в горах в 2 километрах от бурятского улуса Виллы, в 6 километрах от хутора Дюрбенского Цаган-Усунской станицы и в 8 километрах от слободы Усть-Кяхты» [Талько-Гринцевич, 1999а, с. 79]. В качестве современного ориентира можно указать поселок Зарубино (станция Хужир), на расстоянии примерно 5 км к югу-юго-западу от которого находится падь Оргойтон.

8 июня 1898 г. Ю.Д. Талько-Гринцевич предпринял попытку раскопать за один день сразу четыре кургана, в том числе курган с дромосом в южной части могильника. В курганах №1 и 3 были выявлены захоронения в срубках. Немногочисленный инвентарь из ограбленных могил состоял из «обрывков красной шерстяной материи», изделий из кости и фрагментов керамики [Талько-Гринцевич, 1999а, с. 80–81]. В курганах №2 и 4 погребения не обнаружены, возможно, эти курганы остались недоисследованными.

Полученные результаты позволили Ю.Д. Талько-Гринцевичу сделать вывод о том, что погребальная обрядность и предметы сопроводительного инвентаря могильника Оргойтон сопоставимы с обрядностью и вещевым комплексом курганов Ильмовой пади. Впоследствии оба памятника были отнесены им к группе могильников с «погребениями в листовенничных срубках» и отождествлены с захоронениями азиатских гуннов (хунну или сюнну) [Талько-Гринцевич, 1999б, с. 119–123].

Исследования 2-й половины XX в. позволили накопить значительный объем информации по археологии сюнну [Давыдова, 1995, 1996; Давыдова, Миняев, 2003; Миняев, 1998; Коновалов, 2008], однако данных об их элитных курганах по-прежнему было недостаточно. Учитывая, что Оргойтон является одним из трех памятников на территории России, где зафиксированы элитные захоронения сюнну, было принято решение о возобновлении работ на этом могильнике*.

В 2009 г. на Оргойтоне были проведены первые после 1898 г. археологические раскопки. Место и объект исследования выбраны с учетом результатов, которые впервые получены при исследовании Дырестуйского могильника, когда было установлено, что погребения на территории могильников сюнну располагаются комплексами, состоящими из центрального кургана и сопроводительных захоронений [Миняев, 1998]. Поэтому первый раскоп был заложен на расстоянии 10–12 м к югу от кургана №2, раскопанного Ю.Д. Талько-Гринцевичем, где на современной дневной поверхности фиксировалось несколько камней, что позволяло предположить наличие сопроводительного захоронения. Площадь раскопа составила 56 м². После снятия дерна здесь были обнаружены остатки каменной кладки и ограбленное захоронение. Продолжая нумерацию Ю.Д. Талько-Гринцевича, этот курган получил №5.

На дне могильной ямы зафиксировано каменное сооружение размером 1,97 × 2,75 м, которое условно можно назвать «саркофагом». Стены «саркофага» высотой 0,58–0,69 м сооружены из вертикально установленных и горизонтально уложенных камней и плит. Следов деревянного гроба или сруба в пределах этого «саркофага» не выявлено. Обломок бронзового китайского зеркала типа TVL позволяет датировать курган №5 временем не ранее I в. до н.э. [Николаев, 2010, с. 186–191].

В 2010 г. на памятнике было начато исследование «княжеского» кургана №6 – самого крупного в могильнике, расположенного в его северной части. В ходе раскопок 2010–2015 гг. установлено, что задернованный развал наземного сооружения кургана имел 16 м в длину и 14 м в ширину. Длина каменной кладки на месте расположения дромоса составляла 12 м. Ограда кургана была возведена из горизонтально уложенных плит, и ее высота не превышала 1 м. При расчистке камней ограды по ее периметру зафиксировано несколько длинных узких камней, первоначально, видимо, стоявших вертикально и представлявших собой своеобразные стелы.

Параметры могильной ямы были зафиксированы после разборки ограды и выборки части заполнения, состоящего из крупнозернистой желтой супеси, темной гумусированной супеси и мелкой серой щебенки. Могила в верхней части имела следующие размеры: длина северной стенки – 14,65 м, южной – 12,9 м, восточной – 15,52 м, западной – 15,8 м. По периметру могильной ямы сверху вниз зафиксировано четыре ступени или уступа, поэтому по мере увеличения глубины размеры ямы постепенно уменьшались. Ширина ступеней не превышает 1,15 м, ширина самых узких участков колеблется в пределах 0,5–0,6 м. Глубина могилы – 10,27 м.

В процессе выборки заполнения могильной ямы выявлены остатки перегородок, сооруженных из бревен и каменных плит различной величины. В направлении С–Ю практически посередине могилу пересекала продольная перегородка. Она тянулась от северной стенки могильной ямы и продолжалась в дромосе. В северной и южной половинах могилы к продольной перегородке с запада и востока примыкали четыре поперечных перегородки, которые после ограблений кургана претерпели значительные разрушения и сместились к центру могильной ямы. Все перегородки были сооружены с уровня первой (верхней) ступени. Вход в могильную яму из дромоса заложен толстыми бревнами и камнями на всю его высоту.

---

* В реализации проекта по исследованию Оргойтона принимают участие Государственный Эрмитаж и Институт истории материальной культуры РАН. Многие годы в составе экспедиции работали О.С. Емелина (г. Санкт-Петербург), Л.М. Сахаровская (г. Кяхта), М.Д. Маргтынов (г. Улан-Удэ), П.Н. Загузин (г. Улан-Удэ), а также учащиеся школ г. Кяхты.

В заполнении могилы, несколько ниже ее четвертой ступени, вдоль западной и восточной стенок лежали *in situ* два бревна, длина которых была практически равна длине ямы на этом уровне. Вероятно, изначально бревна помещались в ниши, которые были выявлены на глубине 6,34–6,87 м с северной и южной сторон могильной ямы. Возможно, они использовались как стропила при сооружении внутри-могильной конструкции на дне ямы. Помимо этого, на уровне обнаружения бревен, в северо-западном углу могилы и в расположенной рядом с ним нишей, обнаружено большое количество костей животных (лошади, крупного и мелкого рогатого скота). Ниже скопления костей зафиксированы остатки каменного перекрытия из обломков плит и крупной щебенки. Изначально перекрытие располагалось на глубине 7,8–8 м, но после ограблений кургана и разрушения погребальной конструкции остатки перекрытия просели до глубины 9,5 м. На уровне остатков каменного перекрытия в северной части могилы был зафиксирован участок прокаленного грунта с крупными углями и скоплениями золы. В нем найдены фрагменты керамического сосуда и покрытая зеленой краской, квадратная в сечении, деревянная палочка размером 0,07 × 0,01 м. После снятия камней перекрытия в южной, юго-восточной и юго-западных частях могилы зафиксированы небольшие фрагменты дерева, раскрашенные белой, красной, зеленой (бирюзовой) и черной красками. Возможно, это остатки китайской колесницы, которая была найдена на глубине 9,43–9,84 м.

Колесница была размещена на погребальной камере и оказалась практически полностью разрушена грабителями. Сохранились обломки некоторых деталей, фрагментированные остатки колес и железные втулки, которые позволили реконструировать некоторые ее параметры. Колеса колесницы были сделаны из дерева и покрыты черным лаком. Они насчитывали не менее 28 спиц. Диаметр колес составлял 1,4 м, ширина обода – 0,06 м. На расстоянии 1,5 м к северу от остатков восточного колеса в заполнении погребального сооружения найден бронзовый наконечник от спицы зонта колесницы. Еще три наконечника обнаружены в заполнении грабительского хода в северном коридоре погребальной камеры. На одном из них сохранился небольшой обрывок шелка.

Внутримогильное сооружение кургана представляло собой деревянную конструкцию, состоящую из внешнего сруба, в котором был установлен внутренний сруб меньших размеров. Во внутреннем срубе находился деревянный гроб. Эта конструкция в значительной степени была разрушена давлением заполнения могильной ямы и действиями грабителей, приблизительно ее детали реконструируются следующим образом.

Внешний сруб из семи венцов был набран из брусьев и полубревен. Его размеры в современном состоянии составляли: длина – 4,6–4,7 м, ширина северной стенки – 2,9–3 м, ширина южной стенки – 2,8–2,85 м, максимальная высота – 1,03–1,05 м. Допустимо предположить, что первоначально сруб был несколько выше. Он был перекрыт плахами, ширина которых варьирует от 0,3 до 0,4 м. Абсолютное большинство плах разрушено, несколько из них сохранились только в южной части погребальной камеры. Вероятно, сруб был перекрыт 15 или 16 плахами.

В районе северо-западного угла внешнего сруба и на южной стенке, рядом с его юго-восточным углом, под уцелевшими плахами перекрытия выявлены ориентированные по линии С–Ю обломки деревянных лаг. Расположение обломков позволяет предположить, что это остатки балок, на которые укладывались плахи перекрытия внешнего сруба. Балки были положены поверх перекрытия внутреннего сруба на его западную и восточную стенки. Не исключено, что еще одна балка была уложена в его центральной части и оказалась разрушена вместе с перекрытием.

Грабительский ход практически полностью уничтожил северную стенку внешнего сруба, уцелели только два нижних венца, остальные пять сохранились в виде обломков в угловых соединениях с западной и восточной стенками. В грабительском ходе в заполнении северного коридора погребальной камеры были найдены лучевая, плечевая и тазовые кости человеческого скелета.

Пол внешнего сруба очень сильно пострадал от грабителей. От него сохранились две доски вдоль северной стенки и несколько крупных обломков досок в северо-восточном и северо-западном углах погребальной конструкции. Доски были настланы в направлении З–В. Первоначально их ширина составляла около 0,2–0,25 м. Толщина досок на момент раскопок была менее 0,01 м.

Внутренний сруб был установлен в наружный сруб с небольшим смещением к его юго-восточному углу. Он очень сильно пострадал от грабителей, поэтому достаточно уверенно можно сказать только о том, что его длина составляла около 3,2–3,4 м. Сруб был собран из пяти венцов, и его высота на момент раскопок не превышала 0,85 м. Пол сруба сохранился фрагментарно. Доски были уложены по линии З–В, их число точно не устанавливается.

Остатки гроба выявлены в пределах внутреннего сруба, рядом с его юго-восточным углом, под бревнами восточной и южной стенок. Северная и западная стенки гроба не сохранились. Обломки от досок пола гроба ориентированы по линии С–Ю. После удаления остатков гроба под ними зафиксированы обломки досок от пола внутреннего сруба. В юго-восточном углу гроба практически на остатках его пола, обнаружена бедренная кость человеческого скелета. Ее расположение позволяет говорить о том, что погребенный был ориентирован головой на север.

Большая часть находок была сделана в коридорах между срубами. В восточной части северного коридора отмечено два скопления окисленных железных предметов, возможно, деталей конской упряжи и фрагмент лезвия в ножнах, окрашенных красной краской (?). Зафиксированы также мелкие вкрапления красной краски, лака и скомканные кусочки фольги желтого металла. Перечисленные находки располагались бессистемно и находились в переотложенном состоянии. В северо-западном углу северного коридора *in situ* зафиксирована ваза высотой около 0,6 м, которая была раздавлена плахами перекрытия при его обрушении. Ваза примерно на две трети заполнена зернами злакового растения, вероятно, проса. Рядом с фрагментами вазы обнаружены несколько черепков небольшого сосуда и кости мелкого рогатого скота. Восточнее вазы выявлены остатки деревянного блюда диаметром около 0,35 м. В восточной части северного коридора, также *in situ*, зафиксирован тлен берестяного (?) туска.

На западной стенке внешнего сруба, ближе к его северо-западному углу, был обнаружен крупный обрывок шерстяной (?) ткани, вероятно, это фрагмент драпировки.

Во внутреннем срубе были найдены обломки железных пластин шириной около 0,01 м, фрагмент венчика керамического сосуда, два железных черешка от наконечников стрел и мелкие обрывки фольги желтого металла. В центре внутреннего сруба зафиксирован сломанный черешковый ярусный наконечник стрелы. Южнее центральной части на расстоянии около 0,25 м от его восточной стенки обнаружены фрагменты фронтальной, концевых (?) и боковых центральных накладок на лук. Недалеко от них найдено железное кольцо с обоймой для крепления.

В южной части внутреннего сруба, практически вплотную к бревнам перекрытия, на расстоянии около 0,5 м друг от друга находились два железных стержня с навершиями (?). Стержни располагались в вертикальном положении. На каждом из стержней до половины его длины сохранились остатки дерева. Кроме того, в южной части внутреннего сруба, с внутренней и внешней сторон восточной, южной и западной стенок, выявлены фрагменты шелка. Видимо, внутренний сруб был полностью задрапирован шелковой тканью.

В западном коридоре находок не обнаружено.

В восточном коридоре на полу были найдены различного рода железные пряжки, обоймы и наконечники ремней. Возможно, первоначально вещи, частью которых они являлись, были подвешены на стенках восточного коридора, на это указывает железный крюк, зафиксированный в бревнах северо-восточного угла погребальной камеры. Кроме того, на полу восточного коридора были зафиксированы железные накладки на луку седла (?). Одна из них представлена крупным обломком, а две сохранились фрагментарно. Вместе с ними найдены железные пряжки круглой и прямоугольной формы с язычками и без язычков. Южнее этих находок выявлено два скопления уздечных наборов из железных удил и псалий. В каждом из скоплений зафиксированы псалии только одного типа. В первом скоплении псалии имели S-образную форму, тогда как во втором отмечены стержневидные псалии с круглым дисковидным окончанием.

Курган №6 в пади Оргойтон является первым элитным курганом хунну, исследованным на левом берегу р. Селенги. Результаты его раскопок могут иметь принципиальное значение при выделении локальных и хронологических особенностей курганов хуннской знати.

Библиографический список

- Давыдова А.В. Иволгинское городище. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. СПб., 1995. 280 с.
Давыдова А.В. Иволгинский могильник. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. СПб., 1996. 176 с.
Давыдова А.В., Миняев С.С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. СПб., 2003. 163 с.
Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь Забайкалье). Улан-Удэ, 2008. 49 с.
Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998. 233 с.
Николаев Н.Н. Могильник хунну в пади Оргойтон (предварительное сообщение) // Древние культуры Евразии. СПб., 2010. С. 186–191.

Талько-Гринцевич Ю.Д. Могилы в Оргойтоне // Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб., 1999а. С. 79–81.

Талько-Гринцевич Ю.Д. Население древних могил и кладбищ Забайкальских // Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб., 1999б. С. 119–123.

© 2017, Д.Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ВОЛЧЬИ ЗНАМЕНА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

В истории степной Евразии в первой половине I тыс. н.э. существовало два чрезвычайно ярких и к настоящему времени хорошо изученных явления, как будто непосредственно не связанных между собой, тем не менее, относящихся к одному и тому же времени и охватывающих приблизительно одно и то же культурное пространство. Это Великий шелковый путь, протянувшийся от Китая до самых дальних уголков Западной Европы, и получившие столь же широкое распространение так называемые драконовые (в европейской литературе *draco*) или волчьи знамена. То и другое имеет обширную историографию, анализ которой не входит в задачу настоящей работы. Однако это не означает, что они не заслуживают самого пристального внимания и дальнейшего изучения.

Понятие Великий шелковый путь (далее – ВШП) имеет в данном случае скорее знаковое (точнее, векторное) значение, определяя пространственную динамику распространения драконовых или волчьих знамен. В свое время Л.Н. Гумилев в книге «Поиски вымышленного царства» отмечал, что изучение истории возможно с трех основных позиций: при взгляде «с высоты птичьего полета, с вершины холма (или кургана), из мышиной норы» [Гумилев, 1994, с. 90]. Каждому из этих уровней соответствует своя методика исследования. Рассмотрение предложенной выше темы пока возможно только с первой из перечисленных позиций.

Как известно, главная трасса ВШП проходила от западных провинций Китая через Восточный Туркестан, далее – вдоль отрогов Тянь-Шаня в сторону Средней Азии (Ош, Самарканд, Бухара) с выходом в Казахские степи, отсюда – через Хорезм на Северный Кавказ и далее. Однако, как считают большинство исследователей, ВШП – это не просто одна торговая «магистраль», а единое экономическое пространство. Одновременно существовал и северный/сибирский вариант ВШП, включающий его более ранние участки – так называемый нефритовый, меховой, золотой и др. По данным средневековых мусульманских авторов можно восстановить его следующим образом: от Тараза (совр. Джамбул) до Иртыша, в страну кимаков; от кимаков – в страну кыргызов (на Енисее); далее – от кыргызов на восток в Прибайкалье, в страну курыкан [Савинов, 2015]. Какие-то его участки, судя по многочисленным находкам импортных изделий, должны были проходить по югу Западной Сибири и территории Северного Алтая.

Окончательное оформление ВШП как единой трансевразийской системы коммуникаций произошло в середине II в. до н.э. Контроль над различными его участками всегда находился в сфере пристального внимания и активных военных действий всех кочевых империй начиная с державы Хунну и до более поздних раннегосударственных образований (древних тюрков, уйгуров, киданей и др.). К тому же хронологическому горизонту начиная с рубежа н.э. относится широкое – с Востока на Запад – распространение драконовых или волчьих знамен. Логично предположить, что основной трассой (точнее – этнокультурной и социальной средой), по которой происходило их распространение, мог быть ВШП. Такое мнение уже высказывалось в литературе [Лебединский, 1996, с. 223].

Исторически устоявшееся наименование «драконовы» или «волчьи» знамена, основанное на внешнем сходстве данного вида военной атрибутики, на самом деле имеет глубокий семантический «заряд». В отечественной литературе им уже был посвящен ряд специальных работ, в том числе как наиболее существенные и информативные можно отметить исследования А.К. Нефедкина [2001; и др.], Ю.С. Худякова [2005; и др.], М.А. Дэвлет [2007], О.С. Советова, А.Н. Мухарева [2005]. Несмотря на содержащуюся в них достаточно полную характеристику волчьих или драконовых знамен в целом, некоторые аспекты их изучения требуют дополнительной конкретизации и развития.

Образ дракона, т.е. мифического существа, объединяющего черты различных животных, вообще имеет универсальный характер. В первую очередь это касается Древнего Китая, где образ дракона – один из наиболее распространенных в культуре: мифологии, праздниках, верованиях, искусстве и т.д.

Не меньшее значение он имел в социальной истории Древнего Китая, став не только символом, но и знаком социальной предопределенности и лидерства правящей династии. Так, основатель династии Цинь император Хуан-ди «первоначально почитался как драконоподобное существо... один из видов дракона и предок древних китайцев» [Решетов, 1996, с. 153]. А создатель великой империи Хань, как отмечает в «Исторических записках» Сыма Цянь, появился на свет, когда его мать Лю-ао «видела во сне, что повстречалась с духом... В это время муж ее увидел над ней чешуйчатого дракона. Через некоторое время она понесла, а затем родила (будущего императора Гао-цзу)» [Решетов, 1996, с. 159]. Приведенный рассказ Сыма Цяня может рассматриваться как изложение генеалогического мифа о происхождении династии Хань, где образу «чешуйчатого дракона» отводится господствующее место.

Изображения различных животных на воинских знаменах в Китае появились еще раньше – в эпоху Западного Чжоу (конец II – начало I тыс. до н.э.). В Шицзи («Книга песен») говорится: «Мы выводим свои колесницы в предместье столицы. Здесь мы поднимаем знамя с черепахой и змеей. Там поднимаем флаг с хвостом буйвола! Флаг сокола и знамя черепахи реет по ветру» [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 15]. М.А. Дэвлет [2007, с. 148] таким же образом интерпретировала изображение змееобразного штандарта на оленем камне из Хэрэсурин дэнж (Монголия), отметив при этом, что изображение дракона на императорском знамени впервые упоминается еще Конфуцием (род. в 551 г. до н.э.). Но только в эпоху Хань дракон (кит. *лун*) становится символом власти императора и всей соответствующей ему атрибутики.

Другое наименование тех же воинских реалий – волчьи знамена – также неслучайно. Образ волка – вообще один из центральных в мифологических представлениях кочевников степей Евразии начиная с индоевропейской древности и особенно в скифо-сарматское время [Гуцалов, 2005]. В изображениях волка во всех произведениях звериного стиля установился определенный канон: круглая тяжелая голова с длинными челюстями и оскаленной пастью, вздернутый кончик носа, заостренные (подтреугольные) уши.

Особое значение образ волка приобрел в идеологии древнетюркского времени. Известно, что волчица, поселившаяся в пещере около Гаочана (Восточный Туркестан) вместе с мальчиком (из потомков южных хуннов), сброшенным врагами в болото, стала родоначальницей древнетюркской правящей династии Ашина. В плане рассматриваемой темы в генеалогическом предании о происхождении тюрков Ашина заметна явная переключка с мифическим представлением о происхождении основателя Ханьской династии, а именно участие в акте творения правителя: в одном случае – дракона, в другом – волка.

В дальнейшем изображение золотой волчьей головы украшало победоносные боевые знамена древних тюрков. Протома волка/волчицы венчает самую раннюю стелу из Бугута, посвященную Мухан-кагану (установлена в 581–587 гг.). В этой же связи Ю.С. Худяков привел весьма показательный отрывок из переводов Н.Я. Бичурина о том, что Моюн-Чур, основатель Уйгурского каганата, принимая китайского посла, «гордясь своей силой, выставил войско, повел Цзы-и поклониться волчьему знамени» [Худяков, 2005, с. 356]. В разных ипостасях волк присутствует в генеалогических преданиях сяньбийцев, уйгуров и других центральноазиатских племен, обычно определяемых в источниках как «отдельная отрасль дома Хунну».

Если учесть мнение большинства исследователей о тюркоязычности хуннов, то все эти на первый взгляд разрозненные сведения (дракон – волк; мальчик-прародитель из среды южных хуннов; генеалогические предания первых императоров Великой Хань и правящей династии тюрков Ашина; предполагаемая тюркоязычность хуннов) связываются в определенную систему элитных/династийных ценностей кочевых обществ, символизируемых феноменом драконовых или волчьих знамен.

Волк и дракон – два ведущих образа древней, в основе своей тотемической (?) мифологии как символы верховной власти правителя, силы обладания и победы. Контаминация данных образов исторически была обусловлена взаимодействием двух миров – Китай и кочевая степь, что отразилось в появлении нового, по сути дела, синкретического образа, объединяющего наиболее характерные черты того и другого – голову волка с разинутой зубастой пастью и длинное змееобразное туловище дракона. В таком образительном воплощении волчьи/драконовы знамена получили поистине континентальное распространение.

На территории культурно-исторического пространства ВШП можно условно выделить два ареала распространения драконовых или волчьих знамен: восточный (рис.-А) и западный (рис.-Б).

В пределах восточного ареала их открыто сравнительно немного, но они достаточно показательны. Наиболее известные из них: 1) изображение «панцирного» воина с драконовым знаменем на фреске из Кызыла (Восточный Туркестан), относящееся, по мнению А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякова [2006, с. 69], к хунно-сяньбийскому периоду – IV–V вв.; 2) такое же изображение змееобразного знамени (но без головы волка) представлено на одной из костяных пластин Орлатского могильника (к северу

Волчьи или драконовы знамена Евразии. *А* – восточный ареал; *Б* – западный ареал:
 1 – олений камень, Хэрэсурин дэнж, Монголия; 2 – Орлатский могильник; 3, 4 – Ноин-Ула, Монголия;
 5, 6 – фрески из Кызыла, Восточный Туркестан; 7 – Сасанидский штандарт; 8–10 – Колонна Траяна;
 11 – арка Галерия, Рим; 12 – драконарий, Честер, Англия (по: [Борисенко, Худяков, 2005; Дэвлет, 2007;
 Нефедкин, 2001; Никоноров, Худяков, 1999; Советова, Мухарева, 2005; Rudenko, 1969])

от Самарканда), отнесенного В.П. Никоноровым и Ю.С. Худяковым [1999, с. 148] к первой половине I тыс. н.э.; возможно, к кангюйцам или эфталтам, белым гуннам. Приведенные при этом убедительные параллели по другим изображениям орлатских воинов с гравировками таштыкской культуры увеличивают возможности поиска аналогий в этом направлении.

По данным А.Х. Маргулана [1983], изображения воинов с волчьими знаменами известны в росписях на стенах старинных зданий, а также в наскальных рисунках в Курдайских горах (около Суяба) и в Джунгарском Алатау (Семиречье) – всего около 15 изображений. Какой-либо другой информации об этих изображениях мне неизвестно, но сами указания о местах их нахождения весьма показательны: г. Суяб (он же Ак-Бешим) – один из важнейших пунктов на ВШП, а по северным отрогам Тянь-Шаня (Семиречье) проходила одна из его зафиксированных письменными источниками трасс. Скорее всего, эти изображения могут относиться уже к эпохе раннего средневековья.

Крайне важным представляются находки в хуннских погребениях шаньюев Ноин-Улы (Северная Монголия, начало I в. н.э.) длинных полотняных полотнищ с треугольными окончаниями (курган №6), как на изображениях знамен из Кызыла и в других местах, и резного навершия в виде головы волка (курган №1), которые можно рассматривать как остатки (или имитации?) положенных в эти погребения знамен [Rudenko, 1969].

Гораздо более представительна серия изображений волчьих или драконовых знамен в западном ареале их распространения. Сведения о них наиболее полно собраны в работах И. Хольстена [Coulston, 1991] и Я. Лебединского [1996]. Самые известные из них представлены в барельефах на колонне Траяна (113 г.), знаменующей победу римлян над даками – всего около 20 изображений, в числе сарматских трофеев на монетах Марка Аврелия (176–177 гг.), в Риме на арке Галерия и др. Обращает на себя внимание, что на всех этих изображениях показана именно голова волка со всеми характерными для передачи данного образа особенностями: оскаленная пасть, вздернутый кончик носа, прямо торчащие треугольные уши.

Красочные описания драконовых знамен сохранились в письменных источниках. По Флавию Ариану, называвшему их «скифскими значками», они «представляют собой драконов, развивающихся на шестах соразмерной длины. Они сшиваются из цветных лоскутьев, причем голова и все тело вплоть до хвоста делается наподобие змеиных, как только можно представить страшнее... При движении ветра (они) надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных и при быстром движении издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них» (по: [Дэвлет, 2007, с. 144]). Не менее выразительное описание этих знамен, относящееся к более позднему времени, приводится у Аммиана Марцеллина: «...колеблемые ветром, они, словно разъяренные, шипели своей огромной пастью, и хвосты их вились в воздухе длинными извивами» (по: [Банников, 2011, с. 99]).

Относительно функционального назначения волчьих или драконовых знамен существуют различные точки зрения, чаще всего дополняющие друг друга: они могли использоваться для подачи сигналов при наступлении, определять место начальника или отдельных отрядов (флангов), служить для знакового обозначения построения войска, иметь определенное сакральное значение, а также оказывать определенное психологическое (устрашающее) воздействие на противника.

Учитывая сказанное выше о начальном значении образов дракона и волка как символов мифологического происхождения правителя, можно видеть в них также олицетворение государственной власти и неотвратимости победы. Уже само их появление своим «звучанием» уничтожало силу противника. В этом плане они выступают в одном семантическом поле со знаменитыми хуннскими «свистящими» наконечниками стрел, имевшими (наряду с другими функциями) такое же устрашающее воздействие.

Вопрос о происхождении, а также об основных носителях (или посредниках) распространения драконовых или волчьих знамен не только окончательно не решен, но и имеет немало предположительных решений. Считается, что их использовали и заимствовали друг у друга аланы, сарматы, римляне, даки, парфяне, персы; на востоке – ираноязычные кочевники Средней Азии и Восточного Туркестана. Главным носителем идеи (или средой распространения) драконовых или волчьих знамен наиболее убедительно называются сарматы [Хазанов, 1970; Лебединский, 1996; Нефедкин, 2011] или аланы [Яценко, 1993; Туаллагов, 2000]. В этом нет принципиального противоречия: аланы становятся ведущей силой в сарматском мире со II в. н.э.; их культуру сопоставляют с позднесарматской.

Место происхождения драконовых знамен наиболее убедительно связывается с Центральной Азией – понятием географическим и достаточно широким, при этом конкретизация его, как правило, не приводится. В этой связи наиболее близкой к действительности представляется точка зрения С.А. Яценко о том, что «образ дракона (и, соответственно, драконовых знамен. – Д.С.) в Средней Азии несомненно

распространился благодаря двум наиболее могущественным и наиболее китаезированным кочевым этносам – хунну и усуням» [Яценко, 1993, с. 61]. Во всех указанных выше случаях так или иначе проявляется участие хуннского компонента (в самом широком, культурно-историческом значении этого понятия).

В свете всего сказанного следует акцентировать внимание на нескольких обстоятельствах.

1. Изображения драконовых знамен появляются в европейской изобразительной традиции первой трети II в. н.э., что определяет *terminus ante quem* в этом ареале их распространения.

2. В восточном ареале многое указывает на хуннское (точнее, китайско-хуннское) происхождение образа дракона/волка, определившего семантику и функциональную значимость так называемых драконовых знамен.

3. Наиболее вероятное стечение исторических событий, послужившее толчком для передачи идеи волчьих или драконовых знамен на Запад, могло быть столкновение на Тянь-Шане (Семиречье) всех упомянутых участников этого процесса на Востоке (Китай, Кангюй, Усунь, Хунну), в результате которого погиб предводитель северных хуннов Чжи чжи шаньюй (36 г. до н.э.) и начался первый исход центральноазиатских хуннов на Запад.

4. Распространение драконовых или волчьих знамен происходило на одном хронологическом срезе (по направлению ВШП) в среде родственных племен путем эстафетной передачи этого символа воинской власти в элитной субкультуре сарматов/алан (?). Более точное определение их носителей ввиду сложности этногеографии данного периода вообще вряд ли возможно.

Дальнейшая судьба драконовых знамен на Западе и на Востоке была различной. Все изображения западного ареала первоначально передают устойчивый образ волка, и только с конца III в. н.э. теряют характерные «волчьи» черты и приобретают внешний вид «настоящих» драконов. На Востоке золотая волчья голова стала знаменем всех древнетюркских завоеваний, а образ дракона с чертами волка сохранился до этнографической современности, как это показывают, например, геральдические головки волков на монгольских стременах XIX–XX вв., называемые «драконами» [Жореняко, 1988, рис. 4, 5 и сл.].

Библиографический список

- Банников А.В. Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб., 2011. 262 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изображения панцирных воинов на фресках Кызыла из Восточного Туркестана (по материалам исследований А. фон ля Кока) // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 56–69.
- Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о государстве пресвитера Иоанна. М., 1994. 479 с.
- Гуцалов С.Ю. Волчье племя (к семантике образа волка в искусстве древних кочевников Южного Урала) // Древности Евразии (от ранней бронзы до раннего средневековья). Памяти В.С. Ольховского. М., 2005. С. 437–450.
- Дэвлет М.А. Щит и знамя // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья : сб. науч. трудов, посвящ. В.И. Матющенко. Томск, 2007. С. 140–149.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 345 с.
- Жореняко В.А. Раннекочевнический анимализм и декоративно-прикладное искусство центральноазиатских народов (декорировка стремян) // Древности Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 31–82.
- Лебединский Я. Драконообразные штандарты Востока и Запада // Дарьял. 1996. №2. С. 221–229.
- Маргулан А.Х. Наскальные гравюры и росписи, изображающие знамена с волчьей головой // Культура и искусство Киргизии. ТД Всесоюзн. научн. конф. Вып. 2. Л., 1983. С. 48–49.
- Нефедкин А.К. Военное дело сарматов и аланов. СПб., 2011. 302 с.
- Никоноров В.П., Худяков Ю.С. Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древней цивилизации («Горизонты Евразии». Вып. 2). Новосибирск, 1999. С. 141–154.
- Решетов А.М. Дракон в китайской культурной и политической традиции // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С. 142–163.
- Савинов Д.Г. Северный/сибирский вариант Великого шелкового пути // Торговля в этнокультурном измерении : материалы XIV Международных Санкт-Петербургских этнограф. чтений. СПб., 2015. С. 49–55.
- Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным памятникам) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2005. С. 92–105.
- Туаллагов А.А. Аланские знамена // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 159–162.
- Хазанов А.М. Характерные черты сарматского военного искусства // СА. 1970. №2. С. 52–63.

Худяков Ю.С. Знамена древних тюрков и кыргызов в Центральной Азии в эпоху раннего средневековья // ТС 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 350–365.

Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. // ПАВ. Вып. 3. СПб., 1993. С. 60–72.

Rudenko S.I. Die Kultur Hsiung-nu und die Hügelgräber von Noin-ula // Antiquitas Reihe. Bonn, 1969. Bd. 7. №3. 320 s.

Coulston J.C.N. The 'draco' standard // Journal of Roman Military Equipment Studies. 1991. No 2. P. 101–114.

© 2017, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ТЮРОК МОНГОЛИИ (2-Я ПОЛОВИНА I ТЫС. Н.Э.): СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, АНАЛИЗ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Работа подготовлена при поддержке гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»), а также в рамках выполнения государственного задания Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»)

В настоящее время исследование памятников Монголии 2-й половины I тыс. н.э. выходит на новый уровень. В связи с этим важной задачей становится осмысление итогов работ прошлых лет, в том числе детальный анализ отдельных элементов культуры номадов. Значительные перспективы связаны с обобщением сведений о погребальных комплексах тюрков-кочевников, в значительной степени определивших направления развития обществ скотоводов региона в период раннего средневековья. При этом результаты раскопок захоронений являются наиболее информативными для реконструкции целого ряда сторон истории номадов. В статье кратко представлен опыт обобщения сведений о погребальном обряде тюрков Монголии – топографии и планиграфии некрополей, об околочурганских сооружениях, наземных и внутримогильных конструкциях, а также о ритуале захоронения. Источниковую базу составляют результаты раскопок более 40 объектов, изученных в разных частях страны и с различной степенью достоверности относящихся к погребальным комплексам тюрков раннего средневековья. Очевидно, что данная цифра продолжает оставаться незначительной по сравнению с количеством захоронений кочевников, исследованных на сопредельных территориях. В связи с этим наиболее продуктивным подходом при интерпретации зафиксированных характеристик некрополей Монголии является привлечение сведений о гораздо более многочисленных тюркских могильниках Алтае-Саянского региона.

К настоящему времени накоплен определенный опыт анализа различных характеристик погребального обряда раннесредневековых тюрков Монголии. При этом в большинстве случаев имеющиеся наблюдения носят отрывочный характер и связаны с рассмотрением конкретных объектов. Вместе с тем в последние десятилетия начинают появляться работы обобщающего характера. Серия обзорных публикаций подготовлена монгольскими археологами [Турбат, 2005; 2014; Баярхуу Н., 2015а, б; 2016]. Результаты систематизации сведений о захоронениях тюрков Монголии и опыт изучения обрядовой практики номадов представлены в ряде статей автора [Серегин, 2014; 2016б, в; и др.]. Важно отметить, что с каждым годом объем имеющихся материалов увеличивается, что не только позволяет более подробно рассматривать характеристики погребальных комплексов кочевников, но и дает основания для культурно-хронологической и этносоциальной интерпретации памятников.

Картография некрополей тюрков показывает, что большая часть объектов раннего средневековья раскопана в центральных и северных районах Монголии (Архангайском, Баянхонгорском, Булганском, Селенгинском, Уверхангайском, Центральном аймаках). Кроме того, известна довольно представительная серия памятников в западной части страны (Баян-Улгэекий, Убсунурский и Ховдский аймаки), а также зафиксированы отдельные объекты на северо-востоке. При этом очевидно, что такая локализация тюркских погребальных комплексов лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения кочевников. В большей степени территориальные рамки распространения известных

памятников обусловлены степенью интенсивности полевых исследований в разных частях страны. Поэтому в ходе будущих археологических работ в Монголии зафиксированная ситуация может измениться.

Анализ результатов раскопок памятников тюрок Монголии позволил выделить два основных варианта планиграфии погребений. В большинстве случаев захоронения расположены на площади некрополей более раннего времени или в непосредственной близости от них. Чаще всего курганы 2-й половины I тыс. н.э. находились рядом с объектами пазырыкской культуры (в западной части страны), насыпями хуннского периода либо с херексурами, относящимися к эпохе поздней бронзы и «раннескифскому» времени. Второй вариант планиграфии погребальных комплексов тюрок Монголии – расположение курганов одиночно или попарно в отдалении от памятников предшествующих периодов. Кроме того, вне связи с какими-либо объектами находились известные скальные погребения Монголии раннего средневековья.

Редкой характеристикой погребального обряда тюрок Монголии были «околокуранные» сооружения. На могильнике Хар-Ямаатын-гол к востоку от кургана №8 зафиксирована цепочка каменных колец, и еще одно небольшое кольцо было устроено вплотную к насыпи. Аналогии таким объектам встречены на ряде раннесредневековых некрополей Алтая и Тувы. Другим вариантом «околокуранного» объекта является каменная «пристройка», зафиксированная в ходе исследования погребального комплекса Увгунт. Подобные конструкции округлой или подквадратной формы, располагавшиеся вплотную к насыпи кургана, также получили распространение на сопредельных территориях.

Наземные сооружения тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э. представлены в абсолютном большинстве случаев курганными насыпями. Конструкции возводились из камня и чаще всего имели округлую форму. Только в одном случае насыпь напоминала подквадратное сооружение. Курганы имели довольно небольшие размеры. Диаметр исследованных объектов составлял в среднем 6–8 м, варьируя от 3 до 11 м. Высота насыпей не превышала 0,45 м. В значительном количестве случаев в ходе раскопок курганов обнаружены фрагменты керамики, а также кости домашних животных. По своей структуре курганные насыпи тюрок Монголии в большинстве случаев представляли собой простые сооружения. Дополнительные конструкции в виде крепиды или ограды, получившие значительное распространение на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона (до 38%), зафиксированы крайне редко. Традиции обрядовой практики тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э. предполагали сооружение в большинстве случаев простой могильной ямы с отвесными или несколько сужающимися стенками. Одним из вариантов оформления могильной ямы было оставление приступки (ступеньки вдоль одной из ее стенок). Более редко зафиксирована перегородка из каменных плит, отделявшая человека от лошади. Только на одном некрополе встречены остатки деревянных срубов. Кроме того, в двух случаях отмечено захоронение человека или лошади в подбое. Помимо курганных объектов, представляющих собой наиболее распространенный тип памятников тюрок Монголии 2-й половины I тыс. н.э., зафиксированы также впускные погребения.

Особым типом раннесредневековых памятников Монголии являются скальные погребения. Нет сомнений, что такие комплексы, демонстрирующие специфику обрядовой практики кочевников, являются весьма ценным источником для реконструкции различных аспектов истории номадов. Благодаря особым условиям совершения захоронения при исследовании скальных объектов нередко наблюдается процесс естественной мумификации, что обеспечивает значительно лучшую степень сохранности органических материалов по сравнению с традиционными погребениями. В последние десятилетия на территории Монголии выявлена серия раннесредневековых скальных объектов: Арцат Дэл, Жаргалант Хайрхан, Рашантын Ам, Узуур гялан, Шивээт Цанхир-I [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004; Турбат и др., 2008; Хурэлсух, 2008; Törbat et al., 2009; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010; Мөнхбаяр и др., 2016; Мөнхбаяр, 2017; и др.]. Анализ этих комплексов, а также сопоставление с известными памятниками данного типа, раскопанными на территории Алтае-Саянского региона, позволили сделать ряд выводов, носящих предварительный характер в связи с немногочисленностью рассматриваемых объектов [Серегин, 2016a]. Прежде всего, следует отметить, что подобные комплексы не характерны для обрядовой практики населения рассматриваемой территории в раннем средневековье. Почти все изученные скальные захоронения по комплексу признаков (зафиксированный обряд, облик обнаруженных изделий, территория распространения и др.) могут быть связаны с памятниками тюркской культуры. При этом анализ зафиксированного сопроводительного инвентаря, а также имеющиеся результаты радиоуглеродного датирования указывают на то, что большая часть рассматриваемых объектов относится к IX–X вв. н.э., т.е. ко времени, когда тюрки входили в состав объединений уйгуров и кыргызов и испытывали влияние традиций этих групп номадов. Не исключено, что именно этим объясняются нехарактерные для населения обозначенной общности показатели некоторых скальных захоронений.

Наиболее распространенным вариантом погребального ритуала у тюрков Монголии было захоронение по обряду ингумации в сопровождении коня. В большей части могил находилось одно животное, однако довольно часто рядом с покойным помещены две лошади. Почти во всех случаях умерший человек был уложен в вытянутом положении на спине, а конь – на животе с подогнутыми ногами. Более вариабельным показателем погребального ритуала тюрков Монголии является ориентировка умерших людей по сторонам света. В известных захоронениях с лошадью количественно преобладает традиция направления погребенных головой в восточный сектор горизонта. Вместе с тем выделяется группа объектов, при изучении которых отмечена меридиональная, в большинстве случаев северная, ориентировка покойных. Для большинства известных комплексов характерна противоположная ориентировка человека и животного; значительное реже зафиксировано направление человека и лошади в одну сторону. В особую группу памятников раннесредневековых тюрков Монголии выделены «одиночные» погребения, характеризующиеся отсутствием сопроводительного захоронения коня. Большую часть таких комплексов составляют упомянутые выше скальные объекты.

Датировка погребальных комплексов раннесредневековых тюрков требует специального рассмотрения. В настоящей статье отметим, что общие хронологические рамки сооружения таких комплексов определяются 2-й половиной VII – X в. н.э. Большая часть погребений относится к началу обозначенного периода и связаны с расцветом культуры кочевников во время существования Второго Восточно-Тюркского каганата (682–744 гг.). Выделяются немногочисленные объекты, демонстрирующие сохранение традиций обрядовой практики кочевников в период включения тюрков в состав державы уйгуров. Более поздние комплексы кочевников рассматриваемой общности, отражающие влияние других групп населения, были сооружены во 2-й половине IX – X в. Важным вопросом остается отсутствие некрополей, относящихся ко времени Первого каганата. При этом в различных частях Монголии уже исследованы ритуальные объекты 2-й половины VI – 1-й половины VII в., подтверждающие известные сведения письменных источников о сложении державы тюрков и распространении племен кочевников на обширные территории*.

Таким образом, анализ материалов раскопок раннесредневековых погребальных комплексов Монголии позволил продемонстрировать высокую степень сходства зафиксированных традиций с показателями, характерными для обрядовой практики тюрков 2-й половины I тыс. н.э. на сопредельных территориях. Учитывая в целом аналогичный характер сопроводительного инвентаря, не анализируемого в настоящей публикации, можно утверждать, что имеются все основания рассматривать комплексы тюрков Монголии и Алтае-Саянского региона в рамках одной общности кочевников раннего средневековья и связывать с «восточными» тюрками, известными по письменным источникам. Немногочисленность памятников Монголии (учитывая количество объектов, исследованных на Алтае, в Туве и Минусинской котловине) может объясняться лишь отсутствием опыта проведения целенаправленных и массовых раскопок погребений рассматриваемой общности, а также сравнительно низкой степенью изученности обозначенной территории в целом. Осуществление систематических археологических исследований в различных районах Монголии, своевременная публикация полученных материалов, а также введение в научный оборот результатов работ прошлых лет позволят наполнить фактическим материалом исторические построения, основанные преимущественно на сведениях письменных источников.

Библиографический список

Баярхүү Н. Монгол нутг дахь морьтой оршуулгын судалгаа (VI–X зуун) // Эртний түрэгийн туух, соёл. Улаанбаатар, 2015a. Т. 161–171.

Баярхүү Н. Эртний түрэгийн үеийн морьтой оршуулгууд // Монгол-Францын археологийн нээлтүүд. Хорин жилийн хамтын ажиллагаа. Эрдэм шинжилгээний үзэсгэлэнгийн каталоги. Улаанбаатар, 2015b. Т. 133–137.

Баярхүү Н. Түрэгийн морьтой оршуулга // Монголын эртний булш оршуулга. Улаанбаатар, 2016. Т. 212–221.

Мөнхбаяр Ч. Узуур гялангийн хадны оршуулгын археологийн малтлага судалгаа // Хадан гэрийн соёл. Улаанбаатар, 2017. Т. 29–33.

* В ходе недавних полевых работ на территории Западной Монголии были раскопаны тюркские «поминальные» объекты, датировка которых на основании характерных конструкций, а также обнаруженных предметов может быть предварительно определена в рамках 2-й половины V – VI в. н.э. Эти данные свидетельствуют о том, что обозначенный регион входил в область формирования культуры кочевников, а также позволяют рассчитывать на получение подобных материалов в ходе будущих исследований. Благодарим профессора Ц. Турбата за возможность ознакомиться с неопубликованными результатами раскопок.

Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б. Үзүүр гялангийн түрэг хадны оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс // Мөнххайрхан уул, Булган гол – Их онгогийн байгалийн цогцолборт газар. Улаанбаатар, 2016. Т. 164–187.

Серегин Н.Н. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 101–114. DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-09.

Серегин Н.Н. Некоторые аспекты интерпретации раннесредневековых скальных погребений Алтае-Саянского региона и Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2016а. №4 (92). С. 273–276. DOI: 10.14258/izvasu(2016)4-46.

Серегин Н.Н. Погребальные сооружения тюрок Монголии (2-я половина I тыс. н.э.) // Теория и практика археологических исследований. 2016б. №1 (13). С. 91–109. DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-07.

Серегин Н.Н. Погребальный ритуал раннесредневековых тюрок Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2016в. Вып. IX. С. 66–85.

Турбат Ц. Эртний тэрэгийн жирийн булшны судалгааны зарим асуудал // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 96–103.

Турбат Ц. Түрэгийн уеийн археологийн соёл // Талын морьтон дайчдын ов соёл. Улаанбаатар, 2014. Т. 27–43.

Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 264–265.

Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т., Баярхуу Н., Идэрхангай Т. Монгол алтайгаас илэрсэн хадны оршуулгууд // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 274–292.

Хурэлсух С. Монгол нутах дахь агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 293–310.

Хурэлсух С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. 2004. Т. V. Т. 20–30.

Törbat Ts., Batsükh D., Bemann J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 365–383.

© 2017, А.А. Тишкин¹, С.С. Матренин^{1,2}

¹Алтайский государственный университет,

²Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

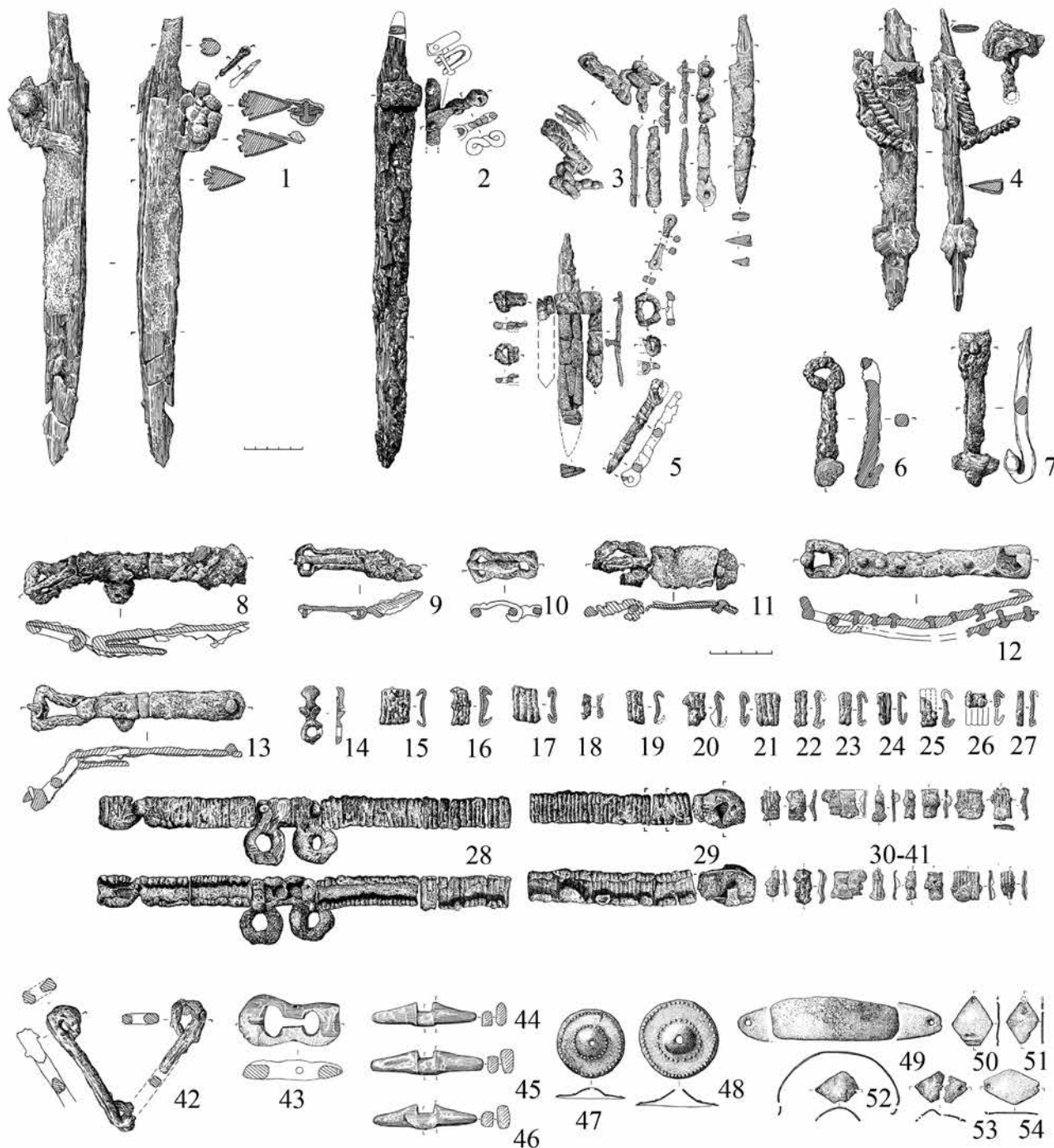
ОТНОСИТЕЛЬНОЕ И АБСОЛЮТНОЕ ДАТИРОВАНИЕ КУРГАНОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ СТЕПУШКА-I (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ): КОРРЕЛЯЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №16-18-10033
«Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая
и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

На сегодняшний день погребальные памятники Алтая сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.) еще не подвергнуты комплексному хронологическому исследованию. Для детальной периодизации булан-кобинской культуры ощущается нехватка абсолютных дат, полученных методами естественных наук, хотя такие показатели в небольшом количестве все же имеются [Соёнов и др., 2005; Тишкин, 2007, с. 262–277; Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008; и др.]. В этой связи корреляция археологического датирования с результатами радиоуглеродного анализа материалов из полностью раскопанной курганной группы булан-кобинской культуры Степушка-I (Онгудайский район Республики Алтай) представляется важной частью научного поиска [Тишкин, Матренин, 2013а]. Значимость такой работы определяется и ограниченностью качественных образцов для подобного рода изысканий из многих могильников хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, изученных в 1980–1990-е гг. В большинстве объектов погребального комплекса Степушка-I обнаружен массовый и информативный материал. Типологический анализ различных категорий инвентаря позволил установить хронологические

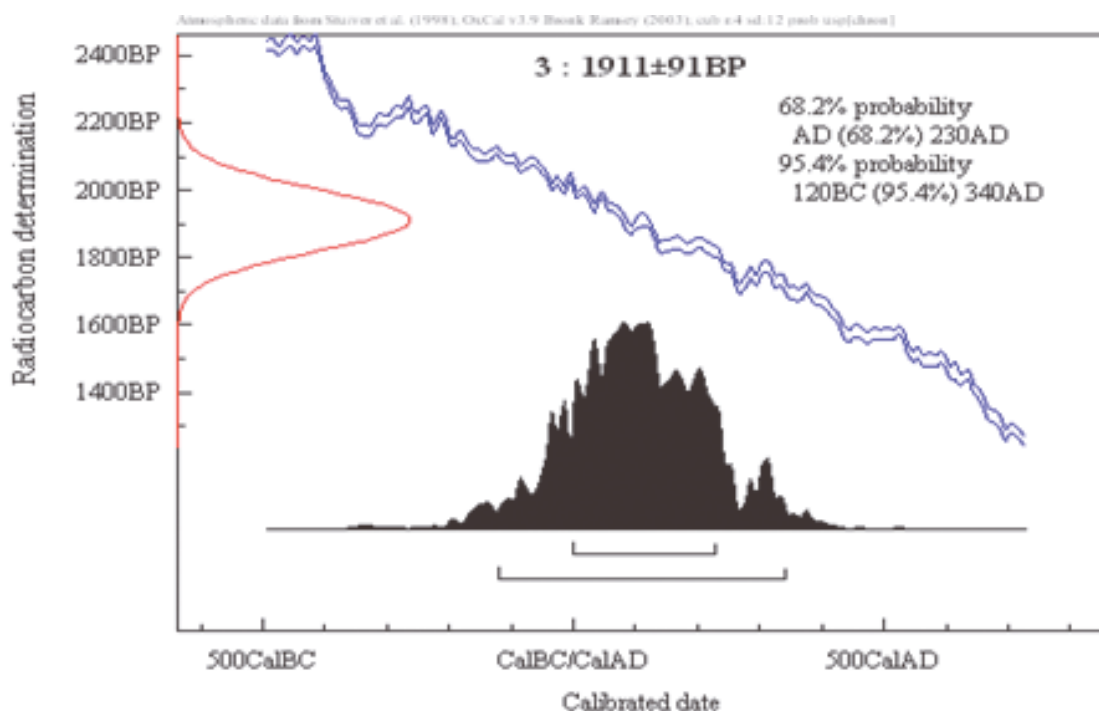
индикаторы разного уровня. Изучение взаимной встречаемости данных изделий дало основание выделить группу хорошо датирующихся погребений, относительная хронология которых была подтверждена результатами радиоуглеродного анализа отобранных проб. Все они представляли собой компактное скопление объектов, сооруженных в короткий отрезок времени.

Курган №5 имел в составе сопроводительного инвентаря хронологические индикаторы III–V вв. н.э. (портупейная пряжка с T-образной рамкой и длинным щитком), 2-й половины III – V в. н.э. (колчанный крюк с поперечной планкой), IV–V вв. н.э. (ножны с витой цепочкой) (рис.-1, 6, 8) [Матренин, 2011; 2013; Матренин, Тишкин, Шмидт, 2014]. Osteологический материал от лошади, проанализированный в радиоуглеродной лаборатории Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН (образец

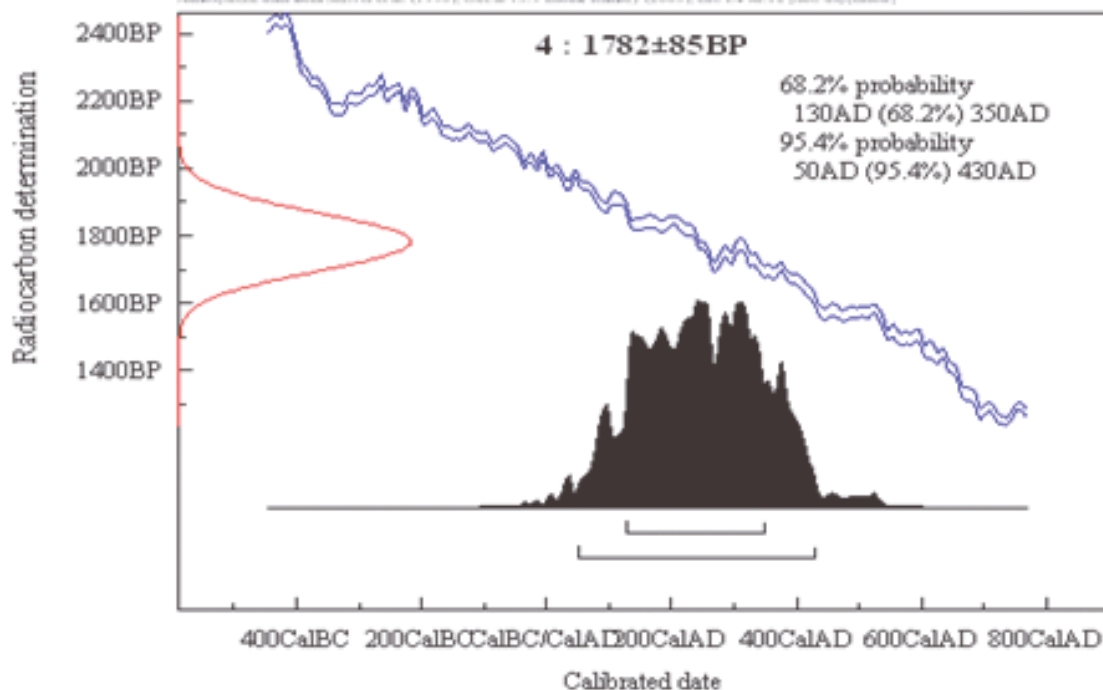

Хронологические индикаторы предметных комплексов из погребений курганной группы Степушка-I: курган №5 – 1, 6, 8; курган №7 – 42; курган №11 – 47–54; курган №13 – 5, 11, 14; курган №17 – 3, 10, 13, 15–27; курган №19 – 2, 7, 12, 28, 29, 43–46; курган №21 – 3, 9, 30–41: 1–5 – боевые ножи и детали ножен; 6, 7 – колчанные крюки; 8–13 – поясные пряжки; 14–41 – поясные бляхи; 42 – удила; 43 – подпружная пряжка; 44–46 – застёжки от пут; 47–54 – металлические детали головного убора (1–13, 15–42 – железо; 14, 47–54 – бронза; 43–46 – роз)

Ле-9435), дал нечеткие выкладки, что, возможно, было обусловлено «нечистотой» пробы (кости соприкасались с деревянной внутримогильной конструкцией). Изучение повторно отобранного археозоологического образца (ИМКЭС-14С999) в лаборатории Института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС) СО РАН (г. Томск) продемонстрировало показатели, укладывающиеся в такой календарный интервал: 2-я половина III – 1-я половина IV в. н.э.

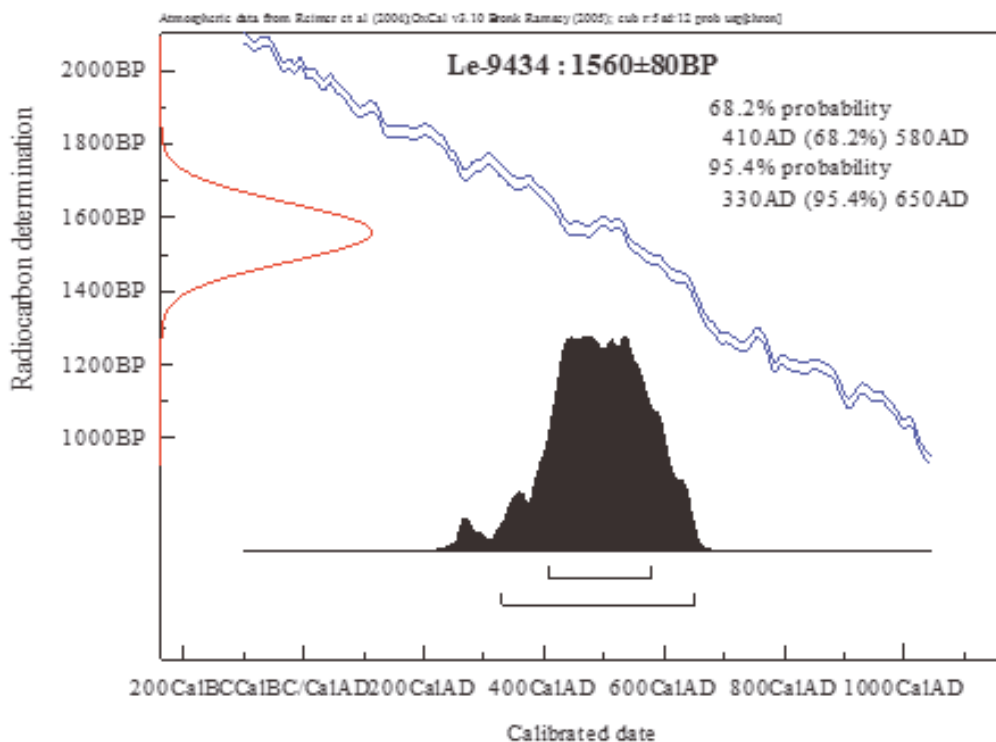
Курган №7 содержал набор предметов, в котором наиболее поздними являлись удила с малокрючными окончаниями звеньев, характерные для 2-й половины III – V в. н.э. (рис.-42) [Матренин, Тишкин, 2015]. Данной хронологии не противоречат результаты радиоуглеродного анализа костей лошади в указанной томской лаборатории (образец ИМКЭС 14С991): $\delta 1$ (68,2%) – 130–350 AD; $\delta 2$ (95,4%) – 330–430 AD.

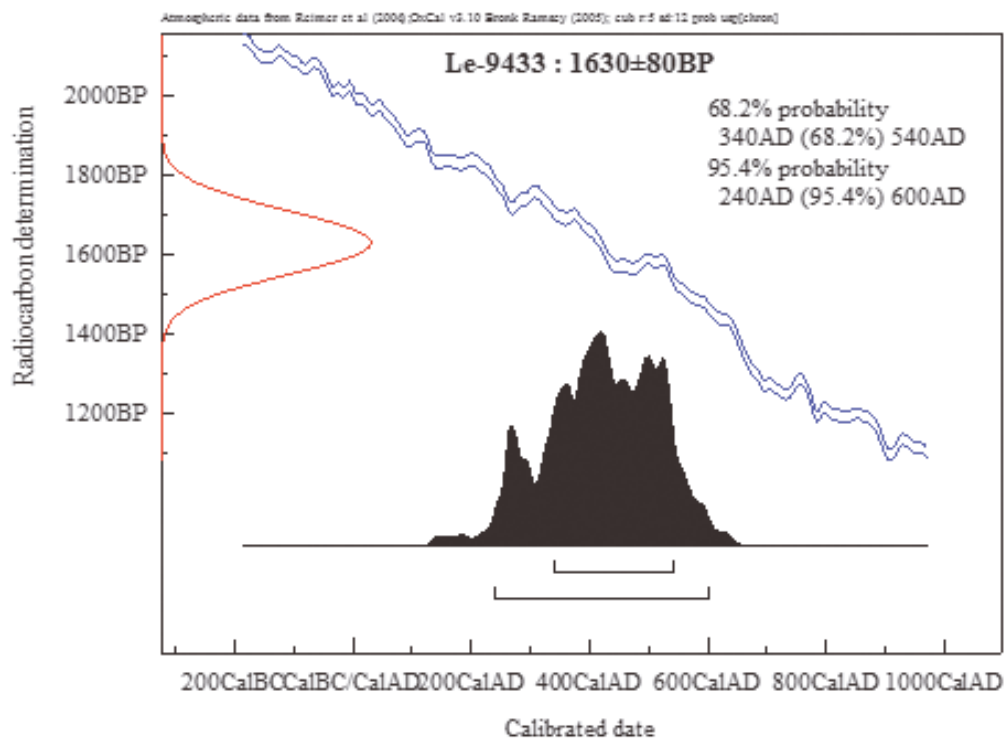
Курган №11 датирован методами археологии 2-й четвертью I тыс. н.э. на основании изучения комплекса украшений (рис.-47–54) [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, с. 429–431]. Показатели радиоуглеродного исследования образца из некондиционных костей человека (образец Ле-9434: $\delta 1$ (68,2%) –

410–580 AD; $\delta 2$ (95,4%) – 330–650 AD) позволяют немного сузить археологический возраст погребения в рамках IV – начала V в. н.э.

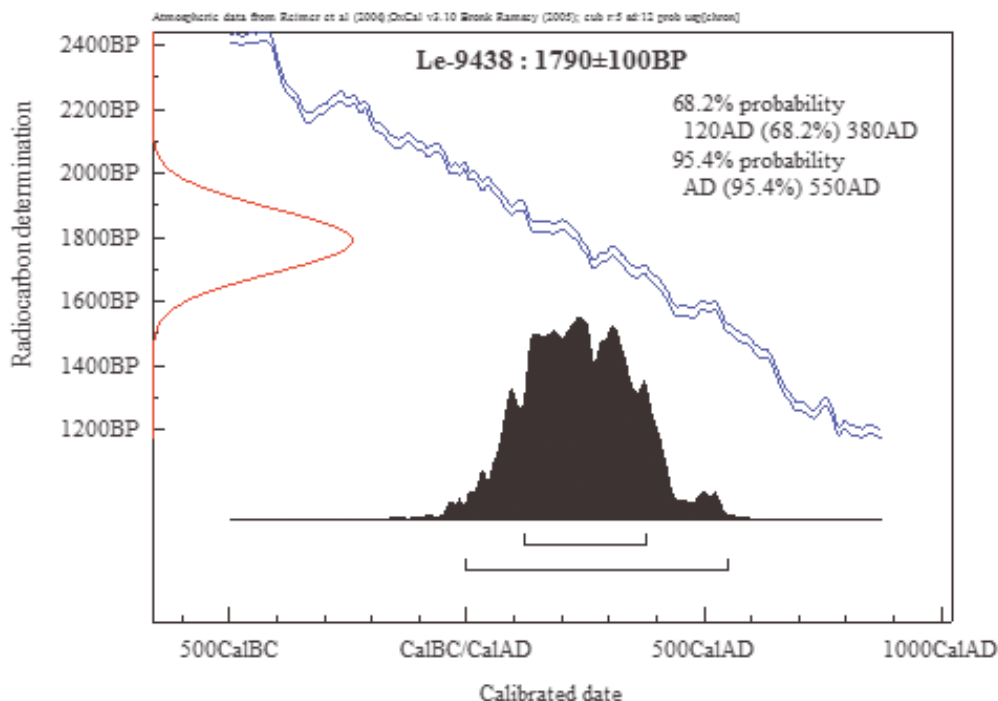
Курган №13 содержал сопроводительный инвентарь с хроноиндикаторами 2-й половины III – V в. н.э. (пряжка с арочной рамкой и длинным щитком, бронзовая бляха с кольцом) и IV–V вв. н.э. (ножны с цепочкой) (рис. -5, 11, 14). [Матренин, 2013; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012; Тишкин, Матренин, 2013а, б]. На основании последнего предмета погребение, по-видимому, можно датировать не ранее рубежа III–IV вв. н.э. Такая хронология согласуется с результатами радиоуглеродного исследования антропологического материала (образец Le-9433): $\delta 1$ (68,2%) – 340–540 AD, $\delta 2$ (95,4%) – 240–600 AD.

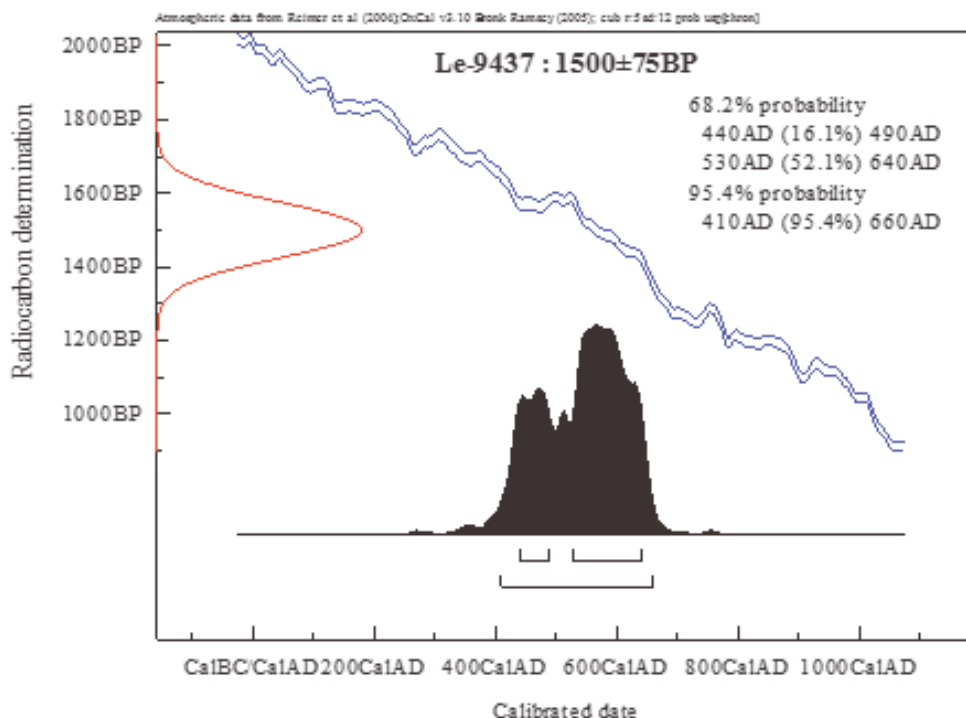
Курган №17. Археологический возраст комплекса определяется не ранее IV в. н.э. по присутствию в инвентаре боевого ножа в ножнах с витой цепочкой, наборного пояса, оснащенного железными пряж-

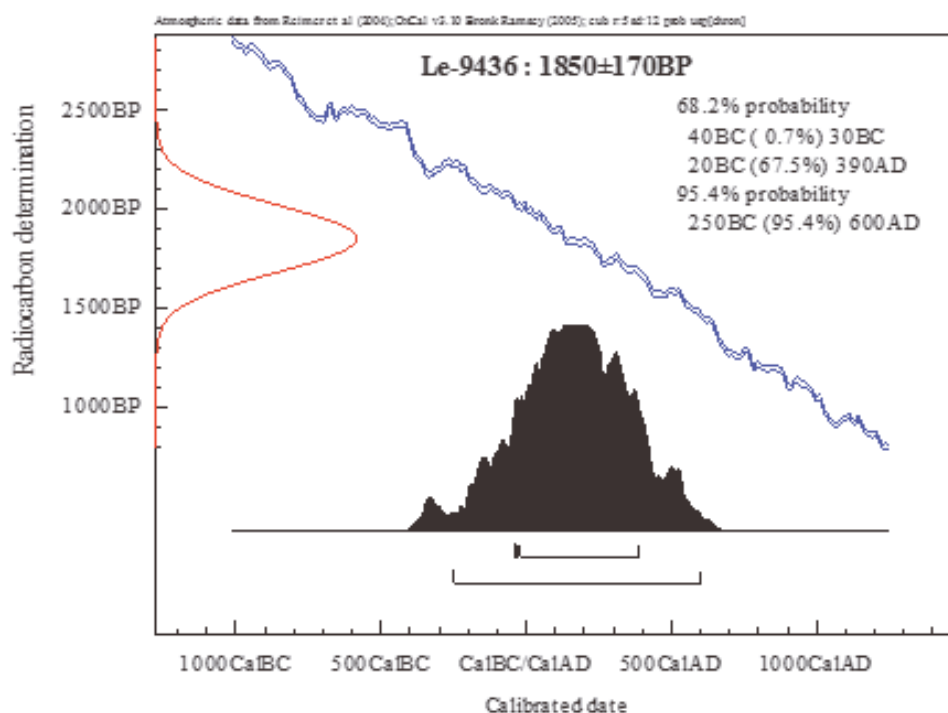
кой с неподвижным шпеньком и длинным щитком-полуобоймой, а также бляхами-скобами (рис.-3, 10, 13, 15–27) [Матренин, 2013; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012; Тишкин, Матренин, 2013б; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015]. Этому не противоречат полученные радиоуглеродные выкладки по образцу (Le-9438, некондиционные кости человека): $\delta 1$ (68,2%) – 120–380 AD, $\delta 2$ (95,4%) – 0–550 AD.

Курган №19. Основываясь на взаимной встречаемости хронологически значимых категорий инвентаря (броневые наконечники стрел, ножи с витой цепочкой, колчаный крюк с поперечной планкой, железная пряжка с неподвижным шпеньком и длинным щитком-полуобоймой, бляхи-скобы, роговая подпружная пряжка с подвижным язычком, цурки), погребение можно датировать 2-й половиной IV – V в. н.э. (рис. 1.-2, 7, 28, 29, 43–46) [Тишкин, Матренин, 2010; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012; Тишкин, Матренин, 2013а–в; Матренин, Тишкин, Плетнева, 2014]. Такая относительная хронология полностью согласуется с показателями радиоуглеродного исследования образца из некондиционных костей лошади (Le-9437): $\delta 1$ (68,2%) – 440–490 AD, $\delta 2$ (95,4%) – 410–660 AD.

Курган №21. Наиболее поздние вещи (пряжка с Т-образной рамкой и щитком-полуобоймой, ножны с цепочкой, поясные бляхи-скобы) дают основание датировать данный объект не ранее 2-й половины III – начала IV в. н.э. (рис.-4, 9, 30–41) [Матренин, 2015]. Данный вывод подтверждают показатели радиоуглеродного анализа остеологического материала человека (образец Ле-9436: $\delta 1$ (68,2%) – 20 BC – 390 AD, $\delta 2$ (95,4%) – 250 BC – 600 AD).

Анализ костного материала лошади (ИМКЭС-14С95) в лаборатории ИМКЭС СО РАН показал календарный возраст по $\delta 1$ – 260–430 AD, по $\delta 2$ – 250–440 AD.

Таким образом, проведенное исследование показывает положительную корреляцию результатов археологического и радиоуглеродного датирования материалов курганной группы Степушка-I. Большинство рассмотренных объектов принадлежат к концу III – IV в. н.э., что соответствует финалу бело-бомского этапа – начальной стадии верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры.

Библиографический список

Матренин С.С. Колчанные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2011. №4/2 (72). С. 141–149.

Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. №4/1 (80). С. 228–237.

Матренин С.С. Детское погребение эпохи Великого переселения народов с воинским инвентарем из Центрального Алтая // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 325–330.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Снаряжение верхового коня кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №4/2 (88). С. 116–124. DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-20

Матренин С.С., Тишкин А.А., Плетнева Л.М. Комплекс вооружения дистанционного боя сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/2 (84). С. 154–164.

Матренин С.С., Тишкин А.А., Шмидт А.В. «Всадник без головы» эпохи Великого переселения народов из Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 15–26. DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-02

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соёнов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2008. Вып. 7. С. 42–57.

Соёнов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул, 2005. С. 169–171.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Комплексный анализ костяных пряжек кочевников Алтая хуннского и сяньбийского времени (по материалам могильника Яломан-II) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №4/2 (68). С. 220–229.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-I) // Теория и практика археологических исследований. 2013а. №1 (7). С. 147–153. DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-10

Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2013б. №4/1 (80). С. 204–213.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // КСИА. 2013в. Вып. 231. С. 59–71.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов из памятника Степушка-I // РА. 2015. №1. С. 121–135.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 420–431.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул, 2012. С. 59–65.

© 2017, А.В. Харинский

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск

ГОРОДИЩА-СВЯТИЛИЩА В СТРУКТУРЕ САКРАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-31-01018
«Северное побережье Байкала в эпоху раннего металла»)

Сакральные представления всегда имели очень большое значение в жизни людей. Особенно сильно их влияние проявлялось на ранних этапах человеческой истории, когда степень зависимости человека от окружающего мира была значительно выше и многие явления природы люди не могли рационально объяснить, а тем более повлиять на них. Ощущая себя частью окружающего мира, человек старался сделать его более понятным и близким для себя. Он проецировал отношения, существующие в человеческом обществе, на мир природы, конструируя различные сакральные образы.

Один из таких образов был связан с духами-заступниками, которые несли ответственность за благополучие людей и окружающей их среды. Их местом пребывания считались небо или вершины гор. Духи сверху наблюдали за земной жизнью и время от времени вмешивались в нее. Пытаясь расположить небожителей к себе и добиться положительной реакции на свои просьбы, люди угощали и одаривали их.

Люди выбирали наиболее оптимальные места для контактов с духами-заступниками. Чаще всего это были горы или их подножия, откуда человеческим просьбам легче было достигнуть духов-небожителей. Именно в таких местах с древних времен и по сей день проводились моления, и именно за этими местами закреплялся сакральный статус. Иногда эти святилища просто ассоциировались с природной возвышенностью либо видоизменялись или дополнялись специальными сооружениями, которые, по мнению людей, способствовали усилению контактов между людьми и духами-покровителями и не позволяли вредоносным силам мешать им. К числу таких искусственных объектов-святилищ в Байкальском регионе относятся «городища».

Прибайкальские городища-святилища располагаются на возвышенных участках местности – горах, мысовидных площадках, мысах. С наиболее доступных направлений они были огорожены форти-

фикационными сооружениями (валы, рвы, стены). По своим размерам, геоморфологическому положению и особенностям фортификационной системы городища-святилища значительно отличаются друг от друга. Причины этих различий пока не ясны и, возможно, являются следствием разного функционального назначения, культурных традиций или топографических особенностей этих памятников.

Часть прибайкальских городищ-святилищ располагаются на мысовидных площадках, вдающихся в речную долину или в озеро Байкал. Другие занимают вершину горы. Основание мысовидной площадки, на которой находится городище-святилище, как правило, пересекает линия оградительных сооружений. Иногда она продолжается и вдоль склона мысовидной площадки, охватывая ее по всему периметру. У гор, на которых находятся городища-святилища, обрывистый склон обращен к речной долине, а пологий окаймлен оградительными сооружениями. При этом некоторые из этих археологических объектов локализируются на горах мысовидной формы с плоской вершиной, напоминающих мысовидные площадки. Подобные городища-святилища занимают промежуточное положение между двумя группами памятников, форма которых обусловлена геоморфологическими особенностями возвышенности, на которой они находятся. Вероятно, геоморфологические нюансы не играли существенной роли для этого типа памятников. При их сооружении определяющим был выбор площадки, занимающей доминирующее положение среди окружающей местности. На городищах-святилищах отсутствуют остатки жилищ, культурный слой на большинстве из них содержит малое количество находок. Это указывает на то, что их территория не использовалась для постоянного проживания и посещалась недостаточно регулярно.

Размеры прибайкальских городищ-святилищ очень сильно различаются. Самым крупным из них в Байкальском регионе является Манхай-1 [Харинский, 2013]. Его размеры – 780 × 880 м. Оно расположено на левом берегу р. Куды и включает две плоских горы высотой 85–90 м. Северная из них называется Манхай-1, а южная – Манхай-2 (рис. 1). С северной, западной и южной сторон горы оканчиваются крутыми обрывами. С восточной стороны они соединяются перешейками с основным горным массивом. Отсюда они наиболее доступны, поэтому к востоку от Манхая в древности были вырыты две линии рвов, расположенные на расстоянии 145–205 м друг от друга. Ширина первого внешнего рва – 8–10 м, длина – около 650 м. Длина второго рва, расположенного к западу от него, – 417 м, ширина – 5 м.

С востока и северо-востока гора Манхай-1 защищена фортификационной системой, состоящей из двух участков – восточного и северо-восточного. Протяженность восточного участка – 150 м. Он включает два вала и три рва – внешний, средний и внутренний. Ширина валов и рвов между ними – по 5 м. Проходом шириной 10–11 м восточный участок фортификационной системы отделен от северо-восточного. Длина северо-восточного участка – 65 м. Он состоит из вала и расположенного с внутренней стороны от него рва.

Одним из самых маленьких городищ-святилищ Байкальского региона является Хархар-Жалга. Его размеры с запада на восток – 65 м, с севера на юг – 80 м. Со всех сторон оно окружено оградительными сооружениями. С северо-запада городище-святилище защищено рвом протяженностью 43 м. С юго-восточной и восточной сторон памятник окаймляется четырьмя дугообразными валами и четырьмя рвами. Средняя ширина валов и рвов составляет 3 м. Перепад высот между дном рва и вершиной вала – 50–60 см (рис. 2.-2).

Среди оградительных (фортификационных) сооружений кудинских, ангарских и верхнеленских городищ-святилищ фиксируются лишь земляные валы и рвы. В отличие от них, на городищах-святилищах байкальского побережья оградительные сооружения возводились преимущественно из камня (рис. 1.-1). Исключение составляют маломорские городища-святилища Нюргон-4 и Саган-Хушун-1. При этом на городище Саган-Хушун-1 отмечены разные по конструкции оградительные сооружения – земляной и каменный валы. Вероятно, это связано с наличием или отсутствием рыхлых отложений в различных частях мыса Саган-Хушун, на котором расположено городище-святилище. В свою очередь, каменные оградительные сооружения байкальских городищ-святилищ достаточно разнообразны. На них встречаются каменные и земляные валы, а также стены разной конструкции, сложенные из каменных плит [Харинский, 2002]. Небольшая высота фортификационных сооружений на большинстве прибайкальских городищ-святилищ свидетельствует о том, что они имели не столько реальное оборонительное значение, сколько символическое. Они прежде всего должны были ограждать сакральную территорию святилища от вредоносных сил из земного мира.

К настоящему времени самым древним городищем-святилищем на территории Прибайкалья является Байкальское-3, расположенное на северо-западном побережье озера [Емельянова, Харинский, 2008]. Здесь еще в неолите были сооружены жилища, расположенные возле северо-восточной оконеч-

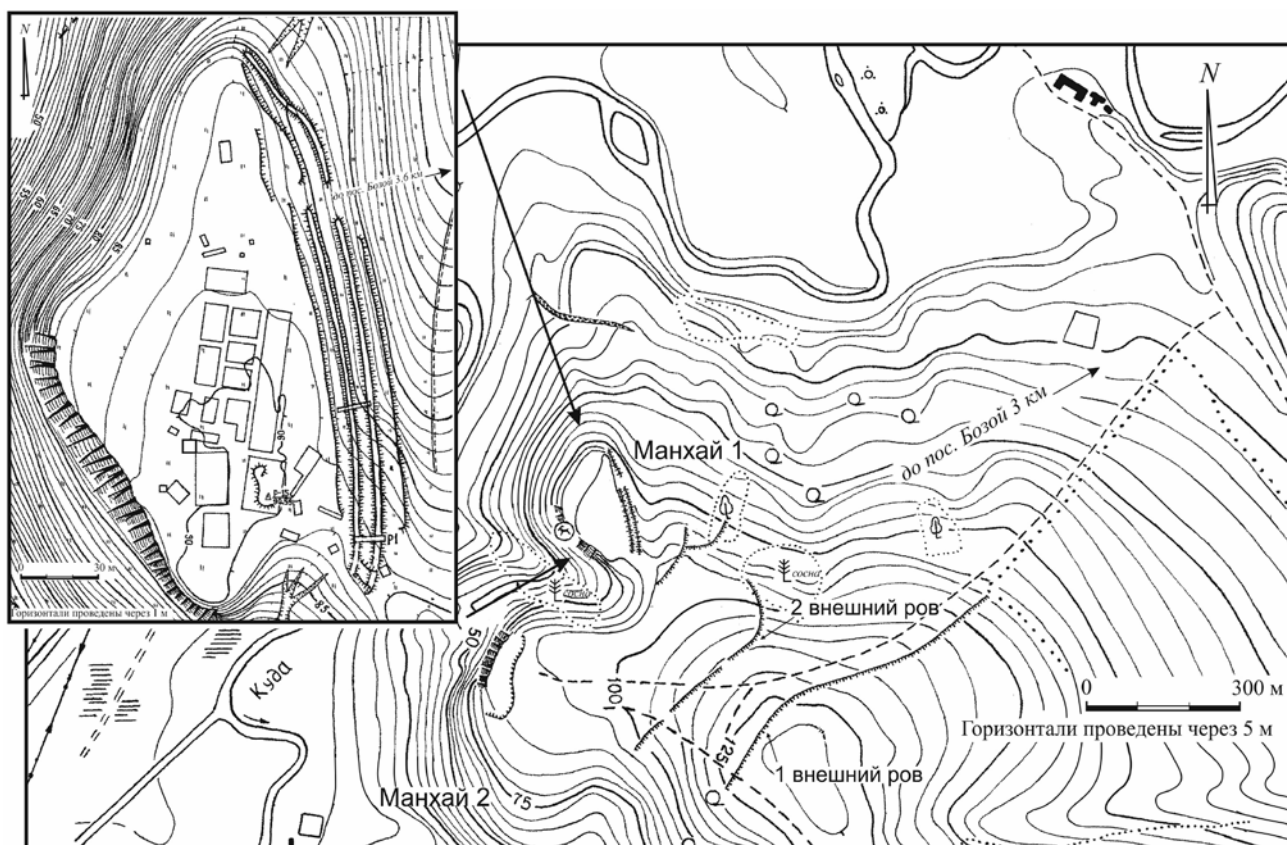

Рис. 1. Городище-святилище Манхай-1

ности мысовидной площадки, нависающей над Байкалом. Вероятно, уже в это время она воспринималась как ритуальная и не использовалась под застройку. В бронзовом веке (конец III тыс. до н.э.) сакральная площадка была огорожена валом и рвом. Они носили символический характер и при желании могли быть преодолены любым человеком. Но этого не происходило, так как боязнь навлечь на себя немилость духов была очень сильной. Попасть на сакральную территорию можно было лишь по проходу, расположенному в западной части святилища, причем переход из мира профанного в сакральный мог осуществляться только людьми, наделенными определенными знаниями и полномочиями. Вероятно, это были старейшины общин, выполнявшие жреческие обязанности.

На большинстве байкальских городищ-святилищ не проводились крупномасштабные раскопки. Как правило, на этих археологических объектах было обнаружено очень небольшое количество артефактов, и интерес к их раскопкам очень быстро пропал. Исключением является городище-святилище Байкальское-1 на северо-западном побережье Байкала [Харинский, 2016]. Общая площадь раскопов на нем составила 186 м².

Самые ранние артефакты, обнаруженные на Байкальском-1, датируются I тыс. до н.э. и представлены изделиями из камня, кости и фрагментами керамических сосудов. Следующий период функционирования Байкальского-1 связан с находками VI–IX вв. н.э. Они представлены керамическими сосудами, железными кресалами, ножами и наконечниками стрел. В это время на Байкальском-1 уже были сооружены вал, ров, стена из вертикально стоящих плит и канавы у вершины площадки.

На склоне к северу от вала и рва городища-святилища было вырыто несколько горизонтальных площадок. Они располагались ярусами, придавая склону вид ступенчатой пирамиды. Во время раскопок на площадках обнаружены следы кострищ, пережженные кости животных, фрагменты керамических сосудов. На других северобайкальских городищах-святилищах – Байкальское-2, Байкальское-4 и Байкальское-5 – также фиксируются горизонтальные площадки. Они располагаются с внешней стороны от вала и рва. На городище-святилище Байкальское-2 они образуют пять ярусов. Вероятно, во время коллективных молений на сакральной площадке, защищенной валом и рвом, к божествам от имени всей общины обращался старейшина. Ниже по склону, на горизонтальных площадках ритуальные костры разводили главы отдельных семей, которые также приносили жертвы небожителям и просили о помощи своим близким.

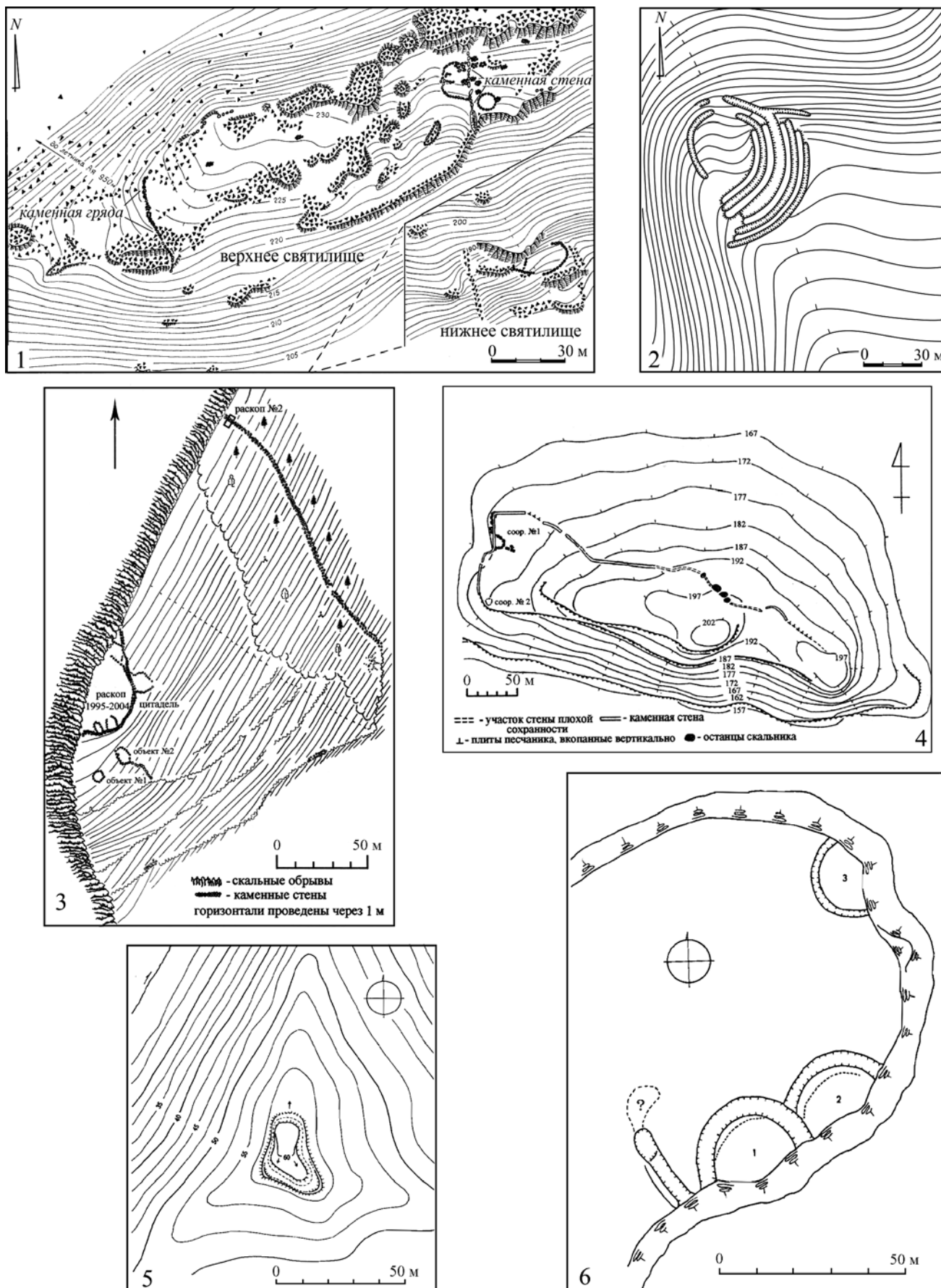

Рис. 2. Городища-святилища Предбайкалья: 1 – Ая-6; 2 – Хархир-Желга; све Минусинской коловины [Готлиб, Подольский, 2008]; 3 – Чебаки; 4 – Чалпан; чаши Хоккайдо [Murata, 1994]; 5 – Ноккамапу чаши; 6 – Пэса чаши

В тех местах Прибайкалья, где в настоящее время проживают буряты, возвышенности, на которых находятся городища-святилища, до сих пор считаются сакральными местами. Здесь каждый год представители проживающих поблизости общин совершают жертвоприношения божествам-заступникам. Отдельные части жертвенного барана сжигают на костре, а оставшееся мясо разделяют между участниками церемонии. Жертвоприношение происходит или у городища-святилища, или на его территории, на которую проходят по сделанным еще в древности проходам, не пересекая валы и рвы.

Близки с байкальскими городищами-святилищами по конструкции и, вероятно, функциональному назначению археологические объекты, известные на Алтае под именем *шибэ*, в Туве – *шивээ*, в Минусинской котловине – *све*. Центральную часть све занимала вершина скалы, имеющая с нескольких сторон крутой склон. Поперек пологого склона скалы располагались фортификационные сооружения – каменные стены из плоских плит песчаника или камня, сложенные без раствора, вертикально установленные каменные плиты и иногда каменно-земляные валы. У сооружения могут быть одна, две и даже три линии стен (рис. 1.-3, 4). Сейчас в Минусинской котловине известно около 45 све, на 10 из них проводились раскопки. У большинства све стены имеют небольшую высоту и не предназначены для обороны. Кроме этого, на всех све отсутствуют постоянные источники воды. А.И. Готлиб, проводивший раскопки на нескольких све, считает, что они являются сложными полифункциональными архитектурно-ландшафтными комплексами, которые в той или иной степени были одновременно и крепостями, и своеобразными поселениями, и культовыми сооружениями [Готлиб, 2004].

Одним из наиболее изученных све Минусинской котловины являются Чебаки. В 1990 и 1995–1997 гг. на нем проводились археологические раскопки, вскрыта площадь размером 330 м² [Готлиб, Подольский, 2008, с. 39–88]. Большую часть находок составляют кости животных, изделия из камня и остатки керамических сосудов. Анализ материалов раскопок не позволяет интерпретировать эти сооружения как бытовые жилые комплексы. Све Чебаки, как и целый ряд других све, было сооружено в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) и продолжало использоваться в более позднее время.

Значительная часть алтайских шибэ и тувинских шивээ, как и све, расположены на вершинах гор. Их стены сложены из камней разной формы без связующего раствора и, как правило, имели незначительную высоту. Как считает изучавший шибэ В.И. Соёнов, идея о военном предназначении многих из них практически исключается, поскольку у них наблюдаются весьма слабые фортификационные возможности. Некоторые признаки, в первую очередь не совсем практичная конструкция объектов, не позволяют настаивать и на чисто хозяйственном их предназначении. Возможно, часть из них возведена в хозяйственных целях, а часть – в ритуально-культовых [Соёнов, 2008].

У айну, проживавших на Хоккайдо, Сахалине и Курильских островах, также существовали традиции почитать возвышенности, доминировавшие над окружающей местностью. Как правило, на них располагались окруженные фортификационными сооружениями святилища, именуемые *чаши* (chashi) [Murata, 1994]. Их внешний вид зависел от формы сакральной площадки и фортификационных сооружений, ограждающих ее [Goto, 1994]. К настоящему времени на Хоккайдо известно более 520 чаши (рис. 2.-5, 6). Во время раскопок на некоторых из них обнаружены артефакты, относящиеся к периоду эпи-дзёмон, охотской культуре и исторической культуре айну. До сих пор айну относятся к чаши как к сакральным территориям. На них проводят ритуалы, во время которых представители местных общин обращаются за помощью к божествам-покровителям.

Наличие в разных районах Северо-Восточной Азии археологических объектов, расположенных на возвышенностях, воспринимавшихся как сакральные территории, свидетельствует о том, что здесь еще в древности сформировался комплекс схожих представлений о божествах-заступниках и способах взаимодействия с ними. Чаще всего такие места ассоциировались с горой, скалой, холмом или мысом, возвышающимися над окружающей местностью. Для защиты сакральной территории от вредоносных сил ее окружали валами, рвами, стенами и другими фортификационными сооружениями.

В ритуалах, обращенных к божествам-заступникам, принимала участие вся община. Основные обряды проходили на сакральной площадке, защищенной фортификационными сооружениями. Их проводил старейшина – уважаемый человек, имеющий навыки общения со сверхъестественными силами и пользующийся авторитетом среди представителей своей общины. Традиции обращения к божествам-заступникам на городищах-святилищах сформировались в некоторых районах Северо-Восточной Азии еще в бронзовом веке и продолжают поддерживаться и по сей день.

Библиографический список

- Готлиб А.И. Феномен сибирских «све» // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 2004. Вып. 3. Парадоксы археологии. С. 88–97.
- Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. СПб., 2008. 222 с.
- Емельянова Ю.А., Харинский А.В. Древнейшее городище-святилище на побережье озера Байкал // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2008. Вып. 6. С. 145–166.
- Соёнов В.И. Горные каменные сооружения шибэ южной окраины Чуйской котловины // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2008. Вып. 7. С. 5–17.
- Харинский А.В. Топография и конструкция «городищ» маломорского побережья озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 2002. Вып. 2. С. 109–126.
- Харинский А.В. Кудинские городища-святилища: планиграфия и конструкция // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №2 (22). С. 133–136.
- Харинский А.В. Городища-святилища северо-западного побережья озера Байкал: размещение, структура и конструктивные элементы // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы VII Междунар. науч. конф. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск, 2016. С. 276–283.
- Goto H. Chashi of Hokkaido // Chashi and its Religion of the Ainu: Ed. Hokkaido Chashi Stude Association. Sapporo, 1994. P. 29–56 (на яп. яз.).
- Murata S. Essay on reconstruction of Castle notion // Chashi and its Religion of the Ainu: Ed. Hokkaido Chashi Stude Association. Sapporo, 1994. P. 125–150 (на яп. яз.).

© 2017, Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ КЫРГЫЗОВ ТЯНЬ-ШАНЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ (древковое колющее и ударное вооружение)

Работа выполнена по гранту РНФ №14-50-00036

В истории военного дела кочевых этносов Центральной Азии в периоды позднего средневековья и Нового времени важная роль принадлежала кыргызам Тянь-Шаня. Они оказались в горах Тянь-Шаня в результате победоносной войны с уйгурами в конце I тыс. н.э. В средневековых мусульманских источниках подчеркивалась их воинственность. Кыргызов называли «дикими львами Моголистана», которые со многими соседними народами постоянно «воюют и враждуют» [Источники..., 1996, с. 34, 60].

С середины XIX в. некоторые сведения о военном деле и вооружении тянь-шаньских кыргызов были собраны учеными и путешественниками из России. Во время поездки в 1856 г. на оз. Иссык-Куль известный казахский ученый и путешественник, находившийся на российский воинской службе, Ч.Ч. Валиханов описал и зарисовал на кыргызском кладбище некоторые виды кыргызского оружия, оставленные на могилах кыргызских воинов, в том числе шест с бунчуком и лук с натянутой тетивой [Валиханов, 1984, с. 330–331]. Через год, в 1857 г., этот же кыргызский погребальный комплекс на Иссык-Куле посетила российская экспедиция известного ученого П.П. Семенова-Тянь-Шаньского. На одном из кыргызских мазаров он осмотрел изображения вооруженных всадников, у одного из которых в руках была показана пика [Семенов, 1946, с. 182–183]. Находившийся в составе этой экспедиции художник П.М. Кошаров зарисовал многие сцены из жизни и быта кыргызов Тянь-Шаня. На одном из рисунков этого художника были изображены кыргызские копыя, боевые топоры, сабля в ножнах и ружье на сошках [Валиханов, 1985, с. 38]. На рисунках П.М. Кошарова изображены не только предметы вооружения, но и кыргызские всадники с копьями [Абрамзон, 1953, отд. III, табл. 3; отд. IV, табл. VII–VIII]. Под наконечниками пик были прикреплены бунчуки [История..., 1984, с. 563–564]. По свидетельству одного из участников этой экспедиции И. Бардашева, кыргызские воины применяли огне-

стрельное оружие. Их ружья «вообще длинные, тяжелые и с фитилями вместо замков» [История..., 1984, с. 611]. В 1862, 1868 и 1869 гг. несколько экспедиционных путешествий в Иссык-Кульскую котловину и Чуйскую долину совершил известный тюрколог В.В. Радлов, изучавший язык и культуры кыргызов Тянь-Шаня. Он отметил, что у кыргызов у «каждой юрты стоит копье», чего нет у казахов. Для кыргызского народа был характерен особенный, «воинственный характер». По мнению этого ученого, кыргызы кочевали не семьями, а целыми родами, что позволяло им «в течение нескольких часов привести армию в полную боеготовность» [Радлов, 1989, с. 348].

В конце XIX – начале XX в. информативные сведения о «воинском укладе» кыргызов на Тянь-Шане были собраны первым кыргызским историком Б. Солтоноевым. В его сочинении рассказывается об участии в военных действиях разных возрастных групп кыргызских воинов, об известных кыргызских батырах, о разных тактических приемах ведения боевых действий, применяемых военными отрядами кыргызов. Воины использовали копья, «бердыши» и дубинки, стреляли из луков и ружей, в то же время достаточно редко применяли сабли. Вероятно, «бердышами» он называл боевые топоры на длинных рукоятях. В повседневных условиях кыргызы возили «бердыши» на луке седла, а копья прислоняли к стенке юрты [Солтоноев, 1996, с. 402–404].

В середине XX в. к изучению военного дела тянь-шаньских кыргызов исследователи стали шире привлекать сведения об оружии, содержащиеся в их эпическом наследии. Одним из первых к изучению кыргызского оружия на материалах эпоса «Манас» обратился известный этнограф С.М. Абрамзон. Он проанализировал сведения об особенностях военной организации и техники кыргызов. По его мнению, «весь строй киргизской народной жизни был пронизан суровой героикой военных походов и состоянием боевой тревоги». Этот исследователь пришел к заключению, что «основу киргизского войска составляла легкая конница». Позднее, с «появлением лат, вызвавших к жизни лук и стрелы с наконечниками, способными пробивать эти латы, начинают применяться части спешенных воинов, действующих во взаимодействии с подвижной конницей». По заключению данного автора, кыргызские мальчики начинали учиться ездить верхом на баранах и стрелять из лука в раннем возрасте – с 6–7 лет [Абрамзон, 1944, с. 170–171]. В дальнейшем исследователи неоднократно обращали внимание на сведения об оружии в сказаниях кыргызского героического эпоса. В своем сочинении С. Мусаев привел описания разных видов оружия и доспехов главного героя кыргызского эпоса. Он уделил внимание изучению оружия главного героя кыргызского эпоса – батыра Манаса, его знаменитой гладкой пике «сырнайза», а также изготовленному иранскими мастерами в Исфагане «живому ружью», мечу и боевому топору «ай-балта», панцирю «акколпок», кыргызским боевым знаменам белого и серого цвета [Мусаев, 1979, с. 159–161]. В публикации А. Садыкова [1982, с. 51] были рассмотрены сведения об изготовлении и применении пик кыргызскими воинами, содержащиеся в эпосе «Манас». В сочинении И.Б. Молдобаева описаны цвета и названия кыргызских боевых знамен. Согласно приведенным им сведениям, кыргызские знамена были белого цвета. Они именовались «ак-асаба» и «туу» [Молдобаев, 1983, с. 82]. В дальнейшем им были рассмотрены кыргызские боевые топоры «ай-балта» [Молдобаев, 1989, с. 122–123]. При проведении сравнительного анализа образов батыров в тюркских и монгольских эпических сказаниях Р.С. Липец [1984, с. 66] упомянула об описанном в эпосе «Манас» поединке конных воинов на пиках. В обобщающем труде по истории Кыргызстана говорится, что, помимо огнестрельного оружия, кыргызские воины применяли копья, пики, сабли, боевые топоры, кольчуги и защитные одеяния, изготовленные из грубой ткани [История..., 1984, с. 611]. В работе Г.Н. Симакова о народных играх и традиционных спортивных состязаниях кыргызов говорится о поединках конных воинов с использованием нагаек и тупых турнирных пик, а также специальных доспехов. По сведениям Г.Н. Симакова [1990, с. 64–72], в таких поединках и военных действиях «принимали участие даже женщины». В статье А.М. Камышева введены в научный оборот находки боевых наконечников ударно-дробящего оружия с городища Кара-Джигач в Чуйской долине Кыргызстана [Камышев, 2004, с. 83–84]. В источниках Нового времени говорится об использовании кыргызскими воинами ружей и пик. В ходе боев они «внезапно нападают и храбро идут вперед» [Мокеев, 2010, с. 144–146]. Проблемы применения кыргызами древкового колющего и ударного оружия в боевых условиях, а также в ходе погребальных и поминальных обрядов были рассмотрены в работах автора настоящей статьи и его соавторов [Худяков, Орозбекова, 2012, с. 302–304; Худяков, 2013, с. 151–152].

Важное значение в процессе изучения оружия ближнего боя кыргызских воинов имеют вещественные источники, а также изобразительные материалы и сведения письменных исторических источников. В процессе целенаправленного поиска и изучения оружейных коллекций в музейных собраниях

России и Кыргызстана были выявлены различные предметы вооружения ближнего боя, в том числе наконечники копий, боевые топоры «ай-балта» и булавы.

В музейных собраниях «Манас-Ордо» в с. Таш-Арык в Таласской долине, в частном музее «Раритет» в Бишкеке в Чуйской долине, в музее г. Каракол в Иссык-Кульской котловине Кыргызстана находятся кыргызские железные наконечники копий [Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2013, с. 165–169; Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2014, с. 308–309]. У всех копий, найденных в Таласской и Чуйской долинах, выделяются наконечники с ромбическим в сечении пером удлинненно-ромбической формы с остроугольным острием и покатыми плечиками. Наконечник из Таласской долины имеет затупленное острие. У данного наконечника укороченная шейка, коническая, разомкнутая по всей длине втулка с округлым отверстием для крепления к древку на противоположной стороне от шва. Наконечник копья из Чуйской долины, наряду с довольно небольшим пером, имеет удлиненную шейку и коническую втулку с несомкнутым швом и двумя округлыми отверстиями для крепления к древку с обеих сторон от этого разъема. Наконечник копья из Иссык-Кульской котловины имеет затупленное острие, укороченную шейку и коническую втулку. По наиболее характерным признакам формы пера данные наконечники можно отнести к древковому колющему оружию универсального функционального назначения. Они могли применяться для нанесения поражающих ударов как по не защищенным металлическими доспехами противникам, так и для пробивания вражеской индивидуальной металлической защиты. Хронологический период, в течение которого такие копья были на вооружении у кыргызов других средневековых nomadов Центрально-Азиатского историко-культурного региона, был достаточно широк. Копья со схожими по конструктивным особенностям наконечниками начали применяться древними воинами Саяно-Алтая в хунно-сяньбийский период [Худяков, 1986, с. 81]. Близкие по форме копья использовались тяжеловооруженными воинами в эпоху раннего средневековья. Они были на вооружении у древнетюркских панцирных всадников в составе войск Первого Тюркского и Второго Восточного Тюркского каганата [Горбунов, 2006, с. 47]. В то же время в составе комплексов вооружения западных тюрков и тюркешей, проживавших в течение эпохи раннего средневековья на территории Тянь-Шаня и Семиречья, были другие типы копий с удлинненно-треугольным пером [Худяков, Табалдиев, 2009, с. 118]. В эпоху «Кыргызского Великодержавия» подобные копья были на вооружении енисейских кыргызских воинов [Худяков, 1980, с. 52, 56–58]. Многочисленные информативные сведения о копьях содержатся в кыргызском героическом эпосе «Манас». В этих сказаниях кыргызские воины названы копыеносцами или теми, кто «может сражаться копьем» [Манас..., 1988, с. 338]. В кыргызском эпосе содержится описание богатырского копья главного эпического героя Манаса. У этого копья был восьмигранный в сечении наконечник с пропитанным ядом острием, как волчий язык, и длинное деревянное древко, окрашенное в двенадцать разных цветов и обтянутое сухожилиями [Манас..., 1988, с. 494]. Эта «гладкая пика» имела особенное название «Сырнайза». Она была изготовлена известным мастером по имени Саламат. На древки копий под наконечниками крепились знамена, флажки и бунчуки. На рисунках художника П.М. Кошарова изображены копья и пики с длинными древками, наконечниками удлинненно-ромбической и удлинненно-треугольной формы. Под наконечниками показаны пучки конских волос [Абрамзон, 1953, отд. III, табл. 3; отд. IV, табл. VII]. Согласно утверждению Р.А. Бейбутовой [1995, с. 130], в прошлом у кыргызов для обозначения копья применялся термин «сунгу», который со временем был вытеснен иранским по происхождению словом «найза». В эпосе «Манас» подробно описаны приемы применения копий в ходе боев с противниками. Одно из таких описаний посвящено поединку всадников, кыргызского батыра Манаса и калмацкой воительницы Сайкал. В ходе этого поединка противники неоднократно атаковали друг друга копьями [Манас..., 1988, с. 362–366]. Помимо своего основного, боевого применения, копья в культуре кыргызов Тянь-Шаня в течение эпохи позднего средневековья и Нового времени выполняли символическую роль – в определенных ситуациях они символизировали кыргызских мужчин – воинов [Шишло, 1975, с. 249]. При жизни кыргызского мужчины принадлежащее ему копые нередко устанавливали рядом с юртой, в которой он жил. Размещение копья у юрты было характерно для кыргызских кочевников. Оно свидетельствовало об их особой воинственности [Радлов, 1989, с. 348]. После смерти кыргызского мужчины его копые использовалось в процессе заупокойной обрядности – в поминальных церемониях, когда совершался обряд «преломления найзы» – древка копья. Копье могли устанавливать на могиле умершего или изобразить его с копьем в руках в помещении надмогильного сооружения – мазара [Худяков, Орозбекова, 2012, с. 303]. В отдельных случаях копые клали в могилу умершему, несмотря на то, что это противоречило канонам мусульманской погребальной обрядности.

Важным видом оружия ближнего и рукопашного боя у кыргызских воинов на Тянь-Шане были боевые топоры с широким полукруглым лезвием, известные под названием «ай-балта». В течение предшествующих лет кыргызские боевые топоры были изучены автором настоящей статьи в некоторых музеях Кыргызстана и России. В настоящее время такие топоры хранятся в собрании музея Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына в г. Бишкеке, в музее «Манас-Ордо» в Таласской долине, в коллекции предметов кыргызской культуры в Русском этнографическом музее в Санкт-Петербурге.

Один из боевых топоров, изученный в собрании этнографического музея, имеет выделенный шарообразный обух на короткой цилиндрической шейке, узкий проух и острый, расширенный к лезвию клин. На поверхности обуха и проушной части топора нанесен орнамент в виде радиальных, горизонтальных и перекрещивающихся диагональных полос. Боевой топор насажен на длинную прямую деревянную рукоять. Ее большая часть округлая в сечении. Она разделена зарубками на несколько поясков, выкрашенных в красноватый и синеватый цвета. Орнаментальный пояс, который находится в нижней части топорика, украшен сетчатым орнаментом.

Второй боевой топор из собрания этнографического музея вислообушный. Он имеет широкий клин, полукруглое лезвие с заостренными концами и трапециевидной проушной частью. Обух имеет расширение в сторону рукояти. На поверхности клина, под проухом, нанесены горизонтальные полосы. От обуха и нижней части проуха топора имеются железные пластины, которые крепятся к рукояти. Боевой топор насажен на округлую в сечении, удлиненную, плавно изогнутую в верхней трети, деревянную рукоять. На нижний конец рукояти насажен металлический набалдашник.

Один из боевых топоров с Таласской долины, хранящийся в собрании музея «Манас-Ордо», вислообушный. Он был обнаружен на памятнике Шельджи, или Садыр-Коргон, в Таласской долине Кыргызстана. У этого топора имеются плоский, немного расширенный в сторону рукояти обух, сужающийся в сторону клина проух и расширенный к лезвию клин. Данный топор имеет полукруглое широкое лезвие с полого загнутыми и приостренными концами.

Еще один боевой топор с памятника Шельджи из Таласской долины хранится в коллекции музея «Манас Ордо». Он низкообушный. Данный топор имеет невысокий, несколько уплощенный с торцевых сторон обух, узкий проух, расширенный в сторону лезвия клин, который снабжен широким полукруглым лезвием с круто загнутыми в сторону клина, закругленными и приостренными концами.

Два боевых топора хранятся в собрании оружия в музее «Раритет» в г. Бишкеке. Они были приобретены у собирателей, которые обнаружили эти находки на территории Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины Кыргызстана.

Один из этих боевых топоров имеет невысокий обух с полукруглым окончанием, неширокий проух, расширенный в сторону лезвия клин и широкое полукруглое лезвие с одним затупленным полуовальным, а другим обломанным концом.

Другой боевой топор из собрания музея «Раритет» обладает невысоким ступенчатым обухом с выступающей ударной частью, узким проухом, длинным, слегка расширяющимся клином и широким полукруглым лезвием с круто загнутыми, острыми концами. На торцевых частях обуха и клина имеются небольшие треугольные углубления, ориентированные приостренными концами вверх и вниз.

На одном из рисунков художника П.М. Кошарова изображены боевые топоры кыргызских воинов. Они показаны с плоскими обухами, удлиненными клинами и расширенным полукруглым лезвием. Топоры насажены на длинные прямые деревянные рукояти. С нижнего конца к ним прикреплены петли для обертывания вокруг ладони руки [Абрамзон, 1953, отд. IV, табл. VIII].

В кыргызском героическом эпосе «Манас» [1988, с. 429–432] содержатся описания ближних боев, во время которых кыргызские воины сражались со своими противниками, нанося им удары разными видами оружия, в том числе боевыми топорами.

Среди ударных видов оружия ближнего боя у кыргызских воинов важное место занимали железные булавы. Находки булав кыргызских воинов были исследованы автором настоящей статьи в собраниях музеев «Манас-Ордо» и «Раритет» в Кыргызстане [Худяков, Борисенко, 2015, с. 77–79].

Одна из булав, которая хранится в музейном комплексе «Манас-Ордо» в с. Таш-Арык в Таласской долине Кыргызстана, представляет собой железное боевое навершие цилиндрической формы, с раздутыми полукруглыми боковыми сторонами, которые рассечены на выступающие ребристые полосы узкими вертикальными углублениями. Данная булава предназначена для крепления на деревянной, округлой в сечении рукояти. По сведениям, полученным от сотрудников этого музея, данная находка

происходит с местонахождения средневекового городища Шельджи, или Садыр-Коргон, которое существовало в Таласской долине в течение периодов раннего, развитого и позднего средневековья вплоть до начального периода Нового времени [Худяков, Борисенко, 2015, с. 78].

Вторая находка железной булавы была обследована в коллекции частного музея «Раритет» в г. Бишкеке. Судя по сведениям, полученным от сотрудников этого музея, вероятнее всего, она могла быть обнаружена в Чуйской долине Кыргызстана. Данное боевое навершие булавы представляет собой железный предмет цилиндрической формы с полукруглыми сторонами. Над внешней поверхностью данной булавы выступают восемь продолговатых шипов треугольной формы. Из них четыре шипа расположены перпендикулярно поверхности булавы, а другие четыре шипа слегка скошены в одну сторону. В центральной части боевого навершия данной булавы имеется сквозное цилиндрическое отверстие, которое использовалось для ее крепления на деревянной рукояти.

Еще одно железное боевое навершие булавы было изучено в собрании Русского этнографического музея в Санкт-Петербурге. Данная булава имеет сферическую форму с цилиндрическим отверстием для крепления на окончании деревянной рукояти. Поверхность данного боевого навершия орнаментирована. Помимо железного боевого навершия, у этой булавы сохранилась удлиненная орнаментированная деревянная рукоять, части которой выкрашены в разные цвета, а на один конец рукояти насажено боевое навершие булавы.

Особенности применения ручного ударного оружия кыргызскими воинами в условиях боевых действий красочно описаны в сказаниях героического эпоса «Манас» [Мусаев, 1979, с. 123]. Судя по этим описаниям, кыргызские воины использовали булавы для нанесения поражающих ударов по противнику. Однако, по сведениям кыргызских эпических источников, среди разнообразных видов оружия ближнего и рукопашного боя булавы использовались кыргызскими батырами достаточно редко [Манас..., 1988, с. 362–369].

Помимо копий с железными наконечниками, боевых топоров и булав, кыргызские воины могли атаковать своих противников в ходе ближних и рукопашных боев и другими различными видами вооружения. Они применяли для поражения врагов различные виды длинного клинкового и ударного оружия: палаши и сабли, кистени. Важные информативные сведения о способах применения кыргызскими воинами различных видов оружия ближнего и рукопашного боя во время боевых столкновений содержатся в сказаниях кыргызского героического эпоса «Манас» [1988, с. 429–432].

Рассмотренные виды оружия составляют важную часть комплекса вооружения ближнего и рукопашного боя кыргызских батыров на Тянь-Шане в период позднего средневековья и начала Нового времени. Изучение предметов вооружения ближнего боя в составе оружейных коллекций в музеях Республики Кыргызстан и Российской Федерации показало, что кыргызские воины в течение рассматриваемого исторического периода владели разнообразным набором холодного наступательного оружия.

Библиографический список

Абрамзон С.М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») // Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР. Фрунзе, 1944. Вып. 1. С. 167–180.

Абрамзон С.М. Этнографический альбом художника П.М. Кошарова (1857 г.) // Сборник музея антропологии и этнографии. 1953. Т. XIV. С. 148–167.

Бейбутова Р.А. К истории названий оружия киргизского воина в эпосе «Манас» // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 125–137.

Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль в 1856 г. // Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 306–357.

Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 35–39.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. 2: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984. Т. I. 789 с.

Источники. Восточные источники о кыргызах // Кыргызы: источники, история, этнография. Бишкек, 1996. С. 9–67.

Камышев А.М. Оружие ближнего боя с городища Кара-Джигач // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 83–85.

- Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. 263 с.
- Манас. Киргизский героический эпос. М., 1988. Кн. 2. 687 с.
- Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане (Этапы этнической и политической истории кыргызского народа во второй половине IX – сер. XVIII вв.). Бишкек, 2010. 280 с.
- Молдобаев И.Б. Эпос «Жаныш и Байыш» как историко-этнографический источник. Фрунзе, 1983. 169 с.
- Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. Фрунзе, 1989. 152 с.
- Мусаев С. Эпос «Манас». Научно-популярный очерк. Фрунзе, 1979. 205 с.
- Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. 749 с.
- Садыков А. Героические мотивы в эпосе «Манас». Фрунзе, 1982. 135 с.
- Семенов П.П. Путешествие в Тянь-Шань 1856–1857 годах. М., 1946. 256 с.
- Симаков Г.Н. Народные развлечения и военное воспитание киргизов // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. Вып. 2. С. 48–74.
- Солтоноев Б. Из древней истории киргизов // Кыргыз: источники, история, этнография. Бишкек, 1996. С. 395–404.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.
- Худяков Ю.С. Древковое колющее оружие кыргызов Тянь-Шаня в позднем Средневековье и Новое время // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск ; Омск, 2013. Т. 2. С. 150–153.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Железные булавы из Чуйской и Таласской долин Кыргызстана (из коллекций музеев «Манас-Ордо» и «Раритет») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 3. Археология и этнография. С. 76–82.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Наконечники копий кыргызов Тянь-Шаня из музейных собраний «Манакс-Ордо» и «Раритет» в Кыргызстане // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7. Археология и этнография. С. 164–170.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Средневековое оружие из южной части Иссык-Кульской котловины (из музейных коллекций и частного собрания) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск, 2014. С. 308–310.
- Худяков Ю.С., Орозбекова Ж. Использование оружия в оформлении надмогильных сооружений кыргызов Тянь-Шаня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2012 г. Новосибирск, 2012. Т. XVIII. С. 301–305.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. 292 с.
- Шишло Б.П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 248–260.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

© 2017, Е.В. Асташенкова, Е.И. Гельман

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА БОХАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»)

Средоточием экономической, политической и духовной жизни средневекового бохайского населения были укрепленные крупные и среднего размера городища. Здесь находились административные, а в крупных городах религиозные центры, развивались торговля и ремесленное производство. Города имели более развитую, по сравнению с сельскими поселениями, социальную, транспортную и инженерную инфраструктуру. В городах проживало разное по своему общественному положению и статусу и этнической принадлежности население. Через города осуществлялись политические, экономические и культурные связи с соседними населенными пунктами, государствами, народами и территориями. По мере роста и развития государства Бохай складывался городской быт, формировалась культура элиты и простого населения. О росте и развитии городов в Бохое говорят размеры городищ, их географическое положение, внутренняя топография памятников, особенности фортификации, светской и религиозной архитектуры, следы специализированного ремесленного производства и торговых процессов.

Установленный план застройки городов, как правило, свидетельствует в пользу наличия сильного централизованного управления. В середине VIII в. в Бохое появилась строгая планировка, соответствующая китайскому архитектурному стилю [Болдин, Ивлиев, 1997, с. 96]. В столичных городах и окружающих центрах Бохая соблюдались китайские строительные каноны того времени, когда за архитектурный эталон была принята столица Тан – г. Чанъань. Так, Верхняя столица Луньцюаньфу в городище Дунцинчэн, Восточная столица Люньюаньфу в городище Баянчэн, Средняя столица Сяньдэфу в городище Сигучэн, городище Чхоньхэ, которое исследователи отождествляют с остатками Южной столицы Бохая – Наньхайфу, а также городище Дачэнцзы имеют прямоугольную в плане или близкую к ней форму [Болдин, Ивлиев, 1997, с. 85, Стоякин, 2012, с. 176]. На территории ряда бохайских городищ конструктивно выделяется «внутренний» город, который располагался, как правило, в северной части внешнего города. Внутренний (или «царский») город зафиксирован на территории Верхней, Восточной и Средней столиц Бохая. Этот же принцип положен в основу планировки бохайских городищ, расположенных на территории Приморья. Так, на Краскинском городище религиозный и административный центры располагались в северо-западной части города [Гельман, 2006, с. 40]. На городище Кокшаровка-1 внутренний город также находился в северной части городища (его площадь – около 45 600 м²) и был отгорожен по периметру валом [Археологические памятники..., 2015].

На памятниках, где систематически проводились геофизические и археологические исследования (Краскинское и Кокшаровское-1 городища), установлена планировка жилых кварталов, которая позволяет судить о высокой плотности застройки городищ и сосредоточении здесь значительного количества населения. Общественное положение и занятия жителей разных кварталов, вероятнее всего, различались. Так, на городище Горбатка удалось выявить ремесленный квартал бронзолитейщиков [Гельман и др., 2001; Гельман, 2002]. Распространение бронзовых изделий на территории Краскинского городища свидетельствует, по нашему мнению, о том, что вблизи центральных дорог и храмового комплекса в северной части города проживали в первую очередь представители привилегированной части населения.

Дороги и площади выполняли в городе важную практическую и социокультурную функцию. Улицы внутри городищ связывали различные районы города, упорядочивали его внутреннее устройство. Крупные дорожные магистрали делили город на значимые части. Так, широкий проспект шириной до 110 м, обнаруженный в Дунцинчэне, тянулся от южных ворот городища до южных ворот царского го-

рода. На Краскинском городище дорога шириной до 30 м, проходя от южных ворот до северной стены оборонительного вала, тоже выделяла в городе две части – восточную и западную. Широкие улицы делили города на кварталы и блоки внутри них. Четыре дороги шириной около 50 м и менее широкие улицы в Дунцзинчэне проходили в широтном и меридиональном направлениях. Улицы, идущие с севера на юг и с востока на запад, одна из которых имеет длину 585 м и ширину около 3 м, обнаружены на территории городища Чхонхэ [Болдин, Ивлиев, 1997, с. 91]. Археологические исследования участков дорог на Краскинском городище показали, что статус его менялся, и уже в четвертом строительном горизонте дорога, пересекавшая город с севера на юг, была вымощена камнем, что явно отражает планирование и организацию общественных работ администрацией города. При этом уровень дорожного строительства был довольно высок, разборка мощеной камнем дороги в проходе предвратного укрепления в районе восточных ворот показала наличие как минимум трех уровней вымостки. Также несколько уровней дороги удалось выявить при раскопках дороги, проходящей у стены, отделяющей храмово-административный комплекс от жилой части города.

В районе дорог и площадей происходили многочисленные события городской жизни, здесь осуществлялась разнообразная хозяйственная деятельность населения города, что отразилось в отложениях как на самой дороге, так и рядом с ней. Именно здесь встречено значительное количество игральные фишек, которые характеризуют социальную и культурную значимость этого объекта в городе, как это было в других городах Дальнего Востока. В них улицы являлись главными городскими рынками, где собиралось значительное количество людей, в том числе и игравших в популярные в то время игры типа Гону. Многолетний анализ игральные фишек на Краскинском городище показывает, что в верхних строительных горизонтах они встречаются гораздо чаще, чем в нижних. Вероятно, по мере становления и развития городища его статус постепенно менялся (что прослеживается и на другом археологическом материале), увеличивалась плотность населения, а быт и досуг жителей все более приближались по уровню к жизни населения столичных центров. Игра Гону постепенно приобретала все большую популярность, пик которой пришелся на IX – начало X в.

То, что именно в городах было сосредоточено значительное количество населения, в том числе и государственная элита, способствовало распространению здесь буддизма. Археологические раскопки, проведенные на бохайских памятниках, показывают, что крупные буддийские храмы сосредоточены преимущественно в столичных и областных центрах Бохая. Остатки как минимум девяти храмов выявлены на территории городища Дунцзинчэн и в его окрестностях [Бохай каогу, 2008, с. 117], следы храмовых построек обнаружены в Восточной столице – на городище Баянчэн [Болдин, Ивлиев, 1997, с. 89, Чжань Цзюнь, 1994, с. 65], храмовый комплекс исследован в северо-западной части Краскинского городища [Болдин, 1992, с. 60]. Отдельные небольшие буддийские храмы были сосредоточены на тех территориях, которые имели важное стратегическое значение для развития Бохая и вошли в состав государства довольно рано. Так, в пределах бохайской области Шуайбинь (бассейн р. Раздольная) обнаружены следы четырех культовых построек. Высокая плотность археологических памятников и, соответственно, плотность населения в этом районе позволяют рассматривать его как полупериферию, которая имела шансы со временем стать центром [Гельман, 2006, с. 41]. О том, что буддизм только начинал «завоевывать» территорию Бохая, говорят следующие данные археологии: на территории городских поселений внутренней и внешней периферии государства не зафиксировано каких-либо следов храмового строительства и пока не обнаружено изделий, связанных с буддийской иконографией. Еще одним вероучением, распространенным в Бохае, был даосизм, который в Танской империи был признан как официальная религия [Чжань Цзюнь, 1994, с. 63]. Сложность этого религиозного направления, обилие строгих предписаний и заповедей обусловили его большое распространение среди верхних слоев бохайского общества.

Если буддизм и даосизм были в большей степени достоянием элиты, то простое население придерживалось традиционных взглядов и воззрений. Придание повседневным вещам антропо- или зооморфного вида, украшение их орнаментами – обычное явление в декоративно-прикладном искусстве многих народов. Это можно рассматривать и как отголоски шаманских представлений, тесно связанных с анимизмом, магией, тотемизмом. К сожалению, проследить в археологическом материале народные верования сложнее, поскольку, как правило, не осталось заметных культовых построек, а в обрядах использовались атрибуты, изготовленные из плохо сохраняющихся материалов. О характере этих представлений мы можем судить лишь по некоторым категориям археологических находок. На бохайских памятниках находят клыки диких животных, астрагалы и бабки домашнего скота, которые имели не

только утилитарное значение, но и использовались в ритуальных целях. Так, на Марьяновском городище в бохайском слое в котловане жилища №1 были обнаружены орнаментированный костяной держатель от кресала, коготь с отверстием и фрагменты челюстей и черепа медведя, две кости животных с просверленными для подвешивания отверстиями. Эти находки вполне можно трактовать как шаманские атрибуты. Не стоит исключать возможность того, что одной из функций тамгообразных знаков на керамике был оберег содержимого сосудов или владельца посуды. С традиционными верованиями, вероятнее всего, связаны бронзовые фигурки всадников на лошадях, найденные на бохайских и бохайского времени памятниках. Особенный интерес представляют так называемые кубические изделия со взаимопересекающимися отверстиями. Наравне с утилитарным значением данные артефакты определенно несли символическую нагрузку. Им явно неслучайно придавали антропоморфный вид. Кроме того, на их примере прослеживается постепенная трансформация традиционных взглядов населения под влиянием официальной религиозной доктрины, какой являлся буддизм. Привычным в быту вещам придавали новую форму в соответствии с новыми представлениями. Так, на территории бохайских памятников найдены изделия со взаимопересекающимися отверстиями, которые выполнены в виде культовых или административных построек.

Бохайские города были центрами образования (не последнюю роль в этом сыграли находящиеся здесь буддийские храмы). Исследователи отмечают высокий уровень грамотности в Бохае. Письменность была иероглифическая. Ее использовали как бохайская аристократия в переписке и на погребальных стелах, так и простые ремесленники, которые оставили надписи на керамических сосудах, черепице, стенах храма [Ивлиев, 2014]. На черепице, обнаруженной при раскопках храма Краскинского городища, есть прочерченный по сырой глине иероглиф. Он состоит из двух графем, которые вместе не встречаются в китайской иероглифике [Ивлиев, 2014, с 208]. Возможно, мы имеем дело с процессом становления собственной письменности на основе китайских иероглифов.

На территории бохайских городищ отмечены следы специализированных производств: гончарного, черепичного, железоделательного, бронзолитейного [Конькова, 1989; Гельман, 2006; Гельман, Кодзима, 2013]. Археологические данные свидетельствуют о налаженных торговых обменных процессах (внутреннем и внешнем) как в разных регионах государства, так и с другими странами. Важную роль в этом играли городские центры разного уровня [Гельман, 2006, с. 46–47]. Своя денежная система в Бохае, тем не менее, не сложилась.

В городах была более выражена дифференциация населения. Несмотря на то, что набор украшений, которым пользовалось бохайское население, был стандартен: однотипные элементы наременной гарнитуры, декоративные гвоздики и накладки, шпильки, подвески в виде птичек и др., – материал и технологии изготовления этих изделий позволяют говорить об имущественной стратификации бохайского населения в городах. Как правило, для производства статусных вещей для аристократии использовали бронзу (позолоченную в том числе), золото, серебро, нефрит, глазурованную керамику. Очевидно, что большей ценностью, а соответственно, и большим престижем обладали привозные вещи (стекло, лаковые изделия).

Городища Бохая демонстрируют регламентацию внутренней структуры (размещение культовых и/или административных зданий, ремесленных и жилых кварталов). Археологические данные свидетельствуют о том, что они становились центрами специализированного ремесленного производства (керамики, черепицы, строительство храмов и административных сооружений, бронзолитейное и железоделательное производство). В городах развивалась внутренняя и внешняя торговля, свидетельством чего выступают изделия из фарфора и глазурованной керамики, остатки раковин моллюсков из бассейнов других рек и морского побережья [Гельман, 2006]. Здесь наблюдалась более высокая плотность населения и его дифференциация. Можно выделить два пласта – культуры элиты и простого населения. Первая развивалась под сильным влиянием танского стиля и моды и буддийской идеологии. Вторая унаследовала традиции мохэских племен, основателей государства. Города в первую очередь становились центрами распространения грамотности и официальной идеологии.

Несмотря на то, что городская культура Бохая в целом не отличалась кардинально от поселенческой, она обладала иным качественным и количественным выражением. Это проявляется в размерах городов, которые значительно превышают размеры поселений (в среднем в несколько раз), наличии различных типов построек (административных, культовых, общественных). Ремесло, которое, безусловно, развивалось и на территории поселений, в городских центрах было представлено гораздо шире, оно становится более специализированным. Только для Краскинского городища выявлено 28 групп

сосудов, в каждом из которых от 1 до 9 типов. Видовое разнообразие бронзовых предметов, обнаруженных на этом же памятнике, отражает статус города-порта, расположенного на перекрестке сухопутных и морских дорог.

Развитие городской культуры происходило неравномерно. Наиболее ярко она проявляется в тех городах, которые располагались в центре государства и/или в непосредственной близости от него.

Библиографический список

Археологические памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 в Приморье: Итоги исследований российско-корейской экспедиции в 2012–2014 гг. Сеул, 2015.

Болдин В.И. Бохайские городища в Приморье // Россия и АТР. 1992. №2.

Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Столичные города Бохая // Россия и АТР. 1997. №3.

Бохай каогу (Археология Бохая) / Вэй Цуньчэн. Пекин, 2008.

Гельман Е.И. Предварительные итоги исследований городища Горбатка в 2000–2001 гг. // Россия и АТР. 2002. №3.

Гельман Е.И. Центр и периферия северо-восточной части государства Бохай // Россия и АТР. 2006. №3.

Гельман Е.И., Кодзима Ё. Производство бронзы бохайским населением долины р. Илистой // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №5.

Гельман Е.И., Никитин Ю.Г., Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Исследования на городище Горбатка // Россия и АТР. 2001. №1.

Ивлиев А.Л. Эпиграфические материалы Бохая и бохайского времени из Приморья // Россия и АТР. 2014. №4.

Конькова Л.В. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР (рубеж I–II тыс. до н.э. XIII век н.э.). Л., 1989.

Стоякин М.А. Бохайские городища на территории Китая // Россия и АТР. 2012. №4.

Чжань Цзюнь. Особенности развития культуры Бохая // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994.

© 2017, С.В. Берлина¹, В.М. Костомаров¹, Т.Н. Рафикова¹, И.К. Новиков², А.А. Ткачев¹

¹Тюменский научный центр СО РАН, Институт проблем освоения Севера, Тюмень;

²Курганский государственный университет, Курган

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИЛИЩА ИСЕТСКОГО-2 ПОСЕЛЕНИЯ

История средневековых культур лесостепной зоны Зауралья благодаря исследованиям последних двух десятилетий освещена достаточно хорошо. Раскопки и анализ материалов ряда городищ позволили осветить основные аспекты материальной культуры и этнических процессов, особенностей хозяйства носителей бакальской, юдинской культур эпохи Средневековья. Тем не менее ряд вопросов в средневековой археологии Зауралья остается остро дискуссионным. Один из них – хронологическая позиция бакальской археологической культуры. Многослойность средневековых объектов, незначительная толщина культурных напластований, компрессия слоев либо смешение материала затрудняют применение методов относительного и абсолютного датирования к материалам лесостепного Зауралья. В освещении нуждается и характеристика домостроительной традиции. Практически все постройки изучены на городищах. Особенности строения жилищ на неукрепленных поселках почти не исследованы. В связи с этим особую значимость имеют материалы Исетского-2 поселения – поселка, существовавшего в эпоху раннего и развитого средневековья, культурный слой которого оставлен носителями бакальской культуры.

Поселение Исетское-2 расположено в глубине второй надпойменной террасы правого берега Исети в Нижнем Приисетье. Поселение в плане имеет подпрямоугольную форму, вытянутую с юго-запада на северо-восток; площадь – около 46 тыс. м². Характер рельефа местности – дюнный, вероятно, этим и обусловлено расположение западин на территории поселения – они фиксировались на возвышенностях, группами (рис. 1.-1).

На поселении изучены остатки 15 сооружений (рис. 1.-2, 3). Установлено, что постройки практически не углублены в материк (за исключением жилищ 6 и 5), контуры зафиксированных котлованов

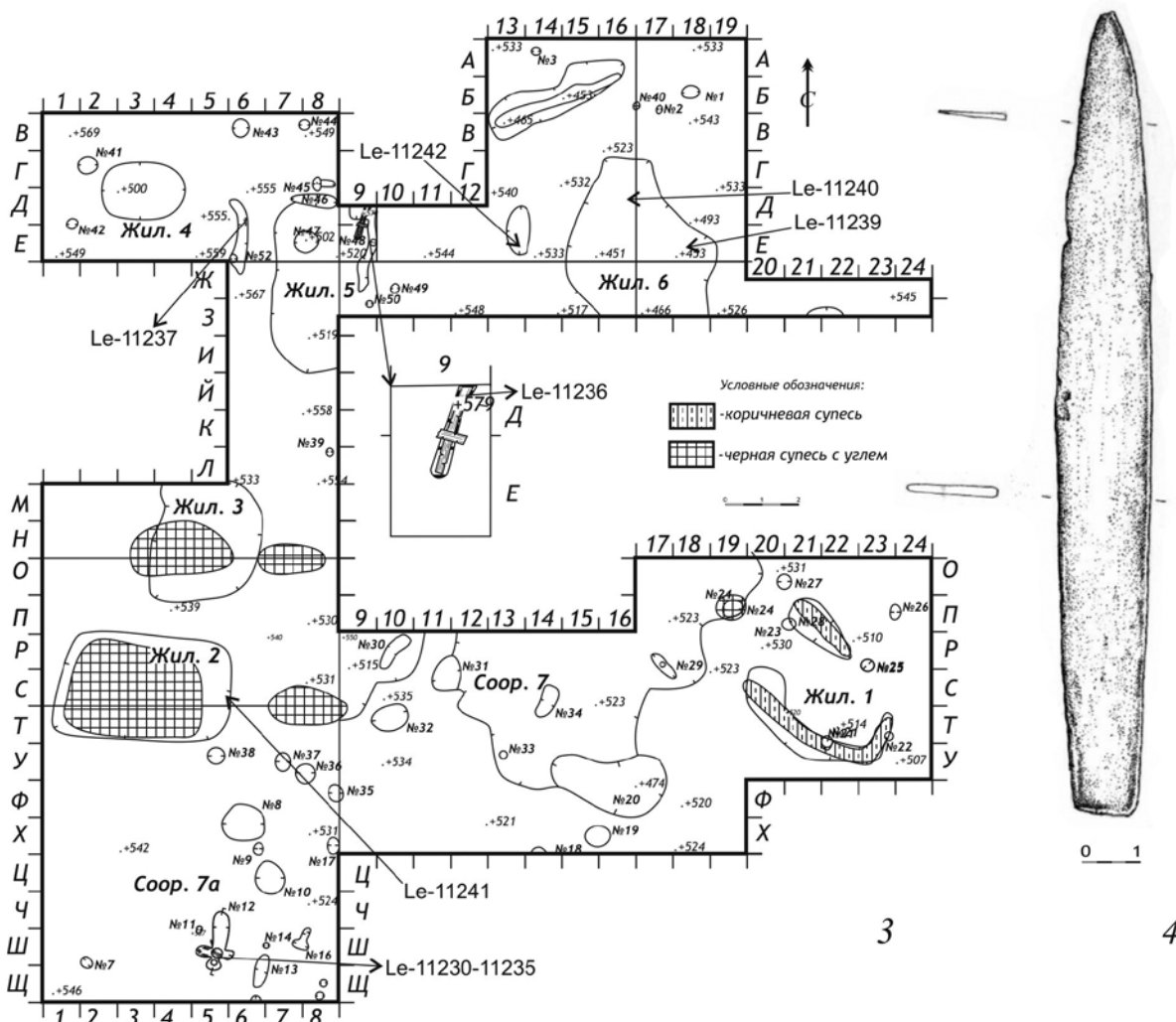
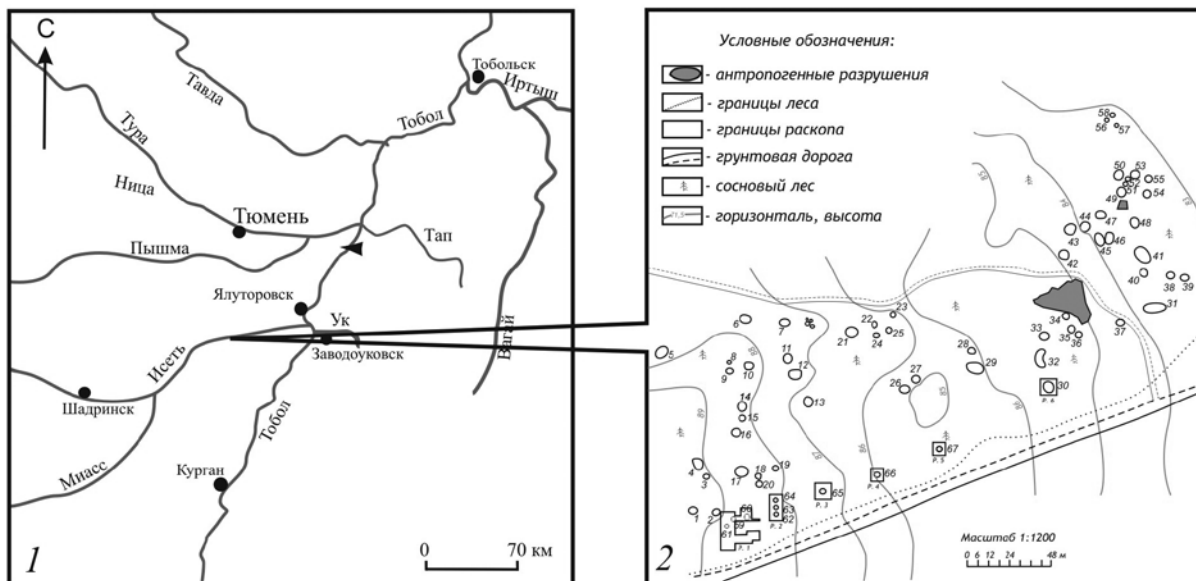

Рис. 1. 1 – карта-схема расположения поселения Исетское-2; 2 – план памятника Исетское-2 с указанием раскопов; 3 – план раскопа 1 поселения Исетское-2; 4 – бронзовый нож с раскопа 2 поселения Исетское-2

образовались, скорее всего, из-за промывания в грунт органики с поверхности, где и располагались собственно жилища. Говорить об этом позволяет и тот факт, что в предматериковом слое практически не было зафиксировано находок – только в отдельных ямах и понижениях.

Жилище 1 фиксировалось в виде двух более темных пятен-канав, заполненных коричневой супесью. Они ограничивали площадку размерами 3,5×4,15 м. Рядом с канавами зафиксированы и ямы от столбов, заполненные серой супесью с углем. За пределами постройки отмечена яма №24, размерами 68×82 см, верхним заполнением которой являлась черная углистая супесь. Возможно, в данном месте был очаг. После выборки слоя, ямок и канавок на фоне материка выявились две канавы. Южная канава имела вид скобы, с загибающимися вовнутрь краями. Глубина канав составляла 7–10–12–21 см. Полагая, стены постройки были срубными, отмеченные ямки – это следы стоек-подпорок стен, так называемых стульев, или стоек от конструкции кровли, элементов внутреннего интерьера.

Жилище 2 выявилось в виде темного пятна черной супеси размерами 3,5×2,5 м. На уровне материка обозначился котлован подпрямоугольной формы, размерами 4,65×3,0 м, ориентированный практически по линии З–В. Глубина в материке составила 0,2–0,3 м в центре. Очага в постройке не зафиксировано, деталей конструкций в виде ямок, канавок не отмечено. Восточнее жилища на первом горизонте отмечалось пятно черной супеси овальной формы, размерами 2,1×1,0 м. Возможно, оно конструктивно связано с жилищем, является следами пристроя, навеса около постройки (?). Высказать такое предположение позволяет наличие аналогичного пятна восточнее жилища 3, что указывает на закономерность в строении жилищ и оформлении околожилищного пространства.

Севернее располагалось жилище 3. Постройка также фиксировалась в виде овального пятна черной супеси размерами 2,8×1,5 м. После третьего горизонта выявился котлован сооружения размерами 3,0×3,1 м. Форма стенок пологая, глубина его составляла 0,2–0,25 м в центре сооружения. Очага и следов элементов конструкции не зафиксировано. К жилищу 4 нами отнесены глубокая (возможно, хозяйственная) яма №51 подпрямоугольной формы (размерами 2,25×1,55 м, глубиной 0,73–0,78 м) и ямки от столбов-стоек, расположенных за пределами ямы, которые ограничивали площадку трапециевидной формы размерами 4,0×3,7×2,0 м. Жилище 5 располагалось восточнее жилища 4. При снятии первого горизонта фиксировались пятна черной углистой и коричневой супеси. Вероятно, пятна образовались от разрушения и археологизации деревянных конструкций постройки. В кв. Д-Е/9 на фоне светло-желтой супеси фиксировались остатки деревянных конструкций от двух бревен, лежащих относительно друг друга под прямым углом. Толщина бревен составляла от 8 до 12 см, длина – 90 и 28 см. Ниже фиксировались канавки, заполненные серой супесью с вкраплениями угля, ориентированные в направлении З–В. Полагаем, это следы от раскатившихся бревен стены постройки, так как ниже канавки фиксировались в материке параллельно этим. Общие размеры жилища составляли около 5,0–5,2×2,7–2,8 м, возможно, в широтном направлении до 4,0 м, если канава в кв. Д-Е/6 относилась к жилищу 5. Постройка была сооружена в срубной технике – в пользу этого свидетельствует не только наличие канавок в материке, но и зафиксированный выше элемент обгоревшей стены с участком переруба с остатком.

Жилище 6 фиксировалось до раскопок как западина 4,0×3,0 м, глубина – 0,35–0,55 м. В заполнении котлована фиксировалась линза коричневой супеси размерами 2,6×1,0 м, полагая, она маркирует обрушившиеся и разложившиеся остатки деревянных конструкций. Ниже, вдоль краев котлована, внутри полуземлянки обнаружались линзы серой супеси с вкраплениями угольков. Размеры постройки по контурам котлована составили 3,6–4,0×4,0 м (южная стенка не исследована). В данной постройке прослежен выход в виде выступа в котловане размерами 1,0×1,3–1,4 м. Предположительно, размеры постройки могли быть больше – на расстоянии 1,0–1,5 м от стен котлована наблюдается небольшое понижение в материковой поверхности (на 0,25 м). В 1,25 м к западу от котлована отмечен обгоревший фрагмент бревна размерами 20×12 см. В 1,5 м к северо-западу от входа зафиксирована канава длиной 4 м, шириной 0,5–0,7–1,0 м, глубиной 0,75 м, в ней найдены обломки сосудов, кости.

Жилище 7 локализуется западнее жилища 1, четких очертаний не зафиксировано ни в поддерновом слое, ни на уровне материка. В целом отмечается понижение аморфной формы, размерами около 4–5×6 м, внутри понижения отмечены ряд ям, керамика. Полагаем, какая-то постройка (7а) существовала юго-восточнее жилища 2 – в данном месте зафиксированы две перекрещивающиеся канавки (№12) со следами сгоревшего дерева в слое серой супеси с угольками от основания венца сруба. При этом под перекрестьем фрагментов дерева зафиксирована ямка от столба, в которую были установлены две вертикальные стойки-подпорки в виде бревнышек толщиной 5–6 см. Северо-восточнее канавок фиксируется ряд ям диаметром 0,15–0,5 м, образующих подпрямоугольный контур размерами около 5,0×3,0 м.

Жилища 8–10 находились к востоку от основной группы. Они располагались цепочкой по линии С–Ю, размеры их составляли 4,2×3,4; 3,7×3,4; 3,15×3,0 м соответственно. Форма в основном округлая, в северо-западной части фиксировался выход-выступ, размерами 1,0–1,25×0,75–1,25 м, сооружение 10

возможно соединялось коридором-переходом с сооружением 9. В котловане жилища 10 и на межжилищном пространстве отмечены несколько ямок от столбов.

Жилище 11 на фоне материка выявилось в виде небольшого понижения подтреугольной формы, размерами 4,2 (по основанию)×3,3 м, глубиной 0,2–0,5 м. За пределами углубления фиксировались ямы аморфной формы, размерами от 1,4–1,2×0,65–0,6 м до 0,3–0,4 м. Они оконтуривали подпрямоугольную площадку размерами около 7,5×8,5 м, и, полагаем, маркировали границы постройки.

Жилище 12 представляло собой округлый котлован диаметром 2 м, глубиной до 0,35 м, с выступом в юго-западную сторону размером 2,2×1 м. Вокруг углубления имелись столбовые ямки, расположенные бессистемно. В юго-восточном углублении отмечено пятно прокала диаметром 0,5 м.

Жилище 13 и 14 имело округлую форму, размеры 4×4 и 4,2×4 м соответственно, с выходом–выступом в юго-восточном направлении. Вокруг котлованов также отмечены несколько ям различных размеров и конфигурации.

Интересной особенностью построек является отсутствие в них очагов, зафиксированы прокалы на межжилищном пространстве около жилища 1, 2, 12. Полагаем, что сооружения №1–6, 8–11, 13–14 являлись жилыми и носили сезонный характер. Часть (№7, 7а, 12) могла использоваться в хозяйственных целях – для хранения хозинвентаря, снастей, запасов.

Из исследованных построек как минимум две (№1 и 5) следует отнести к срубным (срубно-каркасным): о подобной технике возведения нижней части жилища свидетельствуют канавки более темного грунта по периметру построек и зафиксированные остатки сгоревших деревянных конструкций – угла сруба. Постройка 7а, предположительно, также была построена в срубной технике. Зафиксированный угол сруба и наличие ямок по предполагаемому периметру постройки, оставшихся, по нашему мнению, от подпорок нижнего венца, свидетельствуют о срубном характере стен. Отсутствие столбовых ямок, подпрямоугольные очертания контуров построек позволяют высказать гипотезу об аналогичной технике строительства и жилищ №2, 3.

Остальные постройки (4, 7, 8–14) представляли собой легкие наземные каркасные сооружения, с округлым или подпрямоугольным основанием. Стены их могли сооружаться как из прислоненных к каркасу жердей, расколотых бревнышек, крытых корой, так и из каркаса, крытого берестяными покрывками или шкурами животных. Исключение составляет жилище 6 – прямоугольное, с углубленным основанием, каркасно-столбовое.

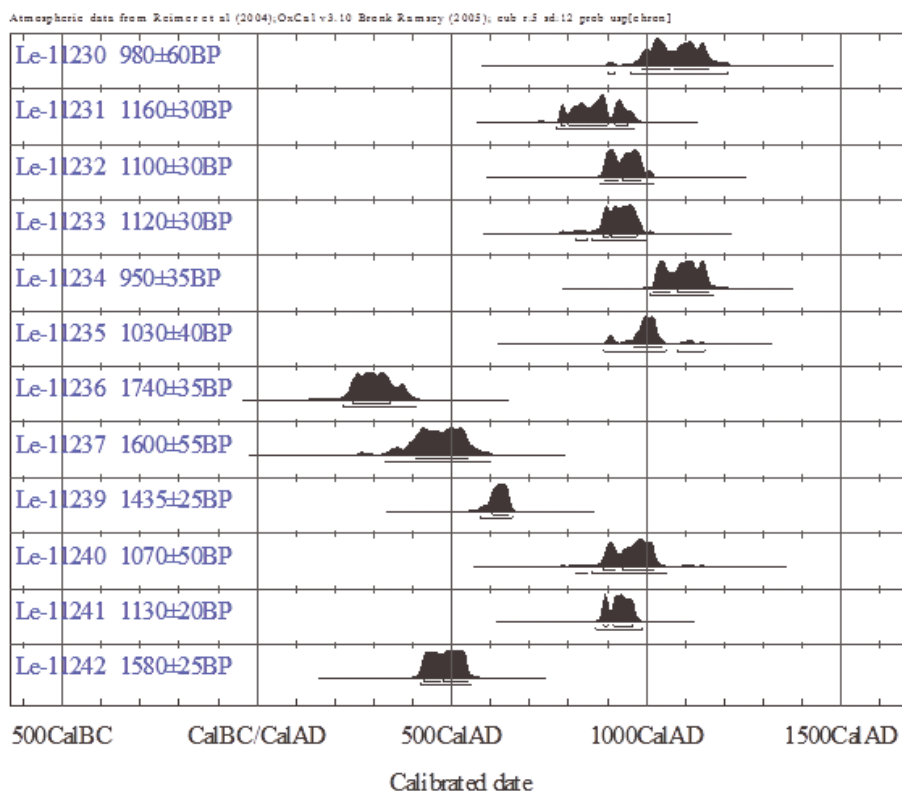

Рис. 2. График распределения калиброванных дат с поселения Исетское-2

Таким образом, на поселении зафиксировано как минимум три типа построек: наземные со срубными стенами, наземные с легкими каркасными стенами и углубленные с каркасными стенами.

Жилища бакальской культуры (22 ед.) изучены на шести памятниках – Коловском, Усть-Утякском, Усть-Терсюкском, Царевом городищах, Старо-Лыбаевском-1 и Зотинском-IV поселениях. Большая часть исследованных сооружений (18 ед.) располагалась на многослойных объектах и следы конструкций были часто разрушены более поздним населением. Кроме того, практически все объекты исследованы на укрепленных поселениях [Рафикова, 2011]. На сегодняшний день известно 31 городище и 36 поселений [Рафикова, 2011], однако раскопками на неукрепленных поселках исследована одна постройка на селище Старо-Лыбаевского городища [Овчинникова, 1988], и три – за Зотинском-IV поселении [Борзунов, 1993].

В целом исследованные нами жилища схожи с постройками, изученными на Коловском, Усть-Терсюкском городищах, Зотинском-IV, Старо-Лыбаевском селищах, характеризующимися небольшой углубленностью, часто отсутствием или малым количеством следов конструкции. На Исетском-2 поселении преобладают (как и на других памятниках бакальской культуры) наземные сооружения облегченной конструкции, что может быть как частью домостроительной традиции населения эпохи Средневековья, так и указывать на сезонное и/или хозяйственное их использование (постройки располагались на периферии поселения). Помимо наземных и углубленных каркасно-столбовых построек, впервые для памятников бакальской культуры зафиксированы жилища, возведенные в срубной технике.

Таким образом, по материалам поселения мы можем судить о строительных традициях на неукрепленном поселении бакальской культуры. Можно предположить, что доля срубных жилищ у бакальского населения была больше. Археологизация срубных объектов зачастую приводит к полному разрушению следов наземных и слабоуглубленных построек.

Данные радиоуглеродного анализа выявили сложную картину. В жилищах и на межжилищном пространстве были отобраны 12 образцов для радиоуглеродного датирования.

Шесть образцов из сооружения 7а (Le 11230-11235) указывают на функционирование постройки в конце раннего – развитии средневековья, в IX–XII вв. н.э. Проба из жилища 5 (Le-11236–11237) датирует постройку в рамках III–VI вв. н.э. Из жилища 6 отобрано три образца, два (Le-11239, 11244) из которых укладываются в период V–VII вв. н.э., а один (Le-11240) – в IX–XI вв. н.э. Последний, вероятно, попал в западину позднее. Образец из жилища 2 (Le-11241) указывает на существование сооружения в IX–XI вв. н.э. Таким образом, полагаем, что поселение функционировало продолжительное время, постройки располагались бессистемно, на свободной площади, не перекрывая друг друга.

Наличие в окрестностях поселения реки и пойменных лугов делало данную территорию выгодной для рыболовства и выпаса скота, наличие леса вдоль и в глубине террасы давало широкие возможности для сбора дикоросов, что делало территорию привлекательной для функционирования сезонного поселка в течение длительного времени.

Раскопками на поселении установлено, что данная территория эксплуатировалась длительное время – на протяжении III–XII вв. На площади поселка строились преимущественно легкие каркасные строения, встречались углубленные каркасные жилища, а также жилища, построенные в срубной технике. Отсутствие очагов внутри строений и наличие их следов за пределами жилищ позволяет предположить, что поселение функционировало в теплое время года. Малое количество костей животных и инвентаря также свидетельствуют, на наш взгляд, о сезонном характере поселения и отсутствии большого объема производственной деятельности. Вероятно, население в данном месте бóльший упор делало на присваивающие отрасли – охоту, рыболовство, собирательство.

Библиографический список

Борзунов В.А. Зотинское-IV городище на р. Багаряк // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 111–134.

Овчинникова Б.Б. Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 141–152.

Рафикова Т.Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 24 с.

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ БОХАЙСКИХ ГОРОДИЩ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»)

Введение. Систематические исследования бохайских памятников на территории южной части российского Дальнего Востока в последние десятилетия позволили уточнить как списочный состав бохайских городищ, так и особенности их фортификационных сооружений. В представляемое исследование включались только бохайские памятники (в том числе те, на которых выявлены дополнительно бохайский и постбохайский слои), которые могли входить в территорию государства Бохай. Рассмотрены типы бохайских городищ и их место в административно-территориальной системе, а также конструктивные особенности оборонительных сооружений наиболее изученных памятников.

Типы городищ (рис. 1, 2). Бохайские городища традиционно разделяются на равнинные и горные [Шавкунов, 1968; Государство Бохай, 1994]. Равнинные памятники преобладают (городища Краскин-

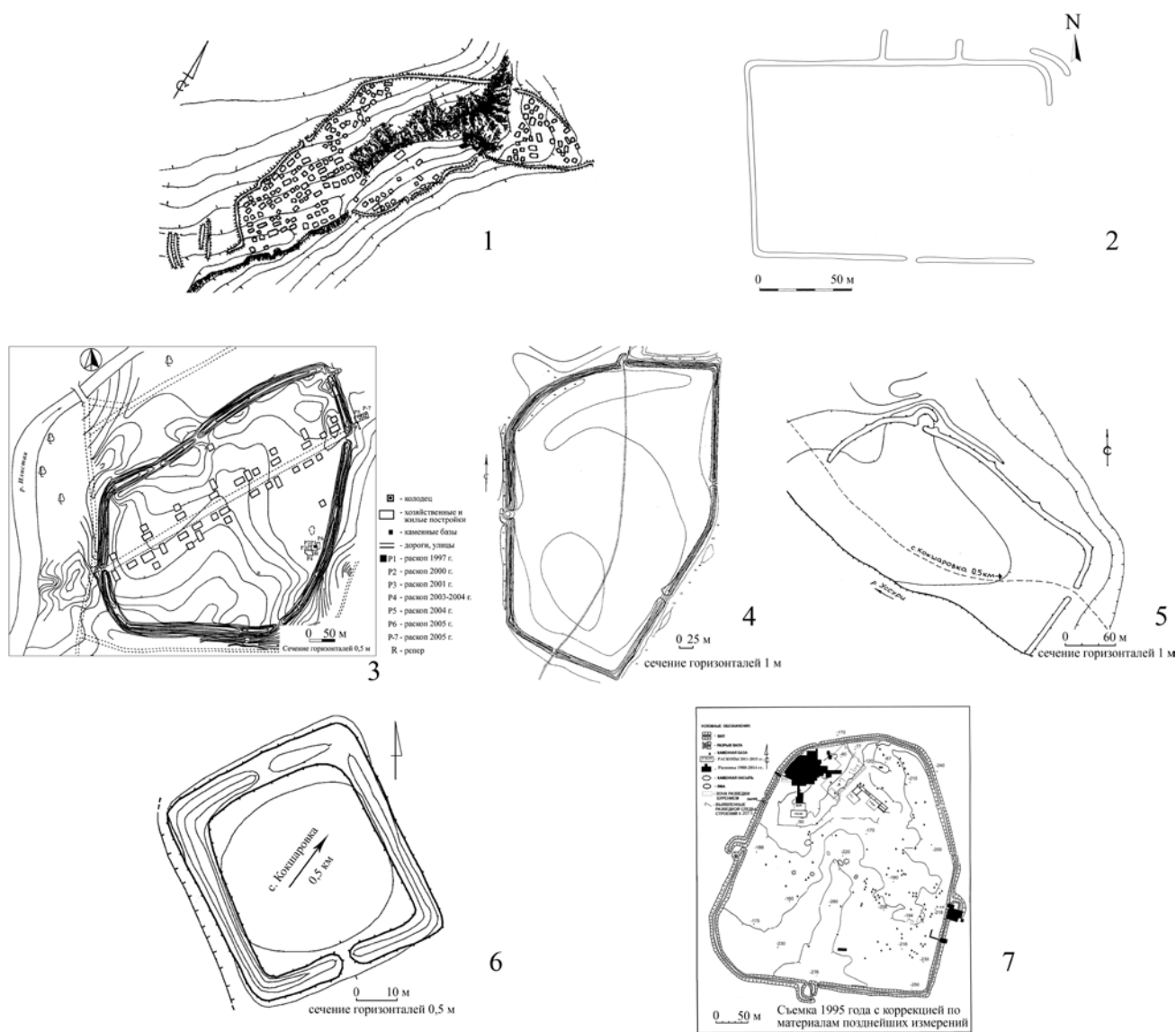

Рис. 1. Бохайские городища Приморья:

1 – городище Ауровское; 2 – городище Высокое; 3 – городище Горбатка; 4 – городище Кокшаровка-1; 5 – городище Кокшаровка-2; 6 – городище Кокшаровка-3; 7 – городище Краскинское

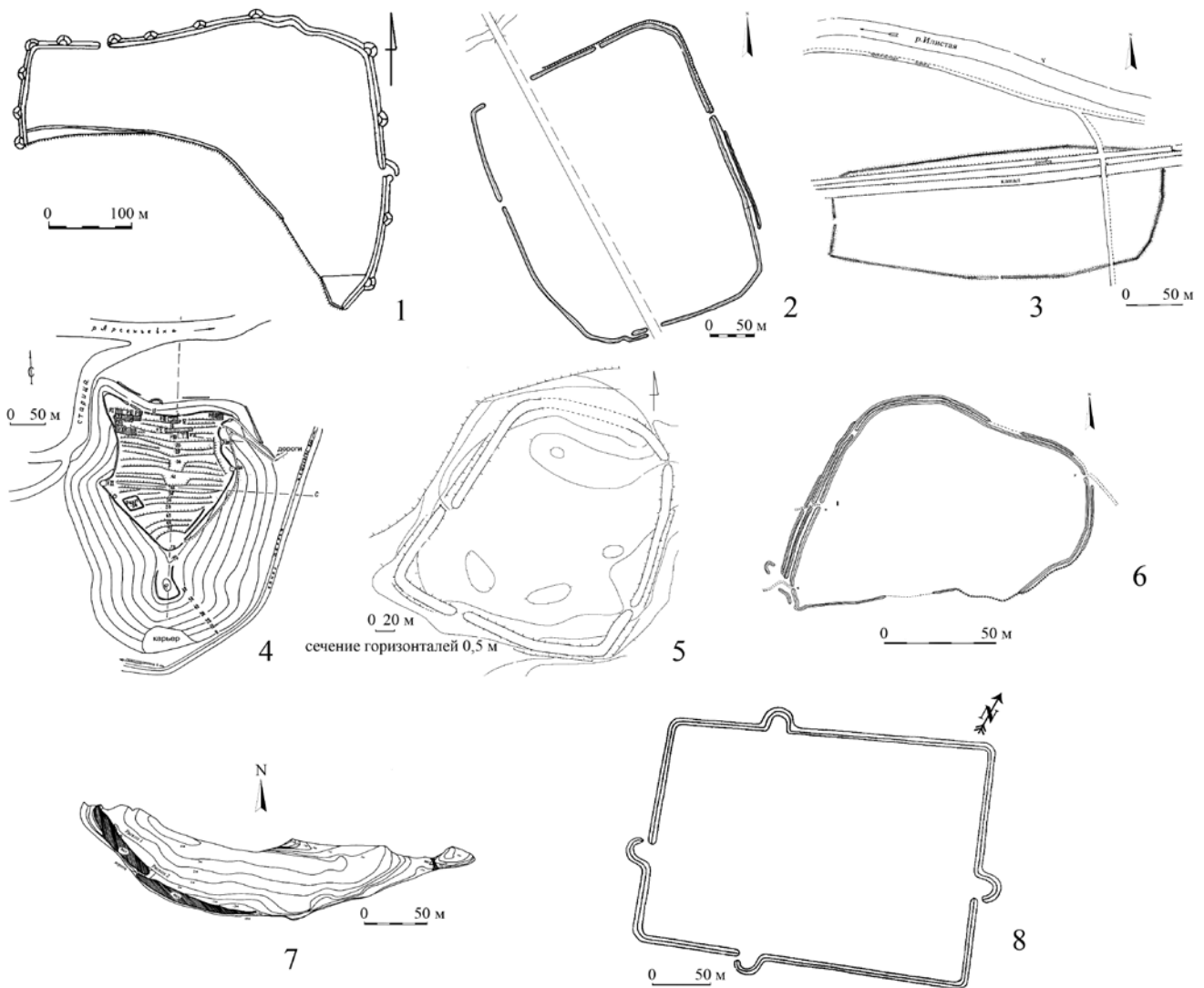

Рис. 2. Бохайские городища Приморья: 1 – городище Марьяновское; 2 – городище Николаевское-I; 3 – городище Николаевское-II; 4 – городище Новогорdevское; 5 – городище Окраинка; 6 – городище Отраднинское; 7 – городище Синельниково-1; 8 – городище Смольнинское

ское, Горбатка, Кокшаровское-1, Николаевское-I и II, Высокое, Старореченское, Стеглянухинское (бохайский слой), Марьяновское). Некоторые из них имеют относительно правильную, почти прямоугольную форму, остальные приспособлены к рельефу местности и отклоняются от шаблона. Все городища окружены валами и рвами. Склонность к правильной форме и планировке указывает на подражание стандартам столичных городов Бохая, в частности Верхней столицы (Лунцюаньфу в Дунцзинчэне уезда Нинъань провинции Хэйлуцзян КНР) и предполагаемого центра области Шуайбинь – городища Дачэнцзы в уезде Дунин той же провинции. Особенно заметны эти признаки на Краскинском городище, где есть улицы, ориентированные по сторонам света, имеется разбивка на кварталы, в северной части найдены и раскопаны остатки храмового комплекса, а также обнаружены остатки административных зданий [Гельман, Ивлиев, 2013].

Горные городища – небольшие по площади (до 3 га), занимают окраины обрывистых горных мысов или вершины сопки, господствующих над долинами, откуда открывался прекрасный обзор местности (городища Синельниковское, Отрадненское, Круглая Сопка (бохайский слой), Ауровское). Планировка их разнообразна, полностью зависит от рельефа местности и часто повторяет контуры горного мыса или сопки, но тяготеет к округлым очертаниям. Высота валов составляет от 1 до 3 м. На неприступных участках сооружались символические валы, либо они совсем отсутствовали.

В обеих группах есть памятники, которые продолжили функционировать в цзиньскую эпоху и подверглись изменениям: городища Марьяновское, Круглая Сопка.

Подавляющее большинство бохайских городищ относятся к компактному типу, все функциональные части их находятся в пределах городских валов. Исключение представляет городище Горбатка на р. Илстой, где перед северо-восточными воротами имеется естественная платформа, окруженная старицей. Она была использована для постройки общественных зданий.

Бохайские городища в административно-территориальной системе Бохая. По размерам бохайские городища можно условно разделить на две группы. Первая включает памятники площадью 10–16 га с длиной крепостных стен 1 250–1 645 м – городища Горбатка, Краскинское и Кокшаровское-1 (рис. 1.-3, 4, 7). Ко второй группе относятся городища площадью от 1,2 до 7,5 га с длиной валов 186–1 070 м. Различные размеры и расположение памятников, скорее всего, связаны с их различным статусом и функцией. Возможно, что городища Горбатка (длина вала 1 250 м) и Кокшаровское-1 (1 645 м), судя по их размерам, могли также являться центрами округов, как и Краскинское городище (1 380 м). Соответственно, городища Николаевское-I (длина валов 1 010 м, площадь 6 га) и Николаевское-II (длина валов 860 м, площадь 4 га) в Михайловском районе (рис. 2.-2, 3) могли являться центрами уездов и подчиняться городищу Горбатка. Вблизи Кокшаровки-1 расположены меньшие по площади городища Кокшаровка-2 (длина сохранившихся валов 790 м, площадь 3,9 га) и Кокшаровка-3 (длина валов 186 м, площадь 2,1 га), которые также могли быть уездными центрами, подчинявшимися окружному центру Кокшаровка-1. Кроме того, Кокшаровское городище функционировало и в постбохайский период [Клюев, Малков, Якупов, 2011]. Не исключено, что этот памятник находился в пределах государства Динъань, просуществовавшего почти до конца X в.

Характеристика оборонительных сооружений. Наиболее детально на Краскинском городище изучались крепостные стены (рис. 1.-7), которые исследовались на северо-западном и восточном отрезках вала, а также восточные ворота. Городские стены городища строились не менее чем в два этапа, внутри которых достраивались дополнительные сооружения (башни, защитные сооружения ворот), осуществлялся ремонт. Первоначально построены стены из грубо обработанных каменных блоков (0,3 × 0,4 × 0,8 м) в основном белого цвета с желтоватым оттенком сахаровидного облика (туфы) и окисленной красновато-коричневой поверхностью. Выходы аналогичных пород известны в междуречье Цукановки и Камышовой, а также вблизи устья р. Гладкая. Можно предположить, что их добывали в естественных карьерах и транспортировали по ингрессионному заливу и вдоль северного побережья бухты Экспедиции.

Из каменных блоков были сложены в 6–9 ярусов две стены – внутренняя и внешняя, расстояние между ними – около 3,5 м, пространство между ними засыпалось землей. Наружная стена из блоков была высотой 2,6–2,7 м, внутренняя – 1–1,2 м, обе кладки имели в основании бордюр из каменных плоских плит [Болдин и др., 2001]. Наружная кладка стены на 0,4–0,6 м выше внутренней, образует бруствер для защитников крепости. Общая толщина стены составляла 5 м. Позднее из каменных блоков были пристроены фронтальные башни, одна из которых раскопана на восточном участке стены. Размеры ее составили 3 × 4,75 м. В условиях муссонного климата каменная стена, возведенная на рыхлых грунтах (супеси), неизбежно подвергалась разрушениям. Для неоднократного ремонта использовался другой необработанный окатанный и слабоокатанный крупный каменный материал – валуны и глыбы. Камень мог добываться в центральной и южной частях полуострова Новгородского и на северо-восточном побережье бухты Экспедиции. Доставка на городище такого камня, скорее всего, осуществлялась прибрежно-морским путем на расстояние до 6,5 км. Из этого же материала построены защитные сооружения ворот. Впоследствии (на втором этапе), по мере нарастания культурных отложений (в том числе в результате мощных разливов реки), вал был надстроен насыпью из утрамбованных слоев земли, укрепленной галечным покрытием. Подобный камень залегают в русловых отложениях р. Цукановки, откуда его по реке доставляли в городище. Такая же галечно-земляная насыпь перекрывает и защитные сооружения ворот.

Бохайские городища различаются по количеству и способу оформления ворот. Например, одни ворота имеются на городищах Синельниковское-1 (в виде корридора) и Высокое, двое ворот – на Николаевском-II, трое – на Краскинском, четверо – на Николаевском-I городищах. Ворота могут быть устроены в виде разрыва в валу (городища Горбатка, Николаевское-II, Высокое), в некоторых случаях укреплялись защитными сооружениями Г-образной формы (Николаевское-I городище) или прямоугольной с проходом в одной из боковых стен (Краскинское городище). Первоначально ворота (судя по восточным воротам) представляли собой проход шириной около 5 м в блочной каменной стене. После постройки башен и защитных сооружений ворот, а также неоднократного ремонта стен ширина прохода в воротах уменьшилась и составила около 3,5 м. Имеются данные, позволяющие предположить, что

при сооружении галечно-земляной насыпи восточные ворота были засыпаны из-за угрозы наводнения. Защитные сооружения ворот (захабы) имеют прямоугольную форму и в настоящее время их размеры в заплывшем состоянии составляют 25 × 38–44 м. Проход в крепостной стене прикрывается глухой стеной (длиной 38–44 м), выход из захаба у западных и восточных обращен в сторону бухты Экспедиции (на юго-запад), а у южных ворот – на р. Цукановку (на юго-восток). Раскопки проводятся только на восточных воротах, и они еще не завершены. В процессе исследований установлено, что толщина стен защитных сооружений составляет 5,5 м. Длина короткой стены составила 14,4 м, длинной стены – 16,6 м. Ширина прохода в юго-западной короткой стене – 5 м. Расстояние от прохода в крепостной стене до юго-западной стены захаба достигает 11,3 м. Северо-восточная стенка не раскапывалась, но, судя по всему, защитные сооружения устроены симметрично. В этом случае площадь внутри них составляет 239 м². С юго-востока в защитные сооружения ведет дорога с галечным покрытием, которая имеет мощную подушку из битой использованной черепицы (в ней сохранились колеи от тележных колес) и грубозернистого песка. Сверху уложена крупная галька, забутованная мелкой галькой и песком. Дорога в захабе под прямым углом ведет к проходу в городской стене. Ее ширина внутри защитных сооружений ворот составила 2–4 м вместе с черепичным слоем. Удалось также проследить небольшой отрезок этой дороги с внутренней стороны города. Поверхность линзовидного в сечении дорожного полотна покатаая для лучшего стока воды.

Другим примером оформления ворот является городище Горбатка. Изнутри высота вала составила 2–2,30 м, снаружи – 4–4,2 м, ширина основания вала – 10–16 м, вверху – 2,5 м. На южном участке вала, недалеко от ворот в юго-восточном углу городища, с внешней стороны вал был очищен от листвы и дерна. При этом обнажились семь рядов каменной кладки. В основании вала отчетливо обозначился прямоугольный проем в стене, заполненный в настоящее время землей. Надо полагать, что в древности он использовался для стока воды, т.е. был сквозной.

В валу имеются четверо ворот, проходы в которых оформлены в виде пандуса. Ворота расположены почти по центру на западном и северо-восточном участках вала, в центре верхней половины восточного участка вала, а четвертые ворота устроены в юго-восточном углу городища (напротив северо-восточных ворот). Перед северо-восточными воротами расположена высокая платформа, которая образует единое целое с воротами. К платформе и городищу с северо-восточной стороны подходит старица – бывшее русло реки, которое соединится с ней во время наводнений. Возможно, в бохайское время оно было частью рва, окружавшего городище. На платформе размером 28 × 18 м найдены каменные базы – остатки здания колоннадного типа, которое в длину составило 25 м, но осталось недокопаным. Каменные базы по длине здания расположены на расстоянии около 3 м. Его функциональное назначение пока остается неясным, предположительно, оно является остатками почтовой станции.

Заключение. В последнее десятилетие исследования фортификационных сооружений бохайских городищ показали, что некоторые из них имеют общие черты в конструкции валов – Краскинское, Горбатка, Николаевское-II, Синельниковское. Внутренняя и внешняя стены на этих памятниках сложены из камня, между ними утрамбовывалась земля. Поскольку данный способ строительства стен использовался на когурёских памятниках, очевидно, что бохайцы испытали влияние их архитектурных традиций. На Краскинском городище обнаружен еще один когурёский градостроительный элемент – башня с каменным основанием. Камень как строительный материал для возведения крепостных стен использовался также на позднебохайских и постбохайских памятниках (Кокшаровское-1, Кокшаровское-2, Ауровское городища), продолжив, таким образом, бохайские традиции в строительстве фортификационных сооружений.

Библиографический список

Болдин В.И., Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. «Интеграция» на Краскинском городище: 4 года исследований // Вестник ДВО РАН. 2001. №3. С. 74–90.

Гельман Е.И., Ивлиев А.Л. Новый метод археологической разведки (на примере Краскинского городища) // Вестник ДВО РАН. 2013. №1 (167). С. 117–124.

Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994.

Клюев Н.А., Малков С.С., Якупов М.А. Результаты исследования городища Кокшаровка-1 в Приморье в 2008–2009 гг. // Дальний Восток России в древности и средневековье (проблемы, поиски, решения). Владивосток, 2011. С. 96–106.

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДЕТЕКТОРОВ МЕТАЛЛА НА УСТЬИНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

В результате многолетних разведочных археологических работ, осуществляемых Государственным историческим музеем (ГИМ) в районе Куликова поля, выявлено и в разной степени изучено более 300 древнерусских сельских поселений конца XII – конца XIV в. Более чем на 20 из них проведены раскопки, геофизические исследования, палеогеографический цикл работ.

Визуальный сбор подъемного материала на распахиваемых памятниках в большинстве случаев позволял получить небольшие серии керамики и изредка – индивидуальных находок. В результате раскопок удавалось собрать более представительные коллекции керамики, в особенности, если изучались остатки гончарных мастерских. Находок из цветного и черного металлов, стекла, кости, камня на однослойных селищах с незначительным по мощности и насыщенности культурным слоем при раскопках встречалось мало. В руках исследователей недоставало серий узкодатируемых предметов, находок, позволяющих определить социальный статус отдельных групп населения, установить площадь и границы селищ, отдельных дворов-хозяйств, металлургических, кузнечных, меднолитейных, ювелирных и иных мастерских.

С середины 1990-х гг. мы начали проводить поисковые работы с использованием детекторов металла на месте Куликовского сражения 1380 г. Разрабатываемая на поле битвы поисковая методика была успешно использована при обследовании 34 распахиваемых сельских неукрепленных памятников древнерусского и позднесредневекового времени, расположенных в районе Куликова поля.

Наиболее ярким по результативности стал Устьинский археологический комплекс – крупнейший в верховьях Дона, включающий 8 неукрепленных поселений эпохи бронзы, IX–XVII вв., грунтовый могильник конца XII – конца XIV в., городище конца XII – середины XIII в. Он расположен в низовьях р. Мокрая Табола (левый приток р. Дон) в Кимовском районе Тульской области на площади немногим более 40 га. Его южная правобережная часть занимает пологие склоны надпойменных террас и коренной берег. Левобережная и северная части приурочены к пологим склонам первой надпойменной террасы и высокой пойме (рис. 1, 2). Городище Устье с неукрепленным посадом и грунтовым могильником отождествляются нами с упоминаемым в летописном «Списке городов дальних и ближних» с рязанским «Дубком» «верх Дону».

На городище и посаде на территории около 5 га выполнены магниторазведочные работы, по результатам которых проведены раскопки на площади 1 130 м². На грунтовой могильнике раскопом 475 м² вскрыто 37 безынвентарных погребений.

В северной части посада по результатам геофизических работ (изучено 5 га) экспедицией музея-заповедника «Куликово поле» на протяжении последних 16 лет проводятся широкомасштабные раскопки (9 500 м²) мастерских XIII–XIV вв. по выплавке и обработке кричного железа.

На протяжении девяти полевых сезонов с целью уточнения границ, площади, особенностей планировки, динамики роста посада летописного городка Дубок, поиска гончарных, ювелирных, кузнечных, железоделательных мастерских, сбора представительной по численности и различной по хронологии коллекции находок на площади более 45 га по оригинальной методике был выполнен планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла. В результате этих исследований на ранее распахиваемых памятниках собрано более 6 000 предметов из цветного и черного металлов, стекла, глины, камня.

Остановимся на рассмотрении результатов исследований нескольких ключевых участков этого огромного по площади комплекса археологических памятников.

В процессе планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла удалось обнаружить и документально зафиксировать четыре участка площадью 0,27–0,96 га, где были встречены лепная керамика, кремневые отщепы, скребки, ножи, а также 14 предметов из медного сплава: наконечник стрелы, нож, шилья, иглы. При раскопках на поселениях эпохи бронзы в бассейне верховьев Дона находки из медного сплава встречаются очень редко.

Рис. 1. Древнерусские памятники археологии 2-й четверти XII – середины XIII в., расположенные на территории Устьинского археологического комплекса: 1 – городище Устье; 2 – селище Устье-2; 3 – скопление металлургических шлаков; 4 – селище Устье-3; 5 – территория площадью 1,3 га, на которой расположена усадьба «наместника»; 6 – грунтовый могильник у д. Устье; 7 – предполагаемое место расположения церкви; 8 – уличные проезды; 9 – территория площадью 1,3 га, на которой расположена ювелирная или меднолитейная мастерская; 10 – раскопы; 11 – селище Колесовка-1; 12 – скопления подъемного материала 1, 2 на селище Колесовка-5; 13 – скопление подъемного материала на селище Колесовка-6

На южной окраине Устьинского археологического комплекса на селище Устье-2 (см. рис. 1), тяготеющем к приборочной части правого коренного берега р. Мокрая Табола, на площади около 3,5 га была собрана представительная коллекция находок из цветного и черного металлов, насчитывающая более 1 000 предметов, бытовавших во II тыс. до н.э., а также с начала IX по XVII в. Связанные со славянским этапом заселения 44 находки уверенно соотносятся с роменским поселением IX – начала X в., возникшим в начальной точке Донского торгового пути. С населением роменской культуры можно соотносить серебряное пятилучевое височное кольцо IX в. и лепную керамику с примесью шамота. Большинство находок из цветного металла имеют салтовский облик и являются предметами импорта. Это подвеска на пояс в виде печатки, варварка, фрагмент серьги «салтовского типа», рогатые перстни, фрагмент односоставной пряжки с пятиугольным гладким щитком, бубенчик с рифленой поверхностью. На селище найдена половинка арабского дерхема VIII в. В хронологическом отношении большинство рассмотренных находок из цветного металла, а также наконечники стрел типов 4, 13, 21, 34, 41, 42, 46, 61, 62, 98 (по А.Ф. Медведеву) укладываются в пределы раннего этапа роменской культуры. Исследованное селище занимает площадь около 2 га и является пока единственным роменским поселенческим объектом в верховьях Дона.

После 200-летнего запустения на этой же территории во второй четверти – середине XII в. возникает неукрепленное древнерусское селище Устье-2. Оно, судя по концентрации узкодатируемых находок (88 экз.), занимает площадь 2,5 га (см. рис. 1).

В это же время в 0,12 км к северо-западу, на пологом склоне коренного берега и надпойменных террас, на площади 7,42 га начинает функционировать селище Устье-3.

Узкодатируемые находки, маркирующие площадь и границы селищ Устье-2, 3, представлены 54 фрагментами семилопастных височных колец типов IV, V (по Т.В. Равдиной), 32 однозигзаговыми решетчатými, узкопластинчатыми и ячейковыми перстнями, тревовидными и монетовидными крестовключенными привесками, фрагментами пластинчатых браслетов, украшенных пуансонным орнаментом в виде «волчьего зуба», лировидными и лучистой пряжками, ключами типа А, Б, однолезвийными кресалами, шиферными пряслицами, «крылатым» псаием от удила типа III (по А.Н. Кирпичникову), наконечниками стрел типа 83 (по А.Ф. Медведеву). На рассматриваемых селищах обнаружено 170 узкодатируемых находок, позволяющих обоснованно говорить о том, что первые древнерусские памятники на берегу р. Мокрая Табола появились во 2-й четверти XII в.

Еще на двух селищах – Колесовка-5, 6, расположенных на склонах первой надпойменной террасы левого берега р. Мокрая Табола (см. рис. 1), удалось зафиксировать находки и керамический материал 2–3-й четверти XII в. На селище Колесовка-5 находки распространяются на площади 0,7 га, на селище Колесовка-6 занимают участок 0,45 га.

Возникновение этих поселений можно связывать с вятичским населением, переселявшимся с берегов Верхней Оки, где с конца XI в. активизируется процесс включения вятичской территории в состав Древнерусского государства и начинается формирование волости «Вятичи» Черниговского княжества.

Планшетный сбор подъемного материала с детекторами металла и инструментальной привязкой к топографическому плану памятника каждой находки позволил проследить динамику роста площадей селищ Устье-2, 3, Колесовка-5, 6 в конце XII – середине XIII в. (см. рис. 1). Основными маркерами для установления границ являются семилопастные височные кольца типов VI–IX (по Т.В. Равдиной) – их найдено 113 экз., решетчатые перстни (за исключением однозигзаговых), которых зафиксировано 219 экз., овальнощитковые и широкосрединные пластинчатые перстни, овальноконечные и загнутоконечные пластинчатые браслеты, лировидные пряжки, кресты-тельники, бубенчики с линейной прорезью, железные позолоченные сбруйные накладки аскизско-болгарского облика, долотовидные наконечники стрел (тип 100 по А.Ф. Медведеву).

На селище Устье-2 на двух участках площадью около 1,2 и 0,2 га (см. рис. 1) встречены поковки, железные шлаки, заготовки черешковых ножей, кресала, сулицы, кузнечное зубило, пробойник, слесарные зубила. В шурфе зафиксированы остатки металлургического горна. Перечисленные находки указывают на существование на селище в середине XII – начале XIII в. кузнечной и железоделательной мастерских.

К 1-й половине XIII в. площадь селища Устье-2 приближается к 3,47 га, селища Устье-3 – к 10,01 га. Общая площадь жилой и хозяйственной застройки Устьинского археологического комплекса в конце XII – середине XIII в., с учетом уточненных размеров селищ Колесовка-1, 5, 6, достигает 17,45 га.

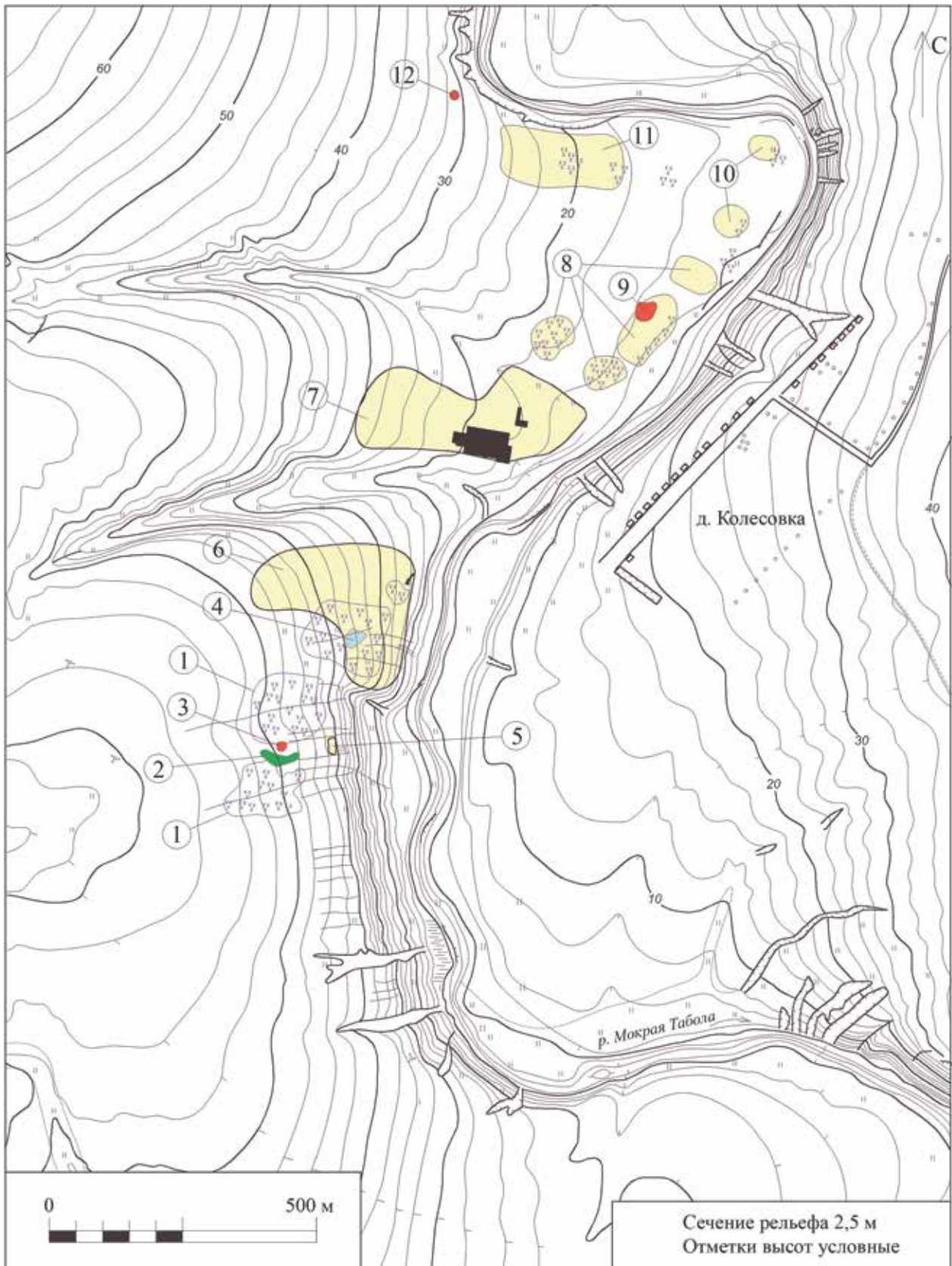

Рис. 2. Древнерусские памятники археологии 2-й половины XIII – конца XIV в., расположенные на территории археологического комплекса у д. Устье: 1 – скопление металлургических шлаков; 2 – грунтовый могильник у д. Устье; 3 – предполагаемое место расположения церкви; 4 – участок, где найден распаханный клад дерхемов XIV в.; 5 – крестьянский двор XIV в.; 6 – селище Устье-3; 7 – селище Колесовка-1; 8 – селище Колесовка-2, скопления находок 1–4; 9 – территория ювелирной мастерской XIV в.; 10 – селище Колесовка-3, скопления находок 1, 2; 11 – селище Колесовка-4; 12 – металлургический горн

Высокий процент встречаемости семилопастных височных колец (170 фрагментов) и решетчатых перстней (251 экз.) свидетельствует о том, что вятичское население принимало активное участие в освоении верхнедонских земель во 2-й четверти XII – середине XIII в.

В центральной части селища Устье-3, поблизости от могильника и церковного места (см. рис. 1), между двумя дорогами, ведущими к поселению, на площади 1,3 га правомерно искать усадьбу, на которой мог проживать княжеский «наместник» (как мы его условно называем) и располагаться вооруженный контингент. На этой территории концентрируются наконечники стрел, копий, боевой топор, фрагменты булав, шпор, кольчужные кольца, 14 фрагментов прямоугольных панцирных пластин, наконечники и крепеж сабельных ножен, 14 пряжек из медного сплава от мужского костюма, 3 щитковых перстня с изображением архангела Михаила – покровителя воинства, образок с поясной фигурой святого Георгия. Подобные перстни и образок на древнерусских памятниках района Куликова поля встречены впервые. На этом же участке найдено три писала, одно из которых отлито из медного сплава, четыре фрагмента бусинных височных колец, фрагменты звездчатых колтов и створчатых браслетов – украшений, характерных для городского населения. В восточной части данной территории и немного восточнее зафиксировано 14 железных позолоченных наременных накладок, характерных для аскизско-болгарского круга древностей. Украсить сбрую подобными дорогостоящими накладками мог только состоятельный человек.

С северо-востока к участку, где могла располагаться усадьба «наместника» (см. рис. 1), прилегает территория площадью 1,3 га, где найдено более 500 обрезков медных пластин, около 100 выплесков медного и свинцово-оловянного сплавов, литник, цельнометаллический тигель, наковальни, инструментарий, необходимый для ювелирного и меднолитейного дела.

В середине XIII в. перестают функционировать городище Устье, селище Устье-2, южная и центральная части селища Устье-3. Жизнь продолжается только на его северной окраине (см. рис. 2), площадь сокращается до 5,1 га.

На селище Устье-3 восточнее могильника, в прибровочной части второй надпойменной террасы в конце XIII – XIV в. возникает двор состоятельного хозяина (см. рис. 2). На площади 405 м² встречены золотоордынские дерхемы, фрагменты чугунных котлов, серьга в виде знака вопроса, кресты-тельники, бронзовая ременная гарнитура болгарского облика, серебряный перстень-печатка с изображением архангела Михаила. Поблизости от застройки двора вокруг могильника, на участке, где раньше располагалась усадьба «наместника», наблюдается скопление металлургических шлаков, указывающих на близость железоделательных мастерских. Скопления шлаков тянутся на протяжении 200 м на северо-восток вниз по склону вдоль прибровочной части надпойменной террасы правого берега р. Мокрая Табола до балки, отделяющей южную часть Устьинского археологического комплекса от северной пойменной части (см. рис. 2). На левом борту балки, в ее приустьевой части, в начале XIII в. возникает селище Колесовка-1 (см. рис. 1). Находки вятичского круга на его территории единичны. В раскопе зафиксированы следы гончарной мастерской предмонгольского времени. В конце XIII – XIV в. на его площадке появляются мастерские по выплавке кричного железа. Суда по многочисленным находкам, его площадь увеличивается до 5,3 га (см. рис. 2).

В это же время возникают селища Колесовка-2–4. На их территориях, на площади более 4 га, обнаружены следы железоделательных мастерских. Тысячи железных шлаков, зафиксированные на поисковых планшетах, с небольшими перерывами тянутся вдоль правого берега р. Мокрая Табола на протяжении 1,4 км.

На селищах Колесовка-2–4 удалось локализовать зоны жилой и хозяйственной застройки (см. рис. 2). В северной части посада это стало возможным потому, что жизнь в этой части памятника протекала короткое время – со 2-й половины XIII в. по конец XIV в., поэтому его однорядная, ориентированная вдоль русла правого берега р. Мокрая Табола планировка не успела претерпеть сильных изменений. На селище Колесовка-2 на поисковом планшете площадью более 8 га было зафиксировано 275 металлических находок, которые позволили установить, что его площадь достигала 4,3 га. При распределении находок по отдельным категориям и назначению удалось установить, что они группируются на четырех различных по площади участках: от 4 060 до 6 500 м² (см. рис. 2).

На селище Колесовка-2 зафиксировано скопление находок, свидетельствующих о расположении ювелирной мастерской XIV в. На участке высокой поймы на площади 1 188 м² найдены 40 обрезков медных котлов, брусочки и выплески цветного металла, обломки украшений – сырье, приготовленное для переплавки, литник, бракованный крест-тельник, а также ювелирные инструменты: железный резец-штихель и бронзовая матрица для штамповки изделий.

На селище Колесовка-3 удалось локализовать два скопления находок на площади 5 507 и 3 666 м².

Селище Колесовка-4 расположено на пологом склоне первой и второй надпойменных террас правого берега р. Мокрая Табола. Его площадь достигает 2 га, участок концентрации металлургических шлаков – 2,06 га. В 190 м к западу от западной окраины поселения удалось обнаружить хорошо сохранившийся металлургический горн XIV в. (см. рис. 2).

На площади селищ Колесовка-2–4 удалось собрать 404 находки из цветного и черного металлов, глины, камня. Резко изменился их состав по сравнению с находками, обнаруженными на селищах Устье-2, 3, Колесовка-5, 6. Полностью исчезли предметы, характерные для вятичского круга древностей. Резко сократилось количество украшений вообще, исчезли замки и ключи типа Б, панцирные пластины, наконечники стрел, характерные для домонгольского времени, железная позолоченная ременная гарнитура. Им на смену приходят замки и ключи типа В, наконечники стрел (типа 41, 61, 63, 67, 87, по А.Ф. Медведеву), бронзовые бубенчики, имеющие горизонтальный валик в средней части, криноконечные кресты-тельники, серьги в виде знака вопроса, ножи с пластинчатыми рукоятями, чугунные котлы, серебряные золотоордынские держемы.

Площадь северной (пойменной) части посада, включая ювелирную и металлургические мастерские, составляет 16,75 га. Металлурги специализировались на выплавке и поставках на внешний рынок кричного железа, чему способствовала с XIV в. активизация Донского торгового пути.

Выводы

1. Систематический многолетний планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла позволил определить границы и площадь не выраженных в рельефе памятников археологии, входящих в состав Устьинского археологического комплекса, что крайне важно для постановки памятников на государственный учет.

2. Инструментальная привязка находок на топопланы памятников позволила выделить скопления артефактов, уточнить их хронологию, взаимовстречаемость, что дает возможность подойти к рассмотрению вопросов, связанных с планировкой поселений, наметить направления и протяженность уличных проездов, в ряде случаев зафиксировать территории отдельных крестьянских дворов-хозяйств, кузнечных, железоделательных, ювелирных мастерских.

3. Проведенные поисковые исследования позволили на задернованной в настоящее время территории локализовать четыре поселения эпохи бронзы, пока единственное на Куликовом поле славянское селище IX – начала X в., четыре селища 2–3-й четверти XII в., наметить зону жилой и хозяйственной застройки посада городища Дубок в конце XII – 1-й половине XIII в., в золотоордынское время.

4. Несомненный интерес представляет изучение представительной серии находок, обнаруженных на территории Устьинского комплекса.

© 2017, А.С. Зеленков

Тюменский государственный университет, Тюмень

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ И ПОДТАЕЖНОЙ ЗОН ЗАУРАЛЬЯ

Специфическая черта погребальных памятников Зауралья – гетерогенный материал, главным образом посуда, комплекс которой составляют смешанные наборы кушнаренковских, бакальских, карымских и потчевашских экземпляров внутри могильников и отдельных погребений. В данном случае при попытке выявить культурную принадлежность могил представляется неудовлетворительной классификация, построенная на традиционном подходе «керамика = культура», так как нивелируется ранжирование таксонов внутри археологической типологии и порождаются культуры-фантомы. Более эффективный подход – формально-классификационный.

Цель нашего исследования – верификация корреляций культурной принадлежности посуды с признаками погребального обряда раннесредневековых некрополей Западной Сибири методами статистики.

Источниковую базу исследования составили 202 погребения IV–VIII вв. н.э. могильников Перейминский [Чернецов, 1957], Устюг-1 [Матвеева, 2016], Козловский [Матвеева, 2012], Усть-Тара-7 [Скандаков, Данченко, 1999], Лихачевский [Генинг, Зданович, 1986], Окуневский [Могильников, Конилов,

1983], Ипкульский [Чикунова, 2013]. В историографии существуют неоднозначные мнения по вопросу их культурной атрибуции. До начала XXI в. Козловский могильник являлся опорным памятником в историко-культурной схеме В.Н. Чернецова и определял облик карымского этапа нижнеобской культуры. После детализации природы некрополя исследованиями Н.П. Матвеевой [2012] были определены его существенные отличия от нижнеобского массива комплексов. В разное время Перейминский могильник на основе особенностей керамики соотносили с карымской, молчановской и бакальско-кушнареновской традициями [Могильников, 1993]. Могильник Усть-Тара-7 с неординарными саргатско-карымскими кувшиновидными сосудами интерпретирован как протокушнареновский памятник [Данченко, 2008]. Лихачевский и Окуневский могильники содержат разнородный керамический материал: яйцевидные сосуды с отогнутой наружу шейкой по типу кашинских – в первом, и шаровидные, с низкой шейкой и фигурно-штамповой орнаментацией – во втором.

Для проверки сформировавшихся представлений о культурной атрибуции некрополей мы придерживались следующего алгоритма. Составлена база данных, строки которой – номера погребений, а столбцы – признаки погребального обряда, состоящие из 142 наименований, без учета культурной принадлежности посуды. Ключом для заполнения ячеек данных выбрана бинарная система 1; 0 (да; нет). Для установления круга устойчивых признаков проведен расчет энтропии по формуле Шеннона. Наиболее информативными признаками оказались 53, распределившиеся в периоде индексов от 0,2 до 0,99. Далее мы работали с отобранными данными в программах Statistica 10 и SSPS 13*, используя методы соответствия, кластерного и дискриминантного анализов. Метод соответствий (correspondent analyze) является разведочным методом статистики, цель которого – показать возможности анализируемой выборки и сформулировать рабочие гипотезы. Расчеты интерпретируются по 2D функции (рис. 1), которая дает представление о расстоянии, возможности сходства сравниваемых погребений. Кластерный анализ метода Варда (Ward's method), вычисленный по квадрату евклидова расстояния, отвечает на вопрос о том, как организовывается исследуемая выборка и какие признаки погребального обряда наиболее существенно влияют на группировку могил (рис. 2). Для дискриминантного анализа дополнительно введен признак – культурная принадлежность посуды: 1 – потчевашская; 2 – бакальская; 3 – карымская; 4 – бакальская и кушнареновская; 5 – молчановская и кушнареновская; 6 – кушнареновская; 7 – неатрибутированная. Цель метода – различить культурные группы погребений, сравнить результаты кластерного анализа и оценить верность существующих интерпретаций памятников.

Метод соответствий удовлетворил запрос о возможности деления могил на три группы. При этом серьезно отдалены от основной массы погребений могилы Окуневского и Лихачевского могильников (см. рис. 1), остальные обладают тесной связью между собой, что, возможно, отражает географическую, хронологическую и культурную близость памятников.

Кластерный анализ сформировал четыре группы погребений (см. рис. 2). Первый кластер организован на основе таких признаков, как грунтовое погребение, наличие в могилах гробовища, бересты, перстня или кольца, угля в погребении. Для второго кластера характерны одиночные захоронения, культ огня в могиле, зооморфные украшения. Третий кластер отличается подпрямоугольной формой могильных ям, групповыми захоронениями, двумя погребениями под насыпью, костями лошади, уздечкой. Четвертый кластер образуют гривна, браслет, нож. Общими для всех кластеров выступили следующие признаки: сосуд в погребении, положение вытянуто на спине, ориентация на север, узкие ямы.

Дискриминантный анализ (рис. 3) установил 77,7% степени точности классификаций погребений по культурной принадлежности посуды. Стоит отметить независимость первой группы (потчевашской) от основного массива (98%). Также подтвердилась точность группировки второй (бакальской) и третьей (карымской) групп – 63 и 60% соответственно. Объяснение низкой точности формирования групп четвертой (бакальской и кушнареновской), пятой (молчановской и кушнареновской), шестой (кушнареновской) и седьмой (неатрибутированной) кроется в высокой доле их сопряженности с бакальскими и карымскими могилами. Анализируя график канонической дискриминантной функции, обращаем внимание на плотность внутри данных скоплений, их расположение на одних осях, что позволяет сделать вывод об устоявшемся погребальном обряде у потчевашской, бакальской и карымской культур, а также о многокомпонентности их гончарных традиций (см. рис. 3).

Таким образом, не подтвердилась гипотеза о возможности классификации погребений по принципу «керамика = культура». Вероятно, это связано с ошибками в типологии и классификации раннесредневе-

---

* В работе использованы демонстрационные версии программ.

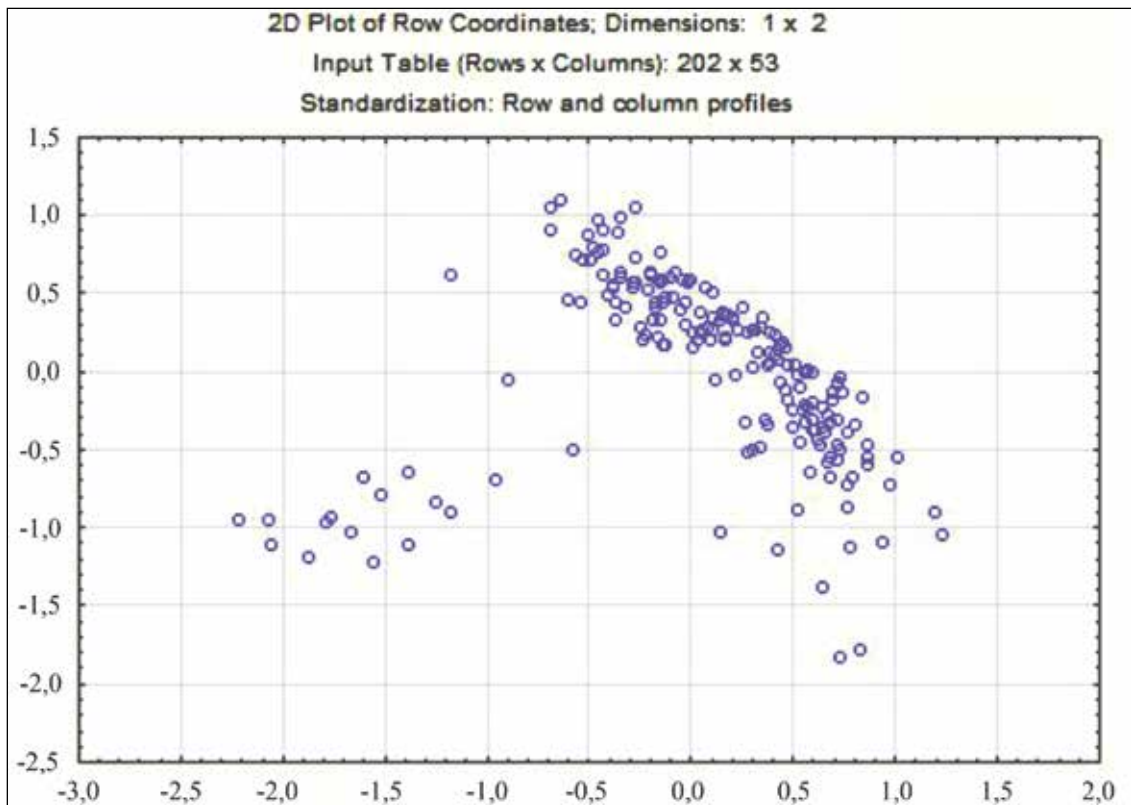

Рис. 1

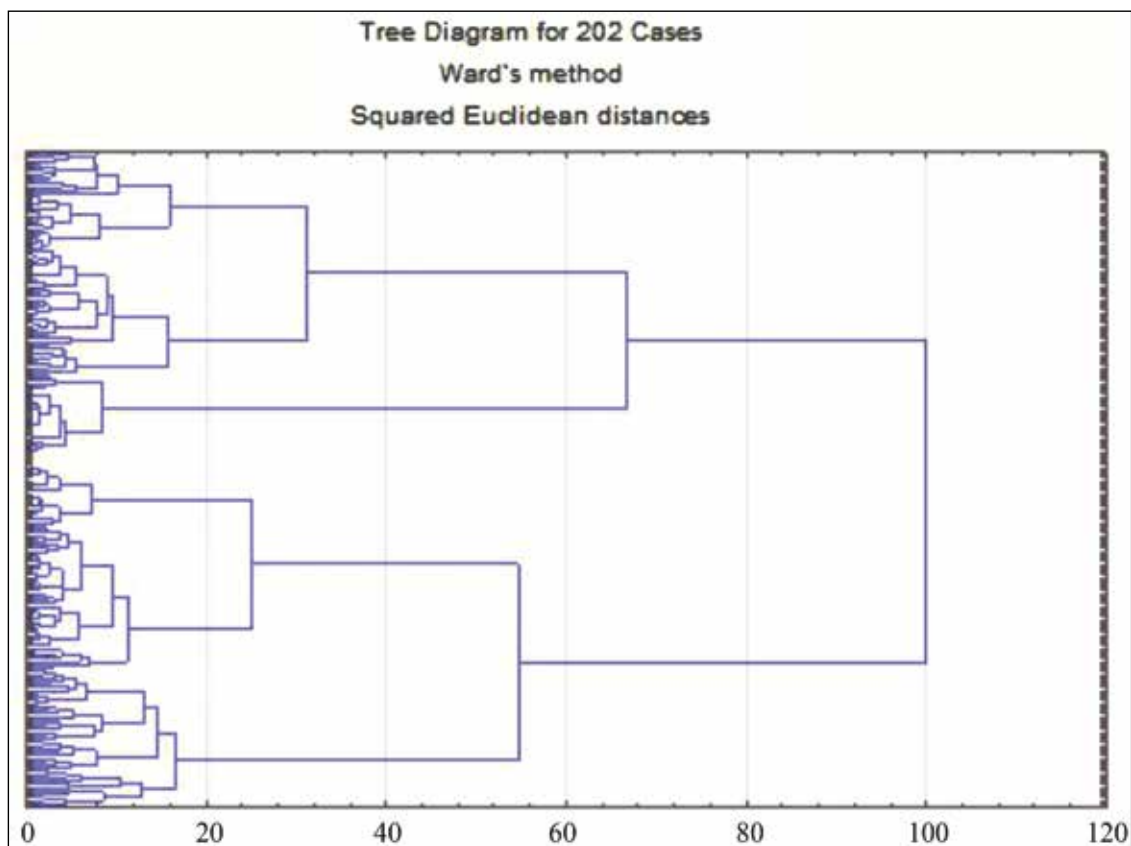

Рис. 2

ковых материалов Западной Сибири, обосновательностью выделения молчановской и кушнаренковской культур на данной территории. Стоит признать их типами керамической традиции [Матвеева Г.И., 2007; Матвеева Н.П., 2012]. Этому не противоречат факты совместного залегания, например, бакальской и куш-

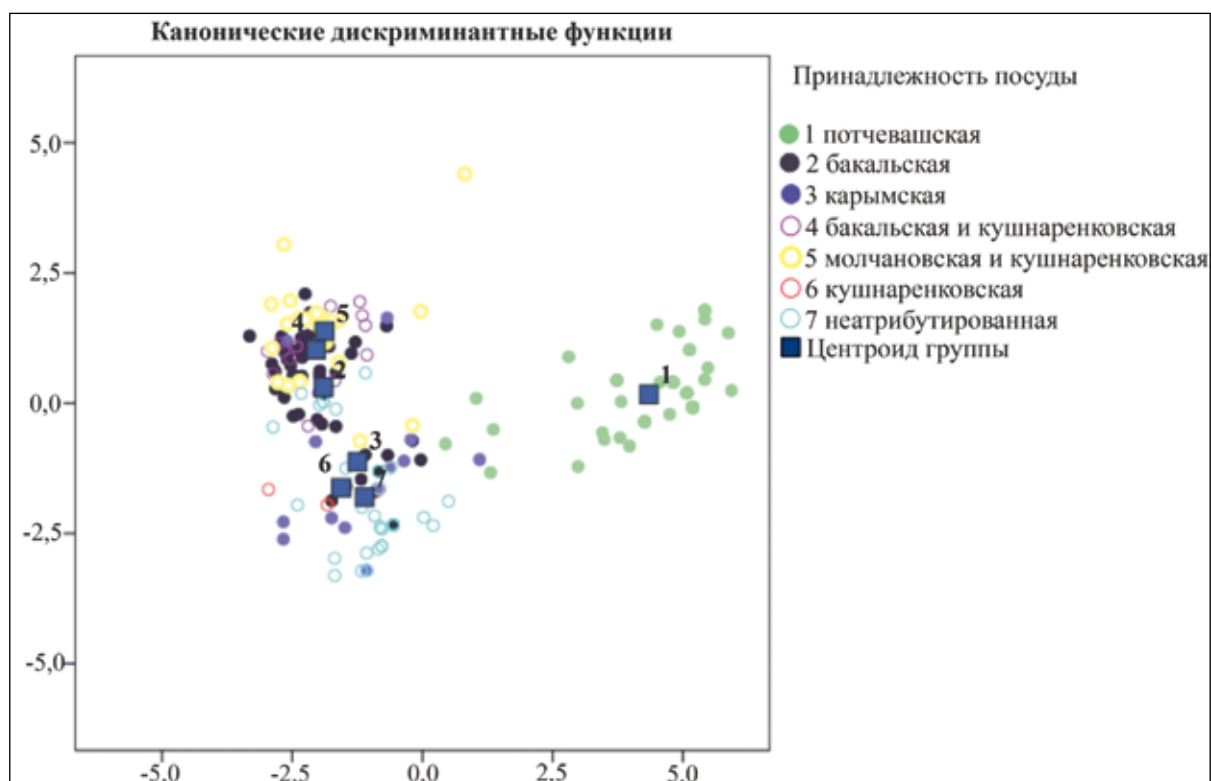

Рис. 3

нарненковской керамики на ряде поселений (Усть-Утяк-1, Коловское и др.). В том числе стоит согласиться с мнением В.А. Борзунова и Ю.П. Чемякина [2013] о самостоятельности карымской (южный вариант) и потчевашской традиций, проявившейся в разных наборах признаков погребального обряда.

Библиографический список

- Генинг В.Ф., Зданович С.Я. Лихачевский могильник на р. Ишим – памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н.э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986. С. 119–133.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таежного Приобья: История изучения, хронология и территория распространения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №1 (20). С. 34–46.
- Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и Средневековья // Проблемы бакальской культуры. Челябинск, 2008. С. 45–60.
- Матвеева Г.И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов // Средневековая археология евразийских степей. 2007. Т. II. С. 75–86.
- Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень, 2012. 178 с.
- Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень, 2016. 264 с.
- Могильников В. К проблеме исходной территории миграции протомадьяр // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 170–173.
- Могильников В.А., Конилов Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. №2. С. 162–182.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара-VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Ежегодник. Вып. 3. 1999. С. 160–186.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: Обзор и классификация материала. М., 1957. С. 136–246. (МИА, №58).
- Чикунова И.Ю. Новые данные о погребальном обряде населения южнотаежного Приобья в раннем средневековье (по материалам Ипкульского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Т. 1. Иркутск, 2013. С. 220–224.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ
ТРАДИЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ПАМЯТНИКАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(на примере поселений Подгоры-I и Ош-Пандо-Нерь)**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №17-31-01069а2 «Технология гончарного производства лесостепных культур
Восточно-Европейской равнины эпохи Великого переселения народов»)

Вопрос возникновения и интерпретации материалов прикамского происхождения на территории Среднего Поволжья является на сегодня дискуссионным. На керамику прикамских истоков первой обратила внимание В.В. Гольмстен. На основе керамических коллекций, полученных ею с памятников Самарской Луки, В.В. Гольмстен [1925, с. 6–9] разделила всю керамику на семь типов. Заслугой автора было стремление определить хронологию бытования и культурную принадлежность посуды. Тип III был определен ею на основе коллекций ГИМа как материал из Пермской и Вятской губерний. В последующих работах В.В. Гольмстен [1924, с. 167] уточнила, что III тип керамики местный и связан с бытом «туземного населения, вошедшего в состав этого этнического конгломерата, какой представляло из себя население Булгарского государства». По сути, это были первые работы, наметившие в дальнейшем вектор исследований керамики Волжской Булгарии, в которых было правильно указано направление истоков [Матвеева, 1975, с. 11].

Свой вклад в исследование керамики прикамского типа внес А.П. Смирнов. Используя те же признаки посуды, что и В.В. Гольмстен, он выделил IV тип керамики с раковинным тестом. Он дал свое понимание зубчатого и резного орнамента на ней как заимствованного и свидетельствующего «о влиянии ремесленного производства на домашнее» [Смирнов, 1940, с. 118].

Об этнической принадлежности верхнекамских культур эпохи средневековья писал А.Х. Халиков [1971, с. 145–160], который считал, что они принадлежали уграм или тюрко-уграм.

Т.А. Хлебникова в своей фундаментальной работе обобщила результаты исследования керамики Волжской Булгарии и выделила прикамскую керамику в отдельные группы (группы IV, V, VI, VII). На ранних памятниках догосударственного периода, таких как Большетарханский I могильник, ею был выделен отдельный тип керамики, который она отождествляла с материалами VII–VIII и VIII–IX вв. Прикамья, в большей мере Сылвенского бассейна и Башкирии, с кругом кушнаренковских и кара-якуповских памятников.

Посуда VII группы впервые выделена по материалам Танкеевского могильника, Алексеевского городища и Остолоповского селища, была датирована X–XI вв., хотя в измененном виде использовалась вплоть до XIII в. Керамика представляет собой круглодонную, ручной выделки посуду, с раковинной примесью, с цилиндрической горловиной, украшенную по ней густым поясом оттисков шнура в виде «косичек», дополненного оттисками гребенчатого штампа. Т.А. Хлебникова [1984, с. 40–56] определила этническую принадлежность и сделала вывод, что керамика относится к неволинской культуре, но, в отличие от IV типа, не содержит признаков кара-якуповской посуды. Также она утверждала, что нельзя интерпретировать керамику VII типа исключительно как угорскую.

На современном этапе исследованием керамики прикамского типа на территории Среднего Поволжья занимается Е.П. Казаков, который связывает прикамскую глиняную посуду с угорским компонентом в составе Волжской Булгарии и относит VII тип керамики не к неволинской, а к постпетрогромской культуре. По мнению Е.П. Казакова [2007, с. 45–53], основу неволинского населения составляло угризированное постсаргатское население, переселившееся из Зауралья.

Материалы по исследованию прикамских материалов можно увидеть в отдельных работах Н.А. Лифанова, М.С. Седовой [2003, с. 306–314], С.Э. Зубова, А.В. Богачева, Р.С. Багаутдинова [Богачев, Зубов, 1993, с. 19–41], Д.А. Сташенкова [1997, с. 290–297].

Отдельной проблемой является причина миграции населения Прикамья на территорию Среднего Поволжья. По мнению Е.П. Казакова [2007, с. 45], причиной миграции населения Прикамья стала мадьяро-печенежская война 2-й половины IX в. (в результате нападения печенегов население неволин-

ской археологической культуры ушло на Волгу). С ним не согласна Р.Д. Голдина [2013, с. 105], которая считает, что мадыро-печенежская война никак не могла повлиять на миграцию прикамского населения в связи с удаленностью войны от территории Прикамья. По ее мнению, большую роль в миграции неволинского и ломоватовского населения сыграло появление в регионе волжских болгар. Оказавшись в новых географических условиях лесостепи, они нуждались в рабочей силе и предпринимали несколько попыток переселения пермского населения. По мнению Р.Д. Голдиной [2004, с. 287], переселение прикамского населения шло несколькими волнами: сначала с южной части ломоватовской культуры (2-я половина VIII в.), затем повторная волна с этой же территории и с побережья р. Чепцы (2-я половина IX в.), из Кунгурской лесостепи (IX в.). В результате набегов сначала прекратила свое существование верх-саинская группа, затем – неволинская, позже – сухоложская.

Для установления культурных связей населения разных памятников Среднего Поволжья проведен анализ орнамента керамики населения Верхнего Прикамья с применением историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [1978], который базируется на ряде методов, разработанных Е.В. Волковой [2010, с. 90–94].

В основе исследования лежит метод структурного анализа орнамента на посуде, при этом изучаются отпечатки орудий, реконструируется их вид, определяется материал, из которого они изготовлены, и способ нанесения.

Метод структурного анализа состоит в том, что орнамент исследуют на четырех уровнях: элемент, образ, мотив и композиция. Элемент – один отпечаток, который мастер делает за один трудовой акт. Образ – совокупность элементов. Мотив – несколько образов. Композиция – система расположения мотивов на всей поверхности сосуда, расположение на определенных частях сосуда.

Далее производился расчет коэффициента сходства (КС). Методика определения коэффициента сходства была разработана Д.Я. Телегиным и представлена в его труде «Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента», а в дальнейшем более детально проработана Ю.Б. Цетлиным [2008, с. 15–18].

Расчет производился на двух уровнях – на уровне элементов и уровне образов, чтобы избежать ошибочной интерпретации в связи с сильной фрагментарностью керамики и невозможностью провести анализ на следующих уровнях.

Коэффициент сходства определяется в каждом случае для двух сравнительных поселений путем последовательного суммирования наименьших долей всех зафиксированных на их керамике элементов и образов орнамента.

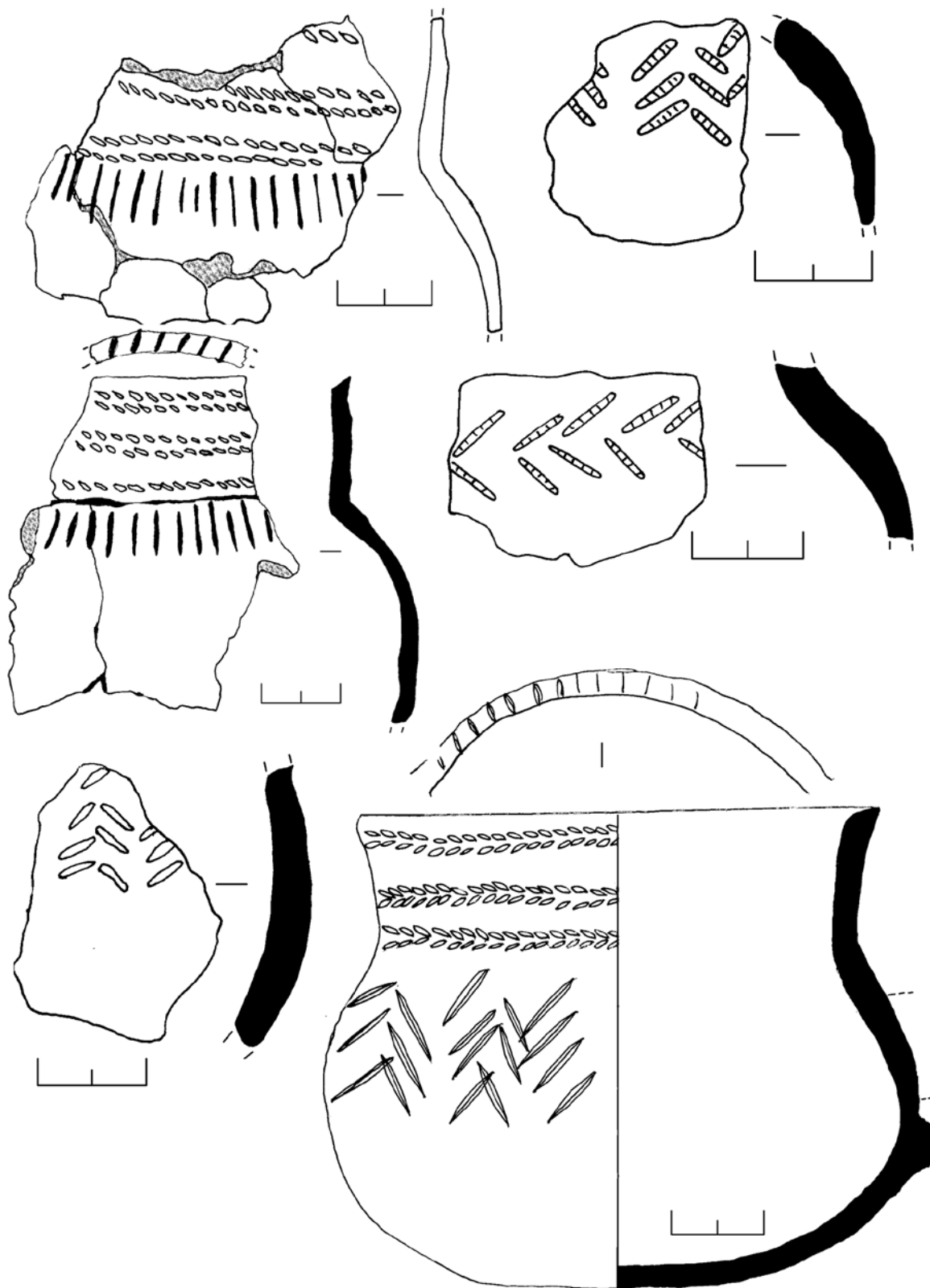
Рассматриваемые памятники находятся на территории Самарской области, на правом берегу р. Волги, расстояние между памятниками составляет 20 км.

Поселение Ош-Пандо-Нерь 1/2. Исследования памятника проводились под руководством В.А. Скарбовенко [1995], Р.С. Багаутдинова, Г.И. Матвеевой и М.С. Седовой. Исследуемые материалы были получены в ходе работ 1994–1995 гг. Коллекция состоит из 21 сосуда. Памятник располагается северо-западнее с. Шелехмети Волжского района. Территория памятника начинается в 0,6 км к северо-западу от села, располагается вдоль южного подножия горы Ош-Пандо, затем уходит вглубь межгорной долины Холодный овраг, где занимает приустьевую часть и низовье оврага Кудрявого. Протяженность памятника вглубь долины не установлена.

Поселение Подгоры I. Исследования памятника проводились в 2000 и 2001 гг. под руководством В.А. Скарбовенко. Коллекция состоит из 63 сосудов (рис.). Памятник располагается в 1,15 км к северу от с. Подгоры, у подножия Белой горы. Поселение занимает узкую террасу протяженностью 600 м, ее ширина – 70–90 м.

К более раннему хронологическому горизонту относится комплекс, обнаруженный на селище и могильнике Ош-Пандо-нерь. Судя по сопровождающему материалу, неволинский компонент входил в состав кочевых племен новинковского типа. Набор обнаруженных вещей, включающий стилетовидную булавку с волютообразным навершием и трапезиевидную рамку пряжки, датируется в пределах 2-й половины – конца VII в. – VIII в. [Вязов, Нерушин, 2010, с. 255–273]. Уже к следующему этапу – горизонту ранней Волжской Болгарии – относится комплекс жилища с поселения Подгоры, датированный авторами раскопок VII–X вв. [Скарбовенко, 2001].

Среди орнаментированных, используемых в рассматриваемых коллекциях, встречаются зубчатые и гладкие штампы, шнур, инструмент для нанесения небольших вдавлений округлой формы и нож для процараживания.

Керамика поселения Подгоры-I

Среди элементов орнамента можно выделить:

- гладкий статичный (ГлС) – оттиск либо прокатывание рабочей поверхности инструмента с гладкой (т.е. безрельефной структуры) рабочей поверхностью, оставившей линзовидные по форме отпечатки;
- гладкий динамичный (ГлД) – прочерчивался узким рабочим краем инструмента, оставлял гладкий след;

- гребенчатый (Гр) – прямые, в основном линзовидные следы с перемычками, оставленными пропилами на рабочей части орнамента;
- проташенная гребенка (ПГ) – ряд динамических гладких элементов, выполненных прочерчиванием гребенчатым инструментом;
- ямочный (Ямчн) – вдавления, выполненные орнаментиром с круглой или овальной рабочей частью;
- ямчатый (Ямчт) – отличается от ямочного формой рабочей части орнамента;
- веревочный (В) – элемент наносился шнуром.

По итогам анализа статистических орнаментальных традиций мы получаем данные, которые позволяют нам уточнить характер культурных контактов населения Верхнего Прикамья, проживавшего на территории Среднего Поволжья.

Сначала было проанализировано сходство на уровне элементов, которое составило 29,6%, затем на уровне образов – 5,8%.

Анализ орнамента посуды населения Верхнего Прикамья показывает достаточно низкое процентное сходство элементов и образов орнамента. В свою очередь, сравнение указанных памятников с памятниками, располагающимися в Ульяновской области, показал большое процентное сходство. Для сравнения были взяты наиболее репрезентативные коллекции неволинской керамики с городища Чертов городок в Старомайском районе и городище Красносундюковское-I в Ульяновском районе Ульяновской области.

Так, на уровне элементов сходство городища Чертов городок и с. Ош-Пандо-Нерь – 48,4%, с. Подгоры-I и городища Красносундюковское-I – 43,7%. На уровне образов наибольшее сходство: городище Чертов городок и с. Ош-Пандо-Нерь – 24,7%, с. Ош-Пандо-Нерь и городище Красносундюковское-I – 24,9%.

Этот анализ требует дальнейшей проработки, так как памятники достаточно удалены друг от друга как территориально (около 200 км), так и хронологически [Каравашкина, 2017, с. 101–102]. В свою очередь, низкое процентное сходство поселений Самарской Луки указывает на то, что на этих памятниках проживало население с разными культурными традициями, которые имеют разные истоки.

Библиографический список

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- Богачев А.В., Зубов С.Э. Бруснянский II курганный могильник ранних болгар (раскопки 1988–1989 гг.) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 19–41.
- Волкова Е.В. Новинковские могильники фатьяновской культуры. М., 2010. 248 с.
- Вязов Л.А., Нерушин И.А. Стилетовидные предметы с волютообразным навершием с территории Среднего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. доц. В.А. Лопатина. Саратов, 2010. Вып. 8. С. 255–273.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004. 422 с.
- Голдина Р.Д. Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья // II Международный Мадьярский симпозиум : сб. науч. тр. / отв. ред.: С.Г. Боталов, Н.О. Иванов. Челябинск, 2013. С. 89–109.
- Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края. Самара, 1924. С. 150–173.
- Гольмстен В.В. Материалы по археологии Самарской губ. II. Керамика древних поселений Самарской Луки // Бюллетень ОАИЭиЕ. №3. Самара, 1925. С. 6–9.
- Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань, 2007. 208 с.
- Каравашкина Е.А. Анализ орнамента посуды населения Верхнего Прикамья в VIII–XIII в. // Новые материалы и методы археологических исследований: От археологических данных к историческим реконструкциям : материалы IV конференции молодых ученых. М., 2017. С. 101–102.
- Лифанов Н.А., Седова М.С. Средневековые угорские погребения на Самарской Луке // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С. 306–318.
- Матвеева Г.И. Изучение археологических памятников Куйбышевской области // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев, 1975. С. 5–21.
- Смирнов А.П. Очерки по истории волжских болгар. М., 1940. С. 5–136. (Труды ГИМ. Вып. XI).
- Скарбовенко В.А. Отчет об охранно-спасательных раскопках селища Ош-Пандо-Нерь 1/2 у с. Шелехметь Волжского района Самарской области // Архив археологической лаборатории СамГУ. Самара, 1995. 69 с.

Скарбовенко В.А. Отчет об охранно-спасательных раскопках селища Подгоры I в Волжском районе Самарской области в 2001 г. // Архив археологической лаборатории СамГУ. Самара, 2001. 114 с.

Сташенков Д.А. К вопросу об этнических контактах в Среднем Поволжье в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1997. С. 290–297.

Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Проблемы этногенеза тюркоязычных народов. Казань, 1971. С. 145–160.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984. 241 с.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008. 352 с.

© 2017, Н.А. Ключев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

ГОРОДИЩЕ КОКШАРОВКА-1 И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КОКШАРОВКА-8 В ПРИМОРЬЕ: ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»)

Городище Кокшаровка-1 и курган Кокшаровка-8 исследовались совместно российскими археологами (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН) и южнокорейскими специалистами (Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея). Работы продолжались с 2008 по 2015 г. и носили комплексный характер. Памятники изучались как археологическими методами, так и методами естественных наук (электро- и магниторазведка, георадиолокация, методы палеогеографии и др.). Такой же подход был применен и к анализу археологического материала и полученных экофактов (археоботанические исследования, применение таких методов, как AMS-датирование, рентгенофлуоресцентный анализ и др.). Все это позволило получить достаточно большой объем научной информации как о самих памятниках, так и о добытых археологических коллекциях. Результаты работ показали, что выявленные и изученные на городище Кокшаровка-1 и погребальном комплексе Кокшаровка-8 археологические объекты пока аналогий в Приморье не имеют. За все годы исследований на городище было заложено несколько раскопов в разных частях памятника, осуществлен разрез фортификационных сооружений (вала и рва). Общая площадь раскопов составила около 4 000 м². На памятнике Кокшаровка-8 была вскрыта площадь около 450 м², полностью был исследован курган, под насыпью которого обнаружено монументальное каменное сооружение.

Памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 находятся в Чугуевском районе Приморского края, располагаясь в 3 км на северо-восток от дер. Кокшаровка в долине р. Усури на левом берегу ее притока – р. Кокшаровка.

Форма городища Кокшаровка-1 близка к четырехугольнику. Оно имеет двое ворот, защищенных валами *вэнчэн* снаружи, в северной и западной стенах. Общая длина валов городища – 1,6 км. Высота вала – 4–6,2 м. Снаружи наблюдаются остатки рва, которым местами могло служить старое русло реки.

На поверхности городища фиксируется несколько прямоугольных земляных платформ. На одной из них размерами 60 на 100 м, расположенной в северной части памятника, и был осуществлен основной объем раскопок. Платформа была сооружена на более раннем средневековом горизонте обитания, скорее всего, относящемся ко времени начала строительства городища. Были выявлены два строительных горизонта самой платформы. В результате раскопок на платформе вскрыта часть уникального для приморской археологии объекта – архитектурного комплекса, состоящего из семи зданий, огороженного каменной стеной, с большим внутренним двором и хозяйственными постройками. Были исследованы также центральные и дополнительные ворота, часть каменной ограды.

Все семь зданий имеют схожую конструкцию, отличаясь лишь по размерам, и расположены по оси 3–В в северной части платформы. Здания каркасно-столбовой конструкции представляют собой прямоугольные в плане помещения, ориентированные по сторонам света. Все они имеют схожее строение,

отличаясь лишь размерами. Помещение внутри каждого здания разделено на две половины – северную и южную. Северную половину зданий занимает П-образный кан с двумя очагами и двухканальным дымоходом, который через разрыв в северной части фундамента стены выходил в трубу, расположенную в 1,5–3 м к северу от помещения. Квадратное в плане основание труб размерами 3 × 3 м сложено из камня в виде колодца. Вход в каждое здание располагался с южной стороны и был шириной до 2 м. Все помещения разделены между собой узкими коридорами шириной от 0,6 до 2 м.

Площадь зданий варьирует от 87 до 139 м², самым крупным по размеру является центральное здание №4. Фасады всех построек располагались на одной линии [Клюев, Гридасова, Якупов, 2016, с. 33, рис. 2]. Общая площадь всех семи зданий составляет 1 133 м², протяженность по линии южных фасадов – 78 м. Такое расположение зданий позволяет предположить, что все они составляли единый ансамбль с крышами, примыкающими друг к другу и образующими своеобразные ярусы.

Анализ фундаментов стен позволяет предположить каркасно-столбовой принцип возведения построек. Несущими конструкциями являлись столбы и балки. На глинобитной платформе по периметру будущего сооружения устанавливались каменные плоские базы. С восточной и западной сторон симметрично располагалось по шесть баз на расстоянии 1,6–2 м друг от друга в зависимости от размеров зданий. По южной стороне проходило также шесть баз: две базы ограничивали выход в центральной части, две – устанавливались в юго-восточном и юго-западном углах, еще две – располагались между ними. Симметрично им с северной стороны устанавливались четыре или шесть баз: две – по углам дымоходных каналов и по одной – между ними и угловыми базами, еще две базы, как и в южной стене, могли устанавливаться в северо-восточном и северо-западном углах. Все базы имели подсыпку из мелкой речной гальки. Следует отметить, что в конструкции фундаментов некоторых зданий отмечено наличие дополнительных каменных баз, что может быть связано с ремонтом построек. На каменные базы устанавливались деревянные столбы, являющиеся основой стен. Всего в конструкции зданий использовалось 22–24 опорных столба. Деревянные стойки по верху связывались балками, на которых крепилась конструкция крыши. Фундамент стен выкладывался из речной гальки и скальных обломков, скрепленных между собой глиняным раствором. Ширина фундаментов в среднем составляет 30–40 см, высота не превышает 25 см. Стены, по всей видимости, были сделаны из горизонтально уложенных плах и тонких бревен, вставленных в пазы стоек каркаса, и обмазаны глиной, смешанной с травой [Клюев, Гридасова, 2017, с. 156–157].

Раскопами на северной платформе городища Кокшаровка-1 было вскрыто около 50% всей площади архитектурного комплекса. В итоге были выявлены следующие характерные черты в его планировке:

- 1) прямоугольная в плане или близкая к прямоугольной форма построек;
- 2) строгая ориентация по сторонам света;
- 3) наличие осевой симметрии в расположении зданий, их структурных элементах, а также в конструкциях других объектов;
- 4) расположение построек по периметру прямоугольного двора;
- 5) размещение главных зданий в северной части комплекса, вспомогательных (хозяйственных) построек в его восточной и, по всей вероятности, западной частях;
- 6) расположение главных ворот в южной части архитектурного комплекса.

Планировка участка, занимаемого архитектурным ансамблем на городище Кокшаровка-1, соответствует традициям восточноазиатской архитектуры в целом и китайской в частности [Всеобщая история архитектуры, 1971, с. 331–379]. Если говорить более конкретно, то можно найти некоторые аналогии с известными дворцами государства Бохай (698–926 гг.). Общая планировка всего комплекса образует единый, обращенный на юг фасад, по длине сопоставимый с фасадами дворцов бохайских столиц. Имеющиеся в зданиях каны отличаются специфической конструкцией дымовой трубы, вынесенной далеко за пределы здания. Такие же конструкции труб наблюдаются на городище Верхней столицы Бохая в Дунцзинчэне, во дворце №4, или «спальном дворце», а также, вероятно, и в дворцовом комплексе Сигучэна в уезде Хэлун провинции Цзилинь. Характерной чертой канов бохайского времени является устройство их дымоходов, которые не вырывались в земле или в насыпной кановой подушке, как это наблюдается на канах Цзинь и Восточного Ся, а сооружались на поверхности земли либо с небольшим углублением в землю. При этом стенками между дымоходами служили камни либо кирпичи. Именно так устроены и каны зданий Кокшаровки-1, где большая часть стенок дымоходов сложена из камней. Следует отметить и ряд существенных отличий кокшаровского комплекса от дворцовых сооружений Бохая: отсутствие черепичной кровли; конструкции из параллельных рядов поддерживающих крышу

колонн на каменных базах, в сетке которых распланировано внутреннее пространство дворца; отсутствие высокой платформы – фундамента дворца. В то же время можно отметить сходство зданий кокшаровского комплекса с жилищами бохайцев и чжурчжэней: каркасно-столбовая конструкция, наличие кана, выход в узкой стене сооружения [Клюев, Ивлиев, 2013, с. 114–116].

В ходе раскопок платформы было найдено большое количество предметов, включая оригинальные керамические подставки в форме пагоды. Керамическая посуда в целом отражает основные характеристики бохайского гончарства. О бохайском времени свидетельствуют и находки фрагментов фарфоровой посуды из известных китайских печей в Динчжоу и Юэчжоу. С другой стороны, в коллекции имеется нетипичная для Бохая керамика: сосуды с трегубыми венчиками, с приземистыми пропорциями тулова, с делением тулова на дольки и с декором в виде «танцующих человечков». Данное обстоятельство свидетельствует как о связях этого города с примыкавшими к Бохаю территориями на восток и северо-восток от Усури, где такая керамика преобладает (покровская культура), так и о том, что городище существовало какой-то период и в постбохайское время, что подтверждают и полученные радиоуглеродные даты, большинство из которых укладываются во временной промежуток начала IX – конца X в. [Городище Кокшаровка-1, 2012, с. 167].

Другим объектом исследований на городище была юго-западная платформа. Здесь был выполнен небольшой объем работ, но и он позволил установить, что на платформе располагались здания, сходные со строениями на северной платформе.

Интересные результаты были получены при изучении фортификационных сооружений городища. Разрез южного вала городища показал, что он строился дважды. Конструкция вала состояла из земли, некоторого количества камней на поверхности и расположенных в определенном порядке деревянных столбов. На вершине вала в ходе его повторного строительства была возведена каменная стена, скрепленная плотной желтой глиной. Стена сохранилась на высоту 0,9 м при ширине 1,8–1,9 м. Изначально на месте, где был построен вал, было бохайское поселение. Принципиальная особенность вала на городище – в способе его сооружения. Технология отлична от других известных долинных городищ эпохи средневековья Приморья, где использовался метод «ханту», применялись деревянные короба при возведении вала или крепостные стены складывались из каменных блоков. На Кокшаровке вал сооружался несколькими мощными слоями земли, расположенными под углом 40–45°, идущими от основания к вершине. Слои внешнего и внутреннего скатов укладывались, последовательно чередуясь, перекрывая в вершине предыдущий слой, насыпанный на противоположном скате. Основание вала со стороны городища было преднамеренно углублено в материк и оформлено в виде ступеней. Близкие аналогии этой методике сооружения вала пока выделить сложно [Клюев, Якупов, 2016, с. 406].

Городище Кокшаровка-1 возникло еще в бохайское время. Какое-то время оно существовало и после гибели государства Бохай. Несомненно, что городище являлось крупным административным центром. Корейские специалисты предполагают, что в бохайское время это мог быть центр области Аньбяньфу [Городище Кокшаровка-1, 2012, с. 171]. Ряд российских археологов полагают, что городище могло входить в состав созданного после киданьского завоевания Бохая такого государственного образования, как «государство Диньянь» во 2-й половине X в. [Клюев, Ивлиев, 2013, с. 116].

Непосредственное отношение к культурному горизонту, исследованному на северной платформе городища, имел курган Кокшаровка-8, расположенный в 0,6 км на северо-запад от памятника, где найден аналогичный керамический материал. Этот курган представляет собой погребальный комплекс, не имеющий аналогов в средневековой археологии Приморского края. Были вскрыты остатки прямоугольного монументального сооружения из гранитных плит общими размерами 15 × 16 м. Западная, северная и восточная стенки платформы вертикальные. В западной половине южной стороны сооружения сохранился широкий пологий ступенчатый подъем из каменных плит [Клюев, Слепцов, Ивлиев, 2016, с. 36, рис. 1]. Были выявлены особенности конструкции и этапы ее строительства. Изначально сооружение представляло собой своеобразную прямоугольную платформу размером 9,2 × 8,2 м, по верхней части оконтуренную стеной шириной около 1 м. Общая высота сооружения не превышала 0,65 м. Возможно, что сооружение было возведено над погребением. В его центральной части была расчищена средневековая грабительская яма, прорезавшая все слои каменных плит до служившего материком слоя речного аллювия с галькой. На дне ямы лежала каменная плита размерами 67 × 79 см, подобная тем, из которых построено все сооружение. На ее поверхности сохранились остатки тлена и пятна охры. Однако явных следов погребальной камеры не обнаружено. При этом следует отметить, что основная масса находок из золота и серебра была сделана в районе

этой грабительской ямы. Вторым этапом строительства стало возведение вокруг первичного сооружения внешней кладки из гранитных плит, увеличившей размеры сооружения до 12,2 × 16,2 м. Были изменены и стены на верху постройки. Вдоль южной стороны строения на этом этапе был ряд деревянных столбов. Впоследствии у западной половины южной стороны была пристроена лестница из гранитных плит. Следующим этапом стало возведение каменной стенки, обрамляющей по верху с запада, севера и востока центральную надстройку. Скорее всего, после постройки этой ограды над сооружением была возведена земляная насыпь. Вероятно, первоначально она оставляла открытыми верхнюю часть каменной ограды, каменную площадку наверху и лестницу на южном склоне кургана. На завершающем этапе над курганом появилась черепичная крыша.

Исследование показало, что, вероятнее всего, сооружение связано с очень знатной персоной, которая могла быть погребена здесь. Об этом свидетельствуют его монументальность и характер погребального инвентаря, включающего изделия из благородных металлов, в том числе серебряные гвоздики, две сбруйные бляхи из этого же металла и 44 листика, вырезанные из золотой фольги. Скопления камней с фрагментами керамики на большой площади вокруг кургана позволяют предполагать, что это сооружение также могло быть платформой для погребальных церемоний на большом кладбище.

Ближайшими по времени и месту аналогиями данного сооружения являются погребальные сооружения Бохая, представленные серией могильников аристократии и членов царского рода. Наибольший интерес в этом плане представляют могила №5 могильника Людиншань, каменные платформы на могильниках Людиншань и Хунцзуньюйчан, особенно платформа №11 на первом из них, а также сооружение на памятнике Цидаохэ города Цзяохэ провинции Цзилинь (КНР) [Клюев, Слепцов, Ивлиев, 2015, с. 369–370]. Не будучи полностью сходным с указанными сооружениями, кокшаровский курган явно демонстрирует эту же бохайскую культурную традицию.

Из археологического материала следует выделить две серебряные сбруйные бляхи с контуром в виде цветка мальвы и наклонными гранями на лицевой поверхности. Время бытования этих изделий приходится на IX–XI вв. [Клюев, Слепцов, Ивлиев, 2016, с. 37].

На основе анализа найденных предметов и радиоуглеродных датировок можно предварительно отнести этот погребальный комплекс к X–XI вв.

Подводя итоги, следует заметить, что исследования на памятниках Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 позволили получить новые данные о малоизученном периоде средневековой истории Приморья после гибели государства Бохай, и в этом заключается их несомненная важность.

Библиографический список

Всеобщая история архитектуры. М., 1971. Т. 9. 644 с.

Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российско-корейской экспедиции в 2008–2011 годах. Тэджон, 2012. Ч. 1. 320 с.

Клюев Н.А., Гридасова И.В. Особенности планиграфии архитектурного комплекса на городище Кокшаровка-1 в Приморье // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». Владивосток, 2017. С. 155–159.

Клюев Н.А., Гридасова И.В., Якупов М.А. Новые открытия в средневековой археологии Приморья: городище Кокшаровка-1 // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань ; Ялта ; Кишинев, 2016. С. 31–34.

Клюев Н.А., Ивлиев А.Л. Уникальный архитектурный комплекс на городище Кокшаровка-1 в Приморье // Россия и АТР. 2013. №3. С. 104–116.

Клюев Н.А., Слепцов И.Ю., Ивлиев А.Л. Культурно-исторические связи средневекового населения Приморья (по материалам погребального комплекса Кокшаровка-8) // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 2015. С. 367–374.

Клюев Н.А., Слепцов И.Ю., Ивлиев А.Л. Кокшаровка-8 – уникальный погребальный комплекс эпохи средневековья в Приморье // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань ; Ялта ; Кишинев, 2016. С. 35–38.

Клюев Н.А., Якупов М.А. Исследования фортификационных сооружений на городище Кокшаровка-1 в Приморье // Археологические открытия 2014 года. М., 2016. С. 404–406.

МОГИЛЬНИК КОНЦА I ТЫС. Н.Э. КОМПЛЕКСА УСТЬ-СОЙДА В ЗАПАДНОМ БЕЛОЗЕРЬЕ

Историческая ситуация, сложившаяся на севере европейской части России в период с третьей четверти I тыс. н.э. и до его конца, несмотря на существенное увеличение масштабов археологических исследований в последние десятилетия, по-прежнему остается слабоизученной. Число памятников раннего средневековья, в первую очередь могильников, выявленных и исследованных на данной территории, сравнительно небольшое. Среди памятников этого времени известны поселения и могильники в бассейне р. Мологи, исследованные А.Н. Башенькиным [1995, с. 3–29], памятники на Верхней Мсте [Исланова, 2006], могильники у Которского погоста, исследованные Е.Р. Михайловой [2014а], и некоторые другие. Незначительной оказывается доля памятников конца I тыс. н.э. среди многочисленных средневековых селищ и могильников, обнаруженных и исследованных в последнее время в Белозерье – важном регионе Русского Севера. На сегодняшний день к их числу можно отнести часть памятников, в том числе могильников, раскопанных на р. Суде А.Н. Башенькиным (Пугино, Никольское-V, Никольское-XI, Никольское-XVI), могильников, исследованных Н.А. Макаровым в Центральном Белозерье и на прилегающей к нему территории (Крохинские Пески – Белоозеро, Усть-Ситское-VI, Минуно-II, Владышнево), поселений и могильников комплексов Черный ручей и Ступолохта на р. Андоге, изученных автором, а также могильников, принадлежавших поселению Крутик, – Кладовка-1, Кладовка-2, исследованных С.Д. Захаровым и С.В. Меснянкиной на Верхней Шексне [Макаров, Захаров, Бужилова, 2001; Археология севернорусской деревни..., 2007; Башенькин, 1995; Захаров, Меснянкина, 2012; Кудряшов, 2014]. Небольшое число памятников последней четверти I тыс. н.э., выявленных в Центральном Белозерье, привели исследователей к выводу о том, что этот важный регион в это время был слабо заселен [Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 189–193; Захаров, 2012, с. 233–234].

В связи с этим важное значение для характеристики эпохи раннего средневековья в регионе приобретают факты обнаружения и исследования в Белозерье новых, ранее неизвестных памятников последних веков I тыс. н.э. Комплекс этого времени, включающий в себя поселение и могильник, обнаружен в 2012 г. и исследован раскопками в 2013–2016 гг. на р. Шоле, притоке р. Ковжи, впадающей, в свою очередь, в Белое озеро. Культурный слой поселения Усть-Сойда, располагавшегося в устье р. Сойды на невысокой лесной гриве, содержал материалы неолита, бронзы, раннего железного века и средневековья. Во время исследования поселения на северной и южной оконечностях гривы были обнаружены два могильника с погребениями по обряду сожжения – «северный могильник», который может быть датирован серединой I тыс. н.э., и «южный», существовавший в конце I тыс. н.э. Последний могильник занимал южный, слегка возвышенный над поймой край гривы. В центре и на северной части гривы располагалось поселение этого времени. Грунтовый могильник занимал площадь около 80–90 м². Кальцинированные кости, обнаруженные в нем, образовывали округлое пятно диаметром около 9 м. С северо-востока и востока, со стороны р. Сойды, площадка могильника была ограничена ровиком, имевшим длину около 6 м, ширину от 1 до 1,5 м, глубину от 0,6 до 1,1 м. В ровике обнаружены следы прокалов дна и стенок. С восточной стороны в его заполнении находились многочисленные углистые плашки и прослойки, оставшиеся от ритуальных костров, и остатки небольшого очага. В ровике обнаружены многочисленные кальцинированные кости, оплавленные вещевые находки. Могильник содержал остатки кремаций на стороне. Всего в могильнике было собрано около 1 800 грамм кальцинированных костей. Во время исследования могильника выявлено несколько различных погребальных комплексов. В южной половине погребальной площадки была обнаружена большая яма – котлован овально-прямоугольной формы, размерами 2–2,5 x 3,5 м, глубиной до 0,6–0,75 м. Стенки ямы были слегка покатыми. Яма была заполнена слабогумусированным песком, в котором обнаружены редкие кальцинированные кости, угольки. На дне котлована в разных частях его заполнения найдены небольшие скопления кальцинированных костей с вещевыми находками. В одном скоплении на дне котлована находились железная фитильная трубка, арочная поясная накладка, зонная буса, в другом – шумящая подвеска с цилиндрическим щитком и привесками-лапками, привеска-лапка, синяя кубическая буса со срезанными углами (рис. 1.-4, 5, 7, 14, 18, 30). В верхней части заполнения котлована также располагались небольшие скопления кальцинированных костей и вещевых находок, преимущественно фрагментов расплавленных

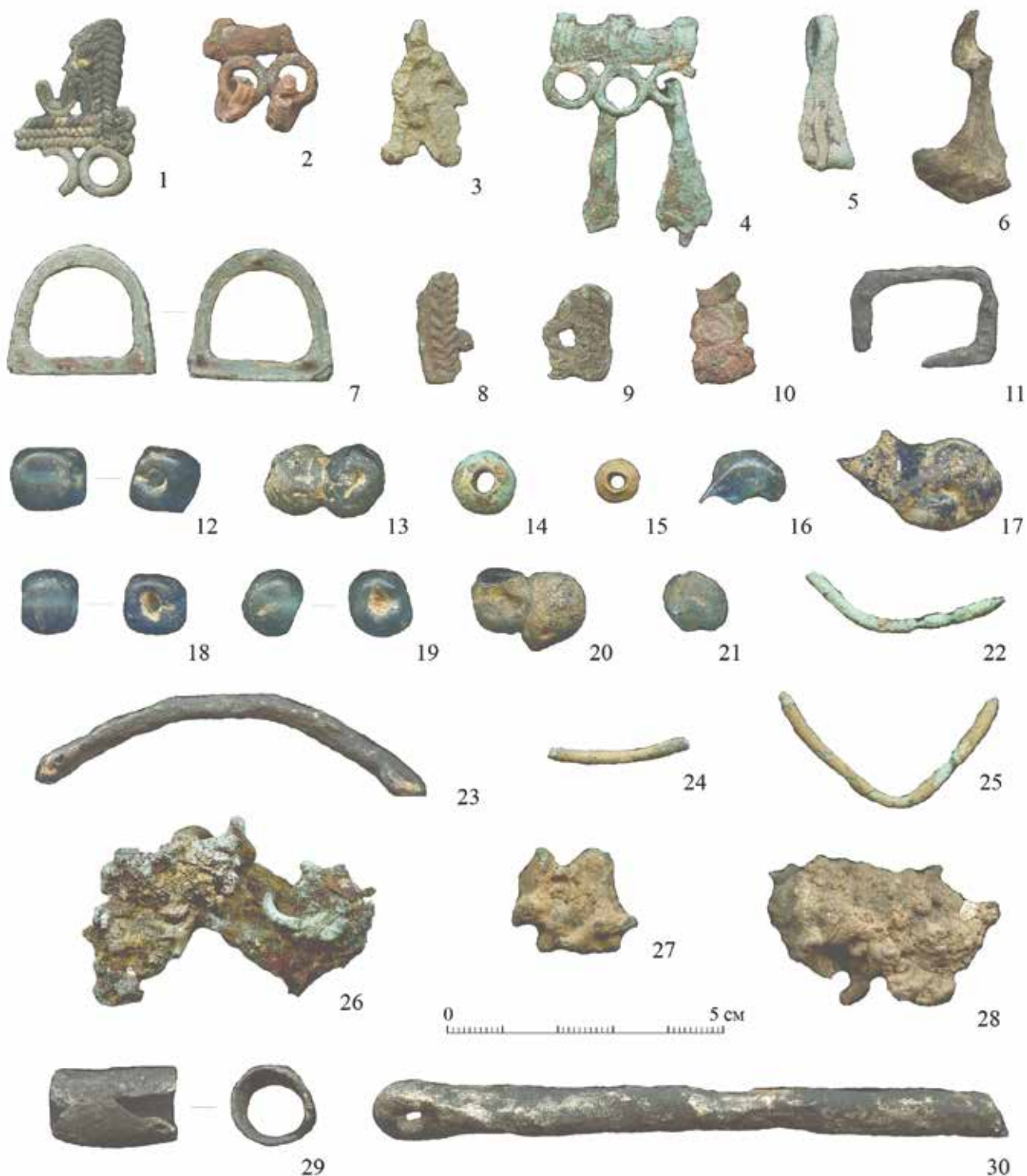

Рис. 1. Комплекс Усть-Сойда. Вещевой инвентарь южного могильника:
 1–10, 22, 24–28 – сплавы цветных металлов; 12–21 – стекло; 11, 23, 29, 30 – железо

украшений из бронзы. На погребальной площадке, рядом с ямой-котлованом и частично перекрывая ее, располагались ямы округлой и овальной форм, содержавшие многочисленные кости и вещевые находки. В одной из таких ям диаметром около 1,2 м, глубиной до 0,3 м были обнаружены кальцинированные кости массой чуть более 130 грамм и несколько десятков вещевых находок-украшений, многие из них фрагментированы. Среди находок: шумящие подвески, целые и оплавленные, привески к ним, фрагменты наборных украшений, в том числе коньковой подвески, фрагмент дротовой гривны, буса зонная, пластинчатый браслет и другие вещи (рис. 2.-8, 13, 15, 16). Рядом в овальной яме с костями находились две крупные расплавленные шумящие подвески, тип которых неопределим (рис. 2.-17, 18), фрагменты

Рис. 2. Комплекс Усть-Сойда. Вещевой инвентарь южного могильника:
 1–6, 11–19 – сплавы цветных металлов; 7, 8 – стекло; 9, 10 – железо

других бронзовых украшений. Эти ямы перекрывали большой котлован, который был, вероятнее всего, одним из ранних погребальных сооружений могильника. Верхняя площадка могильника была также засыпана кальцинированными костями вперемешку с вещевыми находками. Кости местами образовывали небольшие скопления в несколько десятков граммов, содержавшие редкие вещевые находки, но были ли это отдельные погребения – непонятно. Часть таких скоплений находилась в углублениях погребальной площадки, в небольших ямках округлой и овальной форм. Следует отметить, что скопления кальцинированных костей с вещами наблюдались в ровике, они концентрировались преимущественно на восточном склоне погребальной площадки. Конечно, часть костей могла естественным способом сползти по склону с площадки, но в некоторых местах, там, где концентрация костей и вещей особенно велика, похоже, что остатки погребений были ссыпаны вниз по стенке ровика намеренно.

Рис. 3. Поселение Усть-Сойда. Вещевой инвентарь:
1–3 – сплавы цветных металлов; 4 – стекло; 5, 6 – железо

В южном могильнике Усть-Сойды обнаружено свыше сотни вещевых находок: стеклянных бус, деталей бронзовых украшений, предметов из железа. Значительная часть украшений из бронзы представлена различными шумящими подвесками и их деталями, некоторые выполнены в наборной технике. Среди них – пять определимых подвесок с цилиндрическими щитками, две подвески с прямоугольными щитками, фрагмент подвески – наборного конька, близкого к конькам муромского типа, а также к коньку, обнаруженному А.Н. Башенькиным [2007, рис. 6.-4] в сопковидной насыпи могильника Никольское-ХI на р. Суде, фрагменты подвески с овальным щитком, многочисленные подвески-лапки, фрагменты подвесок – привески, звенья-костыльки, украшенные волютами и зернью, цепочки и их фрагменты. Есть также пластинчатые браслеты – целый и фрагмент. Имеются фрагменты изделия из круглого дрота – браслета или височного кольца. Кроме целых стеклянных бус, которых насчитывается более десятка, имеются сплавы бус, тип которых определить сложно. Обнаружены также железные поясные пряжки, железные втулки, возможно, от рукояток ножей, и другие вещи. К наиболее ранним вещам можно отнести бронзовую арочную (полуовальную) ремennую накладку со шпеньками, железную фитильную трубку, подвески с цилиндрическими щитками, стеклянные полупрозрачные, синего стекла бусы в форме куба и параллелепипеда со срезанными углами. Эти бусы датируются от VII до IX в., они были широко распространены на памятниках неволинской и ломоватовской культур, позднедьяковской культуры, на памятниках северо-западных территорий России [Розенфельд, 1982, с. 62–63; Михайлова, 2014б, с. 111–112]. Арочные (полуовальные) накладки известны среди ломоватовских древностей V–IX вв. [Голдина, 1985, табл. XII.-12]. Подвески с цилиндрическим щитком также датируются VII–X вв. [Розенфельд, 1982, с. 70–72]. Аналогии этим вещам встречаются в древностях финно-угорского населения Поволжья и Прикамья (Кочкинский и Максимовский могильники [Голубева, 1987, табл. XXXIV.-2, 6], памятники ломоватовской культуры [Голдина, 1985, XVIII.-1], могильник Сарского городища, Новленский могильник [Леонтьев, 1996, рис. 37.-5; 95.-2]), в позднедьяковских древностях бассейна Оки, а также в могильниках Белозерья (Никольское-ХI, Черный ручей-4, Кладовка-1). Часть изделий, обнаруженных в могильнике и на принадлежавшем ему поселении, имеют аналогии на памятниках X – начала XI в. – это стеклянная синяя ребристая буса, зонные бусы, подвески с прямоугольными щитками. Таким образом, могильник может быть датирован IX–X вв., а возможно, и началом XI в.

Анализируя особенности погребального обряда могильника конца I тыс. н.э. на Усть-Сойде, следует отметить следующие моменты. Могильник отделен от пространства, занимаемого поселением, небольшим полукруглым ровиком, что сближает его с курганами. В нем прослежены различные способы помещения остатков кремаций, а именно: в виде россыпей праха на поверхности погребальной площадки, а также в ровике; помещение кремаций в овальные и округлые ямы сравнительно небольших размеров; сооружение в могильнике большой ямы-котлована подпрямоугольной формы с помещением внутри нее части погребений по обряду кремации в виде россыпей кальцинированных костей и вещей. Все эти способы помещения погребений в некрополь встречаются в раннесредневековых могильниках Белозерья и сопредельных территорий. По погребальной обрядности, по материальной культуре население, оставившее могильник конца I тыс. н.э. на Усть-Сойде, наиболее близко к населению, которому принадлежал белозерский могильник Черный Ручей-4, располагавшийся на р. Андоге. Способ помещения остатков кремаций в большую яму-котлован овально-подпрямоугольной формы на могильнике Усть-Сойда был прослежен в Белозерье лишь на могильнике Черный Ручей-4. Здесь обнаружено сразу три большие ямы-котлована, в заполнении которых лежали прослойки, содержавшие кальцинированные кости и вещевой инвентарь. Вероятнее всего, данные сооружения представляли собой некое «жилище» для мертвых сородичей, сооружаемое их соплеменниками [Кудряшов, 2014]. В том же могильнике известны погребения, помещенные в сравнительно небольшие ямы овальной и округлой форм. Присутствовал на черноручейском могильнике также погребальный обряд рассыпания кальцинированных костей человека и животных, вещевого инвентаря на его дневной поверхности. Последний способ помещения остатков кремаций в могильник известен на могильниках Кладовка-I, Кладовка-II на Верхней Шексне, а также на памятниках р. Суды (Пугино), на памятниках моложского региона. Способ помещения кремаций в ямы овальной и округлой форм известен также на могильниках соседнего Кубеноозерья (Минино-II, Владышнево) [Археология севернорусской деревни..., 2007, с. 130–160]. Материальная культура населения, оставившего вышеназванные могильники, была близка культурам финно-угорского населения Прикамья и Поволжья.

Исследованные могильник Усть-Сойда вместе с поселением, ему принадлежавшим, являются интересными и важными археологическими источниками, материалы которых могут пролить свет на исторические процессы, происходивших в Белозерье и в целом на Русском Севере в конце I тыс. н.э., могут помочь охарактеризовать население, оставившего в регионе свои немногочисленные памятники.

Библиографический список

- Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / под ред. Н.А. Макарова. Т. 1: Поселения и могильники. М., 2007. 374 с.
- Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Славяно-русские древности. Проблемы истории Северо-Запада Руси. Вып. 3. СПб., 1995. С. 3–29.
- Башенькин А.Н. Сопковидная насыпь у деревни Никольское на реке Суде // Археология: история и перспективы : материалы Третьей межрегиональной конференции. Вып. 3. Ярославль, 2007. С. 9–18.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. 280 с.
- Голубева Л.А. Весь Меря. Муром. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. (Археология СССР).
- Захаров С.Д. Белоозеро // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М. ; Вологда, 2012. С. 213–239.
- Захаров С.Д., Меснянкина С.В. К оценке историко-культурной ситуации в Центральном Белозерье на рубеже тысячелетий // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. №2 (67). С. 88–94.
- Исланова И.В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2006. 288 с.
- Кудряшов А.В. Белозерская весь. Современный взгляд // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М. ; Вологда, 2014. С. 199–311.
- Леонтьев А.Е. Археология мери. М., 1996.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. 496 с.
- Михайлова Е.Р. Бескурганые могильники близ Которского погоста: хронология и место среди древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура / отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М. ; Вологда, 2014a. С. 317–335.
- Михайлова Е.Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Saarbrücken : Lambert Akademik Publishing, 2014b.
- Розенфельд И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.

**ХРАМОВЫЙ ГОРОДСКОЙ ЦЕНТР НА РЕКЕ АБАКАН.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VIII – НАЧАЛО XIII В.
(раскопки Л.Р. и И.Л. Кызласовых)**

Значительный вклад в городскую археологию Сибири был внесен целенаправленными полевыми и кабинетными трудами профессора Л.Р. Кызласова. В студенческие годы получив из рук С.В. Киселёва и Л.А. Евтюховой первый опыт раскопок городских объектов в 1946 г. при изучении гуннского дворца на р. Ташебе [Евтюхова, 1947, с. 79, прим. 2; Кызласов, 2001, с. 7, 17, 115], он в 1953–1954 гг. провел ставшие знаменитыми исследования городища Ак-Бешим в Кыргызстане – как оказалось, руин столицы Западно-Тюркского каганата Суяба [Кызласов, 1959а; 2006, с. 219–350; 2008а; Kyzlasov, 2010, р. 247–386], а затем открыл и изучил многочисленные крепости и города Уйгурского каганата VIII–IX вв. и Монгольской державы XIII–XIV вв. в Тувинской котловине [Кызласов, 1959б; 1965, с. 59–119; 1969, с. 56–87, 130–171; 1975; 1979, с. 145–158].

Прорыв в поисках средневековых городов в Хакасии также был совершен археологической экспедицией Московского университета. В 1971–1973 гг. профессором Л.Р. Кызласовым были обнаружены два города, не значившихся в письменных источниках и на древних арабских картах. Основные постройки там были деревянными, и городские остатки не были видны на поверхности. Но в обоих городах некогда стояли кирпичные храмы, руины которых в наши дни выделялись большими буграми. Так был обнаружен древнехакасский город в горах Батенёвского кряжа, в котловине Сорга, территорию которого теперь занимает поселок железнодорожной станции Ербинская. Археологически изученное там храмовое здание VIII–X вв. имело большие размеры, стены из необожженного кирпича-сырца и было сооружено на массивной платформе из гранитных глыб [Кызласов Л.Р., 1999; Кызласов И.Л., 2007]. Современный поселок застроил средневековое поселение, и оно осталось неисследованным.

Другой тип города существовал в середине VIII – начале XIII в. в 90 км от первого в степной дельте р. Уйбат. Пожалуй, это был центральный древнехакасский город, но, как и предыдущий, он не имел оборонительных стен и ныне скрыт и выровнен пашней. Город был обнаружен Л.Р. Кызласовым в 1973 г. и изучался раскопками в 1974–1981 и 2000–2002 гг. [Кызласов, 1998]. Город стоял на левом берегу р. Абакан, в стороне от реки и от ее притока р. Уйбат, – строители, видно, страшась наводнений, предпочли подвести к нему от р. Уйбат большой магистральный канал. Изгибаясь углом, канал в центре поселения отделял сакральный участок с несколькими монументальными храмами и примыкавшим к ним монастырским комплексом. По данным аэросъемки, к северу от священного квартала шла основная городская застройка усадебного типа. В плане она образовывала правильный квадрат со стороною в один километр, по периметру очерченный каналами и разделенный на улицы прямыми арыками. Судя по регулярной вымеренной планировке жилого центра, город возник как воплощение единого архитектурного проекта. Жилая площадь здесь изучена недостаточно: глинобитные заборы-дувалы, ограждавшие усадьбы, обнаружены раскопками; глинобитные квадратные дома выявляет аэросъемка. Прослежены и традиционные деревянные жилища, срубные и столбовые.

Судя по подъемному материалу, жилые усадьбы распространялись на еще большей площади, около 3 км в диаметре. Однако история и характер застройки остаются неизвестными. Просуществовав около пяти веков подряд, до монгольского нашествия в XIII в., город век от века должен был менять свой облик. Обнаружены и следы производственных сооружений – кузниц, пальцевых гончарных печей среднеазиатского типа. Наряду с прослеженными архитектурными традициями, полученные при раскопках находки указывают на многоплеменность горожан. Местная посуда (тюхтятской и аскизской культур) на начальном этапе (во второй половине VIII – начале IX в.) соседствует с уйгурской баночной. Выделяются разные формы круговой согдийской керамики (хумы, кувшины), характерной, однако, не для коренных земель, а для колоний Восточного Туркестана. По-видимому, на Абакане это были и купцы торговых караванов (в городском слое встречены монеты и фрагменты поливной посуды из Китая, а также кости верблюда), и общины пришлых ремесленников, и религиозные паломники.

Весь длительный период существования Уйбатского города на его культовом участке возводились, сменяли друг друга и около пяти веков непрерывно действовали храмы из кирпича-сырца с цветными росписями

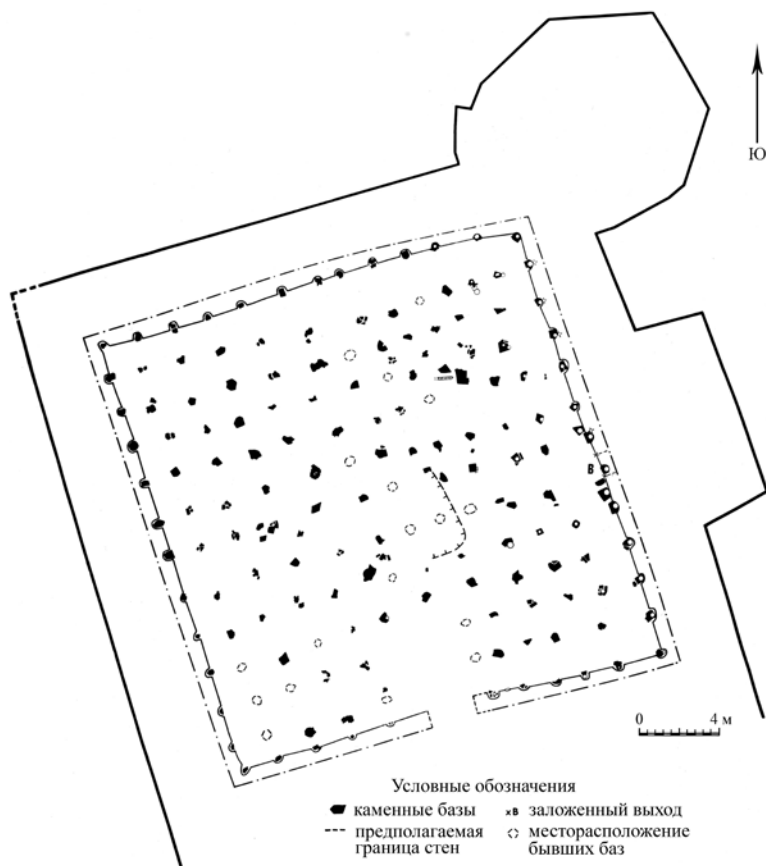

Рис. 1. Хакасия. Уйбатский город. План многоколонного зала храма Солнца, абрис пристроенных с северо-востока и востока храмов Луны и Воздуха (по: [Кызласов, 1998])

ми по белой штукатурке и с деревянными колоннадами. Пристраиваясь друг к другу, они только лишь на одном археологически обследованном участке создали единый (60 × 30 м) и два обособленных комплекса характерного сакрального вида. За годы раскопок изучены остатки десятка разновременных монументальных объектов и алтарей, руины возникшего близ них монастыря, а также части иных легких построек – с деревянными колоннадами, покрытыми черепицей. Планировка каждого храма ни в чем не повторяла облик другого.

Арабская литература X–XIV вв., со слов очевидцев и по сведениям книжников, описала сакральное наследие, полученное манихеями от сабейцев-звездопоклонников Месопотамии, канонизировавших разные геометрические формы построения храмов в зависимости от того, какой из семи главных планет или какому астрологическому понятию они были посвящены. Описания ал-Масуди, аш-Шахристиани и ат-Демишки помогли понять и отождествить нео-

Рис. 2. Уйбатский город. Зал храма Солнца. Ниши и базы колоннады юго-западной стены в ходе раскопок, 1979 г. Фото автора

жиданное разнообразие типов культовых зданий и сооружений, раскопанных на Уйбате. Они оказались храмами и алтарями Первопричины (т.е. Сотворения) мира, Миропорядка, Солнца (с квадратным залом в 169 колонн – рис. 1, 2), Марса (имевшего зал с 12 колоннами, – рис. 3, 4), Луны, Огня, Воздуха, Воды и др. Изумляет подтвержденная археологией точность описаний, составленных средневековыми арабскими учеными [Кызласов, 1998; 2008б].

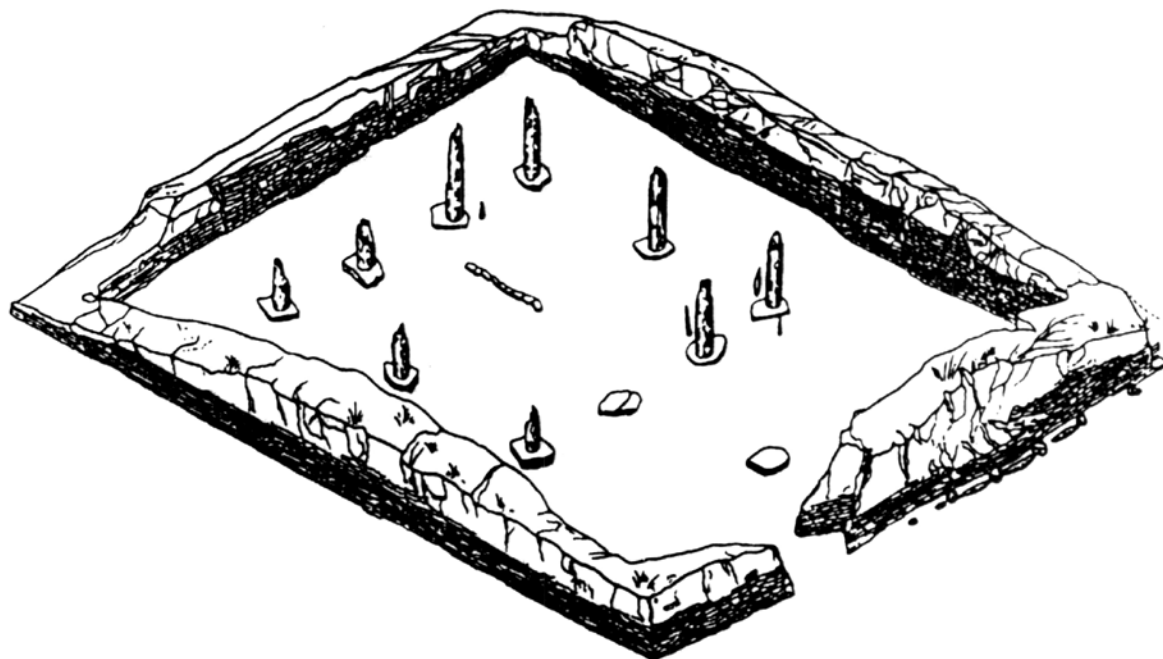

Рис. 3. Уйбатский город. Храм Марса. Аксонометрия (по: [Кызласов, 1998])

Рис. 4. Уйбатский город. Колоннада в зале храма Марса во время раскопок, 1974 г. Вид с юго-запада. Фото автора

Эти выстроенные из необожженного кирпича монументальные здания (в целом 12 объектов, существовавших с 60-х гг. VIII в. до рубежа XII–XIII вв.) раскапывались Л.Р. Кызласовым 10 лет (1972–1981 гг.).

Открытые древнехакасские города были не только административными, ремесленными и торговыми центрами, не только местами приложения специальных архитектурных и строительных знаний, но и средоточием сложной духовной жизни, длившейся веками. Изучение южносибирских городских центров привело Л.Р. Кызласова к одному из крупнейших открытий в современном востоковедении – к обнаружению и раскопкам в Хакасии двух храмово-монастырских центров, содержащих серию храмов и святыниц – первых и едва ли не единственных археологически изученных манихейских храмов. С участием уйгурских и согдийских миссионеров манихейство разошлось в Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, было официально принято Древнехакасским государством во второй половине VIII в. и просуществовало в тюркоязычном мире несколько столетий. Кроме раскопанных в Хакасии храмов, на это указывает содержание многочисленных наскальных молитвенных надписей Саяно-Алтая енисейского письма, а также распространившиеся в рунических памятниках особые нормы правописания, отличавшие манихейскую грамотность от всех письменных систем Азии периода раннего средневековья.

Существование и официальный статус в Древнехакасском государстве манихейства не только коренным образом изменяют наши знания о духовном развитии раннесредневекового сибирского общества, но и объясняют многие особенности культуры, отмеченные наукой у современных народов Южной Сибири, Средней и Центральной Азии.

Библиографический список

- Евтюхова Л.А. Развалины дворца в «Земле Хягяс» // КСИИМК. М. ; Л., 1947. Вып. XXI. С. 66–80.
Кызласов И.Л. Ербинский храм // Большая Российская энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 684.
Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959а. Т. II. С. 155–242.
Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // СА. 1959б. №3. С. 66–80.
Кызласов Л.Р. Городище Дён-Терек // Древнемонгольские города. М., 1965. С. 59–119.
Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.
Кызласов Л.Р. Городище Оймак на Улуг-Хеме // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 178–191.
Кызласов Л.Р. Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979. 207 с.
Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. №3. С. 8–35.
Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. 1999. №2. С. 181–206.
Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001. 176 с.
Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М., 2006. 360 с.
Кызласов Л.Р. Два Ак-Бешимских сюжета // РА. 2008а. №2. С. 40–48.
Кызласов Л.Р. Священный город манихеев на реке Уйбат // Сокровища культуры Хакасии / Наследие народов Российской Федерации. М., 2008б. Вып. 10. С. 40–48.
Kyzlasov L.R. The Urban Civilization of Northern and Innermost Asia. Historical and Archeological Research. București – Brăila, 2010. 426 p.

© 2017, А.Е. Леонтьев

Институт археологии РАН, Москва

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОРОДИЩЕ ВЫЖЕГША ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2016 Г.

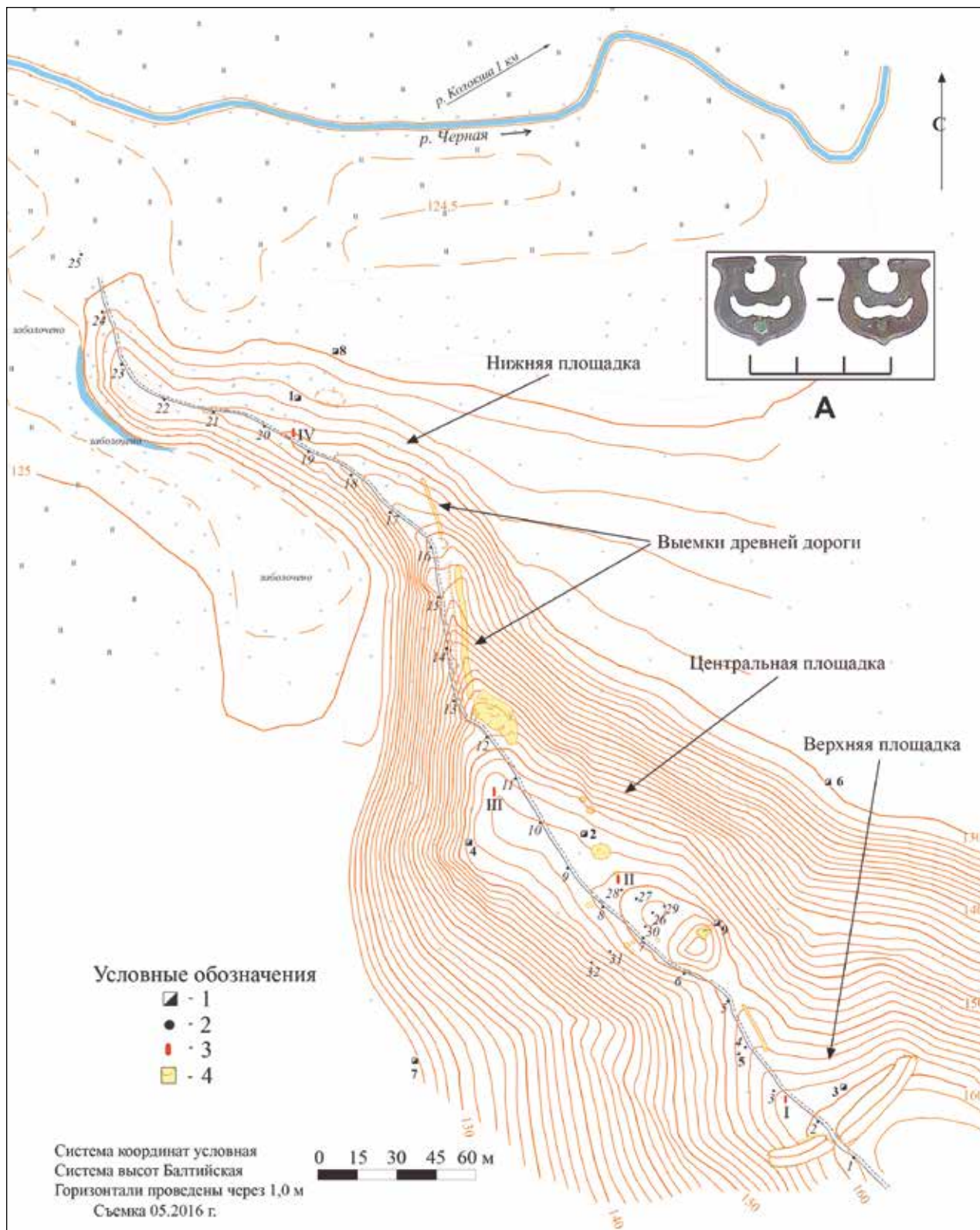
Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №16-01-18057
«Исследования городища Выжегша на р. Колокше в Юрьевском районе Владимирской области»)

Памятник находится в Юрьев-Польском районе Владимирской области, свое название он получил по имени ближайшего населенного пункта. Городище расположено в 0,8 км к юго-востоку от деревни на противоположном правом берегу р. Черной, правого притока р. Колокши, в свою очередь, являю-

щей левым притоком р. Клязьмы (рис.). Ранее р. Черная именовалась так же, как и деревня, сохраняя субстратный гидроним, – Выжекша. Это название в форме «Вижегша» сохранялось на картах землепользования до недавнего времени. Речка небольшая, обладает узкой, слабо разработанной долиной с высокими, изрезанными оврагами берегами.

Городище было открыто В.П. Глазовым в 1972 г. [Глазов, 1973, с. 57]. Известность оно получило после случайной находки в 1983 г. клада куфических монет середины IX в. [Фомин, 1988, с. 103–131].

Городище Выжекша. Исследования 2016 г.: А – поясная накладка из находок на городище:
1 – шурфы (1–9); 2 – скважины бурения (1–31); 3 – реперы (I–IV); 4 – разрытия

В 1984–1986 гг. был доследован участок находки монетного клада, где оказался еще один клад – стандартных слитков оловянисто-свинцового сплава, сокрытый, судя по обстоятельствам находки, в то же время. Разведочные раскопки были проведены на окраине центральной площадки. В результате помимо информации о средневековом поселении были обнаружены следы заселения мыса в раннем железном веке. Результаты работ опубликованы [Леонтьев, 1988, с. 94–102; 1996, с. 196–209].

Городище занимает вытянутый, вдающийся в пойму мыс залесенного правого коренного берега р. Черной с общей ориентировкой с юга на север. С боковых западной и восточной сторон мыс ограничен низинами речной старицы, а в верхней склоновой части – выположенными старыми оврагами. Западный склон на всем протяжении круче восточного. Длина мыса с учетом изгибов поверхности составляет около 480 м, перепад высот в пределах отметки 125–160 м Балтийской системы высот (БСВ) – 35 м. Две ограниченные валами площадки с обусловленным рельефом перешейком между ними находятся в верхней части мыса (см. рис.).

Исследования памятника были продолжены спустя 30 лет – в 2016 г. и принесли новую информацию о городище. Уточненный план памятника* с сечением горизонталей 1 м дал детальное представление о местоположении городища и позволил выявить ранее неизвестные особенности микрогеографии его территории.

Область распространения культурного слоя оказалась шире, чем представлялось ранее. Территория поселения включала не только ограниченные валами верхнюю и центральную площадки, но и участок в основании мыса.

Обнаружены следы древней дороги (?), соединявшей площадки. Ее трасса читается по узким заплывшим выемкам, сохранившимся на склонах между площадками городища (см. рис.). Ширина выемок в верхней части – до 1,8 м, глубина – около 0,5 м. Нижний участок длиной 24 м, выходящий от нижней площадки, прерван в уровне отметки 135 м рытвиной, образовавшейся в результате упомянутого выше выравнивания трассы существующей дороги. Выше по склону продолжение выемки протяженностью 50 м прослеживается вплоть до северной оконечности центральной площадки. Еще один участок длиной 40 м, идущий параллельно существующей дороге, сохранился перед вторым валом на перешейке к напольной площадке.

Для уточнения особенностей и стратиграфии культурного слоя, определения характеристик материковых отложений на территории городища было проведено бурение ручным буром с пробоотборником шириной 2 см на глубину до 1 м. С шагом 20 м 25 скважин (далее скв.) были заложены вдоль западного края проходящей по гребню мыса дороги от напольной стороны перед внешним рвом до высокой поймы р. Черной. Еще 7 скважин пробурены в отдельных местах центральной площадки и в верхней части западного склона мыса в створе второго сопковидного вала (рис.-1–31).

Результаты бурения подтвердили отсутствие культурного слоя с напольной стороны от внешнего вала городища и позволили уточнить мощность и условия залегания культурного слоя на разных участках памятника. Выявлен погребенный культурный слой на верхней и нижней площадках мыса, о существовании которого на этих участках ранее не было известно. Можно было предположить, что это отложения поселения раннего железного века, но шурфы показали их принадлежность средневековому городищу. Общая освоенная площадь определяется в пределах 1 га.

Существование предшествующего поселения эпохи раннего железного века в исследованиях 2016 г. подтверждается только редкими находками сетчатой керамики в шурфах центральной площадки и двушипных наконечников стрел в подъемном материале. Сохранившийся культурный слой этого периода удалось обнаружить только на присклоновом участке в раскопках 1986 г.

Анализ проб из шурфов на каждой площадке городища Выжегша дал возможность получить первые для городища радиоуглеродные даты** (табл.).

Полученные даты и находка «геральдической» бляшки (рис.-А) позволили пересмотреть датировку памятника. Средневековое городище возникло не в VIII в., как предполагалось, а, по крайней мере, столетием раньше. Допустимое по результатам радиоуглеродного анализа существование поселения в X в. археологическими материалами пока не подтверждается. Однако достаточно определенно можно полагать, что к началу древнерусского освоения Суздальского ополья в середине X в. жизнь на городище уже прекратилась [Макаров, 2012, с. 195–211, рис. 2].

* Тахеометрическая съемка сотрудника ИА РАН П.Ю. Барабанова.

** Анализ Киевской радиоуглеродной лаборатории НАН Украины.

¹⁴C даты из шурфов 1, 3, 4 (2016 г.)

Образец	Материал	Лабораторный номер	Дата, ВР	Калиброванный возраст, ВС/AD	Хронологический интервал
Шурф 3, яма. Верхняя площадка	уголь	Ki-19222	1230 ± 60	1σ	VII–IX вв. н.э.
Шурф 4. Глубина 45 см. Центральная площадка	уголь	Ki-19221	1120 ± 60	1σ	IX–X вв. н.э.
Шурф 1. Глубина 30 см. Нижняя площадка	почва	Ki-19234	1110 ± 60	1σ	IX–X вв. н.э.

Новые памятники в ближайшей округе городища не обнаружены. Но благодаря использованию металлодетектора в 170 м северо-восточнее городища порознь были найдены два ножа и наконечник стрелы времени существования поселения. Место находки представляет собой верхнюю часть заросшего кустарником и редкими деревьями берегового мыса поперечником около 60 м с ощутимо покатою поверхностью к северу в сторону реки. Шурф, заложенный на месте находки одного из ножей, показал отсутствие культурного слоя. Можно считать, что предметы попали в землю случайно, но такого рода находки могут указывать на возможное существование грунтового могильника.

Городище Выжегша является редким археологическим памятником VII–IX вв. н.э. По хронологии, многочастной структуре территории, разнообразию материалов памятник схож с известным Сарским городищем, находившимся в 85 км северо-западнее в бассейне оз. Неро, однако значительно уступает ему по размерам. Схожи и археологические коллекции памятников, включающие монетные клады, большое количество предметов вооружения, разнообразные по происхождению вещи. Другие объекты с аналогичными характеристиками в области Волго-Окского междуречья не известны.

Библиографический список

Глазов В.П. Работы во Владимирской области и г. Суздале // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 57–58.

Леонтьев А.Е. Городище Выжегша и происхождение Выжегшевского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси) / ред. М.В. Седова. М., 1988. С. 94–102.

Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси / Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М., 1996. 338 с.

Макаров Н.А. Суздальское Ополе // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 194–211.

Фомин А.В. Выжегшский клад куфических монет первой половины IX в. // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси) / ред. М.В. Седова. М., 1988. С. 103–131.

© 2017, Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева

Институт археологии РАН, Москва

КРЕСТЫ-ЭНКОЛПИОНЫ С ЧЕРНЬЮ ИЗ СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-29-04129
«Христианские древности Северо-Восточной Руси XI–XIII вв.:
комплексные исследования с применением нейтронных и рентгеновских методов»)

Средневековые кресты-энколпионы – одна из выразительных категорий материальных памятников, связанных с распространением христианства в Восточной Европе в X–XIII вв. Появление фундаментальных исследований, посвященных находкам этих предметов с территории Древней Руси [Корзухина, Пескова, 2003], Болгарии и Восточного Средиземноморья [Pitorakis, 2006; Дончева-Петкова, 2011], и каталогов музейных коллекций [Асташова, Петрова, Сарачева, 2013] позволяет оценить общие масштабы использования крестов-реликвариев в религиозной практике восточного христианства и предоставляет сведения об основных типах энколпионов, их географическом распространении и хронологии. С другой стороны, оно дает импульс для более глубокого изучения производства и бытования этих предметов.

Прояснение этих вопросов возможно благодаря появлению новых находок. В последнее десятилетие в результате работ Суздальской экспедиции ИА РАН на поселениях Суздальского Ополя собрана значительная коллекция бронзовых крестов-энколпионов (более 30 экз.), большинство из которых относятся к группе гладких черневых. Особый интерес к гладким крестам-мощевикам с чернью связан с тем, что наиболее ранние датированные древнерусские энколпионы 2-й половины XI – начала XII в. принадлежат именно к этой группе. Черневые энколпионы составляют около 15% от всех предметов христианского культа домонгольского времени, обнаруженных в Суздале и в Суздальской округе. Один крест происходит из культурного слоя Суздальского Кремля, еще 23 – из культурного слоя 13 суздальских селищ. Многие предметы найдены вне комплексов, в нарушенном распашкой культурном слое селищ, и не могут быть узко датированы, тем не менее общие хронологические рамки поселений надежно установлены.

В монографии Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой [Корзухина, Пескова, 2003] дана полная сводка всех обнаруженных к тому времени на территории Древней Руси складней (свыше 1 600 предметов), приведены их типологическая и хронологическая атрибуции. В 2006 г. Б. Питоракис опубликован свод бронзовых византийских крестов-энколпионов (около 670 предметов, см.: [Pitorakis, 2006]), а в 2011 г. Л. Дончевой-Петковой издано собрание болгарских энколпионов IX–XIV вв. (около 1 350 экз., см.: [Дончева-Петкова, 2011]). Выход этих работ дает возможность рассмотреть суздальские находки на широком историко-культурном фоне.

Суздальские энколпионы не являются уникальными. Все они находят аналогии среди типов, выделенных Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой. В настоящей работе рассматриваются 12 находок, относящихся к самой ранней хронологической группе древнерусских крестов-энколпионов. Восемь энколпионов принадлежат к типу IV.6.1, по А.А. Песковой. Это миниатюрные прямоконечные кресты, на лицевой створке которых изображено распятие, на оборотной – Богоматерь Оранта (рис. 1–4). Кресты происходят из Суздаля и из пахотного слоя селищ Романово, Вишенки-3, Суворотское-8, Карельская Слободка-5, Мордыш-1, Сорогужино-2. На лицевой створке с распятием находилось по одному ушку сверху и снизу, на оборотной створке с Богоматерью – по два. Три креста сохранили обе створки, от двух до нас дошли только лицевые створки с распятием и от трех – по одной створке с Богоматерью. Все кресты, кроме экземпляра из Сорогужино, имеют практически одинаковые размеры. Предметы получены литьем по отливочной модели в пластичной массе. На модели, вероятно, имелся рельефный выпуклый орнамент, отпечатывавшийся в форме как неглубокие канавки. Створки крестов отлиты очень качественно, без газовых пор и других дефектов, на боковых сторонах видны следы шлифовки, лицевые поверхности створок плотные и гладкие. После отливки створок рисунок подрабатывался гравировкой и заполнялся чернью.

Несколько грубоватая манера рисунка практически идентична на всех экземплярах. Фигуры Христа и Богоматери даны схематично, многие их детали не обозначены. На всех створках с распятием над головой Христа помещен крест. На створке с Богоматерью из Мордыша над ее головой имеется крестообразная фигура из четырех округлых вдавлений.

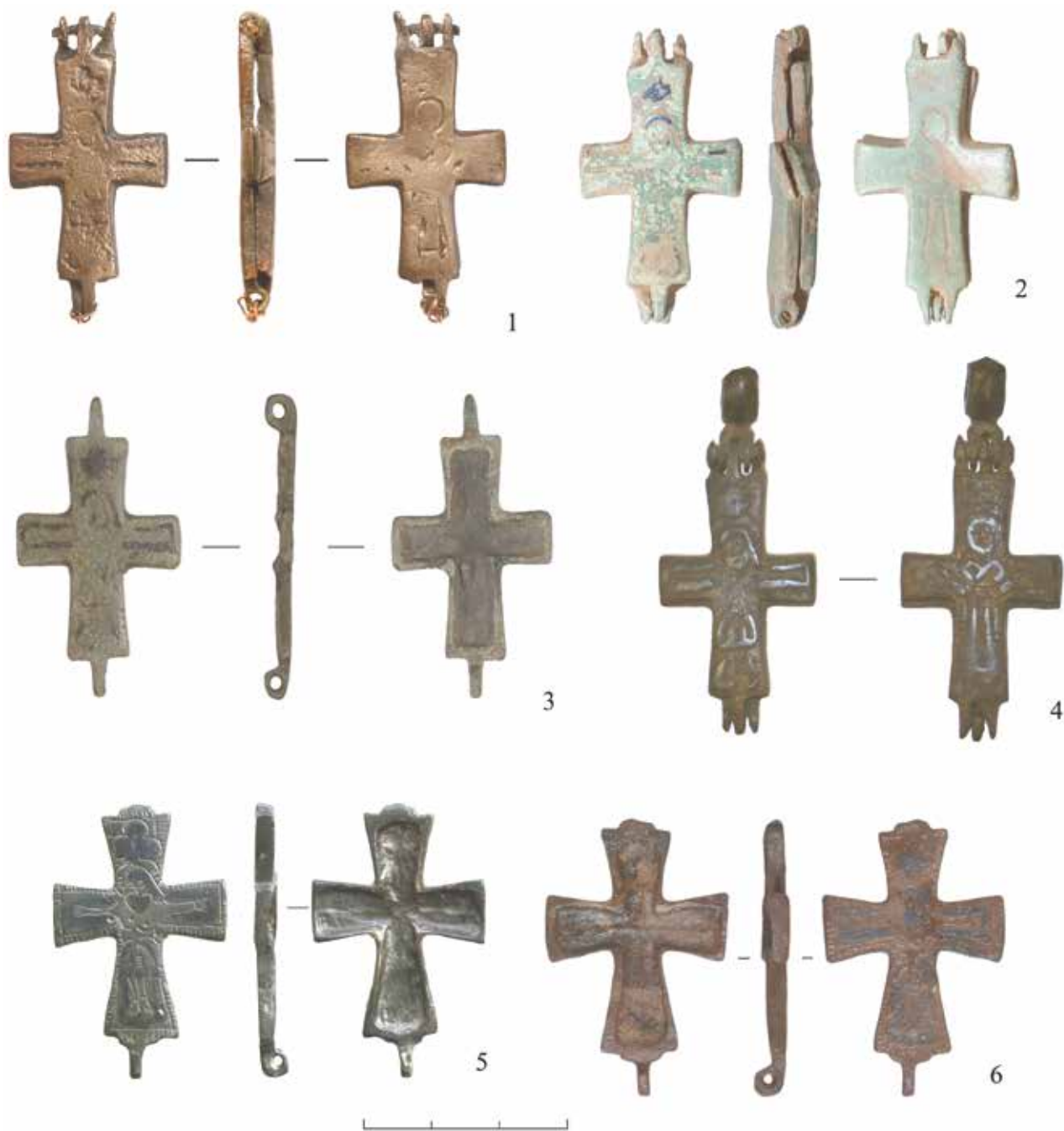
Все кресты типа IV.6.1 стандартны по размерам и по технике исполнения и, несомненно, являются серийной продукцией. На территории Руси А.А. Песковой учтено в общей сложности более 50 экземпляров энколпионов этого типа. На приведенных А.А. Песковой изображениях видно, что 15 предметов полностью идентичны суздальским. В каталоге представлены преимущественно находки из южнорусских земель. Среди немногочисленных энколпионов с территории Северо-Восточной Руси даны экземпляры из курганов на р. Сить, из Введенского под Ярославлем и Песков в Тверской области.

Среди новейших находок – целый двустворчатый энколпион из Десятинного раскопа в Новгороде, две находки из Рюрикова городища, кресты из Торжка и из Клещинского комплекса на Плещеевом озере. Датировка и распространение крестов этого типа обсуждаются в работах Ю.В. Колпаковой и О.В. Григорьевой в связи с рассмотрением экземпляров из Пскова, Изборска и Рюрикова городища [Колпакова, 2011; Григорьева, 2015]. Обе исследовательницы отмечают серийность таких крестов и их раннее появление на Северо-Западе. Датировка этих энколпионов концом XI – рубежом XI–XII вв. обосновывается находками из Старой Руссы, Изборска, Новгорода, Рюрикова городища и некрополя Саркела.

Новые находки, происходящие с территорий Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, дополняют общую картину распространения энколпионов этого типа. Практически идентичные изделия найдены на городских и сельских памятниках от Старой Ладogi до Среднего Поднепровья и от Изборска до Рязанского Поочья (селище Истье-2). Комментируя это сходство, О.В. Григорьева [2015, с. 251] высказала предположение о том, «что они были изготовлены в одной мастерской и привезены вместе в домонгольский период». Приуроченность находок таких крестов к водным путям отмечает и А.А. Пескова [Корзухина, Пескова, 2003, с. 236].

Суздальские кресты-реликварии типа IV.6.1 найдены вне закрытых комплексов, однако хронология памятников, на которых сделаны находки, прояснена достаточно надежно. Два креста происходят из сборов на селище Суворотское-8, представляющего собой одно из больших поселений с выразительным комплексом находок конца X – начала XII в., и менее многочисленными материалами середины – 2-й половины XII в. Основной культурный слой селищ Вишенки-3, Карельская Слободка-5, Сорогожино-2 и Мордыш-1 относится к XII – 1-й половине XIII в., в керамическом комплексе этих памятников отсутствует характерная для XI в. лепная керамика, при этом на первых двух селищах представлены металлические украшения и бытовые вещи, верхняя хронологическая граница бытования которых не выходит за рамки 1-й четверти XII в. В вещевой и керамической коллекции из Мордыша-1 представлены преимущественно хроноиндикаторы середины XII – 1-й половины XIII в. Поселение в Романово возникает не ранее конца XI в. Таким образом, общий период бытования энколпионов типа IV.6.1 на суздальских селищах может быть ограничен XI–XII вв., включая вторую половину этого столетия. Находки из Суворотского-8 с большой долей вероятности датируются XI в., энколпион из сборов на селище Мордыш-1, скорее всего, связан с культурным слоем середины – 2-й половины XII в.

Бронзовые кресты-энколпионы из Суздальского Ополя: 1–4 – тип IV.6.1; 5–6 – тип IV.5.5

Четыре находки с расширяющимися к концам лопастями крестов относятся к типу IV.5.5, по А.А. Песковой. Они практически идентичны (рис.-5-6). Это целый двустворчатый крест из Веси-1, две створки с распятием и обломанными верхними ушками из Поганого озера-1 и Суворотского-8, а также обломок створки с распятием из Тарбаево. Створки отлиты по выплавляемым резным восковым моделям очень качественно. Внутренние полости на моделях вырезались по уже остывшему воску. Тонкий линейный детальный рисунок наносился на модель. Христос изображается только в повязке. Краевые зоны крестов украшены рубчатым декором. А.А. Пескова подметила одну общую черту у этих экземпляров: крест над головой Христа превращен в трилистник.

Из четырех суздальских энколпионов типа IV.5.5 три собраны на поселениях, содержащих датирующий материал XI – 1-й половины XII в., хотя и имеющих более широкие хронологические границы (Весь-1, Суворотское-8, Тарбаево). На селище Весь-1 энколпион найден в культурном слое XI – начала XII в. В материалах сборов на Тарбаево и Суворотском-8 зафиксированы находки и керамика начиная со 2-й половины X в. [Макаров, 2012, с. 74–75]. В коллекции из сборов на селище Поганое озеро-1 преобладают находки XII–XIII вв., однако присутствие отдельных вещей, датирующихся в интервале 2-й половины X – 1-й половины XII в., и лепной керамики позволяет отнести возникновение этого поселения ко 2-й половине – концу XI в. Таким образом, хотя ни одна из находок не может получить узкой даты, весьма вероятно связь их с культурными отложениями XI – 1-й половины XII в.

Аналоги подобным крестам происходят с селища Введенское под Ярославлем (2 экз.) из Каневского уезда, из Пскова (в заполнении постройки 2-й половины XI в., см.: [Колпакова, 2011, с. 143–144]), из Рюрикова городища (слой не ранее конца XI в., см.: [Григорьева, 2015, с. 253]), из Десятинного и Конюшенного-1 раскопов в Новгороде (слой середины XI в.). В собрании Государственного исторического музея имеется беспаспортный двустворчатый энколпион без оглавия, а в Государственном Русском музее – двустворчатый энколпион, одна створка которого идентична створкам с распятием, а на обороте помещен черневой крест с сиянием [Корзухина, Пескова, 2003, табл. 101].

Таким образом, мы имеем дело со второй, несколько меньшей по размеру серией изделий высокого качества, время бытования которой совпадает с хронологией крестов типа IV.6.1.

Технология изготовления и состав металла древнерусских крестов-энколпионов детально исследованы Т.Г. Сарачевой [Асташова, Петрова, Сарачева, 2013, с. 67–99]. Технология изготовления и состав сплавов болгарских энколпионов изучены Л. Дончевой-Петковой [2011, с. 274–287] и С. Дончевой [2008, с. 134–138]. Основным приемом изготовления створок было литье в пластичных формах, чаще всего по оттиску специальной модели или готового изделия. Модели для оттиска створок энколпионов известны из раскопок мастерской ювелира в Старой Рязани и из Пернишко (Болгария) [Дончева-Петкова, 2011, с. 284].

Определен состав металла створок восьми энколпионов (11 створок) с чернью из Суздальского Ополья. Анализ двух створок произведен в НИЦ «Курчатовский институт» методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) на станции РКФМ Курчатовского источника синхротронного излучения. Шесть створок исследованы на РФА-анализаторе Bruker в Институте проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова (аналитик Л. Пельгунова). Все створки отлиты из перемешанного многокомпонентного сплава на основе меди с добавками олова, свинца и цинка (концентрация цинка в среднем 5–6%, max. 12,7%).

Изучая весь массив древнерусских энколпионов, Т.Г. Сарачева пришла к выводу о том, что створки, которые потом предполагалось дорабатывать, чаще изготавливались из сплавов, содержащих цинк. Створки, изображения на которых получались в процессе литья, делались преимущественно из бронз. Характеристики створок из Суздальского Ополья (а все энколпионы с чернью подвергались доработке после отливки) подтверждают эти данные: они плотные, гладкие, без видимых газовых пор. Фиксация цинка в сплаве створок имеет как хронологический, так и историко-культурный аспект. Статистически сплавы с цинком более представлены в цветной металлообработке Руси X–XI и XIV–XVII вв. В XII–XIII вв. они не были распространены. Около 3/4 древнерусских энколпионов изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы. Многокомпонентные сплавы с цинком более свойственны столичной и провинциальной (Болгария) византийской производственной традиции [Асташова, Сарачева, 2015, с. 60, 200–201].

После отливки на изделия наносилась чернь для создания эффекта полихромности. Исследование предметов на стереомикроскопе и рентгенофлуоресцентный анализ состава черни (исследовано 9 образцов) позволили выделить два способа ее нанесения. Исследование энколпионов типа IV.6.1 показало, что участки черни имеют вид довольно ровных полос, местами, в основном в торцах, выкро-

шившихся. Канавки под чернь мелкие, получены при литье. Полосы черни выступают над плоскостью изделий, причем этот выступ имеет в профиле вид прямоугольника со скругленными углами. Газовые поры визуально не заметны. При значительных увеличениях видно, что края полос черни извилистые, участки черни покрыты поперечными трещинами, есть разрывы, стыки полос разного цвета, заметны редкие вдавления от инструмента в виде прямых тонких линий. В некоторых местах полосы черни уже приготовленных под нее канавок, и четко просматриваются незаполненные пространства в краевых зонах канавок. Во всех случаях чернь, являясь сплавом на основе меди, содержала от 8,7 до 16,4% серы, от 1,3 до 9,3% олова и довольно много свинца (8,7–26,1%).

Техника нанесения чернения на энколпионы типа IV.5.5. была иной. Эти предметы отличает тщательность исполнения и тонкость рисунка. Заполненные чернью участки не имеют вид полос: они различны по ширине. Чернь не выступает над плоскостью. При значительном увеличении видны газовые поры. Исследован состав черневой массы двух энколпионов этого типа: концентрация серы здесь выше, чем в энколпионах типа IV.6.1, и составляет 16–22%. В обоих случаях ощутима добавка свинца – 11–14%.

Энколпионы типов IV.6.1 и IV.5.5 представляют разные варианты исполнения одного иконографического типа. Это небольшие по размеру кресты с прямыми или чуть расширяющимися к концам ветвями, с глубокими внутренними полостями, предназначенными для хранения реликвий; рисунки, выполненные чернью, на их створках идентичны: Христос со склоненной головой в повязке и Богоматерь Оранта без предстоящих. Типы отличаются только качеством исполнения и способом нанесения черни. Эти энколпионы появляются на Руси во 2-й половине XI в. сразу в виде стандартизованных серий и являются самыми ранними, широко представленными типами. Вероятнее всего, они изготавливались в одной или нескольких связанных между собой мастерских. Определить, где они располагались, в настоящее время затруднительно. Поскольку все изделия имели глубокие полости для вложения реликвий, можно предположить, что они производились при церковном центре, святыни которого привлекали паломников. Организованное сразу в крупных размерах производство энколпионов высокого качества находилось в рамках византийских традиций, о чем свидетельствуют и форма крестов, и стилистика помещенных на них изображений. Однако оно отличалось технологическим своеобразием – умением мастеров создавать черневой узор (чернение энколпионов не было характерно для византийских столичных и периферийных мастерских). Очевидно, гладкие энколпионы с чернью появились в Суздальском Ополе во 2-й половине XI в., первоначально – на «больших поселениях» – крупных неукрепленных селищах, в экономке которых существенную роль играли торговля и ремесло. Массовый выпуск небольших крестов-реликвариев должен рассматриваться в контексте приобщения к христианству во 2-й половине XI в. широких кругов древнерусского общества и потребности в новых средствах обозначения христианской идентичности.

Библиографический список

Асташова Н.И., Сарачева Т.Г. Древнерусские миниатюрные энколпионы // Новгород и Новгородская земля. История и археология : материалы XXIX научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника (Великий Новгород, 27–29 января 2015 г.). Вып. 29. В. Новгород, 2015. С. 195–202.

Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М., 2013. 319 с.

Григорьева О.В. Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище // Археологические вести. Вып. 21. СПб., 2015. С. 246–260.

Дончева С. За производството на един вид кръстове-енколпиони // Археология. София, 2008. Год XLIX. Кн. 1–4. С. 134–138.

Дончева-Петкова Л. Средновековни кръстове-енколпиони от България [IX–XIV в.]. София, 2011. 734 с.

Колпакова Ю.В. Энколпионы Пскова и Изборска // Древности Пскова. Археология, история, архитектура / отв. ред. В.Л. Янин. Псков, 2011. Вып. 2. С. 141–156.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб., 2003. 432 с.

Макаров Н.А. Средневековые селища вблизи сел Тарбаево и Туртино в Суздальском Ополе // Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы научного семинара / отв. ред. Н.А. Макаров. М. ; СПб., 2012. Вып. 4. С. 65–85.

Pitorakis V. Les croix-reliquaries pectorales Byzantines en bronze. Paris, 2006. 446 p.

ВАРИАНТЫ ОБРЯДНОСТИ «ЗАХОРОНЕНИЕ С КОНЕМ» ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СРЕДНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

На фоне малоизученного средневекового погребального обряда в западной части лесостепи Западной Сибири, до сих пор представленного только несколькими юдинскими могильниками в подтаежной зоне [Викторова, 1973] да единичными погребениями носителей карымской культуры, связанных с мигрантами с севера, довольно яркими выглядят так называемые «захоронения с конем». Они недавно обнаружены в грунтовых и курганных могильниках лесостепного Притоболья и являются разнообразными по исполнению. Выделяются три основных варианта – видимо, это проявления различных смысловых традиций.

1. *Захоронения полной туши взнузданного коня в положении перпендикулярно продольной оси центральной прямоугольной могильной ямы кургана, поверх ее перекрытия.* Наблюдались дважды в могильнике Устюг-1, в курганах, датированных IV в. [Матвеева, 2015; 2016a]. В этих же курганах имеются кенотафы. Еще один случай зафиксирован в кургане №1 могильника Гилево-2, изучавшемся нами в 2017 г. и расположенном неподалеку. В последнем кургане погребение с конем ориентировано в широтном направлении и перекрывает позднесаргатское погребение II–III вв. н.э. Конь размещен с подогнутыми ногами и положенной на них головой. К сожалению, из-за ограбления поза человека не вполне ясна. Во всех случаях присутствуют бронзовые удила из толстого круглого или граненого прута, а в гилевском – еще и декор уздечки золотыми бляшками.

Описанные захоронения наиболее сходны со значительно более поздними памятниками новинковского типа в Поволжье [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998] и, вероятно, маркируют продвижение авар или протоболгар. Некоторые авторы относят проникновение протоболгар в Восточную Европу к III–IV вв. н.э., усматривая их уже в составе Гуннской державы, что нам представляется вполне вероятным, судя по датам рассмотренных погребений. Другие же видят в кочевниках Приаралья оставшихся гуннов, создавших новые политические объединения [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 171; Смагулов, Павленко, 1998, с. 149]. С.Г. Боталов [2013, с. 202] даже предлагает называть переходный период от гуннского к тюркскому культурогенезу протоболгарским, впрочем, указывая на формирование в то же время элементов будущей мадьярской погребальной традиции. Весьма вероятно, что инфильтрация нового этноса в Зауралье могла состояться в тот отрезок времени, в который формировались рассматриваемые погребения. Кроме того, вероятным является и далекое проникновение на север отрядов из постгуннской эфталито-кидаритской среды. Массовое распространение кольцевой деформации черепов в рассматриваемых могильниках, а также европеоидный облик захороненного там населения как будто бы также подтверждают совместное и раннее появление гуннских и праболгарских элементов культуры, но далеко в лесостепной зоне, как видим, к северу от основных путей миграций кочевников. Эта идея согласуется с мнением А.В. Комара [2006, с. 108] о появлении этого же импульса в Приуралье и Причерноморье в переходный от «гуннского» к «болгарскому» период (480–559 гг.) в виде отчетливой волны кочевников с культурой «восточного» происхождения, но еще не связанной с завоеваниями Тюркского каганата.

2. *Захоронения со шкурой коня под низкими курганными насыпями рядом с могилами северной и западной ориентировки.* Это скопления из голов и четырех ног лошади каждое, размещенные плотной кучкой на древней поверхности или на перекрытии могильной ямы. Такие комплексы, связанные с погребениями людей в неглубоких могилах, были обнаружены в могильнике Козлов Мыс-2, датированном IV–V вв. н.э., в гуннском погребении в Черноозерье [Зыков, 2002; Матвеева, 2012]. В синхронном вышеназванным памятникам могильнике Ревда-5 имелись наблюдения, указывающие на растягивание такой шкуры на кольях [Матвеева, 2016a].

Это наиболее многочисленная группа захоронений, она демонстрирует преемственность с предшествующими местными культурами – саргатской и кашинской. Покойники уложены вытянуто на спине, вещи размещены в изголовье. Соседние захоронения образуют широтные ряды, а курганы над ними – сомкнутые цепочки. Скопление костей лошади представляет собой следы тризны, наряду с раздавленными крупными и сохранившимися целыми малыми емкостями. В данной группе захоронений

видим лесостепное наследие в следующих компонентах погребальных памятников: насыпи и северные ориентировки скелетов, мелкие ровики вокруг курганов (на Козловском могильнике), резная орнаментация, горшковидные и бомбовидные формы сосудов. Керамика представлена горшками и чашами с обедненным декором в виде наколов, защипов, резной решетки, ямок вдоль бортика. Основные черты гончарства восходят к саргатской культуре. Считаем эти памятники основой сложения бакальской культуры.

3. *Захоронения со шкурой коня, останки которой зафиксированы вдоль покойников, помещенных вытянуто на спине в неглубокой яме головой на юго-восток или юго-запад* в бескурганных могилах, расположенных рядами. В недавно открытом грунтовом некрополе Медный борок таких скоплений зафиксировано 12, они сопровождают захоронения взрослых мужчин с оружием и украшениями IX–XI вв., присущими кимакам [Могильников, 1987; Худяков, 1986]. Захоронения совершены в заполнении саргатских полуземлянок рядом с фортификациями Старо-Лыбаевского-1 городища. Керамика на древней поверхности рядом с ними гетерогенная, может быть отнесена к бакальской, юдинской и усть-ишимской традициям. Материалы данного периода есть и на городище. В целом эти факты могут говорить о погребении участников военной стычки под стенами этого укрепления.

Таким образом, появление курганных захоронений с конем и грунтовых погребений со шкурой коня в данном регионе относится к средневековой эпохе. В предшествующей саргатской обрядности их не было.

Поскольку рассмотренные погребения с вариантами обряда «захоронение коня» сопровождаются новациями в керамических формах и технологии производства посуды, а также новыми деталями устройства могил, то следует видеть в обсуждаемых инновациях проявление многократных вторжений разных групп кочевников в лесостепь, по-видимому, из постгуннского, аварского и протоболгарского круга. Позднее фиксируются и курганный, и бескурганный способы погребений. По разнообразию черт погребального обряда и состава керамики, превалярованию юго-западной ориентировки могил новые притобольские материалы более всего сходны с Усть-Суеркой-4, Бобровским могильником в Прииртышье, за исключением отсутствующей у нас пока посуды в виде цилиндрических кувшинов вытянутых пропорций и банок, относящихся к оседло-земледельческой продукции [Арсланова, 1980]. Однако единичные подобные сосуды известны с разграбленного кладоискателями могильника Ингала VII в. в Приисетье, об обряде захоронений которого нет данных [Боталов, 2016, рис. 21].

Можно констатировать приток нескольких групп чуждого степного населения с начала IV в. и позднее. Однако в источниковых данных по периоду VI–IX вв. в регионе имеется лакуна, обусловленная наличием лишь отдельных погребений, а не могильников, поэтому следует ожидать в ближайшее время ее заполнения, несомненно, разнообразными материалами.

Предполагаем, что вся территория Тоболо-Ишимской лесостепи в период раннего и развитого средневековья ввиду доказанной палинологами значительной аридизации климата и существенного сдвига ландшафтных зон к северу [Матвеева, 2016б] по природным условиям не отличалась от степи. Поэтому она входила в пастбищно-кочевую систему населения Казахстанского региона и эксплуатировалась разными группами кочевников. Граница между ними и полуоседлым населением была подвижной и, вероятно, проходила по рекам Миассу, Исети, Тоболу и маркируется городищами.

С интенсификацией изучения южной части современной лесостепи характер и конкретные сюжеты историко-культурных процессов раннего и развитого средневековья, несомненно, будут разработаны в более детальном виде.

Библиографический список

- Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 79–104.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998. 286 с.
- Боталов С.Г. Этнокультурная ситуация в урало-казахстанских степях эпохи средневековья в свете новых археологических данных // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2013. С. 201–207.
- Боталов С.Г. Историко-культурные горизонты раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь. Челябинск, 2016. С. 468–541.
- Викторова В.Д. Ликийский могильник X–XIII вв. н.э. // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. Свердловск, 1973. С. 133–168.

Зыков А.П. Гуннские погребения у села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов // Тюркские народы : материалы V Сибиро-Уральского симпозиума. Тобольск ; Омск, 2002. С. 47–50.

Комар А.В. «Азиатские» элементы культуры кочевников Восточной Европы VI–VIII вв. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов : материалы Международного научного симпозиума. Ижевск, 2006. С. 107–111.

Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень, 2012. 178 с.

Матвеева Н.П. Субстратные и суперстратные компоненты в культуре раннесредневекового населения западной части Западной Сибири // Человек и Север: Антропология, археология, экология : материалы Всероссийской конференции. Тюмень, 2015. С. 155–158.

Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень, 2016а. 264 с.

Матвеева Н.П. Природные условия эпохи Великого переселения народов в западной части Западной Сибири и формирование культур раннего средневековья // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Международной научной конференции. Вып. 5. Ч. 2. Тюмень, 2016б. С. 113–117.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 163–235. (Археология СССР).

Смагулов Е., Павленко Ю.В. Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы ; М., 1998. С. 142–151.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 146 с.

© 2017, М.Ю. Меньшиков

Столичное археологическое бюро, Москва

ТАМГИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ НА КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЕ БАССЕЙНА Р. МЗЫМТА (среднее и верхнее течение)

Целью публикации является введение в научный оборот и предварительный анализ тамг или тамгообразных знаков, обнаруженных в бассейне среднего и верхнего течения р. Мзымта.

Всего в работе рассматриваются 33 изображения тамг на керамической посуде, которая происходит с территории памятников, содержащих слои средневековья и Нового времени. Помимо артефактов, найденных в ходе археологических работ 2010–2011 гг. под руководством автора на северном склоне хребта Аибга (Роза-1; Ржаной-3; Садовый-2) [Меньшиков, 2015а–в], в статью включены находки, опубликованные в отчете Л.Н. Ситниковой по результатам разведок в 1971 г. Этот материал был собран на правом берегу р. Мзымта у подножия горы Ачишхо на поселении, которое в отчете было датировано VI–IX вв. н.э. [Ситникова, 1971]. Также в работу включена тамга на фрагменте кувшина, обнаруженная на памятнике, расположенном ниже по течению р. Мзымта в районе поселка Ахштырь [Воронов, 1979, с. 103]. В рамках статьи хотелось бы упомянуть, что при сборе подъемного материала в 2010 г. в разрушенной части селища Роза-1 обнаружен фрагмент ручки кувшина, на которой красной краской был изображен тамгообразный знак, вероятно, представляющий собой крест. Сохранность поверхности была плохой, и краска исчезла до того, как удалось ее зафиксировать, поэтому данный артефакт не включен в работу.

Изображения тамг встречены в 25 случаях на ручках кувшинов (из них восемь фрагментов с тамгами в отчете Л.Н. Ситниковой [1971, с. 21] и один фрагмент в публикации Ю.Н. Воронова [1979, с. 103]). В восьми случаях тамги были нанесены на стенки сосудов (из них один в отчете Л.Н. Ситниковой [1971, с. 21]). Когда речь идет о стенках, то в трех случаях они являются фрагментами чаш с двумя пальцевыми углублениями-сливами. Исходя из формы и пропорций остальных стенок, несущих на себе изображения, можно говорить, что они, вероятнее всего, тоже представляют собой фрагменты аналогичных чаш. Опираясь на вышесказанное, есть основания полагать, что все найденные фрагменты со знаками являются частями столовой посуды и представляют всего две ее разновидности:

1) чаши с пальцевыми углублениями-сливами, расположенными с внутренней стороны на противоположных сторонах периметра венчика;

2) кувшины с ручкой.

В ходе ознакомления с коллекцией была предпринята попытка найти закономерности между тамгами, формой и качеством сосудов, на которые они нанесены. Однако малая выборка не позволила выявить каких-либо взаимосвязей. Сечение ручки не коррелируется с изображением на ней. Следует отметить, что знаки в виде креста (III группа) в основном встречены на кувшинах с более грубо выполненной поверхностью, чаще всего на участках ручек с подокруглым сечением.

Из 23 фрагментов с тамгами, которые происходят из раскопок 2010–2011 гг., в 16 случаях можно утверждать, что изображение нанесено до обжига, на этапе формирования поверхности сосуда – об этом говорят, в том числе, следы зубчатого инструмента в каналах рисунка. В семи случаях сложно судить о том, когда было нанесено изображение: вероятно, по высохшей поверхности перед обжигом, но возможно, что и после обжига. Случаев, когда можно уверенно говорить о том, что изображение наносилось после обжига, т.е. в процессе бытования посуды, не выявлено.

В отчете Л.Н. Ситниковой шесть тамг из девяти нарисованы таким образом, что показано их формирование с помощью зубчатого штампа. Это также позволяет высказать предположение о том, что тамга была оставлена еще на влажной поверхности до обжига. В остальных трех случаях судить о способе нанесения знака невозможно.

В ходе работ на средневековом поселении Ржаное-3 найден инструмент гончара для заглаживания поверхности и формирования расчесов. Инструмент имеет две гребенчатых поверхности, которые могли быть использованы для нанесения тамг на сырую поверхность сосудов. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что в исследуемом районе было собственное керамическое производство и тамги могут принадлежать местным фамилиям.

В рамках статьи тамги были разделены на шесть условных групп.

I группа. Представлена восьмью находками. Три предмета происходят из раскопок 2010–2011 гг., пять публикуются по прорисовкам в отчете Л.Н. Ситниковой. В группе предварительно было выделено два варианта.

А. Косой равноконечный крест, отрезки пересекаются под прямым углом. Два пересекающихся надреза выполнены острым предметом. Этот вариант представлен четырьмя экземплярами. В одном случае крест расположен на венчике чаши с пальцевыми вдавлениями-сливами (рис.-1). В трех других случаях – на ручках кувшинов (рис.-2–4). Один фрагмент керамики со знаком (рис.-4) происходит с правого берега р. Мзымта, остальные три – из раскопок в районе поселения Ржаной-3.

Данный символ имеет широкое распространение. Наиболее географически близкие аналогии представлены тамгами абхазской фамилии Плиа (прямой крест), мегрельской фамилии Пипиа [Лавров, 2009, табл. I-629, с. 27, 55], а также встречаются среди ногайских знаков собственности [Лавров, 2009, табл. III, с. 77].

Б. Косой равноконечный крест, выполненный зубчатым штампом (рис.-5–8). Крест вытянут вдоль по ручке кувшина, линии пересекаются под острым углом. Вариант представлен четырьмя экземплярами из отчета Л.Н. Ситниковой.

Схожие тамги принадлежат черкесскому роду Хутовых, кабардинскому Ханцевых [Чуяко, 2012, с. 103, 110], а также абхазской фамилии Хагба (Ахагба) [Лавров, 2009, табл. I-626, с. 27].

II группа. Тамга в виде песочных часов или двух треугольников, соединенных вершинами. Группа представлена десятью экземплярами: один фрагмент является венчиком чаши с пальцевыми вдавлениями-сливом, три фрагмента стенок сосудов и шесть ручек кувшинов.

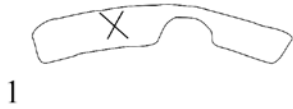
На стенках сосудов тамги выполнены на внешней стороне. В каналах, сформировавших рисунок, прослеживаются следы гребенчатого штампа. Изображения тамг расположены под разными наклонами как в правую, так и в левую сторону (рис.-9–12). Находки происходят с поселений Роза-1 (рис.-11) и Ржаной-3 (рис.-9, 10, 12).

На ручках кувшинов тамги вытянуты по внешней поверхности ручки, и во всех случаях прослежены следы гребенчатого инструмента в каналах рисунка (рис.-13–18). В одном случае тамга выполнена на кувшине с красным лощением (рис.-16). Все обнаруженные фрагменты происходят с поселения Ржаной-3.

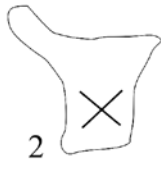
Вертикально расположенные два треугольника, которые соединены вершинами, были обнаружены В.А. Кузнецовым [1963, с. 302] в ходе раскопок на Хумаринском городище. В своей публикации В.А. Кузнецов связывал символ с древнетюркским руническим алфавитом. Аналогичный символ известен как тамга фамилии Чаушба [Хотелашвили, электр. ресурс]. Этот род связывает свое происхождение с Западной Абхазией и был переселен в Аджарию в ходе мухаджирства [Гитолендия, 2012, электр. ресурс].

I группа А

× Венчик

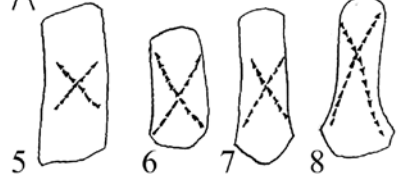

Ручки кувшинов

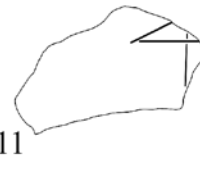
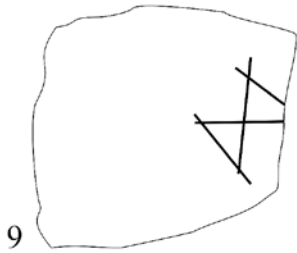
I группа Б

×

II группа

Стенки сосудов

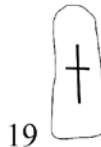

Ручки кувшинов

III группа

Ручки кувшинов

IV группа

Ручки кувшинов

V группа

Ручки кувшинов

VI группа

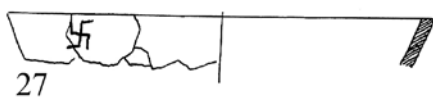
Ручки кувшинов

Фрагмент чаши со сливом

Стенки

0 5 см

Тамги на керамической столовой посуде среднего и верхнего течения р. Мзымта

III группа. Тамга в виде вытянутого креста: удлиненная вертикальная перекладина в центре пересекается горизонтальной, которая в два или более раз короче вертикальной. Данная тамга встречена на трех ручках кувшинов, происходящих с поселения Ржаной-3 (рис.-19–21). Изображение выполнено зубчатым штампом.

IV группа. Тамга в виде стрелы, направленной вверх. Такое изображение встречено лишь на двух экземплярах ручек кувшинов. Один из них происходит с поселения Ржаной-3 (рис.-22), другой – из сборов Л.Н. Ситниковой у подножия горы Ачишхо (рис.-23).

Морфологически близкий знак, но с некоторыми отличиями в пропорциях, опубликован А.Б. Чуяко [2012, с. 72] как родовой символ адыгской фамилии Тлецеруковых.

V группа. Свастика, лучи вращения направлены вправо. Изображение встречено на стенке чаши и на двух ручках кувшинов из сборов Л.Н. Ситниковой (рис.-24, 25, 27) и на стенке сосуда, происходящего с территории поселения Ржаной-3 (рис.-26). Во всех случаях в каналах рисунка прослежены следы зубчатого штампа.

Близкий по морфологии, но отличающийся по пропорциям символ был обнаружен в 1974 г. среди знаков на камнях кладки башни и стен на Хумаринском городище в ходе раскопок В.А. Кузнецова [Биджиев, Гадло, 1979, с. 37].

VI группа. В группу были включены тамги, встреченные в единичном экземпляре. Группа представлена шестью изображениями, в некоторых случаях тамги сохранились не полностью.

А. Ромб (рис.-28). Вероятно, это полная форма тамги, но так как изображение одним из углов подходит близко к краю керамического фрагмента, то нельзя исключать, что над ромбом сверху могли присутствовать еще какие-то элементы. Тамга расположена на фрагменте ручки кувшина, который происходит с поселения Ржаной-3.

Подобный знак встречен в качестве тамг абазинского рода Цуговых и кабардинской фамилии Афасижевых [Чуяко, 2012, с. 23], а также обнаружен на Хумаринском городище в Карачаевском районе [Лавров, 2009, табл. I.-1146, с. 31].

Б. Тамга сохранилась частично (рис.-29), а именно обнаружен верхний фрагмент окружности на нижнем прилепе ручки кувшина. Фрагмент керамики найден на территории поселения Ржаной-3.

В. Тамга сохранилась не полностью (рис.-30). В пределах сохранившегося фрагмента нижнего прилепа ручки кувшина прослеживается знак в виде греческой буквы «Ψ» (пси). Возможно, это неполное изображение тамги. Происходит с поселения Ржаной-3.

Бликие по форме знаки, направленные в разные стороны, встречаются среди тамг достаточно часто. Ближайшая аналогия – у адыгов-бжедухов рода Эльбуздов [Лавров, 2009, табл. I.-276, с. 23]. Однако непосредственно то расположение, которое присутствует на кувшине (соответствующее исходному положению буквы греческого алфавита), среди опубликованных символов не встречено.

Г. Тамга в виде греческой буквы «Λ» (лямбда) (рис.-31). Знак расположен на нижнем прилепе ручки кувшина. Происходит с поселения Ржаной-3.

Чрезвычайно простой знак, что должно было привести к широкому распространению подобного символа у разных народов. Ближайшие известные аналогии А.Б. Чуяко связывает с кабардинской и абазинской фамилией Хурай, абхазской фамилией Хуриевых, кабардинской фамилией Пилов [Чуяко, 2012, с. 88, 103, 106]. Аналогичный символ опубликован Л.И. Лавровым [2009, табл. I.-590, с. 26] как тамга одного из родов абазинцев-тапанта. В работе Ш.Д. Инал-Ипа [2002, с. 361] подобный знак приводится как тамга фамилии Быджаа.

Д. Тамга в виде креста с тремя разветвляющимися отрезками от луча, направленного влево (рис.-32). Знак расположен на внутренней стороне чаши рядом с пальцевым вдавлением-сливом. В данном случае сложно уверенно сказать, была ли тамга нанесена на внутреннюю сторону чаши до обжига или уже в период ее бытования. Развал керамического сосуда был обнаружен в заполнении ямы на однослойном поселении Нового времени Садовый-2. Следует отметить, что найденный символ имеет значительное внешнее сходство с мегрельскими тамгами, которые опубликованы в работе Л.И. Лаврова [2009, с. 26–27].

Е. Частично сохранившаяся тамга на фрагменте кувшина (рис.-33). В работе Ю.Н. Воронова [1979, с. 103] не указано, какой именно частью кувшина является обнаруженный фрагмент со знаком, но, вероятнее всего, это ручка. Тамга представляет собой крест, верхний луч которого заканчивается «ласточкинским хвостом», а левый имеет вид двушипного наконечника. Нижняя и правая части креста остались за пределами сохранившегося фрагмента. находка происходит с поселения Ахштырь-5, которое расположено на расстоянии около 25 км юго-западнее поселка Красная поляна, ниже по течению р. Мзымта. Для этого знака есть близкая аналогия среди тамг, опубликованных Ш.Д. Инал-Ипа [2002,

с. 360, табл. I.-24], – схожее изображение имеет тамга фамилии Амаба. Ш.Д. Инал-Ипа [1995, с. 141] упоминает фамилию Амаба среди выходцев из общества Ачхыпсы.

Символы, изображающие достаточно простые геометрические фигуры, такие как угол, круг, ромб, крест и свастика, широко использовались в качестве тамг на всей территории Кавказа и за его пределами. Несмотря на это, обнаруженные тамги, за исключением наиболее простых знаков групп I и VI-Г, а также VI-Е, не имеют абсолютных аналогий среди народов, проживавших по соседству с бассейном р. Мзымта. Тамга группы VI-Д, как описано выше, хоть и близка по форме, но не повторяет известные мегрельские тамги в точности. То же относится и к тамге группы IV, несмотря на близкую морфологию, пропорции тамг позволяют высказать предположение о том, что адыгейский знак, опубликованный в работе А.Б. Чуюко, и изображения на ручке кувшинов с поселений в районе поселка Красная поляна имеют различное происхождение. Отсутствие большинства из приведенных знаков собственности в этнографической литературе по ближайшим соседям говорит о том, что эти тамги можно связать с фамилиями горных садзских и близким им обществ, которые, как известно, были полностью переселены из своих районов обитания.

Большинство фрагментов с нанесенными на них тамгами происходят с многослойных памятников, имеющих широкую датировку, и укладываются в период с конца I тыс. до этапа махаджирства. Подъемный материал, обнаруженный Л.Н. Ситниковой, в отчете датирован VI–IX вв., однако, с нашей точки зрения, такая узкая датировка не имеет оснований. Единственная ситуация, когда мы можем достаточно точно датировать изделие с тамгой, относится к находке чаши с двумя пальцевыми вдавлениями-сливами в яме однослойного поселения Садовый-2 (рис.-32). Поселение представляло собой однодворный хутор, который прекратил свое существование в середине XIX в. Наличие еще как минимум двух подобных чаш с тамгами с других памятников, имеющих более длительный период бытования, позволяет высказать два предположения: либо тамги I, II, VI-Д и, вероятно, V групп относятся к одному узкому периоду (конец XVIII – XIX в.), либо подобные чаши с пальцевыми вдавлениями-сливами существовали продолжительное время и традиция их изготовления и нанесения на них тамг распространяется вглубь средневековья.

Библиографический список

Биджиев Х.Х., Гадло А.В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 году // Археология и этнография Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1979. С. 27–51.

Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. 128 с.

Гитолендия Т. Устные истории аджарских абхазов. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://rus.expertclub.ge/portal/cnid_11482/alias_Expertclub/lang_ru/tabid_2546/default.aspx.

Инал-Ипа Ш.Д. Садзы: Историко-этнографические этюды. М., 1995. 286 с.

Инал-Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. 384 с.

Кузнецов В.А. Надписи Хумаринского городища // СА. 1963. №1. С. 298–305.

Лавров Л.И. Кавказские тамги. Нальчик, 2009. 88 с.

Меньшиков М.Ю. Отчет о выполнении охранных спасательных археологических работ (раскопок) на участках строительства комплекса трамплинов и объектов лыжного двоеборья в границах территорий выявленных объектов археологического наследия «Могильник Садовый 1», «Поселение Садовый 2», «Святылище Садовый 3», расположенных на северном склоне г. Аибга в Краснополянском п.о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2011 г. // Архив ИА РАН. 2015а.

Меньшиков М.Ю. Отчет о проведении археологических раскопок на выявленных объектах археологического наследия «Селище Роза 1», «Могильник Роза 1», расположенных в зоне строительства олимпийских объектов ООО «Роза-Хутор» в Краснополянском п.о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2010–2011 гг. // Архив ИА РАН. 2015б.

Меньшиков М.Ю. Отчет о проведении охранных археологических раскопок на выявленных объектах археологического наследия «Поселение Ржаное» (Ржаной 2 и Ржаной 3), расположенных в зоне строительства олимпийских объектов ООО «Роза-Хутор» в Краснополянском п.о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2010–2011 гг. // Архив ИА РАН. 2015в.

Ситникова Л.Н. Отчет о результатах археологических разведок в окрестностях г. Сочи в 1971 г. // Архив ИА РАН. 1971. Р-1. №4531.

Хотелашвили (Инал-Ипа) М.К. Абхазские тамги [Электронный ресурс]. URL: <http://apsny.ru/religion/tamgas/list.php>.

Чуюко А.Б. Адыгские фамилии и тамги. Майкоп, 2012. 224 с. (на адыг. яз.).

© 2017, С.П. Нестеров

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

**ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ В НЕОЛИТЕ,
РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(по материалам памятника Озеро Долгое)**

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект №14-50-00036)

Памятник Озеро Долгое в Архаринском районе Амурской области на местности представлен 57 западинами различного диаметра, сгруппированными в пять рядов, вытянутыми по берегу одноименного озера, длина которого 18 км и которое еще в I тыс. н.э. могло представлять собой протоку р. Амур. Проведенные раскопки в 2008 и 2014 гг. двух жилищ, двух ям и прилегающей к ним территории позволяют сделать некоторые выводы об истории заселения данной террасы, о культурной принадлежности полученного материала и о конструктивных особенностях изученных построек.

Анализ стратиграфических разрезов позволил установить последовательность литологических напластований береговой террасы и изменения в них, произошедшие в результате антропогенного влияния. Основу террасы составляют аллювиальные пески, которые перекрыты коричневой комковатой глиной. Выше слоя глины залегает слой серого суглинка, над которым располагается гумусированный слой со следами заселения человеком террасы в раннем неолите. Это немногочисленные каменные артефакты (обломки пластин, пилка по раковине, отщепы из вулканического туфа, строгальный нож по дереву на отщепе и нож по мясу на пластине) ранненеолитической *новопетровской культуры* (8,5–9,4 тыс. л.н.) (рис. 1.-2–4, 6, 7, 10). Артефакты поздненеолитической *осиноозерской культуры* однозначно не вычлениваются. К ним можно отнести халцедоновый скол, нож по мясу, нож на отщепе, отщепы окаменелого дерева (рис. 1.-1, 5, 6, 8, 9). Изделия из халцедона в большей степени характерны именно для данной культуры, хотя редко, но встречаются и в новопетровской культуре [Деревянко и др., 2004, с. 56, рис. 32.-2].

Следующий период присутствия древнего населения на берегу оз. Долгое связан с *урильской культурой* – первый этап раннего железного века (XI–II вв. до н.э.). Расположение фрагментов керамических сосудов в слое 2 и на полу жилища 31 свидетельствует об их переотложении в результате поздних перекопов. Судя по немногочисленным черепкам, посуда представлена горшками и сосудом-сфероидом (рис. 1.-11, 12). На нескольких венчиках урильских сосудов имеется орнамент, а на обломках тулова присутствует *мелкие* вафельные отпечатки, характерные именно для урильского декора [Нестеров, Дураков, Шеломихин, 2008, с. 37].

Судя по малочисленности находок и неолитического периода, и урильской культуры, данный участок не был заселен постоянно. Возможно, это связано с его заболоченностью, о чем свидетельствуют следы кочкарника в стратиграфических разрезах. И только к III в. н.э. появилась возможность строить жилища на берегу озера. В результате древняя поверхность (слой 3) оказалась засыпанной грунтом (слой 2), вынутым при копке котлованов. Вместе с землей сюда были перемещены и артефакты более древних эпох из слоя 3. После забвения поселения эти напластования были перекрыты отложениями, которые в итоге образовали и современную поверхность.

Второй этап раннего железного века на поселении представлен артефактами *талаканской культуры* (II в. до н.э. – III в. н.э.), которая в Западном Приамурье сформировалась на основе местного позднего урильского населения и пришлых прототалаканских племен, предположительно из Забайкалья. Однако на раскопанной части поселения встречено несколько фрагментов керамики *польцевской культуры*, которая сменила урильскую культуру в Восточном Приамурье. Это обломки, как минимум, двух сосудов, тулова которых украшены пальцевым орнаментом с отпечатком ногтя (рис. 1.-13, 14). На территории Западного Приамурья памятники польцевской культуры не обнаружены, за исключением отдельных находок обломков сосудов на стоянке Усть-Талакан на р. Бурее, целого тарного сосуда с местонахождения Озеро Яма на Амуре (в 60 км выше г. Благовещенска). Обломки тарных емкостей встречены также в виде подъемного материала на расположенном рядом с ним памятнике Алексеевский Бугор [Болотин, Сапунов, Зайцев, 1997]. Появление польцевской посуды на поселении Озеро Долгое,

видимо, обусловлено контактами местного талаканского населения с племенами польцевской культуры, проживавшими наиболее близко друг от друга по обе стороны гор Малого Хингана.

Судя по основной массе фрагментов керамических сосудов и по конструкциям жилищ, раскопанные на Озере Долгом объекты принадлежат талаканской культуре раннего железного века (жилище 31) (рис. 2.-1–4) и *михайловской культуре* (III–X вв. н.э.) раннего средневековья (жилище 32) (рис. 2.-5, 6). Культурная принадлежность конструкции 31а, которая была встроена в котлован жилища 31 после прекращения его функционирования, однозначно не определяется из-за отсутствия в ней артефактов. Все три объекта датируются 2-й половиной III – IV в.

В процессе изучения проблемы происхождения михайловской культуры от талаканской было высказано предположение об их сосуществовании в III в. Материалы поселения Озера Долгого дают подтверждение данного предположения. Видимо, в III в. происходили эволюционные изменения в традициях талаканской культуры (в керамическом производстве, в домостроении и других сферах жизни), в результате чего сформировался новый облик культуры аборигенного населения, известного в письменных китайских источниках как *северные (бэй) шивэй*.

В ямах №16 и 17 обнаружены сожженные деревянные конструкции, которые не могут быть ни жилищами, ни хозяйственными постройками. Стратиграфические и планиграфические наблюдения, находки позволили предположить, что глубокие ямы являются погребальными комплексами *бохайских сумо мохэ* VIII в., не исключено, что кенотафами, так как антропологический материал отсутствовал. Однако по углю из ямы №17 была получена ¹⁴C дата 1760 ± 40 л.н. (MTC-17572), cal. ± 1σ 230–340 гг. н.э., ± 2σ 139–385 гг. н.э., вероятнее, – 1-я половина III – IV в. Она отличается от предложенной ранее даты, и их расхождение составляет 400–500 лет (в такой спорной ситуации эта дата не может считаться полностью достоверной и предполагает продолжение радиоуглеродного датирования имеющихся 20 образцов угля от обугленных конструкций из обеих ям для получения серии абсолютных дат). В то же время некоторые факты свидетельствуют о том, что нам пришлось столкнуться, возможно, с наиболее ранним проявлением смещения аборигенного монголоязычного населения бэй шивэй с массивом пришлых тунгусоязычных бохайских сумо мохэ и началом формирования троицкой группы мохэской культуры в Западном Приамурье. Так, деревянная рама в яме №17 похожа на каркасно-столбовую конструкцию жилища михайловской культуры, а в яме №16 – на мохэские внутримогильные рамы из вертикальных плах, как, например, на могильнике Октябрьском (Красный Бугор) [Волков, 2016]. Мохэ, переняв у аборигенов бэй шивэй (михайловская культура) основные элементы домостроения, могли использовать их и в погребальной практике.

Не противоречит этому находка в яме №16 фрагмента керамики с вафельным орнаментом, который также был заимствован гончарами мохэ у бэй шивэй. Обнаруженная в яме №17 плитка-абразив для заточки плоских металлических предметов (лезвий ножей, палашей) также известна у мохэ троицкой группы. Схожие по форме плитки-абразивы, только предназначенные для обточки каменных бусин, найдены в жилище пос. Черемхово и недалеко от Троицкого могильника на правом берегу р. Белой [Нестеров, Волков, Алкин, 2015].

Нельзя исключать и того, что на данном памятнике нашло отражение начало использования бэй шивэй мохэского погребального обряда в своей похоронной практике, которая до прихода мохэ была связана, как отмечают китайские письменные источники, с воздушным захоронением на деревьях [Материалы по истории..., 1984, с. 135]. Обнаруженные в могиле 17 костяные игольчатые наконечники стрел имеют аналоги в польцевской культуре [Деревянко, 1976, с. 293]. Они могли быть в арсенале населения михайловской культуры, которое в III–IV вв. жило в Приамурье одновременно с носителями польцевской культуры, но по разные стороны гор Малого Хингана. Не исключено, что традиция изготовления этого оружия могла сохраниться у бэй шивэй и позже вплоть до прихода сюда бохайских сумо мохэ.

В заполнении глубокой воронки ямы №17 найдены железные крицы, шлаки, фрагменты сосудов со следами высокотемпературного воздействия и отверстием в тулове под воздуходувное сопло и др., которые являются отходами металлургического производства, связанными с выплавкой небольших порций железа в керамических сосудах-горнах (рис. 2.-7, 8). Наличие производственного мусора в западине на поверхности террасы свидетельствует о том, что где-то рядом для выплавки металла существовала специальная постоянная площадка или помещение, которые периодически убирались и освобождались от отходов изготовления железа. Остатки от железоделательного производства принадлежат мохэ троицкой группы IX–X вв. н.э. [Нестеров, 2016].

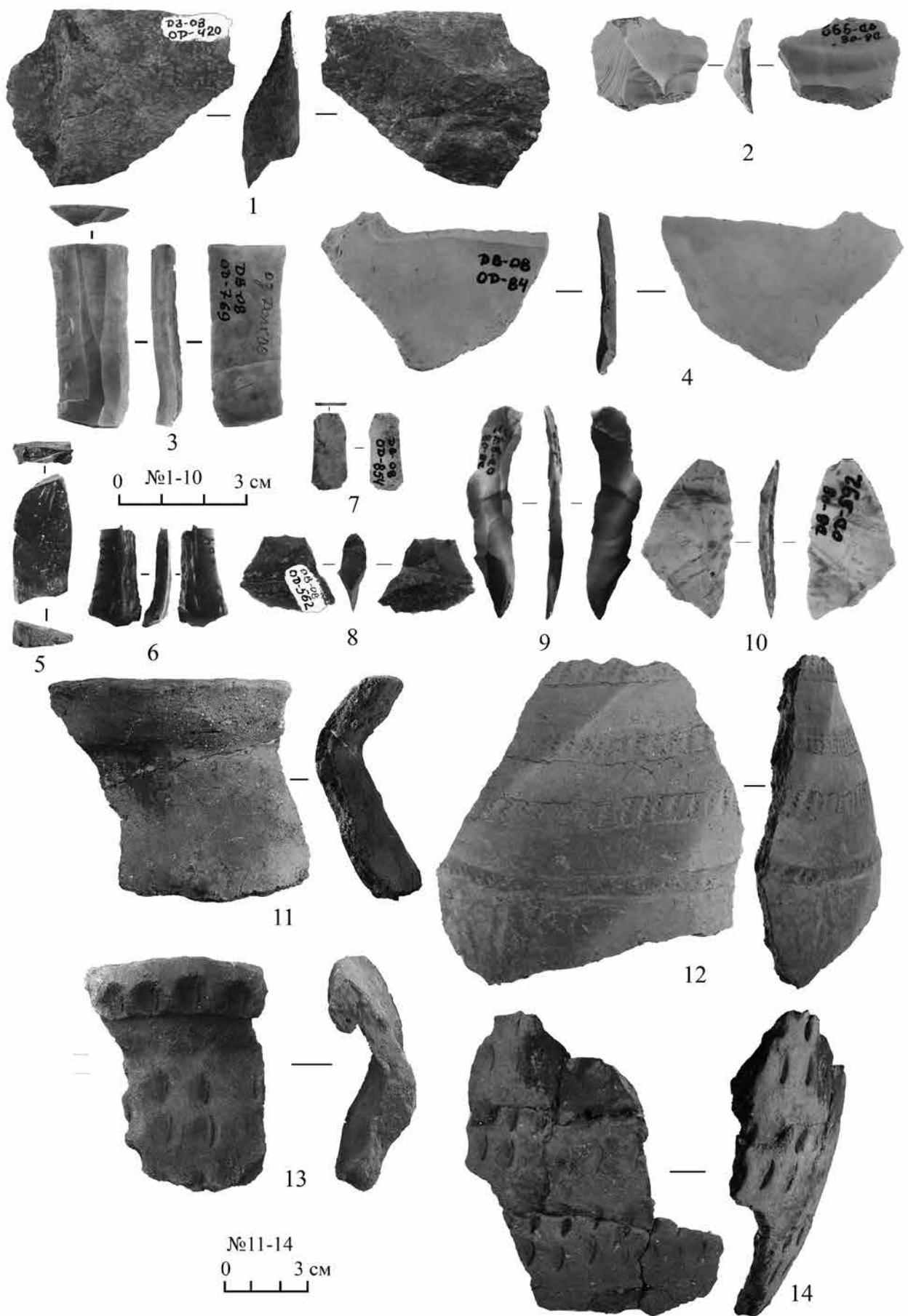

Рис. 1. Озеро Долгое. Каменные артефакты неолитической эпохи (1–10) и фрагменты керамики урильской (11, 12) и польцевской (13, 14) культур

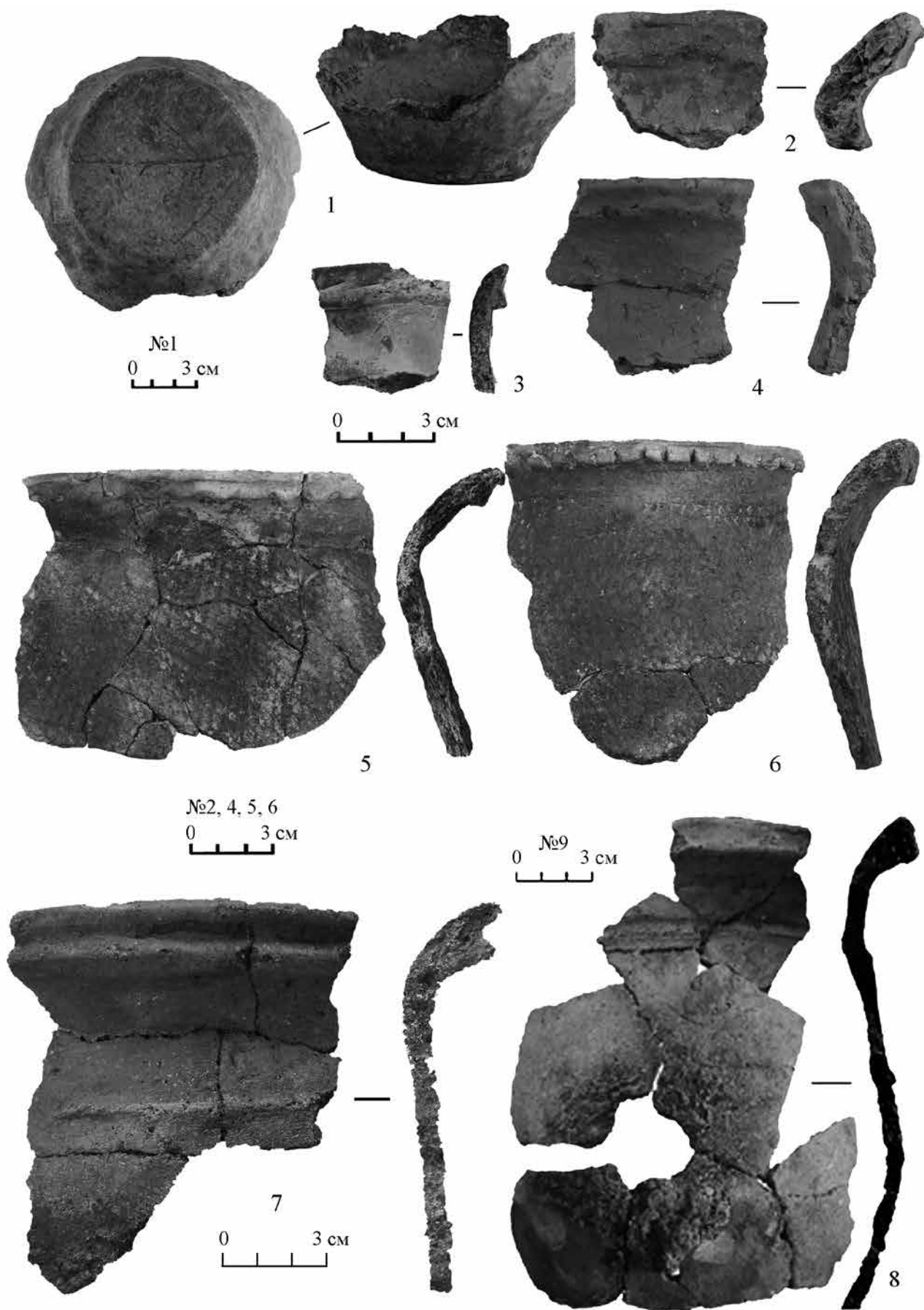

Рис. 2. Озеро Долгое. Фрагменты керамики талаканской (1–4), михайловской (5, 6) культур и троицкой группы мохэ (7, 8)

Таким образом, установленная по материалам памятника Озеро Долгое динамика населения юго-восточной части Западного Приамурья, отраженная в артефактах археологических культур эпохи неолита (новопетровской, осиноозерской), раннего железного века и средневековья (урильской, талаканской, михайловской, троичской группы мохэ), демонстрирует те же, что и на всей территории этого региона, этапы этнокультурной истории [Древности Буреи, 2000, с. 190; История Амурской области..., 2008].

Библиографический список

Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н. Новые памятники раннего железного века на Верхнем Амуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Новосибирск, 1997. С. 155–159.

Волков Д.П. Археологические раскопки памятника Октябрьское, грунтовый могильник-1 в Амурской области // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск, 2016. С. 29–36.

Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск, 1976. 384 с.

Деревянко А.П., Нестеров С.П., Алкин С.В., Петров В.Г., Волков П.В., Кудрич О.С., Канг Чан Хва, Ли Хо Чжон, Ким Кэн Чжу, О Ён Сук, Ли Вон Чжун, Ян На Ре, Ли Хе Ён. Материалы археологического изучения памятника Новопетровка-III в 2003 году. Новосибирск ; Чечжу, 2004. 116 с.

Деревянко Е.И., Гребенщиков А.В. Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). Новосибирск, 2001. 120 с.

Древности Буреи. Новосибирск, 2000. 352 с.

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. Благовещенск, 2008. 424 с.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984. 486 с.

Нестеров С.П. Материалы по мохэскому металлургическому производству с озера Долгого в Амурской области // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, №2. С. 19–23.

Нестеров С.П., Волков П.В., Алкин С.В. Каменная плитка-абразив с Черемховского поселения в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, №4. С. 63–71.

Нестеров С.П., Дураков И.А., Шеломихин О.А. Ранний комплекс урильской культуры с Букинского ключа на реке Бурее // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №4 (36). С. 32–42.

© 2017, **А.В. Новиков, О.И. Новикова**

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДИЩА УСТЬ-ВОЙКАРСКОЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект №14-50-00036)

Городище Усть-Войкарское, расположенное в приполярной зоне Западной Сибири, – один из ярких памятников, входящих в круг так называемых средневековых обдорских городков. Памятник находится в Шурышкарском районе ЯНАО в пойме протоки р. Горная Обь, на мысу, в 2,2 км к С–СВ от с. Усть-Войкары.

Территория, занимаемая городищем, представляет собой холм длиной около 100 м, вытянутый по линии С–Ю, шириной до 50 м, высота холма варьирует от 7 до 11 м. Спецификой городища как археологического объекта является наличие мерзлотного культурного слоя, который начинается на глубине 0,4–0,7 м от дневной поверхности и из которого, по сути, и состоит весь холм.

В 2003–2008 гг. работы на памятнике проводились под руководством А.Г. Брусницыной и Н.В. Федоровой [Брусницына, 2005; Федорова, 2006]. Авторами исследований городище было отождествлено с известным по письменным и фольклорным источникам XVI–XVII вв. остяцким (хантыйским) Войкарским городком. Были получены первые дендрохронологические даты: образцы древесины, взятые от построек, расположенных у подножья холма, были датированы XIV и XV вв., на вершине холма – XVII – концом XIX в. [Гурская, 2006; 2008].

С 2012 г. исследования на памятнике ведутся под руководством А.В. Новикова. За 5 лет раскопами на нескольких участках на разную глубину (в зависимости от продолжительности работ на каждом участке) исследована площадь 302 м², изучены частично или полностью остатки 12 деревянных по-

строек различного типа. Благодаря мерзлоте в культурных отложениях хорошо сохранились остатки деревянных конструкций, многочисленные предметы и их фрагменты из органических материалов, которые находят прямые аналогии в материальной культуре обских угров. Памятник расположен в зоне проживания северных хантов. В бассейне р. Войкар сформировалась территориальная этническая группа – войкарские ханты, сохранившая до настоящего времени отдельные черты своей традиционной культуры. Детальное совпадение археологических фактов с этнографическими реалиями позволяет нам предположить, что соответствующие параллели мы можем проследить не только в материальной культуре, но и в ритуально-обрядовой сфере.

В процессе раскопок на городище неоднократно были зафиксированы объекты и предметы, которые могут быть отнесены к категории ритуальных: погребения собак, отдельные предметы и их скопления (наборы) – аксессуары медвежьего праздника, зоо- и антропоморфные объемные изображения, парное погребение в очаге одной из построек. Остановимся на характеристике отдельных комплексов.

Погребения собак. Всего зафиксировано пять погребений, детальному анализу которых посвящена отдельная публикация [Новиков, Гаркуша, 2016], поэтому приведем только основные выводы. Обнаруженные погребения имеют ряд общих черт, что позволяет говорить о зафиксированной традиции. Погребения собак были преднамеренными (что, вероятно, предполагает предварительное умерщвление собак). Все они дислоцируются на внутренней площади жилищ. Погребения собак были совершены после прекращения функционирования жилищ [Новиков, Гаркуша, 2016, с. 125]. Контексты обнаружения погребений собак не позволяют интерпретировать их как результат обрядовых действий, связанных с домостроительными ритуалами («строительные жертвы»). К тому же этнографические материалы свидетельствуют о неразвитости традиции строительных жертв среди обских угров. В то же время имеются многочисленные факты о том, что с территорией оставленных поселений (как и отдельных жилищ) у обских угров были связаны особые представления и ритуалы. Выявленная серия археологических объектов является свидетельством того, что войкарским хантам была известна традиция преднамеренного умерщвления собак с последующим их погребением на внутренней площади жилища в рамках ритуалов, связанных с его оставлением и последующим почитанием [Новиков, Гаркуша, 2016, с. 128–129].

При исследовании культурного слоя внутри жилищных построек неоднократно были найдены отдельные предметы и их наборы, являющиеся ритуальными аксессуарами. Наиболее яркие комплексы зафиксированы на площади постройки №7. В очажной конструкции, за пределами зоны кострища, помимо различных бытовых предметов и их моделей находилось скопление вырезанных из дощечек относительно крупных изображений рыб, железный наконечник стрелы, модель томара (всего 13 предметов). На дне очага, близ западной стены, лежала часть черепа оленя. В 0,7 м к северу от очажной конструкции была обнаружена теменная часть черепа оленя с сохранившимися отростками рогов. Непосредственно под ней находились берестяная маска, крупная деревянная модель палаша, две небольших деревянных антропоморфных скульптуры. В проходе у внешней стены постройки была обнаружена концентрация не менее 35 предметов: стилизованных миниатюрных изображений животных, птиц, предметов быта, так называемых фигурок «тось-чер-вой». В северной части прохода (за пределом внутреннего помещения) были также обнаружены крупные модели оружия, фигурки «тось-чер-вой», скульптурные изображения животных, в том числе объемное орнаментированное изображение медведя. Комплекс предметов, включающий берестяную маску, изображения рыб и животных, модели оружия, идентичен тому, что использовался во время медвежьего праздника.

Фигурки «тось-чер-вой», которые ранее многими исследователями относились к категории детских игрушек, в последние годы получили несколько иную интерпретацию. О.В. Кардаш приводит следующую версию: «В действительности название интересующих нас изделий звучит как *тось-царты-вой*. Дословный перевод этого определения состоит из трех слов: „*тось*” – правильный, умелый, „*царты*” – чародей, предсказатель, шаман, „*вой*” – зверь, животное. В итоге эти слова складываются в термин – „*точного предсказания звери*”, или же – „*звери для точного шманского гадания и предсказания*”. Так что перевод самого термина не оставляет сомнения в изначальном ритуально-религиозном назначении данных предметов» [Кардаш, 2013б, с. 204].

Категорию предметов, используемых в ритуальной сфере, дополняют так называемые дощечки для окуривания. Они имеют в центральной части пятна прогоревшей древесины; некоторые из них напоминают разделочные доски.

Отдельную категорию находок представляют объемные деревянные антропоморфные изображения, найденные во всех без исключения постройках. Несмотря на то, что все экземпляры индивидуальны, стилистически они очень похожи. Наиболее близкие аналогии данным изображениям имеются в материалах Надымского городка. О.В. Кардаш выделил три типа объемных изображений: личины на палочках – «сядзи», антропоморфная скульптура с проработанными, зачастую объемными деталями головы и тела, монументальная скульптура [Кардаш, 2013а, с. 188–190]. Все три типа представлены и на Усть-Войкарском городище.

Неординарной находкой явилось обнаружение в 2016 г. в нижних венцах двух крупногабаритных построек деревянных «плах» с антропоморфными личинами. Плахи были выявлены при демонтаже конструкций, обе они лежали в основании стен с дверными проемами, изображениями вверх. Плаха №1 выполнена из бревна диаметром 20 см, имела длину 272 см. Прямоугольными вырубками смоделированы глаза, нос, брови, рот. Верхний торец имел два выступа длиной 10–10,5 см, являющихся продолжением боковых кромок плахи. Таким образом, барельеф выглядел как изображение лица человека, увенчанного «рогами». Под изображением располагались два продольных узких желоба длиной 27 и 34 см. Вероятно, тем самым были обозначены руки. На кромке зафиксированы продольные пазы. Противоположный торец был подтесан на клин.

Плаха №2 длиной 242 см, диаметр бревна, из которого она была изготовлена, 15–19 см. Прямоугольными вырубками смоделированы глаза, нос, брови, изображение рта отсутствовало. На правой боковой поверхности был выполнен продольный желоб длиной 33 см (треугольный в сечении), противоположный торец был подтесан на клин.

Нам не известны прямые аналогии использования антропоморфных идолов обскими уграми в качестве конструктивного элемента стены в зоне порога. Но известно, что монументальные антропоморфные скульптуры в хантыйских срубных жилищах иногда выполняли функции опорных столбов [На грани миров..., 2006, илл. с. 60; Кардаш, 2013а, с. 189–190]. О таком возможном вертикальном использовании найденных антропоморфных скульптур свидетельствуют пазы на боковых кромках и подтесанные на клин нижние торцы. Мы предполагаем, что идолы были переиспользованы в качестве строительного материала в ходе реконструкции хантыйских построек иной этнической группой.

Косвенным подтверждением этой гипотезы является парное погребение внутри очажной конструкции жилой постройки №11 (в ней же в основании стены был найден идол). Расположение очажной конструкции предопределило ориентацию погребенных по линии В–З (головой на запад). Под обоими погребенными сохранились фрагменты верхней одежды и деталей обуви. На черепе второго индивида частично сохранилось тканевое покрытие – остатки головного убора либо капюшона. Тела были уложены на циновку, изготовленную из пучков травы. Отсутствие следов термического воздействия как на останках, так и на сопутствующих предметах свидетельствует том, что после совершения погребения очаг не использовался по прямому назначению. Планиграфические и стратиграфические наблюдения позволяют предположить, что время появления этого погребения вряд ли позже первой трети – середины XVII в. Скелеты принадлежат двум взрослым мужчинам (35–40 и 40–45 лет). На черепках обоих индивидов сохранились остатки волосяного покрова. В обоих случаях волосы коротко стриженные, тонкие, мягкие, светло- и темно-каштанового цвета. Следов скальпирования не обнаружено. Морфологические особенности черепов и одонтологические характеристики позволяют с уверенностью отнести обоих индивидов к представителям европеоидной расы [Новиков и др., 2016а, с. 391]. Палеогенетические исследования, ведущиеся под руководством к.б.н. А.С. Пилипенко в Межинститутском секторе молекулярной палеогенетики (ИЦИГ СО РАН – ИАЭТ СО РАН), предварительно подтвердили мужской пол и европейское (западно-евразийское) происхождение погребенных. Не установлено близкое родство погребенных по материнской или отцовской линиям. Дальнейшие исследования, возможно, укажут на более точную локализацию генетических корней среди европейских популяций.

Принадлежность погребенных к иной этнической группе, не связанной с коренным населением Войкарского городка, подтверждает наше предположение о том, что один из строительных горизонтов XVII в. со следами реконструкций жилых построек может быть связан с приходом нового населения на данную территорию.

Описанные ритуальные комплексы имеют прямые аналогии как в археологических материалах Нижнего Приобья (прежде всего, это Надымский и Полуйский городки), так и в этнографических источниках. Исследования Войкарского городка показывают многообразие религиозных представлений и ритуальных действий его населения, связанных с местом проживания.

Библиографический список

- Брусницына А.Г. Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003–2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Екатеринбург ; Салехард, 2005. С. 22–32.
- Гурская М.А. Древесно-кольцевые хронологии хвойных деревьев для абсолютного календарного датирования городища Усть-Войкарского // КСИА. 2006. Вып. 220. С. 142–151.
- Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. Екатеринбург ; Челябинск, 2008. С. 212–231.
- Кардаш О.В. Надымский городок князей Большой Карачеи. Екатеринбург ; Салехард, 2013а. 360 с.
- Кардаш О.В. Полуийский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург ; Салехард, 2013б. 380 с.
- На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея: Альбом). М., 2006. 296 с.
- Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Вопросы интерпретации погребений домашних собак на городище Усть-Войкарское // Вестник урovedения. 2016. №2 (25). С. 120–134.
- Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Зубова А.В., Поздняков Д.В. Парное погребение в очаге жилой постройки (городище Усть-Войкарское) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск, 2016а. С. 389–392.
- Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Новикова О.И., Кениг А.В., Мороз М.В. Предварительные результаты исследований городища Усть-Войкарское в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск, 2016б. С. 393–397.
- Федорова Н.В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Вып. 4 (41). Салехард, 2006. С. 11–17.

© 2017, Ю.И. Ожередов

Музей истории Томска, Томск

РИТУАЛЬНОЕ ДЕРЕВО В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ПАЛЕОСЕЛЬКУПОВ ПРИОБЬЯ (по материалам археологии)

Исследования в области археологии приобретают особенный смысл, когда в результате изучения материальных остатков прошлого реальную форму обретает эпическое повествование, когда миф превращается в историю, документированную вещественными свидетельствами. Яркими тому примерами являются исследования гомеровской Трои в Малой Азии или угорского богатырского городка Эмдер в Северо-Западной Сибири.

Однако, наряду с крупными поселенческими памятниками, насыщенными множеством разноплановых объектов, археологическое исследование может затронуть и не столь значительный по масштабам объект, сохранившийся в мифологической памяти этноса.

Настоящая работа посвящена идентификации и семантической реконструкции одного из ключевых символических образов мифологии традиционных обитателей Приобья селькупов – мирового дерева, соотносимого с центром мироздания – *axis mundi*.

При некоторой вариативности мифологического образа, обусловленной множеством причин этнического и эпического свойства, все они сводятся к достаточно унифицированному понятию, изложенному в северо-селькупском предании: мировое дерево произрастает у начала мира, «на стрелке рек Кедровки и Орла у дома прародительницы». По традиционным представлениям на нем сидят две птицы – орел и кедровка, а на ветвях «висят» солнце и луна [Прокофьева, 1952, с. 107].

Источниками со стороны археологии послужили результаты стационарного изучения захоронений XVII–XVIII вв. на трех могильниках нарымских палеоселькупов: Кустовском и Барклае в нарымском левобережье Оби [Ожередов, 2001, с. 224; 2006, с. 213] и Бедеревском Бору-2 на правобережье Нарымского Приобья [Боброва, Максимова, Торощина, 2002, с. 106].

Сравнить археологические находки и вербально зафиксированный образ метафизического «дерева» позволили новый взгляд на материалы, некогда собранные на указанных памятниках, и критический анализ изначальной интерпретации отдельных находок, касающихся настоящей темы.

В силу физических свойств остатки ритуальных объектов, выстроенных из органических материалов на памятниках археологии, весьма редки. В отсутствие особенных природных (почвенных) условий, способствующих хорошей сохранности органики, они обычно выявляются в состоянии существенного или полного разрушения и с трудом поддаются реконструкции. При этом признаки объектов могут быть прямыми (непосредственными) и натуральными или косвенными (опосредованными) и символическими. При этом свое выражение они могут находить не только в виде собственных остатков, но также в форме следов сопутствующих объектов или скоплений предметов, на первый взгляд, казалось бы, не относящихся к изучаемому объекту напрямую. В последнем случае особенно важен контекст размещения второстепенных признаков на памятнике.

Кустовский могильник исследован в среднем течении р. Кёнга, правого притока р. Парабель, являющейся левым притоком р. Оби. Памятник сформирован представителями локально-диалектной группы селькупов «шиешгула» в границах XIII–XVII вв. Подкурганные наземные захоронения позднего средневековья чередовались с грунтовыми могилами развитого средневековья, локализовавшимися вне насыпей. Под насыпями обычно находилось по одному-два одноактных погребения, и только доминирующий в группе курган №5 отличался своими размерами и трехъярусным залеганием девяти разновременных захоронений.

В процессе обрядовой деятельности на вершине в центре насыпи был вкопан столб, расположившийся после падения по линии С–Ю. Исследование его основания показало полное отсутствие корневой системы, присущей растущему дереву. Данный факт утвердил в мысли об искусственном происхождении данного объекта. Место установки соответствовало позиции «в ногах» двух погребений второго горизонта насыпи (от ее современной дневной поверхности) и «в головах» двух погребений третьего горизонта, направленных к столбу головой. Все захоронения были оставлены в границах XVI–XVII вв.

Судя по сохранившимся остаткам, столб имел в диаметре порядка 10 см, а в длину достигал не менее 2 м (без учета закопанной части). Поверхность практически по всей длине была очищена от коры. После того, как древесина близ основания прогнила, столб обрушился. Обломок основания высотой 16 см был зафиксирован в вертикальном положении. Торцы вкопанного обломка и основной части столба при сложении в целом совпали, что позволило считать их изначально единым целым. По сохранившейся части и следам древесной трухи в столбовой яме установлено, что основание было углублено в насыпь примерно на 20–25 см. Однако изначально глубина установки была больше не менее чем в два раза, о чем свидетельствуют дальнейшие находки.

На этом история столба не закончилась. При расчистке насыпи к западу от вершины столба в одном с ним горизонте обнаружилось бессистемное скопление березовых веток с хорошо сохранившейся корой. В результате планиграфического и стратиграфического изучения было установлено, что изначально столб и скопление веток составляли единое целое, представлявшее собой некую имитацию дерева.

Любопытной в метафизическом отношении особенностью данной конструкции стало смешение символически разных пород: на стволе хвойной породы была смонтирована крона из веток березы. Синкретическое смешение древесины мертвых (кедр) и живых (береза), а также отсутствие корневой системы и коры на поверхности не оставили сомнений в наличии искусственного устройства, имитирующего поминальное обрядовое «дерево» [Прокофьева, 1981, с. 56; Ожередов, 2001, с. 224–225; 2006, с. 215].

Дополнительным аргументом для предложенной интерпретации явились артефакты, лишь опосредованно принадлежащие комплексу сопроводительного инвентаря. Дело в том, что предметы, непосредственно сопровождавшие умерших в потусторонний мир, находились на костяках в контурах захоронений. Одновременно в «кроне» рухнувшего «дерева» залегали стеклянные бусы (две нити), пуговица «крыжовник», бубенец открытого типа, фрагменты железных и медных изделий, железный топор-тесло, фрагменты керамики, железный наконечник стрелы и оловянная тарелка с резными граффити на обеих сторонах. Сверху на бревне лежал костяной наконечник стрелы, который мог здесь оказаться только лишь будучи воткнутым в столб. После обрушения символического дерева и последующего его «погребения» стрела под давлением грунта «улегла» на ствол и сгнила, а наконечник в силу большей прочности сохранился до наших дней. Не исключено, что найденный у столба железный наконечник также размещался на стреле, воткнутой в «дерево».

Прямое соседство погребений и столба хорошо согласуется с данными этнографии, отметившей обычай северных селькупов вкапывать молодые березки «в ноги» и изголовьях умерших [Бауло, 1980,

с. 187, рис. 5]. Смысл данного ритуала обнаруживается в селькупском экзорцизме: по представлениям селькупов, священное дерево в форме молодой березки защищало смертных от близости потустороннего мира [Пелих, 1998, с. 13], точнее, от его опасных демонических обитателей. Той же цели служили стрелы, оставленные в кроне импровизированного дерева, установленного в метафизически грязном месте, каковыми являлись кладбища. Стрелы в качестве апотропеев, изгонявших злые силы, известны издревле. Уже в ведийские времена люди верили, что злого духа можно поразить стрелой [Елизаренкова, 1999, с. 77]. Со временем представление скотоводов успешно привилось народам большей части Евразии и нашло место в воззрениях аборигенов тайги. Так, шорцы изгоняли стрелами злые силы из углов дома во время свадьбы [Пелих, 1972, с. 205]. Поверье о магической силе оружия настолько сильно внедрилось в сознание людей, что даже при затмении луны ханты, например, считали нужным вонзить против «злых сил» два ножа и стрелу [Материалы..., 1978, с. 184]. По упоминанию К. Рычкова [1916, с. 187], если путь ненецкого охотника проходил вблизи кладбища, последний непременно выпустил стрелу в его направлении.

С другой стороны, в обычае сибирских охотников было принесение стрелы в жертву духам стрельбой по священным деревьям [Штернберг, 2012, с. 444].

Могильник Барклай исследован в среднем течении р. Чая, левого притока Оби. Памятник сформировался в рамках XIII – середины XIX в. на территории локально-диалектной группы «шиешгула». В межмогильном пространстве насыпи кургана №4, сложившейся из трех вертикальных рядов захоронений, вскрылась бессистемная груда березовых веток, представлявших собой некое подобие костра, собранного, но не зажженного [Ожередов, 2006, с. 215]. Однако находки, сделанные среди ветвей, изменили первоначальную оценку. На локальном участке плотно залежала группа предметов, в числе которых находились нагрудная трехстворчатая медная икона-складень, изображающая «Святого Антипа с житиями», кованый гвоздь, два фрагмента керамики и стеклянная бусина. Набор предметов, находившихся среди веток, никак не увязывался с идеей сооружения поминального костра, что и стало поводом к пересмотру скоропалительных выводов, обусловленных первыми впечатлениями от увиденного.

К сожалению, тогда еще не было известно «кустовское дерево», и барклайская находка не получила адекватной интерпретации. Тем не менее поиски аналогий привели к любопытному сравнительному источнику, позволившему рассмотреть данную находку в контексте, близком к кустовскому варианту. Пример для сравнения обнаружился в погребальной практике енисейских кетов, соседствующих с селькупами и близких к ним в ряде элементов духовной культуры [Пелих, 1972, с. 24]. В свое время В.И. Анучин отметил, что в завершение погребального обряда кеты сваливали на могилу ворох ветвей и устанавливали «развилку». Под развилкой подразумевалась жердь (тонкий столб) с очищенными от листвы ветками, расходящимися в стороны [Анучин, 1914, с. 13, рис. 58].

Как показывают этнографические свидетельства, идея мирового дерева нашла персонификацию не только в виде жертвенного, коновязного или другого художественно декорированного столба, но и в форме некоего фантазийного дерева. Наиболее ранние упоминания о необычных «деревьях» находим в Ригведе и китайской мифологии, где в первом случае речь идет о столбе с вершиной, похожей на рога животного, а во втором – о ветвях на верхушке дерева «цзяньму» [Шер, 1980, с. 267]. Даже при кратком описании вполне очевидно, что древние источники сообщали о каких-то искусственных конструкциях, напоминающих деревья, но служивших ритуальным целям.

Могильник Бедеревский Бор-2 исследован на высокой береговой террасе в среднем течении р. Тым, правого притока р. Оби [Боброва, Максимова, Торощина, 2002, с. 106]. В рамках настоящего сообщения безусловный интерес представляет погребение №4 с перевернутой лодкой-долбленкой, установленной на перекрытии. Авторы исследования описывают две группы вещественных находок, относившихся к данному погребению. Первая группа находилась в могильной яме, а вторая – на поверхности неподалеку от нее. При этом вторая группа, в свою очередь, делилась на две части, большая из которых изначально хранилась в «сундучке шамана», а вторая расположилась еще далее от могилы в стороне. Наибольшее внимание привлекает последняя из названных групп предметов. Интерес обусловлен тем, что по составу она очень сильно напоминает набор, обнаруженный в кроне «кустовского дерева» и псевдокострища из Баркляя. Здесь точно так же имеются стеклянные бусы, бронзовый предмет (пряжка) и самое главное – оловянная тарелка. Точно так же, как на кустовском экземпляре, на бортике тарелки просверлено аккуратное отверстие для подвешивания.

Авторы исследования полагают, что тарелка подвешивалась к костюму умершего шамана [Боброва, Максимова, Торощина, 2002, с. 135]. Но в таком случае она должна быть вместе с костюмом на умершем или в его шаманском сундучке с другими священными атрибутами. Однако ни того, ни другого не выявлено, следовательно, назначение, безусловно, сакральной тарелки крылось в ином контексте.

Условия залегания находок и ряд примеров из археологии и этнографии дают понять, что тарелка и все другие предметы, расположившиеся рядом с ней, некогда были подвешены на дерево. Причем вполне вероятно, что это была береза. Березняк и теперь доминирует среди лиственных пород Бедеревского Бора. Атрибуция бедеревской находки в данном ключе пополнила список археологически выявленных ритуальных деревьев на могильниках Нарымского Приобья третьим, самым северным образцом.

Натурные археологические и аналитические кабинетные выводы надежно подкрепляются этнографическими сведениями. Напомню, что при описании селькупского мирового дерева неотъемлемой его частью называют диски, висящие на ветвях и символизирующие дневное и ночное светила – Солнце и Луну. Не касаясь в данном случае семантики и увязки семантического контекста мифа с археологией, замечу, что археологический источник в двух известных нам случаях формально подтверждает эпический текст (Кустово и Бедеревский Бор), а в третьем случае (Барклай) демонстрирует возможный смысловой заместитель диска (тарелки) медной иконой. Примеры такого рода коннотации в ритуальной практике далеко не редкость, поэтому данный тезис оставим пока без развернутой аргументации.

Дальнейшее изучение источников показало, что находки на палеоселькупских могильниках напрямую выводят на реконструкцию, разворачивающуюся в русле символического отождествления столба и мирового дерева [Шер, 1980, с. 267; Голан, 1994, с. 158].

В селькупской лексике отсутствует термин «мировое дерево», поэтому в нарративных текстах фигурируют понятия «большое», «священное», «шаманское» дерево и т.п. И тем не менее Г.И. Пелих именует это дерево «мифологическим мировым деревом» *дару (дару)* [Пелих, 1998, с. 24]. Детальный анализ источников по духовной культуре селькупов [Степанова, 2008, с. 44–50] убеждает в том, что характеристики священных («шаманских») деревьев обского бассейна вполне согласуются с требованиями, предъявляемыми к понятию «мировое дерево» или «древо познания добра и зла» у других народов мира [Штернберг, 2012, с. 442–446].

Этнография традиционных сибирских народов одинаково трактует естественные и искусственные конструкции в качестве мест жертвоприношений, а присутствующие на них предметы – собственно приношениями. Участие березы в погребальных обрядах нескольких локально-диалектных групп нарымских селькупов и короткий хронологический промежуток, разделяющий археологические и этнографические (эпические) источники, представляют редкую возможность прямого сопоставления археологических и этнографических (эпических) сюжетов, проведения между ними параллелей и наведения культурологических «переходов».

Исследование указанных объектов впервые позволило понять, насколько точно в формальном и смысловом отношении могут совпадать археологические и этнографические варианты метафизических (воображаемых) моделей мирового дерева, обусловленные единой системой мировоззрения и мироощущения. Теперь не вызывает ни малейших сомнений тот факт, что искусственные столбы-деревья, зафиксированные раскопками на средневековых кладбищах палеоселькупов Приобья, служили той же цели, что и их этнографические аналоги. Следовательно, все они являлись символическими «лестницами» для перемещения душ умерших в потусторонний мир и последующей реинкарнации в тела младенцев. По селькупским поверьям души умерших в виде пауков поднимались по корням на ствол мирового дерева (березы), восходили по нему в крону, разместившуюся в небесной выси, и превращались там в звезды. Со временем звезды, хранившие человеческие души, падали вниз с целью привнесения живых душ в новые, пока еще бездушные тела младенцев [Пелих, 1980, с. 12]. А поскольку акты духовных превращений продолжались с неизменным постоянством, то сакральное значение и ритуальное употребление искусственных столбов-деревьев также оставались неизменно востребованными на протяжении многих поколений людей, устроивших таким образом свои кладбища.

Библиографический список

Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник МАЭ ИАН. Т. II, 2. СПб., 1914. 91 с.

Бауло А.В. Типы надмогильных сооружений у тазовских селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 185–190.

Боброва А.И., Максимова И.Е., Торощина Н.В. Погребение с шаманским комплексом вещей на р. Тым // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Т. 1. Томск, 2002. С. 106–139.

Голан А. Миф и символ. Иерусалим ; М., 1994. 375 с.

Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригведе. М., 1999. 240 с.

Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978. 216 с.

Ожередов Ю.И. Столб в погребальном обряде шиешгула // Самодийцы. Тобольск ; Омск, 2001. С. 224–227.

Ожередов Ю.И. Локально-диалектная группа «шиешгула»: идейный контекст археологических источников (XVI–XVII вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 359 с.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 422 с.

Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 5–70.

Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск, 1998. 80 с.

Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. Т. XVIII. М. ; Л., 1952. С. 88–107.

Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л., 1981. С. 42–68.

Рычков К. Береговой род юраков // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Т. 38. Омск, 1916. С. 154–191.

Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представление о круговороте жизни и душе. СПб., 2008. 304 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 328 с.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии : исследования, статьи, лекции. М., 2012. 592 с.

© 2017, Я.Е. Пискарева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО МОХЭСКИХ ПЛЕМЕН ПРИМОРЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект №14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»)

В середине I тыс. н.э. на обширных территориях Дальнего Востока обитали многочисленные племена мохэ. Китайская летопись «Цзю тан шу» районами их проживания называет земли, граничащие на западе с тюрками, на юге с Гаоли, а на севере с шивэй [Ивлиев, 2005, с. 450]. В летописях мохэ описываются как население, занятое земледелием, охотой, животноводством, приводятся некоторые события из истории отношений мохэсцев с соседними народами [Бичурин, 1950, с. 91]. Никаких конкретных упоминаний о поселениях и городах мохэ в летописях нет. Есть лишь некоторые косвенные свидетельства, указывающие скорее на определенный уровень социально-экономического развития отдельных племен, при котором градостроительство представляется закономерным.

Градостроительство мохэ в добохайский период малоизучено. Прежде всего, это обусловлено недостаточной степенью исследованности археологических объектов и скудностью научной информации, когда речь идет о раннесредневековых городищах, расположенных на территории Китая. Не все археологические памятники могут быть полноценными источниками информации. Материал большинства из них получен из археологических шурфов, и это представляет определенную сложность в интерпретации городищ, содержащих отложения нескольких археологических культур, поскольку невозможно точно сказать, к какому времени относятся фортификационные сооружения. Наиболее исследовано Синельниковское городище, в Южном и Юго-Западном Приморье открыты Новоселищенское, Петровское, Борисовское, Криничное городища, Новогеоргиевка-2 и Константиновка-4, Адрианов Ключ, в Центральном Приморье – Можаяев Ключ, Павловка-2, Павловка-3. Исследованиями этих памятников в разное время занимались В.И. Болдин, А.Л. Ивлиев, Ю.Г. Никитин, Е.И. Гельман, А.Л. Мезенцев, Н.Г. Артемьева и др.

В Северо-Восточном Приморье с мохэским временем связывают так называемые «мысовидные» городища, распространенные в береговой и прибрежной зонах Северо-Восточного Приморья [Дьякова, Сакмаров, 1996, с. 110]. К ним отнесены Единкинское, Оазис, Кузнецовское, городище Мыс Теплый [Дьякова, 2009, с. 193]. Основная проблема в интерпретации этих памятников заключается в том, что материал с них неизвестен, на них почти не проводились археологические раскопки. Они выделяются, прежде всего, наличием незамкнутых оборонительных сооружений: с трех сторон территория защищена естественными образованиями, а с четвертой огорожена валом или несколькими валами [Дьякова, Сакмаров, 1996, с. 108].

К мохэскому времени (VI в. н.э.) у племен, населявших Приморье, уже сложились градостроительные навыки. Городища известны в регионе начиная с эпохи бронзы. В польцевской и ольгинской культурах городища – сторожевые посты появляются в среднем течении рек Уссури, Бикин, Хор, в долине р. Арсеньевки [Коломиец, Афремов, Дорофеева, 2002, с. 142–155; Коломиец, Афремов, Крутых, 2003, с. 277; Медведев, 2009, с. 231–232]. По мнению В.Е. Медведева [2009, с. 233], эти памятники возникли в результате миграции части польцевского населения со Среднего и Нижнего Амура.

Могли ли мохэсцы в какой-то степени перенять польцевские градостроительные традиции? Ареалы распространения археологических памятников польцевцев и мохэсцев пересекаются, но при этом городища польцевцев сосредоточены на севере, а мохэсцев – на юге. Регион, где на памятниках выделяются объекты с ольгинско-польцевским и мохэским материалом в одном комплексе, – это Центральное Приморье, бассейн р. Арсеньевки. Такие случаи зафиксированы на Ауровском и Рудановском городищах [Бродянский, 2014, с. 58; Шавкунов, Гельман, 2002, с. 101]. Некоторые детали в конструкциях валов на польцевских и мохэских городищах схожи: они были земляные, сооружались простым «навалом» грунта. Но, в отличие от польцевских, тройные и двойные валы, сложные ворота с захабом не строились мохэсцами, возможно, в этом не было необходимости.

Все известные мохэские городища располагались на возвышенностях: вершинах сопков, мысах, высоких надпойменных террасах. Основные типобразующие признаки в классификации – это размер городища и конфигурация фортификационных сооружений (валов и рвов). По своим размерным параметрам большинство из мохэских городищ попадают в категорию «малых», средние и крупные пока присутствуют в единичном количестве [Мезенцев, 2011]. Главный параметр при характеристике вала – его сомкнутость. Подтипы выделены по способу сооружения вала, который мог быть построен из земли или камня.

Тип 1. Малые городища с разомкнутым контуром укреплений. К этому типу относятся городища небольших размеров, у которых укрепления (валы и рвы) строились с одной или двух сторон. Такие памятники располагали на вершинах небольших сопков, мысах, выступах террас, отгораживая доступные участки валом, остальная территория была ограничена естественными препятствиями. К данному типу можно отнести следующие памятники Приморья: укрепление Можаяев Ключ, расположенное в Лазовском районе, городище Дубровинское (Дальнегорский район), Усть-Соболевское, городище на мысе Тепло (Тернейский район), Таловское городище (Октябрьский район) и Андреанов Ключ (Партизанский район). Основные отличия городищ в рамках этого типа заключаются в количестве валов и их устройстве.

К подтипу городищ с земляным валом относятся Можаяев Ключ, Таловское, Борисовское и Андреанов Ключ. Первый памятник находится на мысу, в плане имеет подтреугольную форму, площадь его составляла 1 700 м². Остатки фортификационных сооружений в виде одного земляного вала длиной 36 м и высотой 0,5–0,7 м и рва находятся в северо-западной части мыса и отгораживают его выступающую часть [Рубленко, 1985, с. 4]. Таловское городище находится на левом высоком берегу р. Раздольной [Никитин, 1989, с. 144], оно неправильной формы, частично огорожено валом высотой до 3,5 м и рвом. На вершине мыса у слияния рек Борисовка и Казачка располагалось Борисовское городище. Укрепления Борисовского городища представлены тремя валами со рвами. По мнению исследователя этого памятника А.Л. Мезенцева [2007], все три вала разновременные. Один из них относится к ольгинской культуре, второй – к мохэской, а третий – не атрибутирован и предположительно мог быть построен в VIII–XII вв. Вал, относящийся к мохэской культуре, располагается в 50 м от оконечности мыса. Площадь мохэской части памятника, таким образом, могла составлять около 2 500 м². Высота вала составляла 1 м, также с северной и южной сторон зафиксированы рвы, при этом перепад между дном рва и вершиной вала составляет около 2 м [Болдин, Никитин, 1996]. Городище Андреанов Ключ занимает вершину сопки на берегу р. Поворотной в Партизанском районе. Мыс пересекают два земля-

ных вала высотой около 1 м и шириной 3 м и два рва глубиной 0,5 м и шириной 2 м [Артемьева, 2012, с. 225]. Площадь памятника составляла 1 200 м². На памятнике прослежены террасовидные площадки и западины, сгруппированные возле них.

Другой подтип – городища, при сооружении валов которых использовался камень. Один из таких памятников – городище Мыс Теплый (Тернейский район) – располагается на мысу, выдающемся в море. Три ряда дугообразных валов длиной 26 м, сложенных из камня с земляной насыпкой, перегораживают перешеек. Высота валов – 0,5–0,7 м, их разделяют рвы глубиной 0,5 м. Сохранившаяся площадь памятника – 0,3 га [Дьякова, 2009, с. 138]. К этому же подтипу, вероятно, относятся Дубровинское и Усть-Соболевское городища, также имеющие тройной ряд валов [Дьякова, Сакмаров, 1996, с. 110].

Тип 2. Малые городища с сомкнутым контуром укреплений. К памятникам этого типа относятся Константиновка-4, Павловка-2 и Павловка-3. Укрепление Константиновка-4 находится на вершине небольшой сопки, на правом берегу р. Суйфун. Оно окружено замкнутым земляным валом высотой 1,5–2 м [Никитин, 1989, с. 144], площадь памятника – 580 м². Городища Павловка-2 и 3 (Чугуевский район) располагались на высоких надпойменных террасах, на расстоянии 80 м друг от друга, имели квадратную (Павловка-2) и овальную (Павловка-3) форму. Вал в обоих случаях замкнутый. На городище Павловка-2 высота вала с внешней стороны составила около 2 м, ширина у основания – 8–9 м, площадь памятника – 1 600 м². Высота вала городища Павловка-3 не превышает 1 м, ширина у основания – 5–6 м, площадь – 1 400 м² [Болдин, Никитин, 1996, с. 41–46].

Тип 3. Средние городища с разомкнутым контуром укреплений. К этому типу можно отнести Новоселищенское городище, Синельниковское, Васьковское. Новоселищенское городище располагалось на одном из мысов, расположенных в 20 км от о. Ханка, площадь памятника – 11 000 м². Его укрепления представлены двумя земляными валами: один вал, высотой от 0,5 до 1 м, перегораживал узкую оконечность мыса от юго-западного до северо-восточного склона. Второй вал огораживал поселение, пересекая широкую часть мыса и поворачивая почти под прямым углом на юго-восток на его пологом склоне. За валом находился ров, глубина которого составляла 0,6–0,8 м. Таким образом, укрепления были защищены самые уязвимые части города. На вершине мыса и на пологом юго-восточном склоне находились 35 западин жилищ. На северо-восточном склоне мыса обнаружен пандус – пологая наклонная площадка шириной 5 м.

Еще один памятник этого подтипа – Синельниковское городище. В результате исследований, проводившихся с 1996 по 1998 г., здесь впервые удалось стратиграфически зафиксировать смену мохэской культуры на бохайскую [Болдин, 2002, с. 181]. Раскопки вала показали, что сначала он был сооружен мохэсками и был земляным, укрепленным снаружи крупными камнями, а впоследствии был достроен каменными блоками. Также удалось проследить следы частокола на поверхности вала [Болдин и др., 1999, с. 260]. Площадь памятника – 13 000 м². Высота мохэского вала составляла около 0,5 м, ширина основания – 2,5 м. Укрепления отсутствуют на северном участке сопки, где находится крутой обрыв. Ворота, представляющие собой разрыв в валу шириной 2 м, располагались в юго-западной части крепости [Болдин, 2002, с. 181]. Раскопки в 2015 и 2016 гг. показали, что на городище действительно присутствуют два строительных горизонта, материал которых весьма близок. Вероятно, памятник существовал непродолжительное время накануне прихода бохайцев в регион и какое-то время после их появления. Жилища небольшие, размерами 9–12 м², расположены близко друг к другу на расстоянии 1–2 м. Плотность заселения памятника чрезвычайно высока. Судя по расположению жилищ в пределах раскопов, можно предположить, что на территории города могли располагаться около 1 000 таких построек. Пока трудно сказать, сколько жилищ могли быть заселены одновременно, но, скорее всего, это мог быть временный вариант размещения жителей неукрепленного поселения, расположенного рядом в случае военной опасности.

Васьковское городище, расположенное на правом берегу р. Монастырка, на вершине сопки, относится к подтипу городищ с каменным валом. Площадь памятника – 12 600 м². С севера и запада городище прикрывает дугообразный вал, сложенный из камня, длиной 160 м, высотой около 1 м [Дьякова, 2009, с. 62–64].

Тип 4. Средние городища с сомкнутым контуром укреплений. К этому типу относится городище Криничное, расположенное на расстоянии около 30 км к юго-востоку от Новоселищеского. Памятник занимает пологий склон горного отрога и обнесен валом высотой 0,4–1,2 м, с двух сторон от вала есть рвы глубиной 0,4–1,2 м. Вал замкнутый, не имеет разрывов, ворота отсутствуют, зафиксировано лишь

понижение на южной части вала [Археологические..., 2014, с. 363]. Площадь Криничного в два раза больше Новоселищенского, и оно более «густозаселенное»: насчитывается 100 западин в пределах вала и две западины рядом с городской стеной [Археологические..., 2014, с. 363].

Тип 5. Большое городище с разомкнутой системой укреплений. К этому типу относится самое крупное мохэское городище – Петровское, располагающееся на вершине сопки в Шкотовском районе. Площадь памятника составляет около 7 га [Археологические..., 2008, с. 350]. Планировка городища обыгрывала особенности рельефа: валами, в том числе двойными, защищены лишь легкодоступные участки города, с обрывистого края валов нет. Этот памятник существенно отличается усложненной системой укреплений (присутствует внутренний город, отделенный двойным валом) и высотой валов, достигающих 2 м [Мезенцев, Бурдонов, 2007, с. 61–66]. Второй (внешний) вал значительно ниже первого – его высота составляет около 0,5 м. В его пределах расположены западины 30 жилищ.

Заключение. Несмотря на небольшое количество известных на сегодняшний день мохэских городищ в Южном Приморье, можно говорить об определенных различиях памятников, расположенных в разных регионах. Такие памятники, как Криничное городище, Новоселищенское, Петровское, производят впечатление долгосрочных, хорошо обжитых поселений, в отличие от крепостей среднего течения р. Суйфун, скорее являвшихся убежищами или фортами для небольшого гарнизона. Исследователи суйфунских городищ предполагают, что сооружение таких укреплений может быть связано с появлением в данном регионе бохайцев и неизбежными военными конфликтами между местным населением и пришлым [Болдин, 2002, с. 184; Никитин, 2000, с. 151]. Городища с каменным валом известны пока только на северо-востоке Приморья. Вопрос о времени появления городищ в Приханковье пока остается открытым. Можно лишь отметить, что керамика Криничного городища не производит впечатления архаичной, возможно, оно также появляется в бохайское время.

В изучении мохэских городищ пока больше вопросов, чем ответов. Исправить ситуацию могут только планомерные широкие исследования этих уникальных памятников средневековой археологии.

Библиографический список

Артемьева Н.Г. Андреев Ключ – новый памятник мохэского периода в Приморье // Тихоокеанская археология. Вып. 23. Владивосток, 2012. С. 223–235.

Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследований 2007 г.). Деджон, 2008. 400 с.

Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья. По материалам исследований 2012–2013 гг. / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН ; Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея. Сеул, 2014. 398 с.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л., 1950. Т. 2. 333 с.

Болдин В.И. Городище Синельниково-1 и периодизация средневековых археологических культур Юго-Западного Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002. С. 181–185.

Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г., Гельман Е.И. Исследования на Синиловском городище в Приморье // Археологические открытия 1997 года. М., 1999. С. 259–261.

Болдин В.И., Никитин Ю.Г. Отчет об археологических исследованиях в Октябрьском, Уссурийском и Чугуевском районах Приморского края в 1996 году // Архив ИИАЭ ДВО РАН, ф. 1, оп. 2, №401.

Бродянский Д.Л. Рудановское городище. Анучинская и польцевская культура в Приморье. Владивосток, 2014. 133 с.

Дьякова О.В. Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня. М., 2009. С. 245.

Дьякова О.В., Сакмаров С.А. Новый тип укрепленных поселений // Россия и АТР. 1996. №3. С. 108–111.

Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы : монография / отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток, 2005. С. 449–475.

Коломиец С.А., Афремов П.Я., Дорофеева Н.А. Итоги полевых исследований памятника Глазовка-городище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока : сб. науч. статей. Владивосток, 2002. С. 142–155.

Коломиец С.А., Афремов П.Я., Крутых Е.Б. Новые памятники среднего течения р. Уссури // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 2003. С. 271–278.

Медведев В.Е. Городище у с. Кедрово и некоторые аспекты, связанные с польцевской культурой в Приуссурье // От Монголии до Приморья и Сахалина. Тихоокеанская археология. Вып. 17. Владивосток, 2009. С. 219–234.

Мезенцев А.Л. Борисовская группа мохэских памятников // Проблемы отечественной истории : материалы науч. конференции. Ч. 2 / отв. ред. О.Б. Лынша. Уссурийск, 2007. С. 45–60.

Мезенцев А.Л. Размеры приморских городищ // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока : сб. науч. статей. Уссурийск, 2011. С. 288–294.

Мезенцев А.Л., Бурдонов А.В. Петровское городище // Проблемы отечественной истории : материалы науч. конференции. Ч. 2 / отв. ред. О.Б. Лынша. Уссурийск, 2007. С. 61–66.

Никитин Ю.Г. Результаты археологических исследований в окрестностях села Константиновка в Приморском крае // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1989. С. 140–146.

Никитин Ю.Г. Население долины р. Суйфун в предгосударственный период // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток, 2000. С. 147–152.

Рубленко Н.Г. Отчет об археологической разведке в Лазовском районе Приморского края в 1985 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН, ф. 1, оп. 2, д. 331.

Шавкунов В.Э., Гельман Е.И. Многослойный памятник Ауровское городище // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Т. 11: Актуальные проблемы дальневосточной археологии. Владивосток, 2002. С. 75–108.

© 2017, Е.К. Столярова

Институт археологии РАН, Москва

СТЕКЛЯННЫЕ УКРАШЕНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА НОВОСЕЛКИ-2

В 2008 г. Подмосковной археологической экспедицией ИА РАН под руководством А.В. Энговатовой проводились спасательные археологические раскопки курганного могильника Новоселки-2 (XII–XIII вв.)*. Могильник расположен на левом берегу р. Клязьмы, в 1,5 км к северо-востоку от д. Черкизово Химкинского района Московской области [Коваль, 2009, л. 86–87; Захарова, 2010, с. 125]. Могильник представлял собой группу из 20 курганов. В шести погребениях пяти курганов (№1, 7, 10, 14, 19) обнаружены предметы из стекла – 101 бусина, три привески и две вставки в концы металлического браслета.

В кургане №19 обнаружено 29 стеклянных бусин. Семь из них найдены в *центральной погребении 2*, где была захоронена женщина с ребенком [Зоц, Гольева, 2016, с. 134]. Женщине принадлежало шесть шаровидных, усеченных дважды («зонных») бусин, из них пять – из бледно-желтого прозрачного стекла диаметром 0,8 см (рис. а.-1–3) и одна – из бирюзового прозрачного стекла диаметром 1 см (рис. а.-4). Судя по цвету и сохранности, они являются продукцией древнерусской (киевской) школы, в которой производили изделия из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Бледно-желтые «зонные» бусины встречаются в Новгороде начиная с 70–80-х гг. XI в. Временем наибольшего распространения таких бус является период XII в. – 30-е гг. XIII в., однако отдельные экземпляры доживают до конца XIII – начала XIV в. [Щапова, 1956, с. 165–166; Захаров, 2004, с. 54]. В подмосковном Мякининском могильнике такие бусы происходят из нескольких погребений, укладываемых в период с середины XII до начала XIII в. [Столярова, 2008, с. 56, 58–59; Захарова, 2008, с. 43, 45]; на Белозерье подобные бусы найдены в погребении XII в. могильника Митино-II и в комплексе середины XII – XIII в. селища Митино-VI [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 187–189, табл. 86, 87, тип 92]. Было замечено, что шаровидная форма и бледно-желтое, почти бесцветное стекло этих бус позволяют рассматривать их как подражание горнохрустальным бусинам [Полубояринова, 1988, с. 159]. Бирюзовая «зонная» бусина датируется по находкам в могильнике Митино-II и на селище Митино-VI серединой XI – XIII в.

* Благодарю авторов раскопок В.Ю. Ковалю и Е.П. Захарову (Зоц) за предоставленный для исследования материал.

Стеклянные украшения курганного могильника Новоселки-2:

а – бусы из погребения 2 кургана №19; **б** – бусы из погребения 3 кургана №19; **в** – украшения из погребения кургана №14, 1–7 – бусы, 8–10 – привески; **г** – украшения из погребения 2 кургана №10, 1–5 – бусы, 6–7 – вставки; **д** – бусы из погребения 1 кургана №1; **е** – бусы из погребения 1 кургана №7

[Археология севернорусской деревни, 2008, с. 187–189, табл. 86, 87, типы 86, 88]. По новгородской хронологии такие бусы относятся к середине XII в. – 60-м гг. XIII в. [Щапова, 1956, с. 167–168]. Аналогичные бусы происходят из погребения третьей четверти XII в. Мякининского могильника [Столярова, 2008, с. 56; Захарова, 2008, с. 43]. У ребенка была обнаружена только одна бусина эллипсоидной, усеченной дважды формы диаметром 0,6 см и высотой 1,8 см (рис. а.-5), изготовленная навивкой с прокладкой из металлической фольги (тип 3), основной период бытования которых относится к концу XI – середине XII в. [Столярова, 2015, с. 10]. В целом набор бусин погребения 2 кургана №19 может быть отнесен к первой половине – середине XII в.

22 бусины происходят из *детского погребения 3 этого же кургана* [Зоц, Гольева, 2016, с. 134]. Среди них «зонные» бусины из бледно-желтого стекла (8 экз.) (рис. б.-1–4) (см. погребение 2 кургана №19), пять бусин такой же формы из синего и одна из фиолетового прозрачного стекла (рис. б.-10–15). Все они имеют диаметр тулова от 0,65 до 0,85 см. Кроме того, обнаружено шесть фрагментов округлых биконических (битрапециодных) (?) бусин из бирюзового стекла (рис. б.-5–7), а также фрагмент граненой биконической («рыбовидной») (?) бусины из бирюзового прозрачного стекла с толщиной тулова 0,65 см (рис. б.-8). Из этого же погребения происходит навитая бусина с металлической фольгой (тип 3) эллипсоидной, усеченной дважды формы с диаметром тулова 0,5 см и высотой 0,6 см (рис. б.-9) (см. погребение 2 кургана №19). Цвет стекла, его прозрачность и сохранность (наличие кракелюра) позволяют отнести все перечисленные бусы к древнерусскому, возможно, киевскому стекольному производству. «Зонные» бусы из синего и фиолетового стекла встречаются у вятичей в комплексах XII в., в других памятниках – XII в. и моложе. Новгородские аналогии датируют эти бусы XII – серединой XIII в. [Щапова, 1956, с. 167, 169]. В могильниках и поселениях на Кубенском озере «зонные» бусы из синего стекла встречены в комплексах середины XI – XIII в., а из фиолетового – XII–XIII вв. [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 187–189, табл. 86, 87, тип 86, 89]. Аналогичные бусы известны в погребениях Мякининского могильника, в частности, бусины из синего стекла происходят из захоронения третьей четверти XII в. [Столярова, 2008, с. 56; Захарова, 2008, с. 43]. Наиболее ранняя находка биконических бусин из бирюзового стекла сделана в могильнике Монино-II в погребении третьей четверти XI в. На селищах Монино-I и VI эти бусы присутствуют в комплексах XI и XII вв. [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 187–189, табл. 86, 87, тип 73]. Такая же бусина найдена в захоронении третьей четверти XII в. Мякининского могильника [Столярова, 2008, с. 56; Захарова, 2008, с. 43]. По Новгороду такие бусы датируются XII в. – 40-ми гг. XIII в. [Щапова, 1956, с. 169–170]. Ю.М. Лесман [1984, табл. 1] увеличивает период бытования этих бус в Новгороде до 80-х гг. XIII в. Находки «рыбовидных» бусин есть в могильнике Монино-II в погребении XII в. [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 187, табл. 86, тип 99]. Однако полагают, что такие бусины более характерны для второй половины XII – первой трети XIII в. [Арциховский, 1930, с. 140]. В частности, в погребениях Мякининского могильника «рыбовидные» бусы обнаружены в комплексах, относящихся к периоду середины XII – начала XIII в. [Столярова, 2008, с. 54, 58; Захарова, 2008, с. 45]. Набор бусин погребения 3 кургана №19 можно датировать серединой – второй половиной (?) XII в. Анализ всего инвентаря и планиграфии могильника позволил датировать курган №19 серединой XII в. [Зоц, Гольева, 2016, с. 134, 136, табл. 1].

В женском погребении кургана №14 было найдено семь стеклянных бусин и три привески. Среди бусин четыре граненые биконические («рыбовидные»), две изготовлены из черного, на вид непрозрачного стекла (рис. в.-1–2) и по одной из фиолетового и бирюзового прозрачного стекла (рис. в.-3–4). Толщина «рыбовидных» бусин – 0,55–0,65 см, высота – 1–1,1 см (см. погребение 3 кургана №19). Анализ химического состава одной из двух черных «рыбовидных» бусин показал, что она изготовлена из калиево-свинцово-кремнеземного стекла без добавки глушителя*. Из погребения происходит бусина эллипсоидной, усеченной дважды формы из черного непрозрачного стекла, украшенная накладной спиралью белого цвета, с диаметром тулова 0,8 см (рис. в.-5). Ее можно отнести в группу бус с так называемым пластичным декором, датируемых XI – серединой XIV в., но в основной массе встречающихся в XII–XIII вв. [Щапова, 1972, с. 91]. К примеру, бусина, аналогичная рассматриваемой, найдена в могильнике Монино-II в погребении первой половины XII в. [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 189, табл. 87, тип 109]. Центры производства бус с «пластичным» декором точно не установ-

* Химический состав стекол могильника Новоселки-2 был исследован методом оптико-эмиссионной спектроскопии в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) аналитиком А.Н. Егорьковым.

лены. В литературе неоднократно отмечалось сходство цветовой гаммы таких бус, их декоративных элементов и химического состава с поливой на керамических изделиях и смальтой, из остатков и отходов которых могли изготавливать бусы [Щапова, 1972, с. 94; Столярова, 2016, с. 152]. А изготовление полив и смальт существовало во многих городах Руси, в том числе в Киеве, Смоленске, Владимире, возможно, в Новгороде [Щапова, 1972, с. 188–189; Егорьков, 2000, с. 80, 82]. В погребении обнаружены фрагменты еще двух бусин округлой формы (точнее не определяется) из черного непрозрачного и бледно-желтого стекла (рис. в.-6–7). Возможно, фрагмент желтого цвета был частью «зонной» бусины (см. погребения 2 и 3 кургана №19). Происходящие из погребения привески имеют плоскую форму, две из них круглые, одна кольцевидная (рис. в.-8–10). Диаметр тулова – 1,6–1,8 см, толщина – 0,35–0,5 см. К тулову привесок прикреплено округлое ушко цилиндрической формы. Привески изготовлены из бледно-желтого стекла, а по краю привесок с небольшим заходом на тулово проложена металлическая, на вид золотая фольга, закрытая покровным слоем такого же бледно-желтого стекла. Анализ стекла одной из привесок показал, что изготовлена она из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. В целом весь набор украшений данного погребения можно датировать второй половиной XII – первой третью XIII в. С учетом всего инвентаря это погребение датируется второй половиной XII – началом XIII в., а анализ планиграфии могильника указывает на более поздний период в этом временном промежутке [Зоц, Гольева, 2016, с. 133–134, 136, табл. 1].

В женском погребении 2 кургана №10 было найдено пять бусин и две вставки. Все бусины «зонные», с диаметром тулова 0,65–0,75 см. Четыре изготовлены из бледно-желтого прозрачного стекла (рис. г.-2–5) (см. погребения 2 и 3 кургана №19, погребение кургана №14), одна – из черного непрозрачного (рис. г.-1). Черные «зонные» бусы без декора были довольно распространены на территории Древней Руси в домонгольское время. Например, такие бусины и обнаружены при раскопках в Московском Кремле около здания Оружейной палаты [Столярова, 2016, с. 227, цв. вкл. рис. 14.-4] и в Заднепровской части Смоленска в комплексе последней четверти XII – первой четверти XIII в. [Столярова, Миненко, 2014, с. 339]. В могильнике Минино-II зонные черные бусины присутствуют в погребениях, укладываемых в рамки второй половины XI – первой четверти XII в., а также в одном захоронении второй половины XII – XIII в. [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 187–188, табл. 86, тип 81]. На селище Минино-VI такие же бусины обнаружены в комплексе XII в. [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 189, табл. 87]. Подобные бусы происходят из погребения Мякининского могильника, набор стеклянных украшений которого (бусы и браслет) относится ко второй половине XII – первой половине XIII в. Две плоско-выпуклые треугольные вставки выполнены из желто-зеленого прозрачного стекла, их ширина – 1–1,05 см, толщина – 0,35–0,4 см, длина – 1,5–1,65 см (рис. г.-6–7). Предположительно, по внешней поверхности вставок желтой эмалью нанесена роспись в виде нескольких линий. Подобные вставки, но из синего стекла обнаружены в погребении Мякининского могильника, датированного второй половиной XII – началом XIII в. [Столярова, 2008, с. 47]. Еще одна похожая вставка, но из бирюзового стекла найдена на селище Новиково-1 Становлянского района Липецкой области в комплексе, датированном не позднее XIII в. [Столярова, 2012, с. 274]. Весь набор стеклянных украшений погребения 2 кургана №10 можно датировать второй половиной XII – первой половиной XIII в. Анализ всего инвентаря и планиграфии могильника указывает на такой же хронологический период [Зоц, Гольева, 2016, с. 132, 136, табл. 1].

Из женского погребения 1 кургана №1 происходят 58 бусин. Из них одна эллипсоидная, усеченная дважды и две «зонные» бусины из фиолетового прозрачного стекла с диаметром тулова 0,75–0,8 см (рис. д.-54–56) (см. погребение 3 кургана №19). Основную же массу (55 экз.) составляют бусины кольцевидной формы, из которых 38 – из яркого желто-зеленого прозрачного стекла, большая их часть (33 экз.) – одинарные, четыре сдвоенные и одна строенная (рис. д.-1–36); 16 одинарных кольцевидных бусин из белого непрозрачного стекла (рис. д.-38–53); одна бусина такой же формы из стекла неустановленного цвета (рис. д.-37). Диаметр тулова кольцевидных бусин – от 0,6 до 0,7 см. Установлен химический состав желто-зеленых и белых бусин: они выполнены из бесщелочного свинцово-кремнеземного стекла, причем желто-зеленое стекло имеет небольшую примесь окиси калия (1%). Такая, уже отмечавшаяся нами особенность стеклянных украшений из различных памятников древнерусского времени позволяет предполагать их производство в древнерусском центре, в котором одновременно изготавливалось и бесщелочное свинцовое, и калиево-свинцовое стекло [Столярова, 2016, с. 124; Столярова, Журухина, 2014, с. 198; Столярова, Миненко, 2014, с. 339]. Кольцевидные желто-зеленые бусины известны из погребений середины XI – XIII в. могильника Минино-II, комплексов XII–XIII вв. селища

Минино-VI [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 187, 189, табл. 86, 87, тип 85], Лаишевского селища [Столярова, 2005, с. 54–55]. Такие же бусины из комплекса первой половины XIII в. селища Новиково-1 показали аналогичный состав [Столярова, 2012, с. 273]. Бусины из белого глухого стекла кольцевидной формы довольно редки: известны две такие же из погребения второй половины XI – первой четверти XII в. могильника Минино-II [Археология севернорусской деревни, 2008, с. 187, табл. 86, тип 84] и одна «зонная» из Лаишевского селища [Столярова, 2005, с. 60]. В целом такой набор бус можно датировать второй половиной XII – первой половиной XIII в. Анализ всего инвентаря и планиграфии могильника позволил авторам раскопок отнести время сооружения этого кургана к первой половине – середине XIII в. [Зоц, Гольева, 2016, с. 129, 136, табл. 1].

В женском погребении I кургана №7 обнаружены две «зонные» бусины из бледно-желтого прозрачного стекла диаметром 1,45–1,5 см (рис. е) (см. погребения 2 и 3 кургана №19, погребение кургана №14, погребение 2 кургана №10). Подобные бусы датируются довольно широко (70-е гг. XI – начало XIV в.). Анализ стратиграфии кургана и планиграфии могильника позволил авторам раскопок сузить датировку и отнести данный курган к первой половине – середине XIII в. [Зоц, Гольева, 2016, с. 132, 136, табл. 1].

Библиографический список

Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере : в 3 т. / отв. ред. Н.А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология / ред. С.Д. Захаров. М., 2008.

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

Егорьков А.Н. Химический состав древнерусской плиточной поливы // РА. 2000. №4. С. 77–85.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Захарова Е.П. Мякининские курганы: планиграфия и хронология // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2008. С. 41–46.

Захарова Е.П. Конструкция древнерусских курганов по материалам Мякининского курганного могильника и курганной группы Новоселки 2 // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2010. С. 125–129.

Зоц Е.П., Гольева А.А. Реконструкция развития могильника Новоселки 2 по археологическим материалам и данным исследования погребенных почв // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. Вып. 12. М., 2016. С. 129–137.

Коваль В.Ю. Отчет об охранных археологических раскопках на курганном могильнике Новоселки 2 в Химкинском районе Московской области в 2008 году. М., 2009 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №43012–43014.

Лесман Ю.М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984.

Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 151–219.

Столярова Е.К. Стекланные бусы Мякининской курганной группы // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2008. С. 47–61.

Столярова Е.К. Украшения из стекла и фаянса селища Новиково 1 // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. Вып. 8. М., 2012. С. 272–277.

Столярова Е.К. Золотостекланные и серебростекланные бусы Древней Руси: технология и хронология // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 8. Тверь, 2015. С. 7–14.

Столярова Е.К. Стекло средневековой Москвы: XII–XIV века. М., 2016.

Столярова Е.К., Журухина Е.Ю. Находка стеклнного слитка из Киева // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 195–202.

Столярова Е.К., Миненко В.В. Стекланные изделия из правобережной части Смоленска: происхождение и хронология // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. Т. 3 / отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань, 2014. С. 336–340.

Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1956. Т. 1. С. 164–179. (МИА. №55).

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

АНАЛИЗ ФОРМ СОСУДОВ ПОДБОЛОТЬЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ С ПОЗИЦИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

При раскопках Подболотьевского (Вербовского) могильника в 2012–2014 гг. Волжской экспедицией Института археологии РАН (руководитель – О.В. Зеленцова) было исследовано 194 погребения людей [Зеленцова, 2014; Зеленцова, Милованов, 2015]. Из них сосуды были встречены в 129 погребениях, в том числе 58 погребений содержали по одному сосуду, 55 погребений – по два, 9 погребений – по три и 7 погребений – по четыре сосуда. В общей сложности системному анализу форм подверглись 223 сосуда. В начале XX столетия этот могильник уже исследовался В.А. Городцовым. Им было раскопано 274 погребения, посуда из которых в данной работе не рассматривается.

Об исследовательском подходе и методике системного изучения форм сосудов. Изучение форм сосудов проводилось с позиций историко-культурного подхода, разработанного в 1980-е гг. А.А. Бобринским [1986; 1988] и направленного на реконструкцию культурных традиций древних гончаров и потребителей глиняной посуды. За истекшие годы некоторые аспекты методики системного анализа форм подверглись одним из авторов дополнительной разработке [Цетлин, 2014].

В рамках историко-культурного подхода выделяются несколько уровней системного анализа форм.

I уровень – анализ форм сосудов по общей пропорциональности, который позволяет выявить наиболее общие культурные традиции гончаров и потребителей.

II уровень – анализ естественной структуры форм сосудов предполагает учет числа и состава функциональных частей, из которых состоит форма. Наименее развитая «субстратная» структура включает три части: «губа (Г) + тулово (Т) + основание тулова (ОТ)», а наиболее развитая – семь частей: «губа (Г) + щека (Щ) + шея (Ш) + плечо (П) + предплечье (ПП) + тулово (Т) + основание тулова (ОТ)» [Бобринский, 1988; Цетлин, 2012, с. 157–158].

III уровень – включает анализ степени развитости всех функциональных частей каждого сосуда. Выделяются три состояния по степени развитости частей формы: *несформированное* (обозначается буквой А), *частично сформированное* (Б) и *полностью сформированное* (В).

В статье рассматриваются три основных вопроса: 1) систематика форм на трех указанных уровнях; 2) периодизация могильника на этой основе; 3) некоторые моменты из истории населения, оставившего Подболотьевский могильник.

Систематика форм сосудов. Анализ общей пропорциональности (ОПП). Основная масса сосудов Подболотьевского могильника относится к группам «средних/низких» – 56% (интервал ОПП от 0,3535 до 0,7069) и «средних» – 43,6% сосудов (интервал ОПП от 0,7070 до 1,413) пропорций, только один сосуд принадлежит к группе «низких». К массовым отнесены подгруппы, включающие более 5% сосудов. Это подгруппы 15а, 16б и 16а «средних/низких» пропорций и 17б, 17а и 18б «средних» пропорций (рис. 1). В общей сложности эти шесть подгрупп включают 87% сосудов. Во-первых, это говорит о высоком сходстве по общей пропорциональности форм сосудов у населения, оставившего Подболотьевский могильник. Во-вторых, двухвершинность графика указывает на две группы традиций формообразования у населения, оставившего Подболотьевский могильник.

Анализ естественной структуры форм. По особенностям естественной структуры на *качественном уровне* выделено восемь видов форм сосудов (рис. 2). Наиболее массовыми (в данном случае свыше 10%) были три вида: вид 5 – Г + Ш + П + Т + ОТ – 34 сосуда (15,3%); вид 7 – Г + Щ + П + Т + ОТ – 72 сосуда (32,2%); вид 8 – Г + Щ + ПП + Т + ОТ – 59 сосудов (26,3%). Все они относятся к сложным пятичастным структурам. Это указывает на достаточно развитые культурные традиции формообразования у муромских гончаров.

Здесь наблюдаются две основных и две дополнительных линии связей между структурами. К основным линиям относятся:

вид 2 – Г + П + Т + ОТ (7,2%);

вид 3 – Г + ПП + Т + ОТ (8,7%);

вид 7 – Г + Щ + П + Т + ОТ (32,2%);

вид 8 – Г + Щ + ПП + Т + ОТ (26,3%).

К дополнительным линиям принадлежат:

вид 2 – Г + П + Т + ОТ (7,2%);

вид 3 – Г + ПП + Т + ОТ (8,7%);

вид 5 – Г + Ш + П + Т + ОТ (15,3%);

вид 6 – Г + Ш + ПП + Т + ОТ (7,5%).

Основные линии развития форм связаны с образованием у 60% сосудов такой функциональной части, как «щека», а *дополнительные* – с возникновением «шеи» у 23% сосудов. Отсюда следует, что культурные традиции местного населения находились под влиянием каких-то более развитых традиций, которые постепенно привели у них к широкому распространению более сложных видов конструкций сосудов.

На *количественном уровне* анализа 8 видов форм разделяются на 43 варианта по особенностям степени сформированности (или развитости) функциональных частей, из которых состоят сосуды.

Среди них массовые варианты структур отмечены только для сложных пятичастных конструкций: для вида 5 (вариант ГБ + ША + ПА + ТБ + ОТБ – 10,2%), для вида 6 (вариант ГБ + ША + ППА + ТБ + ОТБ – около 5%), для вида 7 (варианты ГБ + ЩА + ПА + ТБ + ОТБ – 18,2%, ГБ + ЩА + ПА + ТВ + ОТБ – 6,3%, ГБ + ЩА + ПА + ТБ + ОТВ – 5%) и для вида 8 (варианты ГБ + ЩА + ППА + ТБ + ОТБ – 8,5%, ГБ + ЩА + ППБ + ТБ + ОТБ – 6,6%).

Несмотря на сложность самих этих конструкций, 54–64% функциональных частей характеризуются *частично сформированным* состоянием, 26–39% частей находятся в *несформированном* состоянии и только 3,5–9,5% являются *полностью сформированными*. Наряду с этим, из четырех более простых видов конструкций у трех видов *полностью сформированные* функциональные части составляют от 11 до 25%.

Все это указывает на то, что в результате распространения у муромского населения более сложных пятичастных конструкций форм происходило разрушение традиций изготовления старых муромских форм сосудов, имевших более сформированную, хотя и более простую естественную структуру.

Относительная периодизация погребений Подболотьевского могильника. По данным авторов раскопок *наиболее ранние* погребения сосредоточены в юго-восточной части могильника в зоне раскопок В.А. Городцова, а *наиболее поздние* – в северо-западной его части и связаны с захоронениями под курганами.

Для построения относительной периодизации погребений могильника была использована методика, разработанная одним из авторов [Цетлин, 2008]. Она базируется на том, что *в рамках относительно замкнутых человеческих сообществ сходные гончарные традиции более близки и по времени своего бытования*. В результате в качестве наиболее раннего было определено погребение №203, а наиболее позднего – погребение №107. Построение периодизации опирается на результаты сравнительного анализа всех 223 сосудов из 129 погребений по **видам** и **вариантам** конструкций. Это потребовало провести около 25 тыс. сопоставлений, для чего В.В. Волковым (которому мы выражаем искреннюю признательность) была разработана специальная компьютерная программа. В результате выяснилось, что все погребения могильника располагаются группами на условной оси времени. Это позволило выделить в его истории пять периодов.

I период – от 0 до 39% – наиболее длительный, включает 16 погребений;

II период – от 43 до 47% – очень короткий, как и первый, включает 16 погребений;

III период – от 52 до 69% – средний по длительности, но это время интенсивного использования могильника, к нему относятся 60 погребений;

IV период – от 72 до 77% – очень короткий, но в это время было совершено 25 погребений;

V период – от 80 до 100% – достаточно длительный, когда погребений совершалось уже мало (12 захоронений).

Построенная периодизация была подвергнута всесторонней проверке. Правильность периодизации подтверждается следующими фактами.

Во-первых, это 13 случаев перекрытия более ранних погребений более поздними. Выяснилось, что в 11 из 13 случаев (т.е. в 85%) раскопочные и аналитические данные о последовательности сооружения погребений не противоречат друг другу.

Во-вторых, это погребения с монетами – зафиксировано шесть таких случаев. Установлено, что более ранние по времени монеты встречены в погребениях, относящихся ко II, III и IV периодам истории могильника, а все более поздние сосредоточены в погребениях V периода.

В-третьих, из шести погребений, совершенных под курганами, четыре относятся к наиболее позднему (V) периоду истории могильника.

Теперь рассмотрим, как располагаются на могильнике погребения разных периодов.

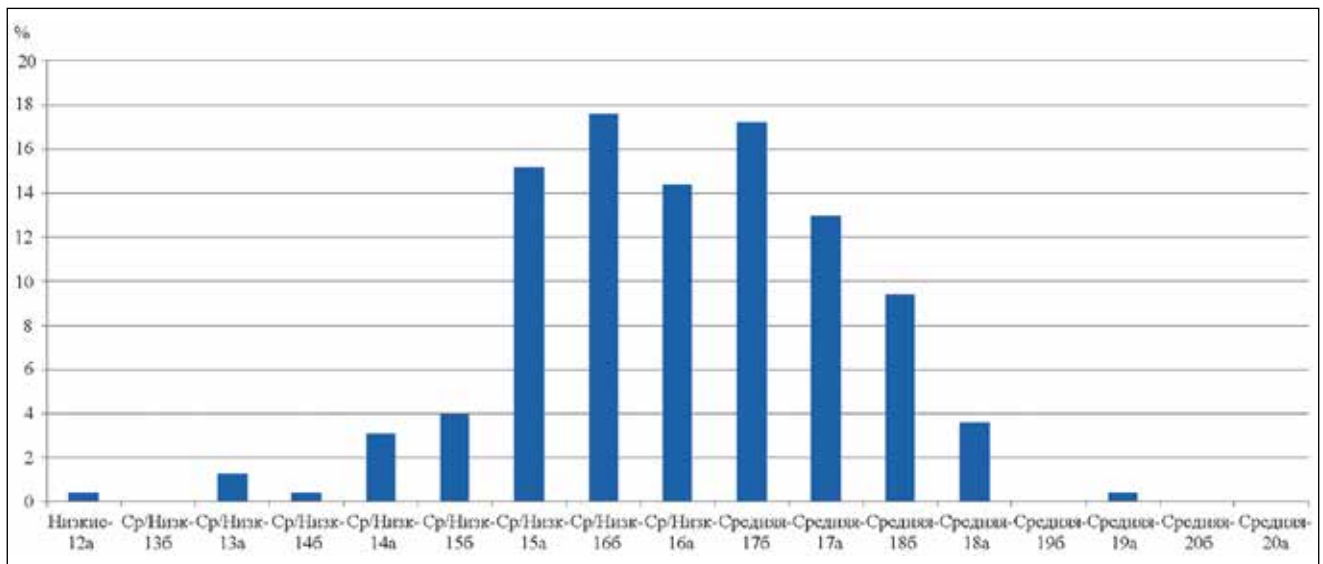

Рис. 1. Распределение всех форм сосудов Подболотьевского могильника по общей пропорциональности

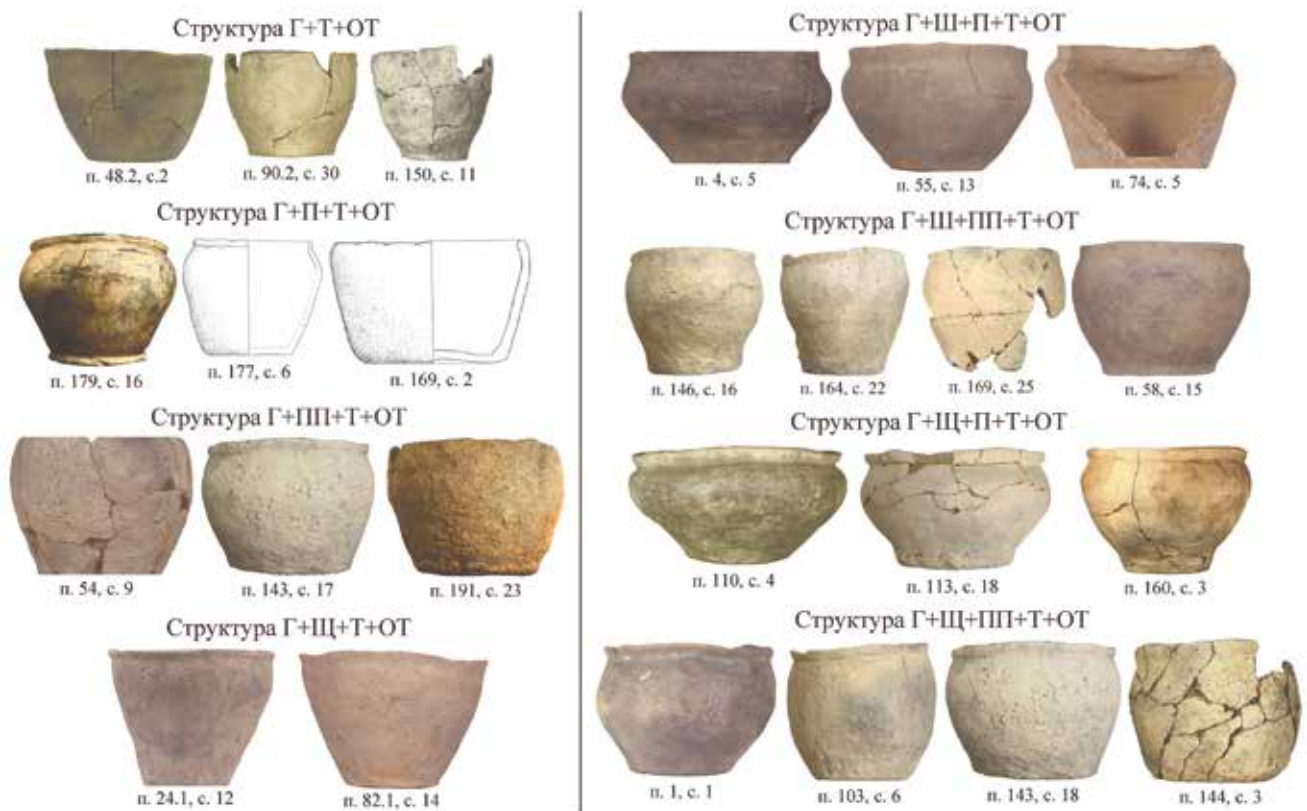

Рис. 2. Систематизация форм сосудов Подболотьевского могильника на качественном уровне анализа

88% погребений I периода расположены в наиболее ранней, по мнению авторов раскопок, части могильника. 75% погребений II периода также располагаются в ранней части могильника. Погребения III периода одинаково представлены в ранней и поздней частях могильника (соответственно 52 и 48%). Погребения IV периода также примерно одинаково представлены в обеих частях могильника (60 и 40%). 75% погребений V периода расположены в поздней части кладбища.

Из истории населения, оставившего Подболотьевский могильник. Поскольку исследуемая глиняная посуда была продукцией доремесленного производства, сравнительный анализ всех полученных данных позволил выявить некоторые важные моменты, касающиеся культурных различий как самих носителей разных гончарных традиций, так и в целом групп муромского населения, к которым эти носители принадлежали.

Во-первых, удалось установить, что в могильнике хоронили умерших две группы муромского населения с разными традициями создания форм сосудов. Первые делали в основном посуду видов 3, 6, 8, а вторые – посуду видов 2, 5, 7. Причем во времени доля носителей традиций видов 3, 6, 8 сокращалась, а носителей традиций видов 2, 5, 7, напротив, возрастала. Первые доминировали в ранние периоды (I и II) истории могильника, а вторые – в поздние его периоды (III, IV и V) (табл.).

Динамика изменения традиций формообразования во времени
(по материалам Подболотьевского могильника), %

Периоды истории могильника	Доля сосудов разных цепочек		Виды 2, 5, 7		Виды 3, 6, 8	
	виды 2, 5, 7	виды 3, 6, 8	Пропорциональность		Пропорциональность	
			сред.-низк.	средн.	сред.-низк.	средн.
V	86,0	14,0	26,0	74,0	–	100,0
IV	76,0	24,0	71,0	29,0	22,0	78,0
III	59,0	41,0	60,0	40,0	39,0	59,0
II	23,0	77,0	100,0	–	65,0	35,0
I	24,0	76,0	100,0	–	81,0	19,0

Во-вторых, выяснилось, что в течение I и II периодов у обеих групп местного муромского населения абсолютно преобладали формы «средних-низких» пропорций. Позднее доля таких сосудов неуклонно снижалась за счет контактов с носителями культурных традиций изготовления сосудов «средних» пропорций. Причем размывание старых традиций более быстро шло у гончаров, делавших посуду видов 3, 6, 8, и заметно более медленно – у тех, которые делали посуду видов 2, 5, 7 (см. табл.).

В-третьих, проведенный анализ расположения на могильнике погребений разных периодов позволил выявить основной «механизм» формирования кладбища, который состоял в *подзахоронении «родственников» умерших позднее к тем, которые были погребены ранее*. Это наглядно подтверждается 35 случаями близко расположенных пар ранних и поздних погребений.

Таким образом, специальный историко-культурный анализ посуды Подболотьевского могильника позволил не только провести систематику форм сосудов и выявить разные гончарные традиции муромского населения, но и реконструировать некоторые важные моменты его истории за весь период существования могильника.

Библиографический список

- Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 137–157.
- Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 5–21.
- Зеленцова О.В. Новые исследования Подболотьевского могильника // КСИА. Вып. 236. М., 2014. С. 219–229.
- Зеленцова О.В., Милованов С.И. Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. М.; Вологда, 2015. С. 122–134.
- Цетлин Ю.Б. Неолит Центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008. 352 с.
- Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012. 384 с.
- Цетлин Ю.Б. Формы сосудов как объект анализа и источник исторической информации // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 374–378.

© 2017, А.В. Чернецов

Институт археологии РАН, Москва

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕРУССКИХ ЗНАКОВ СОБСТВЕННОСТИ

Первые десятилетия XXI в. отмечены оживлением интереса к изучению традиционных знаков собственности. Им посвящаются крупные сборники статей и отдельные монографии [Бадарчийн Нямаа, 2005; Traditional Marking Systems, 2010]. Распространение таких знаков у разных народов неравномер-

ное. Древнерусские знаки собственности представлены большим массивом материалов. Их изучение имеет давнюю традицию. В современных исследованиях, как правило, рассматриваются отдельные группы знаков. Существующие обобщающие обзорные работы на сегодняшний день сильно устарели.

Первым историком, уделившим внимание русским знакам собственности, был В.Н. Татищев (1686–1750). В его «Истории Российской» (первая публикация 1768 г.) приводится перечень наследственных («фамильных») знаков, которые он также называет «ясаками» и «тамгами» и дает их собственные названия [Татищев, 1962, с. 369, 370; Хоруженко, 2014, с. 183]. Эта информация страдает неполнотой и вызывает вопросы, касающиеся ее достоверности и возможного происхождения этих знаков. Тому же историку принадлежит введение в науку важнейшего памятника древнерусского законодательства – «Русской Правды», где зафиксировано использование знаков собственности.

Первая специальная публикация о древнерусских знаках принадлежит П.И. Иванову [1861]. Автор хорошо знаком с рукописными и архивными собраниями. В его работе опубликованы изображения более 60 знаков как русского, так и иноплеменного населения России. Представленный автором материал неоднороден, он включает пиктограммы, использовавшиеся аборигенным населением окраин, а также условные фигуры, в основном «бортные знамена». Последние не являются личными владельческими знаками (см. ниже).

В 1874 г. П.С. Ефименко публикует сравнительно-исторический анализ знаков собственности народов России. Это солидное академическое исследование [Ефименко, 1874], по количеству опубликованных знаков оно значительно превосходит работу П.И. Иванова.

В 1885 г. выходит книга Е.Т. Соловьева. Это чисто публикационная, описательная работа. В таблицах представлена исключительно крупная (более 6 000) подборка знаков народов России [Соловьев, 1885].

После указанных трех публикаций XIX в. попытки общего обзора российских материалов более не предпринимались. При этом в рассмотренных изданиях отсутствуют весьма важные материалы – серия лично-родовых княжеских знаков Рюриковичей.

Княжеские знаки впервые попадают в поле зрения ученых в связи с тем, что они представлены на монетах древнейших русских князей (Владимира, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого). Эти монеты были впервые определены как русские Ф. Кругом [Krug, 1805, s. 51]. Изображенная на них «загадочная фигура» долгое время не могла получить убедительной интерпретации. Предположение о том, что она является юридическим лично-родовым знаком, впервые выдвинуто в конце XIX в. А.А. Куником [1882]. С тех пор фонд подобных знаков, известных исследователям, удалось пополнить многочисленными и разнообразными материалами.

Важнейшую роль в изучении и систематизации русских княжеских знаков сыграли разработки Н.П. Лихачева [1930] и Б.А. Рыбакова [1940]. Наиболее полная сводка знаков Рюриковичей, включающая их сравнительный анализ и обзор широкого круга аналогий, а также подробнейшую историографию, была опубликована Н.П. Лихачевым (1862–1936). Книга вышла в свет после ареста Н.П. Лихачева, оказавшегося жертвой необоснованных репрессий эпохи, и большая часть ее тиража, за исключением нескольких десятков экземпляров, пропала. Дальнейшая судьба работы Н.П. Лихачева складывалась неоднозначно. Б.А. Рыбаков, по-видимому, не знал о существовании соответствующего крупного раздела в исследовании Н.П. Лихачева. Таким образом, в силу воздействия, исходившего из вненаучных сфер (табуирование имен и публикаций репрессированных авторов), искажалась преемственность историографической традиции, затемнялся вопрос о приоритете. Это обстоятельство имело весьма существенные негативные последствия. Б.А. Рыбаков принял ошибочные построения А.В. Орешникова относительно принадлежности и датировки ряда типов княжеских знаков и монет рубежа X–XI вв.

Среди исследователей знаков Рюриковичей необходимо отметить также В.Л. Янина [1956], С.В. Белецкого [2000], А.А. Молчанова [1985] и С.М. Михеева [2007]. Этих ученых в первую очередь занимали задачи увязать отдельные знаки с конкретными лицами, выстроить знаки в генеалогические стеммы. Княжеские знаки постоянно привлекают пристальное внимание исследователей. Материалы все время пополняются новыми данными, в том числе и наиболее ранними знаками Рюриковичей [Buko et al., 2013, p. 431, 432, fig. 8a; Белецкий, 2017], заставляющими уточнять и пересматривать существующие схемы.

Изучение княжеских знаков осложняется тем обстоятельством, что часть из них (в частности, ряд наиболее ранних) отмечены развитыми орнаментализированными начертаниями; знаки, связанные с одним правителем, порой обнаруживают значительную вариативность. Это касается знаков, представленных на монетах древнейших киевских князей, и тех, которые изображались на трапецевид-

ных подвесках, по-видимому, связанных с практикой сбора дани. Эти разновидности знаков не могли использоваться для клеймения скота; для этого должны были применяться упрощенные формы знаков. Знаки на древнейших серебряниках и златниках Владимира имеют более простые очертания, чем знаки на позднейших монетах этого князя [Сотникова, Спаский, 1983, с. 115, 116 и 130]. Несомненно, связанные с Владимиром Святославичем знаки на плинфе Десятинной церкви в Киеве [Лихачев, 1930, с. 171, рис. 157] имеют существенное отличие от знаков того же князя на монетах. На последних центральный зубец трезубца превосходит по высоте боковые, на плинфе – наоборот. Дополнительные декоративные элементы могут означать принадлежность знака еще одному представителю династии, но могут быть лишь орнаментальной модификацией уже известного знака. Отметим бытование тождественного княжеского знака на стенах монументальных зданий Владимирской и Смоленской земель [Chernetsov, 2010, p. 276, fig. 15, 16], а также на перстне-печати, найденном в Галицкой земле [Chernetsov, 2010, p. 273, fig. 7].

Часть вводимых в науку материалов по княжеским знакам представляют собой случайные находки или связаны с незаконными раскопками. Сведения о месте и обстоятельствах их находки могут представлять собой дезинформацию, а сами вещи – оказаться антикварными подделками. После монгольского завоевания традиция использования княжеских знаков в Северо-Восточной Руси не прослеживается. Вероятно, это было требование ордынских ханов. Орнаментальные фигуры, близкие по начертанию знакам Рюриковичей (конкретно, знаку Владимира Святославича), нередки в древнерусской рукописной орнаментике тератологического стиля XIV в. [Chernetsov, 2010, p. 277, fig. 18]. Так называемые «рязанские тамги», обычные на рязанских монетах (и надчеканках на ордынских монетах) XIV–XV вв., не обнаруживают типологической связи со знаками Рюриковичей. Хотя эти знаки отличаются между собой в деталях, они, по-видимому, не имели индивидуальной приуроченности к отдельным правителям. Они обнаруживают значительное сходство с тамгами Чингизидов, но в основном не с тамгами ханов улуса Джучи (см.: [Лихачев, 1930, с. 161, рис. 146]), а со знаками Чагатаидов [Бадарчийн Нямаа, 2005, с. 55].

Другие разновидности древнерусских знаков, представленные на широком круге археологических объектов, привлекали меньшее внимание исследователей. Между тем в средневековом обществе право собственности предполагает широкое использование юридических знаков в среде крупных и мелких феодалов, купцов и ремесленников и даже рядового сельского населения. Бытование подобных знаков неоднократно упоминается в письменных источниках.

Обилие тамгообразных знаков на позднейших гербах русского дворянства может направить исследователей по ложному следу, поскольку в восточнославянских землях Речи Посполитой была распространена практика присвоения местной шляхте польских гербов (в польской геральдике один герб может использоваться значительной группой дворянских родов). На польских гербах можно часто видеть тамгообразные знаки, нехарактерные для западноевропейской геральдики (рис.-1–5). Генезис отдельных мотивов польских гербов прослеживается далеко не всегда. Часть из них могла иметь древнерусское происхождение. На гербе Огинских (происходящих от Рюриковичей) можно видеть знак, обнаруживающий сходство с начертаниями знаков древнерусских князей (перевернутый двузубец) [Лабынцев, 1985, с. 269] (рис.-1). Знак известен под названием «Врата» («врата», «портал»). Огинские могли включать в состав своего герба в качестве щитодержателей святых «сродников» – Бориса и Глеба. Возможность длительного сохранения в Польско-Литовском государстве, в отличие от Северо-Восточной Руси, традиционных княжеских знаков представляется вполне вероятной. Отметим принципиальное сходство двузубцев и трезубцев, использовавшихся литовскими князьями, со знаками Рюриковичей. Имеется в виду знак на печати, принадлежавшей, очевидно, Миндовгу [Лихачев, 1930, с. 247, рис. 228], и позднейшая эмблема Гедиминовичей – «Колюмны». На гербе князя К.К. Острожского, потомка Рюриковичей, можно видеть (в нижней части) тамгообразные знаки (рис.-2). В сопутствующих виршах, в которых прославляются герб и его носитель, собственные названия польских геральдических эмблем отсутствуют, они характеризуются описательно, отмечены легко опознаваемые элементы (крест, звезда, полумесяц).

На гербе князей Глинских представлен сложный тамгообразный знак (рис.-4). Он, скорее всего, имеет восточное, татарское происхождение. Согласно родовой генеалогической легенде эти князья были потомками знаменитого Мамая. На воскомастичной печати, приложенной к грамоте брата великой княгини Московской, боярина и конюшего М.В. Глинского (1547 г.), знак изображен без гербового щита и других атрибутов западноевропейской геральдики [Лихачев, 1930, с. 245, рис. 221]. Московский первопечатник недворянского происхождения Иван Федоров после переезда в Польско-Литовское государство присва-

ивает себе геральдическую эмблему чисто польского облика [Лукомский, 1935], причем она помещается на стилизованном гербовом щите. В.Н. Татищев упоминает бытование знаков ряда знатных родов и их собственные названия (Порывай, Гамаюн, Минчак, Базулук и др.). Начертания этих знаков не приводятся. Возможно, это трансформация воспоминаний об использовании польских гербов.

Еще одна группа знаков, встречающихся в древнерусских рукописях, была связана с таким важным звеном бюрократического аппарата феодального государства, как дьяки [Алексеев, 1998, с. 360–375]. Среди этих знаков встречается использование знаков уйгурской письменности [Грязнов, 2014; Морозов, 2016]. Тамгообразные знаки обнаруживают близость широко распространенным монограммам, также игравшим роль владельческих знаков или заменявших подписи. Монограммы имели значительное распространение на Руси, хотя и меньшее, чем в Западной Европе и Византии. Нередко монограммы и тамгообразные знаки трудноразличимы.

Очень богат и разнообразен материал по древнерусским владельческим знакам, связанным с лесными угодьями (так называемые «бортные знамена»). Они упоминаются в письменных источниках домонгольского времени, их начертания и наименования воспроизводились в позднесредневековых рукописях. Наименования могут включать объекты окружающего мира – «топорки», «луки», «стрелы», названия животных, и условную терминологию, связанную с очертаниями знаков, – «рубезж» (линия, черта), «тен» (точка, зарубка). Это позволяет анализировать не только начертания знаков, но и этимологию и семантику их названий. Рассматриваемым знакам посвящен ряд специальных публикаций [Коткова, 1963, Анпилогов, 1964], причем существующие рукописные материалы использованы далеко не полностью. Будучи несомненно юридическими, владельческими знаками, «бортные знамена» не были привязаны непосредственно к конкретным знатым или иным родам. Разные участки, принадлежавшие одному владельцу, помечались различными знаками; знак мог переходить к новому владельцу вместе с участком. Различные знаки, встречающиеся в археологическом материале, например на деревянных изделиях, нередко трактуются как «бортные знамена». Между тем для того, чтобы отнести их к знакам, которыми помечались лесные угодья, нужны убедительные аргументы.

Среди наиболее ранних русских знаков необходимо отметить граффити на иноземных монетах (в первую очередь на восточных дирхамах) [Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991]. Далеко не все они могут рассматриваться как владельческие. Наличие среди этих граффити несомненных знаков Рюриковичей доказывает, что часть знаков имела подобный характер.

Назначение гончарных клейм на днищах керамических сосудов является спорным. Едва ли были серьезные основания подтверждать владельческие права на столь недорогой объект или обеспечивать ответственность изготовителя за некачественную продукцию. Подобные клейма встречаются нередко, но все же далеко не на всех сосудах. Широко распространена и достаточно серьезно аргументирована версия об их магическом, охранительном характере [Вуко, 1999]. Все же наличие среди гончарных клейм несомненных знаков Рюриковичей (см.: [Розенфельдт, 1997, с. 27, 264, табл. 18.-54–64]) является аргументом в пользу их связей с владельческими знаками. Владельческое, юридическое и государственное значение знаков Рюриковичей неоспоримо. Что же могло означать появление таких знаков на обыкновенных горшках? Помещение знака на сосуд могло отражать владельческие права по отношению не к сосуду, а к его содержимому (например, к меду или изготовленному на его основе хмельному напитку). Сравнительно недавно был опубликован обычный горшок из Ростиславля Рязанского с надписью, призванной уберечь его содержимое от злоумышленника [Коваль, Медынцева, Еремеев, 2013]. Кроме того, знак мог означать, что изготовлявший его гончар входил в состав княжеской челяди. Согласно Русской Правде, ремесленники относились к числу неполноправного, зависимого населения [Правда Русская, 1940, с. 105, 124, 150]. Поскольку появление клейм связано с изготовителем или покупателем, их принадлежность (близость) к юридическим знакам представляется несомненной. То же касается знаков мастеров, маркировавших позднейшие металлические изделия и даже обувь.

Использование русскими крестьянами традиционных знаков собственности sporadически фиксировалось в первые послереволюционные годы (знаки, которыми помечались полевые и луговые угодья) [Смирнов, 1927; Монгайт, 1961, с. 289, рис. 177] (рис.-7, 8). Многие знаки имеют архаичные простейшие очертания. Представлены и знаки-пиктограммы типа «птичья лапа», «сапоги», «костыль». Использовались также знаки в виде букв русского алфавита. Отдельные знаки представляют собой позднейшие инновации («пулемет», «аэроплан», см. рис.-7, №7 и 80). Интересен зафиксированный в это время архаичный феномен использования знаков собственности на деревянных «жеребейках», применявшихся для метания жребия при переделах угодий [Золотарев, 1926, с. 153] (рис.-9).

1

2

3

4

Ю́лиитъ • дѣо́дровичъ •

печѣтницѣвъ • змоскѣи •

5

6

дер. Захрятино	дер. Оселье	дер. Козлово	дер. Шульгино
1	○ 20	† 47	П 76
2	† 21	† 48	С 77
3	∧ 22	† 49	Г 78
4	р 23	+ 50	Ш 79
5	ч 24	† 51	К 80
6	25	† 52	+ 81
7	у 26	† 53	○ 82
8	Г 27	† 54	83
9	☪ 28	† 55	† 84
10	И 29	† 56	† 85
11	Г 30	† 57	дер. Токарево
12	† 31	† 58	† 86
13	† 32	† 59	† 87
дер. Вараксино	† 33	† 60	† 88
14	† 34	† 61	† 89
15	† 35	† 62	† 90
16	† 36	† 63	† 91
17	† 37	† 64	† 92
18	дер. Солодово	† 65	дер. Курово
19	† 38	† 66	† 93
	† 39	† 67	† 94
	40	† 68	95
	у 41	дер. Чернево	96
	Г 42	† 69 ○ 74	97
	+ 43	† 70 † 75	† 98
	† 44	† 71	
	△ 45	† 72	
	† 46	† 73	

7

8

9

Позднейшие аналогии древнерусским знакам собственности: 1–6 – геральдические изображения польской традиции; 7–9 – русские крестьянские знаки начала XX в.: 1 – герб князей Огинских (в роли щитодержателей представлены св. Борис и Глеб, из издания 1689 г.); 2 – герб князя К.К. Острожского (из первопечатной Библии 1581 г.); 3 – герб Грибоедовых; 4 – герб князей Глинских (по Н.П. Лихачеву); 5 – книжный знак Ивана Федорова из Острожской Псалтыри 1580 г.; 6 – несохранившееся надгробие Ивана Федорова, 1583 г. (рисунок XIX в.); 7 – полевые меты Рузского уезда (по П.М. Смирнову); 8 – луговые меты Касимовского уезда (по А.А. Мансурову); 9 – жеребейки для метания жребия, Ярославская губ. (по Д. Золотареву)

Помимо знаков собственности, в средневековой Руси бытовали значки иного назначения – чисто декоративные «знакообразные» элементы. Это обстоятельство необходимо учитывать для того, чтобы не принимать одно за другое. Известно, что коми-зыряне использовали буквы алфавита, изобретенного для них Стефаном Пермским, в качестве знаков собственности. В рукописи «Псковского Кроника 1689 г.» приводятся начертания знаков и печатей, с помощью которых якобы утверждалась власть Рюрика и Ольги, причем им придается вид астрологических значков [Турилов, Чернецов, 2016, с. 62, рис. 6]. Подобное использование знаков, связанных с магией и оккультизмом, на первый взгляд может показаться странным. Между тем оно вполне объяснимо. Магическим рисункам, включающим колдовские знаки или надписи («печати духов», «Соломонова печать», «печать Антихриста»), нередко присваивается название «печати». Такие печати известны в русской рукописной традиции [Соболевский, 1903, с. 226; Ryan, 1986]. Магические печати западного образца можно видеть в рукописи второй половины XVII в., содержащей подборку колдовских заговоров и других суеверных текстов [Русские заговоры..., 2010, с. 348, рис. 3]. Среди знаков, представляющих интерес для сравнительного изучения, можно упомянуть знаки астральные [Чернецов, 1986], календарно-астрономические, счетные, криптографические [Сперанский, 1929], певческие и иные. В древнерусских рукописях можно встретить также многочисленные своеобразные «корректорные» знаки, которыми помечались вставки и перестановки текста.

Библиографический список

- Алексеев Ю.Г. У кормила власти. СПб., 1998. 348 с.
- Анпилогов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник // СА. 1964. №4. С. 151–169.
- Бадарчийн Нямаа. Монголын эзэнт гүрний зоосон мөнгө ба хаадын овгийн тамга (XIII–XIV зуун). Улаанбаатар, 2005. 254 с. (Nyamaa V. The Coins of Mongol Empire and Clan Tamgas of Khans (13–14 cent.) Ulanbaatar, 2005).
- Белецкий С.В. Геральдическая подвеска №136 и трезубец Владимира Святославича // Культурный шар. Статті на пошану Гліба Юрьовича Івакіна. Київ, ММХVII (2017). С. 38–50.
- Белецкий С.В. Знаки Рюриковичей. Ч. 1: X–XI вв. : учеб. пособие // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб., 2000. Вып. 2. 120 с.
- Грязнов А.Л. Дьяческие монограммы на духовных и договорных грамотах московских князей XV в. // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: Призвание, творчество, общественное служение историка : материалы XXVI Междунар. науч. конф. М., 2014. С. 152–155.
- Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. 192 с.
- Ефименко П.С. Юридические знаки (опыт исследования по сравнительному обычному праву) // Журнал министерства народного просвещения. 1874. №10. С. 53–83; №11. С. 145–170; №12. С. 271–293.
- Золотарев Д. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925) // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. III, вып. 1. С. 143–158.
- Иванов П.И. О знаках, заменявших подписи в древней Руси // Известия Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2, вып. 2. С. 102–111.
- Коваль В.Ю., Медынцева А.А., Еремеев А.А. Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // РА. 2013. №3. С. 134–145.
- Коткова Н.С. Названия русских бортных знамен – историко-лингвистический источник // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 120–132.
- Куник А.А. Письмо И.И. Толстому по поводу главы III его книги 1882 г. // Толстой И.И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб., 1882. С. 182–186.
- Лабынцев Ю.А. Об одной белорусско-польской драматической и графической интерпретации XVII в. сюжета о Борисе и Глебе // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства: Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Л., 1985. Т. XXXVIII. С. 267–280.
- Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л., 1930. Вып. 2. 280 с.
- Лукомский В.К. К вопросу о родопроисхождении Ивана Федорова // Иван Федоров первопечатник / ред. А.С. Орлов. М. ; Л., 1935. С. 167–175.
- Михеев С.М. Двусторонние подвески со знаками Рюриковичей // Единство гуманитарного знания: Новый синтез : материалы XIX Междунар. конф. (Москва, 25–27 января 2007 г.). М., 2007. С. 227–230.
- Молчанов А.А. Об атрибуции лично-родовых знаков князей-Рюриковичей X–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. XVI. С. 66–83.

- Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. 400 с.
- Морозов Д.А. Древнерусская надпись уйгурским письмом // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. №1. С. 100–103.
- Правда Русская. М. : Л., 1940. Т. I. 506 с.
- Розенфельдт Р.Л. Керамика // Древняя Русь. Быт и культура. Сер.: Археология. М., 1997. С. 22–28.
- Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост. А.Л. Топорков. М., 2010. 832 с.
- Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // СА. 1940. Т. VI. С. 227–257.
- Смирнов П.М. Полевые меты Рузского района // Московский краевед. 1927. Вып. 1. С. 41–44.
- Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. 460 с.
- Соловьев Е.Т. О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего быта. Казань, 1885. 252 с.
- Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983. 240 с.
- Сперанский М.Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929. Вып. 3, 4. 165 с. (Сер.: Энциклопедия славянской филологии).
- Татищев В.Н. История Российская : в 7 т. Т. I. М., 1962. 500 с.
- Турилов А.А., Чернецов А.В. Деяния княгини Ольги в «Псковском Кронике» 1689 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. №3 (65). С. 57–75.
- Хоруженко О.И. Татищевское известие о дворянских именных знаках в историко-географическом аспекте // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории / под ред. Б.А. Успенского и Ф.Б. Успенского. М. ; СПб., 2014. Вып. III. С. 183–191.
- Чернецов А.В. Древнерусские знаки небесных светил // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 3–8.
- Янин В.Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 3–16.
- Buko A. Znaki na dnach naczyń z ósrodków wczesnomiejskich: zagadnienie funkcji // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5. История и культура древних и средневековых славян. М., 1999. С. 170–176.
- Buko A., Kara M., Douglas Price T., Duczko W., Frei K.M., Sobkowiak-Tabaka I. A Unique Medieval Cemetery from the 10th/11th Century with Chamber-like Graves from Bodzia (Central Poland). Preliminary Result of the Multydisciplinary Research // Archäologisches Korrespondenzblatt. Mainz, 2013, Jahrgang 43, Heft 3. S. 423–442.
- Chernetsov A.V. Russian Traditional Property Signs // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (Ed. By J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London. Dover, 2010. P. 267–287.
- Krug Ph. Zur Münzkunde Russlands. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. SPb., 1805. 200 S.
- Ryan W.F. Solomon, SATOR, acrostics and Leo the Wise in Russia // Oxford Slavonic Papers, 1986, n.s. XIX. P. 46–61.
- Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Ed. by J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin. London. Dover, 2010. 522 p.

© 2017, С.В. Шполянский

Государственный исторический музей, Москва

СУЗДАЛЬСКОЕ ОПОЛЬЕ ДО И ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XII – 1-Й ПОЛОВИНЕ XV В.

Одной из главных проблем в изучении Суздальского Опожья – важнейшего земледельческого района, исторического и экономического центра Владимиро-Суздальской земли – является вопрос о последствиях монгольского нашествия, понимаемых и как результат прямого военного вторжения, и как долговременный фактор влияния золотоордынского господства на экономическую и демографическую ситуацию в регионе.

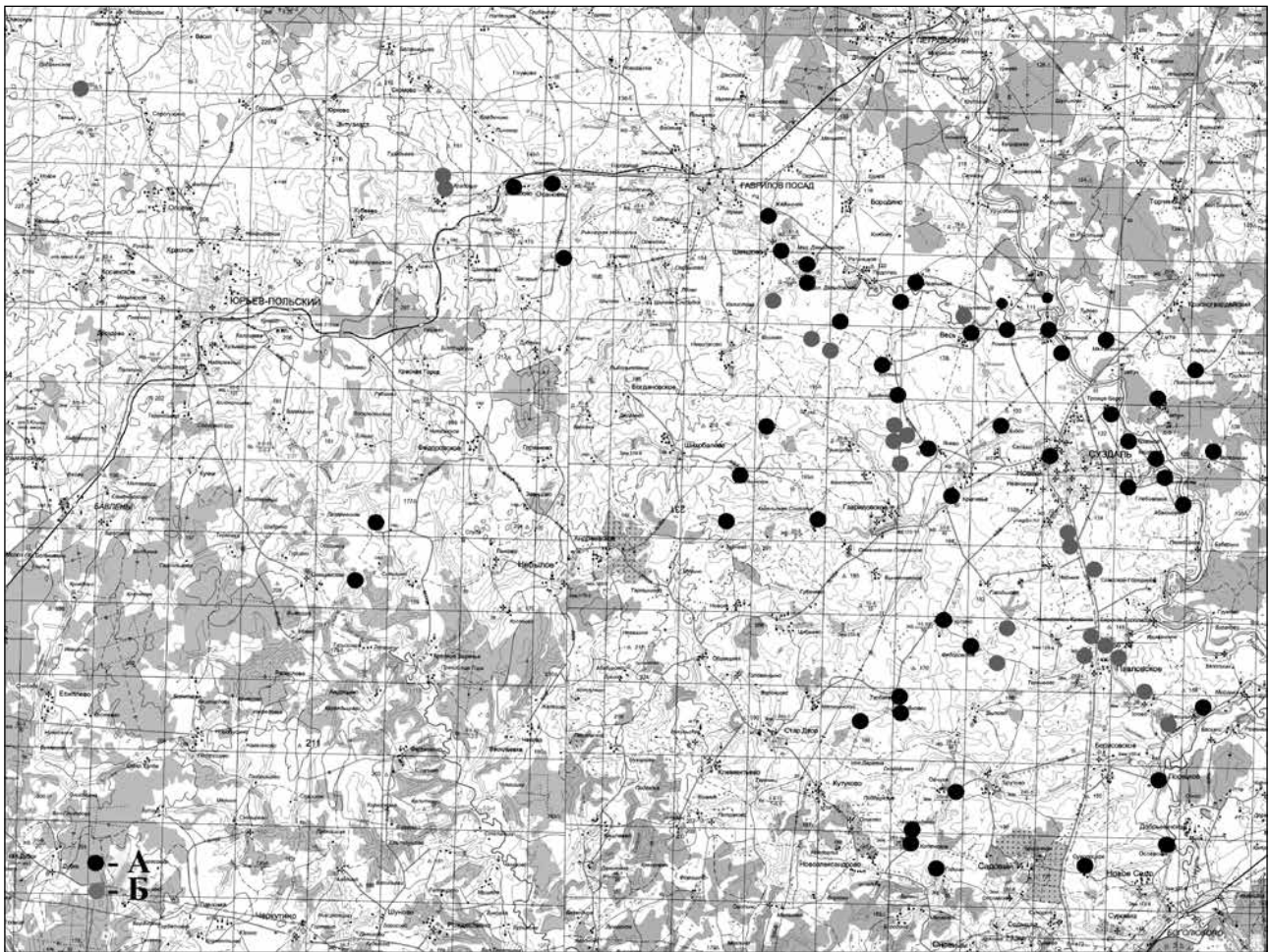

Рис. 1. Средневековые селища Суздальского Ополья:

- А – селища, найденные на территории существующих или недавно запустевших сел;
- Б – селища 2-й половины XII – XV в., зафиксированные за пределами сельской застройки XVI–XX вв.

Открытые в последние десятилетия массовые захоронения [Гончарова, 2015, с. 69–75] и кладовые комплексы во Владимире [Жарнов, 2003, с. 28–59; Очеретин, Родина, 2011, с. 85–95; Зеленцова, Кузина, Милованов, 2011, с. 111–121] представляются очевидными и наиболее зримыми свидетельствами военной катастрофы конца 30-х гг. XIII столетия. Последовавшие за этим изменения в характере городской застройки, уменьшение ее площади [Милованов, 2016, с. 136–149] – это не менее выразительные свидетельства упадка, в котором находились крупнейшие городские центры Северо-Восточной Руси длительное время после монгольского нашествия.

В ходе разведочных работ на территории Ополья Суздальской археологической экспедиции под руководством Н.А. Макарова впервые были получены представительные материалы, позволяющие говорить об изменениях, происходивших в регионе со 2-й половины XII – начала XIII в. до 2-й половины XIV – начала – 1-й половины XV в., т.е. от времени расцвета столичного региона Владимиро-Суздальской земли до потери политической самостоятельности и вхождения в состав Московского княжества.

Полученные результаты позволили представить довольно широкую картину формирования и развития структур сельского расселения и, опираясь на обширные коллекции вещей (более 14 000 предметов) и керамики, полученные в процессе многолетних исследований (2001–2016 гг.), в первом приближении рассмотреть характер происходивших изменений [Макаров, Федорина, Шполянский, 2013]. К настоящему моменту из примерно 5,5 тыс. км² территории Ополья разведочные работы проведены на площади не менее 370 км², обследовано более 350 поселений, для 302 достоверно определены их площади.

Одним из наиболее значимых результатов исследований стало документирование чрезвычайно плотного освоения земель Ополья, выраженное в формировании развитой многоуровневой структуры расселения. Наибольшее разнообразие в размещении поселений (от берегов подавляющего большин-

ства регулярных водотоков до водораздельных склонов в верховьях разветвленных овражных систем) фиксируется во 2-й половине XII – XIII в., когда, по-видимому, плотность их расположения достигает своего естественного предела, а расстояния между синхронными селищами определяются необходимыми размерами ресурсных зон вокруг них.

Картина, прослеженная для 2-й половины XIII – 1-й половины XV в., фиксирует уменьшение количества памятников. При этом довольно уверенно выделяется группа селищ, на которых материалы 2-й половины XIII – начала XIV в. представлены незначительным количеством керамики и единичными находками вещей, что позволяет предполагать прямую связь их исчезновения с походами монголов или их прямыми последствиями. Эта ситуация наиболее заметна на юге Ополя, поблизости от Владимира, где количество прекращающих свое существование поселений составляет не менее трети, а с учетом селищ с минимальным количеством материалов 2-й половины XIII в., возможно, и до половины от существовавших [Макаров, Федорина, Шполянский, 2013, с. 71].

Тем не менее есть и свидетельства, позволяющие говорить о продолжении нормального функционирования обширной сети сельского расселения в течение всего золотоордынского периода.

Во-первых, большая часть наиболее крупных поселений (размерами от 3 до 19 га), составляющих основу системы расселения, располагаются на территории существующих в настоящее время или сравнительно недавно запустевших сел. Таких памятников обследовано 52 (см. рис. 1), 34 из них, появляясь не позднее конца XII столетия, существовали на протяжении всего средневековья. При этом из 30 сел, известных по актовому материалу XIV–XV вв. в Суздальском Ополе [Кучкин, 1984, с. 224], археологически было обследовано 19, и везде были зафиксированы материалы конца XII – XV в.

Достаточно многочисленны и случаи, когда наиболее крупные древнерусские памятники располагаются за пределами исторических сел, а материал, собранный при их обследовании, относится преимущественно к XIV–XVI вв. [Макаров, Федорина, Шполянский, 2013, с. 71]. Но здесь, по-видимому, можно предположить не полное исчезновение поселения, а перенесение его на новое место, часто в непосредственной близости от ранее существовавшего памятника.

Но особенно важным представляется фиксация поселений или групп памятников, располагавшихся за пределами территории исторических сел, в топографических условиях, характерных для сложившейся в XII столетии разветвленной системы расселения – на мелких речках и в верховьях овражных систем с сезонными водотоками (Янево-3–5, Гнездилово-11, Федоровское-1, Константиново-1–2, Гостево-3). Наличие серии таких памятников позволяет говорить о продолжении функционирования развитой сети расселения, более разветвленной, чем известная в основном по монастырским актам 2-й половины XV – XVI в.

Особенно интересны исключения – селища на водоразделах, определяемые актовым материалом XV в. как владельческие села (Гостево-1 (Ясень), Мининское (Михали-3–4), возможно, Турабьево). Функционирование локальных поселенческих центров на водоразделах как одна из наиболее выразительных особенностей Ополя отмечалось и ранее [Шполянский, 2008, с. 157–170]. Сейчас все более очевидной становится часто ведущая роль, которую играли селища, располагавшиеся в верховьях оврагов и на склонах водораздельных плато в средневековой системе расселения. Их история – это постепенное поглощение светского землевладения монастырским, бурно развивавшимся в регионе, иллюстрирует, вероятно, один из ведущих факторов, повлиявших в конце XIV – XVI в. на формирование поселенческой структуры с тотальным доминированием крупных сел, которая фиксируется письменными источниками.

К настоящему моменту можно говорить о как минимум 19 памятниках (см. рис. 1) или небольших, компактно расположенных группах поселений (до трех селищ), появляющихся в XI–XII в. и продолжающих существовать в течение XIII – 1-й половины XV в. Особенно значимым для характеристики сложившейся ситуации представляется продолжение функционирования сети крупных поселений по р. Уловке (левый приток Нерли Клязьминской), пограничной между владимирскими и суздальскими землями. Здесь, на участке левого берега реки протяженностью менее 7 км, расположились три группы памятников (Павловское-1–3, Улово-1–2, Васильково-6) размерами от 3,5 до 11 га. Селища находились в непосредственной близости от дороги, связывавшей Суздаль и Владимир, на пути следования всех воинских контингентов, участвовавших в бурных событиях XIII–XIV столетий.

Полученные на селищах в процессе проведения разведочных работ материалы достаточно представительны, чтобы обосновать хронологию памятников и дать характеристику материальной культу-

Рис. 2. Находки, характеризующие материальную культуру сельского населения Суздальского Ополя XII–XV вв.:

1, 3, 6, 16 – Михали-3; 2, 11 – Михали-4; 4, 7 – Павловское-2; 5 – Федоровское-1;
8–10, 13, 14 – Янево-4; 12 – Гнездилово-11; 15 – Улово-1; 1 – цветной металл, чернение,
золочение; 2–4, 6, 7, 15, 16 – цветной металл; 5 – кашин; 8–10, 11–14 – черный металл

ры населения (см. рис. 2). Наиболее ранние селища возникают не позднее 2-й половины XI столетия (Павловское-2, Улово-1), но для большей части памятников располагающихся за пределами территорий исторических сел, документировано их появление не ранее середины XII в.

Характер материальной культуры сельских поселений Ополя XII – 1-й половины XIII в. имеет ряд черт, позволяющих говорить о развитой социальной структуре и наличии представителей элит среди населения сел региона. Это в первую очередь находки так называемых статусных вещей (вооружения, выразительных предметов христианского культа, писал, амфорной тары), свидетельствующие о длительном или постоянном пребывании на селищах представителей сословий с высокими стандартами потребления.

Для материалов 2-й половины XIII – XV в. значительных серий таких вещей до последнего времени не выделялось. Тем не менее находки предметов вооружения этого времени, импортной керамики (кашина), выделение небольшой пока группы предметов христианской пластики позволяют говорить об известной преемственности с точки зрения присутствия в числе жителей сел представителей привилегированных сословий.

Важным дополнением к представлениям об облике сельских поселений Ополя конца XIII – XIV в. являются находки деталей торгового инвентаря, монетного серебра, демонстрирующие включенность населения селищ в торговую деятельность, и ременной железной гарнитуры, которую уже, по-видимому, стоит рассматривать как элемент материальной культуры русского населения этого времени.

Библиографический список

Гончарова Н.Н. Анализ антропологического материала из захоронения на ул. Златовратского в г. Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли / отв. ред. Н.А. Макаров. Вып. 5. М., 2015. С. 69–75.

Жарнов Ю.Э. Археологические раскопки во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке. Древности темного времени / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М., 2003. С. 28–59.

Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И. Древнерусские усадьбы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли / отв. ред. Н.А. Макаров. Вып. 3. М., 2011. С. 111–121.

Очеретин И.А., Родина М.Е. Клад украшений из раскопок 2008 г. во Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли / отв. ред. Н.А. Макаров. Вып. 3. М., 2011. С. 85–95.

Макаров Н.А., Федорина А.Н., Шполянский С.В. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. 2013. №4. С. 58–74.

Милованов С.И. История сложения оборонительного комплекса центральной части г. Владимира (к вопросу о топографии оборонительных укреплений) // Археология Владимиро-Суздальской земли / отв. ред. Н.А. Макаров. Вып. 6. М., 2016. С. 136–149.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. М., 1984. 348 с.

Шполянский С.В. Заселение водоразделов в Суздальском Ополе (по материалам исследований последних лет) // Сельская Русь в IX–XIV вв. / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М., 2008. С. 157–170.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

© 2017, Л.С. Андрианова, Н.Б. Васильева

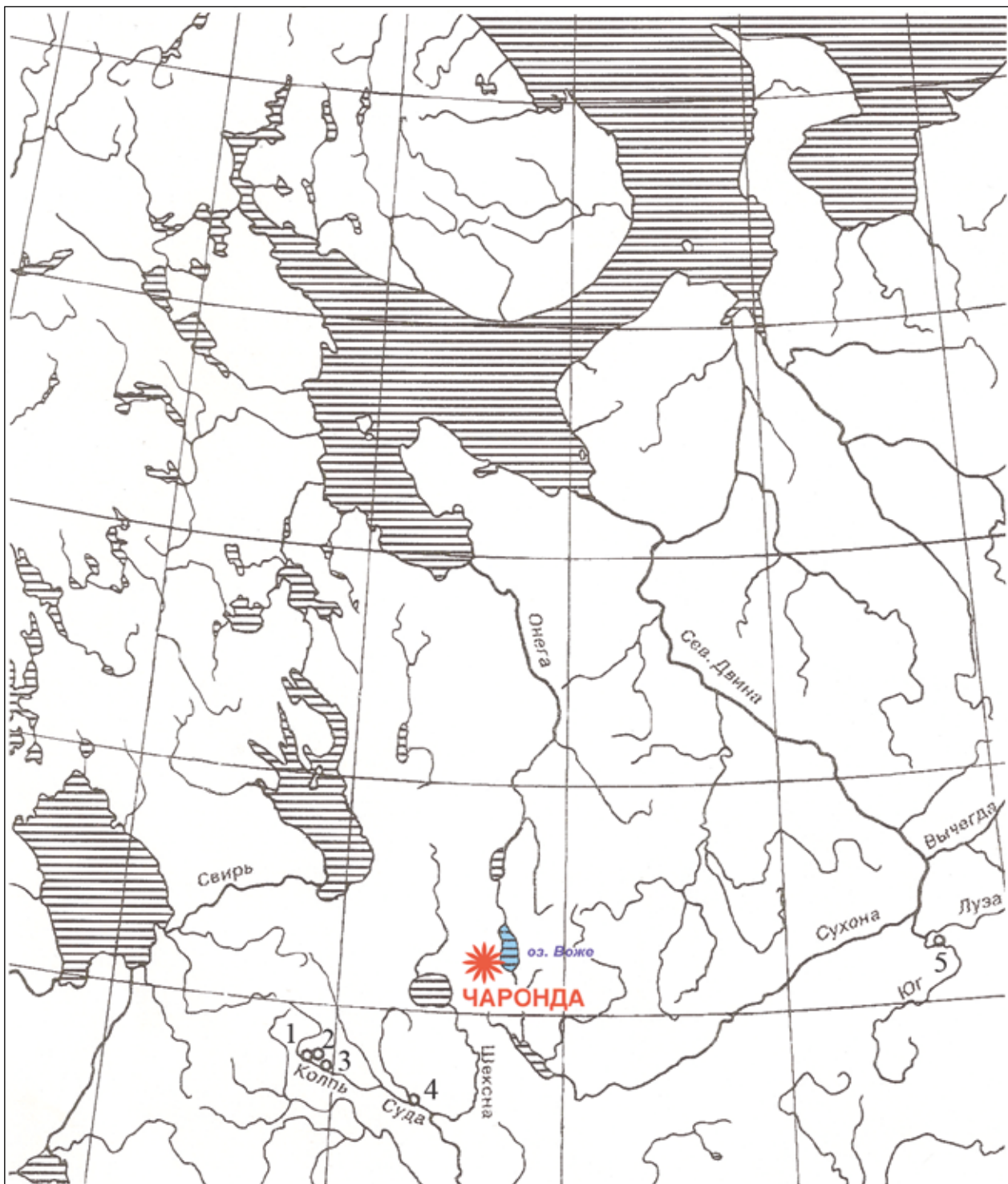
Региональный центр дополнительного образования детей, Вологда

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧАРОНДЫ

В последние годы в Вологодской области стали больше внимания уделять изучению сельских и городских поселений периода позднего средневековья. Особый интерес у археологов вызывают памятники, где обнаружен влажный (или мокрый) культурный слой, информационные возможности которого чрезвычайно велики. Комплексное исследование памятников с влажными антропогенными отложениями позволяет дать более полную и достоверную характеристику материальной культуры в ее эволюции, реконструировать природное окружение, выяснить способы адаптации человека к условиям природной среды.

В 2015 г. на территории Кирилловского района Вологодской области в рамках комплексной эколого-археологической экспедиции под руководством Н.Б. Васильевой началось археологическое изучение исторического поселения Чаронда – единственного населенного пункта на западном берегу озера Воже (рис.). Чаронда, Чарондская округа – названия, известные в XVI–XVII вв. далеко за пределами Русского Севера. В этот период Чаронда была крупным торгово-промысловым поселением на древнем торговом пути, связывавшим центральные районы страны с Поморьем и Обонежьем. Берега озера Воже низкие, топкие и, как правило, представляют собой болота, плавно переходящие в водную гладь. Небольшой участок западного побережья, на котором расположилась Чаронда, – одно из немногих мест, где можно пристать к берегу. «А стоит та Чарондская округа около Вож-озера по самым топлым, худым местам, меж мхами и болотами, по островам, и добрые, и средние земли нет, земля вся худая и безугодная, и хлеб всякой мало родится...» [Мюллер, 1973, с. 283]. Возникновение Чаронды связано с процессом экономического освоения Европейского Севера, и хотя точное время ее основания остается под вопросом, как село Чаронда формируется на торговом пути уже в XIII в. [Макаров, 1997]. Начиная с XIV в. Чарондская округа входит в состав Белоозерского княжества [Грязнов, 2018]. Первое письменное упоминание о Чаронде относится к 1474 г.: сохранилась данная грамота Есипа Окишева о вкладе Кирилло-Белоозерскому монастырю «села на Чаронде» [Грамота...]. Это было бы ценное приобретение, поскольку на Белом море у монастыря были соляные и рыбные промыслы, и владение Чарондой удешевило бы доставку товаров из отдаленных монастырских владений. Но вклад реализован не был, и Чаронда перешла во владения великого князя. При Иване Грозном Чаронда вместе с деревнями, входившими в Чарондскую округу, попала в опричнину. После смерти Ивана IV Чарондская округа перешла в руки нового владельца. Пожалование царя Федора закрепило ее за Дмитрием Годуновым, который добился права собирать торговые пошлины на Чаронде с товаров сельского хозяйства и промыслов – через Чаронду постоянно шли обозы с беломорской солью, льном и железом из Обонежья, с хлебом – с Белоозера. При Годунове Чаронда из промежуточной торгово-промысловой базы превращается в крупный торговый центр края, свидетельством чему стало строительство в Чаронде большого Гостиного двора. К XVII в. Чарондская округа представляла собой самостоятельную область с воеводой и приказным аппаратом; существовало местное самоуправление с выборными старостами из крестьян, имелись земские судьи. В округе насчитывалось более 1 700 дворов, в которых проживало около 11 тыс. человек. Смутное время сильно ударило по Чаронде, более половины населения были «мучены и граблены» в ходе «литовского и казачьего разорения», много домов сгорело при налетах, в том числе торговые лавки, Гостиный двор. Последний расцвет Чаронды приходится на XVIII в.: на короткий срок она получает официальный статус города, затем вновь превращается в село, ныне необитаемое [Смирнов, 1998, с. 112–115].

Археологическое изучение Чаронды началось в 1985 г. разведочными работами Н.А. Макарова. На территории поселения было заложено 10 разведочных шурфов общей площадью 10 м²; в одном из шурфов был зафиксирован влажный культурный слой. Выявленные культурные отложения датированы исследователем XV–XVII вв. В ходе археологических работ в 2015 г. заложено два раскопа, первый

Местонахождение поселения Чаронда на карте Русского Севера

раскоп (12 м²) разбит к северу от полуразрушенной церкви Иоанна Златоуста, второй (10 м²) – на возвышенной части к югу от церкви. Основные работы велись на первом раскопе (второй раскоп после снятия верхних напластований был законсервирован); мощность культурного слоя составила 1,7–2,0 м. В верхней части культурных напластований (до 0,5 м) обнаружены предметы XIX–XX вв.: керамика, обломки бутылочного и оконного стекла, кресальные кремни, фрагменты шаровидных грузил, немногочисленные предметы из железа (подковы, обломки орудий, гвозди). Ниже залегал горизонт погребенной почвы с большим количеством битого кирпича, связанный со строительством церкви Иоанна Златоуста в 1826 г. Примерно на глубине 0,7 м от дневной поверхности появляется увлажненный серо-коричневый суглинок, в котором обнаружена сохранившаяся органика в виде плотного слоя щепы и обгнивших досок. Найдены крупные фрагменты керамики, в том числе чернолощенной, с линейным

и волнистым орнаментом, донце с клеймом; фрагменты красноглиняного изразца, фрагмент костяного гребня. Данный горизонт соотносится с XVII–XVIII вв.

Наибольший интерес представляли нижние культурные напластования – увлажненный темно-серый суглинок с прослойками белого крупнозернистого песка. В нижнем слое обнаружено значительное количество находок, в том числе хорошо сохранившиеся изделия из органических материалов (кожа, дерево, береста, ткань). В центре раскопа зафиксировано заметное понижение рельефа; там же расчищено хаотичное скопление древесных остатков – разрушенная деревянная конструкция, связанная с рыбным промыслом: длинные заточенные жерди, вероятно, рыбацкие вешки, деревянная дуга – деталь мережи, обработанные деревянные палочки. Значительная часть артефактов, обнаруженных в нижнем горизонте, была также связана с рыбной ловлей: грузила различного типа, берестяные поплавки, обломок иглы для плетения сетей, крюк для просушки сетей.

Большая часть находок из нижней части культурного слоя представлена хорошо сохранившимися изделиями из органических материалов, среди которых обрывки различных веревочек, шнурки и завязки из кожи и нитей, кольцо, скрученное из прута и обвитое кожаными шнурами (грузило для ставных сетей?), костяные кочедыки, скопления мездры со шкур животных. Обнаружены разнообразные изделия из дерева и бересты: деревянные крюки, обломки орудий, резных деталей, несколько фрагментов от бондарной и кухонной посуды (клёпка, обруч с замком, пестик, затычка). Хорошо сохранились берестяные изделия, среди которых свитки берестяных лент, заготовленных для плетения, прошитый туесок, подкладочные круги, множество берестяных поплавков, свитых в трубку, фрагмент плетеного изделия, а также грузило для ставных сетей в виде сшитого берестяного кошелька с камнем внутри – подобные изделия неоднократно находили при раскопках Вологды в слоях XV–XVI вв. Особенно многочисленны находки кожаных изделий: разнообразные обрезки и обрывки кожи, шнурки, завязки, небольшой мячик, сшитый из головки сапога с тиснением, фрагмент рукавицы, разрозненные детали обуви, причем исключительно от сапог – подошвы, головки, задники, подпятники, фрагменты голенища. Анализ обувных деталей позволил выявить конструктивные особенности чарондских сапог: толстая однослойная подошва с подпятниками, жесткий задник с кожаным, головка с широкими или узкими поднарядами, вытянутые, загнутые и вшитые в головку носки.

По всей видимости, нижние культурные напластования сформировались не позднее первой половины XVI в., на что указывает характерная для этого времени кожаная обувь с тиснением головок (имитация заломов) и загнутыми и вшитыми в головку носками. По внешнему облику чарондские экземпляры близки кожаной обуви, обнаруженной при раскопках г. Вологды в границах крепости Ивана IV Грозного [Андрианова, 2011, с. 210–211; Андрианова, Фёдоров, 2012, с. 62–91]. Датировку подтверждают обнаруженные обломки хорошо профилированной посуды XVI–XVII вв.; аналогичная керамика была найдена в Вологде при раскопках на Кремлевской площади [В глубину веков..., 2016, с. 89]. Дальнейшие исследования Чаронды позволят выявить новые участки с влажным культурным слоем, где возможно обнаружение административных, торговых, церковных и жилых построек Государева двора, Гостиного двора и чарондского посада.

Библиографический список

Андрианова Л.С. Коллекция кожаных изделий XV–XVII вв. из Вологды (по материалам раскопок 2007–2008 гг. на пр. Победы, 20) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. II. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. С. 210–211.

Андрианова Л.С., Фёдоров А.С. Кожаная обувь из раскопок на Кремлёвской площади в Вологде // Археология Севера. Вып. 4. Череповец, 2012. С. 62–91.

В глубину веков: очерки вологодской археологии (Л.С. Андрианова, М.Г. Васенина, Н.Б. Васильева, и др.). Вологда, 2016.

Грамота Есипа Окишева // АСЭИ. Т. III. №474. С. 457.

Грязнов А.Л. Северная граница Белозерского княжества по актам XV–XVI вв. // Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X–XXI вв. Каргополь, 2018 (в печати).

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII. М., 1997.

Мюллер Р.Б. Крестьяне Чарондской округи в XVII в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вып. IV. Вологда, 1973. С. 283.

Смирнов И.А. Из истории Чаронды // Кириллов: краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1998. С. 110–119.

НОВЫЕ НАХОДКИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ТОВАРНЫХ СВИНЦОВЫХ ПЛОМБ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

Западноевропейские товарные свинцовые пломбы – важный, но недостаточно изученный археологический источник по внешней торговле Русского государства XIV–XVII вв.

В XIV–XV вв. торговля Руси со странами Западной Европы шла по Балтийскому пути, и центральное место в этом процессе занимал Новгород. Преимущественно через него при посредничестве ганзейских купцов происходил обмен русских товаров на западноевропейские, которые уже из Новгорода поступали на рынки Северо-Западной, Северо-Восточной и Центральной Руси. В конце XV в. особое значение приобрела сухопутная торговля. С середины XVI в. устанавливается новый торговый путь через Белое море. В XVII в. внешняя торговля Русского государства значительно возросла. Основной поток западноевропейских товаров шел морским путем через Архангельск [Хорошкевич, 1963, с. 170; Гайдуков, Эммерик, 2000, с. 213].

Рис. 1. Великий Новгород. Ситуационный план раскопа Рогатицкий-3

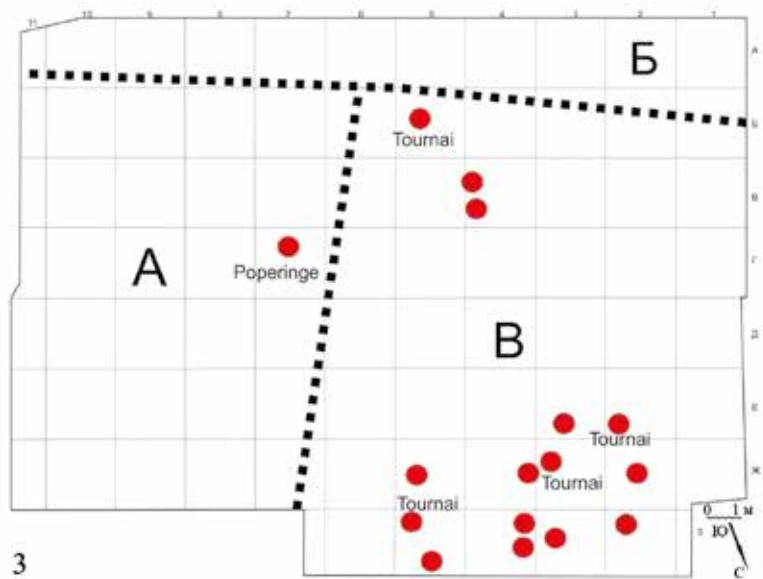
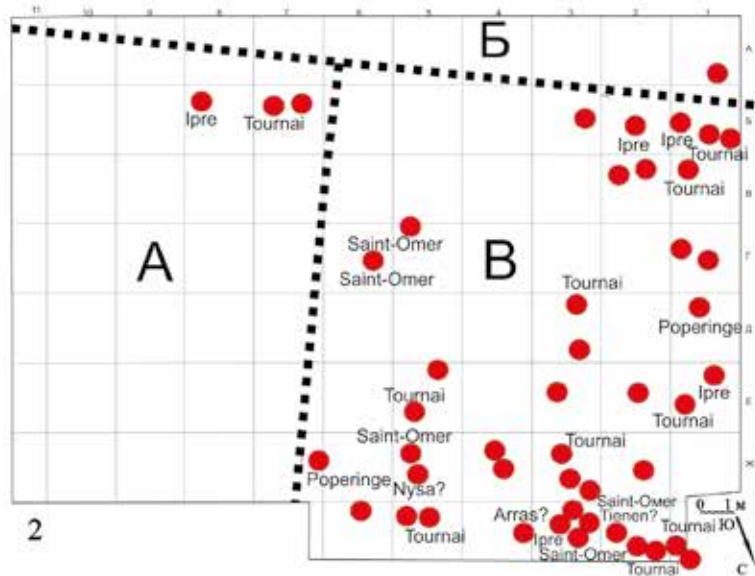
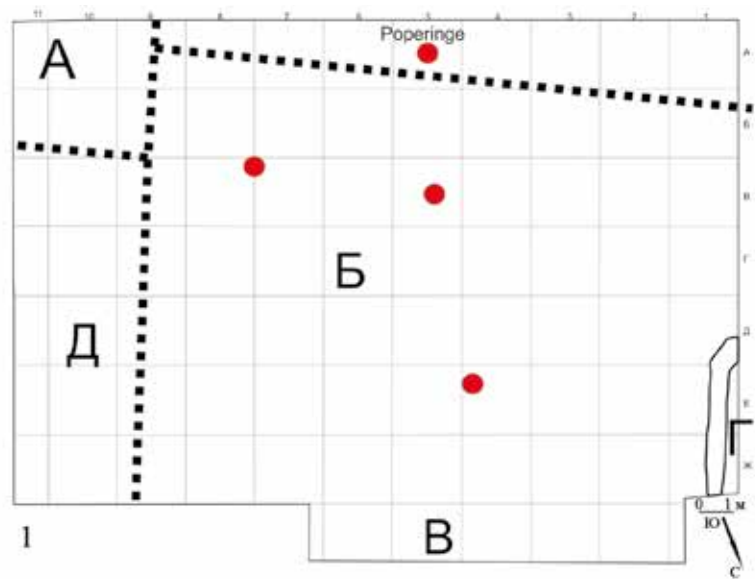

Рис. 2. Великий Новгород – 2014. Раскоп Рогатицкий-3.
 Планы находок западноевропейских товарных пломб:
 1 – в слоях XIII в.; 2 – в слоях XIV в.; 3 – в слоях XV в.

Рис. 3. Великий Новгород – 2014. Раскоп Рогатицкий-3.
 Западноевропейские товарные пломбы: 1, 2, 12, 15? – Поперинге;
 3, 5, 9, 13, 14, 16 – Турне; 4 – Тинен?; 6 – Ипр; 7, 8, 10, 11 – Сент-Омер

Ассортимент западных товаров, ввозившихся на Русь, постоянно расширялся, но торговля тканями из Фландрии, Германии, Франции и Англии оставалась одной из важнейших категорий импорта.

На протяжении XIV–XV вв. основными ввозимыми сукнами были фламандские, которые, благодаря своей мягкости, тонкости и красивой окраске, пользовались на Руси большим спросом. Главными центрами сукноделия во Фландрии были Гент, Брюгге, Ипр, Турне, Сент-Омер, Аррас, Дуэ, Лилль, Поперинге, Коммин, Вервик, Варнетон. Большой популярностью в Новгороде и Центральной Руси пользовалось одно из самых дорогих сортов сукна – ипрское [Хорошкевич, 1963, с. 175–176].

Ткани опечатывались свинцовыми пломбами, которые гарантировали целостность и качество товара (длину, ширину, вес), сорт ткани и позволяли идентифицировать производителя. Пломбы предназначались для одноразового использования. Археологические материалы показывают, что большинство из них утилизировались во фрагментированном виде или с явными следами вскрытия.

На сукно могли прикреплять несколько пломб. Одни из них (знаки ткача, красильщика и т.п.) накладывались на ткань по завершении отдельных операций, входящих в единый технологический процесс, другие прикреплялись после таможенного досмотра товара, предназначенного на экспорт. Судя по письменным свидетельствам, в XIII в. во всех центрах суконной промышленности Западной Европы, ориентированных на экспорт, осмотр и пломбировка сукна были обязательны [Kaiser, 2002, s. 377, 380, 389].

Конструкция большинства пломб, крепившихся на ткань, принципиально отличается от древнерусских вислых печатей, привешивавшихся на шнурах к документам [Гайдуков, Степанов, Трояновский, 2007, с. 172]. Средневековый способ закрепления пломбы на ткани сохранился до наших дней и используется в торговле для крепления магнитной клипсы.

К настоящему времени зарегистрировано около 500 западноевропейских пломб XIV–XVII вв., обнаруженных на территории Восточной Европы и Западной Сибири. Большинство находок (около 300 экз.) происходят из Новгорода (см.: [Пигнатти, 1915, с. 23–26; Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 65; Рыбина, 1981; Кильдюшевский, 1986, с. 110–114; Гайдуков, Малыгин, 1989, с. 250–251; Векслер, Зайцев, 1999, с. 242–245; Гайдуков, Эммерик, 2000, с. 213–218; Клоков, Лебедев, 2002; Векслер, Петухов, 2012, с. 74–90; Лаере, Тростьянский, 2012; Тигунцев, 2014, с. 54–58; Коваль, 2015]).

В 2008–2017 гг. Новгородской экспедицией ИА РАН на нескольких раскопах в Новгороде обнаружено около 100 западноевропейских товарных пломб. Большинство находок (более 80 экз.) сконцентрировано на Торговой стороне. Подавляющее число пломб (68 экз.) происходят с раскопа Рогатицкий-3, расположенного неподалеку от Немецкого двора [Гайдуков и др., 2015] (рис. 1). Этот иноземный двор – резиденция ганзейских купцов – существовал в Новгороде с конца XII до конца XVII в. [Рыбина, 2001, с. 168, 173, 222].

Локальное скопление товарных пломб в комплексе с синхронными по времени статусными находками позволяет говорить, что на одной из усадеб Рогатицкого-3 раскопа в XIII–XV вв. проживали зажиточные люди, имевшие отношение к торговле и властным городским структурам (рис. 2).

В Новгороде ипрские сукна в письменных документах впервые упоминаются в 1327 г. [Хорошкевич, 1963, с. 178]. 1348 г. датируется постановление, по которому немецкие купцы не должны были привозить в Россию сукно, не опечатанное свинцовыми печатями [Аристов, 1866, с. 213, прим. 666]. Археологические материалы значительно удревяняют эти даты. Наиболее ранние товарные пломбы обнаружены на Рогатицком-3 раскопе в слоях конца XII – XIII в. (1 + 4 экз.). В слоях XIV в. обнаружено 46, а в слоях XV в. – 15 пломб. Еще по одной пломбе залегало в перекопе XV–XVI вв. и в слоях XIX в. Наибольшая концентрация этих находок (43 экз., 63 %) приходится на слои последней четверти XIV – 1-й четверти XV в. Из 68 пломб удалось атрибутировать 31 находку (рис. 3). Это города Фландрии и Северной Франции: Турне (14), Ипр (5), Сент-Омер (5), Поперинге (4), Аррас? (1) и Тинен? (1). Еще одна пломба под вопросом отнесена к городу Ниса в Силезии.

Библиографический список

- Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 213.
Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л., 1980. С. 65.
Векслер А.Г., Зайцев В.В. О находках западноевропейских товарных пломб при раскопках на Гостином дворе в Москве // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 1999. С. 242–245.
Векслер А.Г., Петухов С.П. Памятники сфрагистики XIII–XVII вв. из раскопок в Москве // Археология Москвы – Линия жизни. М., 2012. С. 74–90.

Гайдуков П.Г., Кудрявцев А.А., Олейников О.М., Степанов М.А., Язиков С.В. Исследования в южной части Плотницкого конца Великого Новгорода в 2014 г. (Раскоп Рогатицкий-2) // Новгород и новгородская земля. История и археология. 2015. Вып. 29. С. 66–77.

Гайдуков П.Г., Малыгин П.Д. Новые сфрагистические находки в Верхневолжье // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 240–256.

Гайдуков П.Г., Степанов А.В., Трояновский С.В. Сфрагистические и нумизматические находки из раскопок новгородского Великого моста в 2005–2006 гг. // Новгород и новгородская земля. История и археология. 2007. Вып. 21. С. 165–178.

Гайдуков П.Г., Эммерик Х. Западноевропейская товарная свинцовая пломба с изображением святого Вольфганга из Новгорода // Новгород и новгородская земля. История и археология. 2000. Вып. 14. С. 213–218.

Кильдюшевский В.И. Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 110–114.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Западноевропейские свинцовые товарные пломбы с золотоордынских городищ // РА. 2002. №1. С. 92–100.

Коваль В.Ю. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 211–220.

Лаере Р. ван, Тростьянский О.В. Западноевропейские товарные пломбы XIV–XV вв. с территории Золотой Орды // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань, 2012. С. 144–162, 205–209.

Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXV. Тобольск, 1915. С. 23–26.

Рыбина Е.А. Товарные пломбы из Турне в Новгороде // СА. 1981. №1. С. 298–300.

Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. М., 2001. С. 168–222.

Тигунцев Ю.Г. Товарная пломба г. Гёрлиц: Атрибуция, назначение // Нумизматика: Научно-информационный журнал. М., 2014. №1 (35). С. 54–58.

Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 170–176.

Kaiser R. Mittelalterliche Tuchplomben – Überreste, Sammelobjekte und technik-, textil- und wirtschaftsgeschichtliche Quellen // Inquirens subtilia diversa. Dietrich Lohrmann zum 65. Geburtstag / Hrsg. H. Kranz und L. Falkenstein. Aachen, 2002. S. 375–389.

© 2017, В.Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

«МАЛЫЕ ГОРОДА» СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Наличие особой категории «малые города» в средневековой Руси представляется сегодня исследователям как нечто само собой разумеющееся. Сомнений в реальном существовании такой категории у отечественных ученых нет. Между тем количество публикаций, посвященных теоретическим разработкам в этой области, чрезвычайно ограничено. После работ А.В. Кузы [1983; 1989; 1996] новых обобщающих исследований по этому вопросу не проводилось. При этом до сих пор не только не сформулирована дефиниция «малый город», но и не предложены признаки, отличающие его от «большого», даже в области размерных показателей. Поэтому неудивительно, что полностью отсутствуют и какие бы то ни было разработки по материальной культуре «малых городов».

В зарубежной литературе проблемы становления и развития городов также рассматриваются в основном обобщенно, без детализации по их размерам. Чаще обращаются к хронологическим различиям или рассматривают города каких-то локальных территорий. Если же изучаются города целой страны, то это делается суммарно. Так что зарубежный опыт очень мало способствует продвижению в исследованиях «малых городов». Существенно усложняет их изучение естественная историческая динамика жизни городов, когда небольшие поселения со временем превращаются в крупнейшие центры, тогда как некогда крупные (иногда даже столичные) города нередко превращались в «малые». Примеров та-

кого рода можно привести множество: для первого сценария укажем на Москву, Тверь, Переяславль-Рязанский, Коломну, для второго – Суздаль, Старую Рязань, Городец, Торопец.

Поэтому для методически верного изучения «малых городов» необходимо соблюдение трех предварительных условий:

1. Исследование городов в пределах одного хронологического периода.

2. Изучение тех археологических и прочих материалов, которые относятся только к тому этапу жизни города, когда он принадлежал именно к числу «малых городов», не смешивая их с материалами догородских периодов или времени превращения «малого города» в крупный центр.

3. Отбор из общей массы «малых городов» тех, которые изучены в наилучшей степени и наиболее полно соответствуют двум предыдущим условиям.

Соблюдение этих условий приводит к осознанию того, что количество памятников, пригодных для сравнительного исследования, оказывается крайне невелико. Такая диспропорция между общей массой «малых городов», насчитывающих не менее 150 пунктов, и ограниченным кругом хорошо исследованных городов, материалы из которых более или менее полно опубликованы, неизбежно приводит к выводу о том, что подобная выборка может рассматриваться только как некий эталонный набор, дающий лишь самое общее представление об изучаемом предмете. Определение круга эталонных «малых городов», предпринятое ранее [Коваль, 2014, с. 76–79], позволило выделить всего шесть подобных памятников: Волковыск, Берестье, Заславль, городище Слободка, Ярополч Залесский, Ростиславль Рязанский. Из них три расположены в Беларуси, один – в Северо-Восточной Руси, один – в Рязанской земле (Юго-Восточной Руси) и один – в Южной Руси.

Однако по пяти из этих памятников отсутствуют достоверные количественные данные о разных типах древних вещей, обнаруженных при раскопках (в том числе ножей, топоров, височных колец, оселков и др.). Но еще хуже то, что таких данных нет и практически для всех крупных городов Древней Руси, а это не позволяет проводить корректные сравнения малых и крупных городов, выявлять объективные различия между ними. Таким образом, задача сравнительного изучения разных категорий городов существенно усложняется. Разумеется, ее можно попробовать решить путем сравнения качественного состава находок, определяя те категории предметов материальной культуры, которые присутствуют во всех городах либо отсутствуют в одной из групп. Однако такой подход не кажется удачным, поскольку подобные сравнения уже проводились, и они показали, что существенных различий по номенклатуре категорий вещного мира между городами практически нет. Даже между городами и сельскими поселениями эти различия минимальны. Так что это направление исследований уже полностью исчерпало себя и не может дать новых знаний.

Главным итогом качественных сравнений крупных городов с остальными поселениями стал вывод об их существенном различии по степени стоимости вещей и уровню культуры. В «малых городах» и селах редко встречаются изделия из драгоценных металлов, дальние импорты и свидетельства грамотности населения. Однако можно говорить лишь о том, что такие предметы бытовали преимущественно в крупных городах и редко в «малых городах» и селах, но вовсе не о полном их отсутствии. Новейшие исследования показывают, что грамотой владели даже рядовые жители «малых городов» домонгольской Руси [Коваль, Медынцева, Еремеев, 2013], а статусные вещи, вплоть до изделий из драгоценных металлов, обнаруживаются и на сельских памятниках. Проблема состоит в том, что все подобные наблюдения носят лишь оценочный характер и не могут быть представлены в виде количественных данных, поскольку такие данные, характеризующие материальную культуру любых городов средневековой Руси (т.е. элементарная статистика обнаруженных предметов), практически отсутствуют в публикациях. Иногда приводятся частичные данные, отражающие лишь отдельные стороны материальной культуры этих городов. Например, указывается количество находок наконечников стрел, но не называется число других категорий находок, равно как и общее число предметов, зафиксированных в ходе раскопок. Понятно, что использовать такие данные для корректных сравнений невозможно.

Единственный город средневековой Руси, для которого количественные данные *обо всех* находках имеются, – это Белоозеро, материалы из многолетних сборов подъемного материала в котором систематизированы и опубликованы С.Д. Захаровым [2004]. В ходе этой работы были учтены также материалы широкомасштабных раскопок Л.А. Голубевой 1949–1965 гг., хотя объем этого корпуса находок невелик в сравнении с массивом подъемного материала (он составлял менее 1/10). Полученный свод имеет беспрецедентное значение как эталонный материал. Белоозеро – это крупный (хотя в домонгольское время и нестоличный) город площадью около 65 га (к XII–XIII вв.), являвшийся административным

и экономическим центром обширной округи. Благодаря этому появилась возможность для достоверных глобальных сравнений между «большими» и «малыми» городами.

Однако для решения поставленной задачи корректного сравнения количественных характеристик «вещного мира» средневековых русских городов, отсутствие суммарных статистических данных является только одним (хотя и самым важным) препятствием. И все же препятствий гораздо больше. Назовем только самые главные из них:

- 1) разная хронология поселений;
- 2) разная продолжительность жизни на них;
- 3) разная история жизни поселений (наличие или отсутствие разорений, других катастрофических событий, вызывавших массовую археологизацию вещей);
- 4) различная степень сохранности культурного слоя, его повреждения кладоискателями;
- 5) разная степень изученности поселений;
- 6) разная методика сбора коллекций (раскопки или сбор подъемного материала).

Все эти (и иные) факторы, конечно, априори затрудняют проведение корректных статистических сравнений, однако их нельзя считать непреодолимыми. Поэтому сравнение количественных данных по вещевому материалу, происходящему из разных городов и сельских поселений, надо расценивать как важную и перспективную задачу археологического изучения средневековой Руси.

От рассмотрения методических проблем вернемся к конкретному материалу. На сегодняшний день единственным «малым городом», по которому имеются сопоставимые с Белоозером данные, является Ростиславль Рязанский, материалы раскопок которого за 1991–2007 гг. были полностью обработаны в количественном виде по методике, сопоставимой с той, что применялась С.Д. Захаровым для материалов Белоозера. При этом количественно коллекция Белоозера (13,5 тыс. предметов) была существенно больше ростиславльской (2 000 предметов).

Поскольку белоозерские данные опубликованы, а материалы Ростиславля еще не публиковались, начнем с краткой характеристики последних. Здесь максимальное число археологизированных вещей было связано с различными сторонами домашнего быта (замки и ключи, пряслица, кресала, кухонная посуда в виде археологически целых форм, гребни, аксессуары одежды и обуви и т.п.). Доля таких вещей составляла около 40% (без учета, разумеется, массового керамического материала, составляющих на любом древнерусском поселении 95–98% всех артефактов). Второе место по числу находок занимал инструментарий (почти 25%), третье – разнообразные украшения (женские и мужские ювелирные и стеклянные, воинские, универсальные) – 20%. Доля предметов вооружения и воинского снаряжения составляла 7%.

Низкая доля (не более 3%) предметов религиозного культа и общекультурного назначения (предметов личного благочестия, письменных принадлежностей, металлических деталей от переплетов книг, аксессуаров настольных и иных игр и т.п.), похоже, было объединяющей чертой русских городов. Однако духовная культура (во всех ее проявлениях) всегда была не слишком «материалоемкой», и уровень ее развития далеко не всегда определяется числом вещей, связанных с ней. Так что делать вывод о невысоком развитии духовной культуры в средневековых городах на основании малого числа находок, относящихся к культурной деятельности, было бы, конечно, неверно. С другой стороны, очевидно, что духовная культура (овеществленная в книгах, приборах для письма, игровых фишках и т.п.) не была самым важным элементом жизни средневекового города, будучи привилегией прежде всего его элиты.

Данные Ростиславля имеют отличия от структуры археологизированных вещей из Белоозера, однако эти отличия не выглядят пока как принципиально разделяющие большой и малый город. Например, на Белоозере была выше доля бытовых предметов (60%), доля украшений была аналогичной (около 20%), а остальные категории изделий составляли пропорционально меньшие доли. Доля предметов вооружения на Ростиславле была в 3 раза больше, чем на Белоозере.

Впрочем, делать из выявленных различий далеко идущие выводы пока рано, для этого нужно оперировать данными не двух, а значительно большего числа памятников. Надо также учитывать, что само сравнение материалов из Ростиславля и Белоозера нельзя считать полностью корректным по следующим перечисленным выше причинам (разная хронология этих памятников, разная методика исследований и т.д.). Так, Белоозеро на Шексне существовало с X по XIV в., а Ростиславль – с XII по XVI в., и эти хронологические различия весьма существенны, поскольку набор и даже количество обращавшихся в городах вещей в X и XVI вв. было принципиально разным. Методически неверно сравнивать материальную культуру городов, суммируя все собранные материалы: ведь не совпадают не только периоды

существования этих городов, но и моменты их расцвета и упадка. В Белоозере бурный рост города приходился на X–XI вв., на финале торговли пушниной в обмен на серебро и стеклянные бусы, тогда как Ростиславля в это время еще просто не существовало и подобные материалы в его культурный слой не откладывались. Следовательно, в идеале необходимо не проводить сравнения суммарных материалов того или иного города, а отбирать вещи из комплексов, датирующихся в интервале 50–100 лет. Но такой статистики нет пока ни для одного средневекового русского города. Для применения подобных фильтров нужно пользоваться не публикациями, а базами данных.

Надо заметить, что наряду со всеми различиями у Белоозера и Ростиславля имеется и немало общих черт исторического развития, которые создают благоприятные условия для их сравнения:

1) оба города не являлись дружинно-торговыми лагерями (вроде Тимерева или Гнездова) или пограничным крепостями с большим числом воинов в составе населения;

2) они оказались в стороне от вражеских нашествий и редко подвергались разорениям;

3) культурный слой этих городов формировался не в результате катастрофических событий (пожаров, разрушений), а в условиях нормального течения городской жизни.

Сравнение Белоозера и Ростиславля показало общее, глубинное сходство между материальной культурой большого и малого городов средневековой Руси. Разумеется, если перевести исследования на микроуровень и оперировать не крупными категориями вещей, а проводить количественные сравнения по конкретным предметам (например, по ювелирному инструментарию, височным кольцам, перстням, замкам, ключам, и т.п.), различия могут обнаружиться. Но если говорить не об абсолютных цифрах (валовом количестве), а о структуре материальной культуры, процентном соотношении вещей разных типов, их доле в общем объеме вещного мира, то не вполне ясно, насколько велики будут эти расхождения. Пока такие сравнения не проводились, но именно они являются основной задачей дальнейших исследований.

На сегодняшний же день с учетом общих (безусловно, очень приблизительных) оценок количественных данных в целом материальная культура русских городов X–XV вв. представляется достаточно однородной. Речь идет, конечно, не о внешнем виде и технологии изготовления предметов (тут региональная специфика очевидна, в частности, по таким ярким деталям, как разное оформление височных колец, разная технология изготовления ножей), а о массе вещей, обращавшихся в быту древнерусского населения и выпадавших в культурный слой.

Разумеется, можно предположить и то, что установленное (в Белоозере и Ростиславле) соотношение категорий предметов материальной культуры вообще характерно для русских городов. Это предположение кажется очень вероятным, но для его надежной проверки потребуется сравнение с хронологически близкими (а лучше – и далекими) материалами других городов Руси, а также сельских памятников. Пока же можно лишь констатировать факт выявленного сходства двух совершенно разных (в том числе разновеликих) и географически удаленных друг от друга городов Руси.

Различия в количестве так называемых «статусных» вещей (предметов дальнего импорта, изделий из драгоценных металлов, символов власти, кладов драгоценностей) определяются не столько размерами поселения, сколько наличием на нем усадеб аристократии, и тем, попали ли участки таких усадеб в зону археологических раскопок. Подобные усадьбы существовали как в городах (самого разного размера), так и на сельских поселениях. При этом совершенно очевидно, что в крупных городах аристократических усадеб было больше, чем в мелких, и тем более, чем в селах. Несомненно также, что в столичных городах концентрация аристократии была существенно выше, а значит, и скапливалось большее количество овеществленного богатства, чем в городах «малых». Поэтому «статусные» вещи (в том числе клады украшений) обнаруживаются почти исключительно в крупных (столичных) городах – Владимире, Старой Рязани, Киеве и других, т.е. там, где хранили свое имущество и сокровища аристократы. Сразу же заметим, что распределение монетных кладов показывает несколько иную картину – они формировались не только в крупных городах. Но надо помнить, что развитие денежного обращения привело к образованию накоплений отнюдь не только в руках крупных феодалов, проживавших в столичных центрах. Если же отвлечься от кладов, мотивы формирования которых коренным образом отличаются от причин наполнения культурного слоя вещевым археологизированным материалом, то станет очевидным, что весь остальной набор предметов материальной культуры во всех городах был примерно одинаковым по номенклатуре, а различается по следующим признакам:

1) количество предметов (которое соответствовало численности населения и разному уровню платежеспособности основной массы населения, включая даже самые низкие социальные слои);

2) объем поступления разнообразных импортов (как дальних, так и ближних), которых в «малых городах» пропорционально меньше, чем в крупных, столичных. Причина та же – разный уровень богатства населения и его вовлеченности в торговлю предметами роскоши.

Таким образом, разницу в материальной культуре «малых» и «больших» городов следует искать не столько в качественных различиях, сколько в количестве вещей, находившихся в использовании и выпадавших в культурный слой. Именно здесь различия видны особенно рельефно. Наиболее интересным было бы установить, имеются ли различия в наличии вещей из различных материалов (стекла, железа, цветного металла) в расчете на единицу объема культурного слоя, разумеется – в пределах одинаковых хронологических периодов. Но для этого потребуется получение достоверных количественных данных хотя бы по нескольким городам. Пока таких данных нет, и подобного исследования не проводилось. На уровне экспертных оценок можно предположить, что такие различия могли и должны были существовать. Но догадки никак не заменяют необходимости получения конкретных фактических данных.

«Малого города» вообще никогда не существовало: «малые города» всегда хронологически дискретны и должны описываться не только количественными характеристиками, но и временными, историческими. Ведь они не существовали «извечно», а возникали (а иногда и исчезали) в определенных исторических условиях. Например, на Руси в начальный период ее истории и государственного строительства (IX–X вв.) «малых городов» просто не существовало: размеры возникавших городов были различны, но на этом этапе их различия еще не были существенны. Однако уже в XI в., с расширением городской сети, появляются такие образования, которые можно называть «малыми городами», а в XII–XV вв. подавляющее большинство городов Руси стало относиться к числу «малых». Трудно сомневаться и в том, что и в последующее время (вплоть до наших дней) «малые города» оставались самыми многочисленными субъектами цивилизации, основным структурообразующим компонентом любого государства.

Следовательно, надо различать не только «большие» и «малые» города – не менее важно проводить сравнения между самими «малыми городами» разных исторических эпох и даже между хронологическими этапами жизни одного и того же города. Только таким путем можно составить объективное представление о динамике процессов градообразования. К сожалению, в современной археологической литературе (включая зарубежную) преобладает описательный подход, согласно которому осуществляется последовательное изложение истории материальной культуры каждого отдельного города (или даже всех городов какой-то определенной территории, иногда целой станы или части света), без убедительных попыток хронологической группировки исследуемых материалов. Приводимые при этом данные о датировках тех или иных вещей не могут заменить такой группировки, вернее, перекладывают задачу ее создания на читателя, хотя являются обязанностью публикатора. Единственной в отечественной историографии попыткой такой группировки является уже упоминавшаяся работа С.Д. Захарова по Белоозеру. Однако понятно, что подъемный материал давал минимальные возможности для достоверного разделения материала, оставляя единственным критерием для него подбор хорошо датированных аналогий.

На сегодняшний день наиболее насущной задачей средневековой городской археологии является именно такое хронологическое деление предметов материальной культуры, построенное на базе изучения археологических комплексов, добытых в ходе изучения. Без подобной работы все исследования «малых городов» обречены на тупик, поскольку, рассматривая все разновременные находки суммарно, мы получаем усредненную картину, лишённую исторической конкретики, а значит, и достоверности.

Библиографический список

- Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. 392 с.: ил.
- Коваль В.Ю. Малые города средневековой Руси: основные отличительные особенности // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III. С. 76–79.
- Коваль В.Ю., Медынцева А.А., Еремеев А.А. Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // РА. 2013. №3. С. 134–145.
- Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. М., 1983. Вып. 6. С. 4–36.
- Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989. 167 с.
- Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. 254 с.

© 2017, О.М. Олейников

Институт археологии РАН, Москва

НОВГОРОДСКИЙ ДЕТИНЕЦ (новые данные по исторической топографии)

Новгородская экспедиция Института археологии РАН в течение нескольких лет проводит раскопки на территории Новгородского кремля. Целью исследований является обнаружение древнейших оборонительных сооружений Детинца (рис.).

Первые археологические данные по оборонительным сооружениям Детинца были получены в ходе исследовательских и производственных работ 1952–1960 гг., связанных с восстановлением Новгородского кремля [Воробьев, 1958]. Особый интерес представляют материалы раскопок земляного вала, проведенные М.Х. Алешковским в 1957, 1959 и 1960 гг. под восточной частью Владимирской башни и западнее нее, с обеих сторон крепостной стены. Эти работы выявили интереснейшую внутривальную деревянную конструкцию, представляющую собой систему городней – срубов из дубовых бревен. Городни делятся стенками на узкие клетки и не соединяются друг с другом, а стоят рядом. Клетки плотно засыпаны землей. Кроме того, у Владимирской башни внешние (лицевые) стенки срубов состоят из необычайно толстых бревен диаметром 60–80 см. Они тщательно протесаны и укреплены с помощью так же старательно обтесанных крюков – *куриц*. Интересна система сопряжения куриц друг с другом: каждая нижняя курица одновременно держит и вышележащую, и врубленное бревно [Алешковский, 1962, с. 7–9]. Автор раскопок датировал эти оборонительные сооружения 1044 г. [Алешковский, 1962, с. 11].

Чтобы проверить эти выводы, нами был повторно вскрыт шурф М.Х. Алешковского, расположенный в 20 м к западу от Владимирской башни, с внешней стороны крепостной стены (рис.-Д-1). В результате получено большое количество спилов дубовых бревен первой оборонительной стены в северной части Детинца. Проведенный комплекс исследований методом дендродатирования (Е.А. Долгова) и радиоуглеродного датирования* убедительно доказал, что первые оборонительные сооружения в северной части Детинца были построены в 1044 г. [Олейников, 2014; Олейников, Долгих, 2015; 2016а, с. 8; 2016б, с. 40].

Дальнейшие исследования оборонительных сооружений в северной части Детинца выявили ров первой половины XI в., который был вырыт от оврага, проходящего по южной стороне холма (Большой кремлевский овраг), до оврага, существовавшего, вероятно, вдоль северной стороны холма. Этот ров имел ширину около 19 м, а глубину – 5 м [Олейников, 2014, с. 58–59; Олейников, Долгих, 2015, с. 308; Олейников, Долгих, 2016а, с. 8].

О наличии «города» в начальном периоде существования Новгорода есть косвенные упоминания в письменных источниках [ПСРЛ. Т. IX, с. 9, под 859 г.; ПСРЛ. Т. III, с. 106–180, под 859–1044 г.]. Поселение в X в. существовало и, естественно, не могло быть беззащитным. Даже в самом названии «Новгород» заложено понятие «города», т.е. крепости. Упоминания Новгорода в летописях могут служить свидетельствами существования этих укреплений и в более раннее время. Новгородская летопись за 1016 г. говорит о городе, когда новгородцы, «исѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ ... бѣжаша изъ града» [ПСРЛ. Т. III, с. 174].

Где же и когда был построен Новый город?

Оборонительные укрепления этого первоначального Детинца в виде вала, под которым не прослежен культурный слой, обнаружены в двух шурфах: в районе Софийской звонницы и церкви Входа Господня в Иерусалим [Трояновский, Корчагина, 1996, с. 15; Антипов и др., 2013, с. 53–54]. Вал был насыпан из глины, взятой из овра. Размеры этого вала определить пока не удалось. Но о том, что он сооружен в самом начале заселения данной территории, говорит об отсутствии культурного слоя под насыпью. Это обстоятельство позволяет датировать образование Новгорода как минимум 1-й половиной X в.

Размеры и местоположение раннего Новгорода можно определить, используя схемы палеорельефа Детинца и Софийской стороны Новгорода, составленные И.И. Кушниром, С.М. Казенновым, М.И. Петровым, Л.И. Петровой, С.В. Трояновским, Н.Ф. Фирсовой [Петрова, Трояновский, Фирсова, 1999,

* Исследования образцов проводились в радиоуглеродной лаборатории Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), в Киевской радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины и МЧС Украины, в Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (г. Афины, Джорджия, США).

с. 183], а также привлекая новые данные по бурам и шурфам 2015 г. в Детинце. На основе всех этих данных нами получена предварительная схема палеорельефа Новгородского детинца (см. рис.). К северу от Большого кремлевского оврага, который проходил через центральную часть Новгородского кремля с запада на восток и впадал в Волхов, располагался материковый холм, возвышавшийся в древности на 2 м над окружающей территорией (27 м в Балтийской системе высот). В южной части этого холма (Софийский) в X в. уже существовал «город» в виде «древо-земляной стены» и рва, который был вырыт от отрога Большого кремлевского оврага до оврага на восточной стороне холма (на месте Тайничных ворот) (рис.-а). Именно на южном краю этого овражка прослежен древнейший вал Детинца (в шурфах у звонницы Софийского собора и у церкви Входа Господня в Иерусалим). Площадь данной крепости составляла 2 га, что сопоставимо с площадью раннего Киевского детинца [Археология Украинской ССР, 1986, с. 258].

Для подтверждения наших предположений был проведен частичный разрез вала у Пречистенской башни Новгородского кремля (рис.-Д-4). Шурф был заложен с внутренней стороны крепостной стены и имел форму прямоугольника (420 × 100 см), вытянутого перпендикулярно от подошвы каменной кремлевской стены в западную сторону. Видимая вершина вала возвышалась над дневной поверхностью Детинца на 150 см. Мощность прослеженных культурных напластований составила 510 см. Материк, плотный суглинок, имел горизонтальную, с небольшими неровностями поверхность, которая перекрыта почвенным слоем из коричневой с желтой супеси мощностью до 12 см. Этот слой характеризуется перемешанной структурой (огород?). Его перекрывал слой темно-коричневой тленовой супеси с включением угля мощностью до 16 см. В последнем обнаружен мелкий фрагмент раннекругового (лепного?) горшка.

У восточной стенки шурфа предматериковые слои пререзает яма округлой формы диаметром 45 см, углубленная в слой и материк на 75 см, ее стенки крутые, дно выгнутое. В яму был поставлен дубовый столб диаметром 30 см, присыпанный валом, дневная поверхность которого в исследованной части была горизонтальной, при этом столб выходил на поверхность этой насыпи. В южной и восточной стенках шурфа прослежены края подобных столбовых ям, расположенных в 20 и 30 см от описанной ямы. На поверхности этого вала прослежен слой щепы мощностью до 6 см, связанный, вероятно, со строительством деревянной стены на его вершине. Возможно, что во время сооружения первичной насыпи вала в исследуемой части Детинца была построена деревянная оборонительная стена с использованием столбовой конструкции с внутренней стороны. В верхних слоях этого вала обнаружена раннекруговая керамика 2-й половины X в.

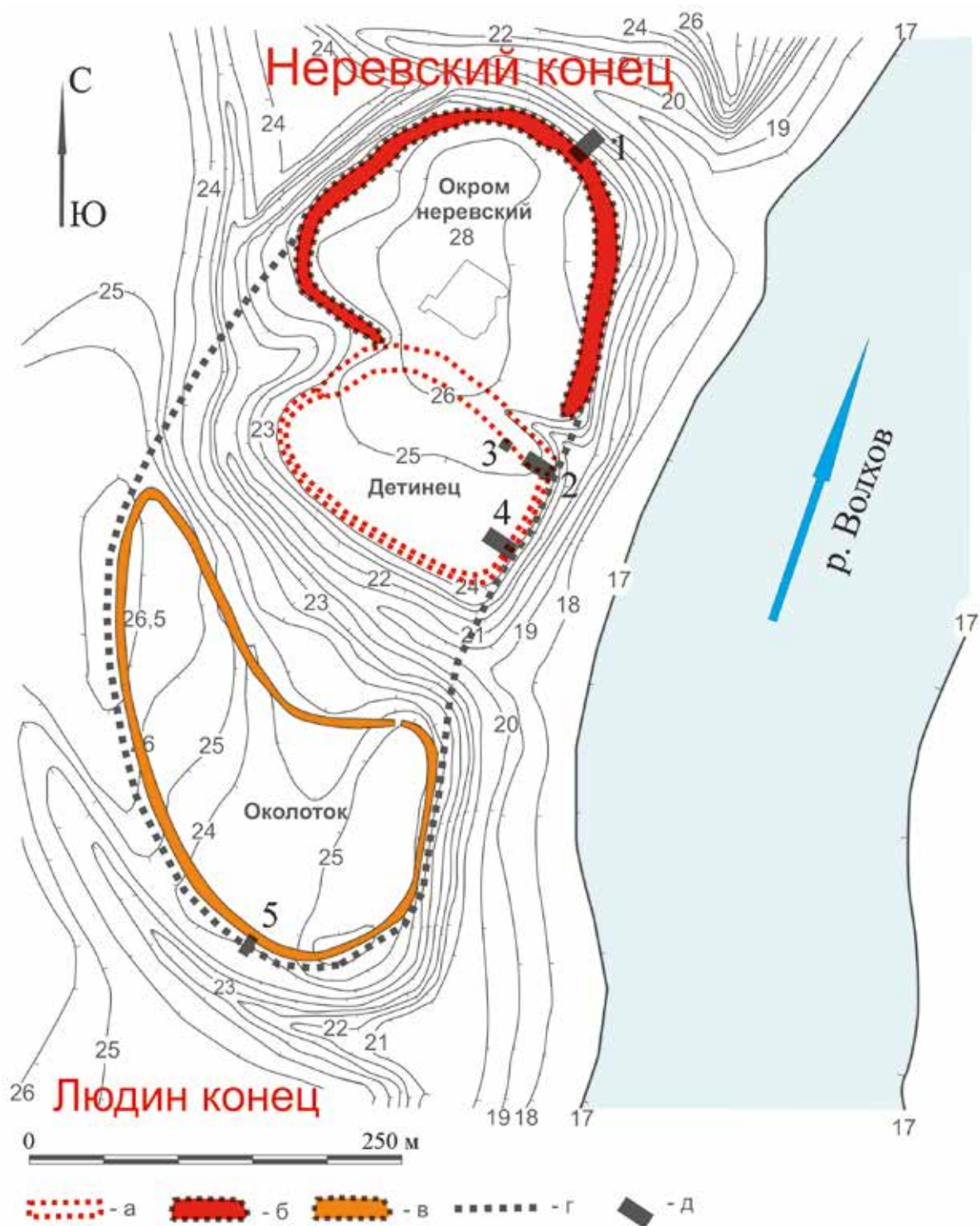
Выше идет насыпь вала (1044 г.?), нижние слои которой состоят из темно-коричневой супеси с включением тлена и угля общей мощностью до 55 см (принесенный культурный слой конца X – 1-й половины XI в.), которые перекрыты слоем глины мощностью до 20 см.

Вал 1044 г. перекрыт слоями насыпи следующего периода (начала XII в.), нижние слои которого насыпаны из песка со щебнем и галькой общей мощностью до 75 см. Этот грунт взят из оврага с внешней стороны Детинца. Выше идут слои коричневой супеси и желтого песка с включением угля, пачины и пережженных камней общей мощностью до 40 см, которые перекрыты слоем коричневой супеси и желтой глины с включением угля и пачины мощностью до 30 см. Дневная поверхность этого вала в исследованной части была горизонтальной. Сооружение данной насыпи можно соотнести с летописным сообщением о строительстве оборонительной стены в Детинце Мстиславом Владимировичем в 1116 г. Выше идут слои следующих подсыпок насыпи вала.

В результате исследовательских работ 2015–2016 гг. характеристика оборонительных сооружений на мысу при «впадении» Большого кремлевского оврага в Волхов выглядит следующим образом: ширина вала составляет около 15 м, прослеженная высота – 4,5 м (в древности он был выше). Площадка, на которую была поставлена первая оборонительная стена, возвышалась над уровнем воды в Волхове на 8 м (24,5 м в Балтийской системе высот). Археологическая датировка этой стены – не позднее середины X в. Она была поставлена на невысокую насыпь, сооруженную по краю мыса. Можно предположить, что этой стене предшествовал частокол, поставленный по самому краю мысовой площадки.

Чтобы определить время сооружения городской стены, фрагмент которой в виде дубового столба был обнаружен в описываемом шурфе, проведено его радиоуглеродное датирование жидкостным сцинтилляционным методом в Институте истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), которое показало, что это сооружение можно датировать серединой X в.

Гипсометрический план палеорельефа Новгородского кремля с обозначением местоположения оборонительных сооружений Детинца: *а* – вал Детинца X в.; *б* – вал 1044 г.; *в* – вал Околотка; *г* – современная граница Новгородского детинца; *д* – шурфы (1 – у Владимирской башни; 2 – у Софийской звонницы; 3 – у церкви Входа Господня в Иерусалим; 4 – у Пречистенской башни; 5 – у Спасской башни)

Для определения даты сооружения оборонительной стены в южной части Детинца (на территории Околотка) были проанализированы планы раскопок 1993 г. вала у Спасских ворот Новгородского кремля (исследователь Н.К. Стеценко) и заложен шурф у юго-западного угла самой башни. В результате исследования выявлена насыпь в нижней части вала, датируемая серединой XI в. По всей видимости, южная часть Новгородского детинца (Околоток) была огорожена небольшой оборонительной стеной в середине XI в.

Исследования, проведенные Новгородской экспедицией ИА РАН в Новгородском кремле, показали, что стены Детинца уже были возведены в период правления Святослава Игоревича, который княжил на Руси с 945 по 972 г. вместе со своей матерью, княгиней Ольгой. Более поздние укрепления, обнаруженные у Владимирской и Спасской башен, говорят о расширении границ Новгородского детинца в период княжения Ярослава Мудрого и его сына Владимира в преддверии строительства новгородского собора Святой Софии, которое относится к середине XI в. (см. рис.).

Библиографический список

Алешковский М.Х. Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. Вып. 14. М., 1962. С. 3–26.

Антипов И.В., Булкин Вал.А., Жерве А.В., Родионова М.А. Исследования церкви Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце в 2012 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 53–59.

Археология Украинской ССР. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев, 1986. 573 с.

Воробьев А.В. Реставрация Новгородского кремля // Архитектура СССР / гл. ред. К.И. Трапезников. М., 1958. №1. С. 49–53.

Олейников О.М. Древнейшие оборонительные сооружения новгородского детинца (по материалам исследований 2013 г.) // Новгород и Новгородская земля: материалы научной конференции. Вып. 28 / отв. ред. академик В.Л. Янин. Великий Новгород, 2014. С. 50–61.

Олейников О.М., Долгих А.В. Результаты УМС радиоуглеродного датирования городни детинца Великого Новгорода из раскопок М.Х. Алешковского в 1959 г. // КСИА. 2015. Вып. 239. С. 307–318.

Олейников О.М., Долгих А.В. Новые данные по датировке оборонительных сооружений Новгородского детинца // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь, 2016а. С. 6–16.

Олейников О.М., Долгих А.В. Новые данные по исторической топографии новгородского детинца // Новгород и Новгородская земля: материалы научной конференции. Вып. 30 / отв. ред. член-корреспондент РАН Е.Н. Носов. Великий Новгород, 2016б. С. 29–42.

Петрова Л.И., Трояновский С.В., Фирсова Н.Д. О методике моделирования палеорельефа исторической территории (опыт построения модели палеорельефа Великого Новгорода) // Новгород и Новгородская земля. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 172–192.

ПСРЛ. Т. IX: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. 256 с.

ПСРЛ. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. 692 с.

Трояновский С.В., Корчагина Л.А. Раскопки в Новгородском кремле в 1995 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы научной конференции. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 8–17.

© 2017, Н.Н. Фараджева¹, О.А. Тарабардина², П.Г. Гайдуков¹

¹Институт археологии РАН, Москва;

²Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Великий Новгород

УЛИЦЫ ТРОИЦКОГО РАСКОПА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА (топография, стратиграфия, хронология)

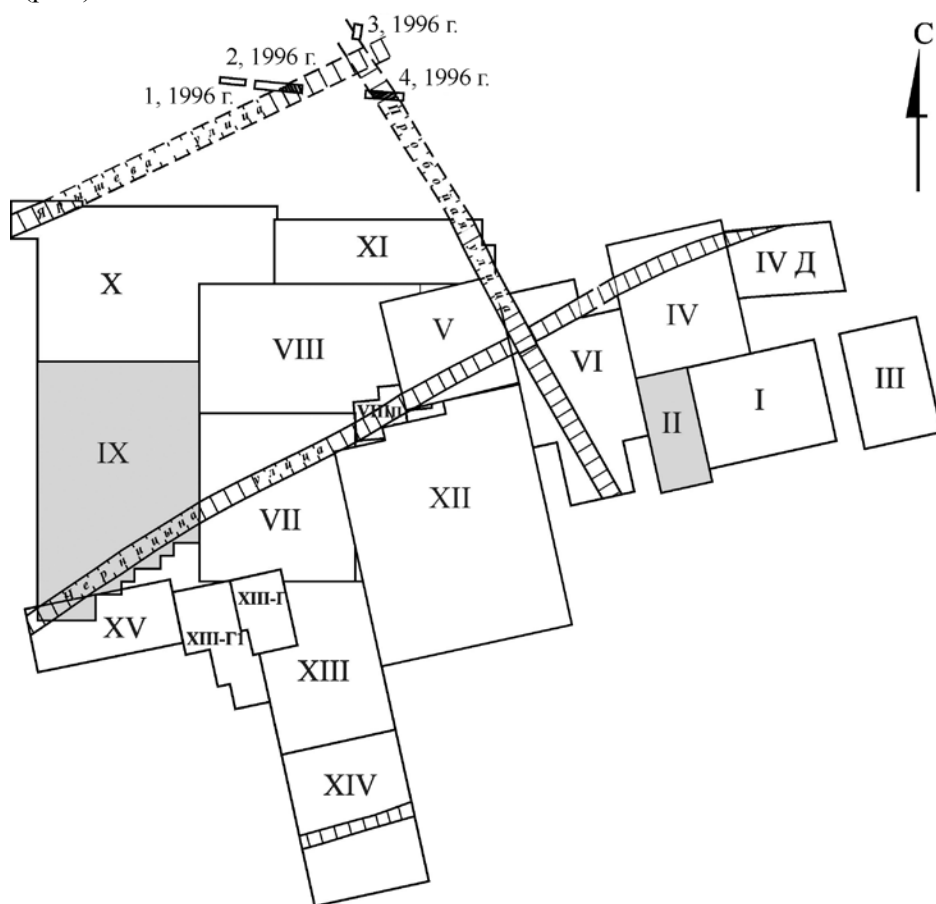
Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-01-00334 «Улицы Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа)») и РФФИ (проект №17-01-00410\17-ОГОН «Формирование и динамика развития городского квартала средневекового Новгорода в X–XV вв. (по материалам Троицкого раскопа)»)

Мостовые трех средневековых улиц (Пробойной, Черницыной и Ярышевой), раскрытых в ходе многолетних археологических исследований на территории Людина конца (Троицкий раскоп), являются ценным источником для изучения средневековых городов Северо-Западной Руси: сложения их планировочной структуры, организации и эволюции уличного мощения, датировки строительных ярусов

как самих мостовых, так и прилегающей к ним усадебной застройки. Две из этих средневековых улиц упоминаются в письменных источниках (древнейшие упоминания улицы Ярышевой зафиксированы в берестяных грамотах XII в., Черницыной – в летописных текстах за 1418 г.).

Пробойная улица, ориентированная вдоль Волхова в южном направлении от кремля, принадлежала к числу так называемых «продольных». Роль их при формировании планировочной структуры чрезвычайно велика: они составляли своеобразную основу, на которую по мере разрастания территории города «наназывались» поперечные улицы. Черницына и Ярышева являлись поперечными улицами, перпендикулярными Пробойной; к ним приурочена усадебная застройка.

Археологически лучше всего изучена Черницына улица, раскрытая на площади семи разных раскопов (Троицкий IV–IX; 1976–1994 г.). Длина исследованного отрезка Черницыной составляет более 120 м. Протяженность Пробойной улицы, раскрытой на площади раскопов V, VI, IX (1978–1983 и 1995–1998 гг.), превышает 50 м. На раскопе VI изучен перекресток данных улиц, подтвердивших существующее наблюдение об их иерархичности, согласно которому «младшие» поперечные магистрали (в данном случае Черницына) оказывались разорванным при пересечении со «старшими» – сквозными (пробойными) кончанскими улицами [Сорокин, 1995, с. 7]. Полная колонка мостовых Ярышевой улицы исследована на протяжении 12 м в пределах раскопа X (1988–1994 г.), но ее трассу и место пересечения с Пробойной удалось реконструировать в результате шурфовки на территории Кремлевского парка в 1996 г. (рис.).

Поскольку улицы Черницына и Пробойная были раскрыты в виде многочисленных отрезков на площади самостоятельных раскопов, первоочередная задача работы состояла в выполнении сводной ярусологии и хронологии мостовых каждой из них, а затем и их соотношении друг с другом. Задача эта осложнялась несовпадением количества первоначальных полевых ярусов отдельных участков данных улиц, выявленных на разных раскопах: для Черницыной улицы было зафиксировано от 26 до 28 полевых ярусов, для Пробойной – от 27 до 30.

Ранее мостовые Черницыной и Пробойной улиц уже становились объектом специального изучения [Бассальго, Сорокин, Хорошев, 1989, с. 63–66]. Авторы на основании материалов раскопов IV–VII обратились к ряду вопросов, в частности к характеристике и соотношению отдельных участков мосто-

вых, их конструкциям и др. В результате были выявлены важные особенности мощения в Людином конце, где зафиксирована гораздо более сложная картина функционирования и смены мостовых, чем на Неревском раскопе. В те же годы были впервые систематизированы данные дендроанализа конструкций мостовых (материалы раскопов IV–VI), выделены общие ярусы мощения Пробойной и Черницыной улиц [Урьева, 1989, с. 214–227]. Однако стратиграфическое и хронологическое изучение мостовых велось авторами параллельно и независимо друг от друга. Настоящее исследование базируется на комплексном анализе стратиграфических, планиграфических и дендрохронологических данных и изначально ориентировано на тесную взаимосвязь стратиграфического и хронологического направлений. К тому же проведенные позднее археологические работы на Троицких VIII, IX и XI раскопах и получение большого числа дополнительных материалов и дендропределений (в том числе и для исследованных ранее раскопов V, VI) значительно расширили источниковедческие возможности заявленной темы. Хотя в настоящее время для датирования древностей Людина конца все большую роль играет дендрохронологическое изучение построек [Тарабардина, 2007, с. 9–12], значение мостовых как общего хронологического репера всего раскопа трудно переоценить.

Для решения поставленной задачи проанализированы планиграфический и стратиграфический контексты, на основе которых выполнялась стыковка участков мостовых, выявленных на площади различных раскопов. Важную информацию для решения поставленной задачи дали 15 стратиграфических разрезов мостовых в профилях бортов раскопов. Особое значение для планиграфического и хронологического согласования ярусов разных улиц имели северные профили раскопов X–XI общей протяженностью 70 м, в западной части которого фиксировался разрез Ярышевой, а в восточной – Пробойной улицы. Большую ценность представлял собой и восточный профиль раскопа V, куда одновременно вошли разрезы Пробойной и Черницыной улиц.

Кроме того, при выполнении сводных ярусов мощения учитывался уклон древней дневной поверхности, выстроенный в соответствии с уровнем залегания синхронных каждому из ярусов сооружений, пятен и прослоек. Принимался во внимание также значительный перепад материковой поверхности с севера на юг, на участке прохождения Пробойной улицы составляющий около 1 м, а также выраженное понижение (до 140 см) в восточном направлении под западной частью Черницыной – уклон, сохраняющийся в сглаженном виде и в более позднее время. При выполнении сводных ярусов мостовых нами принималось во внимание следующее: данные по планиграфии участков мостовых, исследованных на различных раскопах, их конструктивное сходство и сохранность; общий стратиграфический контекст синхронных ярусов; наличие хронологически близких серийных датировок.

Как уже отмечалось, коллекции дендробразцов, собранные в ходе археологических исследований, очень обширны, статистические данные о дендробразцах Черницыной, Пробойной и Ярышевой улиц приведены в таблице.

Улица	Количество дендробразцов	
	исследовано	датировано
Черницына	1 606	1 090
Пробойная	637	410
Ярышева	191	133
Всего	2 434	1 633

В целом, с учетом результатов предпринятых в рамках нашего проекта дендрохронологических исследований, на сегодняшний день мостовые Людина конца представлены более чем 2 400 образцами, свыше 1 600 из которых датированы. Принципиально важно, что датировки получены для всех исследованных отрезков мостовых, в отличие от Неревского раскопа, где образцы для дендроанализа отбирались на ограниченных участках. Следует отметить, что уличные мощения Людина конца, особенно в слоях XIV–XV вв., сохранилась гораздо хуже, чем мостовые ряда других новгородских раскопов (например, Неревского и Михайловского). Состав древесины отдельных ярусов мостовой значительно более пестрый, чем, к примеру, на Неревском раскопе: здесь нет неревской четкости датировок, когда плахи какого-либо яруса датируются одним годом. Разброс дендродат в ярусах обычно составляет несколько лет; велико количество вторично использованных деталей, особенно в ранний период (X–XI вв.).

Наиболее трудоемкой по причине плохой сохранности конструкций, малочисленности и разрозненности имеющихся датировок оказалась работа с материалами X–XI вв. и 2-й половины XIV – XV в.

В результате проведенного комплексного исследования, основанного на тщательном анализе стратиграфических, планиграфических и дендрохронологических данных, выполнена ярусология мостовых каждой из улиц, а затем – сводная ярусология уличного мощения, что, в свою очередь, предоставило возможность для характеристики конструктивных и хронологических особенностей каждой из трех улиц и проведения их сравнительного анализа.

В результате выявлено 32 фазы уличного мощения Черницыной улицы, 30 – Пробойной и 27 – Ярышевой. На основании полученных данных можно судить о динамике уличного мощения. Интервалы между периодами смены мостовых на Черницыной улице составляют от 8 до 34 лет, на Пробойной – 10–38 лет, на Ярышевой – от 6 до 40 лет. Они достаточно велики в ранний период (в X–XI вв.), когда традиция сооружения мостовых и организация этого процесса только складываются. Учитывая асинхронность мощения Черницыной и Пробойной улиц, локальные ремонты и более частое обновление участков Черницыной вблизи перекрестка, можно говорить о 39 разновременных горизонтах, отражающих детальную картину взаиморасположения разновременных мостовых этих улиц. Полученные данные позволяют представить последовательность появления уличных мостовых и дальнейший порядок сооружения улиц.

Первоначальное мощение Пробойной и Черницыной улиц появляется одновременно в 938–940 гг. и связано непосредственно с возникновением в этой части города усадебной застройки. При этом Пробойная улица мостится на всем исследованном отрезке, а древнейшее мощение Черницыной осуществляется лишь на ближайших к перекрестку участках. Основываясь как на данных стратиграфии шести исследованных участков мостовой, так и на дендродатах нижних ярусов уличного мощения [Тарабардина, 2010, с. 323], удалось подтвердить высказанное ранее предположение, согласно которому восточный участок мощения Черницыной улицы был более древним, а его продолжением на западе служила грунтовая дорога [Бассальго, Сорокин, Хорошев, 1989, с. 66]. Судя по тому, что пахотные борозды, выявленные на уровне материка, не заходили под выбитую дорожную колею, грунтовая дорога, предшествующая Черницыной улице, существовала в данной части Людина конца еще до появления здесь усадебной застройки, так как поле функционировало до возникновения первых усадеб [Фараджева, Тарабардина, Гайдуков, 2014, с. 134–160]. Мощение западного участка Черницыной появляется лишь в 50-х гг. X в. и совпадает с продвижением усадебной застройки в западном направлении.

К этому же времени относится и самая ранняя мостовая Ярышевой улицы – стратиграфически она соответствует застройке 50-х гг. X в. Мощению Ярышевой улицы также предшествовала грунтовая дорога, однако отсутствие материкового углубления по трассе дороги и сохранившиеся следы распашки под ней указывают на то, что Ярышева улица появилась несколько позднее Черницыной. Тем не менее мощение Ярышевой вблизи от перекрестка с Пробойной могло совпадать по времени с укладкой древнейших мостовых Черницыной и Пробойной, а исследованный в пределах раскопа X участок Ярышевой улицы, отстоящий от перекрестка с Пробойной более чем на 50 м, мог моститься несколько позже.

Начиная с середины X в. местоположение трасс Черницыной, Ярышевой и Пробойной улиц и общая планировка данного квартала Людина конца остаются практически неизменными на протяжении пяти столетий. В раннее время интервалы между периодами смены мостовых достаточно велики: в это время традиции уличного мощения и организация процесса обновления мостовых только складываются. В X в. периоды мощения улиц фактически совпадают, но в начале XI в. мостовые Черницыной и Ярышевой возобновляются чаще, чем мостовые Пробойной. Значительные временные промежутки в сооружении мостовых XI в. отчасти объясняются разборкой отдельных ярусов мостовых Пробойной улицы и плохой сохранностью Черницыной вблизи перекрестка. С 1080-х гг. процесс обновления уличных настилов упорядочивается, а временные интервалы между периодами смены мостовых сокращаются. Начиная с этого времени можно говорить о едином порядке или организации сооружения уличных мостовых в форме общих и единовременных мероприятий по возобновлению мощения поперечных улиц. Обновление мостовой Черницыной улицы на всем ее протяжении и по обе стороны от перекрестка осуществлялось чаще всего единовременно. Различие в датировках отдельных участков Черницыной связано в значительной мере с локальными ремонтами уличных настилов или необходимостью выравнивания уровня мостовых пересекающихся улиц на примыкающих к перекрестку участках.

Наиболее динамично смена мостовых происходит в XII в., когда этот район Людина конца переживает свой расцвет. На протяжении этого столетия мощение Черницыной улицы меняется 8 раз, Пробойной и Ярышевой – 7 раз. Динамика уличного мощения демонстрирует те же тенденции, что и застройка

прилегающих усадеб. В XIII–XV вв. замена мостовых производится в среднем раз в 20 лет: увеличение срока службы мостовых происходит за счет использования особенно массивных плах.

Следует отметить выраженную асинхронность мощения продольной (Пробойной) и поперечных (Черницыной и Ярышевой) улиц Людина конца, исследованных на Троицком раскопе. Ситуация, при которой мостовые Черницыной и Пробойной улиц возобновлялись неодновременно с интервалами от 4 до 12 лет, была достаточно постоянной. Она наиболее характерна для горизонтов XII в., а также для 2-й половины XIII–XIV в. С учетом этого обстоятельства особое значение приобретают синхронные горизонты мощения продольных и поперечных улиц. Они связаны с важными этапами развития данного участка Людина конца: временем возникновения данного городского квартала (горизонты конца 30-х и 50-х гг. X в.); периодом упорядочивания уличного мощения (горизонты 60-х и 80-х гг. XI в.); временем возобновления застройки после крупных пожаров, в момент перепланировки начала XIII в. Единновременные мероприятия по возобновлению мощения продольной и поперечных улиц в 40-х гг. XIV в. и на протяжении 1-й половины XV в. (к XV в. относятся три общих периода смены мостовых) чаще всего являлись вынужденной мерой.

Интересные результаты получены также в результате сравнения периодов обновления мостовых поперечных улиц. Замена мостовых Ярышевой и Черницыной производилась в разное время, хотя и с небольшими временными интервалами [Сорокин, 1995, с. 15], однако начиная с последней четверти XIII в. мостовые указанных улиц укладываются абсолютно синхронно. Можно предположить, что именно с этого времени порядок мощения рядовых кончанских улиц был регламентирован и соблюдался довольно строго.

Выявление сводных датированных ярусов мощения каждой из улиц позволило также сравнить конструкции мостовых и проследить динамику их развития. Все три улицы имеют традиционную для Новгорода конструкцию. Их опорным каркасом служили продольные бревенчатые лаги, уложенные в три линии (в ярусах X в. используется и две лаги), которые опираются на бревенчатые поперечные подкладки. На лаги укладывался настил мостовой, выполненный из поперечных широких плах, обращенных плоской стороной вверх. Опорные конструкции мостовых состояли из звеньев, протяженность которых определялась длиной лаг (в среднем от 5–7 до 9–9,5 м). Как правило, вдоль границ каждой из усадеб укладывалось по два звена мостовой. Кроме того, место стыковки лаг, так называемые «швы», соответствовали границам между соседними усадьбами [Бассальго, Сорокин, Хорошев, 1989, с. 63–66].

В X – начале XI в. ширина полотна поперечных улиц была невелика и составляла 2–2,6 м. В последующее время ширина Черницыной и Ярышевой улиц увеличивается до 3 м, иногда до 3,3–3,4 м. Средняя ширина Пробойной несколько больше – 3,2–3,5 м (3 м – в X в.), а начиная со 2-й половины XIII в. – до 4 м. Тем не менее Пробойная улица Троицкого раскопа значительно уступала по ширине Великой улице Неревского конца, средняя ширина которой равнялась 4,5–5,0 м.

Изменение конструкций мостовых всех трех улиц осуществлялось в русле общей строительной традиции. Свободная укладка концов лаг смежных звеньев («вперехлест» и «встык») на многочисленных подкладках в раннее время (X – 1-я половина XI в.) начиная с 70-х гг. XI в. сменяется креплением концов лаг соседних звеньев мостовой на общей подкладке с соединением «в закрой» или «вперехлест» и фиксацией их во врубке-чашке, выбранной в общей подкладке. Появление данного приема на всех трех улицах Троицкого раскопа относится примерно к одному и тому же времени: на Ярышевой такое соединение впервые зафиксировано в 21-м ярусе, датированном 1071 г., чуть позднее оно выявлено на Черницыной (1080-е гг.) и Пробойной (1090-е гг.). С этого времени можно говорить об упорядочивании уличного мощения, когда предпочтение начинают отдавать соединению непосредственно протяженных звеньев мостовой.

Выявлены и другие общие тенденции, отразившиеся на конструкциях мостовых всех трех улиц: в слоях X–XII вв. сохраняются в основном опорные конструкции мостовой – лаги и подкладки. Настилы в этот период систематически разбирались перед укладкой нового яруса мостовой. Позднее, в XIII в., настилы мостовых перестают разбирать, общие для всех трех лаг подкладки чаще всего отсутствуют, а опорой лаг служат плахи предыдущей мостовой. Число подкладок заметно сокращается. Постепенно выходят из употребления фиксация концов лаг на единой подкладке и их жесткое соединение.

Таким образом, составление сводной ярусологии и хронологии мостовых Черницыной, Пробойной и Ярышевой улиц, раскрытых на Троицком раскопе, предоставило важные сведения, касающиеся эволюции непосредственно уличного мощения, а также проблемы формирования и развития уличной сети и планировочной структуры Людина конца в X–XV вв.

Библиографический список

Бассалыго Л.А., Сорокин А.Н., Хорошев А.С. Улицы Троицкого раскопа (топография, стратиграфия, хронология) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1989. С. 63–66.

Сорокин А.Н. Благоустройство древнего Новгорода // Архив архитектуры VI. Новгородские древности. Вып. 2. М., 1995. С. 1–138.

Тарабардина О.А. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991–2005 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 22 с.

Тарабардина О.А. О динамике строительства в Новгороде в эпоху Ярослава Мудрого // Новгород в эпоху Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. С. 321–334.

Урьева А.Ф. Дендрохронология мостовых Троицкого раскопа в Новгороде // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989. С. 214–227.

Фараджева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г. Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М. ; Вологда, 2014. С. 134–160.

АРХЕОЛОГИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

© 2017, Д.Ю. Бадеев

Институт археологии РАН, Москва

ПЛАНИРОВКА СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРА: НОВЫЕ ДАННЫЕ (по материалам археологических исследований 2011–2016 гг.)

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации №НШ-7170.2016.6.
«Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X–XVI вв.)»

В ходе археологических работ 2011–2016 гг., проводимых в рамках комплексного проекта «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар», был выявлен и исследован целый ряд объектов, связанных с планировкой средневекового Болгара: участки оборонительных сооружений домонгольского времени (раскопы CLXXII, СХСІХ), монументальные сооружения в центральной части золотоордынского Болгара (раскопы CLXXIX, СХСІІ) и на его окраинах (раскопы CLXXIV, СХСІV, ССІІ, ССІІІ – в южной части городища; раскопы CLXVIII, ССХVІ, ССХХV, ССХХVІ – в юго-западной части; раскоп СХСІ – в западной), элементы уличной планировки (раскопы CLXXIX, СХСІХ) и рядовой застройки – жилые, хозяйственные и ремесленные постройки (объекты).

Обследованный в раскопе СХСІХ участок домонгольского рва, исходя из его стратиграфического расположения и формы, относится к самой ранней оборонительной линии болгарских укреплений (X – начало XI в.), западная часть которых была выявлена в раскопах XVI, XXVIII, XXX, XLI, XLVI, СХХХVII и СХLI. Предполагалось, что ранние оборонительные укрепления тянулись с севера на юг, юго-восток от обрыва высокой волжской террасы к одному из отрогов Большого Иерусалимского оврага, образуя тем самым мысовую площадку подтреугольной формы между краем волжской террасы и оврагом, т.е. Болгарское городище имело классический мысовой характер, как и значительная часть ранних городищ Волжской Болгарии [Краснов, 1987, с. 102; Губайдуллин, 2011]. Выявленный в раскопе СХСІХ участок оборонительных укреплений, представленный в районе Большого Иерусалимского оврага, следовал очертаниям оврага, образуя тем самым несколько более сложную планировочную схему раннего Болгара. Вероятно, оборонительные укрепления Болгара 2-й половины X – начала XI в. окружали его с трех сторон: с запада, юга и востока (рис. 1). О существовании укреплений в восточной части мы можем судить пока лишь на основе косвенных данных. Так, в раскопах XLII, LXIX отсутствовали слои, объекты и находки, относящиеся к раннему периоду освоения данной территории (слой VI по общеболгарской стратиграфической шкале) [Старостин, Хлебникова, 1972; Старостин, 1979], т.е. данная территория находилась за границами защищенного города и не входила в зону хозяйственного освоения. Кроме того, выявленный участок рва X в. в раскопе СХСІХ был разделен материковой перемычкой шириной около 2 м [Ситдииков и др., 2015, с. 17]. Проход пересекал ров по оси СЗ–ЮВ и с восточной стороны городища образовывал улицу, ограниченную частокольными оградами. Остатков мощения улицы не зафиксировано. По предварительным данным, улица могла просуществовать вплоть до 1-й половины XIII в., когда этот участок «плотно застраивается усадьбами с жилыми и хозяйственными помещениями» [Ситдииков и др., 2016, с. 15]. Улица в момент своего существования располагалась на южной оконечности укрепленной части города и вела от его окраины к центру. Стоит отметить, что сам ров (на данном участке), исходя из его заполнения, просуществовал непродолжительное время и был засыпан уже в начале XI в. Именно к этому времени Болгарское городище оказывается вписанным в существовавший ландшафт местности: цитадель занимает основную (восточную) часть мыса, который был образован краем надпойменной террасы (с севера) и оврагом (с востока и юга), а к западу от нее развивается, скорее всего, находившийся без оборонительных укреплений вплоть до конца XII в. городской ремесленный посад, на юго-западной окраине которого формируется район, специализирующийся на металлообработке, о чем свидетельствуют обнаруженные здесь (раскопы CLXXIV, CLXXIX, СХСІІ) в нижней части напластований слоя VI остатки нескольких железоплавильных горнов тигель-

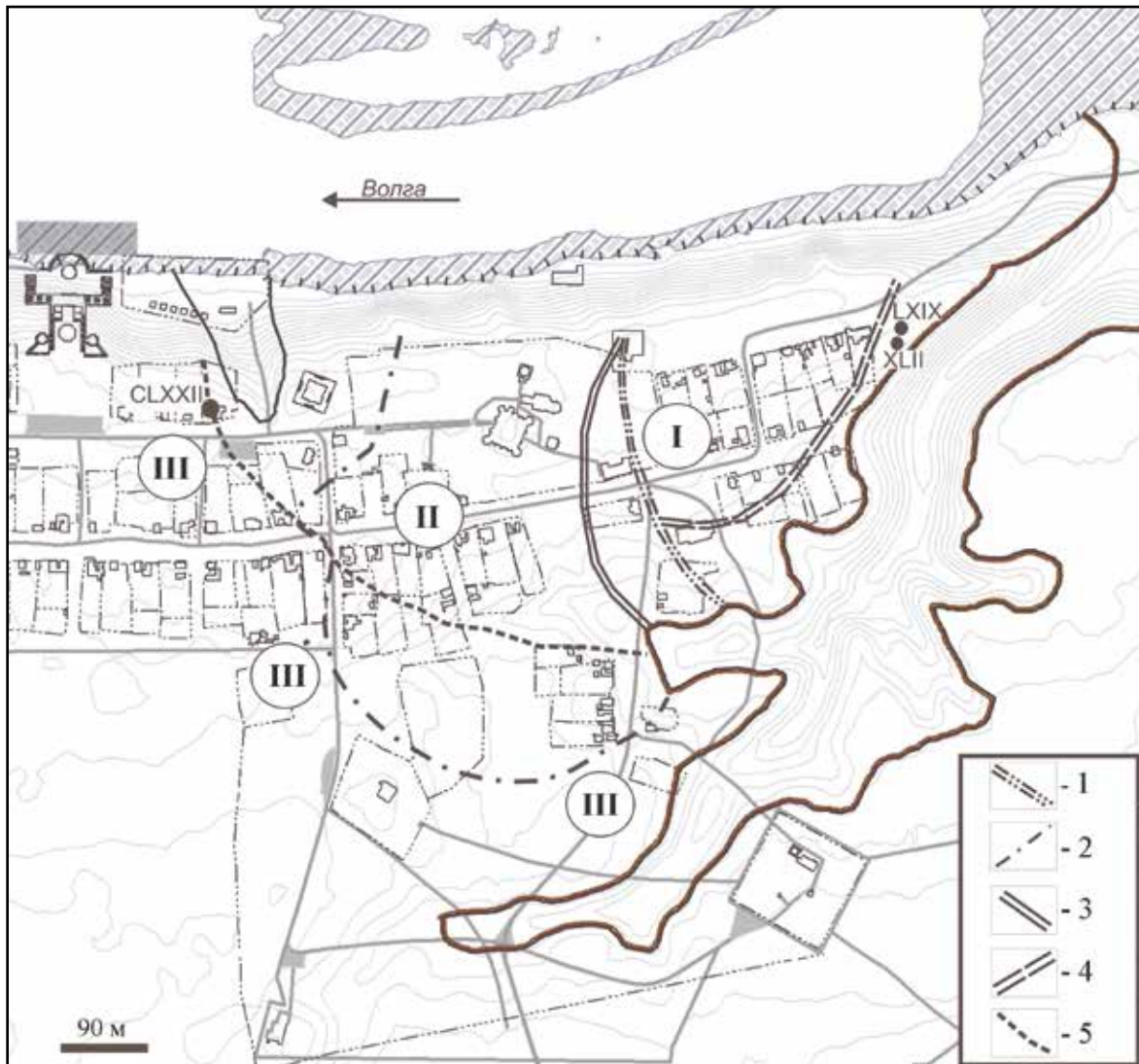

Рис. 1. Оборонительные сооружения Болгара домонгольского периода (X – начала XIII в.) в системе городской планировки: I – цитадель (начало XIII в.); II – защищенный посад (начало XIII в.); III – незащищенный посад (начало XIII в.); 1 – линия оборонительных сооружений X – начала XI в. (по Т.А. Хлебниковой); 2 – линия оборонительных сооружений к началу XIII в. (по Т.А. Хлебниковой); 3 – линия оборонительных сооружений цитадели к началу XIII в.; 4 – реконструируемый участок линии оборонительных сооружений X – начала XI в. (по материалам археологических исследований 2011–2016 гг.); 5 – реконструируемая линия оборонительных сооружений к началу XIII в. (по материалам археологических исследований 2011–2016 гг.).

ного (салтовского) типа, а также скопления обогащенной железной руды и шлака [Коваль, Бадеев, 2015, с. 197, рис. 3; Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 206].

К концу XII – началу XIII в. по западной границе посада раннего болгарского времени возводится еще одна система оборонительных укреплений, трассировка которой в значительной степени была уточнена в ходе археологических исследований 2011–2016 гг. Так, на краю коренной террасы в раскопе CLXXII выявлен фрагмент оборонительного рва трапециевидной формы, ориентированного по оси С–Ю [Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 195, рис. 1, 2]. Его расположение, от предполагаемого ранее [Хлебникова, 1987, рис. 3], отодвигает границу города к северо-западу (см. рис. 1). При этом уточнению и корректировке подлежат южная и юго-западная границы укреплений предмонгольского города, что показали раскопы ССХХV и ССХХVI (2016 г.), где на ранее предполагаемом месте какие-либо их следы отсутствовали [Губайдуллин, 2017, с. 21]. Возможно, данная граница проходила несколько севернее: от места выявления западной части предмонгольского рва в раскопах LVII и LXXIII, где она была ориентирована по оси З–В и шла в направлении западного отрога Большого Иерусалимского оврага.

Значительная часть металлургического производства домонгольского времени с возведением рассматриваемой линии укреплений как пожароопасное выносится к юго-западу от новой линии укре-

плений, что подтверждается материалами археологических раскопов как начального периода исследований – раскоп 17 (1949 г.), так и новыми данными – раскоп CLXVIII (2012 г.). Например, в районе бывшей сельской школы были выявлены наземные металлургические горны полусферической формы (по определению А.М. Ефимовой), а также скопления железного шлака. Таким образом, с возведением новой линии укреплений по западной границе раннего посада (так называемый «замошный вал») можно говорить о существовании трехчастной схемы устройства города, где к западу от цитадели располагается защищенный посад, а за его пределами к западу, вдоль линии надпойменной террасы, по краям овражисто-балочной системы, на основе отдельных поселений X–XII вв. формируется новый незащищенный посад (см. рис. 1). Планировка домонгольского Болгара в начале XIII в. от секторного типа, характерного для городищ, образованных на мысах, сменяется веерной схемой, которая получает свое дальнейшее развитие в золотоордынский период. Однако необходимо отметить тот факт, что самая ранняя часть домонгольского Болгара, так называемая цитадель, и характер ее внутренней планировки до сих пор остаются практически неизученными археологическими методами. Именно здесь должно располагаться планировочное ядро раннего Болгара.

После разгрома города в 1236 г. во время монгольского нашествия Болгар в течение короткого времени быстро восстанавливается, при этом происходят изменения в его планировочной структуре: ликвидируются укрепления цитадели, но в той или иной степени сохраняются элементы «замошного вала» [Краснов, 1987, с. 108], которые можно рассматривать в качестве административной западной границы центральной части города, сформированной вокруг Соборной мечети, Восточного и Северного мавзолеев. Кроме того, развиваются районы в «подгорной» и пойменной частях, а также к югу от Большого Иерусалимского оврага. Данные территории продемонстрировали наиболее динамичную картину изменений характера городской застройки. Как показали исследования 2011–2016 гг., в южной части городища уже в конце XIII – 1-й половине XIV в. кратковременное существование жилой усадебной застройки сменяется, а на определенных участках и сосуществует с выявленными здесь мавзолеем и связанными с ними могильниками [Бадеев, 2016, с. 102].

Археологические исследования 2011–2016 гг. показали, что с конца XIII в. по середину XIV в. происходит активное развитие уличной сети. В центральной части городища появляются магистральные улицы, которые имеют схожую с Соборной мечетью ориентировку. Так, в раскопах CLXXVI (2012 г.) и CLXXIX (2012, 2014, 2016 гг.) зафиксирована улица, просуществовавшая с начала XIV по 60–70-е гг. XIV в., была ориентирована по оси 3–СЗ – В–ЮВ. Улица была ограничена оградами усадеб из сырцового кирпича. Ширина улицы – около 4 м, следы мощения улицы археологически не зафиксированы, однако на наличие деревянного мощения могут указывать две параллельные неглубокие (2–3 см) «канавки» шириной до 30 см. Расстояние между «канавками» не превышало 2 м. Данные объекты могли быть образованы вдавлениями от двух деревянных лаг. Кроме того, в раскопе CLXXIX (2012 г.) на участке фиксации дороги в субгоризонте, связанном с возведением оград из сырцовых кирпичей, было отмечено наибольшее количество костей животных. Обилие костей животных в рассматриваемом субгоризонте дает нам основание говорить о целенаправленном приеме, который применялся для выравнивания поверхности под улицу над просадками в нижележащие ямы. Использование «кухонных» остатков костей животных в качестве «вымосток» под деревянные мостовые было зафиксировано при исследованиях средневековых городов Восточной Европы, прежде всего Новгорода и Пскова [Арциховский, 1949; Яворская, 2013]. Данная улица соединяла «подгорную» и «заовражную» части города. Не случайно именно на ней появилось монументальное сооружение городского базара середины XIV в. – 60–70-х гг. XIV в. От Соборной мечети к зданию городского базара с северо-востока примыкала еще одна улица, которая, проходя через сооружение, имела свое продолжение в сторону ремесленного района в юго-западной части города [Бадеев, 2015, с. 206, рис. 1, 2]. Можно предположить, что данные улицы, проходившие через городской базар, имели своих «дублеров». Подобным образом была устроена планировка во многих городах исламского востока, где базары также располагались на перекрестках улиц. Само существование улиц, пересекающихся под прямым углом, позволяет говорить об улично-квартальной застройке центральной части золотоордынского города. Улицы и проселочные дороги на окраинах города, где располагались отдельные крупные усадьбы, не превышали 2–2,5 м, имели грунтовое покрытие. Фрагмент такой «полевой дороги» был зафиксирован в раскопе CCVI (2015 г.) под насыпью городского вала середины XIV в., проходил «с севера (с территории городища) на юг по гребню водораздела» [Русаков, Коваль, 2016, с. 20].

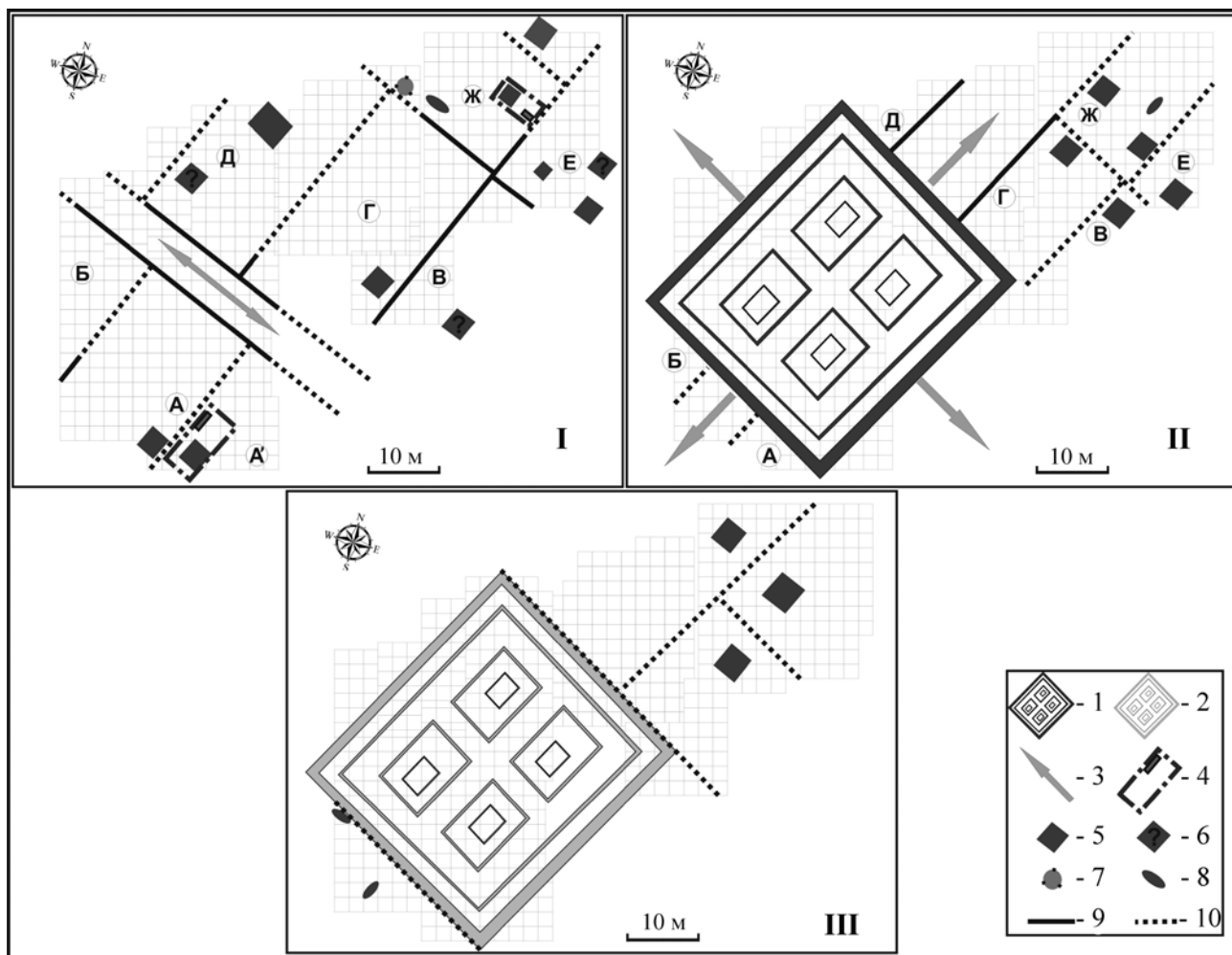

Рис. 2. Динамика изменений городской застройки позднего золотоордынского периода в 100–150 м к юго-западу от Соборной мечети: *I* – планировка 20–40-х гг. XIV в.; *II* – планировка 50–70-х гг. XIV в.; *III* – планировка конца XIV – начала XV в.; 1 – здание городского базара; 2 – руины здания городского базара; 3 – трассировка улиц; 4 – остатки наземных жилых построек с бытовыми печами; 5 – подвалы; 6 – подвалы, датировка которых требует уточнения; 7 – предполагаемое место стеклодельной мастерской; 8 – хозяйственные заглубленные объекты; 9 – выявленные участки уличных и межузсадебных оград; 10 – реконструируемые и предполагаемые участки уличных и межузсадебных оград

В ходе исследований 2011–2016 гг. в центральной части Болгарского городища (раскопы CLXXIX, СХСII), благодаря выявленным и зафиксированным остаткам оград из сырцовых кирпичей, а также выделению дополнительных стратиграфических субгоризонтов в напластованиях IV-позднего золотоордынского слоя (на раскопе CLXXIX и для IV-раннего золотоордынского слоя), были установлены границы и планировка как минимум пяти усадеб 1-й половины XIV в. Эти усадьбы предшествовали строительству монументального сооружения городского базара, располагались вдоль уже упомянутой улицы, соединяющей «подгорный» и «заовражный» районы города. Большинство объектов на этих усадьбах представлены подвалами от наземных построек, размерами от 3,5 до 5,5 м, глубиной от 160 до 200 см. В двух случаях удалось зафиксировать остатки наземных построек, представленных деревянными настилами и бытовыми печами. Ориентировка построек на этих усадьбах, как и большинства объектов рядовой жилой застройки в центральной части городищ золотоордынского периода на других раскопах, соответствует осям ССВ–ЮЮЗ и ЗСЗ–ВЮВ, что, в свою очередь, соответствует ориентировке большинства монументальных сооружений в этой части городища, прежде всего Соборной мечети. Характер находок, а в ряде случаев и остатков производственных комплексов указывает на то, что усадьбы были связаны с меднолитейным, ювелирным, косторезным и стеклообрабатывающим производством, а в период существования городского базара (50–70-е гг. XIV в.) и с торговой деятельностью, о чем свидетельствуют находки из заполнения объектов – весовые гири, в том числе восточного типа, и элементы весов. Благодаря вскрытию широкими площадями впервые удалось выяснить точные раз-

меры усадьбы центральной части города для золотоордынского периода Болгара. Например, усадьба Г (см. рис. 2.-I) в плане имела прямоугольную форму размерами 32 × 20 м (площадь 640 м²) и была ориентирована по оси ССВ–ЮЮЗ [Бадеев, Валиев, 2016, с. 106, 107]. Динамика изменения плотности жилой застройки свидетельствует об уменьшении площади усадеб в центральной части городища к середине XIV в. (см. рис. 2.-II).

К началу XV в. после разрушительных событий периода «замятни» в Золотой Орде, отразившихся и на средневожских городах, происходит значительное сокращение городской площади – Болгар практически возвращается к границам домонгольского периода. Значительно сокращается в центральной части городища плотность рядовой жилой застройки. Если на территории к северо-востоку от здания городского базара 50–70-ми гг. XIV в. датируются пять объектов (подвалов), то концом XIV в. – уже два, а началом XV в. – всего один (см. рис. 2.-III). В этот период южные периферийные районы превращаются в обширные могильники. Подгорный, «заречный», западный и юго-западный ремесленные районы прекращают свое существование.

Библиографический список

Арчиховский А.В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // МИА СССР. 1949. №11. С. 152–244.

Бадеев Д.Ю. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70-х гг. XIV в. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 200–210.

Бадеев Д.Ю. Динамика развития городской территории средневекового Болгара // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань ; Ялта ; Кишинёв, 2016. С. 102–104.

Бадеев Д.Ю., Валиев Р.Р. Усадьбы золотоордынского Болгара к юго-западу от Соборной мечети // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань ; Ялта ; Кишинёв, 2016. С. 105–107.

Баранов В.С., Губайдуллин А.М. О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году // Поволжская археология. 2016. №2 (16). С. 193–218.

Губайдуллин А.М. Новые данные по оборонительным сооружениям Болгарского городища X в. // Научный Татарстан. 2011. №2. С. 109–111.

Губайдуллин А.М. Археологические исследования Болгарского городища в районе «Черной палаты» (раскопы ССXXV ССXXVI) // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2017. С. 21–22.

Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. 2015. №237. С. 188–199.

Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 100–124.

Русаков П.Е., Коваль В.Ю., Раскоп ССVI // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2016. С. 19–20.

Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. Раскоп СХСIX // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2015. С. 16–18.

Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В., Данильченко А.И. Раскоп СХСIX // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2016. С. 13–15.

Старостин П.Н., Хлебникова Т.А. Отчет о раскопках на Болгарском городище в 1972 г. Раскоп XLII // Архив ИА РАН, р-1, №4719.

Старостин П.Н. Отчет о раскопках на Болгарском городище в 1979 г. Раскоп LXIX // Архив ИА РАН, р-1, №7470.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 32–88.

Яворская Л.В. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал. 2013. Т. 92, №9. С. 1179–1189.

© 2017, Д.Ю. Бадеев, В.Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

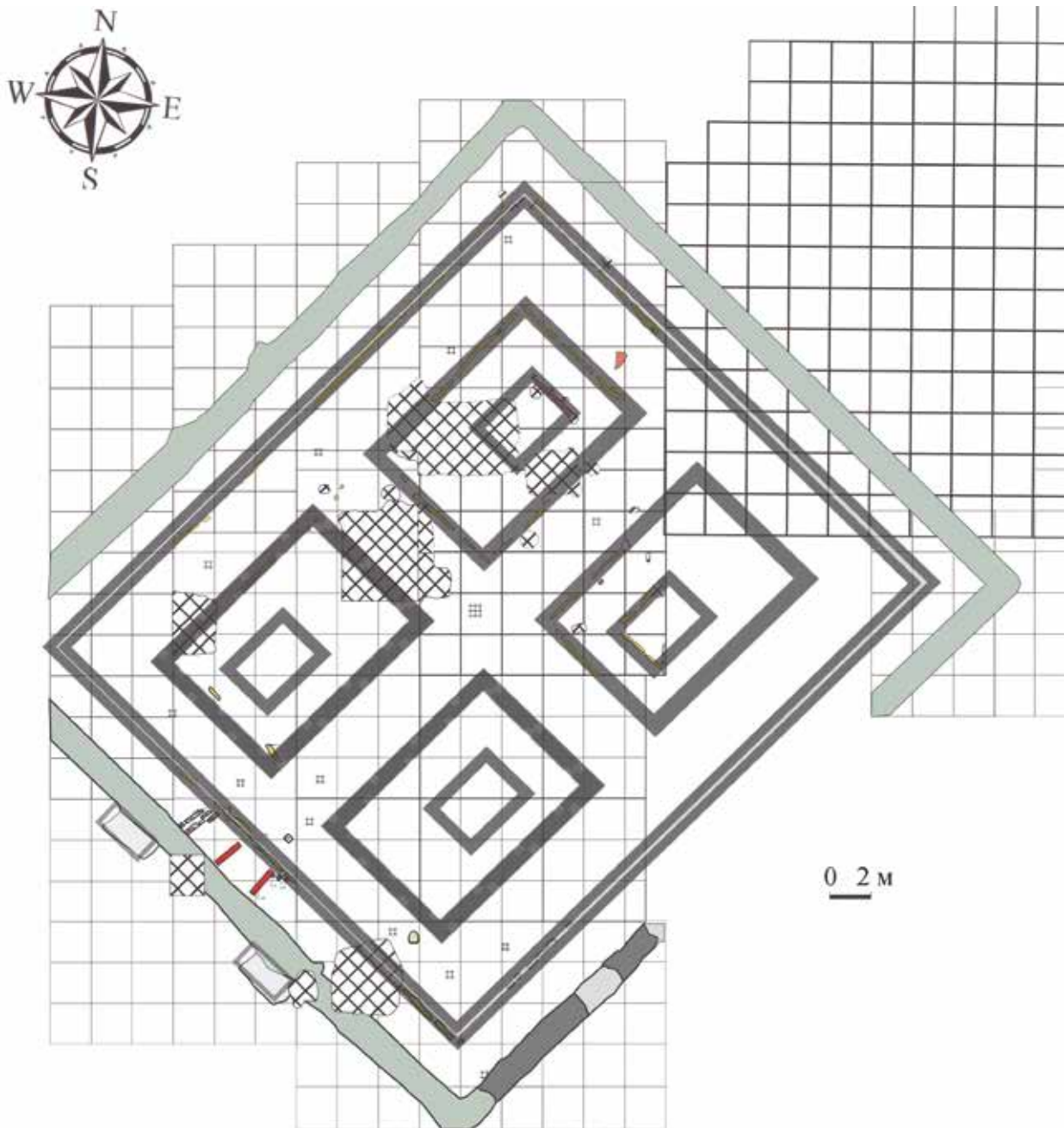
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАЗАР ГОРОДА БОЛГАРА – ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ В 2011–2016 ГГ.

Уникальным археологическим объектом Болгарского городища является его центральный базар, который размещался в самом центре золотоордынского города, в 150 м к юго-западу от Соборной мечети. В 40-е гг. XX в. Н.Ф. Калинин при составлении плана Болгарского городища с деталями археологических наблюдений на этом месте под №32 были отмечены «развалины» крупного объекта [План Болгарского городища...], которые находились на территории жилого двора («усадебка Печенкова»). Лишь в 1989 г. начато археологическое исследование данного участка городища. За шесть сезонов (1989–1993, 2000 гг.) археологических исследований под руководством М.Д. Полубояриновой, Н.А. Кокориной (ИА РАН) и Г.Ф. Поляковой (ГИМ) были обнаружены остатки монументального каменно-кирпичного здания в виде выбранной в конце XIX в. фундаментной траншеи, а также примыкавших к ней с северо-востока двух кладок из обожженного кирпича на глиняной основе (шириной до 1 м) и завалов битого кирпича. Большое количество монетного материала и многочисленный торговый инвентарь (детали весов и гирьки) позволили исследователям определить данную территорию как «рыночную площадь», а саму постройку связать с торгово-ремесленной деятельностью [Кокорина, Полубояринова, Полякова, 1994; Кокорина, 2005; Полубояринова, 2006]. Однако установить точное пространственное расположение и габариты монументального сооружения исследователям не удалось из-за небольших размеров вскрытых площадей.

Возобновление исследований «рыночной площади» произошло в 2011 г. и продолжалось в течение шести полевых сезонов благодаря совместным усилиям институтов археологии Российской академии наук и Академии наук Республики Татарстан на раскопах CLXII, CLXXVI (2011–2012 гг., руководитель работ В.С. Баранов), CLXXIX и СХСII (исследовались в 2012–2016 гг., руководители работ В.Ю. Коваль и Д.Ю. Бадеев). Предварительные результаты исследований монументального сооружения были опубликованы в ряде работ и представлены на различных, в том числе международных, конференциях [Баранов, Бадеев, Коваль, 2012; Koval, Badeev, Sitdikov, 2014; Коваль, Бадеев, 2015; Коваль, Бадеев, Яворская, 2016]. Всего с 1989 по 2016 г. единой площадью было вскрыто более 2 200 м², что сделало данный участок одним из наиболее изученных на территории городища.

Мощность отложений культурного слоя на участке исследований составляет 1–1,5 м. Верхний горизонт слоя золотоордынской эпохи как раз и представлял собой руины здания базара, имевшего каменно-кирпичные стены. Хотя остатки средневекового базара находились почти на современной дневной поверхности и были в сильнейшей степени повреждены в XVIII–XIX вв., все же отдельные детали древнего здания сохранились, что позволило определить не только его форму и размеры, но и реконструировать внутреннее оформление и планировку постройки. Здание представляло собой прямоугольник размерами 34 × 37 м (периметр по внешнему контуру), было ориентировано по оси СВ–ЮЗ. За время раскопок из общей площади объекта (1 258 м²) изучено 1 053 м², т.е. 84% (рис.). Недоступной для исследования осталась лишь та часть, которая перекрыта действующими электрокабелями. От фундамента постройки сохранилась только выбранная в ходе хозяйственной деятельности 2-й половины XIX в. траншея шириной 1–1,2 м при глубине от 1 до 2 м, заполненная крошкой известкового раствора с мелкими обломками известняка. Основание фундамента на большей части его протяжения было доведено до уровня материка, однако в ряде случаев под ним сохранились заполнения объектов X – середины XIV в. Благодаря тому, что в 2014 г. на участке раскопа CLXXIX удалось обнаружить небольшой неразобранный участок фундамента и цоколя стены, стало ясно, что фундамент был сложен из крупных разноразмерных обломков известняка, пересыпанных щебнем и залитых известковым раствором. Дневная поверхность постройки была связана с верхней частью позднезолотоордынского слоя, который по болгарской стратиграфической шкале датируется довольно широко – с 20-х гг. XIV до начала XV в. Для выравнивания верхней поверхности фундамента в некоторых местах использовался обожженный кирпич на известковом растворе. Выше располагался цоколь из разноразмерных белокаменных блоков (средние размеры 35 × 25 × 20 см). Сохранился только один ряд цокольных камней, так что первоначальная его высота остается неизвестной. Поверх белокаменного цоколя некогда стояли

План-схема центрального базара города Болгара

стены, которые были сложены из обожженного кирпича размерами $25 \times 25 \times 5$ см. Реконструируемая ширина стен не превышала 1 м, что соответствует кладке в четыре кирпича. Говорить о характере кладки стен затруднительно, так как сами кирпичные стены были полностью разобраны еще в XIV в. Однако на всей площади базара и вокруг него остались завалы битых кирпичей, мощность которых достигала иногда 1 м. Кирпичи были скреплены раствором из желтой глины, остатки этого раствора лежали в завалах вперемешку с кирпичами и сохранились на самих кирпичах.

Внутренний объем базара состоял из проходов и торговых помещений, которые сохранились в виде фрагментов ленточных цоколей, выложенных из сырцовых кирпичей, скрепленных глиняным раствором и уложенных наклонно (как при кладке «в елочку») или вертикально (на ребре) шириной в один кирпич, т.е. не более 25 см. Такая ширина цоколя была достаточна только для установки на нем легких деревянных конструкций, которые либо были целиком деревянными, либо имели конструкцию типа фахверк. Подобные конструкции до сих пор широко распространены в странах Востока. Наличие таких конструкций подтверждается и сохранившимися в ряде случаев обугленными деревянными досками и плахами, которые размещались как поверх сырцовых цоколей, так и вдоль оси кладок. Кроме того, в некоторых случаях деревянные плахи размещались перпендикулярно цоколям, данные элементы могли являться

фрагментами (лагами) дощатого пола. На некоторых участках кладки из сырцовых кирпичей были усилены белокаменными блоками (в одном случае обожженными кирпичами), которые могли служить базами для деревянных столбов (опор кровли?). Сами цоколи располагались как непосредственно на выравняющей подсыпке из желтого суглинка с включениями известковой крошки, так и на уложенных под них досках, сохранившихся в виде тлена. Кладки из сырцовых кирпичей (цоколи внутренних перегородок) по их расположению можно разделить на два типа: одни из них тянулись вдоль основных стен постройки на расстоянии 2,4–2,5 м, другие – располагались в центральной части постройки, образуя в плане четыре прямоугольной формы конструкции (размерами 10,6 × 9 м), внутри каждой из которых находилось еще по одной выкладке, также прямоугольной в плане формы (размерами 4 × 3 м). Характер расположения находок, прежде всего, монет и замков, а также аналогичные конструкции среднеазиатских торговых площадок, представленные в этнографических материалах 2-й половины XIX в. [Туркестанский альбом, 1871–1872, с. 6, 10, 11, 20, 28], позволяют предположить, что таким образом были устроены торговые места (павильоны). К числу свидетельств торгового использования помещений относится 68 замков от сундуков (или от дверей лавок?) при почти полном отсутствии ключей (6 шт.). Четыре упомянутых павильона разделялись крестообразно пересекавшимися проходами шириной 4 м, а вдоль пристенных лавок располагались проходы шириной до 3,6 м. Отсутствие каких-либо отопительных сооружений и водоема исключает использование данного сооружения в качестве караван-сарая.

Здание базара, несомненно, имело крышу, которая могла держаться только на стропилах, опиравшихся на внешние кирпичные стены и деревянные столбы, находившиеся в составе внутренних торговых павильонов. О деталях конструкции этой кровли можно судить только по находкам железных решеток (14 – в четыре прута и один – в центральной части из шести прутков), размещавшихся в проемах световых окон в крыше. После пожара, в котором погибло здание базара, решетки упали на пол постройки, где они и были обнаружены в ходе археологических работ. Во всех случаях решетки были перекрыты руинами кирпичных стен, следовательно, они упали на землю до того, как были разрушены стены.

Крестообразно располагавшиеся проходы внутри здания позволяют предположить наличие четырех входов в постройку, при этом остается не совсем понятно, как были оформлены эти входы. Скорее всего, к северо-восточной стене подходила торговая улица, ограниченная двумя кладками (каждая шириной не более 1 м) из обожженного кирпича [Бадеев, 2015, с. 202, 203]. У наружного фаса юго-западной стены базара обнаружены два фундамента размерами 240 × 110 см и глубиной заложения до 0,5 м, состоявшие из известнякового щебня и сырцового кирпича. Возможно, эти фундаменты-приклады к стенам могли служить основанием для небольшого портала, который оформлял юго-западный вход в базар. В качестве художественного оформления входов могли применяться кашинные изразцы с рельефной росписью кашинным ангобом (в виде арабских надписей, растительных и геометрических мотивов белого цвета в темно-зеленых линейных контурах) по ультрамариновому фону – зафиксировано 15 обломков, принадлежавших не менее чем пяти разным плиткам. Кроме того, для оформления входов могли использоваться и иные плитки, найденные в виде единичных обломков, – одноцветные гладкие бирюзовые (с прозрачной и глухой глазурями) и импортная иранская плитка с люстровой росписью и внутри глазурными синими линиями разметки поля. Плитки найдены как в завалах кирпича вблизи входов, так и в засыпке погребов построек, размещавшихся рядом с базаром.

Можно допускать, что входы существовали также в северо-западной и юго-восточной стенах здания, поскольку базар возник непосредственно на трассе улицы 1320–1340-х гг., проходившей в этом направлении. Таким образом, базар был размещен на перекрестке двух улиц – старой и новой, сформированной одновременно с его строительством. Следовательно, создание базара потребовало частичной перепланировки этого участка города. Включение базаров в уличную планировку характерно для многих стран Востока XV–XVI вв. – приведем в качестве примеров крытый базар в Стамбуле (Ич-Бедестен, 1461 г.), купольные базары в Самарканде (Чорсу, XV в.) и Бухаре (Ток-и-Заргарон, 2-я половина XVI в.).

Открытое здание размерами 34 × 37 м было самым крупным (по размерам и площади) каменным строением города Болгара. Базар возник на месте улицы и четырех усадеб, которые были связаны с ювелирным и стеклообрабатывающим производством, после того, как ряд из них значительно пострадали в результате локального пожара [Бадеев, Валиев, 2016]. В слоях строительства (прослойки желтого суглинка в некоторых случаях с включениями известковой крошки) и разрушения центрального базара Болгара собрано более 1 200 монет золотоордынской чеканки*. Почти 1/4 монет отчеканена при хане

* Данные приведены по материалам раскопок CLXXIX (2012–2016 гг.) и СХСII (2013 г.).

Джанибеке (правил в 1342–1357 гг.), несколько меньшее число монет было выпущено при хане Хызре (чекана 1361/62 гг.). Большинство монет из слоя, подстилающего горизонт строительства базара, связаны с периодом правления хана Узбека (1313–1341 гг.). Судя по нумизматическому материалу, базар был построен и начал функционировать в 1350-х гг., но просуществовал очень недолгое время – до 1360-х или 1370-х гг. (т.е. не более 20 лет). Прослойка гибели базара соотносится с прослойкой масштабного пожара и разрушения, сопровождавшегося несколькими (не менее тремя) санитарными захоронениями (захоронения частей скелета, иногда в неестественных позах). Эта прослойка была зафиксирована при раскопках в различных частях Болгарского городища и связывалась рядом исследователей с захватом города в 1361 г. Булак-Тимуром, после чего прекратили существование заречный и юго-западный районы города [Жиромский, 1958; Хлебникова, 1987, с. 70]. В то же время А.П. Смирнов полагал, что «это нападение не сопровождалось разрушением Болгара, хотя, несомненно, что город был взят и в какой-то мере пострадал, но у нас нет никаких оснований говорить о полном его разрушении. Значительное число монет 60-х годов свидетельствует об интенсивной жизни Болгара в эту эпоху» [Смирнов, 1951, с. 68]. Очевидно, что только более детальная проработка обширного нумизматического материала из слоя разрушения базара, а также близлежащих к нему синхронных построек и объектов последующего периода позволит уточнить дату столь значительного по последствиям разгрома Болгара. После разрушения базара площадка, на которой он размещался, превратилась в пустырь и использовалась для утилизации, в том числе, пищевых отходов, о чем свидетельствует большое количество «кухонных» костных остатков [Коваль, Бадеев, Яворская, 2016; Яворская, 2015].

О том, чем торговали на базаре, свидетельствуют находки весов (два полных комплекта и 15 отдельных чашек от весов) и большое число гирек (72 шт.) [Коваль, 2013]. Важны находки фламандских текстильных пломб (19 экз.), среди которых идентифицированы пломбы городов Диксмёйде, Турне, Дамме, а также предположительно Ипр, Ло-Ренинг и Брюгге [Коваль, 2015]. О торговле на базаре изделиями из цветных металлов, в первую очередь ювелирными украшениями, указывает находка 10 пробирных камней со следами золота на поверхности. Именно на торговле дорогостоящими тканями и ювелирными изделиями специализировалось большинство центральных базаров в восточных городах. Центральный базар Болгара также предназначался, прежде всего, для торговли очень дорогими импортными товарами, например фламандским сукном, но здесь же присутствовала и продукция местного производства. Образцом такого товара является скопление железных стремян, обнаруженное в южной части базара. Партия стремян была подготовлена для продажи, однако из-за пожара реализовать ее не успели. Хотя большинство стремян не сохранилось (они сильно перегорели и не подлежали реставрации), удалось определить их общее количество – не менее 140 отдельных стремян, т.е. 70 пар, относившихся к двум типам: В-I и Е-II (по Г.А. Фёдорову-Давыдову), последний тип имел широкое распространение среди материалов золотоордынских городов XIV в. [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 11–16, рис. 1].

Несмотря на то, что Болгар изучается уже на протяжении 80 лет (с 1938 г.), до сих пор он исследован недостаточно полно. Причиной тому – огромная площадь города золотоордынского периода, составлявшая около 4 км². Пока достаточно полно изучены только остатки каменных строений – бань, мавзолеев и других построек, назначение которых остается неясным (например, Черной палаты и так называемого «Ханского дворца»). Здание базара в Болгаре представляет исключительный интерес, поскольку это первый средневековый восточный базар в Восточной Европе, который практически полностью исследован методами археологии с широким привлечением специалистов в различных областях естественных наук.

Библиографический список

Бадеев Д.Ю. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70-х гг. XIV в. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 200–210.

Бадеев Д.Ю., Валиев Р.Р. Усадьбы золотоордынского Болгара к юго-западу от Соборной мечети // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань ; Ялта ; Кишинёв, 2016. С. 105–107.

Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. 2012. №1. С. 158–171.

Жиромский Б.Б. К вопросу о походе Булак-Тимура // СА. 1958. №1. С. 88–96.

Коваль В.Ю. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре // Поволжская археология. 2013. №4. С. 6–33.

Коваль В.Ю. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 211–221.

Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 188–199.

Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю., Яворская Л.В. Центральный базар середины XIV века в городе Болгар // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. Казань, 2016. С. 177–184.

Кокорина Н.А. Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья : материалы II Всероссийской конф. «Поволжье в средние века» (25–28 сентября 2003 г. Казань – Яльчик). Казань, 2005. С. 109–132.

Кокорина Н.А., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф. Исследование торгово-ремесленного квартала в центральной части Болгара (1989–1993 гг.) // Город Болгар и его округа : тезисы докладов научной конференции, посвященной 25-летию БГИАЗ. Болгар, 1994. С. 22–23.

План Болгарского городища, составленный Н.Ф. Калинин // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

Полубояринова М.Д. Стеклоделательная мастерская XIV в. в Болгаре // РА. 2006. №4. С. 152–158.

Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1951. 295 с.

Туркестанский альбом. Часть промысловая / сост. А.Л. Кун, М.И. Бродовский. Ташкент, 1871–1872. 50 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 275 с.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 34–89.

Яворская Л.В. Динамика заполнения костями животных культурных напластований центральной части Болгарского городища как показатель интенсивности жизнедеятельности его обитателей // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 239–251.

Koval V., Badeev D., Sitdikov A. The central market of the city Bolgar in the 14th century // 20th Annual Meeting of the European Association of Archeologists. Abstracts of the oral and poster presentations. Istanbul, 2014. P. 115.

© 2017, Д.Э. Василенко

НАО «Наследие Кубани», Краснодар

ГАЗАРИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГАЗАРИИ: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ИНТЕНСИВНОСТИ ТОРГОВЫХ КОНТАКТОВ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ С ИТАЛИЙСКИМИ ТОРГОВЦАМИ

Корпус письменных источников о торговой активности генуэзских и венецианских торговых организаций в Северо-Восточном Причерноморье включает не более четырех документов [Зевакин, Пенчко, 1938, с. 84; Еманов, Попов, 1988, с. 78].

Археологические находки, которые можно приписать деятельности итальянских торговцев, крайне немногочисленны [Иванова, 1998, с. 106–108; Меньшиков, 2014, с. 116–119; Новичихина Л.Ю., Новичихин А.М., 2000, с. 76–80; Новичихин, 2004, с. 73–74].

Более информативны данные компасных карт и письменных портоланов о расположении портовых пунктов на территории Северо-Восточного Причерноморья. Между точно локализованными пунктами «Матарха» («Матрега») и «Себастополис» на компасных картах располагается от 16 до 22 географических названий. Однако условных обозначений наиболее важных объектов на участках карт, соответствующих береговой линии Северо-Восточного Причерноморья, нет [Волков, 2006, с. 377].

К настоящему времени в южной части Северо-Восточного Причерноморья, в административных границах Краснодарского края, были частично исследованы две прибрежные крепости: крепость

в устье р. Годлик, крепость Мамай-Кала в приустьевой части долины р. Мамайка (Псахе), а также укрепленное поселение на мысе Малый Утриш.

Верхние строительные горизонты и последние этапы функционирования крепостей отнесены к XIII–XV вв. Время существования поселения на мысе Малый Утриш – XII–XIII вв. [Армарчук, 2003, с. 209–211, 214].

Существование этих крепостей соотносится со временем активной торговой и предпринимательской деятельности лигурийских торговцев в Северном Причерноморье.

Однако в свете накопления археологических материалов из вновь открытых памятников подобные, в достаточной степени «узкие» датировки, привязанные к периоду лигурийской активности в Северо-Восточном Причерноморье, представляются небесспорными.

Крепость в устье р. Годлик в плане представляет собой неправильный треугольник, в котором отсутствует юго-восточная сторона, уничтоженная, скорее всего, в начале XIX в. при строительстве железной дороги. Внешняя линия укрепления с пятью или шестью башнями по протяженности составляла 700 м. Внутренняя линия укрепления отделяет в западной части крепости «цитадель».

Проведенные в 90-х гг. XX в. локальные исследования крепости позволили их авторам в последующих публикациях высказать предположение о нескольких хронологических периодах возведения фортификационных сооружений.

В период раннего строительства были возведены оборонительные стены. Их кладка, двухпанцирная, с внутренней забутовкой, была выполнена в римско-византийских традициях. Первый этап существования крепости отнесен к VII–X вв.

Позже была сооружена или перестроена северо-восточная башня. При сохранении прежних традиций в технике строительства отмечены новые элементы в характере кладки: появились сейсмоустойчивые выравнивающие ряды панциря из плинф, являющиеся местным архитектурным приемом.

После длительного запустения крепости в XIV–XV вв. на территории внутри крепостного двора строится дополнительная стена, отделяющая «цитадель». В кладке последней Б.Б. Овчинникова усматривает новые строительные приемы, нехарактерные для местных сооружений: используется кладка типа *opus spicatum*, к стене пристраивается полукруглая башня. По ее мнению, эти нововведения характерны для генуэзской техники строения, а сама крепость в это время была генуэзской торговой факторией [Овчинникова, 1997, с. 17–22].

Осмотр крепости при подготовке проекта ее охранных зон позволил автору настоящей статьи выявить ряд строительных и архитектурных особенностей, не отмеченных ранее. Возможно выделение трех основных типов кладки:

1) двухпанцирной кладки из обтесанных квадр и галечника, обработанного только с лица, с внутренней забутовкой на известковом растворе. В этой технике выполнены восточная стена крепости, северная стена и два фрагмента, с юга примыкающие к стене «цитадели» (рис. 1.-1);

2) двухпанцирной кладки только из галечника, обработанного лишь с лица, с внутренней забутовкой. В этой технике выполнены внешняя южная, внутренняя южная и восточная стены северо-восточной башни (рис. 1.-2);

3) четырехпанцирной кладки внутренней стены (стены «цитадели»). Первоначально стена была построена из крупного постелистого галечника в технике *opus spicatum*, перебиваемой горизонтальными рядами. Связывающий раствор и забутовка – «бетонного» типа. Впоследствии внутренняя стена дополнительно была обложена:

а) снаружи – облицовочными блоками из хорошо обработанных и подогнанных квадр (рис. 1.-3);

б) внутри – квадратами с чередованием рядов галечника, сколотых вровень с ними. Этот тип кладки аналогичен типам, примененным при облицовке восточной и северной внешних стен крепости, однако на внутренней стене использованы камни меньшего размера, обработанные более аккуратно, с целью создания ровной и гладкой поверхности (рис. 1.-4).

Строительный прием *opus spicatum* sporadически использовался в Причерноморье с античного времени. С VII в. он получил новый импульс к своему распространению, став особенно популярным в период «темных веков» [Сорочан, 2004, с. 148, 159]. Эта кладка широко представлена в архитектурных памятниках Крыма, где применение указанного архитектурного приема ограничивается хронологическими рамками хазарского господства в Крыму, т.е. VIII–IX вв.

Во внутренней кладке замка Баграта, возведение которого отнесено к X в., отмечены участки, выполненные в технике *opus spicatum*. Здесь же, как и во внешнем панцире стены крепости в устье

р. Годлик, отмечены отверстия – следы бревен-лежней [Бгажба, 1973, с. 257, 258]. Спорадически подобная кладка использовалась при возведении ряда сооружений в Восточном Причерноморье в VI–X вв., возможно, и в более позднее время. Достаточно сложно определить, имеет ли место заимствование строительного приема либо это независимая местная традиция, определенная типом кладочного материала [Бгажба, 1973, с. 257].

Техника панцирной кладки из сколотого галечника использовалась при строительстве ряда крепостей Юго-Восточного Причерноморья. В Северо-Восточном Причерноморье в этой технике возведены сооружения Ачипсинской крепости. Строительство ее отнесено к VI–VIII вв., перестройка центральной башни – к X в. [Василиненко, Верещагин, Коробов, 2009, с. 35].

На территории «цитадели» Годликской крепости обнаружены крымские импорты: фрагменты амфор, кухонных сосудов, пифоса VIII–IX вв. [Иванова, 1997а, с. 54–57]. Преобладающим керамическим материалом за границами «цитадели» также являлись фрагменты пифосов [Иванова, 1997б, с. 58]. Было отмечено совместное нахождение орнаментированных стенок с цилиндрическими либо трапециевидными ножками пифосов [Иванова, 1997б, с. 62, табл. XX, с. 64, табл. XXII]. Они были отнесены к XIII–XIV вв. либо к XII–XIII вв. Часть из них, по мнению С.Н. Ивановой [1997б, с. 59], имела местное происхождение, часть также представляла крымские импорты. Нельзя не отметить достаточно близкие аналогии этой пифосной керамике, происходящие из культурного слоя Анакопийской крепости. Подобные орнаментированные стенки здесь были датированы VII–X вв., аналогичные ножки пифосов – XI–XII в. [Трапш, 1975, с. 131, рис. 46, 47; с. 132, рис. 48, 49]. О.Х. Бгажбой [1977, с. 12, рис. VII] эти же стенки были определены как фрагменты пифосов типа 2 (подтип в) и датированы IX–X вв., ножки же были отнесены к пифосам типа 1 и датированы VII–VIII вв. [Бгажба, 1977, с. 10, рис. VII]. Время функционирования помещения 2б во дворце Лыхны, где также отмечена взаимовстречаемость стенок и ножек описанных типов, отнесено Л.Г. Хрушковой [1998, с. 19, рис. 3.1, 3, 4, 12, 14] к X–XII вв.

Таким образом, приведенные аналогии элементам фортификационного сооружения и керамическому материалу подтверждают возможность возведения крепости в VII–IX вв.

Вопрос о возможности возведения ее в рамках византийской активности в Причерноморье следует оставить открытым, учитывая немногочисленность и невыразительность крымских импортов этого времени, а также нерешенность вопроса о появления техники *opus spicatum* на рассматриваемой территории. При этом нужно отметить, что большая часть крепости возведена в соответствии с местными архитектурно-строительными традициями, преобладающая часть керамического материала также имеет местный характер.

Нет оснований утверждать о одновременности возведения оборонительных стен, стен «цитадели» и северо-восточной башни и существовании двух одновременных этапов в жизнедеятельности крепости. Крепость существовала непрерывно со времени ее основания, по крайней мере, до XV в. На это указывают перестройка северо-восточной башни для использования и укрепление стены цитадели для отражения снарядов огненной артиллерии.

Гомогенность и малая мощность культурного слоя крепости являются свидетельством функционирования ее как портового пункта только в благоприятные для навигации сезоны либо в определенные даты швартовки каботажных судов. Поскольку в XIII в. и в конце XVI – первой половине XVII в. уровень Черного моря снижался на 3–4 м, якорные стоянки в бухтах и устьях рек, защищенные указанными крепостями, могли использоваться только в ослабленных волновых условиях, т.е. в годы с малым уровнем штормовой активности, которых в 10–11-летнем солнечном цикле было не более 4–5 [Артюхин, 2014, с. 96].

Судя по сохранившемуся небольшому участку крепостной стены, крепость Мамай-Кала представляла собой многоугольную конструкцию. Стена возведена в технике двухрядной панцирной кладки с забутовкой. В одном из участков стены прослежена сквозная арка, свод которой выполнен из плинф.

Крепости Мамай-Кала и Годлик объединяет определенная общность строительных приемов: панцири стены первой из них и часть панцирей второй сложены в технике двухслойной кладки. На стене крепости Мамай-Кала и стенах северо-восточной башни крепости Годлик прослежены одинаковые пояса из удлиненных плит песчаника, отбивающие верхние трети сооружений [Василиненко, 2010, с. 40–44].

В культурном слое крепости Мамай-Кала также преобладает пифосная керамика (78% коллекции). Фрагменты тарной керамики, обнаруженной в нем, практически тождественны фрагментам пифосов из крепости Годлик (рис. 2.-1–5). Фрагмент поливного сосуда византийского круга второй половины

1

2

3

4

Рис. 1. Типы кладок фортификационных элементов крепости Годлик:
 1 – тип 1: северная стена; 2 – тип 2: северо-восточная башня;
 3 – тип 3а: внешняя стена «цитадели»; 4 – тип 3б: внутренняя стена цитадели

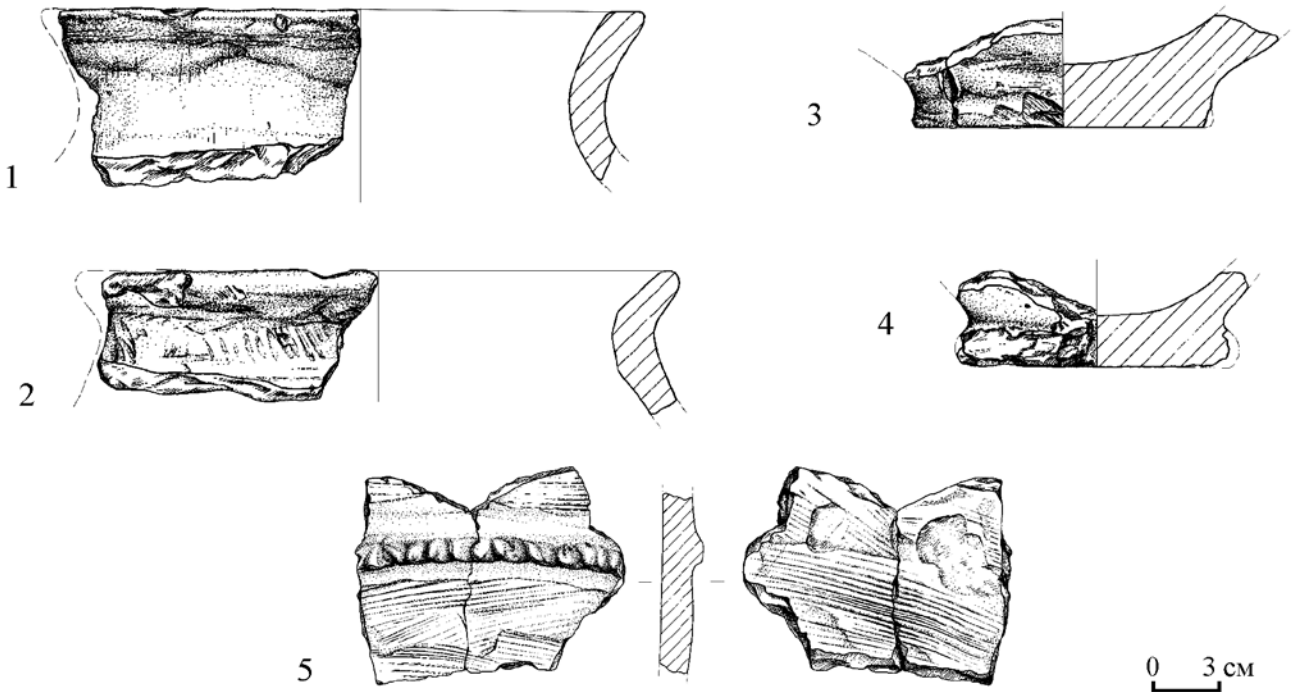

Рис. 2. Пифосная керамика из крепости Мамай-Кала:
 1, 2 – фрагменты венчиков; 3, 4 – фрагменты ножек; 5 – фрагмент стенки

XIII – первой половины XIV в. определяет верхнюю дату функционирования крепости [Тесленко, 2005, с. 331–332]. Наличие в границах культурного слоя крепости фрагментов пифосов, время производства которых отнесено к VII–X (XII) вв., и поливной керамики объясняется длительными периодами использования пифосов [Тесленко, 2015, с. 125].

Укрепленное поселение на мысе Малый Утриш ранее было датировано узкими рамками XII–XIII вв. [Армарчук, 2003, с. 214].

В одном из складов пифосов на поселении были совместно обнаружены сосуды трех видов. Большая часть из них относится к типам II и III, выделенным И.Б. Тесленко [2015, с. 145, 146] и датированным соответственно XII–XIII вв. и XIV – концом 3-й четверти XV в. Третий вид представлен пифосами, известными в единственных образцах на территории Крыма [Тесленко, 2015, с. 137, рис. 4] и Тамани. Близкие пифосы обнаружены при раскопках дворца в с. Лыхны в Абхазии в слое X–XI вв. [Хрушкова, 1998, с. 42, рис. 29, 30]. О том, что в Восточном Причерноморье пифосы этого типа представляют импорты, свидетельствует то, что здесь нет традиции изготовления пифосов с желобчатой поверхностью. Наиболее вероятным временным промежутком для появления этого типа пифосов в Абхазии являются 1033–1066 гг. [Агуума и др., 2011, с. 83]. Таким образом, дату возникновения поселения определяет кавказский контекст обнаружения подобных пифосов, верхнюю – пифосы групп II и III [Тесленко, 2015, с. 135–142, 145–149, рис. 9, 11–13, 20]. Верхнюю дату подтверждает находка в культурном слое поселения фрагмента орнаментированного поливного сосуда, близкого сосуду, обнаруженному в крепости Мамай-Кала.

Учитывая исторический контекст, строительство крепости Мамай-Кала, начало функционирования поселения на мысе Малый Утриш уместно связать с расцветом Абхазского царства и расширением его территории. Возможность возведения Годликской крепости в рамках византийской активности следует оставить открытым.

Приведенные данные, по мнению автора, позволяют с определенной уверенностью утверждать о функционировании этих крепостей и поселения непрерывно и синхронно в течение длительного периода – с X по XV в.

Несомненно, что в период лигурийской активности в Причерноморье часть подобных портовых пунктов могла быть отмечена на компасных картах, и они могли посещаться генуэзскими торговцами, однако нет никаких оснований считать их лигурийскими колониями, факториями, селтльментами.

Активность непосредственно генуэзских торговцев в этом регионе была спорадической и не имела какого-либо влияния на социальное или экономическое развитие местных племен.

Библиографический список

Агуума А.С., Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю., Ендольцева Е.Ю. Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011. 272 с.

Армарчук Е.А. Памятники Северо-Кавказского Причерноморья X–XII веков. Каменные крепости и храмы // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. М., 2003. С. 209–213.

Артюхин Ю.В. Некоторые черты природных условий средневековой колонизации побережья Черного моря // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 14. Армавир, 2014. С. 89–100.

Бгажба О.Х. Замок Баграта // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 255–260.

Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми, 1977. 80 с.

Василиненко Д.Э., Верещагин В.В., Коробов Д.С. Ачипсинская крепость. Археологические исследования 2007–2008 гг. // Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 31–35.

Василиненко Д.Э. Археологические исследования остатков крепости Мамай-Кале (Центральный район г. Сочи) // Древности Кубани. Вып. 22. Н.В. Анфимов – жизнь в науке: (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского археолога : материалы круглого стола (г. Краснодар, 29 мая 2009 г.) Краснодар, 2010. С. 40 – 44;

Волков И.В. Побережье Кавказа на морских картах и словесных портоланах XIII–XVI вв. // Первая Абхазская международная археологическая конференция «Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия», посвященная памяти Ю.Н. Воронова. Сухум, 2006. С. 376–379.

Еманов А.Г., Попов А.И. Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века : межвуз. сб. науч. тр. Ростов на/Д., 1988. С. 76–83.

Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторические записки. Т. 3. М., 1938. С. 72–129.

Иванова С.Н. О раскопках на «цитадели» крепости в устье реки Годлик // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа: материалы конференции, посвященной итогам исследования Лооской археологической экспедиции УРГУ в Лазаревском р-не г. Сочи. Екатеринбург, 1997а. С. 54–58.

Иванова С.Н. Керамический комплекс крепости «Годлик» // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа : материалы конференции, посвященной итогам исследования Лооской археологической экспедиции УРГУ в Лазаревском р-не г. Сочи. Екатеринбург, 1997б. С. 58–68.

Иванова С. Поливная керамика Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (территория большого Сочи) // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья по материалам поливной керамики : тезисы докл. конф., Ялта, 25–29 мая 1998 г. Симферополь, 1998. С. 106–108.

Меньшиков Ю.Н. Уникальная находка детали арбалетного сооружения на Кавказе // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань, 2014. С. 116–119.

Новичихин А.М. Находка наконечника арбалетной стрелы в долине Сукко близ Анапы // *Parabellum*. Военно-исторический журнал. 2004. №4 (24). С. 73–76.

Новичихина Л.Ю., Новичихин А.М. Комплекс поливной керамической посуды со dna малой Анапской бухты // Горгиппийский сборник. Анапа, 2000. С. 76–80.

Овчинникова Б.Б. Итоги полевых исследований Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А.М. Горького (1987–1996 гг.) // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа : материалы конференции, посвященной итогам исследования Лооской археологической экспедиции УРГУ в Лазаревском р-не г. Сочи. Екатеринбург, 1997. С. 7–33.

Сорочан С.Б. Об *opus spicatum* и населении раннесредневековой Таврики // Хазарский альманах. Т. 3. Киев ; Харьков, 2004. С. 117–159.

Тесленко И.Б. Производство поливной керамики в крепости Алустрон (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005. С. 324–348.

Тесленко И.Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда. *Stratum Plus*. Кишинев, 2015. С. 125–163. (Серия «Археологические источники Восточной Европы»).

Трапш М.М. Средневековая Анакопия // Материалы по археологии средневековой Абхазии. Сухуми, 1975. С. 88–145.

Хрушкова Л.Г. Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М., 1998. 111 с.

© 2017, А.М. Губайдуллин

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

На сегодня сложилось некоторое представление о первоначальном облике средневековых оборонительных сооружений Восточной Европы, о чем свидетельствует значительное количество специальной литературы. Однако существуют различные мнения, касающиеся их реконструкции. Зачастую это связано с плохой сохранностью объектов фортификации. Некоторые валы и рвы к нашему времени почти уничтожены временем или хозяйственной деятельностью, например, потревожены поздней распашкой. В любом случае они находятся в оплывшем состоянии, в той или иной его степени. Значительную роль здесь играют и природные условия различных регионов. Например, на территории Среднего Поволжья при исследованиях довольно редко наблюдаются средневековые внутривальные и иные деревянные конструкции. Обычно они фиксируются только в виде остатков древесного тлена или гумусирован-

ных следов от столбовых ям и бревен. Нередки случаи и полного отсутствия внутривальных конструкций изначально, что связано со способами возведения оборонительных насыпей [Губайдуллин, 2000, с. 168–176; Белорыбкин, 2001, с. 15–18; 2003, с. 62; Коваль, 2016, с. 66].

В основном исследователями для средневековых дерево-земляных памятников фортификации выделяются несколько типов деревянных внутривальных конструкций, например: срубы, заполненные плотным утрамбованным грунтом; жилые клетки; П-образная опалубка, засыпанная грунтом; частокол с присыпкой плотного грунта (суглинок и щебень); каркас в виде горизонтально положенной деревянной решетки, используемый при возведении оборонительной насыпи из рыхлого грунта [Руденко, 2014, с. 164]. Возможно также, что иногда современная насыпь вала может являться остатками некогда развалившейся срубной крепостной стены с внутренней засыпкой, которая была установлена на дневную поверхность [Моргунов, 2009, с. 72–110]. Правда, определить это бывает довольно затруднительно.

Вопрос о повсеместном применении и количестве крепостных башен на укрепленных поселениях Восточной Европы требует отдельного рассмотрения. Например, для домонгольского времени их численность в оборонительных системах городищ, скорее всего, была незначительной. Это можно утверждать не только вследствие очень редкой фиксации их остатков во время археологических раскопок. Нужно принимать во внимание и целесообразность возведения в том или ином месте данных элементов военного зодчества, а также высокую стоимость строительства по сравнению с крепостными стенами. Вряд ли можно сомневаться в том, что только воротные проезды должны были иметь максимальную защиту, которая включала проездные или фланкирующие башни. Возможен также и вариант имевшихся в то время государственных ограничений и контроля над постройкой таких объектов фортификации. Некоторые параллели этому можно видеть на территории Западной Европы того же временного периода. Например, в Нормандии и Англии XI в. специальные королевские эдикты запрещали возводить фланкирующие башни и зубчатые парапеты стен при строительстве замков, что продолжалось до XIII в. [Томпсон, 2011, с. 141]. Даже сама постройка укрепленных поселений и оград монастырей находилась под контролем королевской власти, для чего требовалось специальное разрешение даже в XIV в. [Томпсон, 2011, с. 148, 350].

К немаловажным относятся и вопросы о форме бойниц в крепостных сооружениях, построенных из дерева. Если в этом плане для каменных построек все относительно ясно, так как мы имеем множество сохранившихся примеров в виде узких вертикальных или квадратных отверстий, то аналогий для деревянных конструкций практически не сохранилось, за исключением довольно поздних музеефицированных русских острогов Сибири [Крадин, 1988]. Причем для последних часто характерны бойницы, приспособленные для огнестрельного оружия, – небольшие или средние по размерам подквадратные отверстия, прорубленные в стенах. Формы этих проемов, возможно, зависели от конструкции стенок прикрытия боевого хода. Если они состояли из горизонтальных бревен, то и отверстия в них должны были быть аналогичными. В случае устройства парапетов из вертикальных брусьев, бойницы в них делались такими же. Об этом могут свидетельствовать реконструкции замка Шато-Гайар (конец XII в.) и города Каркассон во Франции (XIII–XIV вв.) [Виолле-ле-Дюк, 2007, с. 44, рис. 15, 19–20, 30, 58, 60]. Не исключено, конечно, что данные отверстия для ведения стрельбы из луков и арбалетов иногда могли быть и более широкими и имели подквадратную форму, закрываясь специальными ставнями. Однако в таком случае прочность стенки прикрытия боевого хода существенно нарушалась. Тем не менее в XV–XVI вв. должны были произойти некоторые изменения в устройстве бойниц, так как данный период времени уже соотносится с более широким применением пороха для обороны крепостей.

Относительно планиграфии городищ и соотношения оборонительных сооружений с бытовыми постройками также необходимо сказать несколько слов. Например, во время археологических исследований на территории первой столицы Болгарского царства Плиски было зафиксировано, что плотно застраивался только центр территории поселения, тогда как пространство между ним и крепостной деревянной стеной почти было свободно или вообще пустовало [Рашев, 2007, с. 105]. Такой принцип размещения гражданских и военных построек имел место и на укрепленных поселениях Волжской Булгарии. Этого правила придерживались и в городах многих других территорий, вплоть до Дальнего Востока [Артемьева, 2014, с. 439–444].

Здесь мы можем говорить об определенном законе, который, по-видимому, имел место и относился к строительству объектов различного назначения с учетом их соотношения в пространстве. Несомненно, что жилые и ремесленные постройки, особенно деревянные, являлись во все времена пожароопасными. Поэтому, скорее всего, вообще запрещалось их сооружать вблизи от крепостных стен. В связи

с этим они специально строились в стороне от оборонительных сооружений или, наоборот, последние возводились на некотором расстоянии от гражданских объектов. Одним из примеров этого может являться строительство деревянной крепостной стены в Москве, датированное 1493 г. в Воскресенской летописи, когда «...церкви сносиша и дворы за Неглимною; и постави меру отъ стены до дворов сто сажень да девять» [Воскресенская летопись, 1998б, с. 299]. В данном случае даже есть указание на определенное необходимое расстояние. Впрочем, оно касалось, скорее всего, крупных городов, тогда как для небольших укрепленных поселений данное свободное пространство могло быть намного меньше. В результате подобные мероприятия вылились в создание специальных, так называемых «Военных улиц» в период Нового времени, которые еще с древности служили также и местом для передвижения войск внутри крепостного периметра [Губайдуллин, 2006, с. 49].

Особенно актуально это было во время обороны крупных населенных пунктов. Одновременно держать большие отряды воинов по всему периметру оборонительных сооружений вряд ли представлялось возможным, так как довольно сомнительно, что могло хватить на это людских ресурсов. Нужно тем более учитывать, что противнику синхронно штурмовать с разных направлений большой город практически невозможно – не хватит для этого ни людей, ни осадной техники, ни каких-либо других источников. Его лишь окружали со всех сторон и устраивали блокаду, а основную атаку производили только на определенных участках. Исторических примеров тому можно привести достаточное количество со времен Древнего мира и до эпохи средневековья [Записки Юлия Цезаря, 1999, с. 49; Флавий, 1999; Воскресенская летопись, 1998а, с. 190; Тизенгаузен, 1941, с. 22–23].

По-видимому, вдоль всех линий обороны находились только группы наблюдателей. В случае же штурма того или иного участка крепостных стен в эти места по «военным улицам» и передвигались основные отряды защитников, которые и занимали оборону. По мере необходимости они также могли выдвинуться и в другие места.

Значительный интерес вызывает и вопрос об оборонительных мероприятиях и подготовке фортификационных сооружений для отражения монгольского нашествия, в частности на Волжскую Булгарию. Очевидно, что болгары имели информацию о положении дел в Средней Азии, когда ее города в 1219–1220 гг. подверглись нападению и были захвачены войсками Чингис хана [Петрушевский, 1970; Халиков, Халиуллин, 1988; Халиков, 1994, с. 21–22]. В это время проводились значительные работы по усилению обороны различных городов и замков. Так, были усилены внешний и внутренний укрепленные пояса «Великого города» – Биляра [Хузин, Кавеев, 1985; Хузин, 1985; 1995; Губайдуллин, Хузин, Шакиров, 2016].

Некоторым, возможно, косвенным подтверждением подготовительных оборонительных мер может служить различное соотношение валов и рвов на болгарских городищах домонгольского времени. Причем именно подавляющее большинство укрепленных поселений с такими схемами линий обороны датируются только этим периодом. В первую очередь это касается линий обороны с количественным преобладанием рвов, например, схемы «один вал и два рва», «два вала и три рва», «три вала и четыре рва». Здесь внутренний ров, скорее всего, создавался не только в противопожарных целях, но и как источник дополнительного грунта для увеличения мощности основного вала. Например, схема «один вал и два рва» зафиксирована у некоторых болгарских домонгольских городищ именно на территории южных районов Западного Закамья, а точнее, Черемшанского Заволжья. Они с северо-восточной, восточной, юго-восточной и юго-западной сторон полукольцом прикрывали куст поселений с центром в «Великом городе» – Биляре.

К оборонительным мероприятиям и, как следствие, фортификации косвенно можно отнести и меры по обеспечению водой всех укрепленных поселений любого временного периода. Это соотношение городищ с водными источниками: ручьями, реками, озерами и возможными запрудами. Их ресурсы применялись как для поддержания жизнедеятельности населения, так и для нужд обороны – не только в качестве дополнительного препятствия во рвах, но и, в том числе, для пожаротушения на случай осады, а также в качестве оборонительного средства ближнего боя. Сюда, несомненно, нужно отнести также и устройство колодцев, каких-либо цистерн и искусственных бассейнов, предназначенных для сбора воды на территории поселений, их количество, качество и др.

Для Волжской Булгарии нам пока известно незначительное количество данных объектов. Почти все они выявлены на Билярском и Болгарском городищах [Шарифуллин, 1979, с. 102–113; Баранов, 2001, с. 322–330]. В связи с этим рассмотрение любых водных источников применительно к оборонительным мероприятиям еще только предстоит и является интересной темой для будущего исследования.

Иногда довольно затруднительно бывает определить первоначальный фортификационный облик поселений. Для этого требуется проведение анализа всего комплекса оборонительных сооружений, топографии местности и многого другого. На одном конкретном памятнике могли применяться различные типы крепостных стен: с наиболее угрожаемых сторон – более мощные конструкции, а там, где эскалада была наиболее затруднена из-за особенностей рельефа, – более простые. В связи с этим при реконструкции фортификации любого городища необходимо учитывать такие возможности. Следует отметить, что встречающиеся иногда в научной литературе и в изобразительном искусстве реконструкции фортификационных построек не всегда верны. Например, часто изображаются крепостные стены в виде городней, что далеко не всегда основано на материалах исследований. Даже выявленные при археологических раскопках конструкции из срубов, возможно, являлись только внутривальными, тогда как наземные могли представлять собой иной тип [Ласковский, 1858].

Некоторые отличия в типах и способах возведения оборонительных сооружений не являются случайными. Нам представляется, что точка зрения о существовании различных традиций в военно-оборонительной науке Средних веков совершенно правильна. Например, на всей большой территории Волжской Булгарии не только существовало множество укрепленных поселений, но и основывались и другие. Строительство новых городищ требовало участия немалого числа квалифицированных инженеров для фортификационных работ. В свою очередь, всегда имелась необходимость в ремонте или перестройке старых крепостных сооружений, особенно накануне и в период различных внутригосударственных конфликтов или международных политических потрясений. Здесь мы исходим не только лишь из теоретических размышлений. Действительно, во время исследований памятников дерево-земляной фортификации разных территорий и регионов иногда наблюдаются их конструктивные отличия. И это касается не столько типов оборонительных сооружений, сколько способов их возведения.

Таким образом, мы имеем довольно сложную картину, характеризующую средневековую военно-инженерную науку. Здесь не исключен сплав различных школ и влияний, применяемых не только для конкретных объектов, а, возможно, и для разных хронологических периодов. В частности, исследования оборонительных насыпей любой исторической эпохи, а также любой этнической и территориальной принадлежности могут дать и дают интересный материал, касающийся не только собственно фортификации (и не только развития инженерных знаний), но и конкретных культурных достижений определенных народов или государственных образований.

Библиографический список

- Артемьева Н.Г. Столичные города государств Восточного Ся эпохи Цзинь // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III. С. 439–444.
- Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М., 2001. С. 313–353.
- Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение / отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб. ; Пенза, 2001. 198 с.
- Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003. 200 с.
- Виолле-ле-Дюк Э. Крепости и осадные орудия. Средства ведения войны в Средние века. М., 2007. 255 с.
- Воскресенская летопись // Русские летописи. Рязань, 1998а. Т. 2. 646 с.
- Воскресенская летопись // Русские летописи. Рязань, 1998б. Т. 3. 624 с.
- Губайдуллин А.М. Способы возведения и типы болгарских оборонительных сооружений // Татарская археология. Тюрко-степное Средневековье / отв. ред. Р.Г. Фахрутдинов. Казань, 2000. №1–2 (6–7). С. 168–176.
- Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь / отв. ред. П.Н. Старостин. Казань, 2006. 144 с.
- Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. О фортификации «Великого города» – Биляра // Поволжская археология. Казань, 2016. №1. С. 226–237.
- Записки Юлия Цезаря // Классики исторической мысли / пер. и коммент. М.М. Покровского ; Гай Саллустий Крисп. Сочинения / пер., статья и коммент. В.О. Горенштейна. М., 1999. 750 с.
- Коваль В.Ю. Города Волжской Булгарии: проблемы и перспективы исследований // Средневековая археология Волго-Уралья : сб. науч. трудов к 65-летию юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина. Казань, 2016. С. 64–66.
- Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988. 192 с.

Ласковский Ф. Карты, планы и чертежи к I части материалов для истории инженерного искусства в России // *Материалы для истории инженерного искусства в России*. СПб., 1858. Ч. I. 315 с.

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков / отв. ред. Н.В. Лопатин. М., 2009. 304 с.

Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1970. С. 107–140.

Рашев Р. Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // *Средневековая археология евразийских степей: материалы Учредительного съезда Международного конгресса* / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007. Т. I. С. 104–117.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.) / под ред. И.Л. Кызласова. Казань, 2014. 768 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений / под ред. А.А. Ромаскевича, С.Л. Волина. М.; Л., 1941. Т. 2. 308 с.

Томпсон А. Гамильтон. Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура / пер. с англ. А.Л. Андреева. М., 2011. 414 с.

Флавий И. Иудейская война // *Классики исторической мысли* / отв. ред. Т.Г. Ничипорович. Минск, 1999. 704 с.

Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая орда и Булгария. Казань, 1994. 164 с.

Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Булгарию // *Волжская Булгария и монгольское нашествие* / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1988. С. 4–22.

Хузин Ф.Ш. Укрепления внешней линии обороны Билярского городища (к вопросу о времени возникновения и этапах строительства) // *Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии* / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1985. С. 58–90.

Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра-Булгара / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1995. 224 с.

Хузин Ф.Ш., Кавеев М.М. Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // *Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии* / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1985. С. 41–57.

Шарифуллин Р.Ф. Колодцы центра Билярского городища // *Новое в археологии Поволжья*. Казань, 1979. С. 102–113.

© 2017, И.А. Дружинина¹, В.Л. Лысанов², А.А. Малышев¹, М.Б. Медникова¹

¹*Институт археологии РАН, Москва;*

²*Псковский государственный университет, Псков*

ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КАМЕННЫХ ЯЩИКАХ В ДОЛИНЕ Р. БЕДРИЧКА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НАСЕЛЕНИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-29-04313)

В 2015 г. в долине р. Бедричка, левый приток Масаги (Анапская долина), исследовался участок грунтового могильника площадью 44 м². Погребения в каменных гробницах располагались рядами на двух террасах, ориентированных по оси СВ–ЮЗ.

В границах раскопа выявлено два ряда захоронений: выше по склону было исследовано три каменных ящика, ниже – два. Расстояние между могилами в первом ряду – 0,8–1,0 м, во втором ряду – 1,7 м, расстояние между рядами могил – около 2 м. Второй ряд погребений отделен от первого подпрямоугольной оградкой, сооруженной из поставленных на ребро камней (0,2–0,5 × 0,15–0,35). Угол оградки ориентирован по линии С–СЗ. Ее северная сторона прослежена в длину на 3,3 м в направлении В–ЮВ. Погребения внутри оградки также разделены вытянутой по линии СВ–ЮЗ грядой поставленных на ребро, небольших (0,25–0,4 × 0,03–0,1 м) плитовых камней. Внешние размеры гробниц – 1,9–2,0–2,15 × 0,8 м. Высота плит – 0,4–0,6 м. Толщина стенок – 0,2–0,25 м. Дно гробниц земляное. Захоронения располагались на глубине около 0,7 м от дневной поверхности.

Каменные ящики верхнего и нижнего рядов различались по материалу изготовления и конструктивным особенностям. Гробницы верхнего ряда прямоугольные в плане, сложены из отесанных плит ракушечника, в торцевых плитах выбиты специальные пазы для стыковки стенок. Перекрытиями, судя по остаткам разрушенной плиты над погребением 3, скорее всего, являлись специально изготовленные по размеру ящика крышки. Гробницы нижнего ряда высечены из серого известняка. Продольные стенки двух ящиков сложены из одной цельной или из двух плит. Перекрытие над погребением 5 составлено из нескольких плит. Одна гробница прямоугольная в плане, другая – расширяется к изголовью.

Следует отметить, что погребения нижнего ряда находят больше соответствий в подкурганых плитовых захоронениях, распространенных на побережье от Новороссийска до Туапсинского района в XIII–XIV вв. [Армарчук, Малышев, 1997; Армарчук, Дмитриев, 2003], а гробницы верхнего ряда – в курганах и грунтовых некрополях Анапского района [Дружинина, 2016], Тамани [Чхаидзе, 2004; 2006] и Крыма [Макарова, 1998].

Все каменные ящики содержали несколько скелетов. В гробнице 2 первого ряда выявлено три скелета, погребения разновременные. Положение умерших – вытянуто на спине с протяннутыми конечностями, ориентировка по линии СЗ. При новом погребении кости захороненных ранее сдвигали к продольной юго-западной стенке гробницы.

В составе погребального инвентаря выделяются предметы быта и орудия труда, украшения и детали костюма, минимально представлены предметы вооружения.

Ножи (рис.-24, 27) черешковые, с прямой спинкой и клиновидным в сечении лезвием, имеют традиционно широкую датировку и находят аналогии среди материалов золотоордынского времени [Носкова, 2005, с. 200, рис. 4; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 140, 143, рис. 57].

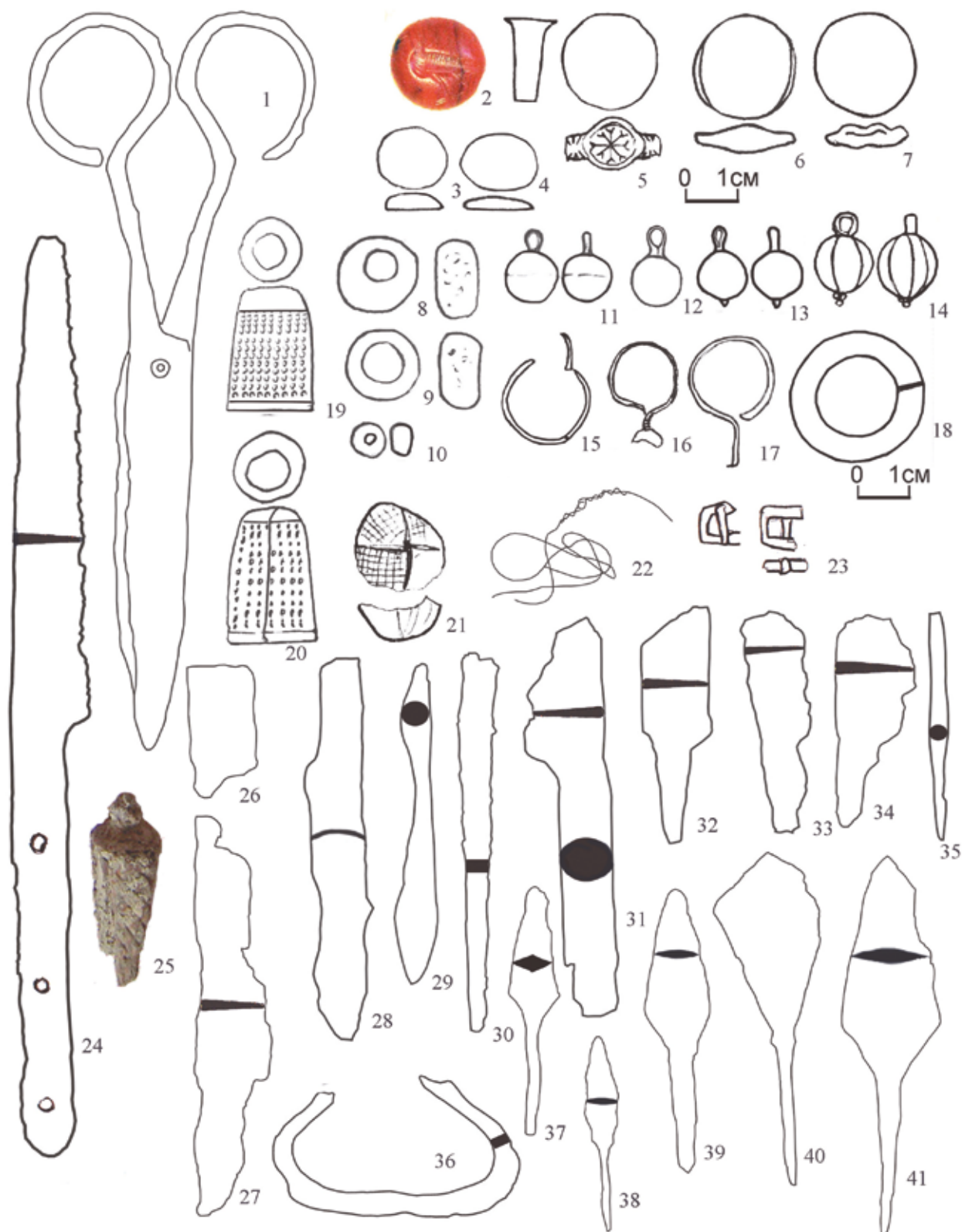
Ремесленные инструменты (рис.-28–35) представлены набором из четырех небольших ножей-резцов с короткими (2,3; 2,5; 2,8; 4,0 см) лезвиями различной конфигурации, фрагментом железной проколки или сверла, фрагментом желобчатого железного предмета, возможно, рабочей части стамески. Отметим известную концентрацию погребений с ремесленными инструментами в районе Анапы – Новороссийска. Так, разнообразные инструменты выявлены в одном из курганов в Цемдолине [Сизов, 1889, с. 79, таб. XII] и в плитовых погребениях могильника на поселении Жукова [Нечипорук, 2012].

Шарнирные ножницы (рис.-1) с узкими острыми лезвиями и рычагами, закрученными на концах в несомкнутые кольца, известны в материалах XIII–XIV вв. Ленинохабльского могильника [Тарабанов, 1984, с. 168, табл. III.-2], подкурганых погребений в каменных ящиках Северо-Восточного Причерноморья: у ст. Натухаевской [Сизов, 1889, табл. XIV.-17], Лобанова щель [Марченко, Пьянков, 2002, с. 178, рис. 17.-2]. Шарнирные ножницы преобладают в материалах кочевнических погребений X–XIV вв., тогда как для позднесредневековых адыгских и кабардинских курганов более характерны их пружинные аналоги [Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 32].

Бронзовые наперстки (рис.-19–21) в форме колпачка с вертикальными рядами пунсонных вдавлений встречаются двух типов: сквозные и с закрытой верхней частью, представляющей собой купол из четырех сходящихся створок. Аналогии выявлены в подкурганых ингумациях XIV в. у ст. Натухаевской и Раевской [Сизов, 1889, табл. XIV.-12–13; табл. XV.-34], Лобановой щели [Марченко, Пьянков, 2002, с. 176, рис. 11.-3], у ст. Гостагаевской [Алексеева, Шавырин, 1979, рис. 46], могильника на поселении Жукова [Нечипорук, 2012, рис. 684.-6; 727.-2; 746.-5], в Белореченских курганах XIV–XV вв. [Левашева, 1953, с. 183] и в синхронных с ними погребениях могильника на р. Пшиш [Носкова, 2005, с. 191–192, рис. 4.-15–16].

Кресала (рис.-36) с коротким, плавно закругленным язычком, разомкнутыми асимметричными концами: один – завернут в завиток, другой – прямой или заострен. Известны по двум находкам в урновых погребениях Цемдолинского могильника [Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 35, рис. 54.-2, 54, 17]. Бытование подобных кресал прослеживается с X в. и не выходит за пределы XIV в. [Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 140].

Пуговицы (рис.-11–14) серебряные и с позолотой изготовлены из двух половинок. Пуговицы шарообразной формы, с горизонтальным швом посередине тулова и проволочной петлей. На полюсе позолоченной пуговицы напаяно колечко тонкой проволочки. Аналогии происходят из Белореченских курганов [Левашева, 1953], кочевнических погребений и золотоордынского Азака [Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 123]. Пуговицы с ребристой поверхностью, с напаянным пластинчатым ушком и окруженной тонким проволочным колечком пирамидкой из трех шариков зерни на противоположном полюсе. Аналогичные пуговицы обнаружены в составе Симферопольскогоклада 1-й половины XIV в. [Сокровища Золотой Орды, 2000, с. 321].

Инвентарь из погребений могильника в долине р. Бедричка

Пряжка (рис.-23) железная, трапециевидно-рамчатая, язычок крепится петлей за заднюю стенку рамки. Подобные пряжки известны в кочевнических [Дружинина, Чхайдзе, Нарожный, 2011, с. 125, рис. 53.-6], а также в северокавказских материалах эпохи Золотой Орды [Сизов, 1889, таб. XV.-33; Дружинина, 2012, с. 206–207].

Серьги (рис.-15–17) в виде «знака вопроса»: с опускающимся вниз вертикальным столбиком, конец которого отогнут под прямым углом, в другом случае – столбик обвит провололочкой в три оборота

и оканчивается напускной бусиной. Появление подобных серег связывают с влиянием кочевников Золотой Орды, они распространены по всему Северному Кавказу и южно-русским степям, датируются XIII–XV вв. [Носкова, 2005, с. 189, рис. 3.-12–13; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 135–136].

Аналогии *плоским кольцам* (рис.-18) с прорезью известны в материалах XIV–XV вв. Белореченских курганов Закубанья [Левашева, 1953, с. 204, рис. 12.-2], Бесленей и в устье р. Байтал-Чапкан Карачаево-Черкесии [Дружинина, 2012, с. 207, рис. 3.-22–24], в погребениях могильника Каррас из Пятигорья 2-й половины XV – начала XVI в., а также в материалах из склепов 1-й половины XVIII – начала XIX в. у с. Пялинг Горной Ингушетии и позднесредневекового склепа №8 с. Фалхан [Дружинина, Пеземский, 2014, с. 35–36].

Перстень (рис.-5) с выраженным щитком, круглая жуковина украшена гравированным изображением восьмилучевой «снежинки», обрамленной «елочным» орнаментом. Аналогии происходят из Херсонеса и Восточного Средиземноморья X–XII вв. [Наследие византийского Херсона, 2011, с. 531, 533, №209–213]. Подобные пластинчатые перстни с круглым щитком, украшенным гравировкой и косыми насечками «в елочку», составляют самый распространенный тип среди перстней из Белореченских курганов XIV–XV вв. [Левашева, 1953, с. 205, рис. 12.-8]. Аналогичные перстни известны в погребениях могильника на поселении Жукова [Нечипорук, 2012, рис. 566.-5; 578.-9]. Два перстня с гладкими овальным и фигурным щитками (рис.-6–7) близки золотому перстню XIV в., найденному в составеклада в Крыму [Сокровища, 2000, с. 286, №287], перстню из погребения 250 могильника Мамай-Сурка [Ельников, 2001, рис. 43.-10] и из погребения 139 Новохарьковского могильника золотоордынского времени [Новохарьковский, 2000 с. 67, рис. 28, 30].

Стилистическое изображение птицы на круглой в плане плосковыпуклой сердоликовой *вставке перстня* (рис.-2) характерно для предметов из керамики, стекла, камня и металла, произведенных в мастерских Ближнего Востока [George T. Scanlon, 2003, p. 333, 351, pl. 23, fig. 23; Чхаидзе, 2015, с. 88]. Этот мотив широко распространяется в первой половине XIV в. [Банк, 1952, с. 193]. Еще две округлые плосковыпуклые вставки перстней из прозрачного бесцветного стекла (рис.-3–4) имеют широкие аналогии в материалах памятников XI–XIV вв. Восточной Европы, Средней Азии и Кавказа [Полубояринова, 1988, с. 197–198].

Бусы круглые в поперечном сечении. Аналогии монохромной зонной бусине из глухого черного стекла (рис.-10) происходят из каменного ящика 12/1 Цемдолинского могильника [Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 47], из кургана №37 могильника Лобанова щель [Марченко, Пьянков, 2002, с. 179], погребения 25 Келийского могильника XIII–XIV в. Горной Ингушетии [Жилина, 2007, с. 148, табл. 2, 7], домонгольских и золотоордынских слоев Болгара [Полубояринова, 1988, с. 165]. Шесть полихромных мозаичных бус из черного, синего и неопределимого цвета стекла с разноцветной крошкой (рис.-8–9) близки полихромным бусам из могильника у ст. Гостагаевская [Алексеева, Шавырин, 1979, рис. 200, 332], могильника на поселении Жукова [Нечипорук, 2012, рис. 711.-1], Келийского [Жилина, 2008, с. 106, 113, табл. 3] и Новохарьковского могильника [Новохарьковский, 2000, с. 29, 75] эпохи Золотой Орды.

Наконечники стрел черешковые, плоские и граненые (рис.-37–41). Подобные наконечники известны в памятниках Восточной Европы и Кавказа, их бытование охватывает значительный период IX–XIV вв. [Левашева, 1953, с. 179, рис. 3; Носкова, 2005, с. 198, рис. 2; Дружинина, 2012, с. 204–205, рис. 2; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 108–112, рис. 43]. Характерно присутствие лопаточковидного срезня.

Состав вещей позволяет датировать исследованные комплексы XIV в.

Анализ палеоантропологического материала комплексов показал, что в каждой гробнице находились останки людей, связанных, по-видимому, при жизни семейными узами. Определение биологического возраста этих индивидуумов может служить «зеркалом», в котором отражается состав семьи, типичный для данной группы. Так, в четырех погребениях, где были найдены останки двух человек, были захоронены женщины лет тридцати или несколько старше в сопровождении детей 8–12 лет. Погребения, где захоронены трое, еще более наглядно рисуют «демографический профиль» семьи в этой средневековой популяции. Так, в погребении 2 находились останки ровесников 40–49 лет, мужчины и женщины, а также юноши 18–20 лет, их возможного потомка.

Особый интерес вызывает комплекс погребения 3, где были захоронены сорокалетний мужчина, женщина 30–35 лет и десятилетний ребенок. Данные палеопатологии позволяют пролить свет на повседневную жизнь этой конкретной семьи. У мужчины выявлен целый комплекс патологических проявлений, связанных с так называемой болезнью Форестье, или диффузным идиопатическим гиперо-

стозным синдромом. Не исключено, что это состояние предшествовало у него появлению диабета 2-го типа, как об этом свидетельствуют современные клинические данные. Кроме того, сильная деформация головки левой бедренной кости свидетельствует о многолетней хромоте, постигшей этого человека. Особого внимания заслуживает присутствие на его посткраниальном скелете признаков, входящих в так называемый «комплекс всадника». Он не избегал физической активности и, скорее всего, был связан с ремеслом, о чем свидетельствует экстраординарное развитие рельефа на костях его правой руки. Жизнь членов этой семьи могла быть достаточно сложна, на что указывает тот факт, что погребенная в той же могиле женщина незадолго до смерти перенесла трепанацию.

Библиографический список

Алексеева Е.М., Шавырин А.С. Отчет о работе Анапской экспедиции Института археологии РАН в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1 №9485, 9485а.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Курганные могильники. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003. С. 216–224.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М. ; СПб., 2014. 132 с.

Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир ; М., 1997. С. 92–114.

Банк А.В. Восточный сосуд с греческой надписью (К истории культурных взаимоотношений Византии и Египта в XIII–XIV вв.) // Византийский временник. Т. V. 1952. С. 191–202.

Дружинина И.А. Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань ; Ялта ; Кишинев, 2016. С. 215–219.

Дружинина И.А. О группе средневековых курганов бассейна верховий Кубани // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 196–212.

Дружинина И.А., Пежемский Д.В. Кабардинский курганный могильник Каррас (по материалам раскопок Д.Я. Самоквасова в Пятигорье 1881 года) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань, 2014. С. 34–37.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир ; М., 2011. 266 с.

Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.) Запорожье, 2001. 275 с.

Жилина Е.В. Полихромные бусы Келийского могильника // Археологический журнал. Армавир, 2008. №II. С. 104–114.

Жилина Е.В. Стекланные монохромные бусы из погребений Келийского могильника XIII–XIV вв. в горной Ингушетии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 8. Армавир, 2007. С. 147–157.

Левашева В.П. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды Государственного исторического музея. Вып. XXII. М., 1953. С. 163–213.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 344–393.

Марченко И.И., Пьянков А.В. Курган 37 могильника Лобанова щель (материалы раскопок 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002. С. 168–213.

Наследие византийского Херсона. Севастополь, Остин, 2011. 708 с. : ил.

Нечипорук А.А. Отчет о проведении археологических полевых работ на объектах археологического наследия «Поселении «Жукова», «Поселении «Псиф 3», и «Поселении «Фурожан 2» в Крымском районе Краснодарского края в 2010 году. Т. II, VII. 2012. // Архив ИА РАН. Р-1. №31161, 31166.

Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2000. 200 с.

Носкова Л.М. Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее. По раскопкам 1986 и 1988 гг. // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005. С. 186–202.

Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 151–219.

Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологическая экскурсия // МАК. Вып. II. М., 1889. 183 с. : ил.

Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб., 2000. 345 с.

Тарабанов В.А. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984. С. 164–172.

Чхаидзе В.Н. Средневековые погребения Таманского городища // Древности Боспора. Т. 7. М., 2004. С. 404–424.

Чхаидзе В.Н. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Средневековая археология евразийских степей. М. ; Йошкар-Ола, 2006. С. 53–86.

Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015. 202 с.

George T. Scanlon. Mamluk sgraffiato ware: the power of the new // Islamic history and civilization. Texts, documents, and artefacts: Islamic studies in honour of D.S. Richards. BRILL, Leiden, Boston, 2003. Vol. 45. P. 301–356.

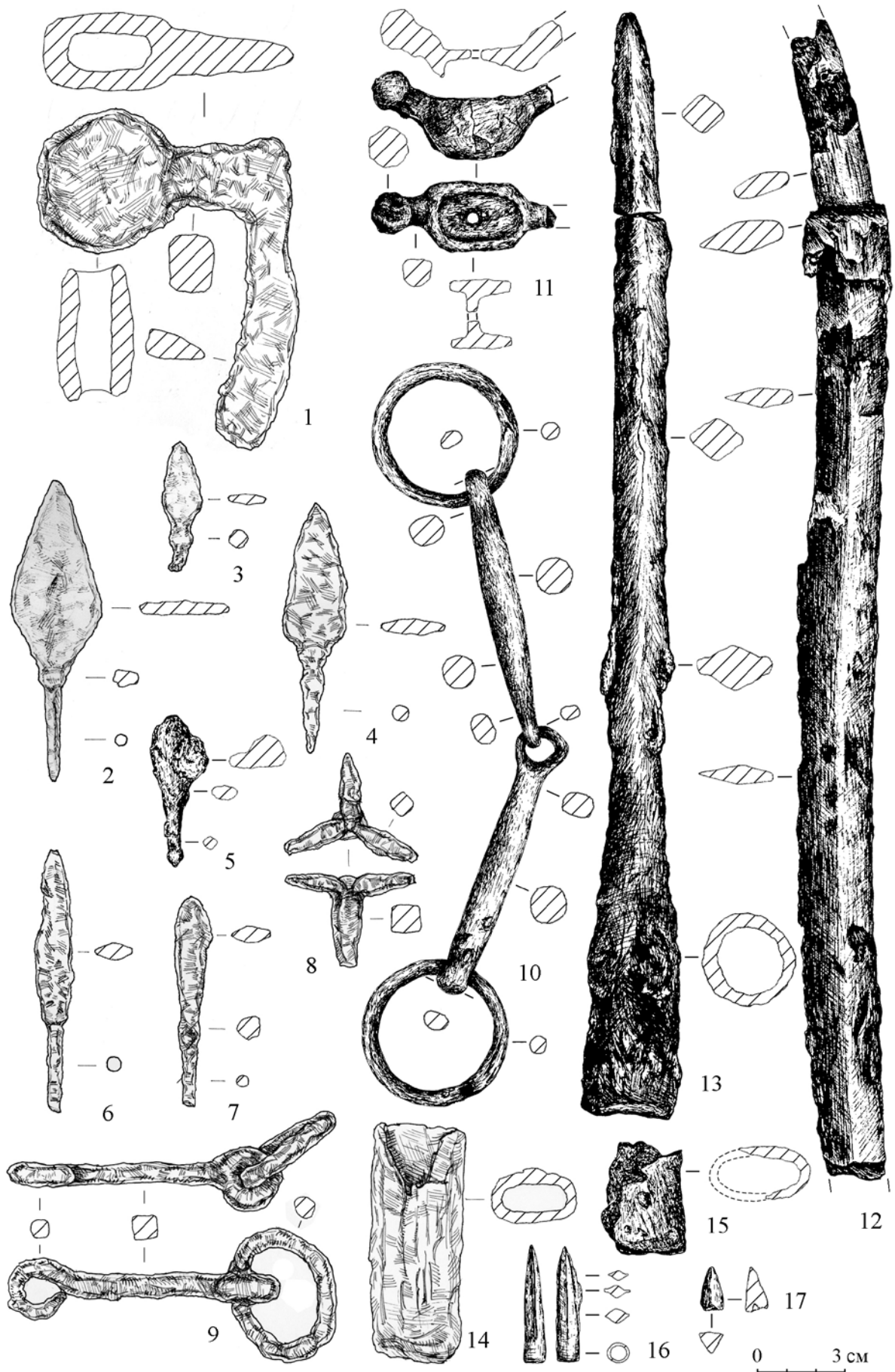
© 2017, Е.И. Нарожный, П.В. Соков

НАО «Наследие Кубани», Краснодар

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ-1 И 2 (XIII–XV ВВ.) (Крымский район Краснодарского края)

Рассматриваемые предметы – из охранно-спасательных археологических исследований 2012 г., затронувших сразу три поселения: Железнодорожное, Железнодорожное-1 и 2. Среди них наиболее выразительной является коллекция предметов вооружения и конского снаряжения. Актуальность их обобщающего рассмотрения определяет, например, публикации метательного вооружения с бытовых памятников Восточной Европы [Медведев, 1966, с. 55–60; Сытый, Скороход, 2014, с. 62–71], представивших образцы собственно древнерусского и центральноазиатского генезисов. Сегодня, правда, полагают, что подобные материалы из слоев пожарищ на Руси необязательно увязывать только с монголо-татарскими погромами [Kamińska, 2013, с. 29–37; Черненко, 2016, с. 83–98]. Публикуемые артефакты – с заведомо золотоордынских поселений – вызывают интерес не только своей спецификой, но и возможностями для обобщающих выводов. Несколько кремневых наконечников стрел, как и их втульчатые образцы из железа (рис.-16), – периода раннего железного века. Они с поселения Железнодорожное-1, но связаны с участками раннего, подстилающего слоя, перекрытого бытовым объектом XIII–XV вв. К XIII–XV вв. относятся кольчатые двусоставные удила с крупными кольцами (рис.-9–10), как и фрагменты нескольких стремян, аналогичные соответствующим предметам конского снаряжения из кочевнических памятников региона [Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 89, рис. 37.-1–3].

Фрагменты пластинок из рога и кости – от концевых накладок на луки. Иные, с врезанным концентрическим и геометрическим декором, – от аппликаций на внешней поверхности колчанов. Доминируют в слое находки разнотипных черешковых наконечников стрел из железа эпохи средневековья (рис.-2–8). Их отдельные типы более характерны для западных районов Северного Кавказа [Нарожный, 2005, с. 112; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 110, рис. 43 и др.]. Единичны находки втульчатых наконечников стрел из рога (рис.-17); Наконечник древковой центральноазиатской «пальмы» предназначался для «колющих или рубяще-режущих ударов» [Худяков, 1991, с. 136]. Наконечники копий могли использоваться в рамках традиционного тактического приема монгольской конницы – «копейного удара» [Горелик, 1990, с. 159] или же для «таранного удара» тяжеловооруженной конницей [Иванов, 2015, с. 94]. В погребениях XIII–XV вв. наконечники копий редки: в выборке из 382 погребений они сопровождали только 21 захоронение (5,4%) [Иванов, 2015, с. 92]. Публикуемые нами «пики» (рис.-13) хорошо известны у кочевников Южной Руси [Dąbrowska, 1958, tabl. VIII.-2; Плетнева, 1973, с. 51, табл. 3.-1, 4; с. 63, табл. 15.-5; с. 71, табл. 21.-11 и др.]. Известны они и на Северном Кавказе [Чакхкиев, 1987, с. 70, рис. 1.-6; Схатум, 2012, с. 68, рис. 2.-2]. Среди разных фрагментов сабель была «детская» сабля или кинжал (рис.-12). Перекрестья сабель разнотипны, в том числе и с утолщениями на концах, сильно загнутыми вниз (рис.-11). Удлиненные обоймы окончаний сабельных ножен (рис.-13–14) более характерны для

Предметы вооружения с территории поселения Железнодорожное-1: 1-15 – железо; 16-17 – бронза

территории Северо-Западного Кавказа. Выявлено несколько «вислообушных» топоров (рис.-1), аналогии им есть в курганах Северо-Восточного Причерноморья (округа г. Геленджика) [Саханев, 1914, с. 196, рис. 50.-2; Дмитриев, Нарожный, 2017] и Чечни, где такие топоры считают орудиями хозяйственного назначения [Мамаев, Чахкиев, 1983, с. 68–78]; есть они и на территории Поволжья – Приуралья. Имеются сведения о наличии топоров чуть ли не у каждого монгольского воина [Путешествия..., 1957, с. 50–51], хотя М.В. Горелик и В.А. Иванов на примере Болгарского улуса Золотой Орды считают эту категорию вооружения региональной особенностью [Иванов, 2015, с. 81]. В уже использовавшейся выборке В.А. Иванова [2015, с. 82, табл. 9] на 382 погребения приходится всего лишь два случая находок в них топоров. Находки топоров этого типа не позволяют рассматривать их только как с/х орудия. Интересны фрагменты железных полосок с поселения, которые заманчиво считать деталями обивки внешней периферии деревянных щитов, аналогии которым известны на территории Северо-Западного Кавказа XIII–XV вв. Ныне их находки позиционируют как сугубо «черкесский» (адыгский) этнокультурный маркер. На этом основании и остатки щита из захоронения кочевника в кургане из-под исторического города Юрьева в Поросье приводят как основной аргумент в пользу якобы имевшего место перемещения части средневековых адыгов из Северо-Западного Кавказа под г. Юрьев [Горелик, 2004, с. 293–300; 2008, с. 158–189; 2014, с. 73–88; Схатум, 2003, с. 223–254]. Этой точке зрения способствовала и не совсем внятная позиция авторов раскопочных материалов [Орлов, Моця, Покас, 1985, с. 30–62]. Версия М.В. Горелика и Р.Б. Схатума, тем не менее, противоречива, в том числе и по причине наличия еще одного не учтенного ими щита, происходящего все-таки не с территории Польши, как иногда утверждают [Голубев, 2013, с. 34]. Вместе с другими артефактами из нескольких разрушенных курганов остатки этого щита лишь хранились в одном из музеев польского Кракова. В него они попали еще в конце XIX в. [Dąbrowska, 1958, s. 164, tabl. V.-1]. Курганы же эти до разрушения находились в бассейне р. Роси [Dąbrowska, 1958, s. 164]. Важно подчеркнуть, что остатки интересующего щита связаны с явно «нечеркесскими» артефактами – гривной, деталями «рогов» очелья [Dąbrowska, 1958, s. 165, tabl. VI.-1; Gołębiowska-Tobiasz, 2014, s. 135, illist. 4] и пр. Как уже подчеркивалось в литературе [Нарожный, 2010, с. 93–96], оба щита – из музея Кракова и из-под Юрьева – связаны с кочевниками южнорусского приграничья (Поросьем); они наиболее ранние из всех известных щитов и, вероятно, бытовали там еще с «домонгольского» (?) времени. Из Поросья щиты могли попасть на Северо-Западный Кавказ, став еще одним из «привнесений» черноклобуцкого происхождения [Нарожный, 2003, с. 212–223]. Предполагаемая миграция черных клобуков вместе с иными группами тюркоязычных кочевников проходила, скорее всего, в 60-х гг. XIII в. и была возглавлена Ногаем при его перемещении к Дербенту. Передвижение его войск увлекло за собой и значительные силы кочевников Поросья и из его Пруто-Поднепростровского домена [Нарожный, 2003, с. 212–223; 2017, с. 208–215]. Отдельные возражения на этот счет [Блохин, Петров, 2013, с. 37–50] явно противоречат выводам В.А. Иванова, построенным на основе все той же статистической обработки кочевнических материалов Поволжья – Приуралья и Северного Кавказа. А они, как подчеркивает исследователь, вполне «согласуются с концепцией И.А. Дружининой, В.Н. Чхаидзе и Е.И. Нарожного о переселении в середине XIII в. кочевников южнорусского приграничья – черных клобуков на Северный Кавказ». Их же потомки «и через сто лет продолжали составлять основную часть кочевого населения этого региона» [Иванов, 2015, с. 61].

Завершая обзор предметов вооружения, укажем на еще один предмет – находку железного «чеснока» (рис.-8), разновидности которого использовались против лошадей и конницы и известны, например, в Крыму в XIV–XV вв.

Приведенные артефакты – небольшая выборка таких предметов с серии поселений, раскопанных в 2012 г. Разнотипные по составу, различные по функциональному назначению, они характерны как для кочевого, так и оседлого населения. Вместе с предметами вооружения из погребений грунтовых могильников, исследованных между поселениями Железнодорожное-1 и 2 [Нарожный, Соков, Тищенко, 2014, с. 374–376], и могильников №1 и №2 на территории поселения Железнодорожное-1 [Нарожный, Соков, 2014, с. 407–410] они расширяют формирующиеся представления не только об этнокультурном составе населения всего «куста» памятников этого микрорегиона, но и о его военном деле. Сложно представить себе ситуацию, когда в повседневной жизни интересующие нас артефакты могли быть просто разбросанными по всей площади поселений. Скорее, это следствие каких-то драматических событий, приведших если не к гибели поселений, то к их постепенному угасанию. Версия исследователей о начале «упадка» жизни уже «к середине XIV в.» и «окончательной гибели» уже «в 3-й четверти XIV в.» [Жеребилов, Масловский, 2016, с. 16] выглядит недостаточно убедительной. Одной из причин

гибели всех поселений XIII–XV вв., ныне известных в Нижнем Закубанье, могла быть агрессия войск эмира Тимура во время его передвижения из Азака в «область черкесов» [Мокрушин, Нарожный, Соков, 2016, с. 221–224]. Однако наличие на некоторых из них «островков» территории с находками предметов вооружения и керамики XV в. [Барагамян, Василенко, Тищенко, 2014, с. 29–38] заставляют полагать, что вторжения Тимура не уничтожили окончательно жизнь в округе, как это было выявлено и на других памятниках Золотой Орды. Последовавшее возрождение, хотя и не в прежних масштабах, заставляет рассматривать его в рамках уже XV столетия.

Библиографический список

- Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир ; М., 1997.
- Барагамян Р.Д., Василенко Д.Э., Тищенко И.Б. Две группы позднесредневековых керамических сосудов с поселения «Железнодорожное-2» // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар, 2014. Вып. 2.
- Блохин В.Г., Петров П.А. Средневековые комплексы с височными подвесками из Волгоградского Поволжья // РА. 2013. №3.
- Голубев Л.Э. Умбон щита из разрушенного погребения средневекового курганного могильника «Самурские озера-1» // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2013.
- Горелик М.В. Степной бой (из истории военного дела монголо-татар) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.
- Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV вв.) // МИА Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 4.
- Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2008. Вып. 15.
- Горелик М.В. Погребение черкесского воина 2-й пол. XIII – 1-й пол. XIV вв. в Поросье // Історія давньої зброї. Дослідження 2014 р. Киев, 2014.
- Дмитриев А.В., Нарожный Е.И. Два захоронения воинов-кочевников XIII–XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Казань; Кишинев, 2018 (в печати).
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир ; М., 2011.
- Жеребилов С.Е., Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения «Железнодорожный-2» (Западное Закубанье, долина р. Адагум) (XIII–XIV вв.) // Материалы Первого Маджарского археологического форума: Пятигорск – Буденновск, 2012 г. Серия: Археология евразийских степей. Вып. 23. Казань, 2016.
- Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. Уфа, 2015.
- Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю. О назначении железных позднесредневековых топоров из Чечни // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
- Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники старел в Восточной Европе // СА. 1966. №2.
- Мокрушин В.П., Нарожный Е.И., Соков П.В. О внутренней топографии поселения XIII–XV вв. (Крымский район Краснодарского края. Предварительные наблюдения) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география : материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань ; Ялта ; Кишинев, 2016.
- Нарожный Е.И. Половцы или черные клобуки? (По поводу критических замечаний И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // МИА Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 2.
- Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир, 2005.
- Нарожный Е.И. К вопросу о происхождении позднесредневековых щитов Северо-Западного Кавказа // Археологический журнал. Армавир, 2010. №III–IV.
- Нарожный Е.И. Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимодействие (XIII–XV вв.) // Между Востоком и Западом: движение культур, технология и империй. III международный конгресс средневековой археологии евразийских степей. Владивосток, 2017.
- Нарожный Е.И., Соков П.В. Могильники №1 и №2 золотоордынского времени поселения «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края) // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в г. Казани. Казань, 2014. Т. III.

Нарожный Е.И., Соков П.В., Тищенко И.Б. Охранно-спасательные исследования на грунтовом могильнике поселения «Железнодорожное-2» (Крымский район Краснодарского края) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения»: материалы Международной научной конференции (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М., 2014.

Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси IX–XIV вв. Киев, 1985.

Плетнева С.А. Древности черных клобуков. М., 1973 (САИ. Вып. Е1-19).

Путешествия в восточные страны П. Карпини и Г. Рубрука / ред., вступ. слово и прим. Н.П. Шастиной. М., 1957.

Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИАК. Петроград, 1914. Вып. 56.

Схатум Р.Б. Щит в комплексе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период // МИА Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3.

Схатум Р.Б. Предметы вооружения Убинского могильника (общая характеристика и датировка) // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Северо-Западного Кавказа. Краснодар, 2012.

Сытый Ю.Н., Скороход В.Н. Находки предметов вооружения как свидетельство погромов городищ в селах Выползов и Шестовица (к постановке проблемы) // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья (Материалы конференции, ноябрь 2012 г.). Тула, 2014.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1991.

Чакхкиев Д.Ю. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.

Черненко Е.В. Чернигов и нашествие монголов в свете археологических исследований // Stratum plus. 2016. №5.

Dąbrowska E. Kurhany Rassawskie // Archeologia. VIII. 1956. Z. 1. Warszawa, 1958.

Gołębiowska-Tobiasz A. Kontakty połowieckiej arystokracji rodowej z Rurykowiczami w świetle źródeł archeologicznych // Contacts between the Polovtsian aristocracy and the Rurikids in the light of archaeological sources // Colloquia Russica. Series 1. Vol. 4: Ryrykids in Dynastic relations: politics, customs, culture, religion (10th–16th c.). Publication after 4th International Conference (Mogilno, 14–16th November 2013) / Editor Vitaly Nagirnyy. Krakow, 2014.

Kamińska M. Archeologiczne Świadczenia najazdów Mongolskich na miasta ruskie w XIII–XIV w.: rzeczywistość a stereotypy historiograficzne 3 // Colloquia Russica, Seriy 1. Vol. 3: Ruswepoce najazdow mongolskich (1223–1480). Materiały II I Międzynarodowej konferencji naukowej (Warszawa, 15–17 listopada 2012 r.). Krakow, 2013.

© 2017, Е.М. Пигарёв

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань

ДЕЛЬТА ВОЛГИ В XIII–XV ВВ.

Низовья Волги, а точнее ее дельта и Волго-Ахтубинская пойма, являлись столичным регионом Улуса Джучи, центром ханского домена. Волжская дельта, на территории которой находятся практически все известные нам золотоордынские памятники Астраханской области, формируется р. Волгой и ее крупными рукавами – реками Ахтуба, Бузан, Бахтемир, Старая Волга, Кизань, Болда, Кигач. Периодические регрессии уровня Каспийского моря приводили то к осушению обширных участков морского дна, создавая удобные для жизни человека территории, то к заводнению этих территорий, вытесняя человека на более благоприятные земли. Главные рукава, являясь естественными природными границами, делят всю эту территорию на ряд микрорегионов, в каждом из которых обнаружены золотоордынские населенные пункты. К настоящему времени здесь известно свыше 60 поселений или усадебных комплексов и шесть городов: Селитренное, Красноярское, Ахтубинское, Мошаик, Шареный бугор, Самосдельское [Пигарёв, 2015, с. 181–196].

Считалось, что низовья Волги в домонгольский период были практически не заселены [Фёдоров-Давыдов, 1973, с. 77]. Единственным памятником предмонгольского периода до конца 1990-х гг.

считалось Самосдельское городище. Однако археологические разведки, проведенные в волжской дельте в последние два десятилетия, изменили понимание этого периода. К настоящему времени известно уже несколько десятков поселений, относящихся к XI–XII вв., и два крупных города – городища Самосдельское и Мошаик [Васильев, 2016, с. 153]. В XI–XII вв., в период существования области Саксин, уровень Каспийского моря фиксируется на отметках –32 и –31 м абсолютной высоты (АВ) (современный уровень –27 м АВ).

К началу XIII в. ситуация на Нижней Волге меняется: происходит постепенный подъем уровня Каспийского моря (до –26 м АВ), что, естественно, значительно уменьшает заселенную территорию. В этот же период происходит освоение Нижнего Поволжья монголами, которые сделали его центром своего государства. На первом этапе монголами использовались населенные пункты области Саксин. Это фиксируется в материалах исследований крупных городских центров – городищ Самосдельское и Мошаик.

Во 2-й половине XIII в. появилось несколько новых, собственно золотоордынских населенных пунктов: столичный город Сарай, Красноярское городище и, возможно, городище Ахтубинское, а также город Хаджи-Тархан. В этот период происходило становление и оформление золотоордынской государственности, еще не сформировались торгово-транспортные сети и не было четкого административно-территориального разделения. Большая часть степного населения вела кочевой или полукочевой образ жизни.

Ситуация в нижневолжских степях меняется к началу XIV в., в этот период продолжается подъем уровня Каспийского моря (до –25 м АВ), что приводит к уменьшению комфортной дельтовой территории и выдавливанию населения в степи и Волго-Ахтубинскую пойму. К этому времени заканчивается оформление государственно-административной структуры Улуса. С приходом к власти хана Узбека происходят кардинальные изменения в Золотой Орде. Годы его правления характеризуются возникновением большого количества новых населенных пунктов, в том числе и новой столицы – Сарай ал-Джедид, и ростом территории уже существовавших городов. Активная урбанизация, происходившая на Нижней Волге, приток туда огромной массы нового населения из Хорезма и Закавказья приводят к появлению непрерывной полосы оседлости, состоящей из небольших городов и поселков. Вокруг городских центров оформляются округа, состоящие из многочисленных сельских поселений. Такие конгломерации превращались в экономические микрорегионы, образующие административно-территориальную структуру нижневолжского ханского домена.

Ниже мы рассмотрим хронологию исторических событий, опираясь на предложенную В.Л. Егоровым периодизацию градостроительства в Золотой Орде [Егоров, 2009, с. 78].

Первый период – 40-е гг. XIII в. – время восстановления и использования старых городов, существовавших до прихода монголов. К этому периоду в низовьях Волги относятся два археологических памятника – городища Самосдельское и Мошаик.

Самосдельское городище находится в 43 км ниже г. Астрахани на правом берегу р. Старая Волга (Бирюль). Изучается с 1990 г. до настоящего времени. Размеры памятника составляют около 2 км², мощность культурного слоя в островной части – до 2–3 м. Культурные пласты памятника делятся на два периода: домонгольское и золотоордынское время. Самосдельское городище соотносится исследователями с остатками г. Саксин – столицы одноименной полусоседной области. В XI–XII вв., в период существования области Саксин, уровень Каспийского моря фиксируется на отметках –32 и –31 м АВ, а уровень Самосдельского городища –28 м АВ. В этот период дельта покрывается сетью сельских поселений, которые располагаются по берегам рек. В начале XIII в. уровень моря поднимается до отметки –26 м АВ, что привело к сокращению ранее освоенных человеком территорий и угасанию существовавшей экономики. В этот период г. Саксин начинает терять свой столичный статус, постепенно превращаясь в небольшой населенный пункт. С приходом монголов он, несомненно, использовался как один из опорных пунктов в дельте Волги, о чем свидетельствуют нумизматические находки, но очень недолго [Васильев, 2016, с. 153–155]. В начале XIV в. происходит быстрое повышение уровня Каспийского моря (до –25 м АВ), в результате чего городище оказалось в затопляемой зоне. Можно предположить, что в формировании административно-территориальной структуры области Сарай, проходившей в первых десятилетиях XIV в., Самосдельское городище участие не принимало, превратившись в результате природных катаклизмов в небольшое поселение.

Городище Мошаик находится на восточной окраине Астрахани. Оно расположено на правом берегу р. Прямая Болда, являющейся одним из основных волжских рукавов. Площадь городища – около

250 га. Следов оборонительных сооружений не фиксируется. Мощность культурного слоя на некоторых участках памятника достигает 2,5 м. В 1978 г. Е.В. Шнайштейн проведены первые исследования памятника. С.А. Пантелеевым обработаны и проанализированы погребения с могильника городища. На могильнике выделяются ранние болгарские погребения, датируемые серединой IX – X в.; погребение, относящееся к печенего-огузскому кругу, – X–XI вв.; мусульманские погребения – X–XI и XIII–XIV вв. [Пантелеев, 2010, с. 105]. Керамический комплекс памятника показывает присутствие здесь золотоордынской красноглиняной гончарной керамики и большого процента доордынской лепной керамики, аналогичной керамике Самосдельского городища. По мнению исследователей, городище возникает на рубеже XI–XII вв. [Ситдииков, 2013, с. 158]. Местоположение городища Мошаик в самой узкой части волжской дельты предполагает обслуживание им волжской переправы. Д.В. Васильев считает, что городище Мошаик является наиболее вероятным претендентом на локализацию на нем города Суммеркент. Комплекс монет укладывается в хронологические границы от начала XIV в. до 20-х гг. XV в. На наш взгляд, в период экономического развития Улуса Джучи для контроля над водными торговыми магистралями возникла необходимость в организации еще одного административного центра. Старое домонгольское поселение превратилось в новый административный центр под возможным названием Суммеркент. В результате повышения уровня Каспийского моря (до –25 м АБ) в середине XIII – начале XIV в. большая часть области Саксин была затоплена, город Саксин утратил свое административное и экономическое значение. Удобное месторасположение городища Мошаик (высота над уровнем моря –23 м АБ) сделало его единственным крупным населенным пунктом в низовьях Волги, способным стать административным центром микрорегиона. Городище расположено на вершине волжской дельты, в самой узкой ее части, два крупных волжских рукава: реки Бахтемир (с запада) и Бузан (с востока) образуют центральную часть дельты. По нашему мнению, эти реки образовали границы «Мошаикского улуса», состоящего из регионального города и 26 сельских поселений, составляющих его округу [Пигарёв, 2017, с. 283–290]. Позднее Мошаикский улус стал центром Астраханского царства. Именно на его территорию в 1558 г. был перенесен г. Астрахань.

Второй – четвертый периоды – 50-е гг. XIII в. до начала 2-го десятилетия XIV в. Город Сарай (старый Сарай). Местонахождение первой столицы Золотой Орды до сих пор остается неясным. К концу XX в. утвердилось мнение, что в Золотой Орде существовало две столицы: Сарай – первая столица, построенная Бату ханом, и Новый Сарай, строительство которого началось при хане Узбеке. На рубеже XX–XXI вв. научная дискуссия о золотоордынских столицах получила продолжение. Ряд исследователей стали придерживаться мнения о единстве Сарая и Сарая ал-Джедид, помещая их на Селитренное городище, а Царевское городище отождествляя с городом Гюлистан (Е.Ю. Гончаров, В.Г. Рудаков). Часть поддерживает мнение о двух столичных городах (И.В. Волков). Появилась и другая версия. А.В. Пачкалов, опираясь на нумизматический материал, считает первым Сараем Красноярское городище [Пачкалов, 2002, с. 177]. Исследователи, предложившие отождествлять Красноярское городище с ранним Сараем, аргументировали это находками в погребениях могильника «Маячный бугор» золотоордынских монет конца XIII в. Есть еще одна точка зрения на месторасположение первой столицы в районе современного Аксарайска Астраханской области. В 1957 г. во время работ экспедиции Государственного Эрмитажа на левом берегу р. Ахтубы напротив села Сеитовка были обнаружены средневековые поселение и курганный могильник [Белецкий, 1957]. Топонимика этой территории приводит нам следующие названия: местность Аксарайск и ерик Ай-Сарал. Река Ахтуба здесь, сворачивая на восток, делает петлю, ограниченную ериком Ай-Сарал, в результате чего образуется остров площадью до 5 км². Природное удобство этой территории позволяло устроить здесь зимник кочевой орды, который, видимо, и являлся прототипом раннего Сарая. Вероятно, ордынская ставка была растянута на несколько километров вдоль берега Ахтубы. В южной ее части, между Ахтубой и ериком Ай-Сарал, располагалась ставка хана и кочевой аристократии, к северу по речному берегу вытягивались жилища рядовых ордынцев. Возможный перевод названия «Ай-Сарал» может звучать как «Лунный дворец».

В этой местности находятся остатки золотоордынского города, получившего в научной литературе название «Ахтубинское городище». Одним из первых это городище с городом Сарай связал П.С. Рыков. Городище «Ахтубинское» расположено на левом берегу Ахтубы у пос. Комсомольский, имеет длину с юга на север около 3 км, ширину – около 1 км. Современные исследования городища проводились В.В. Плаховым. В ходе этих работ были исследованы ряд монументальных объектов золотоордынской архитектуры и городской некрополь. Нумизматический материал представлен медными монетами правления ханов Джанибека и Тохтамыша, чеканенных на монетных дворах Сарай ал-Джедид, Орда,

Орда ал-Муаззам. А.В. Пачкалов предполагает, что на городище располагался город Ак-Сарай или верховная ставка Токтамыша Орда ал-Муаззам. На наш взгляд, Ахтубинское городище может являться остатками первой золотоордынской столицы города Сарай (Сарай ал-Махруса). Развиваясь из зимней ставки Орды со 2-й половины XIII в., он превратился в крупный населенный пункт к концу правления хана Узбека. На протяжении большей части XIV в. этот город играл вторичную роль в сравнении с новой золотоордынской столицей Сараем ал-Джедид, являясь основным местом зимовки ханской орды. Во время великой замятни Сарай и кочевая ставка становились опорным пунктом для некоторых ханов, например, для Абдуллаха и Мухаммед-Булака. В период борьбы хана Токтамыша за власть в Улусе Сарай становится его верховной ставкой, о чем свидетельствуют чеканенные здесь монеты (монетные дворы «Орда», «Орда ал-Муаззам», «Орда ал-Джедид», «Сарай», «Сарай ал-Махруса»). С захватом Тохтамышем Нового Сарая начинается чеканка монет с его именем на монетном дворе Сарая ал-Джедид.

Город Хаджи-Тархан (городище Шареный бугор) находится на правом берегу р. Волги, выше по течению современного г. Астрахани, и занимает площадь более 300 га. Большая его часть разрушена течением Волги. Здесь в золотоордынскую эпоху располагался один из крупнейших центров Улуса Джучи город Хаджи Тархан. В 1984 г. раскопки на окраине городища проводились В.В. Плаховым. Археологическим разведкам была подвергнута площадь вокруг средневекового города. В ходе этих работ были обнаружены десятки поселений и могильников, относящихся к золотоордынскому времени. Видимо, на протяжении XIII – середины XIV в. основной функцией города являлся контроль над волжской торговой магистралью. Кроме того, он являлся административным центром, в округу которого входило 33 поселения, расположенные на правом берегу р. Волги [Пигарёв, 2015, с. 181–196]. Во время «великой замятни» ситуация на Нижней Волге резко изменилась. Расположение Хаджи-Тархана на правом берегу Волги, определенная обособленность от Сарая, экономический потенциал, основанный на торговом транзите, значительно повысили статус города. С 1374–1375 гг. начинается регулярная чеканка монеты на местном монетном дворе, продолжающаяся до середины XV в., а Хаджи-Тархан становится «городом власти» [Пигарёв, 2017, с. 221]. Позднее город неоднократно переходил из рук в руки многочисленных ханов – чингизидов, пока в конце XV в. не стал столицей Астраханского ханства.

Красноярское городище находится в с. Красный Яр, на слиянии р. Бузан и Маячная. Археологическое изучение Красного Яра началось в 1980–1990-х гг. П.В. Казаковым и Е.В. Шнайдштейн. Общая площадь раскопов составила около 300 м². Городище располагается в точке разделения главных протоков Волги – рек Ахтуба и Бузан, где была возможность осуществлять контроль за водной магистралью, соединяющей Волгу с Каспийским морем. Кроме того, здесь степь с востока подходит к вершине дельты, где была возможна переправа через Волго-Ахтубинскую пойму, что позволяло контролировать и сухопутную торговую магистраль. Две крупные реки Бузан и Кигач образуют восточную часть дельты, формируя границы «Красноярского улуса». В настоящее время известно 11 золотоордынских поселений, которые можно условно отнести к округе Красноярского городища [Пигарёв, 2016, с. 162–179].

Пятый период – расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке – с 20-х гг. XIII в. до 60-х гг. XIV в.

Ханский некрополь у села Лапас является важным объектом, связывающим в единое пространство кочевую ставку и обе золотоордынские столицы – Сарай (Сарай ал-Махруса) и Сарай ал-Джедид. Памятник находится посередине между населенными пунктами Селитренное (Сарай ал-Джедид) и Аксарайск (Сарай, Сарай ал-Махруса). Археологическое изучение памятника началось в 1995 г. В.В. Дворниченко. Здесь были выявлены небольшое золотоордынское поселение, расположенное на берегу р. Большой Ашулук, в котором проживали строители и обслуживающий персонал ханских мавзолеев, и развалины 14 погребальных объектов, пять из которых являются остатками крупных архитектурных сооружений. На поселении собрана коллекция медных монет, которые уверенно датируют памятник 1312–1342 гг.

Город Сарай ал-Джедид (Селитренное городище) является крупнейшим городом Золотой Орды. В 1965 г. для его изучения был создан Селитренский отряд. С середины 1970-х гг. он стал основным объектом исследований ПАЭ ИА АН СССР/РФ. С начала XXI в. исследованием городища занимается экспедиция МарГУ и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Площадь памятника – около 20 км², мощность его культурного слоя достигает 2 м.

Нумизматический материал показывает, что город появляется в 1330-х гг. и существует как столичный центр до середины XV в. В XV в. началась интенсивная чеканка на монетном дворе Иль Уй

Муаззама («Дом страны высочайшей») поселения Каменный бугор, расположенном на юго-восточной окраине Селитренного городища, возможно, являющегося ставкой золотоордынских ханов. С распадом Золотой Орды Сарай ал-Джедид теряет свой столичный статус, но не исчезает. Жизнь здесь сохраняется до середины XVI в.

Поход Тимура 1395–1396 гг. и последующие политические и экономические кризисы XV в. привели к распаду единого государства и образованию на его территории в XVI в. нескольких ханств, одним из которых являлось Астраханское. Тем не менее, несмотря на кризисы и регрессивное состояние, золотоордынское государство продолжало существовать на протяжении всего XV в. Часть населенных пунктов, безусловно, пришли в запустение. Однако нумизматический материал с Селитренного городища и Каменного бугра, Хаджи Тархана и Мошаика позволяет говорить о сохраняющемся на Нижней Волге общегосударственном экономическом центре [Зайцев, 2004, с. 17, 28].

Библиографический список

Белецкий В.Д. Отчет о работах Нижневолжской разведывательной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 1957 год // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №2536.

Васильев Д.В. Дельта Волги в XIII веке (по материалам Самосдельского городища и новых памятников, выявленных в дельте) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Казань ; Ялта ; Кишинев, 2016. С. 153–155.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2009. 248 с.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. 224 с.

Пантелеев С.А. Об археологических исследованиях на грунтовом могильнике городища Мошаик // Научный Татарстан. 2010. №4. С. 92–106.

Пачкалов А.В. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археологія та етнологія східної Європи: Матеріали і дослідження / Міжнародний конгрес. Крок молоді у XXI століття. 24–27 квітня 2002 р. Т. 3. Одеса, 2002. С. 175–178.

Пигарёв Е.М. Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области // Генуэзская Газария и Золотая Орда / отв. ред. С.Г. Бочаров. Кишинёв, 2015. С. 181–196.

Пигарёв Е.М. Красноярское городище и его округа // Поволжская археология. 2016. №2 (16). С. 162–179.

Пигарёв Е.М. Формирование городских центров ханского домена Улуса Джучи (городище Мошаик) // Археология евразийских степей. Казань, 2017. №1. С. 283–290.

Ситдииков А.Г. Отчет об археологических разведках на территории Приволжского, Камызякского и Красноярского районов Астраханской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №46647, 46648.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. 180 с.

МОСКВА – СИБИРЬ: ОТ ЦАРСТВА ДО ИМПЕРИИ (XVI–XIX ВВ.)

© 2017, С.В. Берлина, С.И. Цембалюк, О.М. Аношко

*Тюменский научный центр СО РАН,
Институт проблем освоения Севера, Тюмень*

ОТ ДРЕВНИХ КРЕПОСТЕЙ ДО ПЕРВОЙ СТОЛИЦЫ СИБИРИ: УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ

В исторической науке утвердилось мнение о том, что первые города в Сибири появились с приходом русских в этот регион. Однако накопленный археологический материал свидетельствует, что начало урбанизации следует связывать с формированием укрепленных поселков – крепостей в Зауралье еще в бронзовом веке. Протогорода и города в древних и средневековых обществах являлись центрами возникновения и трансляции культурных инноваций и определяли развитие региона в целом. Безусловно, они не имели больших размеров, так как плотность населения на этой территории традиционно была низкой, тем не менее фиксировались другие признаки городского поселения, а именно наличие ремесла, торговли, власти, предметы военного оснащения (и, соответственно, военное дело как специализация), элементы городской застройки, наличие фортификаций.

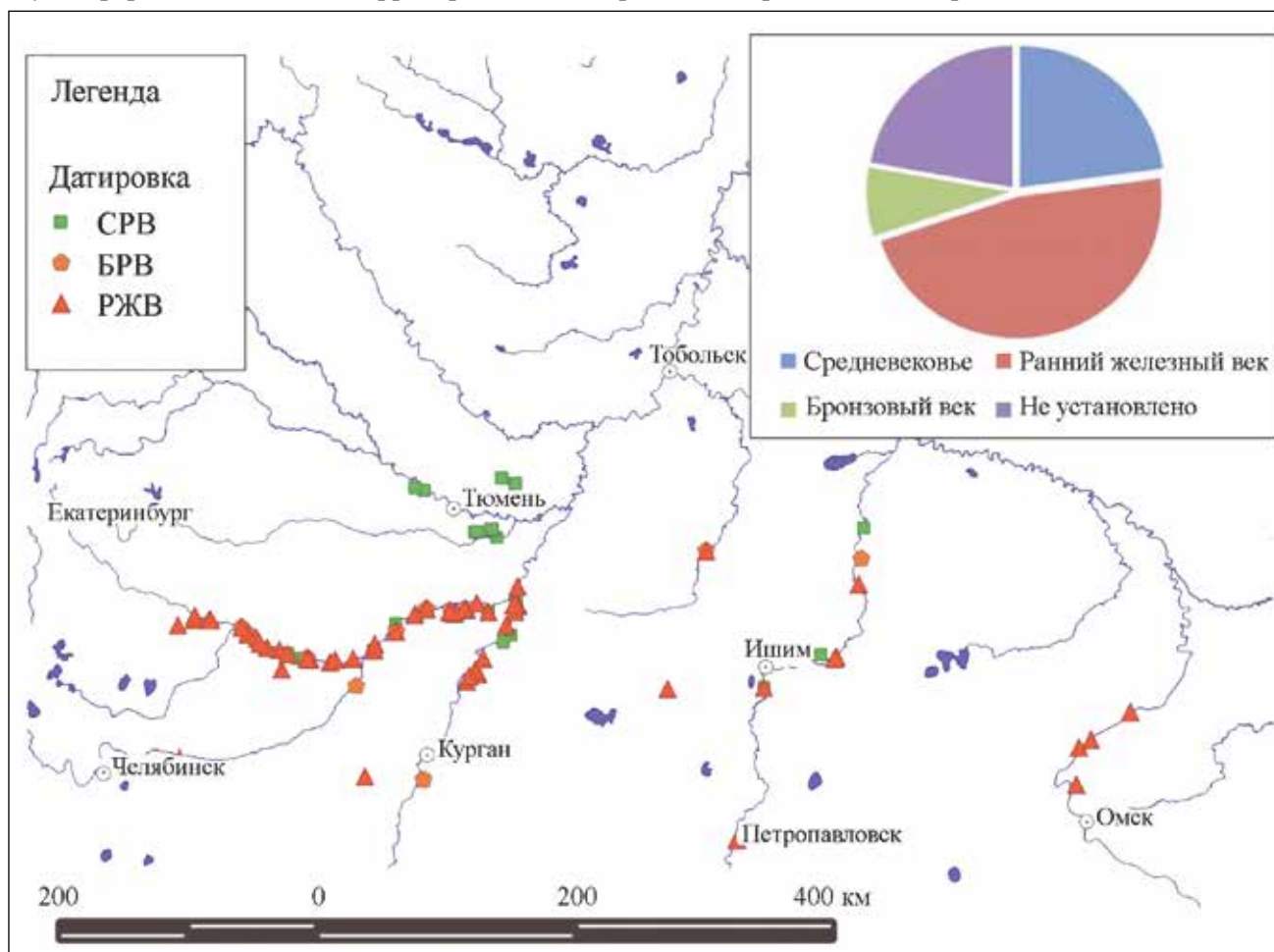
По археологическим данным, основное место локализации укрепленных поселков в контактной зоне между тайгой и степью находилось в лесостепной полосе. Происходившие в древности изменения климата приводили к подвижкам населения, проникавшего в лесостепь с севера и юга, в результате чего шел активный процесс культурогенеза на данной территории. С одной стороны, сюда чаще проникали новации, с другой – нередко здесь возникала социальная напряженность между коллективами.

Лесостепное Зауралье с запада ограничено горами Урала, с юга – обширными степями Казахстана, с севера – массивом тайги. Это крупный микрорайон, по которому протекают реки Исеть, Тобол, Ишим с большим количеством притоков и где имеется много озер. Территория благоприятна для ведения разных видов хозяйственной деятельности: скотоводства, охоты, рыболовства, собирательства дикоросов. Первые крепости датированы здесь еще эпохой поздней бронзы. Причину их появления в этот период большинство исследователей соотносят с климатическими изменениями – повышением уровня воды в реках, следствием чего стала миграция на юг таежного населения – носителей крестовой керамики, что привело к возникновению здесь социальной напряженности и строительству местным бархатовским населением фортификаций с целью защиты от чужеземцев [Матвеев, Аношко, 2009, с. 338–339]. В эпоху поздней бронзы их немного, укрепления примитивные, состояли из рва и изгороди, возведенных на естественно защищенных местах – довольно высоких мысах коренных речных террас (городища Заводоуковское-11, Красногорское, Миасское и др.).

В переходное от бронзового к раннему железному веку время получили распространение поселения (известно более 30), защищенные фортификациями круговой планировки. Они были оставлены носителями иткульской культуры, соорудившими, судя по небольшим параметрам валов и рвов, деревянные заборы с канавкой у основания [Зимица, Зах, 2009, с. 184]. Данные крепости локализовались в основном на границе тайги и лесостепи, зачастую имели упорядоченную планировку: жилища располагались по кругу с внутренней стороны фортификаций, а в центре – большая незастроенная площадка, возможно, для содержания и охраны скота. Для памятников иткульской культуры характерны как одиночные, так и двоянные площадки, достигавшие от 1 000 до 9 000 м², реже – до 64 000 м². В этот же период появились первые укрепленные поселки населения баитовской культуры, которые на раннем этапе ее существования обносились заборами-частоколами, установленными на невысокий вал. Ров у основания являлся местом для выборки грунта для насыпи вала. На баитовских городищах, помимо обычной хозяйственной деятельности (гончарство, обработка шкур, дерева), зародилось металлообрабатывающее ремесло [Цембалюк, 2017]. Но уже в начале раннего железного века, на поздней стадии функционирования баитовской культуры, мощность оборонительных линий резко возросла, появились превратные башни [Цембалюк, 2009, с. 58; Цембалюк,

Берлина, 2014]. Это связано, во-первых, с развитием экономики и скотоводства, что вызвало социальную стратификацию общества, а, во-вторых, с проникновением в лесостепь степных коллективов и формированием саргатской общности.

В зауральской лесостепи в эпоху раннего железа одновременно проживали носители баитовской, гороховской и саргатской культур, что привело к росту плотности обитателей и, как следствие, к увеличению количества крепостей в несколько раз по сравнению с бронзовым веком (рис.). Если для эпохи поздней бронзы нами зафиксировано 12 городищ, то в раннем железном веке уже отмечено 72 ед., а для средневекового периода – 35. Около половины городищ раннего железного века были оставлены смешанным населением, что свидетельствует о контактах и ассимиляции в среде древнего общества. В это время фиксировалась эволюция в устройстве фортификаций. Ряд анализов средствами ГИС показал, что ведущими факторами в расположении городищ были безопасность и пригодность рельефа для устройства укреплений, а также экологическая емкость территории, наличие природных богатств. Основная функция поселков заключалась, на наш взгляд, в сохранении жизни и имущества. Полагаем, что со временем отдельные городища постепенно трансформировались в политические и экономические центры. Анализ возможностей телекоммуникации показал, что население городищ могло сигнализировать другим поселкам об опасности. Гипотеза о расположении на пересечении важных экономических путей форпостов освоения территории не подтвердилась [Берлина, Костомаров, Попов, 2013].

Распределение городищ Тоболо-Ишимья по эпохам
 [Берлина, Костомаров, Попов, 2013, рис. 1]

В III в. до н.э. – I в. н.э. основным населением Зауралья стали представители гороховской и саргатской культур, имевшие торговые связи с Приуральем, сакским степным миром, Китаем и Передней Азией [Матвеева, 2000, с. 291–300]. В этот период наблюдаем своеобразный «расцвет» конструкций и вариаций фортификаций: укрепления в плане округло-овальных, трапециевидных, подтреугольных форм, с выступами-башнями, округлые и мысовые городища, часто двух-, трехплощадочные. Следует отметить эскарпирование склонов и разнообразие в использовании сооружений из дерева и земли, при-

менение пазово-шиповой техники (заплота), создание сложных входов и выступов в оборонительных линиях, интерпретируемых некоторыми исследователями как прообраз бастиона (башни) [Берлина, 2010, с. 16]. При исследовании памятников выделены элитарная военизированная верхушка общества, слой рядовых воинов и простых жителей [Корякова, 1988; Матвеева, 2000]. В лесостепной зоне известно около 40 крепостей данного периода, среди них только шесть городков имеют признаки крупных социально-политических центров (городища Батаково, Коловское, Марьино ущелье, Павлиново, Рафайловское, Чудаки). На их цитадели прослежены следы ремесла, упорядоченная застройка, наличие элитных жилищ, свидетельства международной торговли/обмена, а за пределами оборонительных линий – неукрепленные посады.

На рубеже веков на процесс урбанизации в лесостепном Зауралье повлияло Великое переселение народов, торговые связи были нарушены, а большая часть населения ушла с завоевателями на запад. В эпоху раннего и развитого средневековья количество городищ, как и в целом поселений, сократилось, но увеличились параметры фортификаций, отличавшихся большой площадью и мощностью оборонительных конструкций, а их схема стала относительно унифицированной (укрепление тела вала с помощью тарас, клетей, установление поверх дополнительных заборов, частоколов, плетней) [Рафикова и др., 2013, с. 49–50]. Археологические материалы свидетельствуют, что в средневековое время значительно вырос социально-экономический статус укрепленных поселений, не только выполнявших оборонительную функцию, но и имевших административно-политическое и религиозное значение. Данному обстоятельству способствовало вовлечение территории в мировую политику, зауральская лесостепь вошла в улус Джучи, начался процесс тюркизации населения. В этот период меняется система расселения: поселки тяготеют к крупным городищам, являвшимся своеобразными центрами. Отдельные крепости в позднем средневековье (по летописным данным) становятся местом проживания князей-вождей: Кучум-гора, Чимги-тура, Искер.

Мощным толчком к преобразованию зауральского региона послужил процесс продвижения русских землепроходцев на восток в конце XVI – XIX вв., связанный с основанием и развитием городов и острогов. Археологические раскопки культурного слоя Тобольска открыли новые горизонты в изучении первой российской столицы Сибири, являвшейся ее административным, культурным и торгово-ремесленным центром вплоть до 2-й четверти XIX в. [Аношко, Игнатов, 2014, с. 78–80].

Таким образом, на археологических материалах лесостепной зоны Зауралья можно проследить зарождение укрепленных поселений и трансформацию их в протогорода. Они появились в период поздней бронзы, количество их возросло в раннем железном веке. В этот же период наблюдалось большое разнообразие форм и схем фортификаций – шел поиск оптимальных решений, выделялись крупные социально-экономические центры. Городское поселение приобретало в ходе исторического развития самые различные формы, последовательно сменявшие друг друга – от крепостей до военного, политического и административного центра сибирского края. Факторы, влияющие на зарождение и развитие протогородов, следующие: климатический и связанный с ним миграционный, социально-экономический (стратификация общества, торговля, обмен, ремесло) и поттестарный. К сожалению, построению более точной модели урбанизации Зауралья препятствуют малая изученность и отсутствие точных датировок ряда поселений, что затрудняет определение их функционального назначения и социально-экономического статуса. Тем не менее полагаем, что предложенный нами ракурс рассмотрения археологических материалов ставит новые задачи в их интерпретации.

Библиографический список

Аношко О.М., Игнатов С.В. Особенности ранней застройки Тобольска по археологическим данным // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник ТюмГУ. Тюмень, 2014. Вып. 6. С. 78–90.

Берлина С.В. Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 18 с.

Берлина С.В., Костомаров В.М., Попов Н.А. Городища лесного Тоболо-Ишимья в эпоху бронзы – средневековье (опыт классификации и анализа в среде ГИС) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №3 (22). С. 79–86.

Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск, 2009. 232 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988. 239 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень, 2009. 416 с.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск, 2000. 399 с.

Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2013. №4 (23). С. 42–51.

Цембалюк С.И. «Байтовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Приоболье»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2017. 20 с.

Цембалюк С.И. Характеристика поселений и жилищ байтовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №10. С. 57–64.

Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №3 (26). С. 55–65.

© 2017, М.Ю. Визгалова

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань

**О ЗАБЫТОМ МАТЕРИАЛЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК.
«БАЛБЕРА» И БАЛБЕРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В XVI–XVIII ВВ.
(по раскопкам татарской (деревянной) слободки острова-града Свяжска)**

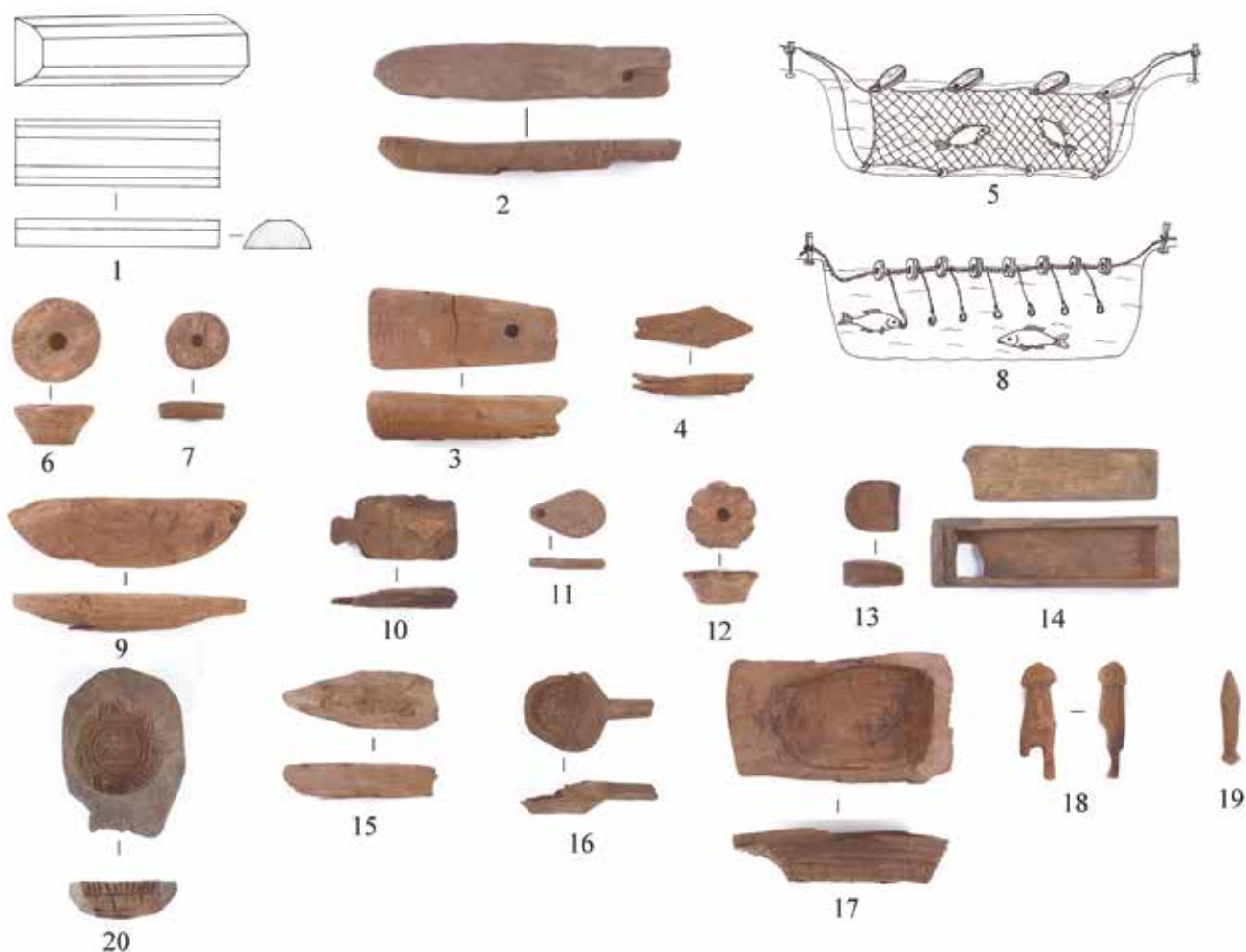
Исследование посвящено находкам из древесного материала, который является на сегодняшний день совершенно «выпавшим» из археологического и этнографического оборота. Анализ археологических находок из дерева со средневековых памятников показывает, что поделки из материала «балбера» присутствуют на многих из них. Характерные предметы правильных геометрических форм, вырезанных из коры темного цвета, встречаются в раскопках городов и поселений, расположенных на берегах рек, озер, морей. Данные изделия являются продуктом балберного промысла, обслуживающего в основном рыбаков. В статье дается полная типология поплавок и других изделий из подобного материала, проведена реконструкция некоторых рыболовных снастей.

Археологические исследования посада города-крепости Свяжска позволили собрать богатейшую коллекцию (около 2 000 ед.) находок из дерева и древесных материалов: лыка, бересты, коры. Последний материал привлек внимание исследователей благодаря хорошей, практически полной сохранности. Это были предметы округлых геометрических форм. Анализ археологической литературы показал, что в ряде случаев предметы именуются изделиями из «коры» или «коры сосны» [Завьялов, 2011, с. 214–215], иногда описаны как «дерево». Задачей данного исследования было показать на примере многочисленной коллекции из органического материала [Шакиров, Валиев, Ситдилов, 2012, с. 184–209], собранной во время раскопок Свяжского посада (Свяжск – позднесредневековый город-крепость на Средней Волге), что некоторая часть находок являются изделиями так называемого «балберного» промысла, или резьбой из коры черного тополя или осокоря. Об этом промысле встречаются упоминания в редких технологических источниках начала XX в. Сам промысел просуществовал до 50-х гг. прошлого столетия, однако очень скоро был совершенно забыт. Некоторые свойства данного материала – балберы (удельный вес – 3,5, при известной прочности) являются незаменимыми при производстве поплавок разнообразных рыболовных снастей, каблуков, игрушек, пеналов, форм для печатей и других изделий. Материаловедческий анализ археологических находок удалось провести благодаря привлечению этнографической, технологической, промысловой и лингвистической литературы конца XIX – начала XX в.

Балбера [Даль, 2015, с. 50] является корой черного тополя, или осокоря (лат. *populus nigra*), – вида, произрастающего от Псковской области до Сибири. Растет осокорь на берегах рек, в болотистых местах, около прудов, озер [Лопатин, 1929, с. 30]. Это дерево произрастает в одиночку или небольшими группами, достигая 1,2 м в диаметре. Так, сотрудниками Института археологии им. А.Х. Халикова на

берегу Архиерейского озера Лаишевского района Татарстана был обнаружен осокорь, имеющий возраст около 150 лет, с диаметром ствола в комлевой части – 1,4 м. Фактура коры имеет характерные утолщения, чередующиеся параллельно с бороздами.

Рассмотрим заготовку коры и производство балберы. Для съёмки коры необходимо было срубить дерево. Делали это в течение всего лета. Использовалась кора тополя возрастом от 100 лет. Толщина коры должна быть не менее 4,5 см. У самых старых экземпляров толщина достигает 18 см. Снимали утолщения коры топором. Снятая кора просушки не требовала. Следующим процессом являлась обработка коры в балберу. Выработка балберы состояла в придании коре определенных размеров и формы [Лопатин, 1930, с. 39], в сечении трапеция или овал (рис.-1). Для обработки использовали топор, скобель, нож или рубанок. Выполнялись следующие операции [Залкинд, 1932, с. 30–31]. Сначала распиливали пилой на куски определенных размеров. После этого топором, ножом или скобелем снимали с кусков коры верхнюю мягкую корку и придавали нужную форму. Края и неровности балберы сглаживали таким образом, чтобы фигура имела гладкую поверхность с помощью рубанка, но опытные мастера – ножом, топором или скобелем. По окончании работ ремесленник проводил ее сортировку.

Изделия из балберы: 1 – общий вид заготовки; 2 – лепестковый поплавок; 3 – прямоугольный поплавок; 4 – ромбовидный поплавок; 5 – реконструкция сети с балберой; 6 – трапециевидная «шашка»; 7 – шайбовидная «шашка»; 8 – реконструкция «черной снасти»; 9 – сегментовидный поплавок; 10 – поплавок с «ушком»; 11 – каплевидный поплавок; 12 – «шашка» с розеткой; 13 – внутренний каблук; 14 – пенал; 15 – лодочка; 16 – ложка из коры; 17 – миска; 18 – антропоморфная фигурка; 19 – поплавок на удочку; 20 – пряничная доска (фрагмент)

Заготовки балберы являлись объектом купли-продажи, из нее вырезали поплавки и множество других изделий. Автором была проведена типологизация данной коллекции изделий из коры черного тополя с раскопа Татарской (деревянной) слободки острова-града Свяжска.

Поплавки (119 экз.). Для неводов и сетей применяли следующие типы: лепестковые, прямоугольные, ромбовидные (рис.-2–4). Реконструкция фрагмента ставных сетей с использованием дан-

ных поплавок показана на рис.-5. Поплавки для снастей, или «шашки», были трапециевидными или шайбовидными (рис.-6, 7). *Черная*, или *шашечная*, снасть представляла собой веревку, иногда до 1 км длиной, к которой привязывали крючки на расстоянии 20 см друг от друга, каждый из которых был прикреплен к леске длиной до 40 см, с шашкой-поплачком. Эту снасть натягивали поперек реки, прикрепив ее концы к кольям или камням. Благодаря течению реки крючки начинали шевелиться и захватывали рыбу за бок или за хвост. В начале XX в. снасть такого типа была запрещена. Аналогичная снасть, но с наживкой на каждом крючке, называлась *кусовой*, или *животной* [Зеленин, 1991, с. 102–103]. Реконструкция части перемета, или «черной» снасти, показана на рис.-8. Встречаются единичные находки поплавок других форм: сегментовидные (рис.-9), с «ушком» (рис.-10), каплевидные (рис.-11), шашки-розетки (рис.-12), поплавок на удочку (рис.-19), поплавок-вешка (лепестковый, с длинным стержнем – 55 см).

Каблуки (32 экз.). Следующей категорией находок являются каблуки (рис.-13), следы гвоздей или других креплений к обуви отсутствуют. Внутренние каблуки, вероятно, использовались в подошве с каракулем [Осипов, 2006, с. 54–55]. Кожаная деталь огибала каблук снаружи, со стороны пятки – другой кожаной деталью. Использование балберы для изготовления внутренних каблуков говорит о ее прочности на износ. После износа обуви каблуки могли использоваться вторично в качестве поплавок для снастей, для чего в них пробивали отверстие.

Пеналы и коробочки (7 экз.). Еще один вид изделий, вырезанный из балберы, – пеналы и коробочки разных размеров, на некоторых заметен след крепления крышки в виде бокового отверстия, на длинных пеналах имеются выдвижные крышки (рис.-14).

Лодочки (14 экз.). В коллекции балберных изделий находятся и лодочки (рис.-15) – детские игрушки, повторяющие формой различные суда речного транспорта (лодки, челноки и т.д.).

Посуда (2 экз.) представлена ложкой (рис.-16) и миской (рис.-17), вырезанной, вероятно, рыбаками для обеда в походных условиях.

Различные изделия (8 экз.) бытового назначения, обнаружены как единичные находки: фрагмент чесала для шерсти, скребок, элементы конской упряжи (?), скребки, шахматная фигурка, свисток, антропоморфная фигурка (рис.-18). Особняком стоит уникальная находка пряничной формы с солярным орнаментом (рис.-20), представляющая собой часть пряничной доски с двумя формами (сохранилась часть второго штампа).

Изучение изделий из коры с раскопок прибрежной зоны о. Свяжска позволило выявить новый материал археологических находок – кору черного тополя, или балберу, ранее не выделяемый в отдельную категорию археологических находок. Была проведена типологизация данного материала, основными критериями здесь являлись функциональное назначение предметов и их морфология, удалось провести реконструкцию некоторых приспособлений рыболовного промысла. Дальнейшее изучение уникальной коллекции изделий из дерева с раскопок позднесредневекового города Свяжска позволит создать полноценную картину ремесел и промыслов деревообрабатывающих отраслей населения Поволжья в XVI–XVIII вв., наряду с уже выделенным здесь ранее производством изделий из лыка [Визгалова, Старков, 2016, с. 266–277].

Библиографический список

- Визгалова М.Ю., Старков А.С. Плетеные изделия из растительных волокон «Татарской (Деревянной) слободки» острова Свяжск // Поволжская археология. 2016. №4. С. 266–277.
- Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Иллюстрированное издание. М., 2015. 896 с.
- Завьялов В.И. Позднесредневековые деревянные изделия из Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. Вып. 7. М., 2011.
- Залкинд И.Б. Производство изделий из коры липы и осокоря. М. ; Л., 1932. 36 с.
- Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 512 с.
- Лопатин. О балберном промысле. Техника заготовки коры и ее производство // Лесная кооперация. 1929. №9. С. 29–35.
- Лопатин. О балберном промысле // Лесная кооперация. 1930. №5. С. 36–39.
- Осипов Д.О. Обувь Московской земли: Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М., 2006. 202 с.
- Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. О застройке посадской части Свяжска (по материалам раскопок 2008 г.) // Поволжская археология. 2012. №2. С. 184–210.

НАХОДКИ СОСУДОВ ИЗ КАМЕННОЙ МАССЫ XVII–XIX ВВ. ИЗ РАСКОПОК САНКТ-ПЕТЕРБУРГА*

При раскопках на территории Санкт-Петербурга археологи регулярно находят фрагменты немецких сосудов из каменной массы. Условно такие сосуды можно разделить на две группы – так называемую рейнскую посуду и бутылки для минеральной воды.

К рейнской посуде относятся сосуды из серой, бежевой и белой каменной массы с рельефным орнаментом, покрытые соляной глазурью. Такая посуда изготавливалась в Германии с XIII в. и достигла своего расцвета в XV–XVII вв. После открытия рецепта изготовления фарфора в начале XVIII в. популярность каменной посуды падает, но производство сохраняется в XVIII и XIX вв. С технологической точки зрения сосуды из каменной массы представляют собой изделия с непрозрачным спекшимся черепком. Обжиг таких изделий выполняется при температуре 1 200–1 300 °С. В зависимости от процесса обжига поверхность черепка становится коричневой (обжиг с окислением) или серой (обжиг с восстановлением). Соль, загруженная в печь, осаждается на черепке в виде тонкого слоя ровной блестящей глазури [Изделия из керамики XVI–XVIII веков, 1984, с. 54]. Также глазурь могли наносить и посредством кисти, используя водный раствор. Основными центрами производства являлись Кёльн-Фрехен, Зигбург, Ререн и Вестервальд. В Кёльне-Фрехене производилась керамика с серым черепком, покрытая светло-коричневой или желтоватой глазурью. Здесь складывается вся шкала форм немецкой каменной посуды. Специального упоминания заслуживают так называемые «штурцбехеры» (кубки с крышкой), «кружки-воронки» с воронкообразным устьем, шарообразные кувшины с низко посаженным горлом, «кувшины с бородатым человеком» (грушевидные кувшины с бородатой маской), кружки с носиком, «пинты» и «шнеллы». Зигбургская керамика в основном белая, покрыта тонким слоем глазури. Связано это с высоким качеством глины, не требующим непрозрачного покрытия. В XVI в. обнаруживается наиболее типичная для Зигбурга форма – «шнелла». В противоположность зигбургской, каменная посуда из Ререна в первое время глазурировалась коричневым цветом, затем появляются серые изделия с кобальтовой росписью наподобие вестервальдских. В конце XVI в. мастера из Ререна переселяются в Вестервальд, и с тех пор начинается выпуск характерной керамики серого цвета с кобальтовой и марганцевой росписью [Гейдова, 1980, с. 159–160].

Немецкая каменная посуда являлась неотъемлемой частью повседневной жизни населения Европы XVI–XVII вв. Об этом свидетельствуют не только археологические находки из раскопок в Швейцарии, Голландии, Англии, но и картины голландских живописцев XVII в., таких как Ян Стерн, Адриан ванн Остаде, Герард Терборх, Габриэль Метсю, Питер Клас, Питер де Пюттер [Фехнер, 1979; 1990].

Распространение находок рейнской посуды на территории Санкт-Петербурга неравномерное. Во время археологических работ на Охтинском мысу (Ниеншанц) было найдено порядка 100 фрагментов сосудов (возможно, кувшинов и пивных кружек («шнелл»)), которые относятся к допетровскому периоду и связаны не только с ее массовым употреблением за пределами Германии, но и с переселением на эти территории в первой половине XVII в. части немецких граждан, которые составили значительную и наиболее зажиточную часть населения города Ниена [Сорокин, 2001, с. 57]. Найденные фрагменты дают представление о разнообразии ассортимента и используемых цветовых решениях. Большинство выполнено из серой массы и покрыто синей глазурью. Также встречаются фрагменты из серой массы с синей и фиолетовой глазурями, из бежевой массы с коричневой глазурью, из серо-коричневой массы с коричневой глазурью и из белой массы без глазури.

В остальной же части Санкт-Петербурга рейнская посуда встречается в очень незначительном количестве. Фрагменты четырех сосудов из каменной массы были найдены во время археологических надзорных работ на территории Большого двора Зимнего дворца Государственного Эрмитажа в 1999 г. [Иоаннисян, 2001] и археологического исследования на территории Восточного крыла Главного Штаба 2009–2010 гг. [Аветиков и др., 2011, с. 15–34] (по два сосуда в каждом раскопе). Фрагменты, найденные при раскопках в Главном Штабе, выполнены из серой каменной массы, один из которых украшен

---

* Автор выражает благодарность Роксане Викторовне Ребровой и Василию Николаевичу Матвееву за консультации и возможность работать в фонде САА ГЭ. Опубликованные материалы находятся в фонде САА ГЭ, хранение Р.В. Ребровой.

рельефным орнаментом (три трехчастных лепестка в схематично изображенной корзине, обведенные рельефными бороздками (четыре бороздки)), а также двойным рельефным пояском (АСП-1114; рис. 1)*. Лепестки и корзина покрыты марганцевой глазурью. Три других фрагмента (донце со стенкой), по-видимому, являются частью пивной кружки (хумпена) и украшены рядом мелких рельефных синих фестонов у основания сосуда, рельефным пояском из косых полос, медальоном из рельефной витой нити, с синим овалом в центре, окруженным группами из трех синих точек по бокам, витой блясиной, оканчивающейся синей каплевидной формой с точками (ГШ-09-5-1-155, ГШ-09-5-1266; рис. 1). Один из фрагментов (донце со стенкой), найденных на территории Большого двора Зимнего дворца, является частью, возможно, пивной кружки (хумпена), выполнен из бежевой каменной массы, покрыт с внутренней и внешней сторон коричневой глазурью и украшен рельефным декором (десять параллельных полос у основания и повторяющиеся перпендикулярные прочесы, с двух сторон ограниченные гребенками) (АСП-3103; рис. 2)**. Другой фрагмент стенки сосуда выполнен из серой каменной массы и украшен рельефным пояском из ромбов, окрашенных поочередно кобальтом и марганцем и заключенных в рамки из рельефных серых точек (АСП-3290; рис. 2).

Рис. 1. Посуда из раскопок Восточного крыла Главного Штаба

Другой, наиболее часто встречающийся вид сосудов из каменной массы – бутылки для минеральной воды (нем. Mineralwasserflaschen), так называемые зельтерские бутылки. Самые ранние образцы бутылок, найденных в Санкт-Петербурге, относятся к 1-й половине XVIII в., ко времени начала массового распространения минеральных вод в таре из каменной массы, которая обладала достаточной прочностью для перевозки жидкостей на дальние расстояния. К таким бутылкам относятся фрагменты сосудов, обнаруженные в ходе археологического исследования 2009–2010 гг. на территории Восточного крыла Главного Штаба (АСП-1110, АСП-1111, АСП-1112, АСП-1113; рис. 3) [Аветиков и др., 2011, с. 22–23]. Согласно классификации, предложенной Берндом Бринкманном в статье «К датировке бутылок из каменной массы для минеральной воды» [Brinkmann, 1982, с. 7–36], эти сосуды принадлежат типу А и обладают яйцевидной формой тулова, сильно сужающегося к основанию, которое зачастую оканчивается кольцевидным поддоном. На них отсутствует клеймо источника минеральных вод и нанесена буква наподобие русской «Р» или «Ю», значение которой пока не ясно. Бутылки типа А относятся к началу XVIII в. и выполнены из серой и бежевой массы, покрыты прозрачной глазурью.

Постепенно на протяжении XVIII в. форма тулова меняется от яйцевидной к цилиндрической. В XIX в. в основном встречаются цилиндрические бутылки с коричневой глазурью с небольшой округлой ручкой, начинающейся от плечика и примыкающей к тулову. Зачастую бутылки снабжаются клеймом источника, из которого произошла минеральная вода, а также меткой мастера, изготовившего сосуд.

* Публикуется впервые.

** Публикуется впервые.

Рис. 2. Посуда из раскопок Большого двора Зимнего дворца Государственного Эрмитажа

Рис. 3. Бутылки для минеральной воды из раскопок Восточного крыла Главного Штаба

Наибольшее количество находок бутылок из каменной массы встречается в слоях 2-й половины XVIII – XIX в., что объясняется возросшей популярностью в употреблении минеральных вод. Наиболее многочисленную группу составляют сосуды с клеймом источника Зельтерс. Изменения клейма на протяжении XVIII–XIX вв., изученные Улфом Виеландом в статье «Кувшин минеральной воды из Зельтерса» [Wieland, 1980, с. 286–292], позволяют датировать сосуды с точностью до 30–50 лет.

Немецкая каменная посуда – явление редкое для Петербурга XVIII и XIX вв., так как в этот период она рассматривалась уже с чисто утилитарной стороны и в результате возросшей популярности фар-

фора и его копий в фаянсе потеряла свою актуальность, постепенно отойдя на второй план. Продолжая традиции рейнской посуды из каменной массы, в XVIII и XIX вв. на смену ей приходят бутылки для минеральной воды. Дальнейшее исследование данной темы позволит проследить этот переход, а также изучить изменение форм самих бутылок и их роль как в повседневной жизни города, так и в торгово-экономических отношениях между Россией и Европой.

Библиографический список

Аветиков А.А., Александров С.В., Боковенко Н.А., Ёлшин Д.Д., Кюльдюшевский В.И., Стёганцева В.Я. Археологическое исследование на территории Восточного крыла здания Главного Штаба в 2009–2011 гг. Предварительные итоги // Бюллетень ИИМК РАН [№2] (охранная археология) / науч. ред. Н.Ф. Соловьева. СПб., 2011. С. 15–34.

Гейдова Д. Керамика // Большая иллюстрированная энциклопедия древностей. Прага, 1980. С. 151–190.

Изделия из керамики XVI–XVIII веков // Немецкая керамика. Каталог выставки. Л., 1984. С. 54–125.

Иоаннисян О.М. Отчет об археологических надзорных работах на территории Большого двора Зимнего дворца Государственного Эрмитажа в 1999 году. СПб., 2001 // Архив ИА РАН Ф. 1. Р. 1. №25221.

Сорокин П.Е. Ландскрона. Невское устье. Ниеншанц. СПб., 2001.

Фехнер Е.Ю. Голландская жанровая живопись XVII века // Собрание живописи. М., 1979.

Фехнер Е.Ю. Голландский натюрморт XVII века // Собрание живописи. М., 1990.

Brinkmann Bernd Zur Datierung von Mineralwasserflaschen aus Steinzeug // Keramos, 98, 1982. С. 7–36.

Wieland Ulf Mineralwasserkrüg aus Selters // Der Mineralbrunnen. 1980. №10. С. 286–292.

© 2017, Ю.А. Лихтер

ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ В МОСКВЕ – НАХОДКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ МОСКВЫ (1989–2015 гг.)

Археологическая служба Москвы существует с 1989 г. Благодаря ее деятельности обнаружено множество изделий из стекла: посуда, украшения, оконные стекла. Они относятся к разным эпохам существования города – домонгольской, времени Московского царства, петровской, советской.

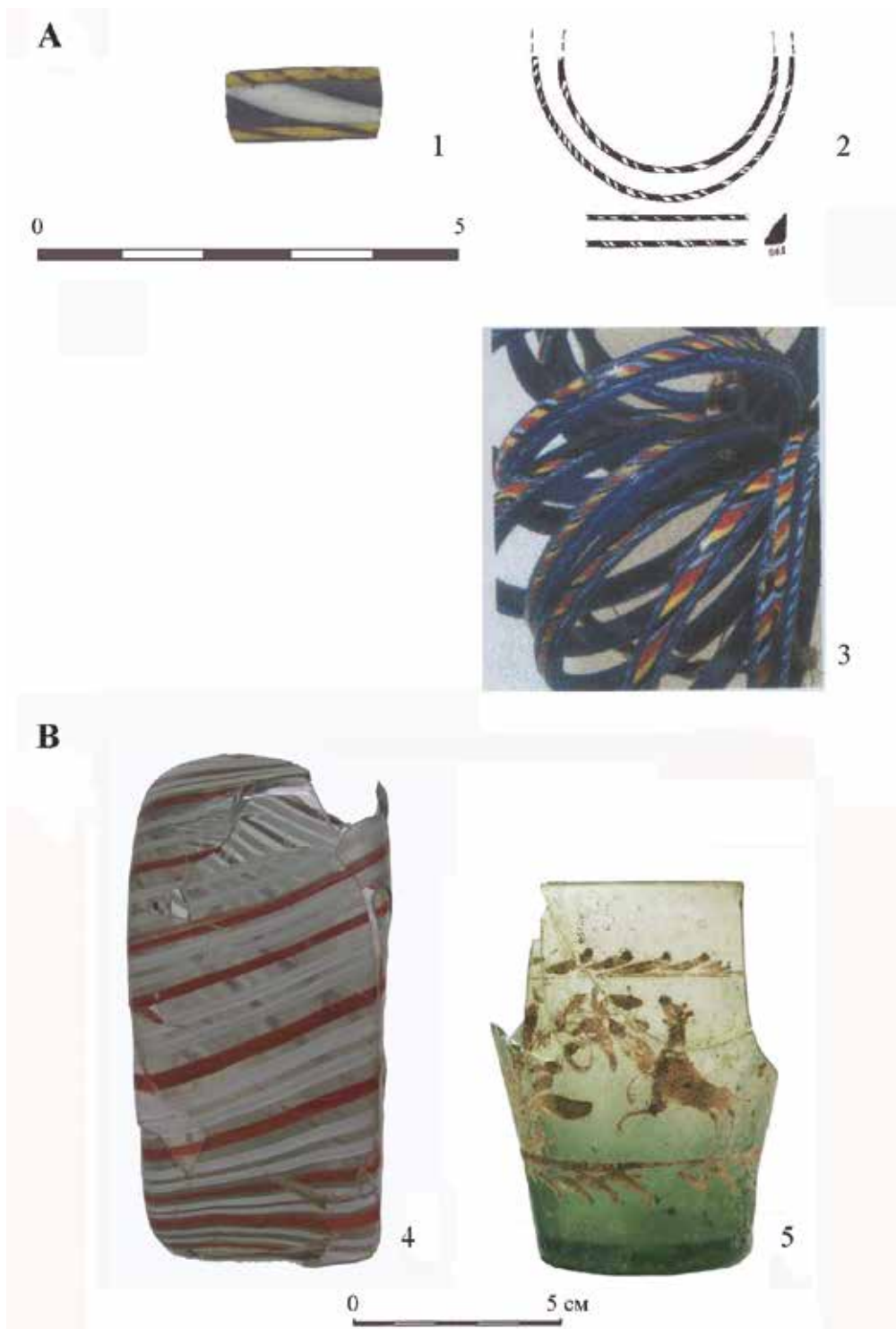
Монографическое исследование изделий из стекла принесло множество сюрпризов. Для домонгольского времени такой неожиданностью оказались находки браслетов и перстней за пределами Китай-города, а также один фрагмент браслета в слое XVII в. (рис.-1). [Векслер, Лихтер, 2009]. В слоях XVII в. и более поздних привлекли внимание не только фрагменты разнообразных сосудов, но и многочисленные украшения, по преимуществу бусы [Векслер, Лихтер, 2008]. Среди позднего материала можно отметить несколько комплексов.

При работах на Манежной площади (1995 г.) в погребениях некрополя Моисеевского монастыря найдено множество стеклянных сосудов, служивших слезницами (сосудики для мира, оставшегося после соборования), и бус, использовавшихся как пуговицы и четки [Векслер, Беркович, 1999].

При археологических раскопках на территории старого Гостиного двора были обнаружены остатки постройки. В ее заполнении собраны многочисленные индивидуальные находки, подавляющее большинство из которых составляют стеклянные бусы. По-видимому, это была нижняя часть жилой постройки (подклет), в которой сохранились следы склада товаров, предназначенных для дальней торговли [Векслер, Лихтер, Осипов, 2000].

Там же (старый Гостиный двор, раскоп 1) под слоем балласта обнаружена яма площадью около 2 м² и глубиной около 2 м. Во вскрытой части ямы найдено 4 317 фрагментов стекла, что превысило число находок стеклянных изделий за 10 лет работы Археологической службы Москвы (1989–1998 гг.). Как особенность этого комплекса можно отметить большое разнообразие фрагментов, их небольшие размеры и отсутствие подбирающихся кусков. По всей вероятности, мы имеем дело со свалкой, куда сваливали битое стекло из окрестных лавок, торговавших стеклянной посудой. Свидетельства о существовании такого рода лавок в Гостином дворе приводит Н.А. Бакланова [1928, с. 137]. Об этом же говорит топоним Хрустальный переулоч [Векслер, Лихтер, Осипов, 2012].

Браслеты.

А: 1 – плоский браслет, найденный в Москве в слое XVII в.; 2 – браслет из Палестины [Spaer, 2001, р. 204. №481–483]; 3 – индийские браслеты [Kock, Sode, б/г. р. 9];

Б. Сосуды, найденные в Москве в слоях XVII в.:

4 – façon de Venice (Нидерланды); 5 – расписной кубок (Богемия)

В 2002 г. при работах Центра археологических исследований ГУОП г. Москвы в Замоскворечье была выявлена яма, представлявшая собой котлован от постройки XVII в., заполненный разнообразным мусором более позднего времени. Здесь выделялось небольшое пятно овальной формы, состоявшее из печины и обожженной глины. Это пятно можно рассматривать как комплекс одновременно выброшенного мусора, в котором было обнаружено скопление стекла, по преимуществу бус. Помимо бус и их обломков, здесь же найдены бесформенные куски стекла, обломки стеклянных нитей и капель,

а также фрагменты полых сфер со следами металла внутри. На многих бусах явно выражены следы технологических операций: торчащие хвостики, грубые шейки, смещенные каналы. Можно предполагать, что мы имеем дело с отходами мастерской, занимавшейся изготовлением бус из полуфабрикатов. Комплекс можно датировать второй половиной XVIII в. [Лихтер, Векслер, Сударев, 2015].

Большинство обнаруженных стеклянных сосудов находят параллели в публикациях западно- и восточноевропейских сосудов. Здесь можно указать обзоры по истории стекла, включающие изделия XVI–XVII вв., публикации высокохудожественных венецианских и богемских сосудов из музеев Европы, бытовой посуды из собраний коллекционеров, стекла из раскопок на территории европейских городов и даже материалы, полученные при подъеме корабля, погибшего в конце XVI в. вблизи города Биограда в современной Хорватии [Lazar, Willmott, 2006]. Обращение к ним позволило идентифицировать и датировать многие фрагменты, найденные в Москве.

Столь же полезными были исследования бус, причем как общие обзоры [Van der Sleen, 1973], так и специально посвященные бусам XVII в. [Karklins, 1993; Kidd K.E., Kidd M.A., 1970].

Все это позволило сделать вывод о том, что подавляющая часть стеклянных сосудов, бывших в употреблении в Москве в XVII в., являются европейской продукцией (включая и черкасское стекло из украинских гутных мастерских).

Н.А. Бакланова выделила два основных пункта, через которые ввозили иностранные товары в Россию в XVII в.: Архангельский порт [Бакланова, 1928, с. 6] и Смоленск, через который производилась торговля с Польшей и Литвой [Бакланова, 1928, с. 28]. Материалы архангельской таможни проанализированы В.Н. Захаровым. Среди прочих товаров там упоминаются и изделия из стекла [Захаров, 1996, с. 324, 325, 326]. Недавно были опубликованы таможенные книги Вязьмы, где несколько раз отмечен привоз большого количества стекла [Раздорский, 2010, см. таможенные книги за 1649/1650 г. (с. 177–200) и 1651/1652 г. (с. 201–223)]. По всей вероятности, сосуды, имеющие западноевропейские параллели, привозили через Архангельск, близкие польско-украинской традиции – через Вязьму.

Библиографический список

Бакланова Н.А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века // Очерки по истории торговли и промышленности в России (Труды ГИМ. Вып. 4. Отдел исторический общий). М., 1928.

Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы XVII века. М., 1999.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А. Стеклянные бусы из раскопок в Москве // Археология Подмосковья. М., 2008. Вып. 4.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А. Браслеты и перстни, найденные при работах археологической службы г. Москвы (1989–2006 годы) // Археология Подмосковья. М., 2009. Вып. 5.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Комплекс голландских бус из раскопок на Старом гостинном дворе в Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000. Ч. 3.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Яма с битым стеклом из раскопок на Гостином дворе в 1998 году // Археология Москвы – линия жизни. Сборник в честь 80-летия А.Г. Векслера. М., 2012.

Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.

Лихтер Ю.А., Векслер А.Г., Сударев Н.И. Следы производства стеклянных бус в Москве XVIII века // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб., 2015.

Раздорский А.И. Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). СПб. ; М., 2010.

Karklins K. The A Speo method of Heat Rounding Drawn Glass Beads and its Archaeological Manifestations // Beads, 1993. V. 13.

Kidd K.E., Kidd M.A. A Classification System for Glass beads for the Use of Field Archaeologists // Canadian Historic Sites: Occasional Papers in Archaeology and History. 1970. №1. P. 45–89.

Kock J., Sode T. Glass, Glassbeads and Glassmakers in northsern India / Published by THOT Print Bella-hojvej 180, DK 2720 rVanlose, Denmark (б/г).

Lazar I., Willmott H. The glass from the Gnalić Wreck. Koper, 2006.

Van der Sleen W.G. N. A Handbook on Beads. Liege, 1973.

Spaer M. Ancient glass in Israel Museum. Beads and other small Objects. Jerusalem. Israel Museum, 2001.

ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕРЕВА В ГОРОДЕ ТАРЕ В XVII–XVIII ВВ.

Работа выполнена при поддержке РНФ (проект №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Дерево до настоящего времени является одним из основных материалов в системе жизнеобеспечения сельского населения Западной Сибири, в первую очередь как строительный материал, а также как топливо для обогрева и приготовления пищи в домах, топки бань и как материал для изготовления самого разнообразного инвентаря для хозяйственных и бытовых нужд. Археологические исследования в историческом центре одного из первых русских городов в Сибири – Тары наглядно показывают значимость древесины для жизни человека в исследуемое нами время. Несмотря на то, что русские первопроходцы пришли на земли, обладающие своими лесными богатствами, анализ используемой древесины показывает, что за первые 100 лет истории города количество строевого леса в округе существенно уменьшилось. Кедровые леса были вырублены полностью, а строевую сосну и лиственницу везли почти за 100 км. Со временем нехватка этого строительного материала стала одной из насущных проблем города.

Хорошая сохранность дерева в культурном слое города, который в Тарской крепости достигает 4,5 м, позволяет выделять строительные горизонты примерно для каждых 50 лет истории города. Это дает возможность фиксировать новации в обработке дерева и в приемах домостроительства, в том числе и такой аспект строительства, как вторичное использование дерева. В ходе изучения выяснилось, что тарчане максимально использовали древесину, которая по каким-то обстоятельствам – пожарам или гниению – стала непригодной в строениях. Вторичное использование древесины русскими поселенцами было обычным явлением для Западной Сибири. Особенно в этом плане выделяется Мангазея, где практически все постройки имеют дерево с разобранных кочей [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 36–60]. Отсутствие пригодного для строительства леса заставляло жителей Мангазеи максимально использовать имеющиеся материалы и в случае необходимости переделывать свои постройки с наименьшими потерями. Город Тара, находящийся в южнотаежной зоне и окруженный лесами, тем не менее, как и Мангазея, постоянно испытывал дефицит древесины.

Тара была срублена в рекордно короткое время – за несколько месяцев конца лета и осени 1594 г. Была поставлена Тарская крепость, в которой размещались дом воеводы и комплекс военно-административных зданий, а также острог со своими укреплениями и домами для служилых людей [Миллер, 1999, с. 284]. К 15 августа следующего года была закончена Успенская церковь, и в принципе город был построен. Быстроте постройки способствовало то, что город был окружен сосново-кедровыми борами, а своевременная доставка легла на плечи местного татарского населения. Но буквально с момента основания Тара стала постоянно нуждаться в древесине. Особенный урон наносили городу пожары, которые иногда уничтожали весь город, в том числе и деревянные укрепления. Высокое залегание грунтовых вод приводило к быстрому гниению нижних венцов построек и основания частоколов. Город постоянно чинил свои заборы и заплоты, менял нижние венцы срубов домов и хозяйственных построек, обновлял городни и частоколы крепостных стен. Тобольск в XVII в. был завален челобитными тарских служилых людей: «Всякие государевы изделия делаем, амбары, избы, и бани, и воеводские дворы ставим и починиваем, и бревна и тес, и всякий лес возим, и печи бьем, и изгороди около государевых поль городим» [Никитин, 1988, с. 87]. Значительное количество леса требовалось и на отопление – заготовка дров велась круглогодично, прерываясь только на весеннюю и осеннюю распутицы. На строительство шел лес хвойных пород – сосна, кедр и лиственница, на дрова – преимущественно береза и осина.

Изучение древесины в культурном слое города показало, что крупных сгоревших или полусгнивших фрагментов древесины в культурном слое города практически нет. Все дерево, которое хоть как-то подходило для вторичного использования, шло в дело. Следует отметить, что при строительстве жилых домов и административных зданий, а также крепостных укреплений нами не зафиксировано ни одного случая вторичного использования древесины. Зато можно выделить несколько направлений его применения: хозяйственные постройки, фундаменты под строения, заборы и заплоты, завалинки, ремонт мостовых и дорог, на дрова.

В 2013 г. в горизонте конца XVIII – начала XIX в. исследована постройка, которая была, по всей видимости, избой сторожа при городском рынке. Об этом свидетельствуют как ее расположение, так и размеры и внутренняя планиграфия. Достаточно сказать, что печи в этой постройке не было – это неудивительно, так как зимой рынок не работал. Для нас это строение интересно тем, что оно было срублено целиком из частокола острожной крепостной стены города (рис.-а). Здесь следует сказать несколько слов об особенностях фортификации города. Стены Тарской крепости состояли из восьми- и четырехугольных башен и «городен» срубов примерно $4 \times 2,5$ м, заполненных землей, а стены острога состояли из таких же башен и частокола, бревна которого (балясины) были украшены «луковицами» и имели с внутренней стороны стены пазы для скрепления друг с другом. Вот такое бревно с «луковицей» лежало в нижнем венце исследованной нами постройки. Строители срубили ее в лапу и не потрудились выровнять выпуски нижнего ряда с верхними венцами, и поэтому данное украшение бревна осталось. Данная постройка срублена из бревен стены, которые, вероятнее всего, сгнили в своей нижней части, поэтому многие венцы в срубе, в том числе и в нижнем, составлены из нескольких частей. По этой причине бревна могли ровно лежать только непосредственно на земле, что мы и зафиксировали. Нижний венец состоял из массивных, как и с «луковицей», бревен диаметром 0,45–0,5 м, а уже на второй венец пошли бревна диаметром 0,3 м, но тоже из острожной стены. На втором и третьем венцах на бревнах заметны следы пожара, но так как они не совпадали и не представляли единой картины сгорания, то очевидно, что частокол горел, но был потушен, а обгорелые бревна пошли на строительство. Для того чтобы не замазаться в избе о стены, бревна горелой стороной развернули наружу.

Второй случай вторичного использования бревен из фортификационных сооружений города на постройку хозяйственных объектов был зафиксирован при раскопках бани в усадьбе на территории Тарской крепости (рис.-б). Под первым венцом сруба, чтобы закрыть пространство между венцом и землей, положили бревно от крепостной восьмиугольной башни. В 2010–2011 гг. мы раскопали одну из башен Тарской крепости такого типа. Венцы у башни были срублены в «чистый угол» с углом 45 градусов, длина бревен в сохранившихся венцах – от 1,7 до 2,4 м, диаметр – 0,4 м, и зафиксированное нами бревно полностью укладывается в данные стандарты. Бревно от башни не годилось в силу своих размеров, поэтому его использовали в качестве подкладки под нижний венец бани.

Из пришедших в негодность бревен тарчане строили основания-фундаменты под здания и под заплоты. Если диаметр был достаточен – около 0,5 м, то под основание использовали одно бревно, а если диаметр был меньше, то делали выкладки из двух или трех чурок длиной 0,8–1 м.

Бедой для тарчан было высокое залегание грунтовых вод и глинистая почва, что сильно затрудняло перемещение по городу. Для этого жители Тары строили деревянные мостовые для гужевого транспорта и тротуары для пешеходов. И те и другие носят следы длительного использования и многочисленных ремонтов: выбоины, торчащие места сучков, проломы и т.д. На тротуарах меняли лежаки, на которые были положены собственно тротуар и отдельные плахи, из которых он состоял. На мостовых наиболее изношенные бревна не вынимались, а на них сверху клались такие же по диаметру полубревна или дранка. На концах дранки есть следы крепления (подтесывания) для вставки под охлупень и в другие крепления крыши, что говорит о вторичности их использования.

Лучшей демонстрацией вторичного использования дерева жителями города в Таре является завалинка (рис.-в). Собственно сама завалинка состояла из ограждения и грунта, который засыпался между ним и собственно домом. Но сверху на нее складывалось вышедшее из употребления дерево, которое еще могло найти хоть какое-то применение. Это фрагменты бревен и досок, жерди, изношенные детали ткацких станков и телег и т.д. Многие фрагменты несут следы огня, другие частично сгнили, но какую-то их часть по мере надобности использовали как для починки, так и для того, чтобы загнать грязь перед домом или просто на дрова. Завалинки устраивались с восточной или южной сторон строения – на солнечной стороне, поэтому древесина на ней была сухой и не гнила. Таким образом, завалинка являлась для хозяина усадьбы или двора своеобразной дровяной биржей вторичного сырья.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о том, что жители г. Тары максимально использовали имеющуюся в городе древесину. Все выходящее из прямого употребления дерево находило свое применение во вспомогательных постройках, на ремонте дорог, шло на отопление домов и т.д. В связи с этим больше требований предъявлялось к определениям дендрохронологии. Разброс дат для отдельных срубов может достигать несколько десятков лет, но, с другой стороны, эти данные позволяют связать строительные горизонты разных лет, т.е. разных поколений, и могут наглядно продемонстрировать и привязать к конкретному времени изменения в деревянной архитектуре и в том числе в технологии обработки дерева.

а

б

в

Примеры вторичного использования дерева в материалах археологических раскопок города Тары:
а – нижний венец сруба из бревен крепостных укреплений; б – бревно от восьмиугольной крепостной башни в основании бани; в – завалинка у одной из тарских изб

Библиографический список

- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.) : монография. Екатеринбург ; Нефтеюганск, 2008. 296 с.
Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. 630 с.
Никитин Н.И. Служилые люди Западной Сибири. Новосибирск, 1988. 254 с.

© 2017, Ф.С. Тагауров

Омский государственный технический университет, Омск

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Проблемы заселения и освоения русскими Западной Сибири по сей день активно изучают отечественные историки, но социальным процессам, происходившим в новом обществе, которое начинает складываться в Западной Сибири в конце XVI в., до сих пор не уделяется внимания в достаточной мере. Ученые в первую очередь анализируют характер военного и административного присоединения региона к Российскому государству, рассматривают вопросы экономического обеспечения новых территорий, изучают взаимоотношения русских переселенцев с представителями коренных народов, экономические связи с соседними странами.

Исследование социальных отношений русских сибиряков не входит в список проблем и у археологов, занимающихся периодом Нового времени, так как считается, что необходимую информацию можно найти в письменных источниках. Однако имеющиеся данные (описи имущества отдельных поселенцев, ярмарочных товаров в таможенных книгах и т.п.) неполны и фрагментарны. Более серьезно социальные вопросы изучаются на материалах древних и раннесредневековых обществ [Массон, 1976; Иванова, 2001; Крадин, Тишкин, Харинский, 2005; Матвеева, 2007; Берсенева, 2011].

Сложившаяся ситуация показывает необходимость подробного исследования и реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка конца XVI – 1-й половины XVIII в. Под этим понятием мы понимаем совокупность мировоззренческих установок, сложившуюся в конкретном обществе и транслируемую через материальную культуру [Романова, 2013, с. 156]. Полноту и репрезентативность полученных выводов обеспечивает комплексный подход, основанный на привлечении разных видов источников, главным из которых мы считаем археологический.

Трансляция социально-культурного облика происходит двумя путями: через социально-бытовую среду и через имущественный комплекс, характерный для каждого члена конкретной социальной группы. Социально-бытовая среда включает несколько основных сегментов. Во-первых, это жилище, его характеристики (размер, особенности конструкции), детали интерьера, внутреннее убранство. Во-вторых, это комплекс хозяйственных построек, составляющий вместе с жилищем пространство усадьбы. В-третьих, это населенный пункт, в котором располагается конкретная усадьба, причем здесь же учитываются и планиграфические особенности ее размещения на территории поселения. Индивидуальный имущественный комплекс, характерный для представителей тех или иных социальных групп, формируется из костюмного комплекса, предметов личного благочестия, личных вещей повседневного использования (к которым можно отнести, например, курительные трубки), оружия, инструментов.

Важно отметить то, что предметы материальной культуры русских сибиряков, представленные в археологических материалах конца XVI – 1-й половины XVIII в., продолжали использоваться вплоть до периода этнографической современности, что облегчает их интерпретацию в контексте изучаемого периода, так как мы знаем их функциональное назначение и источник происхождения.

Для детальной реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка конца XVI – 1-й половины XVIII в. необходимо следовать определенному механизму исследования. Первым шагом должно стать определение критериев статусности различных категорий предметов и объектов в контексте рассматриваемого социума. Для русского общества Западной Сибири в изучаемый период такими критериями стали следующие: функциональное назначение (к статусным мы относим предметы, имеющие опосредованное хозяйственное назначение или не имеющие его вообще), материал, отно-

шение к вещи общества и государства в определенный период времени, сословная принадлежность владельца вещи (обладание некоторыми категориями предметов являлось привилегией конкретных социальных групп).

Следующим шагом при реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка становятся анализ археологических коллекций и систематизация статусных вещей для того, чтобы определить, какие группы предметов, полученные в ходе археологических исследований русских памятников Западной Сибири, можно отнести к маркерам социального статуса. К предметам, характеризующим социально-бытовую среду различных социальных слоев изучаемого общества, мы относим, во-первых, некоторые конструктивные детали жилища (слюдяные и стеклянные окна, печные трубы, печные изразцы), а во-вторых, элементы домашнего обихода (столовую утварь из драгоценных материалов, вилки, парфюмерные флаконы, фарфоровую и стеклянную посуду, подсвечники). Личный имущественный комплекс русских сибиряков конца XVI – 1-й половины XVIII в. характеризуют предметы, относящиеся к костюмному комплексу (одежда, обувь, украшения тела и украшения одежды), курительные трубки, оружие, предметы личного благочестия, книжная фурнитура и письменные принадлежности, ремесленные инструменты.

Параллельно процессу систематизации археологического материала необходимо провести анализ письменных, изобразительных и этнографических источников для соотнесения выделяемых категорий статусных предметов с представителями конкретного социального слоя. В плане изучения русского общества Западной Сибири серьезным подспорьем являются данные дозорных книг, фиксирующих, представители каких социальных групп проживали в конкретном населенном пункте, ставшем местом проведения археологических изысканий. Кроме этого, исследователи социально-экономического и политического развития Западной Сибири в конце XVI – 1-й половине XVIII в. в качестве источников активно используют данные многочисленных административных документов (служебных записок, челобитных, жалоб и т.п.). Обобщив представленные в работах историков выводы, необходимо провести анализ социальной структуры изучаемого общества и определить, какие изменения могли происходить в ней в период с конца XVI по 1-ю половину XVIII в., также стоит выявить и возможности представителей различных социальных слоев приобретать те или иные статусные предметы.

По результатам данного анализа было установлено, что самым привилегированным социальным слоем была немногочисленная царская администрация, обладающая высоким достатком и фактически неограниченной властью. В подчинении у нее находился достаточно большой аппарат приказчиков, казачьих и стрелецких голов, дьяков и подьячих [Бахрушин, 1953; Космовская, 2012]. Воевода стоял также во главе местных таможен, получая с них дополнительный доход, полностью контролируя товарооборот [Копылов, 1961; Софронов, 2010]. Случались и частые злоупотребления властью, заключающиеся в получении взяток, спекуляциях и прямом насилии [Еланцева, Шаходанова, 2014]. Подтверждают высокий достаток воевод материалы раскопок воеводских усадеб. На данный момент археологами изучено несколько таких комплексов: в Таре [Татауров, Черная, 2012], Тюмени [Семенова, 2014], Томске [Черная, 2002; 2015]. К предметам, характерным лишь для представителей высшего социального слоя изучаемого общества, мы можем отнести украшения из драгоценных металлов, одежду (в основном из дорогих тканей, в числе которых атлас, шелк и бархат, или расшитую золотыми и серебряными нитями) и обувь. Для представителей царской администрации и духовенства была характерна особая форма одежды, со священниками мы также можем связать все находки наперстных крестов и панагий. Чиновники высокого ранга и дворяне использовали особые гербовые перстни-печати. Для воевод и крупных военных командиров было характерно ношение сабли в качестве статусного предмета вооружения. Чиновники более низкого ранга также старались пользоваться всеми доступными возможностями для демонстрации своего статуса [Огородников, 1920; Самрина, 2012].

Основу среднего социального слоя западносибирского общества в конце XVI – 1-й половине XVIII в. составляло служилое сословие. Оно являлось определяющим в формировании социально-культурного облика русского сибиряка, как ввиду своей многочисленности, так и потому, что оно являлось ведущим в деле освоения региона и закрепления его в составе Российского государства. Свой социальный статус они демонстрировали с помощью большого набора статусных предметов, что фиксируется по данным археологических исследований. Материалы, характеризующие социально-культурный облик служилых людей Западной Сибири, получены как на городских памятниках региона (Верхотурский кремль [Корчагин, 2001], Томский кремль [Черная, 2002; 2015], Мангазея [Визгалов, Пархимович, 2008б], Березовское городище [Визгалов, Пархимович, 2008а], Тарская крепость [Татауров, 2011;

Татауров, Черная, 2012], Верхний посад Тобольска [Аношко, 2014]), так и на сельских (Ананьино-1, Изюк-1 и Бергамак-1 [Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., 2012]).

В приемах домостроительства и оформления интерьера жилища служилые стремились подражать представителям высших слоев общества, формируя свою социально-бытовую среду теми же категориями предметов, ориентируясь на свое положение в обществе и уровень достатка. Служилый человек обладал некоторыми специфическими категориями вещей (оружие и боевые породы лошадей), которые автоматически отличали его от других слоев населения. В костюмном комплексе деталями специфического социально-культурного облика являются: украшения из драгоценных металлов и редких материалов; одежда, сшитая из привозных тканей; пояс-кушак и сапоги, которые носили в основном представители военного сословия; в их среде было распространено табакокурение, что фиксируется по обнаруженным на археологических памятниках курительным трубкам. Возможности приобретения статусных вещей объясняются высоким жалованием служилых, их причастностью к перераспределению военной добычи, а также доходами с пашни и от занятия ремесленной деятельностью [Бахрушин, 1959; Никитин, 1988; 1991; 1994; Пузанов, 2006].

В XVII – 1-й половине XVIII в. формируются низшие слои русского сибирского социума – крестьянство и посадские люди. Для них был характерен самый скудный ассортимент применявшихся в повседневной жизни статусных вещей. Сопоставление археологических материалов и данных письменных источников рисует нам следующую картину. Эти люди предпочитали использовать практичные недорогие вещи, при этом стараясь в той или иной степени имитировать социально-культурный облик представителей более высоких по своему социальному положению слоев общества. В их костюмном комплексе использовались украшения из меди, кости и стекла, на изготовление одежды и обуви шли недорогие материалы в основном местного производства. Достаток, обеспечивающий возможности демонстрации социального статуса представителей крестьянства, складывался как непосредственно от доходов от занятия земледелием, так и через государственную помощь [Никитин, 1987; Резун, Шиловский, 2005]. Городское (посадское) население, немногочисленное даже в середине XVIII в. [Миненко, 1975], основной доход получало от занятия ремеслом [Старцев, Гончаров, 1999; Буцинский, 1999]. Можно отметить, что в целом предметный комплекс, использовавшийся населением города и деревни, был достаточно схож, что подтверждается данными археологических исследований [Татаурова и др., 2014].

Результатом данного исследования является поэтапная детальная реконструкция социально-культурного облика русского сибиряка конца XVI – 1-й половины XVIII в. Оно помогает осознать роль вещей как маркеров социальной дифференциации конкретного общества в определенный временной период. Мы фиксируем это по результатам комплексного анализа археологических, письменных, изобразительных и этнографических источников. Представители разных слоев изучаемого социума пользовались определенным кругом статусных предметов, количество и ассортимент которых зависели от благосостояния владельца и его положения в обществе. Изучение элементов, составлявших социально-культурный облик русского сибиряка, позволяет лучше понять процессы формирования сибирских традиций и эволюцию русской сибирской культуры в обозначенный период и до настоящего времени.

Библиографический список

Аношко О.М. Посадские постройки Тобольска XVII–XIX вв.: описание, датировка, назначение (по материалам первого и второго гостиных раскопов) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. Т. I. С. 138–142.

Бахрушин С.В. Воеводы тобольского разряда в XVII в. // Научные труды. Т. III. М., 1953. С. 253–262.

Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда XVII в. // Научные труды. Т. IV. М., 1959. С. 7–178.

Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург, 2011. 204 с.

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Тюмень, 1999. 328 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008а. С. 144–152.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск, 2008б. 296 с.

Еланцева О.П., Шаходанова О.Ю. Злоупотребления сибирских воевод на материалах РГАДА // Теория и практика общественного развития. 2014. №10. С. 113–115.

Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2001. 244 с.

Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 330–370.

Корчагин П.А. История города Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2001. 177 с.

Космовская А.А. Воеводское управление в Перми Великой в XVII в. // Вестник Пермского университета. 2012. №1 (18). С. 135–143.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. 197 с.

Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень, 2007. 209 с.

Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX вв. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. 308 с.

Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. М., 1987. 176 с.

Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири в XVII в. Новосибирск, 1988. 256 с.

Никитин Н.И. Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX вв. М., 1991. С. 47–73.

Никитин Н.И. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал. 1994. №1. С. 77–83.

Огородников В.И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. Иркутск, 1920. 289 с.

Пузанов В.Д. Русские полки «иноземного строя» в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2006. №7. С. 110–121.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 193 с.

Романова Н. В. Сегменты социокультурного облика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №2 (28). С. 154–156.

Самрина Е.В. Борьба сибирских острогов за право сбора ясака у коренных народов Южной Сибири в XVII в. [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2012. №11. URL: <http://human.snauka.ru/2012/11/1967> (дата обращения: 25.09.2015).

Семенова В.И. Коллекция изразцов из раскопок Тюмени // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. Т. I. С. 275–277.

Софронов В.Ю. Кризис воеводского управления в Сибири в конце XVII в. // Четвертые университетские социально-гуманитарные чтения 2010 г. Иркутск, 2010. Т. 2. С. 582–588.

Социальная структура ранних кочевников Евразии / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.А. Тишкин, А.В. Харинский. Иркутск, 2005. 312 с.

Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII–XIX вв.). Барнаул, 1999. 215 с.

Татауров С.Ф. Город Тара – с чистого листа // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С. 242–250.

Татауров С.Ф., Черная М.П. Археологические исследования в историческом центре г. Тары в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. Т. XVIII. Новосибирск, 2012. С. 288–292.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Тихомиров К.Н., Татауров Ф.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII в. (по материалам археологических исследований). Омск, 2014. 374 с.

Татаурова Л.В., Татауров Ф.С. О благосостоянии жителей сибирской деревни XVII–XVIII вв. (по археологическим материалам русских памятников Омского Прииртышья) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2012. С. 5–9.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в. Томск, 2002. 194 с.

Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. Томск, 2015. 276 с.

АРХЕОЛОГИЯ РУССКИХ СИБИРИ В XXI В.: ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследование выполнено по гранту РФФИ
(проект №14-50-00036)

История археологического исследования русских Сибири начинается в 1-й половине XX в. Ее этапы и направления отражены в публикациях [Артемьев, 2005, с. 7–28; Чёрная, 2008, с. 482–515]. Фактически до начала XXI в. в ходе раскопок создавалось источниковое поле по различным аспектам освоения русскими территорий за Уралом, по формированию на новых землях систем и культуры жизнеобеспечения на основе традиций, принесенных с Руси, и исторической экологии. На этой базе выросло и окрепло новое направление в сибирской науке – археология русских, возможности которого еще до конца не оценены.

Археологический источник Нового времени обладает своей спецификой [Татаурова, 2015б, с. 98–103], однако к полученным в ходе раскопок артефактам применимы методики, проверенные в изучении материалов ранних эпох. Кроме того, весь предметный комплекс можно исследовать с использованием естественно-научных методов, получая при этом не только информацию о технологиях производств и сырьевых ресурсах, но и выходы на изучение торгово-экономических связей и социально-мировоззренческих аспектов. Перспективы включения археологических источников Нового времени в реконструкции исторических сюжетов XVI–XIX вв. очевидны [Чёрная, 2008, с. 5–26; Беляев, 2014, с. 11–18].

В XXI в. археологическое изучение культуры русских в Сибири вышло на новый этап. Несмотря на продолжающееся накопление материалов, качественно вырос уровень их интерпретации, в том числе на основе междисциплинарных исследований: стали привлекаться результаты естественно-научных изысканий, новые архивные материалы, новейшие статистические методы; создаваться геоинформационные системы; переосмысливаться этнографические ретроспекции. Археология русских Сибири оформилась в самостоятельное научное направление со своим предметом, объектом, источниковой базой и методами.

В рамках этого направления ученые региона используют несколько исследовательских подходов. *Источниковедческий* подход сосредоточен на анализе постоянно пополняющихся коллекций и материалов раскопок. Здесь особое значение имеет типологический метод, позволяющий структурировать предметные комплексы, выявлять типы и варианты в категориях объектов разного или одного назначения (см., например: [Молодин, 2007; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011]). *Исторический* подход направлен на включение археологических материалов в исторические реконструкции [Археологические и исторические исследования..., 1998; Чёрная, 2002; Визгалов, Пархимович, 2008; Бородовский, Горохов, 2009; Тара в XVI–XIX веках..., 2014], правда, пока применение этого подхода находит отражение только в публикациях археологов. При *этноархеологическом* подходе используются этнографические методы и аналогии для интерпретации результатов археологических работ [Татаурова, 2010; 2015а, с. 142–154]. *Социокультурный* подход предполагает изучение объектов и артефактов, характеризующих социальный статус их владельцев [Чёрная, 2015; Татауров, 2014, с. 238–240]. *Экологический* подход подразумевает анализ на основе изучения палеозоологических, карпологических, палинологических и других образцов, полученных археологическими методами, природных и климатических условий адаптации русских в Сибири.

При выявлении этапов формирования исторической экологии сибирского населения [Визгалов и др., 2013] в последние годы набирают силу естественно-научные исследования (см., например: [Сальникова, 2016а, с. 50–69; Довгалюк, Татаурова, 2010, с. 37–45]), в том числе геодезические работы по построению ландшафтных моделей, созданию 3D-реконструкций памятников, раскопанных объектов и ГИС [Быков и др., 2015, с. 64–68].

Отдельным блоком можно выделить работы, связанные не только с изучением археологических комплексов и анализом полученного материала, но и с проведением на основе полученных результатов реконструкций различного уровня: от графических и выполненных в 3D до натуральных: Саянский острог [Скобелев, 2014, с. 278–282], Умревинский острог [Бородовский, Горохов, 2009], воеводская усадьба

Томска [Чёрная, 2015], сельских поселений Омского Прииртышья [Быков, Татаурова, Светлейший, 2016, с. 185–192], усадьбы Тарского кремля [Татауров, Чёрная, 2015, с. 214–219] и др.

Показателем применения различных подходов стала представительная база введенных в научный оборот археологических материалов и итогов междисциплинарных изысканий [Визгалов, Пархимович, 2008; Бородовский, Горохов, 2009; Молодин, 2007; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011; Чёрная, 2015; Татаурова, 2010; Визгалов и др., 2013; Баринов, и др., 2016, с. 85–97; Мыглан и др., 2010, с. 164–168; Зиняков, 2011, с. 305–311; Багашев, Антонов, 2005, с. 29–37; Глушкова и др., 2016, с. 93–100; Татаурова, Богомолов, 2016, с. 109–117; Сальникова, 2016б, с. 39–48; Татаурова, Орлов и др., 2014; Татаурова, Татауров и др., 2014, с. 36–45; и др.].

Именно сибирская земля, впитавшая мощные потоки русских переселенцев в XVI–XVII вв., ставшая новой родиной для многих поколений славянского населения, оказалась тем центром, который взял на себя организацию сообщества археологов, исследователей русской культуры. Объединяющим началом стала научная конференция «Культура русских в археологических исследованиях», идея которой возникла в Омске в 2002 г. Ее проведение показало, что тема востребована, и у большинства археологов, занимающихся изучением разных территорий и исторических эпох, найдутся материалы русского времени. Это научное мероприятие стало периодическим и до 2011 г. проводилось в Омске, в 2011 г. – в Таре, в 2014 г. – в Тюмени, в 2017 г. – в Енисейске. В 2008 г. конференция прошла с участием зарубежных ученых, а с 2011 г. – становится международной. Круг проблем, которыми занимаются исследователи из других стран, касается в том числе и археологического изучения русской Америки [Макмэхан и др., 2011, с. 175–179; Макмэхан, 2017, с. 276–281], освоение которой русскими связано с Сибирью, а с начала XIX в. она была частью Сибирского генерал-губернаторства.

В 2002 г. первый сборник был представлен 36 публикациями, из них по Сибирскому региону – 29. Двухтомник V конференции, прошедшей в 2014 г., включает 78 статей, из них 53 – по исследованиям в Сибири. На VI форум по этой тематике, который пройдет в ноябре 2017 г. в г. Енисейске, прислано 108 работ, 78 отражают итоги археологического изучения русских сибиряков. В материалах сборника конференции 2017 г. особой является серия публикаций по итогам археологического исследования г. Енисейска, который в 2019 г. отметит 400-летие. Впервые за 15-летнюю историю конференции представлен объемный блок исследований по генетике и антропологии русских. Существенно расширилась география археологических раскопок памятников Нового времени в Сибири: от Урала до Курильских островов; русских поселений и становищ за Полярным кругом [Культура русских..., 2017].

Плодами развития направления «археология русских» в XXI в. стали монографические работы по различным аспектам изучения русской культуры в Сибири. Это реконструкции фортификаций и усадеб в городах и острогах XVII–XVIII вв. [Чёрная, 2002; 2015; Бородовский, Горохов, 2009]; процессов адаптации, исторической экологии, погребального обряда [Татаурова, Орлов и др., 2014; Татаурова, 2010; Визгалов и др., 2013]; отдельных элементов систем жизнеобеспечения (хозяйства, костюма, жилищ, духовной культуры) [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011; Визгалов и др., 2013; Чёрная, 2015; Тара в XVI–XIX веках..., 2014]; публикация материалов г. Мангазеи в свете новых итогов изучения памятника [Визгалов, Пархимович, 2008].

Исследования памятников русского населения Сибири XVI–XIX вв. продолжают, значит, будут новые результаты и открытия.

Библиографический список

Артемьев А.Р. Основные направления археологических исследований памятников истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 7–28.

Археологические и исторические исследования Верхотурья. Екатеринбург, 1998. 188 с.

Багашев А.Н., Антонов А.Л. К проблеме генезиса компонентов антропологической структуры русского старожильческого населения Омского Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 29–37.

Баринов В.В., Жарников З.Ю., Зайцева Е.А., Кениг А.В., Мыглан В.С., Сидорова М.О. Дендрохронологическое датирование памятников истории и культуры п. Горноправдинск // Вестник угроведения. 2016. №2. С. 85–97.

Беляев Л.А. Археология позднего средневековья и нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 11–18.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск, 2009. 244 с.

Быков Л.В., Татаурова Л.В., Орлов П.В., Анисимов А.Е., Бартенев С.В., Полухин Р.Л. Геодезические работы на археологическом памятнике XVII–XVIII века «Ананьино» // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2015. XI Междунар. науч. конгр., 13–25 апреля 2015 г., Новосибирск : Междунар. науч. конф. «Геодезия, геоинформатика, картография, маркшейдерия» : сб. материалов : в 2 т. Новосибирск, 2015. Т. 1. С. 64–68.

Быков Л.В., Татаурова Л.В., Светлейший А.З. Трехмерная реконструкция археологических памятников и объектов на основе данных дистанционного зондирования и глобальных навигационных спутниковых систем // Вестник Омского государственного аграрного университета, 2016. №3 (23). С. 185–192.

Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Нефтеюганск ; Екатеринбург, 2013. 376 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск, 2008. 296 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Нефтеюганск ; Екатеринбург, 2011. 216 с.

Глушкова Т.Н., Сеньюрина Ю.А., Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тканые, вязаные и плетеные изделия XVII–XVIII веков из Тарской крепости // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, №3. С. 93–100.

Довгалюк Н.П., Татаурова Л.В. Торговые связи русских переселенцев XVII–XVIII вв. (по находкам стеклянных бус из слоев сельских поселений) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №2 (42). С. 37–45.

Зиняков Н.М. Особенности становления русского металлообрабатывающего производства в XVII–XVIII веках в Западной Сибири (на примере материалов Тарского Прииртышья) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С. 305–311.

Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск, 2017. 580 с.

Макмэхан Дж.Д. Крушение парусника «Нева» Российско-Американской компании в 1813 году: заключительная глава // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 276–281.

Макмэхан Д., Диллиплэйн Т., Харинский А.В., Тихонов В.В., Кинсман Д., Торсен С. Совместные российско-американские археологические раскопки на трех объектах русского колониального периода в Ситке, Аляска, 2010 // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С. 175–179.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск, 2007. 248 с.

Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Майничева А.Ю., Лыхин Ю.П. Результаты дендрохронологического обследования Братского острога // РА. 2010. №3. С. 164–168.

Сальникова И.В. Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции // Вестник НГУ. Сер.: История, филология, 2016а. Т. 15, №5. С. 50–69.

Сальникова И.В. Результаты статистического анализа химико-технологического исследования коллекции меднолитой пластики // Вестник НГУ. Сер.: История, филология, 2016б. Т. 15, №7. С. 39–48.

Скобелев С.Г. Отдельно стоящие постройки хозяйственно-служебного назначения на площади двора Саянского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 278–282.

Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша / Д.А. Алисов, Ю.М. Гончаров, А.Р. Ивонин и др. Омск, 2014. 330 с.

Татауров С.Ф., Чёрная М.П. Усадьба в Тарской крепости: опыт реконструкции комплекса // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. статей к 50-летию Л.В. Татауровой. Омск, 2015. С. 214–219.

Татауров Ф.С. Маркеры социального статуса русского сибиряка в конце XVI – середине XVIII вв. По материалам археологических исследований Западной Сибири // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. Красноярск, 2014. С. 238–240.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск, 2010. 284 с.

Татаурова Л.В. О типологии русской керамической посуды XVIII в. // Современные подходы к изучению древней керамики. М., 2015а. С. 142–154.

Татаурова Л.В. Специфика археологического источника Нового времени // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015б. №3 (36). С. 98–103.

Татаурова Л.В., Богомолов В.Б. Женские кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII вв. (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. №44 (2). С. 109–117.

Татаурова Л.В., Орлов П.В., Татауров Ф.С., Гринберг П.Б. Применение ионно-плазменных методов для нанесения защитных покрытий на объекты медного культового литья // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 7. С. 36–45.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веках (по материалам археологических исследований). Омск, 2014. 373 с.

Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002. 187 с.

Чёрная М.П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008. С. 482–515.

Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск, 2015. 275 с.

© 2017, А.Г. Торощин¹, Н.В. Торощина², И.В. Чернова²

¹Томский государственный педагогический университет,

²Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ДАННЫХ СЕЛЬКУПСКОГО КЛАДБИЩА ВАРГАНАНЖИНО С АРХИВНЫМИ И ЭКСПЕДИЦИОННЫМИ МАТЕРИАЛАМИ, МЕТОДИКА ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ, РГНФ (грант №17-11-70003 «Эвенки юга Западной Сибири: создание комплексной источниковой базы»)

В сибирской археологии вопросы методики корреляции двух типов исторических источников (вещественных и письменных) рассматриваются наиболее часто на примере русской археологии. Привлечение документов церковного делопроизводства имеет свой потенциал информативности и для коренных народов. Статья посвящена методике сопоставления данных о палеопопуляции селькупского кладбища бывшего пос. Варгананжино на р. Тым (Каргасокский район, Томская область) со сведениями об умерших жителях этого поселка из метрических книг Тымской Троицкой церкви (далее – книги) [ГАТО; Муниципальный архив Администрации Каргасокского района...]. Авторы преследовали следующую цель: выработать методику корреляции источников, определить возможность достоверного установления личностей индивидов, похороненных с определенными особенностями, используя сведения книг об умерших представителях локального социума. Труднодоступность региона обуславливает то, что из 165 известных в Притымье археологических памятников в настоящее время фрагментарно и неравномерно исследовано несколько могильников позднего средневековья и Нового времени (Бедеревский Бор-I, II, Пыль-Карамо, Чистый Яр, Неготка, Варгананжино). Исследование некрополей р. Тым с использованием данных метрических книг Тымского прихода проводится впервые.

Кладбище при пос. Варгананжино раскопано 12–13 августа 1989 г. антропологом В.А. Дремовым с целью сбора краниологического материала по северной группе нарымских селькупов (чумыль-куп), что определило методику раскопок, фиксацию и сбор находок. Всего учтено 18 могил (8 – взрослые, 10 – детские), что составило приблизительно половину некрополя [Дремов, 1989, л. 334]. Определения пола и возраста проведены В.А. Дремовым и М.П. Рыкун. Пос. Варгананжино располагался в правобережье среднего течения р. Тым, приблизительно в 90 км по прямой от с. Тымского (рис. 1).

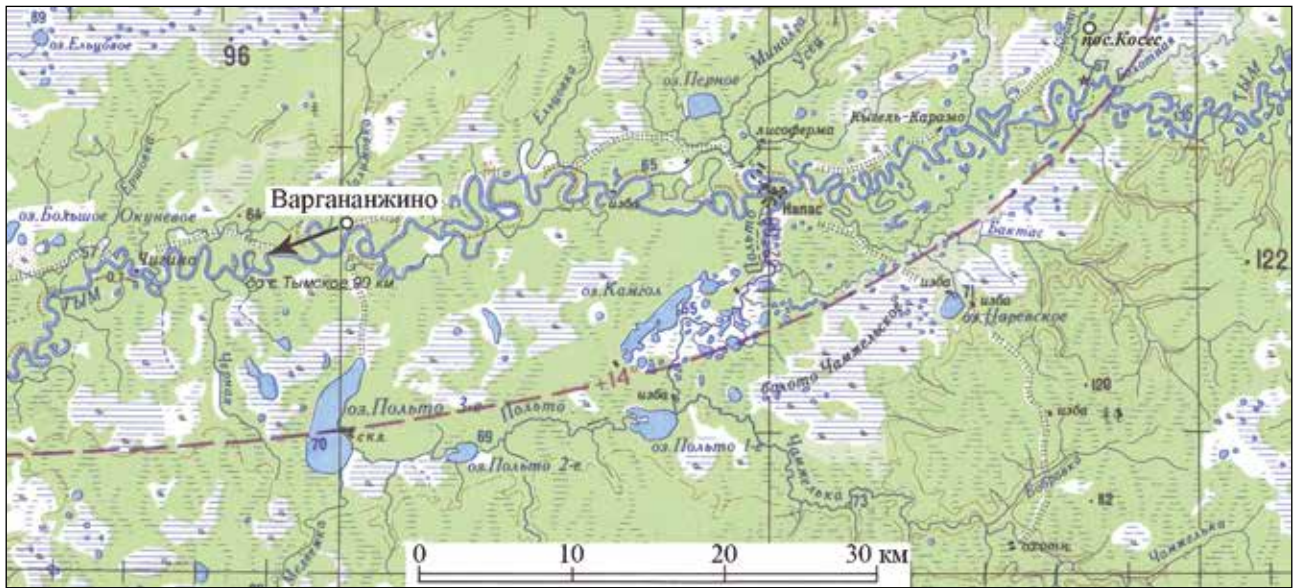

Рис. 1. Расположение пос. Варгананжино на топографической карте

Время существования – 1850–1960-е гг. Постоянные жители – селькупы Пычкины, одновременно населявшие пос. Косес, находившийся на р. Косец, правом притоке р. Тым (50 км по прямой от Варгананжино). Захоронение Пычкиных на кладбище при Варгананжино подтверждается данными книг, местоположение некрополя локализовано по топографической карте 1952 г. (рис. 2).

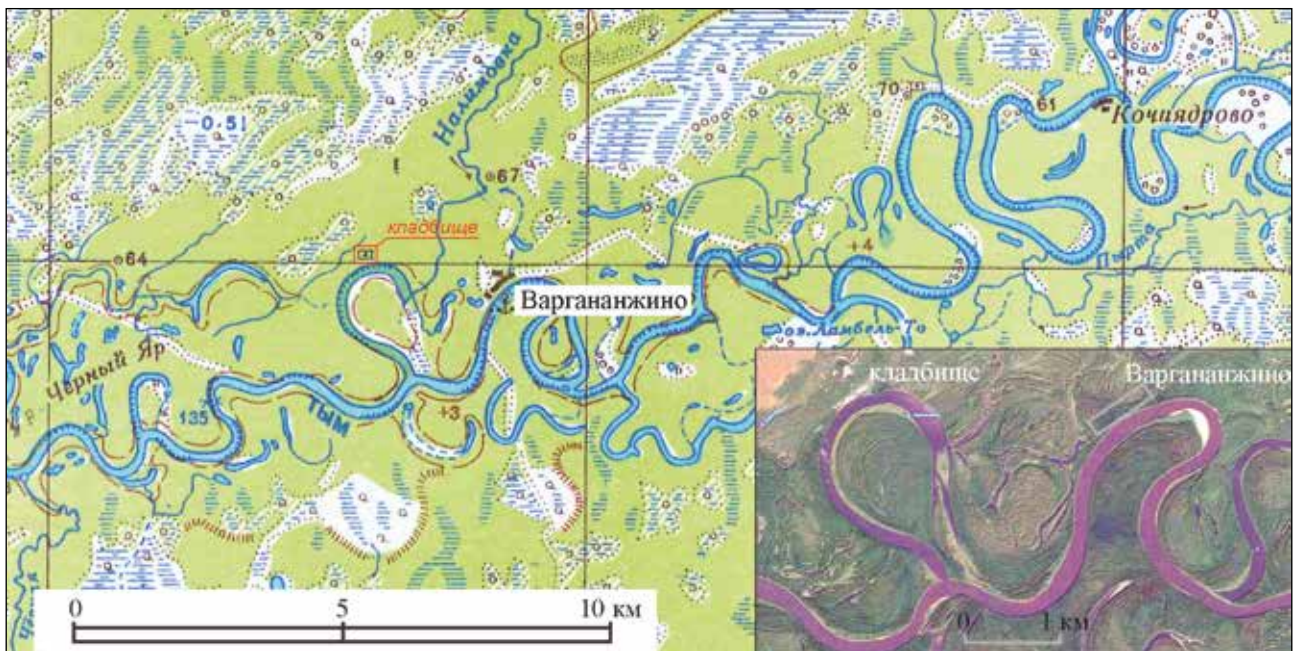

Рис. 2. Расположение кладбища Варгананжино на топографической карте 1952 г. и на космоснимке 2015 г.

Отдаленность поселка от Оби, малочисленность населения (проживали несколько братских семей), традиция хоронить на родовом кладбище обусловили малое количество умерших. Фиксация в книгах пола и возраста умерших, причин смерти позволила сопоставить данные с антропологическими определениями краниологической серии кладбища. Более перспективным является установление личностей умерших в погребениях с датировкой и с особенностями (наличие предметов, определяющих индивидуальность носителей, коллективные захоронения, отражающие нестандартный случай смерти).

Усложняет анализ материалов фрагментарная изученность кладбища. Ограничивает возможность детального сопоставления данных палеопопуляции и метрических сведений неполное хронологическое покрытие одного источника другим. По монетам и клеймам могилы относятся приблизительно к 1870–1940-м гг. Полностью сохранились книги за 1870–1920 гг. С 1920 г. регистрация метрических событий ведется Каргасокским ЗАГС, причем не всегда стабильно. Для научных исследований до-

ступна информация до 1925 г. Недостатками письменных источников являются их неполнота и низкая достоверность сведений о дате и месте погребения. Недостоверность фиксации даты и места погребения определяется сложившейся у местного духовенства практикой указывать местом погребения всех умерших прихожан (за небольшим исключением) кладбище при с. Тымском.

Возможность и целесообразность доставки умерших за сотню километров от места проживания до центра прихода при наличии кладбищ при поселках сомнительны. Действительно погребенными на Тымском кладбище можно считать тех представителей рода Пычкиных, которые умерли в мае – июле, когда прихожане съезжались на ежегодную ярмарку в с. Тымское (тогда разброс между датами смерти и погребения составляет 2–4 дня). С окончанием ярмарки до новой навигации связь священника с отдаленными поселками прекращалась. В мае – июне текущего года в книгах отмечалась массовая фиксация умерших с осени предыдущего по весну текущего года (тогда разброс между датами смерти и погребения составлял от нескольких дней до нескольких месяцев). Несмотря на указание захоронения при с. Тымском, с большой долей вероятности можно утверждать, что такие умершие были погребены при своих поселках. Отбор сведений для сопоставления с данными кладбища Варгананжино осуществлялся с учетом этой практики фиксации. Дата, указанная в книге как дата погребения, в действительности является датой записи информации о смерти. Вместе с тем дата реального погребения умершего остается неизвестной. Это объясняется и тем, что обряд повторных похорон, включающий длительное хранение умерших до предания земле, применялся селькупами Тыма вплоть до начала XX в.

Палеоантропологическая серия представлена 22 индивидуумами: 12 взрослых (7 муж. и 5 жен.) и 10 детей. Зафиксированы два случая коллективных захоронений взрослых (4 чел. и 2 чел.). Диапазон возраста смерти у детей – 0–18 лет. Диапазон возраста смерти у мужчин и женщин приблизительно одинаков – от 19–20 до 60 лет. Индивидуумов зрелого и старческого возраста – 4 чел. (2 муж. и 2 жен.). Погребальные сооружения (дощатые гробы, сбитые железными гвоздями, коваными – в ранних могилах и фабричными – в поздних) изготавливали в рост покойного [Боброва, Максимова, 1998, с. 143–144]. Глубина могил, как взрослых, так детских, находилась в пределах от 85 до 150 см. Использовали обертывание или покрытие dna могилы и гроба берестяным полотнищем.

Покойные в основном положены по православному обычаю головой на запад, в вытянутом положении, на спине. Руки чаще сложены на животе. Отмечено наличие ткани на лице, а также монет на глазницах у умершего мужчины 25 лет и умершей девочки 12 лет.

Одеты были в изделия из тканей и меха, найдены остатки теплого пальто фабричного производства. Зафиксирована обувь как фабричного производства на каблуке, так и самодельная из кожи с берестяными стельками.

В могилах найдены три иконы, посуда, украшения, бубенчик и другие предметы, некоторые из которых датируются марками и клеймами (Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ, колл. №7648).

По данным книг, в 1870-х – 1920 г. число умерших Пычкиных в приходе составило 67 чел. (37 муж., 30 жен.). Отмечено два случая погребения при Варгананжино жителей других юрт, что, возможно, обусловлено их скоропостижной смертью. Обнаружено одно захоронение Пычкиных в юртах Мидейских, там был похоронен годовалый сын В.Д. Пычкина, умерший от оспы. Погребение не на семейном кладбище могло быть связано с опасностью заражения. Таким образом, фиксируется закономерность погребения на кладбище при юртах Варгананжиных местных жителей – Пычкиных.

9 человек из 67 умерших в приходе Пычкиных постоянно проживали в юртах Косесс и, вероятнее всего, были погребены при своих юртах. 29 человек с большой долей вероятности были погребены на кладбище в с. Тымском (умершие в летнее время, умершие и погребенные в течение 2–3 дней). Таким образом, наиболее вероятно погребение на кладбище в Варгананжино 29 человек (12 взрослых, из них 7 мужчин и 5 женщин, и 17 детей в возрасте до 18 лет). Сопоставление источников по детям малопродуктивно из-за малого количества и однотипности сопроводительного инвентаря. Таким образом, для сопоставления остается 12 метрических записей, с учетом того, что кто-то из умерших мог быть похоронен в другом месте, а на кладбище при Варгананжино могло произойти захоронение, не отмеченное в книгах.

Принципом, положенным в основу сопоставления данных, является хронологическая последовательность заполнения поля кладбища с опорой на погребения с особенностями и поиск подходящих случаев в книгах. Поскольку общее количество могил на кладбище не определено, для анализа использовался план его раскопанной части (рис. 3-1).

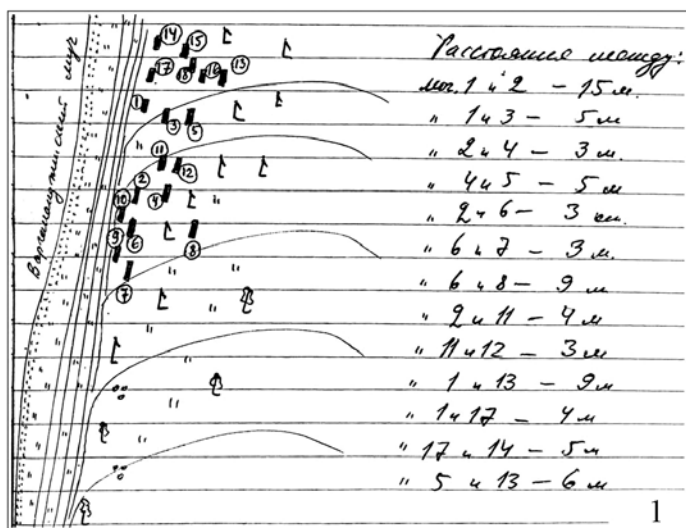

Рис. 3.-1. Схематический план кладбища Варгананжино [Дрёмов, 1989, с. 337]

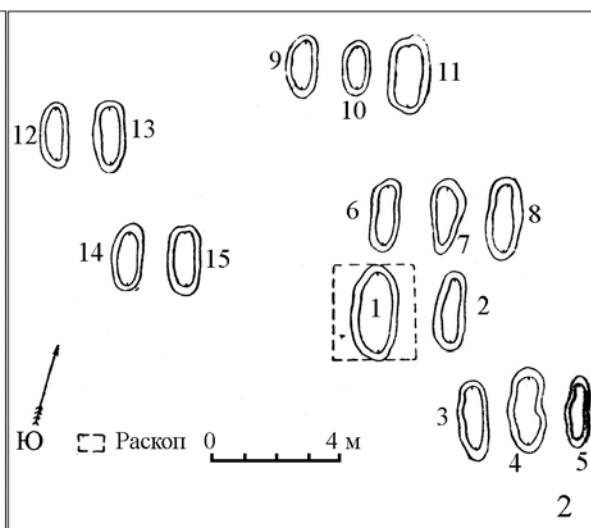

Рис. 3.-2. Схематический план могильника Чистый Яр [Дульзон, 1956, с. 316]

Могилы располагаются небольшими скоплениями, что, возможно, отражает группировку по братским семьям и годам захоронений. Примерно такая группировка могил зафиксирована П.И. Кутафьевым и А.П. Дульзоном в грунтовом могильнике Чистый Яр соседних юрт Качиядрово [Дульзон, 1956, с. 240] (рис. 3.-2). С учетом группировки по годам и климатическим сезонам выявлены могилы, которым найдены соответствующие метрические записи.

Из всех могил наиболее выделяется погребение мужчины 60 лет (могила 16) с железными подвесками с шаманского костюма, которые были положены в гроб рядом с головой и в ногах умершего. Ранее А.И. Бобровой и И.Е. Максимовой сделано предположение о том, что это погребение служителя культа – шамана пос. Варгананжино, жившего на рубеже веков, а, возможно, и в советское время [Боброва, Максимова, 1998, с. 144]. Нами выдвигается версия, что здесь похоронен Дмитрий Антонович Пычкин, умерший 29 января 1913 г. и погребенный не позже 15 мая того же года. Аргумент следующий: близкий к определению антропологов возраст (умершему 56 лет). Рядом с ним, по данным метрических книг, могли похоронить одного ребенка в возрасте двух месяцев и двух детей в возрасте от 1,5 до 2 лет, умерших в 1909–1913 гг. Рядом действительно есть погребения с умершими соответствующего возраста (могилы 15, 17, 18).

Кроме Д.А. Пычкина, по возрасту в могиле 16 мог быть погребен Евдоким Варфоломеевич Пычкин (примерно 55 лет, умер и погребен в мае 1884 г.). В этом случае рядом с ним должны быть похоронены две женщины 40–50 лет и юноша 18 лет, умершие примерно в те же годы, но таких могил поблизости нет. Таким образом, предположение о погребении в могиле 16 Д.А. Пычкина более соответствует хронологической последовательности заполнения поля кладбища. Весомым аргументом в пользу нашего предположения является то, что Д.А. Пычкин был женат на родной сестре известного шамана Елисея Карлыгина – Агриппине. Семьи тесно общались, о чем свидетельствуют записи в метрических книгах, где Пычкины и Карлыгины выступали друг у друга крестными детей и свидетелями при заключении браков.

В могиле 3 (женщина 60 лет, похороненная с иконой) предположительно погребена Евфимия Сергеевна Пычкина, умершая 17 февраля и похороненная не позже 19 мая 1915 г. В пользу этого предположения говорит не только близкий возраст, но и хронологически последовательное расположение могилы по отношению к могиле 16. Е.С. Пычкина была выдана замуж в юрты Казыцкие в семью Тарадаева – это одни из наиболее обрусевших юрт, где она могла приобщиться к христианским обрядам. В 1888 г. ее муж заключает второй брак, в книге указан как вдовец. Е.С. Пычкина вновь появляется в своих юртах, причем под девичьей фамилией. В браке не было детей, возможно, он был расторгнут по местным обычаям. Отсутствие детей в браке и необходимость получить поддержку от христианского божества Параскевы Пятницы – покровительницы женщин, возможно, побудили женщину приобрести икону с ликом этой святой. Рядом с могилой 3 находится могила 1 (мужчина 25 лет). Предполагаем, что это Константин Тимофеевич Кулеев (23 лет, умер в марте 1915 г. и погребен не позже мая 1915 г.), сын Гликерии Устиновны Кулеевой, урожденной Пычкиной.

В могиле 11 зафиксировано захоронение мужчины 50–55 лет и женщины 45–55 лет в разных гробах, поставленных вплотную друг к другу. Полагаем, что это супруги Елисей Антонович и Елена Антоновна Пычкины, умершие от тифа 2 и 10 октября 1920 г. соответственно. Их смерть зафиксирована представителями ЗАГС, при этом точно указано, что они погребены в Варгананжино. Поскольку супруги умерли примерно в одно и то же время от опасного заразного заболевания, их вполне могли захоронить вместе. Отмечается некоторое несовпадение возраста: Е.А. Пычкину – 67 лет (по определению В.А. Дрёмова – 50–55 лет), Е.А. Пычкиной – 63 года (по определению В.А. Дрёмова – 45–55 лет).

В могиле 10 обнаружено коллективное захоронение четырех человек в одном гробу размером 140 × 195 см (двух мужчин – 20–22 и 25 лет и двух женщин – 18–20 и 20–25 лет). Случай для данного прихода редкий. Предположительно соответствует умершим в декабре 1917 г. – январе 1918 г. представителям семьи Пычкиных. Это брат и сестра Василий и Анна Елисеевичи Пычкины (28 и 19 лет). Сын их двоюродного брата Давида Аммосовича Пычкина – Николай (19 лет). Главный аргумент – совпадение времени смерти. Один за другим умирают 23 декабря 1917 г. сын Елисея Антоновича Пычкина Василий (28 лет, от воспаления легких) и 19 января 1918 г. дочь Анна (19 лет, от чахотки). 26 января 1918 г. умирает сын Давида Аммосовича Пычкина Николай (19 лет, от чахотки). Все они родственники. Самый спорный вопрос о четвертой погребенной (женщина 20–25 лет). Предполагаем, что это замужняя дочь Гликерии Устиновны Кулеевой (Пычкиной) – Татьяна Тимофеевна Мулина (31 год, замерзла). Данная версия основана на следующих аргументах. Т.Т. Мулина замерзла 2 ноября 1917 г., т.е. погибла в результате несчастного случая. В таких ситуациях нужно было разрешение на погребение от властей. Тело должны были осмотреть представители закона, поэтому ее похоронили только 28 января 1918 г., в тот же день, что и Николая Давидовича Пычкина. Возможно, прибывшие представители власти и заставили родственников похоронить умерших в зимний период, что не характерно для данной местности. В пользу этого свидетельствует нестандартность захоронения, а именно: могила вынесена на край террасы, за линию более ранних могил; общий гроб; отсутствие инвентаря.

Таким образом, в ходе исследования мы столкнулись с рядом проблем, таких как недостаток базы письменных и вещественных источников, трудности хронологической синхронизации и др. Тем не менее мы значительно продвинулись в изучении населения поселка Варгананжино и в вопросе интерпретации двух видов источников. В дальнейшем корреляция этих данных с учетом демографических особенностей палеопопуляций региона при изучении родовых могильников позднего средневековья и Нового времени может помочь по-новому взглянуть на их численный и половозрастной состав. Возможно продолжение исследований с использованием методов генетики.

Библиографический список

- Боброва А.И., Максимова И.Е. Шаманское погребение с р. Тым (публикация материалов) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998. С. 143–148. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 527. Метрические книги. Оп. 1. Д. 386, 489, 529, 537, 549, 580.
- Дремов В.А. Полевая документация // Архив кабинета антропологии ТГУ. Д. без н. 1989.
- Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–316.
- Муниципальный архив Администрации Каргасокского района Томской области. Ф. 204. Метрические книги церковей Нарымского края Томского округа. Оп. 1. Д. 3, 7, 8, 10, 11, 32, 32, 549.

© 2017, Н.А. Тропин

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец

НЕУКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ XIV–XV ВВ. ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА: КРИТЕРИИ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Отличительной чертой современного этапа средневековой археологии (археологии последних четырех десятилетий) является масштабное изучение неукрепленных поселений средневековья широкого хронологического диапазона [Археология севернорусской деревни..., 2007; Макаров, 2008; Чернов, 2005; Гоняный, 2003]. Находки предметов вооружения на них являются довольно частыми. По резуль-

татам работ последних десятилетий их круг хорошо представлен на памятниках северо-востока Руси [Кутасов, 2008; Шполянский, 2017; Савельев, Сергеев, Чернов, 2012]. Исследователи верно определяют их контекст, связывая с представителями военного сословия.

В последнее время предпринимаются попытки заострить внимание на таких поселениях, где кроме военных артефактов встречаются и иные статусные вещи (предметы импорта, торговли, энколпионы и др.) [Макаров, Федорина, 2008; Грибов, 2007; 2008; Шполянский, 2011]. Такой подход позволяет сформировать целостный взгляд на «мир повседневных вещей» служилого человека средневековья и определить его статус.

Однако отсутствие статистических подсчетов по каждому памятнику препятствует детализации в исторической оценке поселения (или его части) и его жителей. Статистические данные, отражающие долю «военного компонента» в общей массе находок, имеются лишь для незначительного количества памятников, преимущественно домонгольского нашествия. К примеру, о невоенном характере памятников говорят результаты подсчетов по Мининскому археологическому комплексу X–XIII вв., выявившие существенное присутствие военного компонента, однако преобладающая часть наконечников стрел относилась к разряду охотничьего снаряжения [Археология севернорусской деревни..., 2008, с. 29]. Незначительное количество военных артефактов на Белоозере получило объяснение отсутствием внешней угрозы [Захаров, 2004, с. 131]. На открытом торгово-ремесленном поселении – Лавском археологическом комплексе XI – начала XV в. – находки, связанные с военным делом, составили лишь 5,8%, причем значительная часть из них – наременная гарнитура 2-й половины XIII – XIV в. [Тропин, 2016a].

Иные результаты дает статистика по памятникам с высокой долей военных артефактов. На городище южнорусского порубежья Сампсониев остров XI – середины XIII в. предметы вооружения составляют 14%. Ю.Ю. Моргунов отмечает их большое количество в сравнении с сельскохозяйственными орудиями труда. Значительной по объему представлена серия удил и наконечников бронебойных стрел [Моргунов, 2003, с. 146]. Еще большее соотношение предметов вооружения встречено на детинце и завальном участке посада малого рязанского города Корнике XIII–XIV вв. в верховьях Дона, где они составляют 39,7–57,7% [Клянин, 2000, с. 124]. Данные примеры статистического метода указывают на перспективность в определении статуса памятника.

Однако не менее важно учитывать специфику исторической эпохи. Для XIV–XV вв. это формирование новых форм взаимоотношений в системе служилого землевладения в условиях апогея политической раздробленности и длительного процесса образования централизованного государства. В этом контексте чрезвычайно важными являются результаты комплексных исследований XIV–XVI вв., выполненных археологами, прекрасно владеющими сведениями письменных источников. К числу таких фундаментальных многочисленных работ относятся исследования С.З. Чернова в изучении структур феодального землевладения на территории Московского княжества [Чернов, 2000; 2004; 2005; и др.]. Комплексный подход отличает труды А.Б. Мазурова и А.Ю. Никандрова по изучению Коломны и Серпуховского удела [Мазуров, 2001; Мазуров, Никандров, 2008]. Чрезвычайно важными для нас являются комплексные региональные исследования А.В. Шекова по истории Верховских княжеств. С этой территорией связано происхождение Елецкого княжества [Шеков, 2012]. Вышеназванные работы методически верно ориентируют на объективное понимание изучаемых археологических памятников этого времени.

Применимо к территории правобережья Верхнего Дона (Елецкое княжество) письменные сведения фрагментарны и немногочисленны, что не позволяет активно использовать их в исследованиях в отличие от актового материала Северо-Восточной Руси [Чернов, 2005]. Однако обращение к теме изучения феодальных структур стало возможным благодаря литературному памятнику конца XIV в. «Хождение Пимена в Царьград» и результатам многолетних археологических работ в Елецкой округе. В сюжете о встрече князя Юрия Елецкого, встречающего митрополита близ устья Воронежа «з бояры своими и со многими людьми» [Малето, 2005, с. 286], возможно увидеть иерархию части елецкого общества. У елецкого князя есть свои бояре и многие люди. Если бояре составляли «лучшую» дружину, то «люди» – это, возможно, как основная часть дружины, так и боевые слуги (холопы) бояр.

Каков же археологический контекст исторического сюжета о елецких служилых людях?

Во 2-й половине XIV в. в правобережье Верхнего Дона на отвоеванных землях у Орды появляется Елецкое княжество как результат активной внешней политики верховских князей при поддержке Великого княжества Литовского и, возможно, Рязанского. Его история известна по источникам в событиях 1389, 1395, 1414–1415, 1483 гг. Княжество появляется на заселенной ранее территории бывшей

Чернигово-Северской земли, население которой обслуживало в ордынскую эпоху транзитные торговые пути (Лавский археологический комплекс и др.). Основная территория княжества (ядро) по археологическим данным располагалась в левобережье р. Быстрая Сосна (правый приток р. Дон), занимая пространство около 300 км² в междуречье притоков Талец, Пальна, Ельчик, Воргол. Здесь известно 52 поселения 2-й половины XIII – начала XV в. В устье р. Ельчик находился летописный Елец с площадью распространения находок 15 га.

Результаты раскопок поселений значительными площадями позволили выделить их разные типы: поселения служилых людей (поселение 3 у с. Аргамач-Пальна, Целыковка-2), поселок гончаров (поселение 5 у с. Аргамач-Пальна), купеческую усадьбу (Александровское городище). Результаты раскопок памятников, датируемых XIV – 1-й половиной XV в., чрезвычайно важны не только для изучения истории Елецкого княжества, но и для региона Верхнего Поочья, откуда в последней четверти XIV в. произошла миграция населения и «кованных ратей» в бассейн Быстрой Сосны.

Акцентируем внимание на выделяемых нами поселениях служилых людей. Одно из них – поселение 3 у с. Аргамач-Пальна, входящее в локальную группу памятников XIII–XV вв. в нижнем течении р. Пальна. Результаты раскопок 2011–2012 и 2015–2016 гг. позволили изучить 4 240 м² площади, зафиксировать 18 жилых и пять углубленных в грунт хозяйственных построек. Ко 2-й половине XIV – 1-й половине XV в. отнесены 204 индивидуальные находки, исключая подковы, многочисленные подковные и строительные гвозди. Значительную по количеству находок группу составляют артефакты, связанные со снаряжением всадника и верхового коня (38 экз., или 17,2%). В числе находок наременные накладки (8 ед.), пряжки (8 ед.), уздечные кольца (6 ед.), шпоры (2 ед.), обрывки кольчуги (2 ед.), доспешные пластины (2 ед.), колчаный крюк (2 ед.). Другие находки встречены в одном экземпляре: наконечник стрелы, стремя, сулица, удила, кольцо байданы, распределитель упряжи и умбон, вертлюг.

Самые многочисленные группы находок – предметы быта (72 экз., или 35,3%, с преобладанием ножей – 17 экз.) и хозяйственной деятельности (54 экз., или 26,5%, с преобладанием рыболовных грузил – 38 экз.). С украшениями связано лишь 14 находок (6,8%). Часть находок неопределима из-за фрагментарности (29 экз., или 14,2%). На поселении найдены два небольших по объему ордынских монетных клада, насчитывающие 24 и 26 данга. Е.Ю. Гончаровым [2011, с. 21–22] они связываются с кошельками, полученными служилыми людьми за службу. В составе одного из кладов находились ювелирные серебряные изделия: три перстня и серьга. С памятника происходят кресты-мошевики и щитковые перстни.

Другое поселение – Целыковка-2. Оно изучалось в 2014 г. Вскрытая раскопками площадь составила более 2,3 га. Наиболее многочисленными оказались предметы и сооружения 2-й половины XIV – середины XV в. Они позволили нам в самом предварительном плане интерпретировать поселение этого времени как владельческое (боярское) село, на котором выделяется участок главной усадьбы с жилой и хозяйственной зонами, а также локальная территория проживания боевых слуг владельцев усадьбы и небольшое кладбище с участком под храм [Тропин, 2016б].

Ко 2-й половине XIV – середине XV в. относятся 290 индивидуальных находок. По своему назначению они разделены на группы. Самые многочисленные из них – предметы быта (96 экз., или 32,8%), импорта (62 экз., или 22,2%), хозяйственной деятельности (40 экз., или 13,7%), вооружения (37 экз., или 12,6%). Наименьшую группу составляют украшения (20 экз., или 6,8%). Значительная часть находок из-за фрагментарности осталась неопределенной (11,9%). Яркой, показательной для социальной характеристики поселения группой находок являются предметы вооружения, включая в том числе снаряжение коня и всадника. Почти все они происходят с площади жилой зоны боярской усадьбы. С территорией проживания боевых слуг (холопов) связаны единичные предметы. Среди находок этой группы – наременные накладки (13 ед.), пряжки (8 ед.), уздечные кольца (4 ед.), шпоры (2 ед.), обрывки кольчуги (2 ед.). Другие находки встречены в одном экземпляре: удила, стремя, колчаный крюк, сулица, костяная накладка, наконечник стрелы, втулка от втока, навершие бунчука.

При сходстве в наборе предметов вооружения и снаряжения с поселением Аргамач-Пальна-3, поселение Целыковка-2 заметно отличается большим количеством предметов импорта, что указывает на более высокий статус жителей. В этой группе наиболее многочисленны фрагменты красноглиняных неполивных сосудов, преимущественно кувшинов (29 ед.). Второй по численности являются фрагменты металлических котлов (20 ед.): из чугуна (17 ед.), меди (1 ед.), ушки из железа (2 ед.). Третьей по числу фрагментов является керамика коричневого цвета со следами лощения (8 ед.). По определению

В.Ю. Ковалю, посуда относится к памятникам болгарского круга. Следующую подгруппу составили фрагменты с поливой (5 ед.), три из которых – зеленого цвета – связаны с Юго-Восточным Крымом, а два – коричневого и желтого цветов – с Византией (по определению В.Ю. Ковалю).

Среди престижных находок – книжная застежка из бронзы, костяные монетные весы [Тропин, Гончаров, 2016] и пять крестов, включая редкий энколпион [Тропин, 2016б].

Исследованное раскопками поселение Целыковка-2 относится к кругу пока еще немногочисленных памятников XIV–XV вв., интерпретируемых с позиций археологии (при отсутствии письменных сведений) как владельческие села. Круг находок и время бытования указывают на сходство с некоторыми из известных ранее поселений. Это селище Ближнее Константиново-1 и поселения у д. Бешенцево из округа Нижнего Новгорода [Грибов, 2007; 2008]. По общему облику материальной культуры оно весьма близко владельческому селу Лопоши из Брянской области [Поляков, Чубур, Брешков, 2013; Шинаков, Новожеев, 2013].

Результаты раскопок в Елецкой округе позволяют предложить следующие критерии неукрепленных поселений XIV–XV вв. военного характера, связанных с проживанием служилых людей.

1. *Высокая доля предметов вооружения, снаряжения коня и всадника.* На поселении 3 у с. Аргамач-Пальна – 17,2%; Целыковка-2 – 12,6% (доспешные пластины, кольчужные кольца, наконечники стрел, шпоры, детали конской упряжки и т.д.).

2. *Наличие престижных предметов, подчеркивающих социальный статус их владельцев:* нумизматические находки, монетные весы, предметы импорта, перстни и кресты-реликварии. Данный критерий следует учитывать индивидуально для памятников. Статистические показатели вряд ли возможно использовать как объективный универсальный критерий. Набор престижных вещей и их приоритет диктовались запросами владельца. Поэтому внимание должно быть обращено на наиболее яркие и необычные вещи.

3. *Жилища значительных размеров, отличающиеся от основной застройки.* На поселении 3 у с. Аргамач-Пальна из 16 раскопанных жилых построек 10 сооружений имели площадь от 74 до 110 м². Шесть жилищ были сооружены на подклетах. На поселении Целыковка-2 состояние грунта не позволило с точностью зафиксировать границы построек. Однако с учетом обширных размеров подполий и расположения глинобитных печей размеры трех господских жилищ боярской усадьбы были не менее 50 м², и они стояли на подклетах.

4. *Отчетливо выраженная планировка поселения, предполагающая усадебную застройку или подчиненность одной группы жилищ другой.* На поселении 3 у с. Аргамач-Пальна отмечена двухрядная застройка, сочетающаяся с усадебной. Концентрация жилищ отмечена с интервалом 20–30 м. Хозяйственные постройки располагались на периферии зоны усадьбы. На поселении Целыковка-2 выделяются участок главной усадьбы с жилой и хозяйственной зонами, а также локальная территория проживания боевых слуг владельцев усадьбы и небольшое кладбище с участком под храм.

Поселения служилых людей Елецкой округе не являются чем-то исключительным и феноменальным. Появившись во 2-й половине XIV в. в бассейне Быстрой Сосны, они отражают серьезную трансформацию в жизни многих народов этого времени в Восточной Европе и находят аналогии на других территориях [Грибов, 2007; 2008; Гурьянов, Шинаков, 2016; Поляков, Чубур, Брешков, 2013].

Библиографический список

Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере : в 3 т. / отв. Н.А. Макаров. М., 2007.

Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере : в 3 т. / отв. Н.А. Макаров. Т. 2. Материальная культура и хронология [ред. С.Д. Захаров]. М., 2008.

Гончаров Е.Ю. Нумизматические находки как источник для изучения формирования локальных финансовых систем (Елецкие земли XIV–нач. XV вв.) // На степном пограничье: Верхний Дон в истории средневековой России. Елец, 2011. С. 11–22.

Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV вв. района Куликова поля : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

Грибов Н.Н. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII – XIV вв. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы науч. семинара. Вып. 1. М., 2007. С. 58–67.

- Грибов Н.Н. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // *Сельская Русь в IX–XVI веках*. М., 2008. С. 253–264.
- Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А. Вооружение конца XII – начала XIV вв. с территории Среднего Подесенья и кросс-культурные контакты (в свете монгольского нашествия) // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2016. №5. С. 143–155.
- Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. 496 с.
- Клянин Р.В. Находки предметов вооружения с городища летописного города Корнике // *Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия*. Тула, 2000. С. 123–133.
- Кутасов П.А. Предметы вооружения из раскопок Деснинского селища // *Археология Подмосквья : материалы науч. семинара*. Вып. 4. М., 2008. С. 222–225.
- Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. 542 с.
- Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV– первой половине XV вв. М., 2008.
- Макаров Н.А. Средневековое расселение в Суздальском ополье: новые результаты и перспективы исследований // *Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы науч. семинара*. Вып. 2. М., 2008. С. 3–22.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н. О находках энколпионов на суздальских селищах // *Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы науч. семинара*. Вып. 2. М., 2008. С. 137–146.
- Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников. XII–XV века. Исследования, тексты, комментарии. М., 2005. 438 с.
- Моргунов Ю.Ю. Сампсониев Остров. Пограничная крепость на Посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках. М., 2003. 187 с.
- Поляков Г.П., Чубур А.А., Брешков Р.В. Владельческое сельцо-замок Лопошь в XI–XVII вв. по данным письменных источников и археологии (предварительное сообщение) // *Русский сборник*. Вып. 7. Брянск, 2013. С. 69–78.
- Савельев Н.И., Сергеев А.Ю., Чернов С.З. Усадьба служилого человека 1540–1550-х годов на посаде Радонежа по данным раскопок 2014 года // *Археология Подмосквья : материалы науч. семинара*. Вып. 12. М., 2012. С. 299–332.
- Тропин Н.А. Раскопки усадьбы воеводы начала XII – середины XIII вв. на Лавском археологическом комплексе (Предварительная информация о работах 2009–2014 гг.) // *Археология евразийской лесостепи – степи*. Воронеж, 2016а. С. 119–134.
- Тропин Н.А. Повседневные вещи жителей владельческого села второй половины XIV – первой половины XV вв. Елецкой округи // *Русский сборник*. Брянск. 2016б. С. 144–150.
- Тропин Н.А., Гончаров Е.Ю. Монетные костяные весы из раскопок Елецкой округи // *Древности Поочья*. Рязань, 2016. С. 224–230.
- Чернов С.З. Исторический ландшафт окрестностей Троице-Сергиева монастыря и его семантика // *Памятники культуры. Новые открытия : ежегодник 1999*. М., 2000. С. 655–707.
- Чернов С.З. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV в. // *Археология Подмосквья : материалы науч. семинара*. М., 2004. С. 245–284.
- Чернов С.З. Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты : в 3 т. Т. 2. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы. М., 2005. 651 с.
- Шеков А.В. Верховские княжества XIII – середины XVI вв. М., 2012.
- Шинаков Е.А., Новожеев Р.В. Лопошь: погост или частновладельческое село? // *Вестник Орловского государственного университета*. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2013. №3 (32). С. 56–59.
- Шполянский С.В. Суздаль и сельские поселения его округи во второй половине XIII – XV в. (по материалам исследований последних лет) // *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда*. СПб. ; М. ; В. Новгород, 2011. С. 203–204.
- Шполянский С.В. Предметы вооружения и конского снаряжения X – первой половины XII вв. из Суздаля и сельских поселений Суздальского ополья // *РА*. 2017. №1. С. 150–167.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ВДИ – Вестник древней истории
ГИМ – Государственный исторический музей
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КНР – Китайская Народная Республика
КОРГО – Красноярский Подотдел Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЭ – Материалы по археологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (книжная серия)
НГУ – Новосибирский государственный университет
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РНФ – Российский научный фонд
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СамГУ – Самарский государственный университет
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ТГУ – Томский государственный университет
ФИЦ УУХ – Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

<i>Аникеева О.В.</i> «Египетский» импорт в курганах Филипповского могильника	5
<i>Берлина С.В., Цембалюк С.И.</i> Городище Дикая яма эпохи раннего железа в лесостепном Зауралье	10
<i>Богданов Е.С., Астафьев А.Е.</i> Алтари Северо-Восточного Прикаспия (ранний железный век): постановка проблемы	13
<i>Герман П.В.</i> К проблеме периодизации тагарской культуры: этап и тип	19
<i>Дьяков В.И., Дьякова О.В.</i> Курганные памятники Приморья эпохи раннего металла (география, классификация, происхождение)	25
<i>Завьялов В.И., Терехова Н.Н.</i> Каменское городище в контексте истории железообработки в Скифии	30
<i>Кобелева Л.С.</i> Керамические комплексы раннескифского времени Центральной Барабы	33
<i>Кокуркина О.В.</i> Проблема зарождения ранних диагональных погребений и пути миграций номадов, практиковавших данный обряд	37
<i>Лихачева О.С.</i> Типология кинжалов каменной культуры	40
<i>Мандрыка П.В.</i> Культуры южной тайги Средней Сибири в тагаро-таштыкское время	44
<i>Мыльников В.П.</i> Изучение деревянных артефактов скифского времени из курганных погребений на Алтае и сопредельных территориях: подходы и методы	47
<i>Рябкова Т.В.</i> Взаимодействие кочевого и оседлого населения Закубанья по материалам разменных курганов и поселения Тарасова Балка	52
<i>Сиротин С.В.</i> Памятники V–IV вв. до н.э. Зауральской Башкирии в контексте трансформации культуры ранних кочевников Южного Урала	56
<i>Тишкин А.А., Матренин С.С.</i> Детали конской узды из курганов хуннуского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай): хронологический аспект	60
<i>Фролов Я.В.</i> Проблемы культурной интерпретации памятников скифского времени западной и восточной частей юга Обь-Иртышского междуречья	65
<i>Челякин Ю.П.</i> Предкулайский этап в раннем железном веке таежной зоны Западной Сибири	69

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

<i>Батченко В.С., Клемешов А.С., Малышев А.А.</i> Политические центры юго-восточной периферии азиатского Боспора	75
<i>Ковалевская Л.А.</i> Херсонес Таврический и его хора в I в. н.э. (по результатам археологических раскопок последних лет)	77
<i>Колосов В.П.</i> Динамика поступления амфорной тары на Боспор Киммерийский в VI–III вв. до н.э., по материалам раскопок Мирмекия 2008–2016 гг.	80
<i>Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.</i> Редкие типы сосудов для масла из меотских памятников правобережья Кубани	83
<i>Струкова Е.В., Ушаков С.В.</i> Сероглиняная керамика с черным покрытием из Херсонеса. I. Кувшины	88
<i>Ушаков С.В.</i> Херсонес Таврический в позднеантичный период (IV–VI вв.)	92
<i>Четверкина Е.В.</i> Типологический и хронологический анализы античной кухонной посуды Мирмекия	96

КОЧЕВЬЕ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Бакшеева С.Е.</i> Черепица Кондуйского городка в Забайкальском крае	101
<i>Варенов А.В.</i> Погребальные памятники кочевых культур скифо-сакского времени в Северном Китае	104
<i>Выборнов А.В., Скобелев С.Г., Грачев И.А., Чертыков В.А.</i> Погребения поздних кочевников юга Приенисейского края	108
<i>Дашковский П.К.</i> Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II)	112
<i>Крадин Н.Н.</i> Кому принадлежали города монгольского времени в Забайкалье?	117
<i>Митько О.А.</i> Кресала в «дружинных» погребениях енисейских кыргызов	120
<i>Николаев Н.Н., Миняев С.С.</i> Исследование княжеского кургана хунну в пади Оргойтон в Забайкалье	124
<i>Савинов Д.Г.</i> Волчьи знамена на Великом шелковом пути	128
<i>Серегин Н.Н.</i> Погребальный обряд тюрок Монголии (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация	133
<i>Тишкин А.А., Матренин С.С.</i> Относительное и абсолютное датирование курганов погребального комплекса сяньбийско-жужанского времени Степушка-I (Центральный Алтай): корреляция результатов	136
<i>Харинский А.В.</i> Городища-святилища в структуре сакральных представлений народов Северо-Восточной Азии	142
<i>Худяков Ю.С.</i> Оружие ближнего боя кыргызов Тянь-Шаня в эпоху позднего средневековья и Нового времени (древковое колющее и ударное вооружение)	147

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Асташенкова Е.В., Гельман Е.И.</i> Городская культура Бохая	153
<i>Берлина С.В., Костомаров В.М., Рафикова Т.Н., Новиков И.К., Ткачев А.А.</i> Средневековые жилища Исетского-2 поселения	156
<i>Гельман Е.И.</i> Фортификационные сооружения бохайских городищ	161
<i>Гоняный М.И.</i> Предварительные итоги археологических разведок с использованием детекторов металла на Устьинском археологическом комплексе на Куликовом поле	165
<i>Зеленков А.С.</i> Статистический анализ раннесредневековых погребений лесостепной и подтаежной зон Зауралья	170
<i>Каравашкина Е.А.</i> Сравнительный анализ орнаментальных традиций населения неволинской культуры на памятниках Среднего Поволжья (на примере поселений Подгоры-I и Ош-Пандо-Нерь)	174
<i>Клюев Н.А.</i> Городище Кокшаровка-1 и погребальный комплекс Кокшаровка-8 в Приморье: итоги исследований	178
<i>Кудряшов А.В.</i> Могильник конца I тыс. н.э. комплекса Усть-Сойда в Западном Белозерье	182
<i>Кызласов И.Л.</i> Храмовый городской центр на реке Абакан. Вторая половина VIII – начало XIII в. (раскопки Л.Р. и И.Л. Кызласовых)	187
<i>Леонтьев А.Е.</i> Раннесредневековое городище Выжегша по результатам исследований 2016 г.	190
<i>Макаров Н.А., Зайцева И.Е.</i> Кресты-энколпионы с чернью из Суздальского Ополья	193
<i>Матвеева Н.П.</i> Варианты обрядности «захоронение с конем» эпохи средневековья в Среднем Притоболье	198
<i>Меньшиков М.Ю.</i> Тамги эпохи средневековья и Нового времени на керамической посуде бассейна р. Мзымта (среднее и верхнее течение)	200

<i>Нестеров С.П.</i> Динамика населения юго-восточной части Западного Приамурья в неолите, раннем железном веке и средневековье (по материалам памятника Озеро Долгое)	205
<i>Новиков А.В., Новикова О.И.</i> Ритуальные комплексы городища Усть-Войкарское: археологические факты и этнографические реалии	209
<i>Ожередов Ю.И.</i> Ритуальное дерево в погребальном обряде палеоселькупов Приобья (по материалам археологии)	212
<i>Пискарева Я.Е.</i> Градостроительство мохэских племен Приморья	216
<i>Столярова Е.К.</i> Стекланные украшения курганного могильника Новоселки-2	220
<i>Цетлин Ю.Б., Холошин П.Р.</i> Анализ форм сосудов Подболотьевского могильника во Владимирской области с позиций историко-культурного подхода	225
<i>Чернецов А.В.</i> К изучению древнерусских знаков собственности	228
<i>Шполянский С.В.</i> Суздальское Ополье до и после монгольского нашествия: преемственность и трансформации в материальной культуре сельского населения во 2-й половине XII – 1-й половине XV в.	234

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

<i>Андрианова Л.С., Васильева Н.Б.</i> Археологическое изучение Чаронды	239
<i>Гайдуков П.Г., Олейников О.М.</i> Новые находки западноевропейских товарных свинцовых пломб в Великом Новгороде	242
<i>Коваль В.Ю.</i> «Малые города» средневековой Руси: особенности материальной культуры	246
<i>Олейников О.М.</i> Новгородский детинец (новые данные по исторической топографии)	251
<i>Фараджеева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г.</i> Улицы Троицкого раскопа Великого Новгорода (топография, стратиграфия, хронология)	254

АРХЕОЛОГИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

<i>Бадеев Д.Ю.</i> Планировка средневекового Болгара: новые данные (по материалам археологических исследований 2011–2016 гг.)	260
<i>Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.</i> Центральный базар города Болгара – итоги изучения в 2011–2016 гг.	265
<i>Василиненко Д.Э.</i> Газария за пределами Газарии: к вопросу о характере и интенсивности торговых контактов местного населения Северо-Восточного Причерноморья с итальянскими торговцами	269
<i>Губайдуллин А.М.</i> О некоторых закономерностях развития военного зодчества в эпоху средневековья	274
<i>Дружинина И.А., Лысанов В.Л., Малышев А.А., Медникова М.Б.</i> Грунтовые погребения в каменных ящиках в долине р. Бедричка: новые материалы о населении Северо-Западного Кавказа в эпоху Золотой Орды	278
<i>Нарожный Е.И., Соков П.В.</i> Предметы вооружения из культурного слоя поселений Железнодорожное-1 и 2 (XIII–XV вв.) (Крымский район Краснодарского края)	283
<i>Пигарёв Е.М.</i> Дельта Волги в XIII–XV вв.	287

МОСКВА – СИБИРЬ: ОТ ЦАРСТВА ДО ИМПЕРИИ (XVI–XIX ВВ.)

<i>Берлина С.В., Цембалюк С.И., Аношко О.М.</i> От древних крепостей до первой столицы Сибири: урбанизационные процессы в лесостепном Зауралье	292
<i>Визгалова М.Ю.</i> О забытом материале археологических находок. «Балбера» и балберный промысел в XVI–XVIII вв. (по раскопкам татарской (деревянной) слободки острова-града Свяжска)	295

Громова М.В. Находки сосудов из каменной массы XVII–XIX вв. из раскопок Санкт-Петербурга	298
Лихтер Ю.А. Стекланные изделия в Москве – находки археологической службы Москвы (1989–2015 гг.)	301
Татауров С.Ф. Один из аспектов использования дерева в городе Таре в XVII–XVIII вв.	304
Татауров Ф.С. Реконструкция социально-культурного облика русского населения Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII в. по археологическим материалам	307
Татаурова Л.В. Археология русских Сибири в XXI в.: подходы, методы, результаты	311
Тороцин А.Г., Торощина Н.В., Чернова И.В. Опыт сопоставления данных селькупского кладбища Варгананжино с архивными и экспедиционными материалами, методика их интерпретации	314
Тропин Н.А. Неукрепленные поселения XIV–XV вв. военного характера: критерии их выделения и интерпретация	318
Список сокращений	323

Научное издание

Ответственные редакторы:
академик РАН А.П. Деревянко;
доктор исторических наук, профессор А.А. Тишкин

Редакционная коллегия тома:
Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков, В.В. Горбунов, А.Р. Канторович, В.Ю. Коваль,
В.Д. Кузнецов, В.А. Лапшин, А.Е. Леонтьев, Н.А. Макаров, А.А. Малышев,
А.А. Масленников, С.П. Нестеров, Н.В. Полосьмак, Д.Г. Савинов, Л.В. Седикова,
В.В. Седов, А.Г. Ситдилов, А.И. Соловьев, А.Д. Таиров, А.В. Чернецов, М.П. Чёрная

**ТРУДЫ V (XXI) ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА
в Барнауле – Белокурихе**

Сборник научных статей

Том II

Редактор: Е.М. Федяева
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 15.11.2017. Печать офсетная.
Шрифт Times New Roman. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 37,65.
Тираж 300 экз. Заказ 393.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»:
656099, Барнаул, пр-т Красноармейский, 98а /ул. Мерзликина, 10.
Тел. 8 (3852) 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru